

**ИНСТИТУТ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО**

**СОВЕТ
ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО**

Е.В. Анисимов, профессор НИУ Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге, научный руководитель Института Петра Великого

В.Е. Багно, научный руководитель Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Г.В. Вилинбахов, заместитель директора Государственного Эрмитажа

Д.Ю. Гузевич, сотрудник Школы высших социальных исследований, Париж

Е.Я. Кальницкая, генеральный директор Государственного музея-заповедника «Петергоф»

А.В. Кобак, директор Фонда имени Д.С. Лихачёва, председатель совета Института Петра Великого

А.Н. Колякин, директор Государственного музея истории Санкт-Петербурга

Н.Л. Корсакова, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

О.Л. Лейкинд, заместитель директора Фонда имени Д.С. Лихачёва

М.Б. Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа

И.Ф. Свидерская, руководитель Института Петра Великого

Е.А. Смирнова, директор Института культурных программ

Ю.К. Чистов, научный руководитель Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Институт Петра Великого

ЕВРОПЕЙСКИЕ МАРШРУТЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

К 300-летию визита Петра I
во Францию

Материалы
IX Международного петровского конгресса

*Париж–Реймс
20–22 апреля 2017 года*

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ
Санкт-Петербург
2018

ОРГАНИЗАТОРЫ ORGANISATEURS

Министерство культуры Российской Федерации
Ministère de la Culture de la Fédération de Russie

Посольство Российской Федерации во Франции
Ambassade de la Fédération de Russie en France

Государственный Эрмитаж
Musée d'État de l'Ermitage

Государственный музей-заповедник «Петергоф»
Domain national de Peterhof

Институт Петра Великого
Institut Pierre le Grand

Фонд имени Д.С. Лихачева
Fondation Dmitri Likhachev

Лаборатория Eur'Orbem (CNRS-Paris-Sorbonne)
Laboratoire Eur'Orbem (CNRS-Paris-Sorbonne)

Центр Мориса Альбвакса (ENS-CNRS-EHESS)
Centre Maurice Halbwachs (ENS-CNRS-EHESS)

Лаборатория «Идентичность. Культура. Территории»
Университета Париж Дидро, Париж 7
Laboratoire ICT (Identités Cultures Territoires)
de l'Université Paris Diderot, Paris 7

ПАРТНЁРЫ PARTENAIRES

ПАО «Газпром»
Gazprom

Издательско-торговый центр АО «Марка»
Centre d'édition et de commerce «Marka»

АО «Гознак»
Goznak

Информационное агентство «Интерфакс Северо-Запад»
Agence de presse «Interfax Nord-Ouest»

Генеральное консульство Франции в Санкт-Петербурге
Consulat général de France à Saint-Petersbourg

Французский институт в России
Institut français de Russie

Мэрия Реймса
Mairie de Reims

Дом шампанского Тэтэнже
Maison de Champagne Taittinger

Кафедра ЮНЕСКО по технологии и культуре
Политехнического университета Каталонии (Барселона)
Chaire UNESCO de la Technologie et de la Culture,
Université polytechnique de Catalogne (Barcelone)

Датский институт культуры в Санкт-Петербурге
Institut culturel danois à Saint-Petersbourg

Издано при поддержке
ПАО «Газпром»

Составители:

Д.Ю. Гузевич, А.В. Кобак, М.В. Петрова

Подготовка текста, указатель имён:

Г.Б. Богуславская

Европейские маршруты Петра Великого: К 300-летию визита Петра I во Францию. Материалы IX Международного петровского конгресса. *Париж–Реймс, 20–22 апреля 2017 года.* — Санкт-Петербург — Издательство «Европейский Дом» — 2018 — 464 с., илл.

Itinéraires Européens de Pierre le Grand. A l'occasion du tricentenaire de la visite du tsar en France. Matériaux du IXe Congrès international pétrovienn. *Paris–Reims, 20–22 avril 2017.* — Saint-Petersburg — “Europeyskiy Dom” — 2018 — 464 p., ill.

ISBN 978-5-8015-0392-9

© Институт культурных программ, 2018

© Фонд имени Д.С. Лихачёва, 2018

© Издательство «Европейский Дом», 2018

Содержание

Предисловие	10
<i>Е. В. Анисимов</i> (Санкт-Петербург). Спасибо, государь!	13

ВТОРОЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕТРА I

<i>Д. Ю. Гузевич, И. Д. Гузевич</i> (Париж). Путешествующий царь, или в поисках имперских одежд	18
<i>С. А. Мезин</i> (Саратов). Необыкновенное путешествие: Актуальные проблемы изучения визита Петра I во Францию	32
<i>П. Демуи</i> (Реймс). Пётр I в Реймсе, 22 июня 1717 года. Пер. с франц. <i>М. Г. Щербины</i>	43
<i>М. Шиппан</i> (Берлин). Путешествие Петра I по немецким землям в 1716–1717 годах. Пер. с нем. <i>И. Б. Микиртумова</i>	50
<i>Приложение</i> . Хронология поездок Петра I	68
<i>В. Л. Степанов</i> (Москва). Пётр I в Спа в июне–июле 1717 года: Лечение, досуг, государственные дела, памятные петровские места	72

ДИПЛОМАТИЯ НА ФОНЕ НЕЗАВЕРШЁННОЙ ВОЙНЫ

<i>В. Н. Захаров</i> (Москва). Вопросы внешнеторговой политики в ходе путешествия Петра I в зарубежную Европу в 1716–1717 годах	80
<i>Ю. Г. Акимов</i> (Санкт-Петербург). Визит Петра I в Париж, и европейская политика того времени: Системный анализ	90
<i>Э. Кросс</i> (Кембридж). Взгляд из-за Ла-Манша: Пребывание Петра I в Париже в контексте англо-российских отношений. Пер. с англ. <i>Д. А. Прияткина</i>	99
<i>М. Г. Талалай</i> (Милан). Католический фактор внешней политики Петра I и его визит во Францию в 1717 году	108
<i>В. В. Аристов</i> (Будапешт). Европейское путешествие Петра I в 1711 году: Венгерская тема в дипломатических отношениях России и Франции	118

<i>И. Шварц</i> (Вена). Наследник русского престола Алексей в парижском пасьянсе царя	133
<i>О. Г. Агеева</i> (Москва). Учреждение русской миссии во Франции в начале XVIII века и её деятельность в области культуры	144

МАЛЫЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

<i>С .А. Иванюк</i> (Волгоград). «Ложное бездействие» – пребывание Петра I в Жолкве (декабрь 1706 – апрель 1707 года)	153
<i>В. А. Писарева</i> (Дрезден). Неделя в Торгау: Пребывание Петра I на свадьбе царевича Алексея и Шарлотты Кристины Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской в октябре 1711 года	165
<i>Н. С. Андреева</i> (Санкт-Петербург). Завершение европейского путешествия Петра I в 1711 году. Визит в Эстляндию	181

АРХИТЕКТУРА, ИСКУССТВО, ГАСТРОНОМИЯ

<i>С. В. Клименко</i> (Москва). Французская модель города в проектном плане Петербурга Жана-Батиста Александра Леблон 1717 года	190
<i>П. В. Петров</i> (Санкт-Петербург). Пётр I и королевская резиденция в Марли-Ле-Руа: К истории создания дворца и каскада Марли в Петергофе	207
<i>Б. М. Соколов</i> (Москва). Наследие Андре Ленотра и французское путешествие Петра I	223
<i>А. С. Белоусов</i> (Санкт-Петербург). К вопросу датировки собственноручных рисунков Петра I по планировке Петергофа	232
<i>Л. А. Маркина</i> (Москва). Французский взгляд на русского царя: Изображения Петра I в собраниях России и Франции	240
<i>Е. А. Андреева</i> (Санкт-Петербург). Второе европейское путешествие Петра I, организация производства фаянсовых изделий в России и секрет европейского фарфора	250
<i>Р. В. Реброва</i> (Санкт-Петербург). Кто привёз вино Эрмитаж в Эрмитаж?	263
<i>А. В. Крайковский</i> (Санкт-Петербург). «Устерсы» для нашего моря. Впечатления заграничных путешествий и проекты европеизации потребления рыбы и морепродуктов в Российской империи в XVIII веке	272

НАУКА И ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕРРИТОРИЙ

- М. Р. Массе-Эстеве* (Барселона). Встречи Петра I и Лейбница в 1711, 1712 и 1716 годах. Пер. с франц. *М. Г. Щербины* 280
- Д. А. Баюк, О. Б. Фёдорова* (Москва). Встреча Петра I с Гийомом Делилем в Париже и участие иезуитов в картографировании Дальнего Востока 292
- К. Демёленэр-Дуйер* (Париж). Анкета Регента во Франции (1716–1718). Была ли она источником вдохновения для правительства Петра I? Пер. с франц. *М. Г. Щербины* 301
- Г. И. Смагина* (Санкт-Петербург). От европейских путешествий Петра к российским путешествиям европейцев: Научное познание России до создания Петербургской Академии наук 310

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ О ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВИЯХ ПЕТРА I

- М. П. Лепёхин* (Санкт-Петербург). О пребывании Петра I в Париже в 1717 году и о создании Библиотеки Академии наук 316
- Т. А. Лантева* (Москва). Накануне визита Петра I во Францию: Переписка К.Н. Зотова и Ж. Лефорта 332
- М. В. Николаева* (Москва). Приходо-расходные книги как источник по истории Второго европейского путешествия Петра I 342
- С. Ариембо* (Париж). Свидетельства герцога д'Антена о визите Петра I 357
- Н. Ю. Болотина* (Москва). Царица и супруга: Екатерина Алексеевна во втором европейском путешествии Петра I 375
- Н. Б. Карданова* (Генуя). Итальянские маршруты дипломатического послания Петра I: Царские грамоты в Венецию и Флоренцию 388
- о. Алексей Ястребов* (Венеция). «Дабы на то смотря и другие их братья Армяня и других народов купецкие люди заохочены были то купечество чрез наши земли в Персиду отправлять». Грамота Петра I Питеру Абро 402
- Список сокращений 408
- Указатель имён 410

Предисловие

В сборнике публикуются статьи, подготовленные участниками IX Международного петровского конгресса «Европейские маршруты Петра Великого: К 300-летию визита Петра I во Францию». Среди авторов — историки и искусствоведы из Санкт-Петербурга, Москвы, Волгограда, Саратова, Ямбурга (Кингисеппа), Парижа, Реймса, Берлина, Дрездена, Барселоны, Будапешта, Вены, Кембриджа, Милана, Венеции, Генуи.

Петровские конгрессы проходят в Санкт-Петербурге ежегодно и посвящены изучению петровской эпохи, сохранению и популяризации петровского наследия, развитию культурного туризма. В 2017 году Петровский конгресс впервые состоялся за пределами Петербурга — во Франции.

Конгресс проводился под эгидой Министерства культуры РФ и Посольства России во Франции.

Торжественное открытие конгресса состоялось 20 апреля 2017 года в Российском духовно-культурном православном центре в Париже. В открытии приняли участие специальный представитель Правительства Франции по развитию связей с Россией Жан-Пьер Шевенман, постоянный секретарь Французской академии Элен Каррер д'Анкос, постоянный секретарь Академии наук Катрин Брешиньак, постоянный секретарь Академии надписей и изящной словесности Мишель Зинк и другие.

Среди почётных гостей конгресса была делегация Астраханской области, которой в 2017 году исполнилось 300 лет. Вернувшись из Европы, осенью 1717 года Пётр I подписал указ об образовании Астраханской губернии.

На пленарном заседании состоялась торжественная церемония вручения знамени Международной петровской программы «Путь Петра Великого» двум городам — Парижу и Астрахани. Эта традиционная церемония возникла в 2008 году для укрепления культурных и научных связей между петровскими городами.

На одном из пленарных заседаний конгресса состоялась презентация новых книг, посвящённых Второму европейскому путешествию Петра I.

Масштабная интерактивная выставка «1717: Царь в Париже. К 300-летию визита Петра Великого во Францию» была открыта 20 апреля в выставочных залах Российского духовно-культурного православного центра. Её совместно подготовили Государственный музей-заповедник «Петергоф» и Посольство России во Франции. Экспозицию открыли Посол России во Франции Александр Орлов и генеральный директор музея-заповедника «Петергоф» Елена Кальницкая.

Торжественная церемония открытия Международного петровского конгресса завершилась посадкой берёзы на территории Российского духовно-культурного православного центра. В событии приняли участие граф Пётр Шереметев, Посол России во Франции Александр Орлов, генеральный директор Музея-заповедника «Петергоф» Елена Кальницкая, директор Фонда имени Д. С. Лихачёва Александр Кобак, министр культуры и туризма Астраханской области Галина Зотева.

Делегацию конгресса приняли руководители трёх (из пяти существующих) Академий Франции — Французской Академии, Академии наук, Академии надписей и изящной словесности. В знаменитом здании Института Франции на набережной Сены была открыта выставка «Посещение Петром I французских королевских академий», на которой представлены редкие архивные документы и материалы, связанные с избранием Петра Великого в члены Французской академии.

Третий день работы конгресса — 22 апреля 2017 года — проходил в городе Реймсе. На приёме для участников конгресса мэр города Арно Робинэ отметил значимость многовековых отношений между Россией и Францией, берущих начало ещё с правления Ярослава Мудрого: «Это славное прошлое нас обязывает, мы как политические деятели должны чувствовать своим долгом это прошлое укреплять и развивать. Следуя примеру Петра I, давайте не будем бояться и повернёмся друг к другу как естественные союзники. Мы должны вернуть “оси” Париж—Москва былое величие».

В Реймсе состоялась торжественная церемония вручения этому городу знамени Международной петровской программы «Путь Петра Великого». Заседание конгресса проходило в готическом особняке графов Шампанских, построенном в XIII веке.

Уникальный подарок подготовил Конгрессу Дом шампанского Тэтэнже. Уезжая из Франции, 22 июня 1717 года Пётр посетил

Реймс, где спустился в винные подвалы аббатства Сен-Никоз, ныне принадлежащие Дому Тэтэнже. Там не забыли о визите русского царя, установили мемориальную доску и витраж с его изображением. К конгрессу Дом шампанского Тэтэнже выпустил юбилейную партию шампанского, посвящённую визиту Петра Великого в Реймс.

Юбилейная медаль к 300-летию визита Петра Великого во Францию во время торжественного приёма в Резиденции Посла России была вручена французским и российским общественным деятелям, которые оказали поддержку в подготовке конгресса и активно участвуют в Международной петровской программе.

Наконец, для участников Конгресса была впервые проведена экскурсия «Париж Петра Великого».

IX Международный петровский конгресс был посвящён 300-летию визита Петра I во Францию и началу официальных русско-французских дипломатических отношений. Этот визит положил начало формированию общего русско-французского культурного пространства, которое развивалось в последующие века вплоть до нашего времени.

Пётр пригласил в Россию множество архитекторов и мастеров, которые во многом определили облик петровского Петербурга и пригородных дворцовых резиденций.

Вслед за архитекторами, художниками, резчиками, кузнецами, паркетчиками последовал «учёный десант», устремившийся в основанную Петром Петербургскую Академию наук. Не следует забывать о французских портных, поварах, кондитерах, которые сотнями приезжали на заработки в Россию. Образ француза-учителя стал привычным для русской жизни, без такого наставника многим русским дворянам образование казалось недостаточным.

За всем этим стоит фигура Петра с его неистощимой энергией, неуёмной жаждой постижения нового. Он открыл для себя и для России Францию, а Франция открыла в его лице Россию. И это было несомненным взаимным благом. Европейские путешествия Петра создают уникальную «территорию памяти», формируют наше общее с Европой пространство совместной истории.

Проведение петровского конгресса в Париже призвано привлечь внимание российских и зарубежных исследователей к дальнейшему изучению европейских путешествий Петра I, их значению для будущего России и для ее долгосрочных отношений с Европой.

А. В. Кобак

Директор Фонда имени Д. С. Лихачёва

Евгений Викторович Анисимов

(Санкт-Петербург)

*Профессор НИУ Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге,
научный руководитель Института Петра Великого*

Спасибо, государь!

Триста лет назад, весной 1717 г., Пётр I жил в Амстердаме — в Голландию он приехал с частным визитом ещё осенью 1716 года. Царь вроде бы уже собирался домой, в Россию, как вдруг отправился совсем в другую сторону — во Францию, в Париж. И этот очередной каприз Петра (вспомним, что Н. М. Карамзин и Санкт-Петербург назвал «капризом Петра Великого») оказался необыкновенно важен для России, для Петербурга, для нас, ныне живущих.

Вообще-то отношения двух стран были традиционно плохими, часто враждебными: стоит напомнить, что с Францией Россия воевала шесть раз! — только с Турцией больше. Было много причин для взаимных неудовольствий и распрей. Главная состояла в том, что Франция постоянно поддерживала Польшу и Турцию, а с ними у имперской России были свои счёты. Несмотря на такой крайне неблагоприятный общеполитический фон, французское культурное влияние на Россию XVIII в. было огромным, порой подавляющим, в сравнении с влиянием голландской, английской, немецкой и итальянской культур. По масштабам и глубине это французское воздействие на Россию в XVIII в. можно сравнить только с американским влиянием в XX в. даже в тех странах, которые гордятся своим последовательным антиамериканизмом.

Это не парадокс и не случайность, ибо речь идёт о влиянии культуры (в последнем случае — массовой культуры), различных культурных практик, языка, искусства, идей и образов — всего того, что не боится грозной пограничной (а пуше — таможенной!) стра-

жи. Такое влияние легко переселяется из головы в голову, поскольку определяется не указами и регламентами, а здравым смыслом, прагматизмом, законами эстетики, всепобеждающей модой и аппетитом...

Как бы то ни было, во времена Петра I и Людовика XIV отношения между странами были весьма прохладные, если не сказать ледяные. Однако в 1714 г. «король-солнце» умер и на престоле оказался его пятилетний правнук Людовик XV, а регентом стал Филипп Орлеанский. Русские дипломаты, почувствовав, что в Версале подул новые ветры, рекомендовали Петру попробовать наладить отношения с Францией — от неё очень многое зависело в европейских делах, а России хотелось наконец закончить длившуюся почти два десятилетия войну со Швецией. Они полагали, что Франция могла, пользуясь своим влиянием, стать посредником в достижении желаемого Петром мира. Увы, надежды эти не оправдались — слишком разными были интересы сторон, но всё это ушло на задний план. Пётр отправился в Париж, и эта поездка изменила нашу историю и нашу судьбу.

Он въехал в столицу Франции в конце апреля, когда всё цвело в её многочисленных садах и парках. Конечно, это был ещё старый Париж, до его перестройки времён Наполеона, но и тогда он был великим, многолюдным городом — истинной мировой столицей. Визит русского царя привлёк всеобщее внимание французов. К тому времени Пётр достиг огромных успехов и превратил Россию из глухой, провинциальной страны в могучую державу, с которой следовало считаться. Да и о самом Петре уже тогда ходили легенды как о человеке необычайном, в высшей степени оригинальном и умном. И Пётр подтвердил свою репутацию уже тем, что повёл себя в Париже совсем не так, как было принято всегда: официальные визиты, балы, приёмы.

Для начала государь отказался поселиться в Лувре, а устроился в довольно непритязательном отеле (особняке) Ледигьер, причём жил там весьма скромно, как, собственно, привык жить всегда. Правда, одно поразило французов — по его приказу на берегу Сены была быстро построена баня, без которой царь, как и положено русскому человеку, не мог обходиться. Впрочем, не это потрясло сопровождавших Петра французских вельмож. Люди из окружения царя представили им план того, что хотел бы посмотреть русский монарх. В этом списке были не только экскурсии по городу, но и масса объектов, куда обычно не заглядывали высокопоставленные визитёры: мануфактуры, арсеналы, музеи, картинные галереи, монетный двор, ботанический сад и т.д.

Причём, это не были просто ознакомительные экскурсии, как бывает ныне, когда вельможа снисходительно слушает рассказ заикающегося от волнения директора у какой-нибудь модели и затем величественно следует дальше. Нет, Пётр часами проводил в литейных, мастерских плотников и столяров, выпрашивал подробности у мастеров, порой сам брался повторить то, что делали они, будь то чеканка медалей, плетение ковра на знаменитой фабрике гобеленов или на фарфоровой мануфактуре в Севре. Этот владыка огромной страны с пронзительным взглядом и мозолистыми руками поражал французов своими глубокими знаниями техники, необыкновенной любознательностью, умением понять суть вещей, найти нужные слова для содержательного разговора и очень естественной простотой и сердечностью.

Он часами проводил в картинных галереях, ботаническом саду, рассматривая произведения искусства и коллекции, засыпал вопросами сопровождавших и постоянно что-то записывал и срисовывал. Несколько раз бывал в Парижской обсерватории и скрупулёзно разглядывал через телескоп звёздное небо, а однажды, оторвавшись от окуляра, задумчиво произнёс: «Бесконечен звездный мир, что свидетельствует о бесконечности Бога и его непознаваемости людьми. Светские науки далеко еще отстают от познания творца и его творения». Между прочим, даже теперь многие физики (а не только простые люди) думают так же. А как он наслаждался, подолгу бывая в Версале и других садах, ибо садовое искусство было его слабостью, как мечтал перенести всё лучшее из Франции в свой Петербург, который называл в письмах на французский манер «парадиз» — рай!

С учётом всего этого, можно понять тех специалистов разных профессий, которых русские дипломаты начали, по воле Петра, приглашать в Россию работать. Они видели, *какой* государь их приглашает, их прельщало новое дело, да и обещанные большие гонорары. И многие согласились поехать в далёкую страну с надеждами и мечтаниями о лучшей жизни. Заметим, что большинство согласившихся были гугенотами, которых притесняли в католической Франции, так что для них отъезд в Россию был спасением от гонений, а то и тюрьмы или костра. Визит Петра положил начало своеобразной французской экспансии в новую русскую столицу.

«Вождём» этого массового движения (речь идёт о сотнях мастеров) стал выдающийся архитектор Жан-Батист Александр Леблон, ученик строителя парка Версаля Андре Ленотра. Пётр, человек осторожный, недоверчивый, был, тем не менее, в восторге от Леблona. Он писал о нём Меншикову: «Сей мастер есть из лучших в свете и прямою диковенкою есть, к тому же не лениф, доброй гуморы есть

человек, также кредит великой имеет мастеровых во Франции». Царь сразу же заказал Леблону проект строительства «Стрелинской мызы огороду» — будущего, как думал Пётр, русского Версаля.

Прибывших в Петербург французов встречали, как и было написано в указе Петра, «ласково», селили в готовых домах на Васильевском острове и вскоре тот квартал, что тянется от Невы за нынешней Академией художеств до Большого проспекта, стал называться «Французеской слободой». Здесь образовалась колония французов самых разных профессий: художников, литейщиков, столяров, резчиков, слесарей, врачей, поваров, скульпторов и так далее. Теперь, идя по узкой улочке Репина, думаешь о них — отважных французах, поселившихся когда-то здесь, на краю ойкумены.

За первым «десантом» последовали второй, третий. За актёрами труппы Шарля Сереньи высадились люди балетмейстера Жана-Батиста Ланде, основавшего балетную школу, которая ныне носит имя Вагановой. Все они селились тут, *на Ваське*, писали домой и приглашали в Россию своих друзей и родственников. Для многих Россия стала второй родиной, вместе с русскими и мастерами других стран они возводили и украшали самый европейский город страны, несли в него культуру своей великой Франции и следы их трудов угадываются во многих чертах Петербурга нынешнего.

В самом деле, смена стиля барокко на классицизм произошла во многом благодаря французским архитекторам во главе с Валлен-Деламотом. Луи Каравакк писал портреты Петра и Екатерины. Изящные решётки на балконах петергофского Эрмитажа сделал француз Г. Белин по рисунку решёток с любимого Петром корабля «Ингерманландия». Всем хорошо известна картина Н. Ге «Пётр допрашивает царевича Алексея в Петергофе». Но мало кто знает, что изображённый художником мраморный «шахматный» чёрно-белый пол Монплезира (с французского — «моё удовольствие») — произведение французского мастера Кардасье, а великолепный плафон — другого француза, Филиппа Пильмана. В Большом дворце до сих пор сохранилась великолепная резьба Э. Фоле и Ж. Мишеля по эскизам французского мастера Николя Пино. С детства петербуржцы помнят трогательный петергофский «фабольный» фонтан «Фаворитка», в котором по проекту того же Пино лающая собачка гонит по кругу и уже триста лет не может догнать кричающих уток. Таких примеров десятки, если не сотни...

А когда я иду по городу вдоль Невы и вздрагиваю, как и все петербуржцы, от громкого полуденного выстрела с бастиона Петропавловской крепости, то снимаю шляпу и поминаю Осипа Николаевича Делиля. Это он, великий французский астроном Жозеф-Ни-

коля Делиль, приехал по приглашению Петра в Россию, в основанную царём Академию наук, чтобы прославить и себя, и Петербург, и Россию своими открытиями. Ему мы обязаны и этой «пушечной» традицией, без которой уже не можем жить, как и без всего того, что принесли в нашу культуру весёлые французы из мирного «десанта», высадившегося на берег Невы в те давние времена. Благодаря им Санкт-Петербург впитал в себя французскую «кровь» и стал таким красивым и величественным, как Париж.

После Петра пришла галломания (франколюбие), во многом благодаря дочери Петра Елизавете, а потом Екатерине II. Мода *на всё французское* стала распространяться из российской столицы по городам и весям страны. Речь идёт не только об одеждах, парфюмерии, но и, главным образом, об идеях. Минимум три-четыре поколения русских дворян (включая Пушкина, а потом Тургенева) «питались» идеями французского Просвещения. Имена Вольтера, Даламбера, Руссо были святыми для русского мыслящего общества. Даже война 1812 года не уничтожила возвышенного отношения к ценностям культуры Франции. А французский язык был истинным языком светского и даже военного общества — не забудем, что военный совет в Филях, где Кутузов и прочие русские полководцы решали судьбу Москвы, проходил... на французском языке!

Да и позже культурные и человеческие связи с Францией только крепли. Для русского человека Париж и тогда, и теперь остается Меккой культуры и вкуса, наша жизнь с детства не обходится без книг французских писателей (вспомним обворожительного Дюма с его мушкетёрами), без французских импрессионистов мы не мыслим живописи. Без Жана-Батиста Валлен-Деламота (Новая Голландия, Академия Художеств), Жана-Франсуа Тома де Томона (Биржа), Этьена Мориса Фальконе (Медный всадник), Огюста Монферрана (Исаакиевский собор) невозможно представить себе блистательный Петербург.

Париж живёт в нашем сердце всегда и какое счастье, что теперь можно сесть в самолёт и через три-четыре часа уже гулять в Люксембургском саду, сидеть в уютном ресторанчике на Монмартре, бродить по улочкам Латинского квартала и не чувствовать себя в чужом городе. И причиной тому — Пётр, вдруг решивший из Амстердама повернуть на Париж и тем самым связавший навсегда наши страны, города и души.

Спасибо тебе, государь!

ВТОРОЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕТРА I

Дмитрий Юрьевич Гузевич
(Париж)

Сотрудник Центра российских, кавказских и центрально-европейских исследований Школы высших социальных исследований

Ирина Давидовна Гузевич
(Париж)

Сотрудник Центра Мориса Альбвакса Школы высших социальных исследований

Путешествующий царь, или в поисках имперских одежд

Пётр I стоит первым в ряду российских путешествующих государей. Особенно отличился Александр I: «Всю жизнь провёл в дороге, и умер в Таганроге»¹. Много ездил Николай I. Правда, это был уже XIX век, когда путешествия монархов перестали выглядеть чем-то сверхординарным. Павел Петрович в XVIII в. ездил лишь в качестве наследника престола. Пётр же оказался вообще первым русским царём (да и государем тоже — титул с эпохи Ивана III), который покинул пределы своей страны с целью путешествия. Не будем говорить о его постоянных поездках по России, но вне её пределов

¹ Строки эпитафии, приписываемые А. С. Пушкину, но, в действительности, отредактированные молвой.

он провёл в сумме более 8 лет — пятую часть своего активного царствования².

Из современников его рекорд побил лишь Карл XII, который не бывал в собственной столице, Стокгольме, с 1700 г., а погиб он в конце 1718 г. Результат оказался печален: страна, в XVII в. ставшая де-факто европейской империей, близившейся к тому, чтобы превратить Балтийское море во внутреннее озеро, снова откатилась в пределы Скандинавии, превратившись в периферийное европейское государство. В определённом смысле, военные путешествия Карла XII похоронили империю. А вот что дали поездки Петра I? Рассмотрим их подробнее.

Первое — Великое посольство (ВП) в 1697–1698 гг. Целей несколько. Едва ли не основную можно сформулировать как Grand tour — обучение в ходе путешествия. Хотя надо сказать, что оно было необычным для монарха, ибо включало обучение ремеслу — корабельного мастера, навигатора, артиллериста. Были массовые закупки вооружения, инструментов, наём моряков, армейских офицеров, ремесленников.

Считается, что ВП потерпело сокрушительное дипломатическое поражение. Наши выводы были прямо противоположны: посольство, действительно, не достигло официально заявленных целей. Но были ли таковые реально заявленными целями или за ними стояло нечто другое?

Как мы в своё время показали, присутствуя в виде наблюдателей или участников на конференциях, остановивших коалиционные войны XVII в., — Рисвикском конгрессе 1697 года³ и Карловицком конгрессе 1698–1699 гг.⁴, Россия силовым приёмом ввела себя в концерт европейских государств. А Великое посольство послужило основой для смены направления внешней политики государства с южного на северное. Стране было необходимо море, и вместо Чёрного с Азовским она сориентировалась на Балтийское.

Это был императив для окончательного превращения в империю. Вряд ли Пётр формулировал задачу именно в таких выражениях, но тот факт, что моря он добивался, а после получения выхода к

² Благодарим Е. В. Анисимова за этот подсчёт, сделанный на основании подготовленной им биографии Петра I.

³ Проходил в Рисвике, в Голландии. Завершил войну Аугсбургской лиги против Франции.

⁴ Проходил в Карловицах (ныне — Сремски Карловци, Сербия). Завершил войну Священной лиги против Османской империи.

нему провозгласил Россию империей, говорит, что в наших формулировках нет натяжек.

Серия малых путешествий Петра последующего десятилетия связана с Северной войной. Это либо военные походы, либо дипломатические переговоры в Польше, Восточной Пруссии и Прибалтике. Они едва ли не все определялись меняющейся боевой обстановкой: от собственно военных действий до поиска, удержания и возвращения союзников, как, например, было с Августом II, который потерял польский трон, а потом вновь был на него посажен Петром. Этим путешествиям посвящена статья Сергея Иванюка.

Всё меняется. После Прутской катастрофы лета 1711 г. Россия потеряла выход к Азовскому морю. Пётр не то чтобы отказался от этих планов, но перенёс их на будущее. Во множестве работ, посвящённых Прутскому походу, фиксируется одно событие, которое, как и сама катастрофа, не увязывается с изменением характера европейских путешествий царя. Мы имеем в виду безуспешную попытку примчавшегося из Бендер Карла XII повлиять на исход переговоров в ставке Великого визиря на Пруте под Яссами и получить войско, с которым он был готов разбить русских. Карл, прибыв 13/24 июля 1711 г., просто опоздал, ибо договор был скреплён печатями накануне.

Это кардинальным образом повлияло на путешествия. Карл потерял последний шанс. С одной стороны, на юге наступило на какое-то время умиротворение, и надо было решать вопросы только Северной войны. А, с другой стороны, её исход стал уже понятен.

Да, Северная война продлится ещё 10 лет, но надо было думать, что будет после неё и так видоизменять европейскую дипломатическую карту, чтобы на ней оказалось достойное место для России, чьё окончательное превращение в империю было уже не за горами.

Кроме того, возник ещё один фактор, повлиявший на путешествия: ухудшившееся здоровье монарха. Такая жизнь, которой жил Пётр, была в состоянии сломить любое, даже богатырское здоровье. Что и произошло. А надо сказать, что в эту эпоху в медицине был сделан прорыв в бальнеологии. И для тех болезней, которыми страдал Пётр, бальнеологическое лечение было эффективным. Во время своих европейских путешествий он пользовался любой возможностью подлечиться. О его лечении в Пирмонте расскажет Михаэль Шиппан, а о последнем пребывании на европейском курорте, в Спа, — Валерий Степанов. А в 1711 г. царь направился в Карлсбад, на виды, отдохнуть от пережитого на Пруте стресса. Но это только одна из целей, которая отныне будет присутствовать всегда.

А вот другую назовём так: дипломатическая подготовка пейзажа «Будущая Российская империя в Европе после войны», включавшая и дипломатическую подготовку окончания самой войны.

И начинается эти действия Пётр вскоре после пересечения границ: к нему во время путешествия по р. Сану и Висле, на рубеже августа-сентября 1711 г., присоединился Ференц Ракоци, а в ноябре они вели переговоры в Эльбинге. Ракоци, впрочем, так и не стал ни венгерским, ни польским королём: Северная война лишила его поддержки Петра, при их явных симпатиях друг к другу. Об их контактах рассказывает Вадим Аристов. Ну, а после Карлсбада, в Торгау, в октябре 1711 г. — женитьба царевича Алексея Петровича на Шарлотте Кристине Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской, сестре австрийской императрицы Елизаветы Кристины, о чём пишет Виктория Писарева. Это второй шаг по пути осуществления различных матримониальных планов русского царя (первый был в 1710 г. — брак Анны Иоанновны с курляндским герцогом Фридрихом Вильгельмом): дом Романовых вышел из вековой изоляции. Впрочем, два этих династических брака несколько отличались, ибо брак 1710 г. был не только или не столько дипломатическим вписыванием России в Европу, сколько первым шагом к будущему поглощению Курляндии, которое завершится лишь при Екатерине II.

Далеко не все планы Петра осуществились (например, проект брака царевны Елизаветы Петровны и Людовика XV); другие принесли больше забот, чем выгод, как брак царевны Екатерины Иоанновны и герцога Мекленбург-Шверинского. Тем не менее, с помощью этих союзов будущая Российская империя привязывала к себе европейские дворы.

Однако вернёмся к путешествию 1711 года. Возвращался Пётр через недавно завоёванную Прибалтику. Его визит в Эстляндию описывает Наталья Андреева.

Надо сказать, что во время малых путешествий Пётр не забывал и о своих научных интересах, проявленных ещё во время Великого посольства. Он регулярно привозил различные кунштюки для Кунсткамеры, закупал приборы и инструменты. Во время путешествия 1713 г. он выпросил у епископа-администратора Готторпского герцогства Кристиана Августа Большой Готторпский глобус-планетарий (прибыл в Петербург в марте 1717 г., когда Пётр находился во Втором большом путешествии). Ныне он находится в здании Кунсткамеры в Петербурге.

Пётр покупал и получал в подарок книги и целые собрания — например, много книг приехало с Готторпским глобусом; весной 1716 г. получил он и Митавскую библиотеку герцогов Курлянд-

ских — одну из основ будущей Библиотеки Академии наук, о создании которой говорит Михаил Лепёхин.

Пётр чем дальше, тем больше начинает понимать искусство. По Европе ездят его агенты, закупающие живопись и скульптуру. Сам царь всё большее внимание обращает на архитектуру и, особенно, на парковое искусство. Пётр продолжает наём специалистов. Хотя, чем дальше — тем меньше среди них военных. Делаются первые попытки нанять учёных. И не для преподавания, как во время Великого посольства, когда были наняты Фарварсон, Гвйн и Грейс, а для исследовательской работы. Именно во время малого путешествия 1711 г. происходит первая встреча, а через год, во время следующего путешествия Петра, и наём на русскую службу Лейбница, чьи советы сложно переоценить. Об этих контактах пишет Мария Роса Масса-Эстеве.

И вот, переломный 1715-й год. За плечами не только Полтавская, но и Гангутская виктории — шведы повержены как на суше, так и на море. Пётр завоевал всё, что он хотел завоевать, и даже больше — выход к морю, причём не в одной точке, а на протяжении Ингерманландского, Эстляндского и Лифляндского побережий. Курляндское герцогство контролировала его племянница. Другие территории в Европе ему не нужны, хотя германские государства опасаются его экспансии. Война со всей очевидностью переходит в стадию, которую мы бы сейчас назвали «принуждение к миру»: как заставить Швецию заключить мир, исходя из реальной обстановки. К этому направлены все военные и дипломатические усилия.

А в Европе меж тем происходит ещё одно исторически значимое событие: 1 сентября 1715 г. в Версале уходит из жизни Людовик XIV, уходит эпоха.

Ситуация как будто повторяется по отношению к Великому посольству. Тогда завершилась коалиционная война и не у дел остались тысячи профессиональных военных: моряков, артиллеристов, пехотных и кавалерийских офицеров. Было из кого выбирать. Именно они обеспечили военную часть найма эпохи ВП. Но тогда Пётр попал на этот рынок профессионалов случайно. А в 1715 г. он был в состоянии прогнозировать ситуацию. То, что перед нами не вторая случайность, говорит командировка в Европу Якова Брюса в 1712—1713 г. Узнав о смерти в январе 1713 г. прусского короля Фридриха I, Брюс бросился в Берлин, предполагая, что мастера, набиравшиеся Фридрихом I, начнут разъезжаться по Европе. Брюс успел, и среди нанятых оказался архитектор Андреас Шлютер.

Первые шаги к засылке агентов во Францию Пётр начал делать ещё в конце 1714 г. — после Гангутской победы. Ряд решений был

принят весной 1715 г. В результате, на момент смерти Людовика XIV во Франции оказались два российских агента — Конон Зотов и Жан Лефорт. О их переписке расскажет Татьяна Лаптева.

Пётр рассчитал верно. Вот что писал Жан Лефорт в ноябре 1715 г.: «Приходят ко мне много искусных людей, которые хотят вашему величеству служить <...>. Время самое хорошее для исполнения вашего величества комиссии; <...> бывают случаи хорошие для покупки <...> драгоценных вещиц <...> ис королевских домов, все то еще для того дешево, что ныне здесь печаль»⁵. Речь идёт как об изделиях, так и о мастерах, но совершенно иных специальностей, чем Пётр набирал в 1697–1698 гг. Не о строителях кораблей и галер, не об оружейниках и рудознатцах, металлургах и военных инженерах, а об архитекторах и художниках, резчиках и лепщиках, садовых и фонтанных мастерах, шпалерных ткачах и красильщиках тканей, чулочных мастерах и специалистах по изготовлению карет.

Пётр самым решительным образом готов менять репрезентативную и бытовую составляющие жизни двора, в частности, и дворянства — в целом. Обрезка бород и длиннополого платья осталась в прошлом. Это была революция костюма конца XVII в. Сейчас настанет новый этап. К тому же меняется кухня. Завозятся европейские повара, появляются европейские блюда, увеличиваются «морская» и «фруктовая» составляющие стола (см. об этом статьи Роксаны Ребровой и Алексея Крайковского). Делается попытка создать собственное виноградное вино, для чего приглашаются французские виноградари и виноделы, а также садовники, занимавшиеся выращиванием фруктов.

А через несколько месяцев, в январе 1716 г., начинается Второе большое европейское путешествие Петра. Оно изучено значительно слабее первого как по причине источникового характера, так и по запутанности самой миссии.

Если мы сравним даже просто маршруты, то увидим прямые линии Великого посольства и петляющие, как звериные следы в лесу, трассы Второго путешествия. Мы это хорошо прочувствовали два года назад, когда проехали по следам Петра 1716 г.: фактически, их можно повторить, только многократно проезжая через одни и те же точки.

Такое ощущение, что Второе путешествие вобрало в себя всё. Начинается оно вполне в стиле одной из малых поездок: в апреле 1716 г. в Данциге состоялось бракосочетание племянницы Петра,

⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 79/3. Л. 329–330а; цит. по: *Мезин С. А.* Пётр I во Франции. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Европейский Дом, 2017. С. 171.

царевны Екатерины Иоанновны и герцога Мекленбург-Шверинского Карла Леопольда, о чём мы уже говорили. Брак вызывался политическими причинами: союз с Мекленбургом обеспечивал охрану морского торгового пути от шведов; предполагалось использовать портовые города Мекленбурга как стоянку для русского флота и свободно торговать в княжестве. Однако этот матримониальный ход Петра оказался далеко не самым удачным: он настроил против себя многочисленных германских князей различных рангов, опасавшихся, что русский медведь начинает завоёвывать Европу и что русские войска из неё уже никогда не уйдут. Негативно восприняли этот брак и Голландия, Дания, Англия (тем более что британским королём был ганноверский резидент).

Именно весной 1716 г. впервые в истории был брошен панический крик «Русские идут!», доживший до наших дней и окончательно закреплённый в сознании благодаря одноимённой американской комедии 1966 года. Благодарить за это мы должны ганноверского премьер-министра А. Г. фон Бернсторфа (A.G. von Bernstorff), который имел очень большое влияние на европейскую политику, ибо, с одной стороны, британский король Георг I одновременно являлся и ганноверским курфюрстом, а, с другой, Бернсторф был представителем мекленбургской знати, которая занимала ведущие места в северных странах, в т.ч. и в Дании, и противостояла герцогу Карлу Леопольду. Впервые в таком масштабе были посеяны семена недоверия: союзники (датские, ганноверские и прусские войска) взяли Висмар, обещанный Петром Карлу Леопольду, до прихода русского корпуса князя Репнина, и главнокомандующий войсками датского короля в Северной Германии, мекленбуржец генерал Девиц, по личной просьбе Бернсторфа не допустил русских в город. Причём Фредерик IV был не в курсе этих действий. Для датчан это оказалась пиррова победа.

«Русские идут» — с одной стороны, и понимание того, что союзники тебя обманут, с другой, привели к тому, что Пётр в последний момент отказался от уже подготовленного десанта в Сконию. А это была старая датская провинция в Скандинавии, отобранная у Дании. Фредерик не хотел быть обязанным Петру при завоевании Сконии и заставлял ожидать датского корпуса из Норвегии, пока не наступила осень. Как результат — Дания потеряла огромные деньги и была вынуждена навсегда отказаться от возвращения своей провинции, а Пётр был вынужден продолжать войну ещё 5 лет.

Итак, военная часть путешествия завершилась в сентябре 1716 г. Подробный разбор событий произвёл ныне уже покойный Ханс Баггер. 20 апреля 2017 г., во время конгресса в Париже состоялась

презентация его книги «Пётр Великий в Дании в 1716 году: Переломный момент датско-российских отношений», законченной им перед самой кончиной и опубликованной Институтом Петра Великого при поддержке Датского института культуры в Санкт-Петербурге.

Далее Пётр с Екатериной ещё месяц проводят в Дании, затем — опять петляния по Германии. А в ноябре 1716 г. — переговоры в Хавельберге с прусским королём Фридрихом Вильгельмом I. Подписаны две важнейшие декларации: Пётр поддержал претензии Пруссии на Эльбинг, ну, а король согласился гарантировать России её завоевания в Прибалтике: Пётр начинает дипломатическое выстраивание уже послевоенного мира. Одновременно в качестве дипломатического подарка получает Янтарную комнату, о которой давно мечтал, а в придачу ещё и яхту «Либурика»: «К<ороль> подарил меня изряднымъ презентомъ — яхтою, которая въ Посдамѣ зѣло убраная, і кап<б>инетом ентарнымъ, о чемъ давньо желали», — пишет он 17 ноября (ст.ст.) 1716 г. Екатерине⁶.

Похоже, что переговоры с королём сыграли свою роль в понимании того, что ему необходима, как минимум, лояльность Франции, если не союз с ней. О них подробнее см. в статье Михаэля Шиппана.

Затем — проезд по Северной Германии в Голландию, опять переговоры, впрочем, не имевшие особой важности. Этот визит Петра в Нидерланды проходил в значительно менее дружественной обстановке, чем 20 лет назад. Да и изучен значительно слабее. 20 апреля на конгрессе была презентация переизданной книги Эммануэля Вагеманса «Царь в республике». Поэтому не будем трогать этот сюжет, укажем лишь, что, по выводам Вагеманса, общественное мнение страны было предельно доброжелательно к Петру, а вот с политическими структурами был очевидный разлад: Генеральным штатам явно не нравилось возмужавшее могущество России. С другой стороны, Пётр продолжал интересоваться техникой, искусством, гражданской архитектурой и садами. А вот наём специалистов уже не был столь массовым, скорее, точечным. Именно тогда, в апреле 1717 г. царь купил анатомическую коллекцию Рюйша.

А далее, через Австрийские Нидерланды (нынешнюю Бельгию) — во Францию, куда Пётр въедет 21 апреля 1717 г. Общий обзор этого необычного визита даёт в настоящем сборнике Сергей Мезин. Воспользуемся цитатами из книги Вагеманса: «Есть мнение, что в путе-

⁶ Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1: Переписка императора Петра I с государынею Екатериною Алексеевною. М.: В тип. Сергея Орлова, 1861. С. 50.

шествии царя в 1717 г. во Францию культурные аспекты играли куда большую роль, чем дипломатические», и далее приводится мнение испанского агента маркиза де Гримальдо, являвшегося свидетелем визита. Чуть ниже: «Напротив, по мнению <...> С. А. Фейгиной, главной целью поездки были именно дипломатические переговоры⁷. Фейгина: «Цель же Петра I, когда он ехал в Париж, заключалась в сближении с версальским двором для ослабления антирусской направленности нового франко-англо-голландского союза и для лишения Швеции той политической и финансовой поддержки, которую она систематически получала от Франции»⁸. Да, конечно, результатом визита Петра стал Амстердамский договор, подписанный в августе 1717 г. Францией, Пруссией и Россией, по которому Франция, в частности, соглашалась признать условия будущего русско-шведского мирного договора и отказывалась от своего союза со Швецией.

По нашему мнению, обе эти точки зрения соответствуют реалиям. Такое может быть лишь если и то, и другое — части чего-то более общего. Просто каждый из исследователей рассматривает наиболее близкую ему сторону.

Так, дипломатическим и политическим аспектам французского визита (как, впрочем, и путешествия в целом), его последствиям и реакции на этот визит в дипломатических кругах других стран посвящены статьи Юрия Акимова, Натальи Кардановой, Энтони Кросса, Михаила Талалая, Искры Шварц, а также, отчасти, Ольги Агеевой. Художественные вопросы, связанные с визитом во Францию, и его чисто туристические аспекты рассматривают Патрик Демуи, Сергей Клименко, Павел Петров, Борис Соколов, Александр Белусов, Людмила Маркина, Екатерина Андреева и, отчасти, Ольга Агеева.

Чтобы понять, о какой такой многосторонней цели идёт речь, оттолкнёмся от известного аргумента: Пётр во Втором путешествии интересовался искусством и парками много более, чем техникой и кораблями, ибо отказался от своего первоначального желания ехать в Брест — одну из основных баз французского флота, а остался в Париже и Версале с Марли любоваться красотами королевских дворцов и парков.

⁷ Вагеманс Э. Царь в Республике: Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды: 1716–1717 / Пер. с нидерл. В. К. Ронина. 2-е изд., испр. СПб.: Европейский дом, 2017. С. 31.

⁸ Фейгина С. А. Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 199.

А что, если Петру было просто не надо ехать в Брест?

Во время поездки по следам Второго путешествия, в мае 2015 г., мы в какой-то момент с удивлением поняли, что вслед за Петром объезжаем все торговые порты Балтийского побережья Германии и Дании, ну, и где попадались, старые военные. Другими словами, в 1716—1717 гг. Пётр объехал ВСЕ сколько-нибудь заметные военные, торговые и рыболовецкие порты восточного, южного и западного побережий Балтики, а также восточного и южного побережий Северного моря — близких по своему характеру акваторий, но имеющих одно очень серьёзное отличие друг от друга — приливы и отливы в портах Северного моря. Ещё не такие, как в открытом океане, но дающие возможность понять: портовые сооружения и технологии будут иными. Мы насчитали почти 30 таких портов: Амстердам (Amsterdam), Висмар (Wismar), Гданьск (Gdańsk; Danzig), Дюнкерк (Dunkerque), Кале (Calais), Копенгаген (København), Либав (Libau), Мемель (Memel), Нарден (Naarden), Ньивпорт (Nieuwpoort), Нюборг (Nyborg) на о.Фюн, Нюкёбинг (Nyköbing), о-в Борнхольм (Bornholm) в Балтийском море, о-в Вен (Hven) в проливе Эресунн (Øresund), о-в Руген (Rügen) в Балтийском море, о-в Ясмунт (Jasmund) в Балтийском море, Паланга (Palanga), Пернов (Pernau), Пиллау (Pillau), Ревель (Revel), Рига (Riga), Росток (Rostock) — Варнемюнде (Warnemünde), Роттердам (Rotterdam), Хузум (Husum), Штаде (Hansestadt Stade), Штеттин (Stettin; Szczecin), Штральзунд (Stralsund), Эльсинор (Хельсингёр; Helsingør). Сюда же надо добавить шведский порт Фальстербо (Falsterbo), который царь осматривал при рекогносцировке.

И это не считая множества мелких портов по всему побережью, таких как Штутгоф (Stuthoff, Sztutowo), Штолп (Stolpe), или в заливах и проливах датских островов, как Роскилле (Roeskilde), Ассенс (Assens), а также морских крепостей, как на острове Валфиш (Walfisch) в Мекленбургском заливе или на о. Христиансё (Christiansø). А были и такие, как Гамбург (Hamburg), Любек (Lübek), Гамельн (Hameln), Антверпен (Antwerpen) или Кенигсберг (Königsberg) — порты речные или в глубине заливов на устье рек — т.е. в условиях, приближенных к Петербургу или к внутренним российским городам.

Для реконструкции старых (как Ревельский порт) или для строительства новых (как Петербург) балтийских портов нарождавшейся Российской империи этого полученного знания хватало с лихвой. В результате порт на берегу Атлантического океана, каковым являлся Брест, Петру был просто не нужен. Речь идёт не об отказе от знания, а о его разумной достаточности при ограниченном времени

получения. А достигнутая экономия времени используется для получения другого, более необходимого знания.

Думаем, что здесь кроется разгадка найма кораблестроителя Пангало с сыном: он не только знал способы укрепления продольной жёсткости кораблей, но и способы их вытаскивания на берег в акваториях, не имеющих приливов и отливов.

Во время путешествия в 2015 г. мы регулярно видели у дорог, часто у остановок междугородных автобусов, какой-то странный зелёный дорожный знак. Потребовалось время, чтобы понять: это знак туристического международного маршрута «Ганза». То есть де-факто Пётр ехал как раз по этому самому маршруту, проложенному почти через три столетия после его путешествия, объезжая ганзейские города. Таковых мы насчитали более двадцати: Берлин (Berlin), Билефельд (Bielefeld), Бранденбург (Brandenburg), Бремен (Bremen), Везель (Wesel), Висмар (Wismar), Гамбург (Hamburg), Гамельн (Hameln), Гданьск (Gdańsk; Danzig), Девентер (Deventer), Дерпт (Dörpt), Кёнигсберг (Königsberg), Любек (Lübek), Магдебург (Magdeburg), Мемель (Memel), Минден (Minden), Ревель (Revel), Рига (Riga), Росток (Rostock), Хавельберг (Havelberg), Штеттин (Stettin; Szczecin), Штральзунд (Stralsund).

Сюда можно добавить и другие, как Кольберг (Kolberg), который Пётр в этом путешествии не проезжал, но в котором неоднократно действовали его агенты. Так либо иначе с Ганзой были связаны (хотя напрямую и не входили в её состав и часто конкурировали с Ганзейскими городами): Нарва, Альтона (ныне часть Гамбурга), Копенгаген, Брюгге. В некоторых из этих городов имелись ганзейские конторы.

Да, конечно, во второй половине XVII в. Ганза как политический и экономический союз приходит в упадок (последний Ганзентаг в Любеке был собран в 1669 г., за сорок с лишним лет до Второго путешествия Петра), и позднее название ганзейских городов сохранилось только за Любеком, Гамбургом и Бременом, как напоминание о былой славе союза. А некоторые из перечисленных городов вышли из Ганзейского союза ещё раньше, до его распада (как Берлин, например). Другие, как Ревель или Рига, только что вошли в состав петровских владений. Однако купцы-то в городах остались, и новые рынки им были необходимы для их выживания, тем более, что одной из причин упадка союза было смещение торговых путей. И вот именно таким рынком оказывалась нарождавшаяся Российская империя, для торговли с которой теперь не надо было проезжать транзитом шведские владения или огибать Скандинавский полуостров.

Мы не будем утверждать, что во всех этих городах Пётр вёл переговоры с купцами, к тому же и документов о таких переговорах осталось немного, но они есть. Например, зафиксированы такие в Копенгагене и Любеке. 17 октября 1716 г. Пётр из Копенгагена писал А. Д. Меншикову и П. А. Голицыну письма о разрешении, по просьбе купцов Голландии, складывать товары в Риге и Ревеле. Или 1717 г. дал торговую грамоту армянским купцам (в Венеции нам удалось обнаружить её подлинник⁹, и статью на эту тему написал Алексей Ястребов).

Ну, а остановка в голландском АМЕРСФОРТЕ, который славился табачной промышленностью, повлияла и на русский язык: от искажённого названия города пошла русская МАХОРКА.

В подтверждение, что всё это не случайность и интерес Петра к бывшим ганзейским городам во время Второго путешествия действительно был, приведём следующий пример: во время Великого посольства Пётр объехал Гамбург. Мы долго не могли понять почему, пока лет 10 назад не побывали в самом городе и в его музеях: в Гамбурге не было военного судостроения, в лучшем случае, иногда строили какое-нибудь конвойное судно. А тогда Пётр рвался создавать военный флот. В 1716 г. всё изменилось. И царя привлекала торговля и торговые флоты. Обратим внимание на статью Виктора Захарова в настоящем сборнике, рассмотревшего ряд аспектов внешнеторговой политики Петра I в ходе его путешествия.

Итак, торговые порты Балтики и Северного моря как модели для портов будущей империи. Купцы в бывших ганзейских городах для торговли с будущей империей. Это что-то новое для характеристики Второго путешествия. Пойдём дальше.

В Европе Пётр видит, что государства тратят деньги на картографирование своих территорий. Чем обширнее государство, тем острее этот вопрос. А по размерам территории с Россией потягаться не может никто. В Париже Пётр встречается со знаменитым картографом Гийомом Делилем, с которым уже вели переговоры агенты царя. Об этом пишет Дмитрий Баюк. Понятно, что необходимо картографирование обширнейшей империи. Оно ведётся уже с конца XVII века. Но явно требуется другой уровень — как научный, так и организационный. В конечном счёте, на службе в России окажутся братья Гийома — Жозеф-Николя Делиль и Луи Делиль де Ла Кройер (Louis Delisle de La Croyère), а в Петербурге при Академии морской гвардии в 1716 г. создаётся геодезический класс. Именно

⁹ Первое сообщение об этой грамоте и её фото принадлежит Т. В. Гузевич, которую мы искренне благодарим.

он подготовит тех, кто вошёл в историю под именем «петровских геодезистов».

Во Франции во время визита Петра была в самом разгаре страноведческая работа на основании так называемых «анкет Регента». И похоже, что сенатский сбор статистических данных, который потом выльется в знаменитую рукопись Ивана Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства», восходит именно к анкетам Регента. Об этом будет статья Кристиана Демёленэр-Дуйера.

Сбор статистических данных — это одно, но ещё требуется научное изучение природных богатств, без чего государство не может развиваться. Ну, а начинать надо со здоровья. Царь и будущий император болен. Он уже много лечился на водах в Европе. Надо найти свои. И вот после путешествия сопровождавший Петра лейб-медик Арескин занялся поисками минеральных вод в России. В результате под его руководством Лаврентий Блюментрост в 1717 г. открыл Полостровские воды на Охте под Петербургом и Марциальные воды в Карелии (Олонецкие минеральные воды), куда Пётр потом приезжал на лечение почти каждый год. И в том же 1717 г. врач Г. Шобер, отправленный Петром на Северный Кавказ, открывает там первые минеральные источники. В 1716 г. в Данциге Пётр приглашает на службу врача Д. Г. Мессершмидта и отправляет его в академическую экспедицию по Сибири, которая продлилась 8 лет и предвосхитила экспедиции Академии наук. Этим доакадемическим экспедициям посвятила свою работу Галина Смагина.

Кстати, о необходимости самой Академии Лейбниц твердил Петру с их первой встречи в 1711 г. в Торгау, а ещё раньше, начиная с 1697 г., посылал письма. В 1716–1717 гг. Пётр ознакомился и с Берлинским научным обществом, и с Парижской академией наук, в которую его изберут в декабре 1717 г. «ассоциированным иностранным членом сверх рангов» («*associé étranger hors de tout rang*»). При своём удивительном понимании важности теоретической науки, проявленном ещё во время Великого посольства, царь понял и факт престижности «социетета наук». Империя должна иметь свою Академию.

В отличие от Великого посольства, когда Пётр ездил инкогнито, во Втором путешествии он представлял себя частным лицом лишь время от времени и часто выступал как монарх. Впрочем, в путешествии его сопровождала жена (которую он, правда, не допустил во Францию), а финансовые документы лучше, чем что-либо раскрывают детали поездки. Этим темам посвятили свои работы Наталья Болотина и Мария Николаева.

Интересно замечание камер-юнкера Кристиана Фредерика Гольштейна, очевидца поведения Петра в июле 1716 г. в Дании: «царь, только ступив на эту землю, уже вёл себя как господин и хозяин»¹⁰. Другой словесный портрет российского суверена, данный уже французом, герцогом д'Антенном, и его малоизвестное описание визита Петра публикует Сильви Аршембо.

Приехав в Париж, Пётр дал понять, что является полномочным сувереном. Если бы он посетил Францию при Людовике XIV, то был бы лишь гостем, а здесь сыграл совершенно иную роль. Его выбор отеля Ледигьер вместо Лувра не просто каприз взыскательного человека, но выбор царя: он не в гостях, он в своём (пусть и временно своём) доме, и он принимает у себя французского короля (близкая ситуация была и в Копенгагене).

«Всю Францию на себе несущий»¹¹, — сказал Пётр, беря маленького Людовика XV на руки. Эта знаменитая фраза чётко определяет соотношение короля и императора. Пусть даже она позднее была выдумана И. И. Неплюевым (зафиксирована И. И. Голиковым), но если выдумана — то хорошо, с пониманием ситуации.

Ну, а далее посещение царём королевских резиденций, к которым доведёшь выйдя из парков в частных владениях. И Пётр впервые видит решение Версаль — Марли: роскошный репрезентативный дворец, говорящий о величии монарха, и его частный дом, закрытый для посторонних. Причём всё это должно быть возведено в России, а значит нужны архитекторы и художники, садовые мастера и шпалерные красильщики и ткачи. Этим проблемам в сборнике посвящены статьи Сергея Клименко, Павла Петрова, Бориса Соколова, Александра Белоусова, Екатерины Андреевой.

Другими словами, надо ткать и шить костюм, чтобы в нём императору не стыдно было предстать перед Европой, чтобы армия и флот защищали, торговля поставляла товары, развитие науки гарантировало престиж просвещённого государства, а дипломатия обеспечивала уважительное отношение и формирование выгодных союзов.

Пётр поехал в Европу за этими самыми Имперскими одеждами. И он их привёз.

¹⁰ *Людвиг Т.* Визит Петра I в Данию / Перев. Я. Палеховой // Дания и Российская империя: 1600–1900. Frederiksborg Slot: Det Nationalhistoriske Museum, 2013. P. 55, 289.

¹¹ *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудраго преобразователя России, собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам. Ч. 5. М.: В университет. тип., 1788. С. 318.

Сергей Алексеевич Мезин
(Саратов)

*Заведующий кафедрой истории России и археологии
Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского*

Необыкновенное путешествие: Актуальные проблемы изучения визита Петра I во Францию

Визит Петра I во Францию занимает особое место среди европейских путешествий царя. Неординарность поездки, обусловленная, прежде всего, личностью высокого гостя¹ и новизной расклада политических сил, а отчасти и неожиданными результатами, была осознана уже современниками. Царский агент во Франции уверял Петра, что «сюда ожидают ваше величество яко Мессию»². Париж откликнулся на приезд русского монарха наивными восторженными стихами:

«Que de réjouissances à Paris
L'on a vus ces jours icy
De cet illustre Duc et Prince
Qui est venu voir le Roy Louis
Ayant quitté sa Province
Pour honorer les fleurs de lys»³.

¹ «С точки зрения французов того времени совершенно невозможно представить человека более необычного, чем русский царь Пётр I», — замечает современный автор. *Champion Ph. Pierre le Grand chez Louis XV (avril–juin 1717)*. Paris, 2016. P. 7.

² РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого), отд. II. Кн. 27. Л. 125 об.

³ Французские стихи в честь Петра Великого / Сообщено И. Я. Бутковским // Исторический вестник. 1883. № 12. С. 633–634.

(«Что за радость в Париже заметна в эти дни?
Это знаменитый монарх приехал увидеть короля Луи,
Покинув свои края,
Чтобы оказать честь королевским лилиям».)

«Все здесь без ума от него и находят его величайшим из когда-либо виданных монархов»⁴, — писала журналистка Анн Маргерит Дюнуайе. Герцог Сен-Симон задним числом утверждал, что Франция «взирала» на царя «как на чудо, и была очарована им»⁵. Конечно, не все разделяли это мнение. Раздавались и другие, подчас противоположные голоса. Достаточно познакомиться со скандальными отзывами Ж. Бюва⁶. Тогдашнему министру иностранных дел Франции кардиналу Дюбуа приписывали слова, что царь просто «сумасшедший, рождённый быть помощником боцмана на голландском судне»⁷. Это давало основание Вольтеру посетовать, что французы заметили в Петре I «только внешнюю грубость, оставшуюся у него от дурного воспитания, а преобразователь, создатель новой нации, великий человек ускользнул от их внимания»⁸.

Историки не были единодушны в оценке визита⁹. И всё-таки стоит прислушаться к словам известного французского русиста Альфреда Рамбо, утверждавшего в 1893 г., что Пётр I «остаётся величайшим иностранным гостем, которого когда-либо видел Париж»¹⁰.

Василий Осипович Ключевский справедливо писал, что «Пётр ездил в Париж, чтобы ускорить окончание Северной войны», однако далее наш знаменитый историк ошибочно утверждал, что одновременно царь намеревался «подготовить брак своей 8-летней дочери Елизаветы с 7-летним французским королём Людовиком XV»¹¹. На

⁴ Дюнуайе А. М. Пребывание имп. Петра Великого в Париже // Маяк современного просвещения и образованности. 1840. Ч. 6. С. 79–80.

⁵ Сен-Симон. Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы. М., 1991. Кн. 2. С. 371.

⁶ Gazette de la Régence: janvier 1715 – juin 1719 / [attribué à Jean Buvat]. Paris, 1887. P. 167–189; Journal de la Régence (1715–1723) / par Jean Buvat. Paris, 1865. T. 1. P. 261–277.

⁷ Voltaire. Correspondance. T. 6. Paris, 1980. P. 69.

⁸ Вольтер. История Карла XII, короля Шведского / пер с фр. И. И. Ильяшенко. СПб., 1909. Т. 2. С. 163.

⁹ См.: Мезин С. А. Пётр I во Франции. СПб., 2017. С. 12–33.

¹⁰ Rambaud A. Les Russes à Paris. Pierre le Grand (1717). Simples notes // Revue politique et littéraire. Revue bleue. T. LII. №16. 14 octobre 1893. P. 502.

¹¹ Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 4: Курс русской истории. Ч. 4. М., 1989. С. 28.

самом деле эта мысль возникла у Петра позже, уже после того, как он встретился с юным королём и усмотрел в нём «дитя зело изрядное образом и станом» и притом «разумное». Лишь в 1724 г. царь сообщал в письме к русскому послу в Париже Б. И. Куракину: «зело бы мы желали, чтобы сей жених (Людовик XV. — С. М.) нам зятем был», и просил дипломата употребить «все возможные способы» к заключению брака¹².

А на рубеже 1716–1717 гг., когда у царя зародилась мысль о возможной поездке во Францию (впервые эта мысль обнаруживается в письме к Савве Рагузинскому от 15/26 февраля¹³), главной его заботой было обеспечение скорейшего и выгодного для России выхода из затянувшейся Северной войны. Успехи русского оружия были весомым аргументом для её победоносного завершения, однако политическая ситуация оказалась крайне запутанной. Пётр I почувствовал себя в сложном положении, грозившим дипломатической изоляцией. Сорвался планировавшийся на лето 1716 г. десант союзников (России, Дании, Великобритании и Голландии) в Швецию для нанесения окончательного удара по общему противнику¹⁴. Члены Северного союза (Польша, Дания, Великобритания) стали серьёзно опасаться роста влияния России на Балтике. Брак герцога Мекленбургского с племянницей царя и ввод русских войск в Мекленбург вызвал резкое недовольство Вены и Лондона и общую обеспокоенность европейских держав. На глазах портились отношения царя с английским королём Георгом I, который одновременно был курфюрстом Ганновера и у которого были свои планы в отношении Мекленбурга. Так называемый план Гёрца, предполагавший военный союз Швеции и России и возвращение Стюартов на английский престол, был раскрыт англичанами и вызвал громкий скандал. Лишь противостояние между Веной и Парижем оставалось постоянным фактом европейской политики. В этой ситуации ломки старых союзов французская дипломатия решила осуществить план привлечения России на свою сторону, но при сохранении военного могущества Швеции как важного противовеса Империи. Речь шла о возможном заключении франко-пруско-русского союза и дальнейшем посредничестве Франции в русско-шведских переговорах. Через прусских дипломатов представителям России внушили идею о пользе соглашения с Францией для заключения

¹² Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Д. 106. Л. 114.

¹³ Там же. Д. 84/1. Л. 141.

¹⁴ См.: *Баггер Х.* Пётр Великий в Дании в 1716 году: Переломный момент датско-русских отношений. СПб., 2017.

будущего мира. Однако французская сторона сначала не предполагала, что царь лично отправится во Францию. Решение о поездке в Париж было принято царём единолично и оказалось до некоторой степени неожиданным для французских властей.

Как видим, политические отношения в Европе к началу 1717 г. сплелись в запутанный клубок, и прояснение общей политической ситуации в связи с визитом Петра I видится одной из актуальных научных проблем.

Главным политическим итогом поездки было заключение союзного договора между Россией и Францией и установление постоянных дипломатических отношений на уровне полномочных послов. Исследователями пока выявлены не все детали сложного переговорного процесса, приведшего к этим результатам. С французской стороны переговоры вёл маршал де Тессе, который официально был назначен главой французской миссии при царе. Среди русских дипломатов главную роль в переговорах играл Б. И. Куракин. Однако последнее слово оставалось за царём и регентом Филиппом Орлеанским. Состоялось несколько совещаний (18 мая, 19 мая, 20 мая, 27 мая, 4 июня, 12 июня), сначала двухсторонних, затем к ним присоединились прусские дипломаты. Переговоры шли очень трудно. Французская сторона не проявляла готовности сразу отказаться от союзнических отношений со Швецией, на чём настаивали русские дипломаты. К сожалению, остаётся неопубликованной и недостаточно исследованной переписка маршала де Тессе с председателем Совета по иностранным делам маршалом д'Юкселем, которая имела место по окончании каждой встречи с русскими дипломатами¹⁵.

Дискуссионным остаётся и вопрос о значении союзного договора, заключённого по итогам визита 15 августа 1717 г. в Амстердаме. Договор имел декларативный характер и рассматривался как «предварительная заявка для достижения более широких целей»¹⁶. Несмотря на то, что русско-французские переговоры были знаком возросшего политического влияния России в Европе, дипломатическая сторона визита не могла полностью удовлетворить царя. Формальный союз с Францией был достигнут, но не получил желаемого содержания и развития.

¹⁵ См.: *Haussonville G. P., de. La visite du Tsar Pierre le Grand en 1717 d'après des documents nouveaux // Revue des deux Mondes. 1896. Т. 137. P. 302.*

¹⁶ *Wittram R. Peter I Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Bd. 2. S. 324.*

По мере того, как выяснялось, что политические переговоры в Париже не принесут больших успехов русской стороне, на первый план в деятельности царя выходили контакты в области культуры и науки.

В исследованиях последнего времени обозначилась важная роль русских агентов во Франции Конона Зотова и Жана Лефорта в подготовке «культурной программы» царского визита. Они снабдили царя книгами и гравюрами, дававшими визуальное представление о достопримечательностях французской столицы и о французском искусстве в целом. Об этом свидетельствуют искусствоведческие и книговедческие работы Ольги Медведковой¹⁷ и опубликованный недавно каталог иностранных книг библиотеки Петра I, вышедший в двух версиях — русской и французской¹⁸.

20 сентября 1715 г. царь писал К. Зотову: «понеже кароль французской умер¹⁹, а наследник зело молод, то чаю, многия мастеровыя люди будут искать фортуны в иных государствах, чего для наведывайся о таких и пиши, дабы потребных не пропустить, также не будут ли чего из двора продавать, а именно убороф каких, шалдереи и протчево, о чем также дай знать»²⁰. Откликаясь на царский наказ, Зотов и Лефорт развернули бурную деятельность по приглашению французских мастеров в Россию и закупке картин и других произведений искусства. Уже в июне 1716 г. Пётр сообщал Меншикову из Пирмонта: «на днях приехал сюды Конон Зотов и привёз с собою из Франции славного архитектута и механика Леблона и протчих мастеровых»²¹.

К. Зотов подготовил для царя список основных достопримечательностей Парижа и окрестностей, которые царь исправно посетил²². Маршруты царских поездок согласовывались с суперинтендантом королевских строений герцогом Л. А. д'Антенном. Современ-

¹⁷ См.: *Medvedkova O.* La bibliothèque d'architecture de Pierre le Grand. Entre Curiosité et Passion // *Cahiers du Monde Russe.* 2006 № 47/3. P. 467–502; *Medvedkova O.* Jean Baptiste Alexandre Le Blond. Architecte 1679–1719. De Paris à Saint-Pétersbourg. Paris, 2007.

¹⁸ Библиотека Петра Великого: западноевропейские печатные книги / В 2-х т., 3-х кн. СПб., 2016. Т. 1. Западноевропейские печатные книги. В 2-х кн. / сост. И. В. Хмелевских. Кн. 1–2; *Pierre Le Grand et ses livres: Les arts et les sciences de l'Europe dans la bibliothèque du Tsar* / Sous la direction de Olga Medvedkova. Paris, 2016.

¹⁹ Людовик XIV умер 1 сентября 1715 года.

²⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 79/2. Л. 353.

²¹ Там же. Д. 81. Л. 613.

²² См.: *Мезин С. А.* «Роспись куриозным вещам в Париже»: «путеводители» Петра I // *Вестник РГНФ.* 2015. №3 (80). С. 52–62.

ники свидетельствовали о необыкновенном подарке, преподнесённом услужливым французским придворным царю: «Говорят, что одно из самых больших удовольствий ему доставил подарок герцога д'Антена — описание города Парижа, переведённое на московитский язык, которое он ему преподнёс, угощая в собственном доме. Это приятно удивило монарха, воскликнувшего, что во всём мире только французы способны на такую обходительность»²³. С большой долей вероятности можно утверждать, что в данном случае речь идёт о рукописи «Описание знатных домов во Франции», сохранившейся в составе библиотеки царя. А переводчиком на русский язык мог выступить тот же Конон Зотов.

Источники позволяют восстановить детальную хронологию и топографию визита. Пётр пробыл во Франции 65 дней, из них на пребывание в Париже приходится 45 дней. 21 апреля (по новому стилю) 1717 г. Пётр I пересёк границу Франции в районе Дюнкерка. 24 июня он пересёк французскую границу в обратном направлении, возвращаясь по реке Мёз в Испанские Нидерланды для посещения водного курорта Спа. В этом вопросе есть лишь некоторые неясности: иногда источники расходятся в датах отдельных поездок; неясно, где находилась Королевская библиотека в момент посещения её царём.

Знакомство с Парижем занимало заметное место в напряжённом графике царского визита²⁴. Царь в письме к жене выказывал горячее желание «всего смотреть» в Париже. Особое значение имела первая «экскурсия» по городу, начавшаяся в 5 часов утра 11 мая. С утра царь осмотрел находившиеся рядом с его резиденцией — отелем Ледигьер — Большой и Малый Арсеналы, представлявшие собой целый комплекс зданий, дворов и садов. Из Арсенала царь отправился на площади, украшенные статуями королей. Сначала он совершил прогулку по Королевской площади (ныне площадь Вогезов), украшенной памятником Людовику XIII. Потом царь посетил овальную площадь Побед в квартале Сен-Рок, построенную по проекту знаменитого архитектора Ж. Ардуэна-Мансара, как обрамление для пешей статуи Людовика XIV. Петру показали и площадь Людовика Великого (ныне Вандомская площадь). В центре площади возвышалась колоссальная конная статуя работы скульптора Ф. Жирардона представляющая Людовика XIV в одежде античного героя. Позже

²³ *Lettres Historiques et Galantes de deux Dames de Condition...* [La Haye], 1718. Т. 5. Р. 509.

²⁴ См.: *Мезин С. А.* Париж Петра Великого // *Questio Rossica*. Т. 5. 2017. № 2. С. 329–353.

(в другой день) Пётр посетил ещё одну регулярную площадь города — площадь Дофина, которая примыкала к Новому мосту и была тогда замкнута с трёх сторон. На мосту находился конный памятник Генриху IV (1634) — единственный, сохранившийся в неприкосновенном виде до наших дней. С Нового моста открывался лучший вид на обновлённый Париж Людовика Великого: с благоустроенными набережными и мостами, с величественными дворцовыми постройками.

Побывав на центральных площадях Парижа, Пётр I познакомился с лучшими образцами регулярного градостроительства того времени и обратил внимание на своеобразие французской архитектуры. Но особенно его привлекли конные монументы, ведь в это время им уже была заказана скульптору Б. К. Растрелли собственная конная статуя в память о победах русских войск над шведами.

Ещё одна «экскурсия» состоялась 1 июня, когда, возвращаясь из резиденции герцога д'Антена Пти-Бур в Париж, Пётр I на специальной гондоле совершил прогулку по Сене и пожелал проплыть под всеми парижскими мостами. С реки открывались разнообразные и живописные виды на город, в котором и ныне река является одной из главных магистралей.

Русский царь с видимым удовольствием посещал загородные резиденции французских королей и знати. Он побывал в Мёдоне, Сен-Клу, Сен-Жермен-ан-Ле и др. Но более всего царя очаровали Версаль и Марли, куда он возвращался дважды. Царь осматривал дворцы, прогуливался по паркам, плавал по каналам, мерил «огород» Версальский, изучал Машину Марли. Пребывание там представлялось ему большим удовольствием. При этом можно заметить, что царь проявил к парку бóльший интерес, чем к дворцу, а более всего его увлекли фонтаны и другие гидротехнические затеи. Не склонный делиться своими впечатлениями, он не удержался от похвалы в письме к жене: «и могу сказать <...> что я был в Версалии и Марли, дней з 12, сколь великий плезир имел!»²⁵. Под влиянием увиденного царь сформулировал собственную идейную и архитектурную программу резиденций в Петергофе и Стрельне.

Так остался ли царь «внутренне чуждым» к достижениям французских архитекторов, как полагает С. Б. Горбатенко²⁶? Или правы

²⁵ Письма русских государей и других особ царского семейства и других особ царского семейства. Т. 1: Переписка Петра I с Екатериной Алексеевной. М., 1861. Т. 1. С. 71.

²⁶ Горбатенко С. Б. Архитектурные маршруты Петра Великого. СПб., 2015. С. 186.

те, кто указывает, что французский стиль эпохи Регентства подчас до мелочей копировался в Петербурге Петра I²⁷? Французский искусствовед Ф. Мальгуир пытается уточнить: «Гражданская архитектура его совсем не интересовала; петровская Россия мало чем обязана Франции с этой точки зрения... Отнюдь не частная архитектура “à la française” привлекала царя, а та, которая прославляет монарха»²⁸. Но ведь именно французская архитектура «великого века» в наибольшей степени отражала тщеславный дух абсолютной монархии, к которому оказался неравнодушен русский царь. В любом случае знакомство с французской архитектурой не прошло для царя бесследно, а он, что общепризнанно, был главным архитектором Петербурга и пригородных ансамблей. Как позже отмечал такой искушённый в искусстве автор, как Франческо Альгаротти, в Петербурге «царствует гибрид архитектуры итальянской, французской и голландской. Преобладает, однако, голландская»²⁹.

Задолго до поездки в Париж Пётр I был наслышан о цветущем состоянии французского искусства. В Париже отчётливо проявились его художественные пристрастия. Ещё накануне визита царь поручал своим агентам «искать исторического маляра... кто был бы в подмастерьях у славного мастера ле Брюнна»³⁰. Упоминание знаменитого живописца Шарля Лебрена (Charles Le Brun) свидетельствует о некотором знакомстве с состоянием французской живописи³¹ и приверженности к патетическому барочному искусству.

Не случайно в Люксембургском дворце на царя особое впечатление произвела знаменитая серия картин Рубенса, посвящённая истории Марии Медичи и Генриха IV (ныне находится в Лувре). Царя привлекала также батальная живопись А. Ф. ван дер Мелена, создавшего для Людовика XIV серию полотен на тему «Завоевания

²⁷ Хмелевских И. В. Сборник «L'Architecture Française...» из библиотеки Петра Великого // Пушкин и 1812 год: Материалы научно-практической конференции «Золотой век французской книги в России» (4–8 апреля 2012 года) и Михайловских Пушкинских чтений «Пушкин и 1812 год» (15–19 августа 2012 года). Сельцо Михайловское, 2013. С. 94.

²⁸ *Malgouyres Ph.* Les livres français du tsar // Pierre Le Grand et ses livres: Les arts et les sciences de l'Europe dans la bibliothèque du Tsar. P. 57–58.

²⁹ *Альгаротти Ф.* Русские путешествия: Письма о России / Пер. с ит., сост., коммент. М. Талалая. СПб., 2006. С. 72.

³⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 79/3. Л. 452.

³¹ В библиотеке Петра I представлен альбом гравюр с росписями Ш. Лебрена в знаменитом отеле Ламбер на тему «Апофеоз Геркулеса». Библиотека Петра Великого: западноевропейские печатные книги. Т. 1. Кн. 1. С. 490–491.

короля». 47 картин серии украшали стены королевского павильона в Марли. Они понравились русскому царю, о чём свидетельствует подаренный ему альбом гравюр с картин Ван дер Мелена (не сохранился), а также заказ художнику-баталисту Мартену-младшему аналогичной серии картин, посвящённых победам в Северной войне.

Особое внимание было уделено художественно-промышленным предприятиям, которыми славилась французская столица. Самый большой интерес вызвали у Петра мануфактура Гобеленов и Монетный двор. Царь посещал их неоднократно и лично вникал во все подробности производства, которое он хотел видеть у себя в Петербурге. Он внимательно изучал то во французском искусстве, что можно было позаимствовать, что могло, по его мнению, прижиться на русской почве.

Обширными и плодотворными были научные контакты русского царя в Париже. Сначала как будто преобладали естественнонаучные и технические интересы. Прежде всего (в первый же день) царь отправился в Ботанический сад и в анатомический театр. Царь наблюдал операцию на глазах и заказал восковые модели органов человеческого тела. Два раза он посетил Парижскую обсерваторию. Пётр беседовал с известным географом Гийомом Делилем, с геометром Пьером Вариньоном, с изобретателем и математиком отцом Себастьяном, осматривал кабинет технических диковинок Луи-Леона Пажо. Царь купил большое количество приборов, инструментов и книг. В конце своего пребывания в Париже Пётр I нанёс визит в Королевские академии в Лувре: Академию наук, Академию надписей, Французскую академию, Академию живописи и скульптуры. Наибольший резонанс имело посещение Академии наук, где французские учёные продемонстрировали царю свои успехи. Тогда же по инициативе русской стороны встал вопрос о приёме царя в члены Академии, но французские академики не сразу выполнили это желание царя. Вопрос разрешился лишь в конце 1717 г. — 22 декабря. Мне представляется, что проблемы, возникавшие у Петра I в общении с французскими учёными (и художниками), были обусловлены, в конечном счёте, разницей в тогдашнем культурном уровне двух стран. Однако констатация этого очевидного, на мой взгляд, факта вызвала критику рецензента³².

Культурные и научные интересы царя необыкновенно ярко проявились во Франции, наметился явный поворот в сторону искусства

³² См. рец. Н. П. Копаневой: Историческая экспертиза. Журнал рецензий. 2016. № 2. С. 131.

и гуманитарных знаний. В целом визит Петра I в Париж положил мощное начало русско-французскому культурному диалогу, который уже в XVIII в. принёс обильные плоды.

Находясь за границей, царь никогда не забывал о России. Европейские достижения он постоянно примерял к потребностям и возможностям своей страны. Однако и внутренние проблемы постоянно напоминали ему о себе. В тот самый день, когда юный король нанёс визит вежливости Петру I, последний написал грозное письмо в Сенат. До царя дошли сведения (по-видимому, от А. Д. Меншикова, который враждовал с сенаторами), «что в губерниях неслосные правежи чинятца... от чего не точию разорение государству, но и от Бога не без гневу». Пётр под угрозой Божьего и «здешнего» суда уговаривал сенаторов осуществлять денежные сборы «без великого отягчения людем». Обращал он внимание и на то, что ныне называется «нецелевыми расходами», требуя от сенаторов, чтобы в таких случаях «немедленная инквизиция была и эксекуция»³³.

Гораздо бóльшее беспокойство, чем постоянная борьба с коррупцией, доставила Петру новость о бегстве царевича Алексея. Узнав о предстоящей поездке царевича в Европу, неугомонный Конон Зотов в конце 1716 г. неофициально обсуждал с французскими властями вопрос о возможной женитьбе овдовевшего Алексея на французской принцессе, за что получил «отеческую» отповедь от царского секретаря А. В. Макарова, который, вероятно, уже знал о «пропаже» царевича. Накануне приезда во Францию, царь пытался разведать, где скрывается его беглый сын, и с горечью писал Меншикову в апреле 1717 г.: «Чаю, вы уже известны, что проклятый мой большой сын зделал на стыд во весь свет, ибо с тремя человеки и с женкою ушел в Ыталию»³⁴. Семейный разлад приобрёл международную огласку, осложнив и без того непростые отношения царя с европейскими партнерами.

Примечательно, что накануне большого европейского путешествия озабоченный династическими проблемами царь рассуждал о том, как вопросы престолонаследования решились во Франции после смерти Людовика XIV. Французский пример, когда монарх при назначении наследника должен был считаться с законом, царя не устраивал³⁵.

³³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 84. Л. 395–395 об.

³⁴ Там же. Л. 320.

³⁵ Бушкович П. Пётр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. С. 353–355.

В связи с делом царевича Алексея возникает вопрос, как русское общество реагировало на Второе европейское путешествие царя и его долгое отсутствие в стране? О народном недовольстве Первым заграничным путешествием хорошо известно. Я не располагаю прямыми свидетельствами о том, как поездка Петра во Францию воспринималась в России. Лишь намёки на раздражение в различных слоях общества и общее недовольствие, содержатся в донесениях французского посланника Анри де Лави, который писал в апреле 1717 г.: «Для успокоения народа распространяют слух, будто бы возвращение царя ожидают в скором времени, тем более что дворянство, духовенство и купечество много роптали по поводу отсутствия царевича-наследника, о котором полагают, что он в Италии; меня же уверяли, что знатнейшие лица здешнего двора снабдили его 60 000 червонцев и обещали служить его интересам до тех пор, пока он не наследует престола своего отца, ибо думают, что монарх этот намерен назначить по себе наследником сына своего Петра»³⁶. Судя по письму, само бегство царевича являлось следствием внутренних разладов и вызывало ропот, который могло прекратить возвращение царя. В другом месте дипломат писал, что «отсутствие царя затрудняет торговлю» и вызывает недовольство купцов³⁷. Не ощущая твёрдой руки монарха, «знатные лица состоят в сильнейшей вражде до того, что обвиняют друг друга в лихоимстве и прочих злоупотреблениях, что чрезвычайно увеличивает волнение и беспорядок, и может быть успокоено лишь скорым возвращением его царского величества»³⁸. Обострение борьбы придворных группировок в отсутствии царя отмечали и другие дипломаты³⁹.

Таким образом, изучение визита Петра I во Францию отнюдь не замыкается на вопросах русско-французских отношений. Рассмотрение этого события в контексте общей политической ситуации в Европе 1717 г., а также в связи с внутривластной обстановкой в России может значительно обогатить представление об этом неординарном событии. Его дальнейшее изучение предполагает и новое обращение к проблемам русско-французских отношений в области культуры, науки, искусства. Надеюсь, что 300-летний юбилей визита будет способствовать решению этих научных задач.

³⁶ Сб. РИО. Т. 34. СПб., 1881. С. 182.

³⁷ Там же. С. 120–121.

³⁸ Там же. С. 226.

³⁹ См.: Бушкович П. Указ. соч. С. 276–277.

Патрик Демуи
(Реймс)

*Профессор Университета Реймса,
Образовательно-исследовательского подразделения
филологии и гуманитарных наук, отдел истории*

Пётр I в Реймсе, 22 июня 1717 года¹

По окончании своего пребывания в столице Франции, 20 июня 1717 г. Пётр I покинул Париж и отправился в Экс-ла-Шапель (современный Аахен). Его путь пролегал через Реймс²: по нему следовали короли Франции, чтобы в Реймском соборе получить помазание на царство³. После Виллер-Котре царь сделал остановку в Суассоне, откуда выехал рано утром 22 июня. Пока на почтовой станции в Жоншери-сюр-Вель меняли лошадей, он совершил быструю трапезу и, возобновив путь, приехал в Реймс к часу пополудни. Конечно, о его приезде было объявлено. Городской совет поспешил организовать приём, сравнимый с тем, каким принимали короля. Так называемые Парижские ворота, выходившие на мост через реку Вель, были украшены царским гербом, заказанным художнику Клоду Эллару. На подъезде к городской стене выстроился почётный караул из стрелков с аркебузами, и был произведён залп из тридцати шести пушек. Городская милиция при полном параде была рассредоточена на всём протяжении улицы Бур-де-Вель, беря на караул при проезде царя. Весь предусмотренный путь до собора был тща-

¹ Пер. с франц. М. Г. Шербины.

² *Jadart H.* Passage de Pierre le Grand à Reims, le 22 juin 1717 (Пётр Великий проездом в Реймсе 22 июня 1717 г.) // *Almanach Matot-Braine.* 1891. P. 3–11. Автор ссылается на сохранившиеся архивы и публикует относящиеся к вопросу документы.

³ *Demouy P.* Le sacre du roi. Strasbourg: La Nuée Bleue, 2016. P. 274.

ный елей, необходимый для миропомазания, не смог пробраться через плотную толпу, окружившую первого короля франков. И тогда «драгоценную жидкость» вдруг принесла неизвестно откуда прилетевшая белая голубка.

Однако обсуждение этой легенды не является предметом нашего повествования⁴. Если что и важно, то это значение, придаваемое данному предмету со времён Каролингов, как для того, чтобы подчеркнуть привилегию реймских архиепископов, традиционно выполнявших функцию посвящения короля в соборе в память о первом основополагающем обращении в христианскую веру, так и для возвеличения французской королевской власти.

Никакой другой монарх, ни даже папа римский не мог похвастаться тем, что получил подобное благословение чудесного свойства, которое к тому же сообщало ему способность самому творить чудеса: король Франции, официально считавшийся чудотворцем, мог излечивать от золотухи⁵. При каждом короновании ампулу пронесли с процессией, посвящённой Святому Ремигию, в реймский собор Нотр-Дам. Перед тем как приступить к миропомазанию, святитель выливал из ампулы небольшое количество бальзамической жидкости, которое он смешивал с елеем, приготовленным в текущем году. Так каждый король был помазан тем же маслом, что и основатель первой королевской династии. Это был специальный знак преемственности и сакральной легитимности.

Несомненно, это должно было впечатлить русского царя. Он попросил немедленно отвести его к усыпальнице Святого Ремигия, в которой хранилась священная ампула. Пётр очень внимательно её рассмотрел, задавая вопросы. Затем, поскольку он выказал желание освежиться, монахи проводили его в помещение, выходящее в сад аббатства, где царь съел несколько сдобных пышек, выпил пива, а

Реликварий св. Ампулы.
Акварель Ж.-Ж. Макара.
BM Reims (Муниципальная
библиотека Реймса).

⁴ Demouy P. Op. cit. P. 80–86.

⁵ Bloch M. Les rois thaumaturges. Etude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale, particulièrement en France et en Angleterre. Strasbourg: Istra, 1924.

также бокал вина, не забыв перед тем перекреститься. Через четверть часа, в течение которых он оставался на ногах, царь сказал, что хотел бы снова увидеть священную ампулу и, более того, попросил извлечь её из реликвария (Святой Стекляницы). Стекляница являла собой блюдо из серебра и золота, украшенное камнями и покрытое хрустальным колпаком. Монахи ответили, что потребуется время, чтобы найти ключи, необходимые для данной довольно деликатной операции. Тогда Пётр, демонстрируя видимое нетерпение, высказал пожелание отправиться в церковь аббатства Сен-Никез, чтобы увидеть «качающуюся башню».

Это пожелание, высказанное после проявленного царём мистического интереса к знаменитой реликвии, открывает другую черту его характера, его научную любознательность. Будучи в Париже, он посетил Обсерваторию и физический кабинет, встретился с несколькими учёными сообществами, в частности, побывал в Академии наук, где присутствовал на заседании и где ему оказали честь, представив несколько технических новинок.

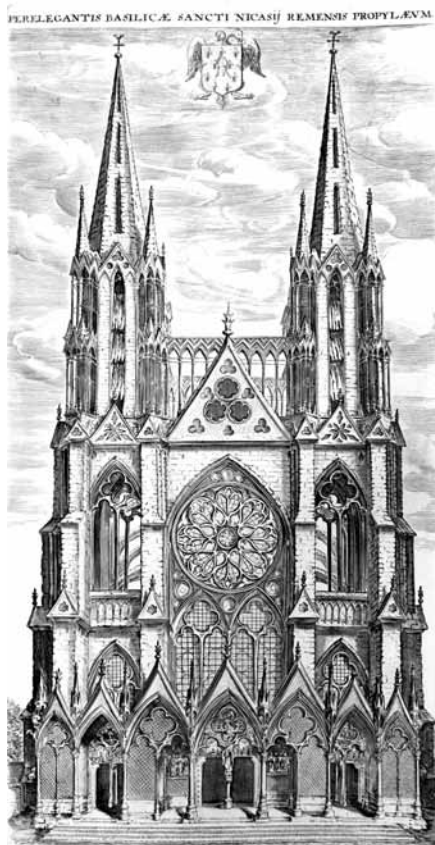
В Реймсе, с тех пор как в 1670-е гг. на башнях церкви аббатства Сен-Никез были установлены новые колокола, был замечен странный феномен вибрации с южной стороны, охватывавшей колокольню и первые аркбутаны нефа. Церковь Сен-Никез, фасад которой послужил образцом для собора Нотр-Дам, была чудом готической архитектуры. Каждая из её колоколен очень лёгкой структуры венчалась каменным шпилем, украшенным четырьмя маленькими пирамидами, связанными между собой ажурными арочными соединениями, обеспечивавшими их композиционное единство⁶. С северной стороны висели два больших колокола, раскачивавшиеся в направлении с востока на запад, т.е. вдоль линии, параллельной нефу. С южной стороны было уже четыре колокола, из которых два средних качались в направлении с севера на юг, перпендикулярно нефу, и были подвешены немного выше верхних краёв аркбутов (приблизительно на высоте 30 м), а два меньших помещены над ними в структуре звонницы, качаясь в направлении с востока на запад. Один из этих колоколов, весивший около 2000 фунтов (т.е. примерно тонну), вызывал феномен вибрации. Ни соседний, меньший колокол, весивший 600 фунтов, ни все четыре вместе не производили такого действия, потому что их колебания были перекрёстными.

Учёный аббат Плюш уделил этому вопросу длинное рассуждение в VII томе своей книги «Природные явления» («Spectacle de la Nature»)

⁶ *Givelet Ch. L'église et l'abbaye de Saint-Nicaise de Reims, Notice historique et archéologique depuis leurs origines jusqu'à leur destruction. Reims: Michaud, 1897.*

(1732). Для более детального изучения феномена он сначала поднимался по лестнице, ведущей на нависавшую над фасадом галерею, а затем оттуда по маленькой лестнице со световыми проёмами — в одну из башенок, расположенных по углам южной пирамиды, и останавливался на полпути, на высоте около 43 м, на уровне знаменитого колокола. Именно так поступил Пётр I: «Сосредоточившись и погрузившись в собственные ощущения, чувствуешь, как если бы тебя качали в направлении с востока на запад, а иногда кажется, что соседние предметы движутся. Для большей уверенности лучше закрыть глаза, чтобы не отвлекаться. Так и сделал царь Пётр, когда побывал здесь в 1717 году и сделал свои замечания по поводу этой особенности. Он поднялся к башне и уселся на второй лестнице. Можно было подумать, что он уснул. Но, похоже, что он закрыл глаза только затем,

чтобы, сосредоточив всё внимание, самостоятельно убедиться в движении башни, о котором его предупредили. Затем он продиктовал своему секретарю то, что думал об отношении между движениями колокола и башни. И повсюду, куда он пожелал отправиться, к усыпальнице Святого Ремигия, в собор или ещё куда, секретарь всё записывал под его диктовку. Так мы можем проследить за тем, что привлекло внимание этого великого гения»⁷.

Фасад церкви аббатства Сен-Никез.
Гравюра по рисунку Николая де Сона.
1625. Частная коллекция.

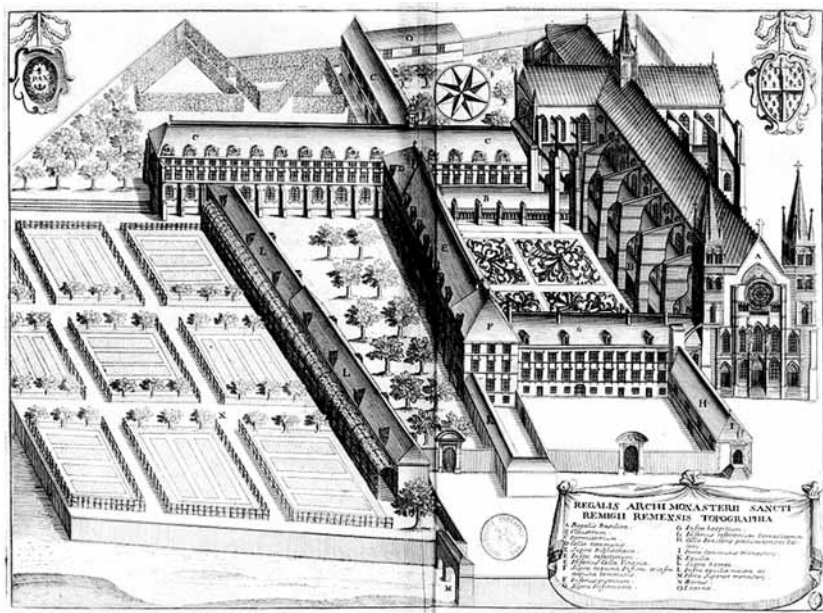
⁷ *Pluche A. Le spectacle de la nature ou entretiens sur les particularités de l'histoire naturelle, nouvelle édition. Paris, 1755. P. 327–346, p. 333 pour cette citation.*

Быстро посетив аббатство Сен-Никез, где (с учётом его интереса к архитектуре) ему показали большую ведущую в дортуар лестницу, которая была недавно построена. После этого царь возвратился в монастырь Святого Ремигия, где смог наконец прикоснуться к священной ампуле и восхититься гробницей основателя династии франков, монументальным семиручным подсвечником, большой люстрой на 96 свечей, которую называли большой короной, и мозаикой в хорах (всё это, увы, было варварски уничтожено во время Революции)⁸. Затем царь согласился сесть в архиепископскую карету и отправиться во дворец для лёгкой трапезы. Осмотру собора и рассмотрению его портала он уделил совсем немного времени. В осмотре царя сопровождало несколько каноников, но Пётр торопился и, похоже, не уделил большого внимания ни церковной утвари, ни знаменитому «славянскому молитвеннику», который сейчас хранится в Реймской муниципальной библиотеке⁹. Эта рукопись (датируемая XI–XIV вв.), подаренная капитулу собора в 1574 г. кардиналом Лотарингским, большим библиофилом, возможно, была вывезена из Константинополя. Она написана как кириллицей, использовавшейся в русском церковном ритуале, так и глаголицей на старом чешском языке, представляя собой ценное свидетельство евангелизации славянских земель. Надпись на оборотной стороне форзаца уточняет, что царский вице-канцлер, бывший проездом в Реймсе 27 июня, то есть через пять дней после своего государя, легко смог прочесть первую часть манускрипта. Впоследствии «славянским молитвенником» также интересовался Николай II (1901), а после него и многие другие официальные лица, приезжавшие из России. Сам Пётр I более к нему не проявлял интереса. Царь хотел обязательно покинуть город до вечера. Он уехал по дороге в Ретель, так и не встретившись с ожидавшими его представителями цехов, ночь провёл в Иль-сюр-Сюип, на следующий день добрался до Шарлевиля, откуда на лодке спустился по Маасу до Живе, чтобы закончить путешествие в Экс-ла-Шапель и Спа.

Таково было краткое пребывание Его Царского Величества в Реймсе, трёхсотлетие которого мы отмечали в 2017 году. Вспомним, как нам кажется, пророческую деталь: три памятника, которые посетил Пётр, ныне включены в список всемирного наследия

⁸ *Lacatte-Joltruis J.-F.* Essais historiques sur l'abbaye de Saint-Remi de Reims. Reims, 1843.

⁹ *Lemps M., de.* Trésors de la Bibliothèque municipale de Reims. Reims, 1978, notice n°60.

Аббатство Сен-Реми. Коллекция видов и планов Бенедиктинских монастырей во Франции. Monasticon gallicanum.

ЮНЕСКО: собор и церковь св. Ремигия с 1991 г., холм Сен-Никез в рубрике Склоны, дома и погреба Шампани с 2015 г. Аббатство не сохранилось, но осталась часть его погребов, принадлежащих фирме Тэтэнже, в которых она создаёт праздничные сорта шампанского, в том числе в честь нашей памятной даты.

Михаэль Шиппан
(Берлин)

Сотрудник библиотеки герцога Августа Вольфенбюттельского

Путешествие Петра I по немецким землям в 1716–1717 годах¹

Начиная с 1713 г. Северная война гремела прежде всего в Финляндии и вблизи остзейских провинций Швеции. В 1716 г. русский царь начал подготовку наступления антишведской коалиции — вторжения в Сконию и проникновения в центральные районы Швеции. Со свойственной ему стремительностью он пересёк северонемецкие земли Священной Римской Империи: королевство Бранденбург-Пруссию (Brandenburg-Preußen), герцогство Мекленбург-Шверин (Mecklenburg-Schwerin), бывшие шведские владения в Передней Померании, герцогство Гольштейн (Holstein), курфюршество Ганноверское, находящееся с 1714 г. в личной унии с Великобританией, и соседние малые государства. Кроме того, в 1716 г. он останавливался в свободных имперских и ганзейских городах Гамбурге и Любеке.

Свою последнюю большую поездку в Европу Пётр I начал в Петербурге 27 января / 7 февраля 1716 года. Более двух месяцев царь провёл в польском королевском городе Данциге (Гданьске), в котором он остановился 18 февраля. Здесь Пётр вёл переговоры с польским королём Августом II, который заверил царя в том, что не намеревается вводить абсолютную форму правления в польском выборном королевстве. В 1716 г. в Данциге был заключён второй брачный союз между русским царствующим домом и немецким

¹ Перевод с нем. И. Б. Микиртумова.

имперским князем: племянница Петра Екатерина Иоанновна вышла замуж за герцога Карла Леопольда Мекленбург-Шверинского (Carl Leopold von Mecklenburg-Schwerin), в чьём государстве русские войска находились уже несколько лет. Как и заключённый в 1711 г. в Торгау брачный союз наследника престола Алексея Петровича с принцессой Шарлоттой Кристиной Софией Брауншвейг-Вольфенбюттельской, данцигское бракосочетание 1716 г. имело публицистическое эхо. Между мекленбургскими профессорами Георгом Фридрихом Штибером (Georg Friedrich Stieber) и Фридрихом Томасом (Friedrich Thomas) состоялся учёный диспут о том, не состояли ли уже в Средневековье русские великие князья и мекленбургские государи в родстве.

У наследников доктора Иоганна Кристофа Готтвальда (Johann Christoph Gottwald; ум. в 1713) в Данциге для Кунсткамеры в Петербурге была приобретена коллекция минералов.

Из Данцига Пётр I через Шверин (Schwerin) и Висмар (Wismar) поспешил к своей армии, вошедшей в Мекленбург и разместившейся по балтийскому побережью, прежде всего у Ростока и у порта Варнемюнде (Warnemünde). Трещины в антишведской коалиции, которые в течение 1716 г. должны были ещё углубиться, обнаружились уже в том, что после взятия шведской крепости Висмар в марте 1716 г. русскому вспомогательному корпусу под командованием генерала А. И. Репнина было отказано во входе в крепость, что было оскорбительно по отношению к царю.

Лечение Петра I в Пирмонте

Пётр болел и в 1716 г. воспользовался возможностью полечиться на водах. В течение 20 дней царь доблестно пил воду источников в Пирмонте (Pyrmont) — курорте во владениях графа Вальдека (Waldeckschen). По пути в Пирмонт он останавливался в парках Херренхаузена (Herrenhausen) в Ганновере. В первый раз Пётр был здесь в 1713 г. и встречался с 81-летней курфюрстиной Софией (Sophie von Hannover), которая в свои годы пользовалась ещё отменным здоровьем, пока в следующем 1714 г. во время прогулки по парку не скончалась в результате инсульта. В этом же году сын Софии, Георг Людвиг, стал королём Великобритании и основал Ганноверскую династию, которая до 1837 г. дала четырёх королей по имени Георг. Парки Херренхаузена, старейшее сохранившееся садово-парковое сооружение раннего барокко в Германии, создавались с 1666 года. К 1714 г. под руководством придворного садовника Мартина Шарбонье (Martin Charbonnier) они в основном приняли

тот облик, в котором мы видим их сегодня. Лейбниц прогуливался здесь с Софией Шарлоттой, будущей прусской королевой и вёл с ней философские беседы.

Последняя встреча с Лейбницем

В Пирмонте произошла и последняя личная встреча Петра с Готфридом Вильгельмом Лейбницем. Ранее они виделись в Торгау в 1711 г., в Карлсбаде и Дрездене. Обсуждали проблему: «соединяется ли Азия с Америкой». Вопрос имел и теологическое измерение. Так, швейцарский естествоиспытатель Луи Бурже (Louis Bourget; 1678–1742), убеждённый сторонник теории потопа, предполагал, что в силу всеобщего характера потопа между Азией и Америкой должен быть перешеек. Следствием этих споров оказалась первая камчатская экспедиция Витуса Беринга, которая началась в 1724 году. В Пирмонте Лейбниц познакомился с личным врачом царя, Робертом Арескиным, и общался с ним по поводу диспута с Самюэлем Кларком (Samuel Clarke), который отстаивал позиции Исаака Ньютона (Isaac Newton).

В январе 1724 г., после окончания войны России с Персией (1722/23), планы по созданию в Санкт-Петербурге Императорской Академии наук могли стать действительностью, что Лейбниц в последний раз и обсуждал с царём в Пирмонте. В своих личных записях 1718 г. Пётр I пометил однажды на полях «Зделать Академию». Спустя пять дней после смерти Петра Великого, последовавшей 28 января 1725 г., личный врач царя Лаврентий Блюментрост младший сообщил предполагаемому президенту Академии Христиану Вольфу (Christian von Wolff) в Марбург, что воля царя будет исполнена. Вольф, правда, отклонил приглашение занять должность в Петербурге, вследствие чего первым президентом Академии был назначен сам Блюментрост. Наконец, 15 августа 1725 г. Екатерина I приняла иностранных членов Академии, которые к этому времени прибыли в столицу. Ввиду выраженного интереса Петра Великого к технике могли бы иметь особую ценность два подарка, который как раз готовил Лейбниц: по его указаниям там была сооружена счётная машина. Лейбниц наблюдал также за сооружением «Perpetuum mobile», каковой он, правда, не считал способным к функционированию, и потому это устройство не попало к Петру I в Россию.

Встреча и конвенция в Хафельберге — Ноябрь 1716

Осенью 1716 г., после того как десант в Сконию был отложен, обнаружилось, что Россия испытывает «серьёзный кризис политики силы», не без влияния действий царя, который поддерживал герцога Мекленбург-Шверинского и предоставил ему войска для подавления рыцарского сословия в его стране. Разногласия между союзниками по антишведской коалиции увеличивались. Вообще, в это время самым близким союзником оставался только прусский король Фридрих Вильгельм I. 2 / 13 октября 1716 г. Пётр I, оставшийся ещё в Копенгагене, вызвал к себе прусского дипломата Фредерика Эрнеста фон Книпхаузена (Friedrich Ernst von Knipphausen), указал на хорошие отношения России и Пруссии и выразил надежду, что прусский король не поддастся нащёптываниям противников России. Речь шла прежде всего о ганноверском дворе. 20 октября 1716 г. Пётр предложил место для встречи с Фридрихом Вильгельмом I — на «слиянии Шпрее с Эльбой». Эта географическая ошибка отчасти была воспроизведена в литературе. Для путешествия русского монарха со свитой в Хафельберг (Havelberg) мекленбургское рыцарство должно было выставить 50 экипажей и 450 лошадей.

В период с 23 по 28 ноября 1716 г. в Хафельберге собрались представители семи европейских государств: помимо России и Пруссии присутствовали посланники Саксонско-Польского королевства, Дании, Англии и Ганновера, а также герцог Карл Леопольд Мекленбург-Шверинский. О встрече в Хафельберге сообщений очевидцев сохранилось не много. Саксонско-польский посланник фон Эрнст Кристоф Мантейфель (Ernst Christoph von Manteuffel), направивший сообщение о встрече в Хафельберге своему министру Якобу Генриху фон Флеммингу (Jacob Heinrich von Flemming), также сообщал немного: «Когда он прибыл, то застал обоих монархов за столом достаточно пьяными, и не было никакой возможности обсуждать серьёзные вещи». В рукописных «*Zeitungen*» («*Газетах*»), которые Франц Германн Ортгиз (Franz Hermann Ortgies) направлял своему господину, князю Георгу Альбрехту Остфризландскому (Georg Albrecht von Ostfriesland), значится: «*Как слышно из Хафельберга, Его Царское Величество прибыл туда в понедельник 23-го, а до того король Запада, каковой остановился на дворе домского каноника, царь же — в деканате, и у пробста оба правителя имели собрание вместе со всеми высокими министрами*».

В последний день встречи правителей была заключена так называемая «Хафельбергская конвенция» между Россией и Пруссией,

которая состояла из двух деклараций. Первая была направлена против тех северных союзников по антишведской коалиции, которые не выполнили своих союзнических обязательств и могли, возможно, заключить сепаратный мир со Швецией. Россия и Пруссия гарантировали друг другу обладание завоёванными в предшествующие годы областями. Фридрих Вильгельм I обещал поддержать царя, если бы этого нужно было добиваться, в сохранении за Россией завоёванных русскими войсками в 1710 г. бывших шведских остзейских провинций. Особый пункт защищал права выполнивших обязательства союзников, что нужно понимать как ограничение соглашения Пруссии поддержать притязания царя на Лифляндию. Изначально Лифляндия была польским леном, ставшим затем шведским, и на неё мог притязать польский король Август II. Чтобы не допустить появления в Польше сильной монархии, Пётр I без колебаний поддержал оппозиционных польских конфедератов против Августа II, до сего момента своего союзника по антишведской коалиции, с которым он дружески пировал ещё в 1698 г. в Раве. Наконец, во второй декларации царь гарантировал прусскому королю свою поддержку в получении заложенного в 1657 г. Пруссии за 400 000 талеров города Эльбинга, который в 1710 г. был взят русскими войсками.

Хафельбергский конный портрет Петра I. Подарки — Янтарная комната и государственная яхта для царя Петра I

В Хафельберге придворный прусский живописец Антуан Пэн (Antoine Pesne) начал портрет царя Петра на коне, — так сообщала «*Berliner geschriebene Zeitung*». Царь изволил изобразить себя в форме, которая была на нём в день Полтавской битвы 27 июня / 8 июля 1709 года. В вышедшем в 1958 г. каталоге работ Пэна это произведение зарегистрировано под номером 247 («Царь на коне / последний написан Паулем Карлом Лейгебе») и значится как утраченное. Предположительно, было два экземпляра. Один по описанию 1786 г. берлинского книготорговца Фридриха Николаи (Friedrich Nicolai) находился в Берлинском замке. О том, как выглядел второй, попавший в Россию, можно составить представление по двум шпалерам петербургской мануфактуры².

² Второй портрет работы Пэна ныне выставлен в Павловском дворце. Это портрет Петра в полный рост, в латах, с батальной сценой справа внизу. Вначале делался как погрудный портрет, околичности добавлены позже, но тем же

Царь Пётр получил в подарок ставшую позднее знаменитой Янтарную комнату. До того она находилась на третьем этаже Берлинского городского замка и понравилась царю во время его визитов в 1712 и 1713 годах. Резчик по янтарю и токарь Готфрид Вольфрам (Gottfried Wolfram), датчанин, а после него данцигский художник Готфрид Турау (Gottfried Turau) и янтарный мастер Эрнст Фридрих Шахт (Ernst Friedrich Schacht) в течение девяти лет работали над ней³ по эскизу Андреаса Шлютера (Andreas Schlüter). Сегодня, ввиду неопределимой ценности утраченного в 1945 г. кабинета, непостижимо, что в 1716 г. стоимость его составляла всего 30 000 талеров. Этот подарок произвёл тогда большой фурор. Другим подарком прусского короля, который особенно обрадовал увлечённого мореплавателя Петра I и который в данных обстоятельствах ценился ещё больше, нежели Янтарная комната, была королевская яхта «Корона», построенная голландским кораблестроителем Михелем Маддерстегом (Michiel Maddersteg) для прусского короля Фридриха I. 13 января 1717 г. части настенных панелей Янтарной комнаты, которая навсегда отправлялась в Россию, были перечислены в «Спецификации».

Хафельбергские легенды о Петре I

Никто из побывавших в Хафельберге особ не является столь популярной и столь сохраняемой в памяти жителей, как царь Пётр. В расположенном в подвале ратуши ресторане он изображён на одной из стен. Легенды о нём вошли в общий оборот и в «книги о родине», как, например, легенда о «*Knappen Tieden*», простом рыбном супе, который отведал царь в гостях у бургомистра Хафельберга. Супруга бургомистра попала в большое затруднение, потому что из-за постоянного для того времени недостатка продовольствия, из-за «скудных времён» (нижненемецкое — «*Кнарпе Tieden*») не могла предложить мясного блюда. «Не обессудьте, господин император, скудные времена», сказала хозяйка. Царь же подумал, что «*Кнарпе*

автором. Сам Пэн делал только лицо (см.: Пётр I: Время и окружение: Каталог выставки / ГРМ. СПб.: Palace ed., 2015. С. 42). Представление публике этого портрета после реставрации было произведено вначале в Эрмитаже (с января 2015 г.), а затем в июне 2015 г. на VII Международном Петровском конгрессе в Павловском дворце. — *Прим. ред.*

³ Все три мастера, делавшие Янтарную комнату, были связаны между собой и принадлежали одному клану профессиональных янтарных мастеров. Эрнст Фридрих Шахт был женат (с 1685) на сестре Готфрида Турау, Регине. А Готфрид Вольфрам в юности (с 1677) был учеником отца Готфрида Турау, янтарного мастера Никласа (Николаса) Турау. — *Прим. ред.*

Tieden» — это название простого рыбного супа. Царь понимал и говорил на голландско-нижненемецкой языковой смеси, что помогло ему в поездках по северной Германии без переводчика общаться с населением. Прямо в Хафельберге он дал своему фельдцейхмейстеру Якобу Брюсу задание издать на русском вышедшую как раз в 1712 г. «*Nederdeutsche Spraakkonst*» Вильяма Севеля (Willem Sewel) — голландскую грамматику. С интересом царя к мореплаванию была связана легенда о том, что Пётр I и в Хафельберге трудился как подмастерье корабельных дел мастера и собственноручно сделал из дерева так называемую «Русалку», которую некогда можно было видеть у здания пекарни. Даже если хафельбергские верфи, на которых строились корабли для заморских плаваний и для сообщения с курбранденбургскими колониальными владениями в Африке, с 1702 г. уже не существовали, то можно всё же представить, что царь, освобождаясь на известное время от дипломатических разговоров, ходил по улочкам и портовым сооружениям.

Через Гамбург, где царю и Екатерине Алексеевне было представлено музыкальное произведение оперного композитора Райнхарда Кайзера (Reinhard Keiser), известного тогда коллеги Георга Филиппа Телемана (Georg Philipp Telemann), Пётр I прибыл в Бремен, откуда 29 ноября / 10 декабря направился в Нидерланды.

Возвращение Петра I из поездки в Европу, сентябрь 1717

В то время, когда Пётр I находился в западной Европе, 16 000 русских стояли в Мекленбурге. 15 июня 1717 г. генерал Адам Вейде (Adam Weide) отдал приказ покинуть страну. Войска были переправлены из Ростка в Ревель на кораблях, а оставшаяся часть отправилась через прусские владения в Польшу. Расходы на пребывание российских войск составили для населения Мекленбурга, который оставался нейтральным в Северной войне, 51,4 млн имперских талеров. 3 000 русских оставались при герцоге Мекленбургском для поддержки его стремления установить абсолютизм вопреки сословному укладу. На обратном пути из Франции и Нидерландов в начале сентября 1717 г. Пётр, достигнув городов Клеве (Kleve) и Везель (Wesel), снова ступил на земли Священной Римской Империи и проследовал в основном уже проторённым в 1697 и 1698 гг. маршрутом через нижнесаксонские земли, города Липпштадт (Lippstadt), Херфорд (Herford) и Минден (Minden). Пётр I, очевидно, проехал и через территории ландграфства Гессен-Кассельского, кронпринц которого Фредерик был с 1715 г. женат на принцессе

Ульрике Элеоноре Шведской и который в 1720 г. станет королём Швеции. На этом отрезке пути в сентябре 1717 г. у Петра состоялась встреча с находившимся на службе Гессен-Касселя генералом Конрадом Фрайгером фон Ранком (Freiherr von Ranck), который до того побывал у шведского короля Карла XII и имел поручение передать Петру, что король охотно заключил бы мир с Россией и что, если и царь этого желает, то он мог бы предоставить князю Б. И. Куракину полномочия для переговоров.

В прусском Магдебурге царь встретился с губернатором князем Леопольдом Анхальт-Дессаусским (Leopold von Anhalt-Dessau), который ввёл в прусской армии строгую дисциплину и железный шомпол. О пребывании царя в Берлине с 8 / 19 по 14 / 25 сентября 1717 г., благодаря русскому переводу Сергея Искюля⁴, сохранилось свидетельство тогда ещё восьмилетней принцессы Вильгельмины (Wilhelmine), дочери прусского короля. Хотя эти воспоминания не во всех деталях следует принимать всерьёз, во многом они сохраняют основные черты реальности. Характерным для Петра был его засвидетельствованный Вильгельминой интерес к античным статуям.

Вербовка специалистов на русскую службу

Как и во время Великого посольства, последняя заграничная поездка Петра I сопровождалась вербовкой специалистов на русскую службу. 20 июня 1716 г. в Пирмонте с царём встретился Жан-Батист Александр Леблон (Jean-Baptiste Alexandre Leblond). В качестве *l'Architecte Generale de S. M. Czarienne* (главного архитектора Его Величества Царя) он разработал *Plane Generale* (генеральный план) застройки Санкт-Петербурга. В Берлине была нанята группа специалистов для службы в коллегиях — введённых в 1715 г. новых центральных управленческих органах России. К числу этих специалистов принадлежали баварец Иоганн Пауль Бакон (Johann Paul Bacon), который стал советником и вице-президентом Коммерц-коллегии; советником в этой же коллегии оказался Иоганн Готфрид Гюнтер (Johann Gottfried Günther) из Хальберштадта (Halberstadt); а секре-

⁴ Существуют два перевода этих мемуаров. Первый: Вильгельмина Байретская. Эпизод из посещения Берлина Петром Великим: Разказанный маркграфиней Вильгельминой Байретской в ея мемуарах / Пер. С. Клейнер // Голос минувшего. 1913. № 9. С. 169–172. Второй — в рамках статьи: Искюль С. Визит Петра I в Берлин по воспоминаниям прусской принцессы // Петровское время в лицах—2014: Материалы научной конференции: К 300-летию победы при Гангуте (1714—2014). СПб.: Изд-во ГЭ, 2014. С. 188–195. (Труды ГЭ. Т. 73). — *Прим. ред.*

тарём в Берг-коллегии и Мануфактур-коллегии — бранденбуржец Иоганн Теодор Левин (Johann Theodor Levin) из Ленцена (Lenzen).

Заключение

Планировавшийся десант в Сконию и брак Екатерины Иоанновны знаменовали в 1716 г. высшую точку попыток Петра I внедриться в северную Германию. Антишведская же коалиция в течение этого года крошилась и в значительной степени развалилась. Союзником царя оставался в Германии лишь прусский король Фридрих Вильгельм I. Теперь Брюс и Остерман были уполномочены на заключение мира со Швецией. Однако война завершилась лишь в 1721 г. Ништадским миром. В последние годы жизни интересы Петра переориентировались с центральной Европы на азиатское пространство, Персию и даже Индию.

БИБЛИОГРАФИЯ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

Источники

- Bacmeister H. L.* Ch. Beyträge zur Geschichte Peters des Großen / Herausgegeben von Hartw. Ludw. Christian Bacmeister, Inspector des Gymnasii der kaiserl. Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg, Mitglieder der königlich deutschen Gesellschaft in Güttingen ... Th. 2: Tagebuch Peters des Großen in einer deutschen Übersetzung. Riga, 1774.
- Bassewitz H. F. von.* Abdruck Der An Se. Czaarische Majest / Von dem Hollstein-Gottorfischen Hofe Durch den Envoyée von Bassewitz geschehenenen Propositionen, Und der darauf erfolgten Antwort, Nebst einigen andern Occasionen dieser Affaire, zum Vorschein gekommenen Piécen. [S. 1.], 1716. Berliner geschriebene Zeitungen aus den Jahren 1713 bis 1717 und 1735. Ein Beitrag zur Preußischen Geschichte unter König Friedrich Wilhelm I / Hrsg. von *Erwin Friedländer*. Berlin, 1902. (Schriften des Vereins für die Geschichte Berlins. № XXXVIII).
- [*Bessler J. E. E.*]. Gründlicher Bericht von dem durch den anitzo zu Merseburg sich befindenden Mathematicum Herrn Orffyream glücklich inventirten Perpetuo ac per se mobili nebst dessen accurater Abbildung, wie solches [...] zu gedachten Merseburg [...] genau examiniret, auch allda noch zu sehen ist. Leipzig: Johann Theodor Boetio, 1715.
- [*Bessler J. E. E.*]. Triumphans Perpetuum Mobile Orffyreamum. Omnibus Summis Orbis Universi Princibus Magistratibus & Statibus debita com Submissione Venale propositum, una cum variis ejusdem effectibus per Authentica testimonia confirmatum ab ejusdem Inventore Orffyreo = Das Triumphirende Perpetuum Mobile Orffyreamum: an alle Potentaten, hohe Häupter, Regenten und Stände der Welt, [et]c. In gebürender Submission Zu etwanniger Ernhandlung vorgestellt ... / von dessen Inventore Orffyreo. Cassel: [Autor], 1719. (Sign. HAB: M: «Nc 512»)

- Carmon J.* Unterthänigstes Prognosticon Auff die Grosse und gesegnete Vermählungs-Alliance, welche zwischen den Durchl. Fürsten [...] Carl Leopold, regierenden Hertzogen zu Mecklenburg [...] Mit der Durchl. Fürstin Catharinan Iwanownan [...] des Heren Ivan Alexiewitz, [...] den 19. April anno 1716 in Dantzig auffgerichtet worden [...] zu allertiefster Devotion gehalten. Rostock, [1716].
- Delisle G.* Théâtre complet et particularisé de la Guerre du Nort; Ou cartes géographiques des païs exposez à la présente guerre, avec une instruction géographique touchant ces etats, les caracteres des souverains qui y regnent à present, & une table treès-ample pour trouver aiséement tous les endroits marquez dans ces cartes / Par le Sr. R de L. La Hay: Chez Henry Scheurleer, 1740. (Sign. HAB: M: Gs 432).
- Demnach es durch die allein weise Providence und sonderbare Güte des Allerhöchsten sich gefüget daß zwischen dem Durchlauchtigsten Fürsten und Herrn Herrn Carl Leopold Hertzogen zu Mecklenburg [...] und der Durchleuchtigsten Fürstin Frauen Catharinen des Weyland [...] Ivan Alexiewiz, Czaaren und Selbthaltern aller Reußen [et]c. [et]c. Hinterlaßenen Aeltesten Printzeßin Tochter Hoheit ein Fürstliches Ehe-Gelübde geschlosse[n] [...] am 19. Aprilis in Dantzig [...]. [Schwerin, 1716]. (Digital. Rostock, 2016).
- Fassmann D.* Leben und Thaten des Allerdurchlauchtigsten und Großmächtigsten Königs von Preußen Friderici Wilhelmi: biss auf gegenwärtige Zeit aufrichtig beschriebe. Hamburg; Bresslau, 1735. (Neudruck. Bad Honnef: LTR-Verlag, 1982).
- Imhof A. L. von.* Neu-eröffneten Historischen Bilder-Saals Achter Teil: Das ist Kurtze deutliche und unpartheyische Beschreibung der Historiae Universalis, enthaltend Die Geschichten welche sich unter dem Glorwürdigst-regierenden Kayser Carolo VI. von dem Baden-Rastadtischen Frieden an biß auf das Jahr 1723: Vornehmlich in Europa, auch sonsten hin und wieder in der Welt zugetragen: Durchgehends mit vielen Kupffern ausgezieret und mit gehörigen Registern versehen. Nürnberg: Buggel u Seitz, 1727.
- Johann Mattheson (1681–1764). Lebensbeschreibung des Hamburger Musikers, Schriftstellers und Diplomaten / Hrsg. von H. J. Marx. Hamburg: Verlag der Musikalienhandl. Wagner, 1982.
- Kirch Ch.* Aufrichtiger Bericht Von dem in itztlauffenden 1716 den Jahre den 17. Martii Abends entstandenen ungewöhnlichen Nord-Schein Wie solcher allhier in Dantzig die gantze Nacht durch mit Fleiß observiret und nachgebends in unterschiedenen beygefügtten Figuren abgezeichnet worden. [Danzig: S.n., 1716].
- Kurtzer und deutlicher Beweiß Daß IHro Regierende Hoch-Fürstl. Durchl. Zu Mecklenburg [et]c. Mit guten Fug Rechtsens Zu Einer Neuen Vermählung schreiten. [S. 1.], 1716.
- Lentz S.* Diplomatische Stifts-Historie von Havelberg. Halle: Bauer, 1750.
- Martens F.* Recueil des traités et conventions, conclus par la Russie avec les puissances étrangères. T.5: Traités avec l'Allemagne: 1656–1762. SPb.: Impr. du Min. des voies de comm. (A. Böhnke), 1880.
- Peter der Große.* Journal de Pierre le Grand deppuis l'année 1698 jusqu' la conclusion de la paix de Neustadt / Trad. de l'original russe; Imprimé

d'après les mss. Corrigés de la propre main de sa majeste imperiale, qui sont aux archives; [Préf. de l'ed. russe: pr. *Michel Schtscherbatow*]. Berlin: George Jacques Decker, 1773.

- Pommerischen Kriegs-Theatrum, oder Geographische und historische Beschreibung des Herzogthums Pommern, und Fürtsethums Rügen, wie auch der Vestung und Herrschaft Wißmar, die vornehmsten Revolutiones besagter Länder in sich fassend. Nebst des Nun schon ins Sechzehende Jahr währenden Nordischen Krieges Anfang, Fortgang und Gott gebe! Bald zu erwartendem Ausgang, und folglich biß zur Übergabe der durch Accord eroberten Stadt und Festung Wißmar, Darinnen alle dessen Merkwürdigkeiten summarisch und unpartheyisch angezeigt werden. Franckfurth; Hamburg; Leipzig; Nürnberg, 1716.
- Quellenanhang zum Aufenthalt des Zaren in Bad Pymont // Zar Peter der Große: Die zweite große Reise nach Westeuropa 1716–1717: Auf europäischer Bühne / Hrsg. von *D. Alfter*. Hameln: Niemeyer, 1999. S. 111–117.
- Relations Courir (Hambur). 1716, 1. und 8. Dezember. Woche 49, Stück 2; Woche 50, Stück 2.
- Stieber G. F.* G. F. Stiebers Historische Untersuchung des hohen Alterthums, Verwandtschaft und Ursprungs des Grosz = Czaarischen und drl. Mecklenburgischen Hauses, wobey zugleich untersucht wird: Ob die Russen und Wenden vor eine Nation zu halten seyn, oder nicht?: alles mit unpartheyscher Feder aus den bewehrtesten Scribenten verfasst. Rostock; Leipzig: Fritsch, 1717.
- Sturm L. Ch.* Vollkommene Auflösung des Grossesten [...] Problematis aus der Arithmetica sacra von der Apokalyptischen Zahl 666. Rostock; Flensburg, 1716.
- Thomas F.* Avitae Russorum atque Meclenburgensium principum propinquitatis seu consanguinitatis monstrata ac demonstrata vestigia. Gewiesene Spuhren einer uhr-alten Anverwandschaft, zwischen den beyden Groß-Czaarisch-Rußischen und Hertzoglich-Mecklenburgischen Hohen Häusern, nach einer zwiefachen Stamm = Taffel deutlich vor Augen geleyet, und aus bewährten Scribenten erweißlich gemacht, nachhero auch wieder einige dagegen öffentlich erregte Dubia in angehentger Beylage gerettet von Friedrich Thomas, Gymn. Güstr. Subrector. Rostock: Gedruckt bey Johann Weppling, 1717.
- Tobarius G.* Remarquable Curiosa Auf das Jahr 1717 [...] Mit nützlichen Historischen, Geographischen und Genealogischen Anmerckungen erläutert, Und neben einem Register ausgefertiget / ... Erfurt, 1717.
- Wilhelmine von Bayreuth.* Eine preußische Königstochter: Glanz und Elend am Hofe des Soldatenkönigs in den Memoiren der Markgräfin Wilhelmine von Bayreuth / Aus dem Französichen übersetzt und 1910 hrsg. von *Annette Kolb*; Neu hrsg. von *Ingeborg Weber-Kellermann*. 3. Aufl. Frankfurt am Main: Insel-Verl., 1988.
- Wilhelmine von Bayreuth.* Memoiren einer preußischen Königstochter - Markgräfin Wilhelmine von Bayreuth / Übersetzung, Anmerkungen und Nachwort von Günter Berger. Bayreuth: Ellwanger, 2007.

Избранные исследования и популярные издания

- Als Peter der Grosse im Schloss Herrenhausen tanzte // Hannoversche Allgemeine Zeitung. 2009, 29.12.
- Alvensleben U. von, Reuther H.* Herrenhausen: Die Sommerresidenz der Welfen. Hannover: Feesche, 1966.
- Antoine Pesne: 1683–1757: Ausstellung zum 300. Geburtstag. Potsdam-Sanssouci: Generaldirektion der Staatlichen Schlösser und Gärten, 1983.
- Ballschmieter H.-J.* Andreas Gottlieb von Bernstorff und der mecklenburgische Ständekampf (1680–1720). Köln; Graz: Böhlau, 1962. (Mitteldeutsche Forschungen. № 26).
- Benz Ernst.* Leibniz und Peter der Große: Der Beitrag Leibnizens zur russischen Kultur-, Religions- und Wirtschaftsgeschichte seiner Zeit. Berlin; Boston: De Gruyter, 1947.
- Berkenhagen E.* Antoine Pesne. Berlin[-Charlottenburg]: Dt. Verein f. Kunstwissenschaft, 1958.
- Bernd Adam B., Lauterbach O., Herwig G.* Schloss Herrenhausen: Die historische Sommerresidenz der Welfen // Schloss Herrenhausen: Architektur, Garten, Geistesgeschichte / Red. *Beate Reinhold*. München: Hirmer, 2013. S. 8–43.
- Bernstorff H., von.* Andreas Gottlieb von Bernstorff 1649–1726: Staatsmann, Junker, Patriarch zwischen deutschem Partikularismus und europäischer Politik. Bochum: Winkler, 1999.
- Bittner K.* Slavica bei G. W. Leibniz // *Germanoslavica*. Bd. 1. 1931/32. S. 3–31, 161–234, 509–557.
- Blome A.* Das deutsche Rußlandbild im frühen 18. Jahrhundert: Untersuchungen zur zeitgenössischen Presseberichterstattung über Rußland unter Peter I. Wiesbaden: Harrassowitz, 2000. (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. № 57).
- Blome A.* Die zweite Westeuropareise Zar Peters im Spiegel der zeitgenössischen Presse // Zar Peter der Große: Die zweite große Reise nach Westeuropa 1716–1717: Auf europäischer Bühne / Hrsg. von *D. Alfier*. Hameln: Niemeyer, 1999. S. 69–86.
- Börsch-Supan H.* Der Maler Antoine Pesne, Franzose und Preuße. Friedberg; Hessen Podzun-Pallas, 1986.
- Börsch-Supan H.* Die Gemälde Antoine Pesnes in den Berliner Schlössern. Berlin: Verwaltung d. Staatl. Schlösser u. Gärten, 1982. (Kleine Schriften. № VII).
- Brather H.-S.* Leibniz und seine Akademie: Ausgewählte Quellen zur Geschichte der Berliner Societät der Wissenschaften 1697–1716. Berlin: Akad.-Verl., 1993.
- Die Flucht des Zarewitsch: Ausstellungskatalog / Red. *S. Gfrorner, M. Follner*. Wien: Österreichisches Staatsarchiv, 2012. 48 S.
- Dörries H.* Peter des Großen Beziehungen zu Danzig 1716/17 und die Begründung der russischen Agentur // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. T. 1. 1954. S. 23–44.

- Donnert E.* Peter der Große: Der Eintritt Rußlands in Europa // Zar Peter der Große: Die zweite große Reise nach Westeuropa 1716–1717: Auf europäischer Bühne / Hrsg. von *D. Alfter*. Hameln: Niemeyer, 1999. S. 11–31.
- Dörries H.* Russlands Eindringen in Europa in der Epoche Peters des Großen: Studien zur zeitgenössischen Publizistik und Staatenkunde Königsberg. Berlin: Ost-Europa-Verl., 1939. (Osteuropäische Forschungen. N.F., Bd. 26).
- Drauschke H.* Ein Pasticcio für das Zarenpaar: Reinhard Keisers Auf!, erscheint, ihr frühlichen Zeiten von 1716 // Hamburg: Eine Metropolregion zwischen Früher Neuzeit und Aufklärung. Berlin : Akademie Verlag, 2012. S. 651–674.
- Droysen J. G.* Preußische Politik (Leipzig). Bd. IV/2. 1869.
- Engel Hermann.* Die Pyrmonter Kurliste // Zar Peter der Große: Die zweite große Reise nach Westeuropa 1716–1717: Auf europäischer Bühne / Hrsg. von *D. Alfter*. Hameln: Niemeyer, 1999. S. 97–108.
- Florovskij A. V.* Das Mecklenburg-Problem in der Politik Peters des Großen // Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Jahrg. 12. 1963. S. 545–558.
- Friedländer J.* Gottfried Leygebe // Zeitschrift für Numismatik. № 13. 1995. S. 33–47.
- From P.* Sveriges militärpolitiska situation 1715–1718 // Karolinska Förbundets årsbok. 2007. S. 64–89.
- Fuhrmann Rolf.* Die Langen Kerls: die Grenadiere der Preußischen Riesengarde 1675/1713–1806. Berlin: Zeughaus-Verl., 2007.
- Fundaminski M. I.* Resident Johann Friedrich Böttiger und die russische Propaganda in der 1. Hälfte des 18. Jahrhunderts // Europa in der Frühen Neuzeit: Festschrift für Günter Mühlpfordt / Hrsg. von *E. Donnert*. Bd. 3. Weimar; Köln; Wien: Böhlau, 1997. S. 47–60.
- Fürst Leopold I. von Anhalt-Dessau (1676–1747) «Der Alte Dessauer» : Ausstellung zum 250. Todestag ; [Museum für Naturkunde und Vorgeschichte Dessau, 25. April bis 27. Juli 1997 ; Museum für Stadtgeschichte Dessau, 25. April bis 25. September 1997 ; Museum Schloß Mosigkau Dessau, 25. April bis 22. Juni 1997] / [Hrsg.: Museum für Naturkunde und Vorgeschichte Dessau]. Dessau : Museum für Naturkunde und Vorgeschichte, 1997.
- Graff W. P.* Die zweite Ehe des Herzogs Karl Leopold. Ein Kulturbild aus Mecklenburg im ersten Viertel des 18. Jahrhunderts // Jahrbücher des Vereins für mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde (Schwerin). Bd. 60. 1895.
- Hacker C., Münch E.* Wismar im 17. und 18. Jahrhundert: Kontinuität und Wandel von der späten Hanse über die Schwedenzeit bis zur Rückkehr nach Mecklenburg // Städtesystem und Urbanisierung im Ostseeraum in der frühen Neuzeit: Wirtschaft, Baukultur und historische Informationssysteme. Beiträge des wissenschaftlichen Kolloquiums in Wismar vom 4. Und 5. September 2003 / Hrsg. von *F. Braun, S. Kroll*. Berlin; Münster: Lit, 2004. S. 135–156. (Geschichte, Forschung und Wissenschaft 5).
- Haintz O.* König Karl XII. von Schweden. Bd. 1–3. Berlin: W. de Gruyter, 1958.
- Hartman K. J.* Zar Peters underhandlingar 1716 om landgång i Skåne. Helsingfors, 1887.
- Hinrichs C.* Friedrich Wilhelm I., König in Preußen. Hamburg: Hanseat. Verl. Anst., 1943.

- Hoffmann P.* Peter der Große als Militärreformer und Feldherr. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2010.
- Holm E.* Studier til den store nordiske Krigs Historie: Frederik IV og Czar Peter 1716 // Historisk Tidsskrift (København : Forening). R. 5, rk 3. 1881. S. 1–160.
- Jägerskjöld Stig.* Sverige och Europa 1716–1718: Studier i Karl XII:s och Görtz' utrikespolitik: [Diss. Uppsal. phil.]. Ekenäs, 1937.
- Kemper T.* Schloß Monbijou: Von der königlichen Residenz zum Hohenzollern-Museum. Berlin : Nicolai, 2005.
- Klonowski M.* Im Dienst des Hauses Hannover: Friedrich Christian Weber als Gesandter im Russischen Reich und in Schweden 1714–1739. Husum: Matthiesen, 2005. (Historische Studien. Bd. 485).
- Kobuch A.* Sachsen-Polen und Rußland im Großen Nordischen Krieg: Aspekte der Zusammenarbeit zwischen König August II. von Polen und Zar Peter I. von Rußland // Europa in der Frühen Neuzeit: Festschrift für Günter Mühlhpfordt. Bd. 3: Aufbruch zur Moderne / Hrsg. von *E. Donnert*. Weimar; Köln; Wien: Böhlau, 1997. S. 499–530.
- Koehne B., von.* Berlin, Moskau, St. Petersburg. 1649 bis 1763.: Ein Beitrag zur Geschichte der freundschaftlichen Beziehungen zwischen Brandenburg-Preußen und Rußland // Schriften des Vereins für die Geschichte der Stadt Berlin (Berlin). Heft 20. 1882. S. 1–172.
- Korzun, S.* Heinrich von Hüysen (1666–1739): Prinzenenerzieher, Diplomat und Publizist in den Diensten Zar Peters I., des Großen. Wiesbaden: Harrassowitz, 2013. (Jabloniana: Quellen und Forschungen zur europäischen Kulturgeschichte der Frühen Neuzeit. Bd. 3).
- Krause F.* Die slawischen Verbindungen der Königlichen Bibliothek zu Berlin und der Aufbau ihres Slavica-Bestandes seit ihrer Gründung bis 1871. Leipzig: Bibliographisches Institut, VEB, 1976. (Zentralblatt für Bibliothekswesen. Beiheft 88).
- Krause F.* Eine Buchauktion in Berlin im Jahre 1716.: Das abenteuerliche Schicksal der Bibliothek von Johann Friedrich Mayer // Marginalien: Zeitschrift für Buchkunst und Bibliophilie. Bd. 48. 1972. S. 16–28.
- Krause K., Tretrop G.* Leibniz, Herzog Moritz von Sachsen und das «Perpetuum mobile» auf dem Rittergut zu Draschwitz. Leipzig, 1999.
- Kuhnert R. P.* Urbanität auf dem Lande: Badereisen nach Pymont im 18. Jahrhundert. Güttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1984. (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte; 77).
- Lawrentjew A. W.* Über Deutschland nach Paris und zurück. Die Reise Peters des Großen in den Jahren 1716–1717 und ihre Bedeutung im Leben des Zaren und Rußlands // Zar Peter der Große: Die zweite große Reise nach Westeuropa 1716–1717: Auf europäischer Bühne / Hrsg. von *D. Alfier*. Hameln: Niemeyer, 1999. S. 33–40.
- Lawrentjew A. W., Marshupa G.* Katalog der Exponate des Staatlichen Historischen Museums Moskau // Zar Peter der Große: Die zweite große Reise nach Westeuropa 1716–1717: Auf europäischer Bühne / Hrsg. von *D. Alfier*. Hameln: Niemeyer, 1999. S. 123–159.

- Legendäre «lange Kerls»: Quellen zur Regimentskultur der Königsgrenadiere Friedrich Wilhelms I.: 1713–1740 / Bearbeitet von Jürgen Kloosterhuis. Berlin: Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz, 2003.
- Luber S.* Die Reise Peters des Großen nach Westeuropa 1716–1717 // Zar Peter der Große: Die zweite große Reise nach Westeuropa 1716–1717: Auf Europäischer Bühne. / Hrsg. von *D. Alfter*. Hameln: Niemeyer, 1999. S. 41–67.
- Luber S.* Die Reiseroute Peters des Großen 1716–1717 // Zar Peter der Große: Die zweite große Reise nach Westeuropa 1716–1717: Auf europäischer Bühne / Hrsg. von *D. Alfter*. Hameln: Niemeyer, 1999. S. 118–122.
- Lücke H.* Schloß Schwöbber im Wandel der Zeiten: Zweite vermehrte und verbesserte Auflage mit 15 Abbildungen. Clausthal-Zellerfeld: [Selbstverl.], 1969.
- Marx H. J.* Johann Mattheson (1681–1764): Lebensbeschreibung des Hamburger Musikers, Schriftstellers und Diplomaten: Nach der «Grundlage einer Ehrenpforte» und den handschriftlichen Nachträgen des Verfassers hrsg. und kommentiert. Hamburg: Verlag der Musikalienhandl. Wagner, 1982.
- Marx H. J.* John Wich, Sir (1671–1713) // Das Händel und seine Zeitgenossen: Eine biographische Enzyklopädie. Teilbd. 2 (Das Händel-Handbuch 1,2). Laaber: Laaber, 2008. S. 1010.
- Marx H. J., Schröder D.* Die Hamburger Gänsemarkt-Oper: Katalog der Textbücher (1678–1748). Laaber: Laaber, 1995.
- Mediger W.* Mecklenburg, Rußland und England-Hannover 1706–1721: Ein Beitrag zur Geschichte des Nordischen Krieges. Bd. 1–2. Hildesheim: Lax, 1967.
- Meding C. von.* Schloss Herrenhausen: Geschichte und Gegenwart in den Herrenhäuser Gärten. Hannover: Madsack-Medienagentur, 2013.
- Mulso M.* Die drei Ringe: Toleranz und clandestine Gelehrsamkeit bei Mathurin Veyssiére La Croze (1661–1739). Tübingen: Niemeyer, 2001. (Hallesche Beiträge zur europäischen Aufklärung. Bd 16).
- Murray J. J.* Scania and the End of the Northern Alliance (1716) // Journal of Modern History. Vol. 16, n°2. 1944, June. P. 81–92.
- Nilzén G.* Carl Gyllenborg — en frihetstida hattpolitiker. Stockholm: Carlsson, 2007.
- Pausch J.* Ein Kapitel russischer Geschichte auf der Hamburger Opernbühne. Johann Matthesons Boris Goudenow (1710) // Phänomene und Wege musikkulturellen Austausches. Deutschland und Russland im 18. Jahrhundert: Tagungsbericht 14. Arolser Barock-Festspiele 1999 / Hrsg. von F. Brusniak [et al.]. Sinzig: Studiopunkt-Verl. Schewe, 2000. S. 111–124.
- Pausch J.* Johann Matthesons Boris Goudenow // Boris Goudenow oder Der durch Verschlagenheit erlangte Thron: Premiere der Barockoper des Hamburger Komponisten Johann Mattheson (1710). 30. August 2007.: St. Pauli-Theater Hamburg, Eremitage-Theater St. Petersburg, Theater Novaya Opera Moskau. Hamburg, 2007. S. 6–12.
- Peterson C.* Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. Stockholm : Nord. bokh., 1979. (Rättshistoriskt Bibliotek. T. 39).

- Piel G., Luber S.* Ein berühmtes «Brunnenjahr»: Zar Peter I. in Pymont im Juni 1716 // Zar Peter der Große: Die zweite große Reise nach Westeuropa 1716–1717: Auf europäischer Bühne / Hrsg. von *D. Alfier*. Hameln: Niemeyer, 1999. S. 87–95.
- Raab H.* Die Anfänge der slawistischen Studien im deutschen Ostseeraum unter besonderer Berücksichtigung von Mecklenburg und Vorpommern // Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe. Bd. 5. 1955/56. S. 91–99.
- Roll Ch.* Barbaren? «Tabula rasa»? Wie Leibniz sein neues Wissen über Russland auf den Begriff brachte: Eine Studie über die Bedeutung und Vernetzung gelehrter Korrespondenzen für die Ermöglichung aufgeklärter Diskurse // Umwelt und Weltgestaltung: Leibniz' politisches Denken in seiner Zeit. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2015. S. 307–358.
- Schippan M.* Daniel Ernst Jablonski und die Auseinandersetzungen um das «Veränderte Russland» Zar Peters I // Brückenschläge : Daniel Ernst Jablonski im Europa der Frühaufklärung ; [Katalogbuch zur Tafelausstellung «Brückenschläge — Daniel Ernst Jablonski im Europa der Frühaufklärung», die erstmals zwischen dem 26. November 2010 und dem 24. Februar 2011 im Berliner Dom gezeigt wird / Hrsg. von *J. Bahlcke, B. Dybaś, H. Rudolph*. Döbel: Stekovics, 2010. S. 220–235. (Polnische Ausgabe: Daniel Ernest Jabłoński i spory o «przemienieną Rosję» cara Piotra I // Budowanie mostów: Daniel Ernest Jabłoński w Europie wczesnego Oświecenia / Pod red. *J. Bahlckego, B. Dybasia, H. Rudolpha*. Leszno: Państwowa Wyższa Szkoła Zawodowa im. *J. A. Komeńskiego*, 2010. S. 220–235).
- Schippan M.* Der «Solon Russlands» und der Zar: Gottfried Wilhelm Leibniz, Peter der Große und die europäischen Wissenschaftsbeziehungen // Gottfried Wilhelm Leibniz (1646–1716) und die gelehrte Welt Europas um 1700 / Hrsg. von *B. Heinecke, I. Kästner*. Aachen: Shaker, 2013. S. 133–153. (Europäische Wissenschaftsbeziehungen. Bd. 6).
- Schippan M.* Die Einrichtung der Kollegien in Rußland zur Zeit Peters I. Wiesbaden: Harrassowitz, 1996. (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 51).
- Schippan M.* Die russische Botschaft in Berlin zur Fridericianischen Zeit // Fridericianische Miniaturen. Teil 4. Bremen: Hauschild, 1997. S. 182–198, 284–298.
- Schippan M.* Die Schenkung des Bernsteinzimmers an Zar Peter den Großen 1716 // Das neue Bernsteinzimmer / Hrsg. von *R. Appel*. Köln; Bergisch Gladbach: LiCo, 2003. S. 22–41, 104–105.
- Schippan M.* Drei Jahrzehnte nach Engelbert Kaempfers Reise durch das Zarenreich (1683): Das «veränderte Russland» Peters des Großen // Engelbert Kaempfers «Amœnitates Exoticae» von 1712: Wissenschaftliche Innovation, humanistische Gelehrsamkeit und neulateinische Sprachkunst / Hrsg. von *D. Haberland*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2014. S. 271–292. (Wolfenbütteler Forschungen. Bd. 140).
- Schippan M.* Havelberg als Schauplatz europäischer Diplomatie im November 1716 — Zum Besuch Zar Peters von Rußland in der Stadt // Zwischen Havel und Elbe: Heimatheft des Kreises Havelberg. № 8. 1988. S. 30–38; № 9. 1989. S. 20–29, 94–95.

- Schippan M.* Mächtigepolitik und Aufklärung an Spree und Neva // Deutsch-russische Begegnungen im Zeitalter der Aufklärung (18. Jahrhundert): Ausstellungskatalog / Hrsg. von L. Kopelew, K. H. Korn, R. Sprung. Köln: Karl-Heinz Korn; Rainer Sprung, 1997. S. 195–216.
- Schippan M.* Zar Peter der Große in Havelberg im November 1716 // Havelberg: Kleine Stadt mit großer Vergangenheit / Hrsg. von der Stadt Havelberg. Halle: mdv, Mitteltdt. Verl., 1998. S. 119–132.
- Schippan M.* Zar Peter I. in Brandenburg-Preußen // Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands. № 44. 1996. S. 19–43.
- Schippan M.* Die Aufklärung in Russland im 18. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. (Wolfenbütteler Forschungen. Bd. 131).
- Schmiededecke A.* Leibniz' Beziehungen zu Zeitz // *Studia Leibnitiana*. № 1. 1969. S. 137–144.
- Scholz B.* Von der Chronistik zur modernen Geschichtswissenschaft. Die Warägerfrage in der russischen, deutschen und schwedischen Historiographie. Wiesbaden: Harrassowitz, 2000. (Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts München. Forschungen zum Ostseeraum. Bd. 5).
- Schröder D.* Zeitgeschichte auf der Opernbühne: Barockes Musiktheater in Hamburg im Dienst von Politik und Diplomatie (1690–1745). Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1998.
- Schulze W.* Die Quellen der Hamburger Oper (1678–1738): Eine bibliographisch-statist. Studie zur Geschichte d. ersten stehenden dt. Oper. Hamburg; Oldenburg: Gerh. Stalling, 1938. (Mitteilungen aus der Bibliothek der Hansestadt Hamburg. Bd. 4).
- Schulze Wessel M.* Rußlands Blick auf Preußen: Die polnische Frage in der Diplomatie und der politischen Öffentlichkeit des Zarenreiches und des Sowjetstaates 1697–1947. Stuttgart: Klett-Cotta, 1995.
- Sedorf W.* Otto von Münchhausen auf Schwöbber, seine Bedeutung als landwirtschaftlicher Schriftsteller und seine Verdienste um die Begründung der Landwirtschaftslehre. Göttingen : Dieterichsche Buchdruckerei, 1905.
- Seidel P.* Das Königliche Schloß Monbijou in Berlin bis zum Tode Friedrichs des Großen // Hohenzollern-Jahrbuch: Forschungen u. Abb. zur Geschichte d. Hohenzollern in Brandenburg-Preußen. Bd. 3. 1899. S. 178–196.
- Seydewitz Thea von.* Ernst Christoph Graf Manteuffel, Kabinettsminister Augusts des Starken: Persönlichkeit und Wirken. Dresden: Buchdr. d. W. u. B. v. Baensch Stiftung, 1926.
- Stuber R.* Leibniz' Bemühungen um Russland: eine Annäherung // 1716-Leibniz' letztes Lebensjahr: Unbekanntes zu einem bekannten Universalgelehrten / Hrsg. von M. Kempe. Hannover: Gottfried Wilhelm Leibniz Bibliothek 2016. S. 203–239. (Gottfried Wilhelm Leibniz Bibliothek. Forschung. № 2).
- Stuhr F.* Der Elbe-Ostsee-Kanal zwischen Dömitz und Wismar // Jahrbuch des Vereins für Mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde (Schwerin). Bd. 64. 1899.
- Stupperich R.* Kulturelle Einflüsse der Auslandsreisen Peters des Großen // *Res Slavica: Festschrift für Hans Rothe zum 65. Geburtstag* / Hrsg. von P. Thiergen, [et al.]. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 1994. S. 275–286. (*Idem.* Ausgewählte Aufsätze. Teil 2: Peter der Große und die

- Russische Kirche. Mönhesee : Bibliopolis, 2004. S. 45–63. (Bellorophon: Studien zur antiken und christlichen Kultur- und Religionsgeschichte. Bd. 1).
- Techen F.* Geschichte der Seestadt Wismar. Neudruck der Ausgabe von 1929. Schwerin: Stock und Stein(?), 2006.
- Tute H.-J.* Schloss Schwöbber: Geschichte und Gegenwart. Hildesheim: Quensen, 2005.
- Tuxen A. P., With-Seidelin C. L.* Erobringen af Sveriges tyske Provinser 1715–1716. Kobenhavn: Gyldendalske Boghandel nordisk forlag, 1922. (Bidrag til den store nordiske Krigs Historie. Bd. 7).
- Ullgren P.* Det stora nordiska kriget 1700–1721: En berättelse om stormakten Sveriges fall. Stockholm: Prisma, 2008.
- Vierus D.* Katharina Iwanowna, die Nichte von Zar Peter I. von Rußland // Idem. Frauen im Ränkespiel um die Macht. Bd. 2. Rostock; Bargeshagen: BS-Verl.-Rostock Bruhn, 2012. S. 78–101.
- Wick P.* Versuche zur Errichtung des Absolutismus in Mecklenburg in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts: Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Territorialabsolutismus. Berlin: Akademie-Verl., 1964.
- Wittram R.* Peter I. Czar und Kaiser: Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit. 2 Bd. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1964.

Хронология поездок Петра I по немецким территориям в 1716–1717 годах

1716

27 января / 7 февраля

Отъезд из Санкт-Петербурга и далее через Дерпт (Dorpat), Ригу, Митау (Mitau), Кёнигсберг (Königsberg), Мемель (Memel), опять Кёнигсберг

18 февраля / 1 марта

Прибытие в Данциг (Danzig)

30 апреля / 11 мая

Выезд из Данцига, через Штольп (Stolp) и Дамм (Damm)

4 / 15 мая

Прибытие в Штеттин (Stettin)

8 / 19 мая

На Нойбранденбург (Neubrandenburg), Мальчин (Malchin), Гюстроу (Güstrow) в Шверин (Schwerin)

12 / 23 мая

Прибытие в Шверин

15 / 26 мая

После в Висмар (Wismar) и обратно в Шверин

16 / 27 мая

От Шверина к Бойзенбургу (Boizenburg) и Эльбе (Elbe) до Гамбурга (Hamburg)

18 / 29 мая

Прибытие в Альтону (Altona)

23 мая / 3 июня

От Альтоны до Гамбурга

24 мая / 4 июня

От Гамбурга в Херренхаузен (Herrenhausen)

25 мая / 5 июня

Прибытие в Херренхаузен

26 мая / 6 июня

На Шпринг (Springe) и Хамельн (Hameln) в Пирмонт (Pyrmont).
Прибытие в Пирмонт

15 / 26 июня

Отъезд из Пирмонта на Херренхаузен

17 / 28 июня

Из Херренхаузена в Мекленбург

19 / 30 июня

Прибытие в Шверин

23 июня / 4 июля

Из Шверина в Росток (Rostock)

29 июня / 10 июля

Из Ростка в Варнемюнде (Warnemünde)

4 / 15 июля

От Варнемюнде морем до Гедзера в Дании (Falster, Dänemark)

Возвращение из Дании

15 / 26 августа

Из Копенгагена (Kopenhagen) в Штральзунд (Stralsund)

16 / 27 августа

Прибытие в Джасмунд (Jasmund) на о. Рюген (Rügen)

18 / 29 августа

Прибытие в Штральзунд

20 / 31 августа

От Штральзунда до Копенгагена

18 / 29 октября

Выезд из Копенгагена на Роскильде (Roskilde), Фюнен (Fünen), Ниборг (Nyborg), Оденсе (Odense), через Ютланд (Jütland) и Шлезвиг (Schleswig) на Хузум (Husum)

21 октября / 1 ноября

От Хузума до Фридрихштадта (Friedrichstadt)

27 октября / 7 ноября

От Фридрихштадта на Хайде (Heide), Вакен (Wacken), Итцехо (Itzehoe), Брамштедт (Bramstedt) до Любека

30 октября / 10 ноября

Прибытие в Любек (Lübeck)

3 / 14 ноября

От Любека на Травемюнде до Мекленбурга

5 / 16 ноября

Прибытие в Шверин

10 / 21 ноября

От Шверина на Нойштадт-Глеве (Neustadt-Glewe),
Верле (Werle) und Перлеберг (Perleberg) до Хавельберга (Havelberg)

12 / 23 ноября

Прибытие в Хавельберг

17 / 28 ноября

Из Хавельберга к Гавелу (Havel) и Эльбе на Бойзенбург
и до Гамбурга

19 / 30 ноября

Прибытие в Гамбург

20 ноября / 1 декабря

Из Гамбурга на Альтону

26 ноября / 7 декабря

Из Альтоны по Эльбе до Стада (Stade)

27 ноября / 8 декабря

Прибытие в Стад, затем по суше в Бремерверде (Bremervörde)

28 ноября / 9 декабря

Прибытие в Бремен (Bremen)

29 ноября / 10 декабря

Из Бремена на Голландию

30 ноября / 11 декабря

Прибытие в Девентер (Deventer)

1717

Возвращение из Франции и Нидерландов

31 августа / 11 сентября

От Неймегена (Nijmegen) до Клеве (Kleve) и Везеля (Wesel)

1 / 12 сентября

На Шермбек (Schermbeck) в Халтерн (Haltern)

2 / 13 сентября

На Люнен (Lünen) и Хамм (Hamm) в Липштадт (Lippstadt)

3 / 14 сентября

На Нойенкирхен (Neuenkirchen), Билефельд (Bielefeld),
Херфорд (Herford) в Минден (Minden)

4 / 15 сентября

На Ольдендорф (Oldendorf) в Зилли (Zilly)

5 / 16 сентября

На Зилли, Хальберштадт (Halberstadt),
Хадмерслебен (Hadmersleben) до Магдебурга (Magdeburg)

6 / 17 сентября

Прибытие в Магдебург

7 / 18 сентября

На Хоэнциац (Hohenziatz) и Зисар (Ziesar)
в Бранденбург (Brandenburg)

8 / 19 сентября

На Шпандау (Spandau) в Берлин (Berlin)

14 / 25 сентября

Выезд из Берлина. На Фрейнвальде (Freienwalde)
в Кёнигсберг / Ноймарк (Königsberg/Neumark)

15 / 26 сентября

На Колбац (Kolbatz), Наугард (Naugard), Пиннов (Pinnow),
Занов (Zanow), Реблин (Reblin), Столп (Stolp) в Лауэнбург /
Поммер (Lauenburg/Pommern)

18 / 29 сентября

Прибытие в Данциг

23 сентября / 4 октября

Прибытие в Кёнигсберг

10 / 21 октября

От Кронштадта на корабле до Санкт-Петербурга

Валерий Леонидович Степанов
(Москва)

Ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

Пётр I в Спа в июне—июле 1717 года: Лечение, досуг, государственные дела, памятные петровские места

Решение о поездке Петра I на лечение минеральными водами было принято в связи с ухудшением его здоровья в конце пребывания в Париже (апрель—июнь 1717). Ранее царь для восстановления сил неоднократно посещал европейские бальнеологические курорты: Баден под Веной (1698), Карлсбад (1711 и 1712), Теплице в Западной Чехии (1712), Пирмонт в Нижней Саксонии (1716). На этот раз местные французские врачи и российский лейб-медик доктор Роберт Арескин предложили ему отправиться в Спа в Австрийских Нидерландах. Рекомендации по водолечению дали Петру также известные европейские медики швейцарец Иоганн Конрад Бруннер и немец Бернхард Альбинус. 9 июня (по старому стилю) 1717 г. царь со свитой выехал из Парижа и через Суассон, Реймс, Шарлевиль, Намюр и Льеж 17 июня прибыл в Спа. Этот город в то время насчитывал всего триста домов, но при этом считался одним из старейших курортов Европы. Его минеральные источники, известные ещё римлянам в античные времена, стали использоваться с XIV в., а популярность приобрели в XVI веке. Наиболее известны были два источника с железистой водой — Пуон и Жеронстер.

Пётр прибыл в Спа в сопровождении нескольких десятков приближённых, среди которых были вице-канцлер барон П. П. Шафиров, посланник в Париже князь Б. И. Куракин, посол в Турции П. А. Толстой, капитан А. И. Румянцев, лейб-медик Р. Арескин и

кабинет-секретарь И. А. Черкасов. Личная прислуга царя состояла из камердинера и ливрейного лакея, при нём находились также четыре гайдука. Кроме того, с Петром I был предоставленный князем-архиепископом Льежским почётный конвой, насчитывавший 200 человек пехоты и конницы под командованием графа д'Аржанто. Свита царя не могла разместиться в домах небольшого городка, поэтому для них были построены особые бараки. Сам Пётр не пожелал жить в отведённом ему помещении и целые дни проводил в простой палатке, разбитой по его приказу прямо на городской площади. Царь, привыкший к простому образу жизни, был равнодушен ко всяким удобствам. В Спа сиденьем ему служил простой деревянный стул, который после его отъезда всем демонстрировали как особую достопримечательность¹.

Первоначально Пётр планировал провести в Спа пять-шесть дней, но ему понравилось на курорте, и он остался на больший срок. Сначала царь пользовался водами источника Пуон, а через несколько дней по совету Р. Арескина начал пить из источника Жеронстер, расположенного за городом. Он каждый день вставал рано утром и отправлялся туда в карете, иногда верхом, но чаще всего в бричке, запряжённой парой лошадей, которыми сам любил править. Пётр много переписывался с Екатериной по поводу семейных дел, о болезни дочерей Анны и Елизаветы и их выздоровлении, о состоянии сына Петра Петровича и др. Он скучал по жене и в письмах предвкушал скорую радостную встречу. Любящий супруг надеялся на появление ещё одного наследника — «новова шишеньки», который должен был восполнить утрату Павла, родившегося полгода назад в Германии и скончавшегося на следующий день. Пётр жаловался Екатерине, ожидавшей его в Амстердаме, на докторов — «запретительных человеков», которые рекомендовали ему «во время питья» воздержанность в «домашней забаве», т.е. в плотской любви. Царь послушался и, чтобы избежать соблазна, даже отослал в Амстердам свою «матресу», которая сопровождала его в поездке. Врачи также настоятельно советовали пациенту ограничить употребление спиртного. В этом отношении на Петра пыталась повлиять и Екатерина. Отправляя ему две бутылки «крепьша», она писала: «Больше вина не послала и то для того, что при употреблении вод, чаю, невозможно вам много кушать». Пётр поспешил её успокоить: «Про ваше здоровье сегодня пил, только немного». Тем не менее, как и ранее на других курортах, он не желал подчиняться лечебному ре-

¹ *К.Н.В. Пребывание в Спа русских государей // Исторический вестник. 1884. Т. 16. № 6. С. 638–639.*

жиму: выпивал непомерно большое количество минеральной воды, смешивая её с вином, а однажды «осилил» 21 стакан воды из источника Пуон. Пётр не обращал внимания на запрещение медиков есть сырые фрукты и однажды, только выпив воды, съел шесть фунтов вишен и дюжину ягод инжира. Однако, несмотря на все излишества и отклонения от питьевого курса, уже через неделю царь почувствовал себя лучше. «Вода, слава Богу, действует хорошо», — писал он жене².

В Спа Пётр много времени уделял прогулкам. Он был неутомимый пешеход, и его постоянный «променад» усиливал лечебный эффект минеральной воды. Царь посетил все источники в городе и окрестностях. Он нередко запросто заходил в дома обывателей и с большим интересом присматривался к их жизни и занятиям. Повсюду, где Пётр появлялся, он щедро платил за любую услугу, у одного ремесленника даже купил понравившийся ему станок. Местные жители, со своей стороны, охотно дарили ему всякие вещицы на память. В плохую погоду, когда нельзя было отправляться на прогулку, царь посещал городские токарные мастерские и мастерские живописцев по лаку, изделия которых пользовались известностью и спросом. Он подолгу и с интересом наблюдал за работой мастеров, сам принимал в них участие, стремился ознакомиться с тонкостями этих ремёсел, накупил в Спа множество разных безделушек. Пётр регулярно посещал театральные и цирковые представления. Он привёз на курорт свой хор из семи певцов под управлением Степана Беляева. По его распоряжению у источника Жеронстер каждый день играл оркестр. Пребывание Петра в городе привлекло туда множество людей, прежде всего из соседних городов Льежа и Вервье, а также из окрестных деревень. Нередко случалось, что государь беседовал с ними, при этом они поражались его простоте и обходительности, а вернувшись домой, рассказывали знакомым о своих впечатлениях³. Иногда царь позировал голландскому художнику Карелу де Моору, который написал его очень удачный портрет. Сейчас он находится во дворце Хет Лоо, одной из летних резиденций голландской королевской семьи недалеко от города Апелдорн. Существует предположение, что именно на основе этой

² Брикнер А. Путешествие Петра Великого за границу с 1711 до 1717 года // Русский вестник. 1881. Т. 152. № 3. С. 78–79, 82; Вагеманс Э. Пётр Великий в Бельгии. СПб., 2007. С. 178–179.

³ К.Н.В. Указ. соч. С. 639–640; [Боди А.] Пребывание Петра Великого в австрийских Нидерландах в 1717 году // Русская старина, 1896. Т. 86. № 4. С. 28; Вагеманс Э. Указ. соч. С. 180.

картины учившийся в Антверпене русский художник А. М. Матвеев впоследствии создал свой портрет Петра I⁴.

Находясь на лечении, Пётр не прекращал занятий государственными делами. К нему стекались все доклады и сообщения, как из России, так и от дипломатов при иностранных дворах. Ещё в Париже богословы Сорбонны обратились к царю с просьбой изучить вопрос о возможности унии между Русской православной и Римско-католической церквями. В Спа была доставлена их записка на эту тему, которую Пётр прочёл и отправил в Петербург для ознакомления высшим церковным иерархам. Во время водолечения Пётр познакомился с шотландским эмигрантом А. Х. Люберасом, отцом служившего у него инженера, и часто беседовал с ним о развитии в России торговли и промышленности, устройстве судебных и коллегияльных правительственных учреждений. Люберас составил записку по этим вопросам, а затем сопровождал царя в Амстердам. Размышляя на отдыхе о реформировании системы государственного управления, Пётр отправил приказ в Петербург, чтобы сенатору Я. В. Брюсу было поручено заранее «приискать» чиновников для службы в коллегиях. Кроме того, в письмах он отдавал распоряжения кораблестроителю Ф. М. Склеяву о сооружении новых судов и генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину о разных флотских делах. По просьбе местного герцога Карла Леопольда царь принял в Спа решение отвести русские войска из Мекленбурга и оставить лишь два полка для защиты самого монарха и его семьи. На курорте Пётр встретился со своим антверпенским агентом, банкиром Дж. Стеффано, с помощью которого рассчитывал установить торговые отношения с Австрийскими Нидерландами. Особое внимание царь уделил делу скрывавшегося в Австрии царевича Алексея. В Спа он составил подробную инструкцию для П. А. Толстого и А. И. Румянцева, которые 17 июля отправились в Вену вести переговоры о выдаче беглеца. Пётр поручил им также повидаться с сыном и убедить его добровольно вернуться в Россию. Он передал своим послам письмо для императора Карла VI с просьбой «отпустить» царевича, а также письмо для самого Алексея, в котором пообещал ему полное прощение, если он подчинится отцовской воле⁵.

27 июня Пётр отпраздновал день Полтавской битвы — после обеда и молебна были накрыты столы и дан фейерверк. Царь сам занимался организацией торжества — распорядился построить помост для фейерверка, деревянную походную часовню и туалеты,

⁴ Вагеманс Э. Указ соч. С. 180.

⁵ Брикнер А. Указ. соч. С. 79–81.

ходил в местную аптеку закупать всё необходимое для «огненной потехи». 29 июня с таким же размахом, но без фейерверка, он отметил своё тезоименитство. После почти месячного пребывания в Спа царь почувствовал себя настолько здоровым, что решил отправиться к супруге в Амстердам. Прощаясь с городскими властями и войсками, царь отблагодарил их за гостеприимство, щедро наградил военных и вручил несколько медалей. Накануне отъезда он пригласил членов городского магистрата и офицеров на банкет. На этот раз он согласился на устройство праздника в свою честь, хотя ранее всячески от этого уклонялся. К восьми часам вечера была зажжена громадная иллюминация на окрестных холмах, ружейные залпы раздались из двадцати разных мест, всю ночь гремел оркестр, состоявший из рожков, гобоев, флейт и труб. Пирамиды, воздвигнутые у источников и фасада питьевого павильона, были освещены тысячами огней. На рыночной площади появились местные жители с факелами и направились к царскому жилищу с песнями и приветственными возгласами⁶.

Покидая курорт, Пётр по просьбе городских властей приказал доктору Р. Арескину выдать им следующее свидетельство: «Я, нижеподписавшийся, тайный советник и первый медик его величества, царя всероссийского, удостоверяю сим, что его величество, при значительной потере аппетита и при ослаблении желудочных фибр, при опухоли в ногах и при бывших по временам желчных коликах, и при бледности в лице, приехал в Спа, чтоб пользоваться здешними минеральными водами. Я свидетельствую о той пользе, какую он извлек из этого лечения, с каждым днем поправляясь все более и более. Он ежедневно отправлялся в Жеронстер, отстоящий отсюда на три мили, зная очень хорошо, что эти воды бывают несравненно полезнее, если их не приносят, а пьют на месте. Наконец, хотя его величество и лечился другими водами в разных местах, но он не нашел никаких вод, которые на него подействовали лучше, чем воды в Спа. Дано в Спа 24 го июля 1717 года. Р. Арескин»⁷. Наконец, 13 июля (25 июля по григорианскому календарю) царь покинул Спа, а вечером прибыл в Аахен, где провёл три дня. Затем через города Маастрихт, Маасейк, Рурмонд, Венло, Гауда и Граве он прибыл в Амстердам, где встретился с Екатериной.

В память о своём лечении Пётр I прислал в Спа изготовленную в Амстердаме плиту из чёрного мрамора с латинской надписью, сочинённую одним из его приближённых: «Пётр I Божию милостию

⁶ К.Н.В. Указ. соч. С. 642; Вагеманс Э. Указ соч. С. 180.

⁷ К.Н.В. Указ. соч. С. 642.

Император Всероссийский, благочестивый, благополучный и непобедимый, восстановитель воинской дисциплины, создатель всех наук и искусств в своем государстве, учредивший собственным своим гением страшную морскую силу, значительно увеличивший свои войска и упрочивший, даже во время жестокой войны, безопасность своих наследственных и завоёванных земель, предпринял путешествие в чужие страны, и, изучив нравы различных европейских народов, отправился через Францию, Намур и Льеж на воды в Спа, как в место своего спасения. Там он пил чрезвычайно целебные воды, преимущественно из источника Жеронстер; этим он совершенно восстановил и свои силы, и своё здоровье, в 1717 году, в 23 день июля. После того он проехал через Голландию и, возвратившись в своё государство, приказал поместить здесь этот памятник своей высокой признательности, в 1718 году»⁸. Плита была украшена российским гербом, сделанным из алебастра. Она была установлена на фасаде маленького павильона, ещё в XVII столетии возведённого над источником Пуон.

Жители Спа поспешили использовать царский «презент» для рекламы своего курорта. В Льеже в 1718 г. вышла брошюра «Описание великолепного подарка, сделанного Его Величеством Императором Великой России магистрату города Спа в благодарность за то, что в 1717 г. целительной силой их вод он полностью восстановил своё здоровье». Имя Петра было присвоено главной городской площади, на которой когда-то раскинулся царский шатёр, а также источнику Пуон. Пребывание русского самодержца в Спа имело огромное значение для развития курорта и роста его популярности. Уже в 1718–1719 гг. значительно возросло число приехавших на лечение иностранцев. В дальнейшем город стал самым популярным неформальным местом встреч тогдашней элиты. У европейского истэблишмента вошло в обычай ежегодно выезжать летом «на воды», чтобы не только поправить здоровье, но и приятно провести время. Курорт с полным основанием стали называть «Кафе Европы». В 1788 г. Спа посетил наследник российского престола Павел Петрович с супругой Марией Фёдоровной, а в 1818 г. сюда приехал император Александр I с великим князем Михаилом Павловичем. Все они с интересом осмотрели места, связанные с лечением и времяпрепровождением своего великого предка. Спустя два года по распоряжению сестры Александра I, великой княгини Анны Павловны, которая была замужем за голландским принцем Вильгельм-

⁸ Там же. С. 645.

мом Оранским, на месте старого павильона с источником Пуон было возведено новое здание. В 1821 г. в Спа побывал будущий император, великий князь Николай Павлович с женой Александрой Фёдоровной. Они с большим вниманием ознакомились с памятными «Петровскими» местами в городе и окрестностях.

В 1856 г. известный русский меценат А. Н. Демидов подарил городу Спа бюст Петра I, выполненный в мастерской знаменитого немецкого скульптора К. Д. Рауха. Он был установлен в павильоне на гранитном пьедестале, напротив источника Пуон, а сделанная на нём по-французски надпись гласит, что этот памятник сооружён в честь царя Петра Великого и в память его пребывания в Спа. В 1872 г. город торжественно отпраздновал двухсотлетнюю годовщину со дня рождения Петра. Мраморная плита на здании павильона и бюст императора были украшены зеленью и цветами, а оркестр исполнял русские музыкальные произведения. Это торжество сопровождалось сбором пожертвований на российские школы, что стало достойным почитанием памяти великого преобразователя России⁹. В 1880 г. был открыт новый павильон над источником Пуон, спроектированный бельгийским архитектором Виктором Бесме. Здание имеет форму восьмиугольника с куполом, чугунными колоннами и стеклянной крышей. На фасаде сделана надпись: «Пуон Петра Великого». К павильону примыкает зимний сад, куда в 1894 г. была помещена картина местного художника Антуана Фонтена «Золотая книга», над которой он трудился двенадцать лет. На монументальном полотне размером 3 на 10 метров изображены 92 исторических лица, проходивших курс лечения в Спа и среди них кроме Петра I — королева Маргарита Валуа, Генрих III (Франция), Р. Декарт, Карл II (Англия), Козимо III Медичи, Иосиф II (Австрия), Густав III (Швеция), А. Дюма, В. Гюго, Ж. Оффенбах и многие другие. Выбор персоналий был сделан местным историком Альбенем Боди.

Пребывание на курорте настолько пришлось по душе Петру I, что он решил устроить подобные лечебницы в России. После отъезда из Спа он 24 июня отправил своим сенаторам указ, в котором лейб-медику Готлибу Шоберу поручалось «искать в нашем государстве ключевых вод, которыми можно пользоваться от различных болезней». Ещё в 1714 г. в окрестностях Олонца (Карелия) были обнаружены железистые минеральные источники. Узнав об этом, царь распорядился построить в этих местах дворец, церковь и подсобные помещения. Воду назвали «марциальной» в честь Марса — бога войны и железа. В начале 1719 г. Пётр вместе с Екатериной и

⁹ Там же. С. 648—650.

вдовствующей курляндской герцогиней Анной Ивановной отправился к этим источникам. Получив большую пользу от лечения, он 20 марта того же года подписал указ об открытии первого в России курорта «Марциальные Воды» и утвердил «Дохтурские правила, как при оных водах поступать». В дальнейшем царь неоднократно посещал эту здравницу и рекомендовал своим придворным врачевать там различные болезни¹⁰.

Между тем доктор Г. Шобер, выполняя высочайший приказ, отправился на юг страны, обследовал Сергиевские серные ключи в Самарском крае, подтвердил их лечебные качества и назвал «источниками св. Петра». Царь посетил это место для лечения в 1722 г. перед началом Персидского похода. Кроме того, Шобер составил подробное описание минеральных вод Северного Кавказа. Одновременно по распоряжению Петра другой его лейб-медик Х. Паульсен исследовал целебные источники в районе Липецких железодельных заводов и заложил базу для второго отечественного курорта «Бадерские бани». Минеральные воды были открыты и в местности, прилегающей к Истьянскому и Угодскому металлургическим заводам на юго-западе Московской губернии. В июне 1724 г. царь прошёл там питьевой курс и почувствовал в своём состоянии значительное улучшение. Тем самым лечение Петра на европейских бальнеологических курортах, и особенно в Спа, дало мощный импульс развитию санаторно-курортного дела в России.

¹⁰ Вишневецкий С. А. Санаторий «Марциальные воды». Петрозаводск, 1975. С. 5–12.

ДИПЛОМАТИЯ НА ФОНЕ НЕЗАВЕРШЁННОЙ ВОЙНЫ

Виктор Николаевич Захаров
(Москва)

*Заместитель директора по научной работе
Института российской истории РАН*

Вопросы внешнеторговой политики в ходе путешествия Петра I в зарубежную Европу в 1716–1717 годах

В течение почти двухлетнего пребывания за границей в 1716–1717 гг. Пётр I и его спутники основное внимание уделяли внешнеполитическим проблемам, главной из них был вопрос о завершении Северной войны, привлечение европейских держав к посредничеству между Россией и Швецией. Большое место в этом путешествии занимали также мероприятия, которые ныне мы назвали бы «культурной программой». Особенно это характерно для пребывания Петра I в Париже, где он посещал заседания Академии наук, был в Сорбонне, побывал на гобеленовой фабрике, в воспитательном заведении маркизы де Ментенон.

На первый взгляд, вопросы международных экономических связей вовсе не входили в программу этого обширного дипломатического предприятия. Кстати, практически то же самое можно сказать и о первом такого рода грандиозном мероприятии, предпринятом Петром I — о Великом посольстве 1697–1698 гг. Тогда тоже главной была задача внешнеполитическая: привлечение союзников в войне

против Турции. Большое место занимали культурные связи (речь идёт прежде всего о привлечении сотен специалистов для работы в России). И хотя в Великом посольстве задача о развитии внешне-торговых связей специально не ставилась, именно в ходе этого посольства произошло весьма значимое событие, серьёзно повлиявшее на развитие российской внешней торговли на западном направлении. Именно тогда, во время пребывания Петра I в Англии в 1698 г., был заключён договор с английской торговой компанией о продаже табака в России. Но реализовать этот договор было невозможно без отмены привилегий английской Русской компании. Ведь только членам Русской компании разрешалось тогда в Англии вести торговлю с Россией и в России. Встал вопрос об отмене привилегии Русской компании. И она была отменена. В 1699 г. парламент принял билль о том, что каждый, кто заплатит Русской компании символическую сумму 5 фунтов стерлингов, становится её членом и получает право на торговлю в России¹. Это открыло дорогу на русский рынок многим английским купцам и торговым фирмам. В результате резко выросли масштабы русско-английской торговли, а британские купцы заняли ведущие позиции в торговле России на западноевропейском направлении. Так контракт с табачной компанией, подписанный в ходе первого большого путешествия Петра I в Западную Европу, способствовал существенным переменам во внешней торговле России.

Можно ли в этом плане сравнить Великое посольство и Второе путешествие Петра I в Западную Европу в 1716–1717 гг.? Очевидно, да. Ведь и в этом большом путешествии международные экономические связи вовсе не остались без внимания Петра и его дипломатов. В ходе Второго путешествия поднимались вопросы о торговых контактах России с целым рядом государств, главным образом с теми, которые тогда посетил Пётр I. Это Мекленбург, Пруссия, Нидерланды, наконец — Франция. Так или иначе проблемы внешне-торговых контактов обсуждались, рассматривались разного рода проекты, подписывались даже межгосударственные договоры. Содержание этих контактов, реальные результаты достигнутых соглашений важны не только для более глубокого понимания целей и задач Второго путешествия Петра I за рубеж, но и в связи с основными проблемами и задачами дальнейшего развития внешнеэкономических контактов России, обозначившимися в то время. Рассмотрение этих вопросов и составляет задачу данной статьи.

¹ Price J. M. The Tobacco adventure to Russia: Enterprise, Politics and Diplomacy in the Quest to the Northern Market for English Colonial Tobacco. 1676–1722. Philadelphia, 1961. P. 38–46.

Во втором десятилетии XVIII в., когда состоялось Второе путешествие, Пётр I стремился всеми возможными мерами развивать торговлю через Санкт-Петербург. Новый город Санкт-Петербург должен был стать не только новой столицей, но и важнейшим торговым портом России на Балтике. Пётр I старался разными способами привлечь в Петербург как можно больше купцов, товаров, торговых кораблей, не считаясь с тем, что шла Северная война и обстановка на Балтийском море была довольно опасной для торгового судоходства. Одним из направлений развития торговли на Балтике Пётр считал расширение круга стран, торговавших с Россией. Тем более, что торговля с Нидерландами испытывала трудности, осложнились отношения с Англией.

В этой обстановке повысился интерес к развитию торговых отношений с другими странами. Отчасти это касается германских земель. Россия имела давние развитые торговые контакты с ведущими ганзейскими городами. Но во время Второго путешествия обозначился интерес к развитию контактов с государствами, находящимися в Северной Германии — с Мекленбургом и Пруссией. Россия видела в них союзников в борьбе со Швецией. Как раз в 1716 г. был заключён союз с герцогством Мекленбург-Шверин. Он подкреплялся свадьбой племянницы Петра I Екатерины Ивановны и герцога Карла Леопольда 19 апреля 1716 г. Обозначились и торговые интересы в связи с развитием русской торговли на Балтике. Имелся план захватить у Швеции порт Висмар, передать его Мекленбургу и построить канал из Висмара в Эльбу, т.е. соединить Северное и Балтийское моря кратчайшим путём². Но этот план реализован не был, отчасти из-за противодействия Ганновера, правитель которого стал английским королём под именем Георга I. Внешнеполитический фактор оказался в данном случае сильнее.

Что касается Пруссии, то она стала одним из участников Амстердамского трактата, подписанного в августе 1717 г. Кроме Пруссии, он был подписан также Россией и Францией. В нём речь шла в основном о сотрудничестве трёх держав в завершении Северной войны, в гарантии установившегося в Европе status-quo после войны за испанское наследство и гарантии российских завоеваний в Северной войне. Очевидно, этот трактат следует отнести к числу главных дипломатических событий Второго путешествия Петра I в Западную Европу. Но его можно считать и одним из важных событий в сфере международных экономических связей. В этом договоре

² *Medinger W.* Russland und die Ostsee im 18. Jahrhundert // *Jahrbuecher fuer die Geschichte Osteuropas.* Neue Folge. 16. (1968). S. 93.

имелась статья (№ 3), которая предусматривала заключение между Францией, Пруссией и Россией торгового договора³. Торговый договор следовало разработать и подписать в течение восьми месяцев.

Но уже Амстердамский трактат содержал важное положение о «наиболее фаворизованных нациях» (*la nation la plus favorisee*). То есть купцы каждой из трёх договаривающихся стран должны пользоваться определёнными привилегиями и преимуществами в отличие от подданных прочих держав. Нужно сказать, что формула «наиболее фаворизованная нация» была достаточно новой для внешнеторговых отношений того времени и только начала внедряться. Считается, что первым таким договором был Метуэнский торговый договор между Англией и Португалией в 1703 г.⁴ Этот принцип подразумевал, что купцам никакой другой страны не могут быть предоставлены льготы большие, чем участникам данного договора. Например, если Россия предоставит какую-либо льготу англичанам, то она автоматически распространяется в России и на французских купцов, поскольку Франция и Россия договорились, что в отношениях между собой они являются «наиболее фаворизованными нациями».

Но договор так и не был разработан, и этот принцип в жизнь провести тогда не удалось. Впервые в российской внешнеторговой политике этот принцип был реализован в торговом договоре России и Англии, заключённом в 1734 г.

В Амстердамском трактате участвовали три стороны — Россия, Франция и Пруссия. Если говорить о России, то потенциал развития её торговли с Францией и Пруссией был совершенно разным. Пруссия по объективным причинам не могла иметь обширного товарооборота с Россией. Дело в том, что обе эти страны имели примерно одинаковую структуру экспорта. Внешняя торговля и России, и Пруссии была нацелена в первую очередь на экспорт сельскохозяйственной продукции и различного сырья. Например, Россия экспортировала лён, пеньку, зерно, но и из Пруссии вывозились аналогичные товары. Видимо, поэтому власти обеих стран не стремились к заключению широкомасштабного торгового договора, который так и не был заключён между Россией и Пруссией ни в рассматриваемое время, ни в течение всего XVIII в. Речь могла идти главным образом об отдельных направлениях торговли, экспорте или импорте определённых товаров, в частности продажи из Пруссии некоторых товаров местной промышленности. Так, в кон-

³ ПСЗ. Собрание 1-е. Т. 5. СПб., 1830. № 3098.

⁴ Кулишер И. М. Международные торговые договоры. Ч. 2. Пг., 1922. С. 53.

це правления Петра I был заключён договор с компанией берлинских купцов о поставке в Россию сукна для обмундирования российской армии. Этот договор действовал до середины 1730-х гг.⁵ Его заключение объясняется особыми обстоятельствами — а именно, резким ухудшением отношений России с Великобританией, которая в то время была основным поставщиком сукна на военные нужды.

Что касается Франции, то у неё имелись обширные перспективы для развития торговли с Россией. Французские товары занимали большое место в российском импорте: изделия лёгкой промышленности (ткани, предметы галантереи), всевозможные ремесленные изделия, а также вина, фрукты, соль, некоторые «колониальные товары», например, сахар. В свою очередь, Франция могла приобретать в России в большом количестве пеньку, смолу, лес, лён, воск, кожи и т.д. Проблема состояла в том, что французские товары доставлялись в Россию при посредничестве голландских купцов и купцов из городов Северной Германии, именуемых часто ганзейскими городами, хотя собственно Ганза как союз немецких торговых городов уже не существовала. Мы знаем, например, что и в Амстердаме, и в Гамбурге, и в Любеке существовали многие фирмы, которые специализировались на поставке французских вин в Россию. Прежде всего из Бургундии, региона Бордо.

Казалось бы, подписание Амстердамского трактата с его третьей статьёй означало желание и России и Франции изменить ситуацию и наладить непосредственные торговые контакты на основе специального договора. Тем более что и до этого, с начала XVIII в., обе стороны заявляли о подобных намерениях. Большую активность здесь проявляла Россия. Ещё в 1701 г. Пётр I, будучи в Курляндии, принял французского посланника при польском дворе дю Герона и предложил заключить торговый договор с королём Людовиком XIV. Людовик XIV не возражал, но дал понять, что пока идёт война в Европе, заключать такой договор преждевременно⁶. Заинтересованность обеих стран в торговле друг с другом возросла к окончанию войны за испанское наследство и после Полтавской битвы, переломной в ходе войны России и Швеции. В частности, французский морской министр граф Поншартрен тогда активно выступал за подписание торгового договора⁷. И это понятно, т.к. из

⁵ *Schmoller G.* Die russische Compagnie in Berlin. 1724–1738 // *Zeitschrift fuer preussische Geschichte und Landeskunde.* 1883. Bd. 20.

⁶ Сб. РИО. Т. 34. СПб., 1881. С. V, XIV, XV (пар. 2-я).

⁷ Там же. С. 96.

России могли быть поставлены в изобилии материалы для оснащения кораблей.

В то время как в России не было французских купцов, так и во Франции — российских. Известно лишь о прибытии французских судов в Архангельск в первые годы XVIII в.: в 1705 г. там побывало восемь кораблей из Бордо, но все они пришли либо к голландцам, либо к гамбургцам⁸. В этой ситуации непосредственная торговля между обеими странами могла начинаться с торговых агентов. И они появляются к середине второго десятилетия XVIII в. как в Париже, так и в Петербурге. С российской стороны ими оказались близкие родственники Франца Лефорта, знаменитого сподвижника Петра I. Его племянник Иван (Жан) Лефорт в 1713 г. в Париже вёл переговоры об организации компании для торговли с Россией. В 1715 г. его брат Амадей (Эме) Лефорт был назначен консулом в Париже, то есть должен был, кроме всего прочего, представлять интересы русских купцов во Франции. Иван Лефорт также продолжил дипломатическую карьеру в Париже, получив в начале 1716 г. статус российского поверенного в делах. Так как российские купцы в силу целого ряда объективных причин не выезжали для торговли в страны Западной Европы, не стоял вопрос и об их пребывании во Франции, то задачей братьев фактически стало привлечение мастеров русскую службу, в чём особенно преуспел Иван Лефорт⁹.

В Петербург в январе 1715 г. прибыл Анри Лави, который получил ранг морского комиссара Франции¹⁰. А. Лави происходил из Бордо, из семьи крупных коммерсантов. В Петербурге он был также агентом французской компании Бодевина, в которую вошли несколько коммерсантов из Сен-Мало. Они отправили три корабля в Петербург, но по пути их захватили шведы, поскольку Швеция делала всё возможное, чтобы блокировать торговлю России на Балтике¹¹. Как бы то ни было, со стороны Франции уже имели место попытки организовать непосредственную торговлю французских коммерсантов в России.

⁸ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1705 г. Д. 92.

⁹ *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Лефорты в России // Петровское время в лицах. Труды ГЭ. Т. 83. СПб., 2016. С. 91–92; *Mézin A.* Les préliminaires du voyage de Pierre le Grand en France // *Quaestio Rossica*. 2017. № 2. P. 321; *Les Français en Russie au siècle des Lumières* // Sous la direction de Anne Mézin & Vladislav Rjéoutski. Vol. 2. Ferney-Voltaire, 2011. P. 503–504.

¹⁰ *Mézin A.* Op. cit. P. 322.

¹¹ *Baron S. H.* Henry Lavie and the Failed Campagne to Expand Franco-Russian Commercial Relations (1712–1723) // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Bd. 50. Berlin, 1995. P. 36.

Комиссар Лави проявил себя энтузиастом развития русско-французских торговых контактов. При этом он считал, что деятельность французских купцов в России возможна только при условии предоставления им льгот и привилегий, иначе они не выдержат конкуренции с англичанами и голландцами. Он также считал особенно важным развитие торговли французов через Россию с Ираном, тем более Иран поставлял на мировой рынок шёлк-сырец, а как известно, Франция с её развитой шелкоткацкой промышленностью была крайне заинтересована в этом сырье. Лави считал, что следует добиваться привилегий для французских купцов и для торговли с Ираном через Россию. Но российское правительство не было тогда готово предоставить какие-либо преимущества купцам отдельных стран. Это касалось и французов. Тем более, по поводу русско-французских торговых контактов имели место разногласия внутри российской правящей элиты. Так, один из ведущих российских дипломатов, князь Б. И. Куракин считал, что французы ведут разговоры о торговом договоре с Россией только с целью вызвать подозрения англичан и голландцев, чтобы максимально ухудшить отношения между Россией и морскими державами (Англией и Нидерландами). Поэтому никакого договора не нужно, достаточно того, что французские корабли и купцы наряду с другими могут свободно приходить в Петербург. Но французская сторона настаивала на привилегиях, что видно из переписки А. Лави с его начальниками в Париже¹².

Таково было состояние русско-французских торговых контактов ко времени Второго путешествия Петра I в Западную Европу. Казалось, ситуация благоприятствовала дальнейшему развитию этих связей. Наметилась своего рода дипломатическая «революция». Смысл этой «революции» состоял в заключении договора России и Франции с целью взаимной гарантии итогов Войны за испанское наследство и завоеваний России в войне со Швецией. Тем самым Россия как бы отдалялась от про-габсбургского блока и сближалась с про-бурбонским блоком. В Париже активизировалась деятельность Ивана Лефорта, который получил ранг консула. Он сообщил, что во Франции может быть организована компания для торговли с Россией и, как и А. Лави в России, просил для неё привилегий¹³. По некоторым данным, Пётр I теперь соглашался и на предоставление определённых льгот. Это и нашло своё отражение в Амстердамском трактате,

¹² Уляницкий В. А. Русские консульства за границей в XVIII веке. Ч. 1. М., 1899. С. 42; Сб. РИО. Т. 34. С. 106–107; *Baron S. H.* Op. cit. P. 40.

¹³ Уляницкий В. А. Указ. соч. С. 56–57.

в котором кроме России и Франции, как уже говорилось, участвовала Пруссия. И в связи с наметившимися изменениями в расстановке сил на европейской арене, сближением России и Франции стороны сочли возможным если не подписать торговый договор, то, по крайней мере, официально зафиксировать пункт о его подготовке. Был установлен срок в восемь месяцев для разработки и подписания этого договора. Наконец, стороны признали, что возможно вести речь и о некоторых привилегиях. Неслучайно в Амстердамском трактате говорится о предоставлении его участникам статуса наиболее фаворизованных наций.

Но договор между Россией и Францией так и не был тогда подписан. Торговый договор между обеими странами был заключён уже в другую эпоху, а именно в 1786 г., в правление Екатерины II. Почему же не удалось подписать договор при Петре I, как это предусматривалось Амстердамским трактатом 1717 года? Для ответа на этот вопрос можно посмотреть, насколько вообще в то время Россия была интересна для французских купцов, насколько они были готовы развивать непосредственные контакты с русским рынком. Ведь объективные предпосылки сами по себе не могли автоматически привести к заключению торгового договора о развитии непосредственных двусторонних отношений. Важна ещё готовность и способность французских купцов организовать непосредственную торговлю с Россией. Важна ещё готовность и заинтересованность французского правительства предпринять для этого новые и последовательные дипломатические шаги.

Что касается самих коммерсантов, то французские купцы в Петербурге тогда так и не появились. Хотя какие-то намерения имели место. В 1718 г. в находящийся в России шевалье де Бриньи объявил, что большое число купцов из Парижа, Руана и других городов Франции образовало компанию с капиталом в 10 миллионов ливров для торговли с Россией и в России¹⁴. Тот же А. Лави, который получил теперь ранг консула, обещал ей всемерную поддержку. Но в дальнейшем об этой компании ничего неизвестно. Это представляет определённую загадку в истории русско-французских торговых отношений. Не имея достаточных известий об этой компании, можно предположить, что она не приступила к деятельности. Объявление о её создании было, очевидно, связано с попыткой получить торговые льготы в России: например, предоставлении права торговли с Ираном и др. Российское правительство, очевидно, не готово

¹⁴ *Baron S. H. Op.cit. P. 42.*

было предоставлять подобные привилегии кому бы то ни было. Статус «наиболее фаворизованных наций» имел общий характер и не подразумевал каких-то конкретных привилегий. В результате французская компания в России тогда так и не появилась. Это была попытка своего рода разведки ситуации. Задача эта была поручена тому самому де Бриньи, который даже не был купцом, а состоял на русской службе в качестве военного инженера. Его персону и сочли наиболее удобной для подобной разведки.

В самом деле, французы не имели в России налаженных связей, не имели постоянных торговых партнёров, не знали особенностей российского рынка. Франция имела обширный торговый флот, но французские штурманы плохо знали путь в Балтику и тем более в устье Невы. В подобных условиях начинать торговлю с Россией было весьма рискованным делом. Большая часть товаров из Франции в Россию, как и прежде, доставлялась при посредничестве английских, голландских, гамбургских купцов.

Не было и русских купцов во Франции. Консулы в Париже в основном занимались закупкой разных товаров по заказам Петра I и российского правительства. В Бордо, откуда иногда прибывали в Россию французские суда, также не было русских купцов. Российский консул появился там только в 1723 году.

Дипломатическая ситуация в отличие от времени Второго путешествия Петра I также не способствовала развитию непосредственных контактов России и Франции. Война России и Швеции вновь активизировалась. Теперь Швецию открыто поддержала Англия. Франция в этих условиях уже не могла осуществить свою посредническую роль в примирении России и Швеции. Фактический глава правительства кардинал Дюбуа больше был заинтересован в нормализации отношений с Англией. То есть ни русская, ни французская дипломатия в этой ситуации не могли действовать во исполнение условий Амстердамского трактата о подписании российско-французского торгового договора.

В этих условиях торговля на Балтике развивалась благодаря участию голландских и английских купцов. Причём к концу второго десятилетия XVIII в. из-за резкого ухудшения русско-английских отношений возрастает роль голландцев, которые смогли значительную часть своих торговых связей на русском рынке перенести из Архангельска в Петербург. Об этом свидетельствуют данные о взимании пошлины с проходящих кораблей в Зундском проливе (см. таблицу).

**Количество судов, прибывших в Санкт-Петербург из портов,
расположенных к западу от Зундского пролива¹⁵**

Год	Количество судов, прибывших в Петербургский порт				
	Из Франции	Из Англии	Из Голландии	Из других стран	Всего
1710	—	1	—	—	1
1711	—	—	—	—	—
1712	—	—	—	—	—
1713	—	3	1	—	4
1714	2	33	4	3	42
1715	—	42	10	5	57
1716	1	24	8	5	38
1717	2	27	6	-	35
1718	1	15	16	2	34
1719	1	9	15	1	26
1720	2	15	16	2	35
1721	2	7	15	2	26

Интересно отметить, что отношения России с Нидерландами и Англией тогда были ничуть не лучше, чем с Францией. Но английские купцы могли спокойно продолжать свои торговые операции в России, несмотря на явно враждебные действия британского правительства. Таким образом, в отношении Англии и Голландии, с которыми у России были уже давние и налаженные торговые контакты, экономические связи оказались значимее и важнее дипломатических и внешнеполитических. В отношениях с Францией, наоборот, ослабление дипломатических контактов и взаимных интересов в сфере внешней политики привели к определённой стагнации экономических связей. Значит, экономические связи между Россией и Францией тогда были не столь глубоки, чтобы быть сильнее и значимее собственно внешнеполитических интересов.

¹⁵ Подсчитано на основании материалов о сборе Зундской пошлины, представленных ныне в виде электронной базы данных, созданной в результате реализации проекта под руководством Я. В. Велувенкампа и С. ван дер Воуде (Нидерланды). [Электронный ресурс] // URL: www.soundtoll.nl (дата обращения: 02.02.2018).

Юрий Германович Акимов
(Санкт-Петербург)

*Профессор кафедры американских исследований
Санкт-Петербургского государственного университета*

Визит Петра I в Париж и европейская политика того времени: Системный анализ

Визит Петра I в Париж в 1717 г. изучен неравномерно. С одной стороны, есть скрупулёзные исследования, посвящённые отдельным аспектам пребывания царя во французской столице. С другой стороны — в тени остаются некоторые фундаментальные вопросы и, прежде всего, связанные с (внешне) политическим содержанием, (внешне) политическим значением и (внешне) политическими последствиями данного события.

Пребывание царя в Париже и последовавшее за этим заключение Амстердамского договора обычно рассматриваются с точки зрения его выдающейся роли в процессе становления и дальнейшего развития русско-французских отношений. Это, безусловно, важно и значимо. Однако представляется не менее важным определить политическую подоплёку этих событий, их место в европейской политике того времени, установить, какими соображениями руководствовались их участники, вскрыть их причины и проанализировать степень их воздействия на международные отношения второй половины 1710-х гг.

Диапазон мнений по поводу внешнеполитической составляющей (внешнеполитического аспекта) визита Петра I в Париж чрезвычайно широк, причём это касается как российской, так и западноевропейской историографии.

Так, Н. Н. Молчанов полагает, что визит царя в Париж не имел сколько-нибудь значимых политических последствий¹. Петербургский историк, специалист по военной истории петровской эпохи П. А. Кротов утверждает обратное: «Политическая цель длительного пребывания царя во Франции понятна — получить содействие этой великой державы в завершении Великой Северной войны со Швецией. В достижении этой цели Пётр I вполне преуспел»². Авторитетный французский историк Э. Шнакенбург говорит, что визит ознаменовал собой «подлинное вхождение царя в концерт европейских наций»³.

По поводу Амстердамского договора 1717 г. мнения специалистов также расходятся. Так, немецкий историк Р. Виттрам утверждает, что это был «шедевр искусства формулировок» (*Der Amsterdamer Vertrag — Freundschaftsversicherung and Allianztraktat — ist in der Formulierungskunst ein Meisterstück*), поскольку он содержал оптимальную договорённость сторон, но все спорные вопросы оставались открытыми⁴. Со своей стороны, В. С. Бобылёв называет его «нарочито бессодержательным» документом⁵. Корифей российского франковедения П. П. Черкасов полагает, что Амстердамский договор не имел практических последствий для благоприятного развития русско-французских отношений⁶. Уже упоминавшийся выше П. А. Кротов, наоборот, весьма безапелляционно утверждает, что в 1717 г. впервые «...в договоре с великой державой была зафиксирована новая великодержавная роль России — роль гаранта общеевропейской стабильности и границ после войны за Испанское наследство»⁷. С. А. Мезин отмечает, что Амстердамский договор «имел для России не практическую, а декларативную и потенциальную ценность»⁸.

¹ Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1984. С. 341.

² Кротов П. А. Пребывание Петра I в Дюнкерке и Кале во Франции и гидротехническое строительство на острове Котлин // Меншиковские чтения. Берёзовский межрегиональный некоммерческий благотворительный фонд памяти Светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова. 2014. № 5 (12). С. 141–146.

³ Schnakenbourg E. La France, le nord et l'Europe au début du XVIIIe siècle. Paris: Champion, 2008. P. 518.

⁴ Wittram R. Peter I. Czar und Kaiser; zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1964. 2 t. T. 2. P. 315.

⁵ Бобылёв В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1990. С. 104.

⁶ Черкасов П. П. Двуглавый орёл и Королевские лилии: становление русско-французских отношений в XVIII веке, 1700–1775. М.: Наука, 1995. С. 20.

⁷ Кротов П. А. Указ. соч.

⁸ Мезин С. А. Пётр I во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015. С. 123.

В данной статье внешнеполитические аспекты визита Петра I в Париж и последующее заключение Амстердамского договора (4/15 августа 1717) будут рассмотрены не только с точки зрения истории, но и с точки зрения теории международных отношений. Такой подход позволит выявить факторы долгосрочного влияния, которые порой не видны за обилием деталей.

В качестве основы методологии настоящего исследования будет использован системный подход — международные отношения будут рассматриваться как система, обладающая свойствами, возникающими в результате взаимодействия её участников и не присущими им по отдельности. Если говорить о теоретических подходах, то мы будем исходить из положений школы структурного реализма (или неореализма), и ещё более конкретно — из концепции контроля сил и ресурсов Роберта Гилпина. В работе «Война и изменения в мировой политике» он отметил, что одним из важнейших принципов функционирования международной системы является стремление государств получить контроль над поведением других акторов международной системы. При этом очевидно, что интересы конкретных субъектов этой системы могут вступать и вступают в конфликт друг с другом. Организационные принципы этой системы, формы реализации интересов, как правило, отражают вес и влияние различных акторов. Контроль над международной системой базируется на распределении сил и ресурсов между её акторами, будь то отдельные государства или коалиции государств⁹.

После окончания Тридцатилетней войны (1648) в Европе складывается Вестфальская система международных отношений. Основными участниками (акторами) международных отношений становятся государства-нации, происходит правовое закрепление принципа национально-государственного суверенитета и впервые претворяется в жизнь принцип политического равновесия и баланса сил. Что касается контроля над международной системой, то, согласно Гилпину, он базируется на распределении сил и ресурсов между её акторами, будь то отдельные государства или коалиции государств. Это прекрасно иллюстрируют в том числе европейские войны конца XVII — начала XVIII в.

Что же представляла собой европейская система в 1717 г.? На севере Европы сложилась ситуация, которую современники охарактеризовали как Северный кризис (так назывался один из памфлетов того времени). Продолжалась Северная война. Швеция уже потеря-

⁹ *Gilpin R. War and Change // World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.*

ла значительную часть своих владений на Балтике (Ингрия, Карелия, Эстляндия, Шведская Лифляндия, часть Финляндии) и в Германии (Шведскую Померанию, Штеттин, Бремен и Верден). Она находилась в состоянии войны с Россией, Пруссией, Саксонией-Польшей, Данией, Ганновером и де-факто с Англией. Однако активных боевых действий не велось. Летом 1716 г. планировался десант в Сконе силами русских и датских войск при поддержке датского и английского флота. По разным причинам этот десант не состоялся и был отложен до весны 1717 г.; выделенные для этого русские войска были перевезены из Дании в союзный России Мекленбург. Карл XII с 1716 г. вёл боевые действия на территории Норвегии (правда, в 1717 г. там также наступило затишье). Существенно сократилась балтийская торговля — особенно после того, как Карл XII запретил нейтральным странам торговать с оккупированными шведскими территориями (и этот запрет был подкреплён действиями шведских каперов). Это в первую очередь затронуло интересы великих морских держав — Англии и Голландии¹⁰.

Между державами, воюющими против Швеции, имелись весьма серьёзные противоречия. Их цели в войне были различны, они не доверяли друг другу и постоянно подозревали друг друга в стремлении к приобретению каких-либо выгод в одностороннем порядке. Прежде всего это касается отношений Дании и Ганновера, с одной стороны, и России и Пруссии — с другой. Противоречия между ними ярко проявились летом 1716 г. в ходе подготовки вышеупомянутого десанта в Сконе. Сам Пётр об этом сказал «болтаемся туне»¹¹; он также упрекал союзников в том, что они затягивали время и хотели вынудить русских понести большие потери, чтобы их ослабить. Со своей стороны, датчане обвиняли в срыве десанта Петра I. Они также рассматривали присутствие русских войск (до 40 тыс. человек) и галерного флота на своей территории как угрозу собственной безопасности. Выдвигалась даже идея совместного с англичанами нападения на русских, чтобы заставить их «вернуться в Московию». Впрочем, ни датчане, ни англичане на это не решились.

Державы, не участвовавшие в войне, также внимательно следили за развитием событий. Многих настораживала наметившаяся в этот период вовлечённость России во внутригерманские дела, а также её военное присутствие в регионе.

¹⁰ См.: *Chance J. F.* The Northern Question in 1717 // *The English Historical Review*. 1905. Vol. XX. No 77 (January). P. 54–55.

¹¹ *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Т. 17 // *Соловьёв С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. IX. М.: «Мысль», 1993. С. 51.

Историки обычно подчёркивают, что появление русского флота на Балтике и русских войск в Северной Германии резко изменило ситуацию в этом регионе и в Европе в целом (в частности, это наглядно продемонстрировано в историографическом обзоре, приведённом в работе С. А. Фейгиной)¹². С точки зрения теории международных отношений, это изменение носило системный характер — оно было связано с появлением нового актора (России), который включился в борьбу за влияние и ресурсы. Однако это отнюдь не было изменением системы. Международные отношения в Европе продолжали сохранять характер, присущий им с момента заключения Вестфальского мира. Система международных отношений как была, так и осталась многополярной, она по-прежнему базировалась на принципе баланса сил; её участники стремились к усилению своих позиций, не допуская появления гегемона. Россия стала участником этой системы, стала играть по правилам этой системы и испытывала влияние этой системы.

«Ядро» европейской системы в 1717 г. образовывали отношения пяти держав: Англии, Голландии, Франции, Испании и Австрии (Священной Римской империи Германской нации). После окончания войны за Испанское наследство в этой системе установилось весьма неустойчивое равновесие. Война закончилась без явного победителя, однако она ослабила Францию и ухудшила её положение в Европе. Хотя внук Людовика XIV Филипп Анжуйский и сохранил испанскую корону (а это было главной целью войны для Франции), заплаченная за это цена оказалась очень высокой, а сам выигрыш — эфемерным. При заключении Утрехтского, Раштадтского и Баденского договоров Франции пришлось пойти на значительные уступки, что в свою очередь привело к усилению её традиционных противников, прежде всего Англии и Австрийских Габсбургов. Англия обеспечила себе протестантское наследование и добилась важных уступок в колониях и колониальной торговле. Австрийские Габсбурги существенно укрепили свои позиции в Южной Европе и снова приблизились к границам Франции за счёт территориальных приобретений в Италии и присоединения Южных (бывших испанских) Нидерландов. Франция была обескровлена и экономически истощена.

После смерти королевы Анны (в 1714 г.) и Людовика XIV (в 1715 г.) ситуация стала ещё более сложной. Восшествие на английский престол в августе 1714 г. ганноверского курфюрста Георга

¹² Фейгина С. А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М.: Изд-во Академии наук, 1959. С. 74 и след.

Людвига под именем Георга I существенно повлияло на внешнюю политику Англии. Хотя о масштабах этого влияния среди историков идут дискуссии, не подлежит сомнению, что в ней стала присутствовать тенденция к большей вовлечённости в германские (и в целом в континентальные) дела, получившая название «ганноверизация» (*Hanoverianism*)¹³. С 1 октября 1715 г. Георг как курфюрст Ганновера находился в состоянии войны со Швецией; при этом формально действовал англо-шведский договор 1700 г. Конечно, в Акте об устройении говорилось, что в случае, если английский престол займёт иностранец, Англия без санкции парламента не будет вступать в какие-либо войны для защиты его владений. Однако игнорировать это обстоятельство (состояние войны между Ганновером и Швецией) английское правительство не могло. На Балтике находилась английская эскадра (официально для защиты английской торговли). Другое дело, что в тот момент в Лондоне не было единого мнения относительно того, какую позицию следует занять в ходе Северного Кризиса. Англичане одинаково опасались и шведов, и русских (хотя и по разным причинам). В течение 1716 г. Лондон рассматривал различные варианты поведения по отношению к России и Швеции¹⁴.

В начале 1717 г. между Англией и Швецией произошёл формальный разрыв (это случилось после ареста Гюлленборга — связанного с якобитами, которые были проблемой номер один для английского правительства). В то же время это отнюдь не улучшило отношения Лондона к России, которое оставалось весьма настороженным (хотя пока ещё не конфронтационным). Англия опасалась русско-прусского союза (укрепившегося в конце 1716 г.), а ещё в большей степени — присоединения к этому союзу Франции. 11 ноября 1716 г. (новый стиль) Джеймс Стэнхоуп писал Чарльзу Тауншенду (последний был противником вмешательства в войну со Швецией): «У нас есть основания опасаться, что Франция под давлением Короля Прусского и Царя войдёт в этот союз, что немедленно поставит Францию во главе 100 000 человек в Германии, чтобы действовать против Императора и Империи. Если Регент прислушается к этим предложениям, нам будет нечего сказать»¹⁵.

Что касается политических последствий кончины Короля-Солнца, то здесь, прежде всего, необходимо отметить проблему престо-

¹³ *Black J. Politics and Foreign Policy in the Age of George I, 1714–1727. Routledge, 2016. P. 249.*

¹⁴ См.: *Chance J. F. Op. cit.*

¹⁵ Цит. по: *Black J. Politics and Foreign Policy in the Age of George I, 1714–1727. P. 70.*

лонаследования. Слабое (или казавшееся слабым) здоровье малолетнего Людовика XV заставляло политиков разных стран задумываться о судьбах французского престола. Для регента Филиппа Орлеанского главным вызовом представлялась позиция Испании, стремившейся к реваншу и пересмотру итогов Войны за испанское наследство, в частности тех положений мирных договоров, где шла речь о недопущении объединения испанской и французской корон. Это заставило Францию пойти на сближение со своими недавними противниками Англией и Нидерландами, с которыми она заключила договор 4 января 1717 г. В тот момент он был объективно выгоден как Георгу I, так и Филиппу Орлеанскому, одинаково заинтересованным в гарантиях своих династических прав и одинаково незаинтересованным в пересмотре итогов Войны за испанское наследство в пользу Мадрида. Также Париж стремился не допустить дальнейшего усиления Австрийских Габсбургов (а для этого надо было, в частности, не допустить их союза с Англией), а Лондон — как уже отмечалось — сближения Франции и Пруссии, Франции и Швеции, и, наконец, Франции и России. Данная тенденция оказалась весьма устойчивой. В последующие полтора десятилетия (вплоть до 1731) этот союз являлся базисом английской и французской внешней политики¹⁶.

Таков был внешнеполитический контекст интересующих нас событий 1717 года. Теперь перейдём непосредственно к внешней политике России. Её главной целью было скорейшее завершение войны со Швецией и заключение мира, который бы гарантировал России её основные территориальные приобретения. Однако Пётр I прекрасно понимал, что в сложившейся ситуации к этому имеется очень много препятствий. Интересы его союзников (прежде всего Дании и Ганновера) были во многом противоположны российским интересам. Что касается великих держав, то позиция Англии была двойственной: она опасалась Швеции, но и не хотела допускать её полного разгрома. Голландия следовала в фарватере английской политики. Австрия (Священная Римская империя Германской нации), хотя и была занята борьбой с турками, явно не сочувствовала политике Петра (достаточно вспомнить протесты против русского присутствия в Мекленбурге). Оставались Франция и Испания. Однако интересы Мадрида находились слишком далеко от Балтийского побережья. В этой ситуации попыткам Петра I наладить отношения с Парижем не было альтернативы. К этому его склонял прус-

¹⁶ См.: *Dhondt F.* Balance of Power and Norm Hierarchy: Franco-British Diplomacy after the Peace of Utrecht. Leiden; Boston: BRILL, 2015. P. 144–146.

ский король — его наиболее преданный союзник. Знаменитый историк Сергей Соловьёв утверждал, что таким образом царь решил «испробовать это последнее средство»¹⁷.

Ход русско-французских переговоров в Париже достаточно хорошо известен. Политические дискуссии велись вокруг следующего: заключение оборонительного союза между Францией и Россией, позиция Франции по отношению к Швеции (с которой у неё действовал договор 1715 г.), признание русских завоеваний, возможное французское посредничество при заключении мира на Севере. Эти дискуссии выявили системное различие в подходах сторон к европейской политике в целом и двусторонним отношениям, в частности. Ни Россия, ни, тем более, Франция не собирались изменять саму систему. Однако они предлагали внести в неё изменения различного уровня. Франция стремилась установить союзные отношения с Россией, сохранив при этом на прежнем уровне отношения со всеми своими партнёрами (от Швеции до Англии). То есть Париж выступал за расширение состава участников системы и сохранение её общих свойств (иными словами, речь шла об изменениях первого уровня). Россия хотела не просто заключить союз с Францией, но заставить последнюю отказаться от союза со Швецией. В перспективе речь шла о коалиции Франции, России, Пруссии и Польши-Саксонии. Франция могла бы использовать эту коалицию для сдерживания Австрии, а Россия — для поддержания своих позиций на Балтике. То есть Пётр I выступал не за количественное, а за качественное изменение состава участников системы (т.е. изменение второго уровня — уровня внутренней структуры). Ещё раз подчеркнём, что российская сторона не предлагала изменений третьего уровня и не собиралась менять саму систему.

Представляется категорически невозможным согласиться с известным британским историком Джереми Блэком, который утверждает, что политику, проводившуюся во второй половине 1710-х гг. Петром I (а также Филиппом V) невозможно объяснить в терминах баланса сил, и называет действия обоих этих монархов «иррациональными» и «непостижимыми»¹⁸. Россия (равно как и Испания) в то время не обладала ресурсами, которые позволили бы ей качественно изменить и тем более разрушить Вестфальскую систему международных отношений, даже если предположить, что она по-

¹⁷ Соловьёв С. М. Указ. соч. С. 64.

¹⁸ Black J. Interventionism, Structuralism, and Contingency in British Foreign Policy in the 1720s // *The International History Review*. Vol. 26. No 4 (Dec., 2004). P. 734–764, p. 744.

ставила бы перед собой такую цель. А раз так, то она объективно должна была подчиняться логике этой системы, принимать её правила.

Возвращаясь к русско-французским переговорам, отметим, что их итогом было лишь изменение первого уровня, которое предлагала Франция и которое было зафиксировано в Амстердамском договоре. В тот момент в выигрыше оказались обе стороны, однако сам по себе этот выигрыш (с политической точки зрения) был очень незначительным. Договор, заключённый Францией, Россией и Пруссией, очень слабо повлиял на дальнейшее развитие событий как на Севере Европы, так и в зоне «ядра», где после относительного затишья 1717-го, уже в следующем 1718 г. снова развернулась напряжённая борьба. Война против Испании (Война Четверного союза), снова отвлекла великие державы и прежде всего Францию от событий на Севере. В определённом смысле повторилась ситуация начала Северной войны.

В заключение хотелось бы подчеркнуть: рассмотрение русско-французских отношений с точки зрения теории международных отношений подтверждает тезис, что внешняя политика Петра I укладывалась в рамки существующей в Европе Вестфальской системы, и все рассуждения о том, что Россия стремится к её разрушению, циркулировавшие среди политиков и общества того времени, — не более чем пропаганда.

В то же время визит Петра I в Париж демонстрирует диалектику взаимодействия формы и содержания исторических событий. Если с точки зрения политического содержания это было незначительное событие, то с точки зрения формы это было событие колоссальной значимости. Поездка царя во французскую столицу придавала такой импульс взаимодействию двух стран, который ощущается и спустя триста лет.

Энтони Кросс
(Кембридж)

Профессор-эмерит Кембриджского университета

Взгляд из-за Ла-Манша: Пребывание Петра I в Париже в контексте англо-российских отношений¹

В первом томе «Современного состояния России», впервые опубликованном на английском в 1723 г., спустя три года после выхода в свет в Германии, Фридрих Христиан Вебер писал, как его откомандировали из Петербурга для сопровождения Петра I в поездке по Германии в 1717, где он оставался с царём до возвращения последнего в Россию в октябре того же года. При этом Вебер заявил: «События того Времени не имеют отношения к моему Замыслу, а потому я продолжу Описание внутренних Дел в России»². Для тех, кому интересны перемещения и действия Петра по Европе в 1717 г., достойно сожаления, что Вебер не опубликовал свидетельств того, что он видел и слышал. И хотя по большому счёту Вебер был дипломатом невысокого ранга, он в течение десяти лет занимал уникальное положение «Представителя короля Великобритании как Курфюрста Ганновера» при русском дворе и напрямую докладывал своему патрону, Георгу I все новости из Санкт-Петербурга. Депеши Вебера представляют собой лишь малую часть огромного массива аналогичных отчётов и писем, посланных на родину представителя-

¹ Перевод с англ. Д. А. Прияткина.

² *The Present State of Russia*. London: Taylor, Innis and Osborn. Vol. 1. 1723. P. 192. Ср.: «[Weber] vient de partir pour aller trouver le czar par ordre du roi son maître»: Депеша Лави из Санкт-Петербурга от 29 января 1717. Сб. РИО. Vol. 34. СПб., 1881. P. 114.

ми Британии при различных европейских дворах, хотя зачастую эти документы полностью или частично повторяли друг друга. Эта была разведывательная операция, большая важность которой неоспорима. В инструкциях, данных сэру Джону Норрису, направленному в Амстердам на переговоры с Петром и его советниками в качестве Чрезвычайного и Полномочного посла, особо подчеркивалась задача «переписываться с нашими Послами и другими Представителями при иностранных Дворах для взаимной Информации и Помощи в соответствующих Переговорах и для вящего блага Нашей Службы». Более того, послу также предписывалось «тщательно поддерживать должные отношения с некоторыми представителями дружественных Дворов и Государств, состоящими при Царском Дворе, и в то же время вам надлежит со всем возможным хитроумием выведать Взгляды их Повелителей и получить Информацию о тех Вопросах, о которых они могли бы договариваться с Царём и его Приближёнными»³.

По бóльшей части о содержании депеш знал узкий круг правительственных чиновников, хотя имеющаяся там информация неизбежно просачивалась в тогдашние новостные листки и газеты. С другой стороны, дипломаты и сами «заимствовали» сведения из Гаагской и парижской периодики для своих депеш. В Британии всё более значительную роль в освещении событий как внутри страны, так и за рубежом, особенно после истечения в 1695 Акта о гербовом сборе, впервые введённом в 1662 г. и требовавшим обязательного лицензирования всех печатных изданий, играла пресса. Во время Второго европейского путешествия Петра в английской столице выходило порядка десяти газет, а в провинции — вдвое больше. Они включали «Ландон Газет» (*London Gazette*), «издаваемую по Высочайшему повелению», печатный орган Короны с 1665 г.; первую в Британии ежедневную газету «Дейли Курант» (*Daily Courant*), существовавшую с 1702 г.; «Пост-Бой» и «Пост-Мэн» (*Post-Boy* и *Post-Man*), выходившие трижды в неделю, так же как «Ивнинг Пост» (*Evening Post*), известную тем, что впервые использовала в своём названии слово «вечерняя». Также имелся ряд ежемесячных и даже ежегодных изданий, публиковавших обзоры заметных событий дома и за рубежом: такие как «Современное Положение Европы, или Исторический и Политический ежемесячный Меркурий» (*Present State of Europe: or, The Historical and Political Monthly Mercury*) и «Исторический Регистр, содержащий Беспристрастное Изложение всех Событий, Зарубежных и Внутренних» (*Historical Register, containing an Impartial Relation of All Transactions, Foreign and Domestick*).

³ Британская библиотека, «Original letters to Sir John Norris». Vol. 3, Add MS 28155, f. 19.

Все эти лондонские издания, так же, как и провинциальные газеты вроде «Ньюкасл Курант» (*Newcastle Courant*) или «Стемфорд Меркури» (*Stamford Mercury*), в основном публиковали свои зарубежные материалы из одних и тех же источников в Гааге, Париже и других столицах в сжатом или развёрнутом виде, часто без комментариев, но нередко с определённой окраской или интерпретацией.

1717 г. — середина периода интенсивных европейских политических интриг и переговоров, начавшегося с Утрехтских договоров 1713—1714 гг., положивших конец Войне за Испанское Наследство, и завершившегося в сентябре 1721 Ништадтским договором, обозначившим окончание Великой Северной войны. Но это же были первые годы правления нового британского монарха и, как замечает Дж. Ф. Чанс в первых же строках своего классического труда «Георг Первый и Северная война», «Восшествие Брауншвейгской династии на престол Великобритании поставило страну в такие отношения с севером и западом Европы, которых не бывало никогда прежде»⁴. В частности, с коронацией Георга I в августе 1714 г. начался бурный период, приведший в течение всего пяти лет к разрыву официальных дипломатических отношений между Великобританией и Россией, которые были восстановлены только спустя много лет после смерти Петра. В дальнейшем я постараюсь осветить лишь британский интерес к поездке Петра в Париж в контексте событий, повлиявшим на англо-российские отношения во второй половине 1716 и большей части 1717 г., как это было отражено в британской прессе и дипломатической переписке.

Пётр однажды сказал, что не будь он царём, то хотел бы быть английским адмиралом, и в августе 1716 он, как никогда приблизился к осуществлению этой своей мечты, когда принял командование над британским, датским, голландским и русским флотами при подготовке к вторжению в Швецию, бывшую их общим врагом. Вскоре, однако, вторжение было отменено, а с ним нарушилась и хрупкая гармония, возникшая между союзниками. Последовавший вывод русских войск из Зеландии и их уход на зимние квартиры в Мекленбург расстроил планы Георга I, прежде всего как курфюрста Ганновера и укрепил его в недоверии к российскому присутствию на Балтике. Пётр же сохранял невозмутимость и после визитов к датскому и прусскому королям «был бы очень рад переговорить с нашим Королём», по словам лорда Полуорта, британского посланни-

⁴ *Chance J. F. George I and the Northern War. London: Smith, Elder, 1909. P. 1.* (Книга, хоть и опубликована более ста лет назад, сохраняет большую ценность, поскольку основана на тщательном исследовании архивных и печатных источников).

ка в Дании, записанным на исходе сентября⁵. Но встреча, запланированная на январь в Утрехте, не состоялась по причине «жесточкого недуга» царя в Амстердаме и уклончивых действий Георга, возвратившегося из Ганновера в Англию⁶. В промежутке договор о дружбе, заключённый между Британией и Францией в октябре 1716 г., стал в январе 1717 тройственным — к нему присоединилась Голландская республика. Пётр, как это следует из многочисленных дипломатических депеш, уже давно давал понять, что не прочь бы вновь посетить Голландию, но изначально не имелось никаких указаний, что он намерен также посетить и Францию. Несомненно, предпринять этот шаг его побудил тройственный договор.

Договор был лишь одним из нескольких событий зимы 1716–1717 гг., осложнивших англо-российские отношения и фактически образовавших «политический фон», на котором происходил визит Петра в Голландию и Францию. Важнейшее из них произошло 29 января 1717, когда граф Карл Гюлленбург (Karl Gyllenborg), шведский посланник в Лондоне, был арестован, а его бумаги — конфискованы. Вскоре его переписка, преимущественно с главным послом Швеции в Европе бароном Георгом фон Гёрцем (Georg von Görtz), была опубликована в качестве одной из правительственных «белых книг» и вызвала обильные комментарии в британской прессе⁷. Когда Пётр завершал свой визит в Голландию и готовился к поездке во Францию, разоблачение так называемого «заговора Гюлленборга» выявило планы шведского вторжения в Англию через Шотландию при финансовой поддержке якобитской диаспоры с целью восстания Стюартов на английском престоле⁸. Несомненно, к радости Георга I, эта публикация раздула в Британии пламя не только антишведских, но и антирусских настроений, поскольку содержала разоблачительные сведения о деятельности якобитов, близких к царю и, косвенно, самого царя⁹. «Исторический регистр» при описа-

⁵ Report on the Manuscripts of Lord Polwarth preserved at Mertoun House, Berwickshire / Ed. by Rev. H. Paton. Vol. 1. London: Historical Manuscripts Commission, 1911. P. 85. Cf. *ibid.* P. 105.

⁶ [Abel B.]. The Political State of Great-Britain. Vol. 13 (Jan–June 1717). P. 88.

⁷ Letters which passed between Count Gyllenborg, the Barons Gortz, Spaare, and others: relating to the design of raising a rebellion in His Majesty's dominions to be supported by a force from Sweden. London: printed by S. Buckley in Amen-Corner, MDCCXVII.

⁸ See: Murray J. J. George I, the Baltic ad the Whig Split of 1717: A Study in Diplomacy and Propaganda. London: Routledge & Kegan Paul, 1969. Chapter XI «The Swedo-Jacobite Plot». P. 285–317.

⁹ Самое позднее и детальное исследование роли Арескина как посредника и о российско-якобитских отношениях в этот период см.: Wills R. The Jacobites and Russia 1715–1750. Phantassie, East Linton: Tuckwell Press, 2002. P. 41–55.

нии бумаг Гюлленборга отмечал, что «были обнаружены некоторые фрагменты, касающиеся доктора Арескина¹⁰, царского врача, и его Царского Величества лично, и они сочтены слишком весомыми, чтобы можно было ими пренебречь или обойти молчанием, ибо они до некоторой степени отражают поведение этого Монарха по отношению к его Британскому Величеству». Царю даже пришлось сочинить «Мемориал», вручённый Георгу I Фёдором Веселовским, русским резидентом в Лондоне и удостоенный двумя ответами короля — одним от имени курфюрста Ганновера, вторым от собственно короля Великобритании¹¹. Несмотря на эти и другие публичные проявления взаимного уважения, оба монарха сильно недолюбливали друг друга, и это чувство несколько не ослабло за те месяцы, которые Пётр провёл в Голландии и Франции¹². Мекленбург, якобиты, русско-шведские отношения, подозрения в том, что Пётр ведёт переговоры с регентом, никуда не делись.

В Голландии царь провёл более трёх месяцев, желая, по словам Чарльза Уитворта, британского посла в Берлине, хорошо знавшего Петра по прежней своей должности при русском дворе, «просветить себя касательно садоводства и архитектуры, коими сейчас занимается с превеликим удовольствием»¹³. Английские газеты более или менее подробно освещали пребывание царя в Голландии, отмечая, что он «с большой радостью посещает всякие диковинки этой милой страны и не сидит на одном месте»¹⁴. Вот заметка уже от 6 апреля: «Наша печать сообщает нам о множестве мест, которые он ещё не посетил; несколько крупных городов Австрийских Нидерландов и Франции со дня на день ожидают царского кортежа»¹⁵. На самом деле Пётр прошёл на яхте от Роттердама до Дюнкерка и, проведя продолжительное время там и в Кале, по

¹⁰ Арескин — Эрскин (Erskine).

¹¹ The Historical Register. Vol. 2 (1718). P. 173–183.

¹² Двадцать лет спустя лицемерие, подобных «дружественных проявлений» было освещено в одной из первых британских биографий Петра, опубликованных в Англии: «Льстивые слова, коими часто обмениваются монархи, публика часто принимает за благорасположение, хотя нередко это обозначает прямо противоположное. Король никогда не верил Царю, да и Царь по-прежнему не выносил Короля» ([Banks J.]. A New History of the Life and Reign of Peter the Great, Emperor of All the Russias, and Father of His Country. London: Hodges, 1740. P. 281.

¹³ Report on the Manuscripts... Vol. 1. P. 120.

¹⁴ The Weekly Journal: or, Saturday's Post. With fresh advices foreign and domestick, 30 March 1717. P. 92.

¹⁵ Ibid. 6 April 1717. P. 98.

словам «Ивнинг Пост», «неожиданно прибыл» в Париж вечером 26 апреля / 7 мая¹⁶.

За те полтора месяца, которые Пётр провёл в Париже, большинство британских газет тщательно отслеживали каждый его шаг и подробно информировали читателя о том, куда он ходил и с кем встречался, при случае оживляя материал анекдотами. Пётр, посещавший в Голландию и Францию, больше не был тем варварским царьком, который высадился в Англии в 1698 г.: он стал силой, с которой следует считаться, решающим голосом в дипломатических манёврах европейских держав. Это ещё до его прибытия признало «Современное положение Европы», предположив, что «те великие свершения, которые он уже осуществил, будут по достоинству оценены потомками, а если мы вспомним, какое жалкое место занимала Московия в мире, когда этот Принц взошёл на престол, и какой она предстаёт сейчас, мы должны смотреть на Царя не только как на законодателя, но в равной мере и как на основателя новой Империи»¹⁷. Тем не менее, многое напоминало его первый визит в Лондон двумя десятилетиями ранее, хотя примечательно, что такие аналогии проводили отнюдь не британские журналисты. Теперь, как и тогда, много говорили о том, что он путешествует инкогнито (как правило, эта уловка не срабатывала). Следует вспомнить, что царь прервал свой визит в Оксфорд из-за назойливого внимания толпы, сопровождавшей его, как и повсюду в Лондоне, куда бы он ни направлялся; «Уикли джорнал» усмотрел в этом, однако, сугубо французскую черту, утверждая: «Из Парижа пишут, что Царь крайне недоволен толпами народа, из любопытства собирающимися поглазеть на него, ибо Французы, коим любознательность такого рода свойственна более, нежели другим народам, чрезвычайно назойливы и даже утомительны для него, тем более, поскольку его Царское Величество не переносит, когда на него глазают, тем более что в Московии есть, кажется, обычай прятаться в домах, а не выбегать из них, и опускать лица как можно ниже, чтобы не смотреть на Царя, когда он проезжает по улицам. Так что в его стране английская пословица, что кошка может смотреть на короля, находится под запретом»¹⁸.

¹⁶ The Evening Post, 30 April–2 May 1717.

¹⁷ The Present State of Europe: or, The Historical and Political Monthly Mercury, giving an account of all the public and private occurrences, civil, ecclesiastical, and military, that are most considerable in every court: the interest of princes, their pretensions and intrigues &c. Vol. 28 (January 1717). P. 6.

¹⁸ The Weekly Journal: or, Saturday's Post, 18 May 1717. P. 134.

Официальная газета «Лондон Газет» была подчёркнуто сдержана в освещении визита, просто упомянув (и то на последней странице) о посещении Петром герцогини Беррийской и первой поездке в Версаль и известив о его отъезде¹⁹. В «Современном положении Европы», напротив, заявлялось, что «немного найдётся путешественников такого ранга, о которых мы считаем своей обязанностью столь подробно освещать его прибытие ко Двору [парижскому] наряду с наиболее значительными событиями, происшедшими там с того времени». Но при этом добавлялось, что «парижские информационные листки дали нам множество подробностей, но по большей части столь смехотворных и вздорных, что они не заслуживают упоминания»²⁰. Вскоре «Уикли Джорнал» пожаловался, что «наши письма из Парижа представляют собой нечто вроде дневника перемещений Царя», неделю спустя добавив, что «ныне главным предметом рассмотрения являются поездки Московского Царя»²¹. И тем не менее, в изобилии предлагал своим читателям подробности. Британские газеты не скрывали того факта, что хотя царь и был весьма впечатлён оказанным приёмом и наладил дружеские и неформальные отношения с юным королём Людовиком XV, он и сам по себе «составил поразительную репутацию при французском дворе, и французские знатоки были чрезвычайно изумлены, увидев, что правитель, рождённый в одной из самых невежественных частей мира, столь увлечён искусствами и науками, и превосходит в этом отношении всех монархов, коим повезло родиться в более просвещённых странах»²². При этом в самом конце статьи делался такой вывод: «мы считаем достойным упоминания, что в “Парижской газете” русского монарха ни разу не удостоили титулом “Его Величество”»²³.

Не только газеты, но и, что неудивительно, британские дипломаты внимательно следили за деятельностью Петра. Конечно, в первую очередь их интересовали не места, им посещённые, но закулисные беседы и переговоры. Хотя через день после приезда Петра в

¹⁹ The London Gazette, 18–21 May; 25–29 June 1717.

²⁰ The Present State of Europe. Vol. 28 (May 1717). P. 185.

²¹ The Weekly Journal, 22 June 1717. P. 164; 29 June. P. 170.

²² The Present State of Europe. Vol. 28 (June 1717). P. 224.

²³ Ibid. P. 225. Здесь освещается давняя проблема надлежащей титулатуры и старшинства, которая не только осложняла российско-французские отношения, но и, в данном конкретном случае, послужила яблоком раздора в тайных переговорах, из которых вырос союзный договор между двумя странами, который предстояло подписать в августе в Амстердаме. Предложение России о включении в документ титула «Maj[esté] Czarée» было отвергнуто. См.: Hennings J. Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2016. P. 193–194.

Париж лорд Полуорт мог с уверенностью писать: «По всему, что мне известно, своей поездкой в Париж Царь не сможет причинить нам каких-либо неприятностей», он добавил, что «Никто здесь [в Дании] не сомневается, что он желает заключить мир со Швецией»²⁴. Но самым насущным вопросом и для дипломатов, и для прессы, был: а предложит ли царь заключить торговое соглашение с французами? Удивления это не вызывает, учитывая стремление Британии заключить подобное соглашение с русскими. «Пост-Мэн» предполагал, что «поскольку Двор намерен любыми возможными средствами склонить его к заключению Торгового договора, могущего быть выгодным подданным этой Короны [Франции], они затевают для него и его свиты приём, превосходящий всё, виденное им в других странах»²⁵. Под таким углом стали восприниматься едва ли не каждое событие, каждый шаг, каждое слово. Спустя несколько дней и ремонт фонтанов в Марли, и эксперименты в Академии наук, и выпуск специальных медалей — всё увязывалось с «Прибытием этого монарха к французскому двору, посредством чего они намереваются склонить его к предоставлению подданным этой Короны условий для торговли в его владениях, более выгодных, чем когда-либо предоставлялись какой-либо из других стран»²⁶. «Уикли Джорнал» находил весьма примечательным, что «Прусские, Польские, Датские и Голландские представители последовали за царём в Париж. Говорят, что это для того, чтобы он блюл интересы Северного Альянса, а в особенности Голландцев, и для предотвращения Торгового договора с Францией, невыгодного для них»²⁷. Но договор всё же был подписан, «более <...> неприятный для Голландии, нежели для нас», — писал в конце августа Полуорт сэру Джону Норрису, посланному в Амстердам, чтобы попытаться, хоть и тщетно, заключить русско-британский торговый договор²⁸. С другой стороны, заключённый тогда же договор о дружбе между Россией и Францией не воспринимался как сколько-нибудь значимый, в то время как регент часто высказывал протесты по поводу новообретённой дружбы между Британией и

²⁴ Report on the Manuscripts... Vol. 1. P. 225. Полугодом ранее аналогичная обеспокоенность была выражена Уильямом Литсом (William Leathes), представителем Британии в Брюсселе, в письме к Полуорту из Брюсселя от 25 октября / 5 ноября 1716 (ibid. P. 117).

²⁵ The Post-Man, 20–22 April 1717.

²⁶ Ibid. 23–25 April 1717.

²⁷ The Weekly Journal, 4 May 1717. P. 123. Cf. ibid. 20 April; 8–11 June 1717.

²⁸ Report on the Manuscripts... Vol. 1. P. 341. Cf. BL, «Original letters to Sir John Norris», vol. III, Add MS 28155, f. 17.

Францией, как и верностью последней англо-российскому договору, подписанному менее года назад.

Однако присутствие якобитов в Париже по-прежнему вызывало обеспокоенность, и Томас Кроуфорд (Thomas Crawford), секретарь британского посольства, исполнявший обязанности посла во время отъезда лорда Стэра (Stair) в Лондон, писал: «Все якобиты толпятся возле его [царя] дома и делают вид, будто это очень важно. Руководит ими доктор Арескин». Позже он приписал: «Боюсь, на нашего русского союзника особо полагаться не стоит»²⁹. Лорд Стэр, посол, возвратившийся в июне, напротив, был оптимистичен или, возможно, просто наивен, вняв заверениям Петра, что тот «никогда не имел никаких дел ни с претендентом, ни с его сторонниками»³⁰. Король, похоже, был по-прежнему настроен скептически не только по отношению к Петру, продолжавшему принимать якобитов на службу, но и к его новым союзникам-французам: «Французский двор очень скользок и большого доверия не заслуживает»³¹. В итоге, единственным положительным достижением этих недель для британской стороны стало решение царя вывести войска из Мекленбурга. Британский посол явно переоценил свои заслуги в этом решении и поспешил «выразить свою радость по поводу восстановления гармонии» и устроил «приём для царской свиты»³².

Когда французское турне Петра завершилось, око прессы последовало за ним в Голландию, где должно было состояться подписание соглашений и договоров. Почти не было попыток размышлений о возможном культурном и ином подтексте этого визита. Разве что «Исторический регистр» в своём ретроспективном анализе европейских событий усмотрел, что «Поездка царя в Голландию, а оттуда — ко французскому двору — ещё одно выдающееся событие года 1717, последствия которого мир, возможно, вскорости ощутит на себе»³³. На этом очаровательно невнятном высказывании можно и закончить.

²⁹ Ibid. P. 233, 240.

³⁰ Ibid. P. 267. Ср.: Госсекретарь Аддисон — Стэру от 11 июля 1717, цит. по: *Graham J. M. Annals and Correspondence of the Viscount and the First and Second Earls of Stair. Vol. 2. Edinburgh; London: Blackwood, 1885. P. 5.*

³¹ Письмо Госсекретаря лорда Сатерленда сэру Джону Норрису, 6 августа 1717 (BL, «Original letters to Sir John Norris». Vol. 3. Add MS 28155, f. 63.

³² The Evening Post, no 1231, 22–25 June 1717.

³³ Одно из прямых последствий было усмотрено в учреждении Петром девяти коллегий в декабре. Ошибочно предполагалось, что примером послужил «Метод, который он подсмотрел во Франции», хотя в действительности Пётр вдохновился примером Швеции, причём до его визита во Францию (The Historical Register. Vol. 3. P. 2).

Михаил Григорьевич Талалай
(Милан)

*Старший научный сотрудник,
представитель Института всеобщей истории РАН в Италии*

Католический фактор внешней политики Петра I и его визит во Францию в 1717 году

В петровскую эпоху московское православное царство входило в архикатолическую Священную Лигу, вдохновлённую римским папой Иннокентием XI, — таков малоизвестный и даже парадоксальный сюжет внешней политики России последней четверти XVII века.

Сама Священная Лига (*Lega Santa*), основанная, с противоосманскими намерениями и с пафосом очередного крестового похода, в 1684 г., включала в себя изначально Священную Римскую империю (т.е. Австрию и весь конгломерат германских государств), королевства Испании, Португалии и Польши, республики Венеции и Генуи, великое герцогство Тосканское и герцогство Савойское. Положение для католической Европы в самом деле тогда представлялось опасным — только что турки побывали у ворот Вены: пусть и разбитые в 1683 г. войсками Яна Собеского, они всё ещё владели многими землями на юго-востоке Европы, включая Венгрию.

Уже спустя два года после основания Лиги, в 1686 г., в неё было приглашено московское царство. Альянс, действительно, намечался весьма странным — ведь согласно экклезиологии Католической церкви восточная православная держава в ту эпоху считалась бастионом схизматиков, который ещё не так давно сам подвергался крестовым походам. Очевидно, что к концу XVII в. и в Риме возобладали принципы «реальной политики» — в данном случае общих интересов

против Турции. Кроме того, папа Иннокентий XI, вдохновляемый идеей защиты христианства, являлся тонким дипломатом, сумевшим ради Лиги не только примирить враждовавших между собою католиков (в первую очередь, поляков и австрийцев), но и найти общий язык с православными, а затем и с немцами-протестантами.

Непосредственными проводниками папской политики в Москве послужили иезуиты, которым покровительствовал князь Василий Голицын: в 1684 г., в год основания Лиги, в древней русской столице обосновался австрийский патер Иоганн Шмидт. Вероятно, через него Голицын получил послание папы Иннокентия XI с

предложением войти в Священную Лигу. Несмотря на то, что в действительности участие московского царства в этом альянсе было официально оформлено только в 1697 г., уже после смерти Иннокентия XI, в позднейшей итальянской историографии оно приобрело немалый вес — папа Римский изображается экуменистом «до экуменизма»¹, вступившим в дипломатические отношения с «самим» Петром Великим — при этом не учитывается, что царю в тот момент было всего 12 лет, что на Руси регентствовала его сестра Софья Алексеевна, а фактически государством правил сам Голицын.

По свидетельствам современников, князь был человеком высокой культуры, стремившийся к европеизации Руси. Что касается вековой борьбы Западной Европы и Османской империи, Голицын стремился быть крайне сдержанным, играя на противоречиях соперников. Весьма неохотно, под давлением Польши, он снарядил два Крымских похода, имевших скорее демонстративное, чем военное значение — ради устрашения мусульманского Крыма, приоста-

Иннокентий XI.

Гравюра Никола де Лармессена, 1690.

¹ В 1956 г. папа Иннокентий XI причислен к лику блаженных Католической церкви.

новившего военную поддержку им Турции: османы не смогли использовать татарскую конницу на западном театре войны, а Россия таким образом исполнила свои союзнические обязательства перед Речью Посполитой.

В 1689 г. страной стали формально править два брата — Иван и Пётр, а действительные правители — Нарышкины и патриарх Иоаким — резко свернули связи с Римской церковью, изгнав из Москвы отцов-иезуитов, которых они полагали сторонниками низложенной царевны Софьи и её фаворита князя Голицына.

В начале 1690-х гг. молодой царь избрал «папезский престол» как мишень своих антиклерикальных манифестаций на Всешутейшем, Всепьянейшем и Сумасброднейшем Соборе — хотя многие справедливо предполагали, что Пётр подразумевал тут церковную иерархию вообще, подтвердив это позднее отменой русского патриаршества. О глумлениях над Католической церковью, с шутком в «сане» князя-папы, с избранием «кардиналов», вне сомнения, знали и в Риме.

Вместе с тем, Пётр, начав с 1694 г. всерьёз заниматься государственными делами, ради развития новой России обеспечил в своём государстве широкие конфессиональные права, вновь открыв двери также и для католических священников — вопреки увещаниям иерархов Русской Церкви.

Вдохновитель Священной Лиги, папа Иннокентий XI, скончался в том же 1689 г., когда драматически завершилось регентство Софьи. После кратковременного и незначительного правления его непосредственного преемника Александра VIII, в 1691 г. на ватиканский престол взошёл Иннокентий XII, который даже в своём избранном имени выказал намерение продолжать деятельность папы Иннокентия XI, в том числе и поддерживать борьбу Европы (в первую очередь Австрии) с Турцией.

Антиосманская основа Священной Лиги соответствовала устремлениям молодого русского правителя: его успешные Азовские походы как будто лежали и в русле общей политики католической Европы. В итоге в феврале 1697 г. в результате Венского договора Россия официально вошла и в Священную Лигу. Сам факт усиления Лиги Россией на фоне разгромного поражения, которое в сентябре 1697 г. нанёс османам при Зенте принц Евгений Савойский, заставил Порту просить о мире. Россия этим воспользоваться не смогла, ибо вместо того, чтобы вести активные боевые действия летом 1697 г. и попытаться захватить Керчь, Пётр уехал в Европу обучаться кораблестроению. В целом всё-таки борьба заключилась поражением Порты, оформленным Карловицким миром (январь 1699), состоявшим из

четырёх отдельных договоров: австрийско-османского о 25-летнем мире; польско-османского о Вечном мире; прелиминарного трактата о перемирии для Венеции (утверждён через месяц с обязательством прислать посольство в Константинополь); русско-османского договора о 2-летнем перемирии с обязательством прислать российское посольство в Константинополь. В Константинополе 3 (14) июля 1700 г. был подписан договор о мире на 30 лет между Россией и Османской империей, а 4 (15) апреля 1701 г. — окончательный мирный договор между Венецией и Османской империей².

Замирившись (временно) с Турцией, Пётр, как известно, получил возможность начать Северную войну за выход к Балтийскому морю. Теперь его противником становилась протестантская Швеция, традиционно неприязненная к католицизму, что объективно вновь сближало его с папским престолом.

Однако к тому моменту связи с Римом были минимальны: возможный визит к папе Иннокентию XII в рамках Великого посольства 1697–1698 гг. так и не состоялся из-за преждевременного возвращения царя из Вены в Москву, где взбунтовались стрельцы. Посещение папы, вероятно, сыграло бы немалую роль — Пётр мог бы поведать в Риме о своих победах над турками и наметить дальнейшее сотрудничество, т.к. на том этапе русская дипломатия ориентировалась именно на прорыв к Средиземному морю.

Вскоре, в 1700 г., Иннокентий XII скончался, успев, впрочем, увидеть успешные плоды многолетней борьбы католиков с мусульманами, к которой присоединились православные. На престол взо-

Иннокентий XII.
Картина неизвестного художника.
Конец XVIII в.

² История вхождения России в Священную Лигу в 1697 г. и Карловицкий конгресс 1698–1699 гг. подневно разобраны в двухтомнике: *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006. СПб.: Феникс; Дм. Буланин, 2008; *Они же.* Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб.: Дм. Буланин, 2008.

Климент XI.

Картина неизвестного художника.
1710-е гг. Национальный музей
Швеции, Стокгольм.

шёл Климент XI: освободившись после Карловицкого мира от оттоманской угрозы, Рим сосредоточился на сложных европейских делах, пытаясь балансировать между католическими сверхдержавами, Францией и Австрией, отдавая при этом предпочтение первой. Какой-либо активной политики по отношению к православному Востоку Климент XI не вёл.

Не существовало особого интереса к Риму и у Петра. В целом его отношения с католическим миром всегда служили целям чисто политико-практическим, а теперь, после мира с турками и начала войны со шведами — полноценному

вхождению России в европейский «дом» (у него никоим образом и никогда не возникало каких-либо идеалистических представлений о Риме и католических Орденах, свойственных, к примеру, его правнуку, Павлу I).

После первых малоудачных столкновений с Швецией Пётр решает на попытку задействовать и папский престол. В тот критический момент, в январе 1707 г., он обращается с посланием к Клименту XI, энергично предложив отказаться от поддержки Станислава Лещинского, ставленника шведов, — в тот момент, когда Август II Сильный, союзник России, отрёкся от престола в результате военных неудач. В послании к папе царь обещал неуклонно продолжать «вольное отправление веры римской, строение костёлов и кляшторов на столице особливо», а также и беспрепятственный пропуск католических миссионеров в Персию и Китай³. Послание Петра доставила дипломатическая миссия князя Бориса Куракина (с 1716 г. — посол в Париже)⁴. В ответном письме, в октябре

³ Архив князя Ф. А. Куракина / Под ред. М. И. Семевского. СПб., 1890. Т. 1. С. 8.

⁴ См. *Плюханова М. Б.* Борис Иванович Куракин в Риме в 1707 году // Из России в Италию. Творческая интеллигенция и Рим (XVIII—XIX век) / a cura di S. Androsov ed altri. Salerno, 2015. С. 23–40.

1707 г., папа в любезных формах поблагодарил царя за его добрую волю — в целом, пусть Рим и не стал вмешиваться в польские дела, миссию Куракина можно было считать успешной, а в 1709 г. после Полтавы уже Станиславу пришлось отречься от престола в пользу Августа ввиду успехов русского оружия⁵. Отношения между российским и папским государствами опять вернулись на почти нулевой уровень: Петру Рим в военно-дипломатическом смысле стал неинтересен⁶.

Католический дискурс предстал вновь перед Петром во время его визита во Францию в 1717 году. Международное положение России на этой, завершающей фазе Северной войны, представлялось вполне устойчивым. Тогда перед царём, выстраивавшем дипломатические отношения в новой, благоприятной для него обстановке, в Европе существовали две сложившиеся религиозные модели — протестантская (которой он, как правитель, симпатизировал, несмотря на войну со шведами-протестантами) и католическая. При этом отношение к католицизму и особенно в его ипостаси Папского государства оставалось у Петра весьма сдержанным. По мере триумфального вхождения России в европейский концерт всё явственней становилось неустранимое противоречие двух государственных концепций: папы римские считали себя главой всех католиков, не зирая на их подданство, с чем, естественно, не могло согласиться российское самодержавие. В притязаниях Рима на примат в вопросах юрисдикции и на догматическое превосходство папства над светской властью русский царь видел опасного противника. Подобное противоречие вяло пытались разрешить в черед серии малоуспешных дипломатических действий преемники

⁵ Об этой переписке см. также: *Долбнин В. Г.* Дипломатические отношения между Петром I и Ватиканом // *Управленческое консультирование. Научно-практический журнал.* № 4, 2010. С. 206–216. Заметим, что многообещающее название статьи мало соответствует её содержанию: анализируется лишь несколько эпизодов отношений Петра I и Папского государства (Ватиканом его стали называть только после Латеранских соглашений 1929 г.), в первую очередь, — посольство Куракина, при этом основной смысл статьи сводится, согласно авторской аннотации, к образу «зодчего Н. Микетти как проводника политики папской курии», без каких-либо убедительных доказательств этой тайной дипломатической миссии итальянского архитектора.

⁶ «Римская линия» Петра на рубеже XVII–XVIII вв., весьма пунктирная, обстоятельно изложена, в контексте Северной войны, в: *Шмурло Е. Ф.* Сношения России с папским престолом в царствование Петра Великого (1697–1707) // *Труды IV съезда Русских академических организаций в Белграде.* Ч. I. Белград, 1929. С. 65–111. (Переиздано в сб.: *Историки-эмигранты: вопросы русской истории в работах 20-х — 30-х гг. М., 2002.* С. 210–275).

Петра⁷, но и для них был характерен антипапский курс: самым громким деянием императрицы Екатерины II в этой сфере стал отказ распустить Орден иезуитов: после буллы Климента XIV от 1773 г. иезуиты, разогнанные в католической Европе, продолжали своё институционное существование в пределах Российской империи⁸.

Во время визита Петра во Францию в 1717 г. перед монархом встали вопросы не только дипломатические и военно-политические, но и — пусть маргинально — вопросы церковные, религиозные. Так, в рамках визита царя в Париже состоялась, в Сорбонне, 14 июня (нов. ст.), его встреча с католическими богословами⁹. Она вылилась в неожиданный для царя диспут о возможном объединении христианских Церквей, начавшийся с обсуждения различий между католицизмом и православием. «Это соединение — вещь не лёгкая, — отвечал Пётр, — три обстоятельства мешают тому: папа¹⁰, происхождение Святого Духа¹¹ и... третий пункт он забыл, и Бурсье¹² подсказал — опресноки и вино для св. Таинства причащения^{13,14}.

Парижские теологи, утверждая преодолимость таковых различий, настаивали на назревшей нужде в соединении Церквей. Это был деликатный момент внутри самой Католической церкви, характеризовавшийся конфликтом Римского престола и движением янсенистов, желавших ограничить земную власть пап и ввести принцип соборности. Русский монарх, знавший об этих разногласиях,

⁷ См. подробнее: *Талалай М. Г.* Итальянский вектор внешней политики России в XVIII веке // PIETRO primo CATHARINA seconda. Два монарха, две эпохи — преемственность, развитие, реформы. СПб.: Европейский Дом, 2017. С. 302–309.

⁸ См. в целом об отношениях России и Папского государства той эпохи: *Pirling P.* La Russie et Saint-Siège. Vol. 4. Paris, 1907.

⁹ См. об этом статью: *Августин (Никитин), архимандрит.* Россия и Сорбонна // Христианское чтение. № 3 (34), 2010. С. 46–72.

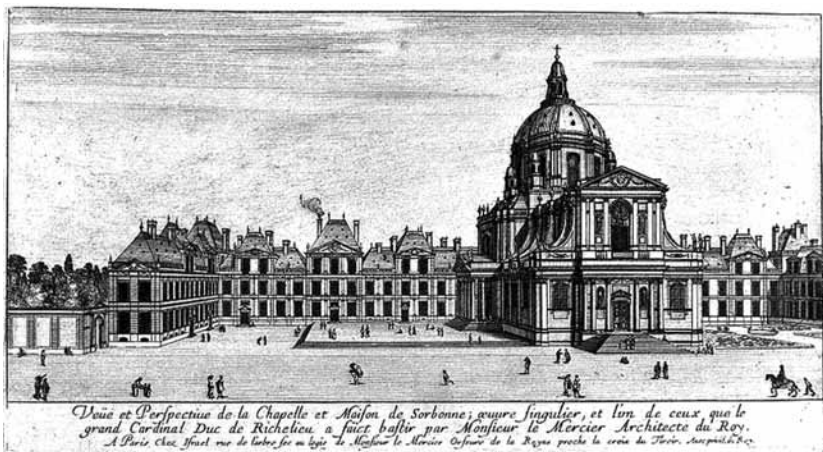
¹⁰ Примат власти Римского престола в отношении остальных Поместных Церквей.

¹¹ Проблема Филиокве (лат.: и [от] Сына), т.е. исхождения Святого Духа не только от Отца, — добавление, сделанное Католической церковью к Никейскому символу веры, на котором, впрочем, она в особых случаях не настаивала (к примеру, при введении в унию различных прежде православных групп).

¹² Лоран-Франсуа Бурсье (1679–1749) — член совета Сорбонны, доктор теологии, сопровождавший Петра во время его визита.

¹³ Т.е. причастие под двумя видами, принятое в обиходе Православной церкви, что однако позднее стало допустимым и в лоне Католической церкви.

¹⁴ *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862. С. 40.

Сорбонна. Гравюра начала XVII в.

благосклонно относился к янсенистам, имевшим своих сторонников в Сорбонне¹⁵. В итоге Пётр предложил Бурсье составить записку, что он и успел сделать ещё до его отъезда из Франции. Царь, приняв сорбоннский меморандум, пообещал передать его на рассмотрение православным богословам, что и добросовестно исполнил по возвращению в Петербург. Как писалось в документах той эпохи, «прислана записка о средствах соединения Церкви Великой России с Церковью Римской, писана на латинском языке, в Сорбонне, канцлером Парижского университета Либургом, засвидетельствован французский перевод сей записки (на 16 листах) в заверение, что бумага о соединении Церквей точно подписана лицами, коих имена под нею означены. Пётр отклонил от себя ответ Сорбонне, предоставив записку соображению Св. Синода»¹⁶.

Записку в итоге внимательно изучили два виднейших церковных иерарха петровской эпохи — Стефан Яворский и Феофан Прокопович. Оба они пришли ко вполне ожидаемому выводу о невозможности дела, в первую очередь из-за необходимости его соборного рассмотрения — всеми поместными Церквями. Ответ Стефана Яворского, более расположенного к диалогу с католиками, был составлен мягче и любезнее, нежели ответ Феофана Прокоповича, известного

¹⁵ Успенский Б. А., Шишкин А. Б. Третьяковский и янсенисты // Символ. № 23. 1990. С. 118–120.

¹⁶ Обзорение известий о России в век Петра Великого // Журнал министерства народного просвещения. 1843. Ч. 37. С. 147. Цит. по: Августин (Никитин)... Указ. соч. С. 59.

своими симпатиями к протестантизму. Как и следовало ожидать, Пётр выбрал текст Феофана, заставив подписаться под ним и Стефана. Летом 1718 г. ответ православных богословов был отправлен в Париж, и переговоры на этот счёт прекратились.

О причинах провала Сорбонского проекта в откровенной форме написал в своей «Записке о Петре Великом и об его преобразованиях» ганноверский резидент Фридрих Христиан Вебер: «Кто имеет сведения об этих обеих религиях, и кто в особенности знает правила ныне правящего царя, тот легко поймёт невозможность этого предложения. Царю необходимо то, чтобы пребывающее в тёмном невежестве его духовенство само приобретало надлежащие познания, внушало их, вместе со страхом Божиим, своим слушателям и вразумило бы этих последних в необходимости повиновения Богу и своему государю. <...> Введение римо-католической веры было бы семенем вечных споров и непременно нарушило бы церковный и светский мир, невозмутимо держащийся до сих пор в России. <...> Ещё менее можно было бы предположить, что с католической верой внедрится в Россию больше знаний, так как в настоящее время царь, и без того, частью распространил уже их своими достохвальными учреждениями, частью же продолжает дальнейшее их распространение призывом многих учёных людей со всего света, и посылкою своих кандидатов в иностранные университеты. <...> О таких важных пунктах, как, например, о браке священников, свято соблюдаемом в России, а равно и о других, в которых обе Церкви разнствуют и нелегко могут придти к единению, говорить здесь ничего не стану; замечу только, что царь никогда и не помышлял о таком соединении Церквей, и поэтому все слухи и суждения об этом приказал объявить ложными и неосновательными»¹⁷.

В последний период царствования Пётр уже мог сосредоточиться на искусстве, архитектуре, градостроительстве. Он увлёкся собиранием скульптуры, в том числе и античной — к этой его деятельности относится обросший легендами «ватиканский» эпизод о вывозе из Рима древнеримской статуи Венеры, получившей в России прозвание Таврической. Её вывозом в 1720 г. занимался Савва Рагузинский-Владиславич, добившийся от римской курии соответствующую

¹⁷ Вебер Ф. Х. Записки о Петре Великом и об его преобразованиях // Русский архив. 1872. № 9. С. 1673–1675. Цит. по: Августин (Никитин)... Указ. соч. С. 62–63. Заметим, что после смерти Петра в Сорбонне вновь вернулись к идее соединения Восточной и Западной Церкви: с этой миссией в 1728 г. прибыл в Москву ко двору Петра II французский аббат Жюбе, которого инструктировал всё тот же Бурсье, сопровождавший Петра I по Сорбонне в 1717 г. и подготовивший записку.

щего разрешения (существовал общий запрет Иннокентия XI) в обмен на новое обещание от русского правительства на свободный пропуск католических миссионеров в Китай¹⁸.

В 1719 г. разразился очередной кризис в отношениях с иезуитами — после бегства царевича Алексея: Пётр подозревал в интригах австрийских патеров, которые были тут же изгнаны из России. Монарх следовал тут отнюдь не антикатолическим резонам — в стране были оставлены представители других католических Орденов, однако в настоятели католических храмов теперь он дозволил брать исключительно французов (в ущерб попавшим под подозрение австрийцам).

Пожиная плоды своего царствования, в 1722 г. Пётр послал в Рим папе и кардиналам по три медали (одну золотую и две серебряные) в память о Ништадтском мире. Их доставкой занимался славянин-католик, он же вице-адмирал русского флота Матвей (Матия) Змаевич¹⁹. В миссии с медалями содержался и намёк на утвердившуюся в Европе новую империю, и расчёт сделать приятное папе римскому в отношении потеснённых «еретиков», северных протестантов (с которыми Россия справилась без помощи Рима), при этом сам Змаевич мог олицетворять толерантность православного монарха и те успехи, которые могли сделать у него на службе западные католики.

¹⁸ Из самых распространённых мифов о вывозе статуи: Пётр её якобы обменял на мощи католической святой Бригитты Шведской, которые были добыты им в качестве трофея в Ревеле (в переговорах с римской курией на раннем этапе действительно возникал сюжет с мощами св. Бригитты, находившимися в Швеции — царю предлагали посодействовать с их передачей в Рим, что не было осуществлено). Эпизод с Венерой Таврической подробно рассмотрен в: *Андронов С. О. Итальянская скульптура в собрании Петра Великого*. СПб.: Дм. Булантин, 1999.

¹⁹ Выходец из балканской Боки Которской, находившейся в составе Венецианской республики, Змаевич стал также старостой петербургской католической общины. Скорей всего, сам Змаевич в Рим не ездил, а отослал медали с оказией; см. о нём: *Талалай М. Г. Венецианская Черногория и петровская эпоха: памятные места // Петровские памятники России и Европы. Изучение, сохранение, культурный туризм*. СПб.: Европейский Дом, 2016. С. 352–353.

Вадим Владимирович Аристов
(Кингисепп, Будапешт)

Президент Исторического общества Ямбурга—Кингисеппа

Европейское путешествие Петра I в 1711 году: Венгерская тема в дипломатических отношениях России и Франции

29 августа 1711 г. (все даты в докладе даются по европейскому календарю) в польском городе Ярославле (Ярославле) состоялась встреча Петра I и французского посла при русском дворе Балюза. Встреча проходила на берегу реки Сан во время приготовлений царя и его окружения к водному путешествию по Польше. В донесении Людовику XIV Балюз сообщал, что Пётр ответил на обращение к нему снятием шляпы и... молчанием. Балюз ощутил «холодность и сдержанность» русского двора, который «вовсе не был расположен назначить» ему «прощальную аудиенцию» и дать ответ на письмо французского короля¹.

Путешествие Петра I по Сану и Висле началось в тот же день, 29 августа². Фактически оно совпало с окончанием этапа русско-французских дипломатических отношений, важнейшим содержанием которого был «венгерский вопрос».

¹ Сб. РИО. Т. 34. СПб., 1881. С. 79–80.

² Согласно «Поденной записке Петра Великого» путешествие началось 18 августа по старому стилю, что соответствует 29 числу этого месяца. См.: История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1 / Сост. Т. С. Майкова. М., 2004. С. 375.

В 1707–1711 гг. для самого Петра I этот вопрос имел немаловажное значение³. Свидетельством тому служат многочисленные письма царя-реформатора и его сподвижников, хранящиеся в Венгерском государственном архиве⁴ в Будапеште. Они были направлены трансильванскому князю Ференцу II Ракоци⁵ (1676–1735). В Венгрии этот человек является одним из самых почитаемых национальных героев. В каждом венгерском городе и даже селе есть улица или площадь, носящая имя Ференца II Ракоци (II. Rákóczi Ferenc)⁶. Его портрет помещён на 500-форинтовой купюре, а памятник ему стоит у главного здания Венгрии — венгерского парламента. Ференц II Ракоци считается символом борьбы венгерского народа за национальное освобождение от власти Габсбургов — правителей Священной Римской империи германской нации, как до 1804 г. официально называлась Австрийская империя. В её состав западная и северная части Венгрии были включены ещё в начальный период борьбы с турками-османами⁷. В конце XVII в. Империя вобрала в себя остальную часть Венгрии вместе с её столицей Будой,

³ Это хорошо прослеживается в фундаментальном сочинении С. М. Соловьёва. См.: *Соловьёв С. М. История России с древнейших времён*. Т. 15–18, 20 // Соловьёв С. М. Сочинения: В 18 кн. М.: «Мысль», 1993.

⁴ Magyar Országos Levéltár. G. 15. Caps. F.

⁵ Следует заметить, что как в дореволюционных, так и в советских и современных российских изданиях зачастую встречаются искажённые варианты его фамилии: Рагоци, Ракочи, Ракоши. Последний вариант вообще уводит в сторону, ассоциируясь с личностью «лучшего венгерского ученика Сталина» Матяша Ракоши, являвшегося руководителем коммунистической партии Венгрии в 1945–1956 гг. В документах же Петровской эпохи Ференца II Ракоци величали Семиградским, или Седмиградским князем (Трансильванию называли Семиградьем) и именовали также «Рагоций», «Ракоций», «Ракотцы» и «Раготцы», искажая при этом венгерское имя Ференц на французский и польский лады (Франциск и Францышек).

⁶ В буквальном переводе с венгерского на русский его полное имя будет звучать «Второй Ракоци Ференц». В русском варианте часто используется «Ференц Ракоци II». Автор данной статьи считает более правильным написание «Ференц II Ракоци», т.к. числительное относится к личному имени князя Ференц, а не к его родовой фамилии Ракоци. «Вторым Ракоци» был и его дед Дьёрдь II Ракоци.

⁷ В 1526 г., после поражения венгров от турок в битве при Мохаче, гибели короля Лайоша II и распада центральной власти, одна часть венгерского дворянства избрала в Пожони (ныне Братислава) новым королём Фердинанда I Габсбурга (1526–1564), короля Чехии, ставшего затем римским королём и германским императором. Другая часть — в Секешфехерваре возвела на венгерский трон Яноша Запольяи. В результате Венгрия оказалась разделена на три части: венгерские территории в составе Священной Римской империи германской нации, Трансильванское княжество и области, оккупированные турками.

а также Трансильванией, исторически входившей в Венгерское королевство.

Ференц II Ракоци являлся венгерским магнатом и происходил из старинной княжеской семьи с традиционно антигабсбургской ориентацией. В 1697 г. он оказался участником антиавстрийского заговора. Ракоци был женат на немецкой принцессе Шарлотте Амалии Гессен-Ванфридской. Через тётку жены он находился в родстве с французским королём Людовиком XIV. Во время заговора установил с ним контакты. Заговор был раскрыт, Ракоци арестован и заключён в крепость, неподалёку от Вены. Ему грозила казнь, но в 1701 г. с помощью жены он бежал и укрылся в Польше. Там встретился со своим ближайшим соратником Миклошем Берчени — другим венгерским магнатом, участвовавшим в заговоре. В это время начиналась война за Испанское наследство (1701–1714), в которой основными врагами выступали Франция и империя Габсбургов.

В Польше Ракоци держал связь с представителями Людовика XIV — сначала с маркизом дю Ероном, а после его высылки — с маркизом Боннаком. Через Боннака Людовик XIV оказывал Ракоци и Берчени финансовую помощь⁸.

В 1703 г. князь Ракоци возглавил восстание в северо-восточных комитатах Венгерского королевства — Берег, Унг и Земплен (центры этих областей — города Берегово и Ужгород в современном украинском Закарпатье и Мишкольц в Венгрии). Восстание переросло в антигабсбургскую, или в антикоролевскую войну 1703–1711 годов, получившую наименование «Освободительная борьба Ракоци».

Основной боевой силой Ракоци были венгерские крестьяне, которых называли куруцами (венг. *kurucok* — крестonosцы). Как и их предводители-дворяне, куруцы в большинстве своём были венграми. В рядах армии Ракоци находились словаки и русины (угорские, или венгерские русские⁹), а также отряды украинских казаков, поляков и валахов (предков совр. румын)¹⁰. В ходе войны эта народная армия «превратилась в мощную боевую силу»¹¹.

⁸ II. *Rákóczi Ferenc fejedelem. Emlékiratai a Magyarországi háborúról, 1703-tol annak végéig.* Budapest, 1978. Old. 299.

⁹ Об угорских русских и Угорской Руси см.: *Аристов В.* Русский мир Будапешта и Венгрии. Будапешт: ARVADO KFT, 2003. С. 19. 47, 55–57, 206–209; Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород: Издательство В. Падяка, 2001. 431 с. Свидетельством участия русинов в движении куруцев является распространение в их среде фамилий Куруц, Куруца, Круцан и т. п. См.: *Поп И.* Указ. соч. С. 226.

¹⁰ История Венгрии. В 3-х томах. М.: Наука, 1971. Т. 1. С. 430.

¹¹ Там же. С. 441.

На первом этапе войны Ракоци достиг больших успехов. Он вытеснил австрийские войска из северо-восточной части Венгрии. В 1705 г. государственное собрание Венгрии не признало вступившего на императорский трон Иосифа I венгерским королём и лишило Габсбургов венгерской короны. Была провозглашена «Конфедерация венгерских сословий для завоевания свободы». Ракоци был избран «князем-предводителем» и стал фактическим правителем Венгерского королевства¹².

Франция поддерживала борьбу венгров против австрийцев. С 1705 г. финансовая помощь князю Ракоци увеличилась с 10 тысяч талеров до 16 600¹³. «В Венгрию прибыли французские офицеры, инженеры, солдаты. Начиная с 1705 г. при дворе Ракоци находился генерал Дезаллёр»¹⁴. Через него Людовик сообщил, что признал Ракоци полноправным князем Трансильвании.

«Ракоци действовал... вполне самостоятельно, исходя... из интересов Венгрии», и не был марионеткой в руках Людовика и Франции¹⁵. Тем более что денег, оружия и людей приходило от Людовика значительно меньше, чем рассчитывал вождь восставших венгров.

В Париже находился посол Ракоци. Он добивался заключения с Францией официального договора о союзе. Но безуспешно. От заключения такого союза король Людовик под разными предлогами отказывался.

Ракоци надеялся, что его армия встретится с французами, наступавшими с запада, «но поражение французских войск в битве при Гохштадте в августе 1704 г. и другие неудачи французской армии разрушили эти планы»¹⁶.

Что же касается Петра I, то уже с начала 1701 г. он пытался «соединиться теснейшими узами дружбы с королём Людовиком XIV»¹⁷. В августе 1702, ещё до восстания Ракоци, Пётр впервые затрагивает венгерскую тему. На встрече с французским дипломатом Героном Паткуль от имени Петра говорит, что царь мог бы предоставить королю казаков, «чтобы совершить диверсию (против империи Габсбургов. — В. А.) со стороны Трансильвании».

¹² Там же; *Пон И.* Указ. соч. С. 319.

¹³ П. *Rákóczi Ferenc fejedelem. Emlékiratai a Magyarországi háborúról...* Old. 469.

¹⁴ История Венгрии. В трёх томах. Т. 1. С. 445.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Сб. РИО. Т. 34. С. IV. На встрече с французским посланником при дворе Августа II царь сказал, «что был бы рад заключить с королём торговый договор» и предоставить ему возможность вывозить товары из России через Балтику, вытеснив оттуда англичан и голландцев.

И что такую диверсию можно осуществить также, если привлечь Турцию, «дав ей возможность оказать помощь венгерцам...»¹⁸.

Вскоре дю Герон сообщил Паткулю мнение Людовика о пользе для Франции союза с Петром. «Если бы Царь заключил какой-нибудь договор и обещал военную помощь, то **самая полезная диверсия могла быть в Венгрии** (выделено мной. — В. А.), под каким бы то ни было предлогом...», — гласил ответ французского короля. Как видим, ещё до венгерского восстания Людовик XIV проявил интерес к предложению Петра о вторжении русских войск в Венгрию.

В декабре 1702 г. посланник короля Балюз выехал из Варшавы в Москву для заключения договора. В 1705 г. Пётр послал Матвеева для переговоров во Францию. Но договор между Россией и Францией так и не был заключён.

Разочарованный неудачей переговоров с Людовиком XIV, царь пытается заключить союз с его противником — императором Леопольдом I (1640—1705), являвшимся королём Венгрии. Здесь он тоже использует «венгерский вопрос». Теперь Пётр I обещает императору поддержку против восставших венгров. Однако, как писал С. М. Соловьёв, «в первые годы Северной войны царь испытывал только холодность и даже презрение со стороны венского кабинета»¹⁹.

Кстати сказать, в 1707 г. новый император Иосиф I (1678—1711), сменивший на престоле Леопольда, сделал явно недружественный шаг в отношении Петра I. Он заключил договор с Карлом XII.

Из-за смены Августа II Станиславом Лещинским Пётр стал искать своего ставленника на польский трон. После отказа нескольких известных лиц²⁰ царь решил содействовать избранию новым королём Польши Ференца II Ракоци²¹.

Рассмотрение кандидатуры трансильванского князя соответствовало исторической традиции. В 1576—1586 гг. польским королём был трансильванский князь венгр Иштван Батори, известный в России как Стефан Баторий. Дед Ференца II Ракоци, Дьёрдь II Ракоци, будучи трансильванским князем (1648—1660), тоже стремился овладеть польским тронном²².

¹⁸ Сб. РИО. Т. 34. С. IX.

¹⁹ Соловьёв С. М. Указ. соч. Т. 17. С. 81.

²⁰ Пётр предлагал польскую корону трём сыновьям популярного среди поляков Яна Собеского, но те отказались. В качестве кандидата в короли Польши рассматривался знаменитый полководец принц Евгений Савойский. Он соглашался принять такое предложение, но только после войны и с разрешения австрийского императора. См.: Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1984. С. 202.

²¹ Царь сделал такое предложение Ракоци с согласия польских сторонников Сандомирской конфедерации.

²² См.: История Венгрии. Т. 1. С. 398, 524.

Но более важной для Петра I была связь Ференца II Ракоци с французским королём. И, конечно, военная сила, которой в то время обладал мятежный князь. В конце 1706 г. армия куруцев насчитывала 100 тысяч человек²³.

Пётр решал двойную задачу. С одной стороны, он хотел иметь на польском троне дружественного ему правителя в лице Ракоци. С другой — стремился наладить через него дружбу с Францией и тем самым решить проблему внешнеполитической изоляции России²⁴. Венгерский князь должен был попытаться договориться о мире России со Швецией через посредничество Франции и Баварии.

Вопреки утверждению профессора Н. Н. Молчанова, что «переговоры русских представителей» с трансильванским князем «окончились неудачей»,²⁵ миссия посланного Петром в Венгрию Давида Корбе²⁶ имела успех. После первоначального отказа Ракоци согласился — при определённых условиях — «принять предложенную... Провидением корону Польши»²⁷. В результате 15 сентября 1707 г. был заключён договор, подписанный представителями Петра I и Ракоци в Варшаве²⁸. В нём царь гарантировал князю Ракоци, что «от намерения своего, к персоне его княжеской объявленного, отступить не имеет и к народу Венгерскому приятство являть обещает»²⁹.

Пётр обещал Ракоци 20 тысяч русских солдат для борьбы за освобождение Венгрии от австрийцев, а также помощь деньгами и оружием. В случае же, если «светлейшему князю с престола Полско-го изгнану быть случилось», царь готов был дать Ракоци «на пропитание в государстве Российском некоторую провинцию...»³⁰.

После подписания Варшавского договора между дворами Петра и Ракоци установились дипломатические отношения, осуществлялся обмен информацией³¹. В Венгерском государственном архиве хранятся 11 писем Петра I и около 30 писем его соратников к

²³ История Венгрии. Т. 1. С. 441.

²⁴ Штернберге Я. И. Письмо Петра I к Ференцу Ракоци II // Исторический архив. 1958. № 2. С. 214; *Váradi-Sternberg J. Rákóczi és I. Péter diplomáciai kapcsolatai a szatmári béke után.* 77–82.

²⁵ Молчанов Н. Н. Указ. соч. С. 202–203.

²⁶ Давид Корбе дважды ездил к Ракоци. Первый раз в апреле, второй — в июле 1707 г.

²⁷ *Nedeczky G. A Nedeczky család.* Budapest, 1891. P. 261.

²⁸ Текст договора см.: ПСЗ. Т. IV. № 2156. С. 385–387.

²⁹ ПиБ. Т. 6 (июль–декабрь 1707). СПб., 1912. С. 75.

³⁰ Там же. С. 77.

³¹ История Венгрии. Т. 1. С. 446; Краткая история Венгрии. С древнейших времён до наших дней. М.: Наука, 1991. С. 140.

Ракоци. Эти послания 1707–1711 гг. являются яркой иллюстрацией заинтересованности царя использовать венгерский фактор в своей дипломатии.

Как известно, по ряду причин стать королём Польши Ференц II Ракоци не смог. Пётр вновь сделал ставку на Августа II. Однако интерес Петра к Ракоци — как к посреднику в отношениях царя с французским королём — продолжал сохраняться³².

Ещё весной 1707 г., через Ракоци и находившегося при его дворе генерала Дезаллёра (Дезальера) Пётр I сделал предложение Людовику XIV быть посредником при заключении мира с Карлом XII, «за что <...> обещал Людовику свои войска, которые король мог употребить по своему желанию. Дело началось, но Карл XII отвечал, что согласится на мир только тогда, когда царь возвратит всё завоёванное без исключения и вознаградит за военные издержки»³³.

Несмотря на эту неудачу, Пётр продолжал использовать связи Ракоци для налаживания отношений с Францией. И Ракоци старался ему в этом помочь. Петровский дипломат князь Борис Куракин именно Ференца Ракоци и его ближайшего соратника Миклоша Берчени считал «начинателями... в установлении доброй корреспонденции между нашим и французским двором»³⁴.

Новый и самый активный период дипломатических отношений России и Франции в период правления Людовика XIV начался после Полтавы. В феврале 1710 г. король назначил своим послом в Венгрию Люмера (маркиз Дезаллёр был отправлен послом в Константинополь). Через Ракоци и Люмера Людовику было отправлено такое предложение царя: если французский король пришлёт царю

³² Сам Ракоци был рад, что ему не пришлось садиться на польский трон. Если бы он стал королём Польши, то ему либо пришлось бы прекращать освободительную борьбу и становиться союзником императора, либо продолжать с ним войну, но уже втягивая в неё поляков. И то, и другое он считал для себя неприемлемым. В своих мемуарах Ракоци писал: «Я... избегал избрания польским королём и собирался быть посредником при заключении мира между царём и шведами при посредничестве французов и баварцев, при условии, что герцога Баварии посадят на венгерский трон, Станислав будет королём в Польше, а я — князем Трансильвании. Это тайный ключ всех моих шагов и тайного договора с царём...». См.: П. *Rákóczi Ferenc fejedelem. Emlékiratai a Magyarországi háborúról...* Old. 398.

³³ *Брикнер А. Г.* История Петра Великого. В 2 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1996. С. 63; *Соловьёв С. М.* Указ. соч. Т. 15. С. 156.

³⁴ *Куракин Б. И.* Записки князя Бориса Ивановича Куракина о пребывании в Англии, отъезде в Россию к армии, путешествии с царем Петром Алексеевичем в Карлсбад и о назначении своем на съезд в Утрехт. 1710–1711–1712. Писано в апреле 1712 г. // Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 3. СПб., 1892. С. 307.

своего посла, Пётр заключит с Людовиком союз и поможет своей армией Ракоци. Тем самым он вынудит императора заключить мир с Францией³⁵.

В это время Ракоци очень надеялся на помощь Петра в борьбе против Габсбургов. «В конце войны, — писал вождь венгров в своих мемуарах, — не было бы ничего легче, чем с помощью победоносной армии царя отбросить немцев до Вены. Можно было бы осадить столицу и вынудить императора заключить мир, согласно желаниям французского короля и царя»³⁶.

Король прислал Ракоци письмо, в котором согласился отправить своего посла к Петру для заключения с царём такого договора³⁷. Однако, как пишет Ракоци, «Франция не спешила выполнять свои обещания»³⁸.

К Петру Людовик направил послом Балюза, который предложил царю посредничество французского короля в переговорах между Россией и Швецией. Это было несколько иное, чем союзный договор.

Между тем переписка короля с Балюзом и обращения Людовика XIV к Петру I в 1710—1711 гг. были просто пронизаны венгерской темой. Причём Людовик связывает её и с Карлом XII. В инструкции Балюзу от 24 июля 1710 г. король писал, чтобы тот «старательно поддерживал в царе высказанное им расположение к сильной поддержке венгерцев против императора. Надо стараться, чтобы это было одним из условий мира между этим государем и шведским королём, так что если он будет заключён, то оба государя обязуются поддерживать свободу Венгрии...»³⁹.

В той же инструкции Балюзу Людовик говорит, что Пётр I «вместе с тем должен подумать о приискании... (венграм. — *B. A.*) предводителя». Сам Ракоци «желал избрания курфюрста баварского в короли Венгрии». Но у курфюрста не было достаточных сил для удержания за собой венгерского престола. «Дело стало бы совершенно иным, — писал Людовик, — если б царь обязался доставить курфюрсту баварскому войско и деньги, необходимые для ведения войны в Венгрии»⁴⁰.

Людовик XIV считал, что если Пётр I откажется поддержать кандидатуру баварского курфюрста, то Балюзу следует убедить царя

³⁵ *Rákóczi F. Vallomások Emlékiratok.* Budapest, 1979. Old. 415.

³⁶ *Ibid.* Old. 414.

³⁷ *Ibid.* Old. 417.

³⁸ *Ibid.* Old. 414.

³⁹ Сб. РИО. Т. 34. С. 431.

⁴⁰ Там же. С. 431—432.

«посадить царевича, его сына, на венгерский престол (выделено мной. — В. А.)»⁴¹.

Французский король явно был заинтересован во вмешательстве Петра I в Венгерскую освободительную войну, шедшую на территории империи Габсбургов. Именно в этом Людовик XIV видел для себя главную выгоду от союза с русским царём. Инструкция короля гласила: «Балюз не должен пренебречь никаким соображением, которое он сочтёт нужным, чтобы склонить русских помочь венгерцам и объявить себя против императора и... его союзников...»⁴².

Поддержка восставшим венграм в это время была особенно нужна. Когда Ракоци с ближайшим окружением находился в Польше, куда прибыл для переговоров с царём, главнокомандующий венгерской армией граф Каройи согласился на почётную капитуляцию. 1 мая 1711 года близ города Сатмар (совр. Сату-Мару в Румынии) 12 тысяч повстанцев сложили оружие перед австрийскими войсками. Всем сдавшимся венграм император объявил амнистию. Венгерским дворянам, участвовавшим в восстании, возвращались их земли. Амнистия распространялась и на Ракоци. Но он вместе с Берчени и другими своими самыми преданными соратниками отказался её принять.

В это время Балюз писал королю: «Супруга польского коронного гетмана сообщила мне... что князь Рагоци просит его ввести московитские войска в места, остающиеся за ним в Венгрии, и присоединить его войска к своей армии... Царь уверил её, что в случае заключения мира, он тотчас же даст ему двенадцать тысяч своего войска»⁴³.

Теперь речь шла уже не о мире между Россией и Швецией, а между Россией и Турцией. Турки объявили русским войну, и при русском дворе распространилось мнение, что к этой войне турок подтолкнула... Франция.

По утверждению Ракоци, уже вскоре после подписания Варшавского договора 1707 года в Польше стали распространяться фальшивые письма от его имени. Из них следовало, что Франция вместе с Ракоци якобы подталкивала Турцию к войне с Россией⁴⁴. По всей видимости, это была диверсия со стороны австрийцев, которые получили информацию о союзе Петра с Ракоци и о стремлении русского царя использовать французские связи венгерского князя.

⁴¹ Там же. С. 432.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 65.

⁴⁴ *Rákóczi F. Vallomások Emlékiratok.* Old. 415.

Министр иностранных дел Франции маркиз де Торси писал Балюзу, что войну Турции против России спровоцировал австрийский император. И сделал он это для того, «чтоб отвратить ту (войну. — В. А.), которая угрожала Венгрии»⁴⁵.

В апреле 1711 г. император Иосиф I умер от оспы. Его смерть, по словам маркиза де Торси, дала «делам совершенно новый поворот». В письме от 3 мая де Торси пишет Балюзу, что теперь шведскому королю не остаётся ничего другого как заключить мир с царём, в котором французский король готов выступить посредником.

И в этом послании вновь всплывает венгерский фактор в отношениях Людовика XIV и Петра I. «Желательно, — говорит де Торси, — чтоб в ожидании сего он (Пётр I. — В. А.) доставил бы венгерским конфедератам помощь, надеяться на которую он дал им основания. Если бы он возложил корону этого государства (Венгрии. — В. А.) на главу своего союзника короля Августа, он увеличил бы свою славу, и это было бы исходом весьма удачным для устранения главнейшего затруднения при заключении мира со шведским королём, потому что с утверждением короля Августа на престоле Венгрии следовало бы Царю согласиться на доставление польского престола королю Станиславу»⁴⁶.

Но Пётр настороженно отнёсся к таким планам французского двора: помочь потерявшему своё основное войско Ракоци и одновременно сделать Августа королём Венгрии, оставив королём Польши Станислава — ставленника Карла XII.

В письме от 11 июня 1711 г. Людовик опять пишет послу Балюзу, что царь Пётр «не мог бы ничем лучше заявить своё доброе расположение, как поддержкою в настоящее время князя Рагоци и венгерских конфедератов. Но я не вижу, — добавляет Людовик, — чтоб со стороны русских было на то много расположения, а между тем время не терпит»⁴⁷.

Для Людовика в отношениях с Петром главной темой по-прежнему оставалась венгерская. Война за Испанское наследство продолжалась, и французский король хотел открыть для себя «второй фронт» в лице войск князя Ракоци и царя Петра.

Однако, как сообщил Балюз в донесении от 19 мая королю, в это время русский двор «был сильно предубеждён против Франции». Предубеждение возникло, как только в Санкт-Петербурге были получены известия о войне с Турцией. Русские тут же потребовали

⁴⁵ Сб. РИО. Т. 34. С. 443.

⁴⁶ Там же. С. 450.

⁴⁷ Там же. С. 452–453.

выезда секретаря князя Ракоци — Дербе. «...И причиной этого требования послужило лишь то обстоятельство, что он француз»⁴⁸, — сообщал Балюз, оставивший Дербе при себе в Яворове.

Война с турками заставила русских считать французов своими недоброжелателями. А Людовик по-прежнему продолжал писать своему послу при дворе Петра, что русский царь ничего не мог бы сделать для него «более приятного, как помочь князю Рагоци и не допустить венгерских конфедератов до полнейшего разорения»⁴⁹.

В это время помощь Петра I непокорным венграм заключалась в том, что он дал возможность Ракоци и его ближайшему окружению находиться при царском дворе в Польше столько, сколько они пожелают. В августе 1711 г. в ответ на информацию о подготовке австрийцами на них покушения русское командование «демонстративно предоставило конвой под командой генерала от кавалерии К. Э. Рённе для Ракоци, Берченьи и их семей»⁵⁰. В июле того же года Пётр принял в состав своей армии венгерские войска, оставшиеся ещё у Ракоци. Это был четырёхтысячный контингент, который вошёл в русскую армию «в качестве вспомогательных войск... князя трансильванского...». Солдаты и офицеры Ракоци приняли присягу на службу Петру I. Они поклялись «Его Царскому величеству... служить верою и правдою против всех его врагов, как шведов, так и турок...»⁵¹. Для встречи этих венгров на польско-венгерскую границу был послан русский гренадёрский полк под командованием Христиана Фромгольда Роппа и майора Павла Готовцева⁵².

В итоге на русскую службу был завербован только каждый десятый венгр из четырёх тысяч прибывших, а также полусотня находившихся вместе с ними французов. Около пятисот венгерских гренадёров и драгунов перешли служить к полякам и саксонцам. Примерно две тысячи куруцев ушли в Молдавию. Там часть их поступила на службу к Карлу XII и к находившемуся в эмиграции киевскому воеводе Юзефу Потоцкому (впоследствии ставшему великим коронным гетманом Польши).

Принятые на русскую службу венгры были отправлены к Киеву в армию Бориса Шереметева. Венгерские солдаты произвели хорошее впечатление на русское командование. Фельдмаршал Шереме-

⁴⁸ Там же. С. 70.

⁴⁹ Там же. С. 455.

⁵⁰ Артамонов В. А. Россия и восстание Ференца II Ракоци 1703–1711 гг. М., 2017. С. 67.

⁵¹ Сб. РИО. Т. 34. С. 469.

⁵² Артамонов В. А. Указ. соч. С. 64.

тев считал их более боеспособными, чем солдат из числа молдаван и валахов (румын). Венгерские гусары храбро сражались в Молдавии против турок и татар. Зимой 1711–1712 гг. 446 венгров и французов из бывшей армии Ракоци, подчинённых теперь полковнику Роппу, были оставлены на зимовку в Чугуеве и Белгороде. В октябре 1712-го фельдмаршал Шереметев «в связи с недостатком денег» отпустил 46 французов и 130 венгров (вместе с частью донских казаков и молдаван) из их частей, находившихся в Малороссии⁵³. После этого на службе в армии Петра I оставались 300 венгров.

В ответ на известие о переходе части венгерских войск на службу к Петру I Людовик XIV писал Балюзу: «Решимость князя Ракоци к уступке Царю немногочисленных союзных войск, ещё у него оставшихся, доказывает, что у него не остаётся никакой надежды (ни) на вступление в Трансильванию, ни на возбуждение венгерского народа к вооружению для защиты своей свободы»⁵⁴.

Сам французский король на помощь царя венгерским повстанцам уже не надеялся. Когда посланцу Петра в Париже Григорию Волкову сказали, что королю «была бы очень приятна помощь, которую его повелитель хотел бы оказать князю Ракоци», Волков ответил, «что Царь в настоящее время слишком занят собственными делами, для того чтоб ещё вмешиваться в дела венгерские. Что он мог бы поддержать конфедератов лишь после того, как заключит свой мир с турками»⁵⁵.

После капитуляции основной армии Ракоци перед австрийцами, а также из-за подозрений в отношении Франции, интерес Петра I к поддержке венгров в войне с империей Габсбургов фактически пропал. После же поражения русских от турок на Пруте резко сократились и реальные возможности такой поддержки. Об этом Пётр I сам заявил Ракоци при встрече с ним, возвращаясь из Прутского похода.

«Князь Ракоци виделся с царём по пути в Жолкву. Монарх рассказал ему то дурное положение, в котором находились его дела, — писал Балюз Людовику 27 августа 1711 г., — <...> Царь объявил ему, что не может ничего предпринять в его пользу без согласия союзников»⁵⁶.

Интересно, что при этом отношении к самому Ракоци и его людям у Петра и царского двора оставалось доброжелательным и даже доверительным. Настолько, что именно Ракоци и его людям

⁵³ См.: Там же. С. 66–67.

⁵⁴ Сб. РИО. Т. 34. С. 468.

⁵⁵ Там же. С. 466.

⁵⁶ Там же. С. 75–76.

было поручено охранять Петра I во время его водного путешествия в Польше, по рекам Сан и Висла. Донесение Балюза Людовику XIV от 11 сентября гласит: «Князь Рагоци имеет свою отдельную лодку, которая непосредственно следует за царской для охранения особы царя, против которого, уверяют, венский двор имел намерения неблагоприятные...»⁵⁷.

Таким образом, на время речного путешествия Петра по Польше Ракоци фактически превратился в начальника охраны русского царя. Однако он не оставлял и свою прежнюю роль посредника в отношениях между французским и русским дворами. «Я слышал, — сообщал Балюз, — что князь Рагоци старался узнать расположение царя относительно Франции и ему показалось, что чувства эти остались неизменны, и что государь желает, чтобы в нём заискивали (были заинтересованы. — В. А.)»⁵⁸.

Однако ещё 23 июля король написал Балюзу, **что помощь Ракоци и венгерским повстанцам «была единственной пользой, которую я мог ожидать от связей, которые Царь хотел заключить со мною (выделено мной. — В. А.)»**⁵⁹. Ничем другим союз с Петром I Людовика XIV уже не привлекал. Но и сам Пётр к тому времени разочаровался в отношениях с Людовиком.

Венгерский фактор дипломатических отношений Петра и Людовика был уже мало актуален. Однако Ракоци ещё надеялся, что его связи с французским двором будут востребованы Петром. Ракоци удалось привлечь на свою сторону дипломата князя Бориса Куракина, который сам «особливе искал дружбы князя Раготцы и конте Бречины (графа Миклоша Берчени. — В. А.)». Куракин тоже принимал участие в путешествии Петра I по Сану и Висле. Он писал в мемуарах, что «имел долгую конференцию с принцем Раготцым и также с Бретчином и... всякую приязнь с ними учинил»⁶⁰.

Ракоци считал, что в интересах царя как можно скорее отправить Куракина во Францию. В это время Людовик просил, чтобы царь прислал в Париж для переговоров какого-нибудь своего министра знатного происхождения. Князь Куракин подходил для такой роли и был согласен ехать к французскому королю. Когда путешественники, сопровождавшие царя, прибыли в город Торунь, то Ракоци даже «учинил проект» для посольской миссии Куракина⁶¹.

⁵⁷ Там же. С. 82.

⁵⁸ Там же. С. 84.

⁵⁹ Там же. С. 463.

⁶⁰ Куракин Б. И. Указ. соч. С. 307.

⁶¹ Там же.

Датский посланник Юст Юль, следовавший по маршруту царя и останавливавшийся в тех же городах, несколько раз виделся с Ракоци. В своих записках Юст Юль писал о венгерском князе: «... Он постоянно заводил со мною длинные разговоры, для меня впрочем, неинтересные, потому что речь всегда сводилась к его союзу с Франциею, который меня не касался»⁶².

Малоинтересной эта тема была уже и для Петра I. Ещё в самом начале путешествия по Польше глава петровской дипломатии граф Головкин сказал Куракину, «что царское величество не намерен туда (в Париж. — В. А.) никого посылать, и нужды нет при нынешнем миру с турки, что уже все те дела окончились»⁶³.

Отношение к Ракоци и его окружению при русском дворе продолжало быть подчёркнуто уважительным. Уклонившись от поддержки венгерской освободительной войны, Пётр I предложил Ракоци в качестве компенсации одну из провинций на Украине. Но князь отказался.

Из Торуня Пётр поехал на лечение в Карлсбад, а Ракоци отправился по Висле в Данциг (польск. Гданьск).

Последняя встреча Ференца II Ракоци и Петра I в 1711 г. состоялась между 11 и 18 ноября⁶⁴. Это произошло в городе Эльбинге (совр. Эльблонг в Польше). К моменту этой встречи с мятежным князем русский царь практически уже отказался как от него самого, так и от венгерского фактора своей дипломатии в отношениях с Францией. При этом, как пишет современный историк В. А. Артамонов, «русская дипломатия не отказывалась от венгерских козырей и в 1712 г.»⁶⁵. И даже «после окончательного завершения конфликта с османами в 1714 г. Русская дипломатия продолжала использовать венгерскую карту... пытаясь вытягивать у австрийцев, чего они опасаются от венгров-эмигрантов»⁶⁶. Сам же Ференц II Ракоци в марте и апреле 1712 г. писал Борису Куракину о разочаровании позицией русской стороны: «Я замечаю, что ваш двор так пренебрегает мною, как будто я никогда не имел сношений с ним, а между тем... я мог бы ещё оказать ему услугу»⁶⁷.

⁶² Юст Ю. Записки датского посланника В России при Петре Великом [Электронный ресурс] // Восточная литература. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/fus11/Jul/frame10.htm> (дата обращения: 20.01.2018).

⁶³ Куракин Б. И. Указ. соч. С. 307.

⁶⁴ См.: П. *Rákóczi Ferenc fejedelem. Emlékiratai a Magyarországi háborúról...* Old. 506; История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). С. 376.

⁶⁵ Артамонов В. А. Указ. соч. С. 69.

⁶⁶ Там же. С. 71.

⁶⁷ Там же. С. 70.

Несмотря на готовность Ракоци по-прежнему быть посредником между царём и французским двором после капитуляции основных венгерских сил перед австрийцами и поражения русских войск в Прутском походе Пётр пытался сделать своим союзником именно Габсбургов, в лице нового императора Карла VI (1711–1740). 25 октября 1711 г. в саксонском Торгау был заключён брак царевича Алексея с немецкой принцессой Шарлоттой Кристиной Брауншвейг-Вольфенбюттельской. В результате этого брака Пётр I стал считать себя «в ближнем свойстве» с австрийским императором и начал добиваться «его цесарской к себе дружбы и склонности»⁶⁸.

Посылая к нему своего посла И. К. фон Урбиха, царь поручал объяснить новому императору, что с Ракоци и восставшими венграми он имел дела только лишь для того, чтобы корреспонденцию из Европы получать через Венгерскую землю. «А протекцию ему (князю Ракоци. — *В. А.*) царское величество никогда не давал». А венгры сейчас «ищут при дворе царского величества», чтобы царь помог им «примириться с двором цесарским. И ежели тому двору то не противно будет, то царское величество в то вступит, ежели цесарь того не похочет, то и царское величество сие такожде оставит»⁶⁹.

Этап дипломатических отношений России Петра I и Франции Людовика XIV, связанный с венгерским фактором, после путешествия по Польше в 1711 г. закончился.

Самые же последние встречи Петра I с Ференцем II Ракоци имели место в 1717 г. во Франции, где проживал венгерский князь в изгнании⁷⁰. Когда Пётр приехал в Париж, у Ракоци появилась надежда на продолжение поддержки венгерских повстанцев со стороны русского царя. Опасаясь этого, «австрийцы тщательно следили за контактами Петра... с князем Ракоци»⁷¹. Однако никаких политических последствий для Венгрии и венгров их встречи уже не имели. Король Людовик XIV умер, а правительство малолетнего короля Людовика XV венгерской темой не интересовалось. Царь же Пётр устанавливал связи с французским двором теперь непосредственно сам.

Убедившись в том, что его посредническая роль окончательно сыграна, Ференц II Ракоци вместе со своими ближайшими соратниками в том же году покинул Францию и поселился в Турции. Там он попытался подбить османов на войну с Габсбургами. Однако заключение австро-турецкого договора перечеркнуло и эту его последнюю надежду.

⁶⁸ ПиБ. Т. 11. Вып. 2 (июль–декабрь 1711). М., 1964. С. 428.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ См.: *Мезин С.* Пётр I во Франции. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2017. С. 67, 72, 146–147.

⁷¹ Там же. С. 126.

Искра Шварц
(Вена)

*Профессор Института восточноевропейской истории
Венского университета*

Наследник русского престола Алексей в парижском пасьянсе царя

Говоря о пребывании Петра I во Франции весной 1717 г., С. М. Соловьёв, а вслед за ним и Н. А. Бакланова, обратили внимания на династические планы царя для улучшения отношений с Францией: его желание женить овдовевшего царевича Алексея Петровича на дочери герцога Орлеанского и выдать дочь Елизавету за короля Людовика XV. Эти планы, подчёркивали исследователи, не смогли осуществиться из-за бегства Алексея за границу¹. Само бегство царевича рассматривалось прежде всего сквозь призму взаимоотношений Петра и его сына, но как оно повлияло на дипломатические планы царя во время пребывания в Голландии и Франции — этот вопрос до сих пор не являлся предметом пристального исследования. В настоящей статье мы попытаемся показать политический радиус бегства Алексея и его влияние на дипломатические переговоры весной и летом 1717 года.

¹ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Т. 17 // Соловьёв С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. IX. М.: Мысль, 1993. С. 65; Бакланова Н. А. Культурные связи России с Францией в первой четверти XVIII века // Международные связи России в XVII—XVIII вв. (Экономика, политика и культура) / Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1966. С. 315—316; Ср.: Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862. С. 160. Из новых публикаций о пребывании Петра I во Франции см.: Мезин С. А. Пётр I во Франции. СПб., 2015. С. 58—59.

Освещая эту тему, историки обычно ссылаются на опубликованные Устряловым документы из Венского государственного архива². Однако ещё Пол Бушкович обратил внимания, что Устрялов опубликовал не все документы, а только те, которые находятся в папке «Бегство царевича Алексея» (*Die Flucht des Thronfolgers*) и при переводе была сделана целенаправленная переработка текста³. Так, он не перевёл очень важный документ с мнением Шёнборна (21 декабря 1717 г.), а только короткие выдержки, соединяя их в один абзац и таким образом создавая впечатления единого текста. При том сознательно упустил большие части 5 и 6 пункта письма, в которых говорилось о первоначальных «имперских планах» поддержки какого-либо «мятежа (*motus*) против Петра под руководством царевича»⁴. Из донесений австрийского резидента Отто Антона Плейера Устряловым было опубликовано только письмо, отправленное из Петербурга 11 января 1717 г.⁵ Многие документы из дипломатической корреспонденции не только с Россией, но и с Голландией и Францией, не были приняты во внимание, хотя в архиве хранятся депеши, черновики писем и протоколы заседаний, во время которых обсуждались разные проблемы, связанные с русско-австрийскими отношениями и вторым путешествием царя. Особенно важными, наряду с донесениями резидента Плейера из Петербурга, являются донесения имперского министра барона Арнольда Хеемса (*Arnold von Heems*; ум. 1718)⁶ из Голландии и письма графа Кёнигсегга-Ротенфельса (*Joseph Lothar Dominik Graf von Königsegg-Rothenfels*; 1673–1751), резидента Карла VI в Париже⁷.

² Документы хранятся в: Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien (далее ННStA-Wien), StA, Russland I, Karton 24 (1716–1718), Konv. II, *Flucht des Zarewitsch*. Ср.: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 6. Царевич Алексей Петрович. СПб., 1859. С. 353–432.

³ *Bushkovitch P.* Power oft the Historian: The Case of Tsarevich Aleksei 1716–1718 and N. G. Ustrialov 1845–1859 // *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 141. Nr. 2 (Jun. 1997). P. 183–184.

⁴ *Бушкович П.* Мне отмщение... Новый взгляд на дело царевича Алексея // *Родина*. Кн. 9 (1999). С. 45.

⁵ *Устрялов Н. Г.* Указ. соч. С. 370–372.

⁶ См.: *Liste der österreichischen Botschafter in den Niederlanden* [Электронный ресурс] // https://de.wikipedia.org/wiki/Liste_der_%D3%B6sterreichischen_Botschafter_in_den_Niederlanden (дата обращения: 26.11.2017).

⁷ Донесения Плейера хранятся в ННStA-Wien, StA, Russland I, Karton 24, Konv. III; донесения Хеемса – в ННStA-Wien, StA, Holland, Berichte, Karton 15 (1716 VII – 1717 XII), а письма графа Кёнигсегга-Ротенфельса – в ННStA-Wien, StA, Frankreich, Berichte, Karton 28 (1716–1720) и в ННStA-Wien, StA, Frankreich, Weisungen, Karton 30 (1700–1720). О сообщениях графа Кёнигсегга-Ротенфельса

Как известно, Второе путешествие Петра было затеяно, чтобы найти новых союзников для окончания Северной войны. Длилось оно почти два года, и первоначально поездка царя во Францию не намечалась. Но уже весной 1716 г. в газетах появились сообщения о таком намерении. Так, «Hamburger Relations-Courier», ссылаясь на информацию из ближайшего круга Петра I, опубликовал сообщение из Парижа, что русский царь собирается зимой посетить Францию, чтобы осмотреть все порты страны, потом из Тулона поплыть в Барселону, посетить Испанию и оттуда, переплыв Адриатическое море, вернуться через Италию, Венгрию и Польшу домой⁸. Но скорее всего, как предполагает и Эммануэль Вагеманс, план «убедить французов прекратить финансовую поддержку Швеции и стать союзниками» возник во время крупных морских манёвров в Дании осенью 1716 г. или в ходе визита к прусскому королю в ноябре 1716 г.⁹ Исследователи отмечают, что в конце года наблюдалось ухудшение русско-датских отношений из-за провала военных планов совместного вторжения в Швецию; нарастало напряжение русско-польских отношений из-за Данцига (Гданьска) и вмешательства России во внутренние дела королевства, а размещение русских войск на территории германского княжества Мекленбург, которое граничило с Ганновером, вызвало бурные протесты императора Карла VI, а также ганноверского курфюрста и английского короля Георга I¹⁰.

из Парижа см.: Müller S. Der Aufenthalt Peters I in Paris 1717 aus Sicht des Wiener Hofes // *Quaesto Rossica*. Vol. 5. 2017. Nr. 2. S. 354–366. К сожалению, автор этой публикации исследовал только документы из дипломатической корреспонденции с Францией, не привлекая для сравнения материалы из других фондов архива. О жизни графа см.: Braubach M. Königsegg, Joseph Lothar Dominik Graf von K.-Rothenfels // *Neue Deutsche Biographie*, 12 (1979). S. 356–358.

⁸ «Er wollte im Winter Frankreich besuchen, um alle See-Havens dieses Reichs zu besehen' und anschließend sogar ‚von Toulon zu Wasser nach Barcellona zu gehen/ um ebenfalls eine Tour in Spanien zu thun/ über Italien zurück zu kommen/ und durch das Adriatische Meer zu passieren/ und also durch Hungarn und Pholen nach sein[em] Land wieder [zurück] zu kehren» // *Hamburger Relations-Courier*. Nr. 56, 7.04.1716, Haag 3.4; zit. Nr. 178, 10.11.1716, Paris 2.11.1716. Цит. по: Blome A. Das deutsche Russlandbild im frühen 18. Jahrhundert. Untersuchungen zur zeitgenössischen Presseberichterstattung über Russland unter Peter I., Wiesbaden, 2000. S. 336.

⁹ Вагеманс Э. Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717). СПб., 2013. С. 26.

¹⁰ Фейгина С. А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 110–115; ср.: Wittram R. Peter I. Czar und Kaiser. Bd. 2. Göttingen, 1964. S. 271, 279–281, 286–289, 295–296; *Конингсбрюгге Х., ван*. История потерянной дружбы. Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714–1725 гг. СПб., 2014. С. 77–78.

Если в 1715 г. в Лондоне ещё ходили слухи о будущем англо-русском союзе и о выступлении британцев против шведов, то через год ситуация изменилась. Напуганные вторжением русских войск в германские земли британцы обратили свои взоры к Швеции и Франции. Эскадра адмирала Джона Норриса была в мае 1716 г. отправлена на Балтику, а осенью король Георг I и генерал Джеймс Стэнхоуп подписали союзный договор с Францией¹¹.

Напомним, что территория Мекленбурга входила в Священную Римскую империю германской нации, и размещение войск Петра I на территории княжества прямо затрагивало суверенитет и интересы Габсбургов. Вряд ли будет преувеличением сказать, что Пётр находился на грани изоляции и только русско-прусские связи продолжали оставаться дружественными, хотя и не особенно прочными. Как правильно заметила Софья Фейгина, прусский король не был против возникновения у Петра трений с венским двором, но предпочитал ловко «маневрировать между участниками военного и дипломатического соперничества», добываясь выгод для Пруссии¹².

Учитывая сложившуюся ситуацию, Пётр, по всей вероятности, рассчитывал, что предстоящие дипломатические переговоры могут изменить соотношение европейских сил. Дружественные отношения с Францией, а по возможности и заключение союза с французским королём могли привести к балансу сил России, Ганновера и Англии. При помощи Франции Пётр I надеялся на окончание Северной войны и на заключение мирного договора. Взамен Россия была готова гарантировать мирные договоры в Утрехте и Бадене и, вытеснив Швецию, стать союзником Франции в её восточной политике¹³. Именно в этой сложной и новой расстановке сил в Европе произошло бегство Алексея, которое привело в смятение не только царя, но и многих представителей европейских дворов.

Несколько слов о самом бегстве. Как известно, после смерти кронпринцессы Шарлотты фон Брауншвейг-Вольфенбюттельской Пётр I потребовал от сына повиноваться его приказам и объявил ему ультиматум: «отмени свой нрав и нелицемерно удостой себя наследником, или будь монах»¹⁴. В ответ Алексей заявил о готовности отказаться от права престолонаследия и принять монашеский постриг¹⁵. В начале октября 1716 г. под предлогом отъезда в Копен-

¹¹ *Wittram R.* Op. cit. S. 283, 301–302.

¹² *Фейгина С. А.* Указ. соч. С. 112–113.

¹³ *Massie R. K.* Peter der Große: Sein Leben und seine Zeit. Frankfurt am Main, 1986. S. 541; Ср.: *Wittram R.* Op. cit. S. 317.

¹⁴ *Устрялов Н. Г.* Указ. соч. С. 51.

¹⁵ Там же.

гаген к отцу Алексей взял 2 000 руб. от сената, 1 000 дукатен (червонец) у Меншикова и ещё 5 000 у обер-комиссара Исаева в Риге и, проехав Данциг, вдруг исчез¹⁶. Месяц спустя, 21 ноября, поздно вечером царевич явился перед имперским вице-канцлером Фридрихом Карл фон Шёнборном в Вене и горько жалуясь, что отец хочет его погубить, а детей лишить престола (*mein Vatter will mich drumb bringen*), попросил убежища¹⁷.

Венский двор был в смятении. Отношения с Россией, особенно после того как русские войска отказались от вторжения в Швецию и в октябре перешли на зимние квартиры в Мекленбург, были обострёнными. Не удивительно, что император опасался международного скандала и требовал полной конфиденциальности происшедшего. В архивных документах, касающихся пребывания царевича в Тироле, бросаются в глаза слова «государственный заключённый», «арестант» (*Principal Arrestant*) и приказ запереть его на ключ (*einsperrung der Principal Person*)¹⁸. Так, в декрете Карла VI коменданту крепости Эренберг, генералу Росту, приказывалось строго держать в тайне присутствие «арестанта» в крепости от всех и даже от курфюрста Пфальца и от *Militar Directorio*, т.е. от людей императорского Военного совета¹⁹. Хотя престолонаследник был родственником и приехал к своему зятю, австрийскому императору (напомним, что Карл VI был женат на Елизавете Кристине фон Брауншвейг-Вольфенбюттельская, старшей сестре Шарлотты), практически с момента приезда в столицу Габсбургской монархии у него был статус «государственного заключённого». Он был помещён под строгий арест и отправлен в поместье вице-канцлера фон Шёнборна в Вейербург (недалеко от Вены) пока Тайная конференция совещалась и принимала решение, как с ним поступить, а затем в тирольскую крепость Эренберг²⁰. В мае 1717 г., когда место нахождения царевича стало известно отцу, его тайно перевезли в крепость Элмо в Неаполе, который находился в то время под контролем Австрии²¹.

Что было известно Петру о бегстве сына? Практически два месяца у него не было конкретных известий. Приезжая в Амстердам, встревоженный Пётр послал распоряжение генералу Вейде, стояв-

¹⁶ *Brückner A. Der Zarewitsch Alexei (1690–1718). Heidelberg, 1880. S. 158f.*

¹⁷ HHStA-Wien, StA, Russland I, Karton 24, Konv. II, fol. 3 r.

¹⁸ См.: Декрет Карла VI коменданту крепости Эренберг, генералу Росту в ноябре 1716 г. *Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 354–356.*

¹⁹ *Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 357.*

²⁰ Там же. С. 354–357. *Wittram R. Op. cit. S. 372–373; Павленко Н. И. Царевич Алексей. М., 2008. С. 84–94.*

²¹ *Павленко Н. И. Указ. соч. С. 93–94.*

шему с корпусом в Мекленбурге, разведать, где находится его пропавший сын²². Одновременно он срочно вызвал к себе из Вены русского резидента Авраама Веселовского, которому был дан официальный указ о розыске царевича²³. 20 декабря Пётр собственноручно написал письмо Карлу VI о пропаже сына Алексея: «получив от нас повеление дабы ехал к нам... прибрав несколько молодых людей, с пути того съехав, незнамо куда скрылся». Далее следовала просьба: «еже ли он в ваших областях обретается тайно или явно, повелеть его с сим нашим резидентом, придав для безопаснаго проезду (sic!) несколько человек ваших офицеров, к нам прислать...»²⁴. Однако Веселовскому был дан наказ не сразу передать письмо императору, а ждать дополнительного приказа²⁵.

Между тем, русский агент во Франции Конон Зотов доносил царю последние сплетни из Парижа. Господин Бонмазарий, сообщал он, был у вице-адмирала д'Эстре и разговор зашёл об Алексее. Вице-адмирал был информирован письмами из России, что «Ваше величество указали государю-царевичу ехать к себе для женитьбы на Европейской принцессы» и спрашивал «не знает ли он на какой принцессы?». Бонмазарий ответил, что не знает, а затем искусно спросил «не будет ли угодно двору Французскому, если бы царское величество похотел государя-царевича женить на принцессе Французской, а именно на дочери дюка д'Орлеана, для лучшей альянции (sic!) крови и интереса?»²⁶. Н. А. Бакланова характеризует этот разговор как предложение брачного союза и возможность упрочения дружественных отношений, но скорее всего слухи о бегстве Алексея уже распространились от России до Парижа, и вице-адмирал д'Эстре хотел знать как обстоят дела со сыном²⁷.

Итак, 23 декабря Веселовский выехал из Амстердама и неделю спустя (3 января) отправил сообщение из Франкфурта-на-Одере, что царевич под именем полковника Кохановского с сопровождающими лицами останавливался здесь в гостинице «Чёрного орла за городом»²⁸. 3 февраля отправлено новое донесение Веселовского, на этот раз из Вены, о неуспешном розыске по дорогам, ведущим к

²² Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 58.

²³ Указ Петра I о розыске Алексея, Амстердам, 20 декабря 1716. РГАДА. Ф. 6. Д. 20. Л. 3. Опубликовано: Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 359.

²⁴ Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 359.

²⁵ Там же. С. 58.

²⁶ Письмо Конона Зотова Петру I от 20 декабря 1716 г. из Парижа. См.: Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 358.

²⁷ Бакланова Н. А. Указ. соч. С. 315–316.

²⁸ РГАДА. Ф. 6. Д. 20. Л. 8–9 об.

Италии — Тирольской и Каринтской, а 21 февраля — уверение, что «царевич точно находится здесь (в Вене. — *И. Ш.*), но еще не был на аудиенции у императора». Далее Веселовский предлагал «тайно, силами 4–5 русских офицеров, увести царевича из Вены в Мекленбург»²⁹. Видимо, слухи о пребывании Алексея в Вене и планы Веселовского достигли Москвы, так как ссылаясь на письмо Плейера, вице-канцлер Шёнборн доносил императору о курьёзных известиях из Москвы: «Веселовский собирается силой увести в Мекленбург царевича, который скрывается в землях императора»³⁰.

Донесения о царевиче и о намерениях Веселовского переплетались с донесениями о беспорядках в гвардейских полках в Мекленбурге. 11 января 1717 г. Плейер писал из Москвы о «Complot in Mecklenburg»: «Гвардейские полки, составленные большею часть из дворян, замыслили с прочими войсками в Мекленбургии (sic!) Царя убить, а царицу привезти сюда и заключить с детьми в тот самый монастырь, где сидит прежняя царица: её освободить и правление вручить кронпринцу»³¹. Давление, оказываемое на царя, нарастало с каждым днём. Вопрос о пребывании русских войск в Мекленбурге становился одним из самых горячих в повестке дня, а найти царевича пока не удавалось, хотя люди Петра шли по его следам. Царь был тяжело болен, а исход болезни был неизвестен. К тому прибавилась и трагедия с новорождённым сыном Павлом, который прожил только один день и скончался 3/14 января 1717 г. в городе Везеле в Германии.

В начале февраля английский премьер-министр и руководитель немецкой канцелярии в Лондоне Андреас Готтлиб фон Бернсторфф (Andreas Gottlieb von Bernstorff) проинформировал английского резидента в Вене барона Хульденберга (1660–1733), что «русские войска в Мекленбурге получили приказ и готовы двинуться в путь, но правда ли это или нет — трудно сказать. В то же самое время бегство сына не даёт царю покоя, а русские думают, что царевич уехал в Вену и там его скрывают. Что касается здоровья царя, то пока всё неясно»³².

²⁹ Там же. Л. 25–25 об., 32–33.

³⁰ HHStA-Wien, StA, Russland I, Karton 24, Konv. III, Fol. 56 r., 14. M?rz 1717.

³¹ Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 80.

³² Копия этого письма хранится в папке архива с документами о бегстве Алексея. Подпись английского резидента читается как Хильденберг (Hildenberg), но речь идёт о бароне Даниэле Эразмусе Хульденберге (1660–1733), который являлся британским послом при дворе императоров Леопольда I, Иосифа I и Карла VI. См.: HHStA-Wien, StA, Russland I, Karton 24, Konv. II. Fol. 72 r. «Extract Schreibens aus London vom 8 Febr. st. n. 1717: Der Czarische Minister hier

Тяжело больной Пётр, недовольный донесениями своего резидента из Вены, поручил тайному советнику и дипломату Петру Андреевичу Толстому и капитану гвардии Александру Ивановичу Румянцеву поехать в Вену для поиска и возвращения Алексея³³. Веселовскому было отправлено уведомительное письмо и наказ приложить старание «дабы ту особу каким нибудь способом в Мекленбургю к войску нашему вывезть», а если «та особа у цесаря явилась и под его протекциею живет, то в таком случае подай грамоту цесарю и чини впрочем по данной тебе комиссии (sic!)»³⁴.

4/15 марта 1717 г. Пётр I из Амстердама направил императору Карлу VI официальную грамоту, стараясь его убедить, что в его намерения не входило расположить русские войска на зиму в Мекленбурге, но из-за неуспеха военной кампании в Швеции они «были принуждены на некоторое время остановить» военные действия. А так как вернуть обратно в Россию солдат было поздно и очень далеко, то пришлось принять такое решение³⁵. Пётр указывает также на факт, что земли Мекленбурга во время войны пострадали не только от русских, но и от шведских войск и их союзников. Далее русский царь уверял, что против него распространяются «злые внушения» и ему известно, что «злонамеренные люди», которые «к махинации клонят» на него жалуются, но во имя дружбы он 12/23 февраля отдал приказ³⁶ об уходе русских войск из Мекленбурга³⁷. В конце грамоты были новые уверения в дружбе, но и упрёк, что цесарские претензии против герцога Мекленбург-Шверинского незаслуженные и он, Пётр I, ради собственной чести будет его защищать («за него заступать обязанным себе быть почитаем») ³⁸.

saget uns, daß zum Abmarsch des größten Theils der russischen Troupen Ordre ergangen, ob es aber wahr steht dahin. Die Evasion des Czarowitzen soll dem Vater gewaltig im Kopf herum gehen und meinen die Rußen, daß er nach Wien gegangen und alda verborgen gehalten werde. Mit des Czaars Gesundheit soll es noch zweifelhaftig stehen».

³³ Инструкция Толстому и Румянцеву о поездке в Вену для поиска и возвращения царевича Алексея в Россию. РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1717 г. Д. 13. Л. 10–13 об. Копия.

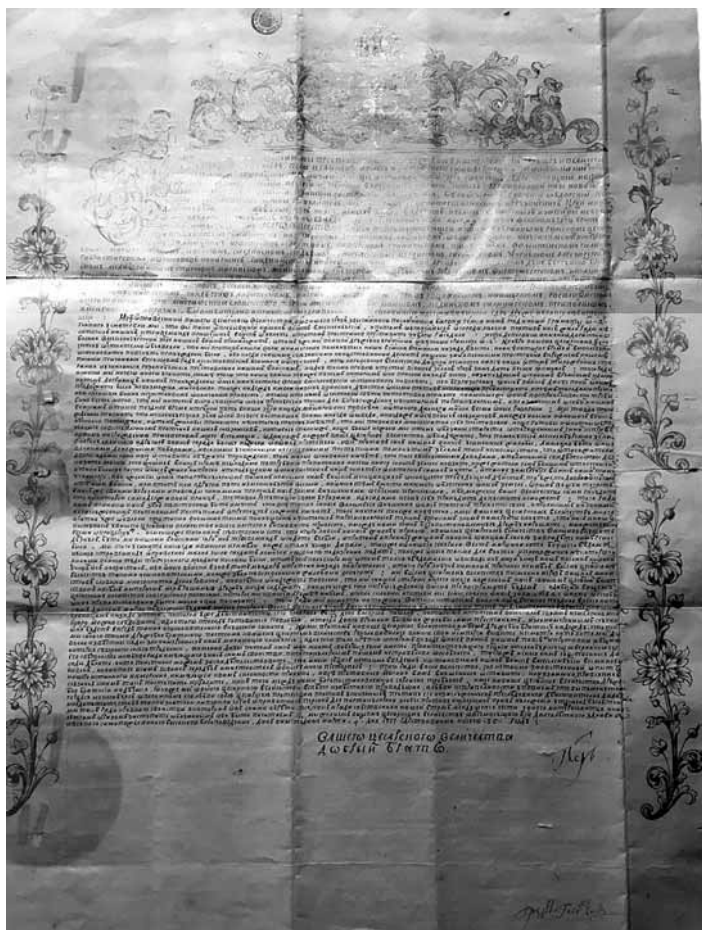
³⁴ Пётр I А. Веселовскому, 6 марта 1717 из Амстердама. В наказе имеется в виду грамота Петра I Карлу VI из Амстердама, 20 декабря 1716 г. Текст наказа опубликован. См.: *Устрялов Н. Г.* Указ. соч. С. 373.

³⁵ ННStA-Wien, StA, Russland I, Karton 24, Konv. III, Fol. 17. Оригинал. Грамота не была опубликована Устряловым.

³⁶ Дата в тексте грамоты дана по новому стилю и по старому.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

Грамота Петра I императору Карлу VI.

К этому времени резидент Веселовский ещё не получил официальной аудиенции, и грамота Петра от 20 декабря 1716 г. не была вручена императору. Гамбит царя продолжался, но, видимо, по мере получения информации менялась и стратегия Петра. Для переговоров в Париже были выбраны самые опытные царские дипломаты – барон Пётр Шафиров и князь Борис Куракин. Анализируя архивные документы, мы приходим к выводу, что именно в эти дни созрело окончательное решение царя вмешаться в переговоры напрямую и поехать в Париж.

Интерес представляет ещё один факт: в Роттердаме он попросился с Екатериной, которая не поехала с ним во Францию. Обычно историки полагают, что «царь не взял её с собой, опасаясь не станут ли надменные французы критиковать низкое происхождение его супруги»³⁹. Но из зашифрованного донесения Плейера в Вену мы узнаём о слухах, которые распространялись в Москве и, наверное, были ближе к истине. Плейер доносил Карлу VI, что царь отправился в Париж один после бурной ссоры с царицей, на которую возложил вину за свою дурную репутацию: «Я узнал здесь от одного важного господина по секрету, что перед своим отъездом из Голландии царь к царице очень яростным был и сурово обвинил её в том, что по её вине весь мир плохо говорит о нём, будто он отверг и выгнал из страны своего сына и тот должен был от него бежать, а ведь он ни перед Богом, ни перед миром не может обвинить сына в каких-нибудь преступлениях»⁴⁰.

Наконец-то в апреле Пётр получил из Вены донесение (10 апреля 1717) Румянцева о том, что царевич действительно находится в тирольской крепости Эренберг под протекцией императора и «содержится за крепким караулом»⁴¹. Веселовскому был дан наказ передать декабрьскую грамоту Петра Карлу VI, и он стал добиваться официальной аудиенции. К императорскому двору в Вену были направлены Румянцев и Толстой с требованием выдачи царевича. Для Австрии наступил конец игры со скрытыми картами, но император не спешил уведомить царя о местопребывании его сына. В ответном письме от 12 мая он продолжал уверять Петра в своём дружеском отношении к нему, а в это время Алексей находился по дороге в Неаполь⁴².

³⁹ Вагеманс Э. Указ. соч. С. 127.

⁴⁰ HHStA-Wien, StA, Russland I, Karton 24, Konv. III, Fol. 21 r. Письмо Плейера от 4 июня 1717 г. из Москвы. «Ich hab von einem großen Herrn alhier Vertraulich vernommen, daß der Zaar vor seinem abreiß aus Holland gegen die Zaarin sehr zornig sich erzeiget und Ihre mit harten Worter fûrgeworfen, daß Sie daran schuldig, daß anjnzo die gantze Weltd von Ihm übel rede, dass Er seinen Cron Prinzen verjaget, verstoßen und aus dem Land vertrieben, und verursacht hette, dass Er vor Ihm die Flucht ergreifen müsste, da Er Ihn weder vor Gott, noch vor der Weltd einiges Verbrechen Beschuldigen kann». Это донесение Плейера не было опубликовано Устряловым.

⁴¹ Донесение Румянцева Петру I о поездке в Вену и Тироль и о том, что царевич Алексей живёт в крепости Эренберг под протекцией цесаря. 10 апреля 1717 г. РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1717 г. Д. 13. Л. 4–5об.

⁴² Письмо Карла VI Петру I в ответ на требование выдачи царевича от 12 мая 1717 г. РГАДА. Ф. 6. Д. 21. Л. 7.

В заключение можно сказать, что за период с декабря 1716 по апрель 1717 г. произошёл заметный поворот в стратегических планах Петра. Во многом на это повлияла трагедия, связанная с бегством сына и позиция Венского двора. В этом конфликте интересов Петру стало понятно, что он не может рассчитывать на австрийскую дипломатию и на Австрию как союзника. Учитывая сложившуюся ситуацию, русский царь, по словам Р. Виттрама, предпринял «элегантный шахматный ход» для реализации своих планов и для спасения антишведской коалиции от распада — он выразил готовность вывести русские войска из Мекленбурга, оставляя за правительством Франции возможность представить перед английским двором этот шаг как свою заслугу⁴³. Однако, как мы видим из новооткрытой грамоты Петра I, решение было принято ещё в феврале 1717 г. в Амстердаме. Переговоры в Париже в мае-июне 1717 г. и заключение договора о сотрудничестве между Россией, Францией и Пруссией в Амстердаме 15 августа 1717 г. хотя и не привели к значительным успехам, но положили начало новому направлению стратегии России в европейской политике.

⁴³ *Wittram R. Op. cit. S. 319.*

Ольга Гениевна Агеева
(Москва)

*Ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН*

Учреждение русской миссии во Франции в начале XVIII века и её деятельность в области культуры

Во время Великого посольства Петра I в Европу была осознана необходимость разнообразных контактов России с Западной Европой. Одним из следствий этого стало учреждение сети постоянных дипломатических миссий, сменивших практику отправления за рубеж пышных разовых посольств. В XVII в. у России уже был опыт создания двух представительств в приграничных Швеции (1634) и Речи Посполитой (1673)¹. Теперь, на рубеже XVII–XVIII вв., постоянные миссии были основаны в Голландии (1699), Дании (1700), Священной Римской (Вена, 1701) и Османской империях (1701), в Англии (1706)². Кроме этого, в ряде городов и небольших государств Европы, например, в Гамбурге и Венеции, имелись агенты. В 1702 г. постоянная миссия появилась и во Франции. Некоторым из аспектов её ранней истории, т.е. времени от основания до поездки Петра I во Францию в 1717 г., посвящена данная статья.

Первое, что обращает на себя внимание, — это неровность самого процесса создания русского представительства. Начнём с того, что дата 1702 г. в некотором смысле является условной. Предысто-

¹ Всеобщая история дипломатии. М., 2010. С. 229.

² Похлёбкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М., 1992. Вып. 1. С. 202.

рией миссии была попытка в 1700 г. отправить во Францию ближнего стольника князя Юрия Юрьевича Трубецкого. По архивному делу РГАДА, он получил для поездки «казну» (1000 червонных, соболей и камку) и, по донесению смоленского воеводы, 21 июня 1700 г. пересёк польский рубеж. Далее следы князя теряются. По мнению Н. Н. Бантыш-Каменского, посылка была отменена, так как реляций из Франции не последовало³.

Таким образом, первый постоянный представитель русского царя в Париже появился только два года спустя. Им стал Пётр Васильевич Постников, который находился здесь с 1702 по 1710 г. и имел поручение сообщать о «тамошних поведеньях». В «верющей» грамоте, подготовленной на русском и латинском языках, Постников был написан «урождённым нашим дворянином», то есть статуса дипломата, или, как тогда говорили, «характера», не получил⁴. П. В. Постников — лицо, хорошо известное в русской историографии. В 1690-е гг. он учился в Падуе, где получил диплом доктора медицины и философии. В конце 1790-х гг. посетил Париж. Знал несколько языков. Известен как автор первого русского перевода Корана.

Во время бытности во Франции Постникова для ведения дел в 1705—1706 гг. инкогнито в Париж приезжал блестящий петровский дипломат, русский посол в Гааге ближний окольный Андрей Артамонович Матвеев⁵. Хотя поводом для поездки Матвеева было освобождение двух русских кораблей, захваченных французскими каперами (королевский суд отказался их выдавать), настоящей целью визита было склонить Париж к посредничеству в заключении мира со Швецией и торговый договор между Россией и Францией. В 1707 г. два месяца в столице Франции находился с дипломатическим поручением «курьер» Пётр Курбатов⁶.

После отъезда Постникова в Россию в 1711—1712 гг. при французском дворе служил секретарь Посольского приказа Григорий Иванович Волков. В 1698 г. Волков был отправлен в Венецию изучать медицину, в 1707 г. назначен секретарём посольства в Берлине. После Парижа находился в миссии в Константинополе⁷.

³ *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (до 1800 г.): В 4 ч. М., 1894—1902. Т. 4. С. 85; РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1700. Д. 1. Л. 1—3 об.

⁴ Там же. 1702. Д. 1. Л. 7—8, 9—10 об.

⁵ См.: Там же. 1705. Д. 1, 2; 1706. Д. 2, 3, 6; *Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева)*. М., 1972. С. 7—30.

⁶ Там же. 1708. Д. 2.

⁷ См.: Там же. 1711. Д. 2, 3; 1712. Д. 3, 4; 1713. Д. 1; *Бантыш-Каменский Н. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 212; Т. 4. С. 30, 87.

В 1715 г., при потеплении отношений в правление малолетнего Людовика XV, 8 февраля патент на «чин консула комерции» был подготовлен для Амадея Лефорта, поездка которого во Францию не состоялась. Затем 11 марта патент на чин «коммерции советника» получил Иван Исаевич Лефорт. Вместе с ним в Париж «без характера» был отправлен «дворянин» капитан-лейтенант Конон Никитич Зотов. Обрато в Россию Зотов выехал в 1716 г. Лефорт же был уволен со службы в 1717 г. после визита в Париж Петра I. Служба «агента» Ивана Лефорта оценивается в историографии как появление во Франции первого русского консульства⁸.

Наконец, после визита в Париж Петра I в мае—июне 1717 г. были налажены отношения между странами на соответствующем их статусу уровне, и во Францию был отправлен дипломат в ранге полномочного министра — тайный советник, барон Ганс Христофор Шлейниц, уже несколько лет служивший царю при разных дворах⁹.

Приведённые факты показывают, что у русского правительства с начала XVIII в. была постоянная необходимость иметь своего представителя при французском дворе. Однако его статус представлял некоторую сложность. До 1717 г. собственно характер дипломата имел только А. А. Матвеев, прибывший в Париж «инкогнито» из Голландии, с которой Франция находилась в состоянии войны.

Присвоение «дворянину» Постникову статуса посланника не состоялось. Грамота с этим рангом ему готовилась, но не была отправлена¹⁰. Не состоялась в 1711 г. и присылка посла Б. И. Куракина¹¹. Посольские секретари (в данном случае Г. И. Волков), назначаемые в периоды смены глав миссии поверенными в делах, характера дипломата не имели.

Что касается консулов или «советников коммерции», то в России они воспринимались как полноценные представители своих государств, и с ними охотно мог общаться глава государства. Отличать дипломатов от консулов, комиссаров и агентов стали только в 1730-е гг.¹² В Европе же последние были только торговыми представителями и «характера», то есть статуса дипломатов, не имели.

⁸ Уляницкий В. А. Русские консульства за границей в XVIII в. М., 1899. Т. 1. С. 1; Турилова С. Л., Турилова М. А. Консульские учреждения и представители России во Франции (1715–1917) // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 2. М., 1998. С. 292.

⁹ Бантыш-Каменский Н. Н. Указ. соч. Т. 1. 131–132; Т. 2. С. 9–11, 39–44; Т. 4. С. 454–455.

¹⁰ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1702. Д. 1. Л. 13–13 об.

¹¹ Бантыш-Каменский Н. Н. Указ. соч. Т. 4. С. 87.

¹² АВПРИ. Ф. 93. Оп. 9/1. 1738. Д. 32.

Таким образом, официальный статус первых русских постоянных «агентов» не соответствовал поставленной перед ними задаче быть полноценными представителями царя при версальском дворе. Вопрос обусловленных этим ограниченных служебных возможностей постоянно поднимался ими в переписке с русскими властями. К примеру, П. Постников, желавший быть резидентом, в годы своего пребывания в Париже многократно указывал, что без «характера дипломата» вести дела крайне трудно — «дело нельзя начать и меня объявить министром двора французского без верюшей грамоты...», и чтобы ему «вступить в дело», нужно «перво показать грамоту»¹³. Объяснялось это приниженное положение, разумеется, сложными отношениями двух стран, «тогдашними случаи трудными», да ещё тем, что было «не ведомо — потребна ли королевскому величеству французскому дружба»¹⁴.

«Секретарь государев» Г. И. Волков напрямую связал проблему отсутствия характера с церемониалом. Аудиенций у короля секретарям никаких государств при французском дворе положено не было, но ему, как исключение, «в доказательство своей приязни и почтения к царскому величеству», такую аудиенцию дали 12 июня 1711 г. в спальне короля публично. Волков на неё согласился и подал грамоту, так как видел, что приватную аудиенцию, при которой можно без свидетелей разговаривать с королём, получить не сможет. В Россию же секретарь писал, что с приватной аудиенцией, «если бы был характер посланнический... трудности не было бы»¹⁵.

Помимо недостаточности статуса русских агентов, была и иная проблема. Это — неравенство русских представителей при французском дворе и французского при русском. По нормам XVIII в. их статус должен был быть равным. Это правило не выдерживалось, так как в России в 1703–1704 и 1711–1713 гг. Францию представлял в характере чрезвычайного посланника дипломат де Балюз. Попытки Версаля прислать лиц «без характера» были неудачны. Например, некоего Левенштона русская сторона просто отказалась принять, так как в Голландии он был известен как шпион (по сообщению князя Б. И. Куракина)¹⁶. Равенство наметилось только в 1715 г., когда в Петербург был прислан консул Анри де Лави, а в Париж же готовилась отправка консула Амадея Лефорта, заменённого «коммерции советником».

¹³ РГАДА. Ф. 93. Оп.1. 1702. Д. 1. Л. 11.

¹⁴ Там же. 1710. Д. 2. Л. 2.

¹⁵ Там же. 1711. Д. 3. Л. 7–7 об., 16–17.

¹⁶ *Бантыш-Каменский Н. Н.* Указ. соч. Т. 4. С. 88.

Таким образом, вплоть до 1717 г. ранги французских представителей были выше представителей русских. Влияла ли эта ситуация на дела? Характерная оценка ей была дана Волковым. Столкнувшись с «холодностью» французского двора, в одном из донесений 1711 г. он писал, что, помимо прочего, «другие рассуждают, что при нашем дворе от сего двора есть посланник, а при здешнем только секретарь, что они себе в обиду причитают...»¹⁷. Следствием низкого ранга русских представителей было то, что в важных случаях сношения велись через дипломатов, аккредитованных в соседних странах. В Париже — через посла в Гааге А. А. Матвеева, в Москве, к примеру, через французского посланника в Польше Герона (просил о договоре о коммерции, вводившем равенство в торговых делах с англичанами)¹⁸.

Особенностью жизни глав парижской миссии было стремительное накопление сведений о европейской культуре и разнообразная деятельность по перенесению достижений Франции в Россию. Естественно, что посланные царём русские чины быстро осваивали всё, что касалось правил и условий европейской дипломатической жизни. Это было исключительно важно для русской дипломатии, которая после Великого посольства 1697–1698 гг. отказывалась от традиционной восточной формы дипломатических сношений и переходила к европейской.

В этом плане пребывание во Франции было исключительно плодотворно, ибо, как писал в 1717 г. посланник барон Шлейниц, «французский двор — наивысше театрум Европы наипаче в церемониалах; все поступки, которые при оном случаются, при других дворах за фундамент постановлено»¹⁹. Особая роль в знакомстве с церемониалами этого «театра Европы» принадлежала П. В. Постникову и А. А. Матвееву. В 1704 г. было опубликовано сочинение австрийского посла графа Ф. Л. фон Цинцендорфа о посольском церемониале французского двора. Оно переводилось Матвеевым и было использовано им как часть записки о французском, английском и голландском дипломатических церемониалах. Многие стороны французского посольского обычая, в том числе приём в 1706 г. папского нунция, описаны А. А. Матвеевым в его статейном списке²⁰. В 1713 г. уже в России П. В. Постниковым по распоряжению По-

¹⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп.1. 1711. Д. 3. Л. 36 об.

¹⁸ *Бантыш-Каменский Н. Н.* Указ. соч. Т. 4. С. 85; РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1700. Д. 2. Л. 3.

¹⁹ Там же. 1717. Д. 10. Л. 48.

²⁰ Там же. 1706. Д. 5. Л. 1–17 об.; *Русский дипломат во Франции...* С. 70–75, 107–108, 140–154.

сольского приказа было переведено давно являвшееся пособием для европейских дипломатов сочинение Авраама Викфорта «О послах и министрах чужестранных и о должности их дел, и что есть посол и честь его» (1676)²¹. Наконец, в начале XVIII в. в распоряжении русских властей имелись описание и русский перевод церемониалов (публичного въезда, аудиенций и пр.), по которым в 1698 г. во Франции принимали английского посла милорда графа Портланда²². Возможно, что это сочинение было прислано французской миссией.

Другая важная часть информации о нормах образа жизни дипломатов и посольского этикета была рассыпана в письмах-реляциях, шедших в Россию из Парижа. К примеру, Постников описал порядок посещения дипломатами Версаля — «при всех министрах всегда день вторник постановлен министрам публичным ездить в Версаль, единожды на каждую неделю», а также указывал на необходимость иметь «хоть маленький» экипаж, чтоб «новины (новости) мог лучше ведать», так как «трудно и непригоже в дома господ послов и посланников и прочих нарочитых людей, без кореты входить...» (сам он «бродил» пешком). Уведомляя русское правительство о приезде в Париж дипломатов, Постников объяснял правила их назначения и ранги. К примеру, писал, что Венеция «держит послов при знатных дворах три или четыре года без перемены и переводит к другим дворам... посол отправляет посольства звычайные при дворах французском, мадридском или венском, и римском или аглинском, хотя и редко держат венеты посла звычайного при аглинском дворе...»²³ и т.д.

Острой темой в начале XVIII в. было определение размеров финансирования миссии. По европейским нормам, содержать её русский двор должен был за свой счёт, а значит, предстояло выяснить, во что обходится жизнь дипломата в Париже. Вопрос оплаты кратких поездок во Францию курьеров первым поставил в 1708 г. П. Курбатов²⁴, а основные статьи парижского годового расхода постоянного представителя первым рассчитал в 1711 г. Г. И. Волков. Он же указал русским властям на необходимость «при дворе сем гордом и пребогатом жить без позору и в людех казаться» и «иждиве-

²¹ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1713. Д. 3.

²² Там же. 1698. Д. 1. Л. 60–95 об.; см. также: *Штрейс Д. С.* Миссия лорда Портланда в Париже в 1698 году // Вестник Новгородского гос. ун-та. 2015. № 87. Ч. 2. С. 59–63.

²³ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1707. Д. 2. Л. 1–1 об.; 1708. Д. 1. Л. 4–6.

²⁴ Там же. 1708. Д. 2. Л. 1–4 об.

ние держать против... равных от иных государей дворов обретающихся»²⁵.

По «Росписи иждивению» Волкова его годовые траты в Париже, исключая почтовые расходы, составляли 17 764 гульдена, или 5 921 ефимок курантовых. Эти деньги шли на оплату квартиры — «ложимента 3 камор с людскою каморою», обязательно снимаемого «в дорогом и не подлом месте», на пищу и стол, оплату двух лакеев, «без чего обойтись невозможно», наём дважды или трижды в неделю кареты «для отдавания визит и свидания с приятелями», наём кареты для еженедельных поездок в Версаль, куда «в фурманских возах ездить не водится», а в самом Версале «на пищу с каморою» и на частые ночёвки там. Кроме этого, круглая сумма тратилась на общение с лицами своего круга — «приятелями», которых «иногда надо позвать и потчевать», и на так называемые мелкие расходы и иные «подобные вещи... по пристойнству», то есть «на одежду верхнюю и нижнюю, волосы, бельё и протч., как надобно всегда в чистоте», а также «на... болезни и прочие приключаются убытки»²⁶.

Помимо сведений о нормах дипломатической жизни, от парижских представителей в Россию шла разнообразная информация о жизни самой Франции. Письма содержали, к примеру, сведения о доме инвалидов («дом каменной превеликаго строения, воздвиген для утешения воинских людей, престарелых и раненых»), церемониях, сопровождавших жизнь правящей фамилии (крещении новорождённого принца через «обливание» и иллюминации в честь этого события)²⁷ и т.п.

Подстёгивали интерес к явлениям культуры те задачи, которые ставил перед дипломатами Пётр I и его окружение. Так, при прибытии во Францию П. В. Постников имел поручение приобрести инструменты по списку инженер-генерала Ламбера, купить для царя и «друга сердешного» А. Д. Меншикова перемены «изрядно и сколько мощно богато шитого» платья — кафтаны, епанчи и «перуки с уздами», заказать по рисунку 10 «звезд» для плащей «господ рыцарей» ордена Андрея Первозванного (за образец были взяты звёзды ордена Святого Духа), приобрести лекарства от цинги («масло кохлеарии») и нанять цирюльников-лекарей для русской армии²⁸.

В дальнейшем парижская миссия продолжала отправлять в Россию вещи для высочайшей фамилии и императорских двorcов.

²⁵ Там же. 1712. Д. 4. Л. 5 об.

²⁶ Там же. 1711. Д. 3. Л. 64–64 об.

²⁷ Там же. 1702. Д. 1. Л. 12–12 об.; 1704. Д. 2. Л. 33–33 об.

²⁸ Там же. 1702. Д. 1. Л. 1 об. –2.

К примеру, К. Н. Зотов закупал в Париже мебель, гобелены, ковры и иные предметы обихода. Но особый интерес представляли книги, гравюры, гравировальные «доски» и медали. Так, только в одном из «ящичков», отправленном в 1715 г. в Россию, по росписи находилось более 10 иллюстрированных книг по архитектуре, живописи, морскому делу, артиллерии и иной тематики, «доски и рези» с десятками изображений знаменитых дворцов, садов, машин и прочего, 286 медных медалей, посвящённых жизни Людовика XIV, «зрительные стёкла и трубы» и др.²⁹

Особыми хлопотами сопровождалось выполнение повелений о найме на русскую службу архитекторов и различных мастеров, связанных со строительством новой столицы — Санкт-Петербурга. К примеру, в 1708 г. Постникову было поручено найти «огородника», который мог бы переносить «из городов и лесов большие деревья». В 1711 г. в письме к Г. И. Волкову было изложено желание царя «в Петербурге при море построить дом и огород с фонтанами с штатутами, спалерами и другими украшениями» и дано повеление «приискать... на два или три года» во Франции «такова человека, который бы то все делать и расположение учинить мог», а также «лучших архитекторов», садовников, мастеров и др. При этом Волков должен был «прилежно смотреть», «чтоб архитектора не плохова, но самого искусного получить, и немедленно в Санкт Петербург выслать»³⁰.

При выполнении этого приказа Волков столкнулся с нежеланием известных архитекторов ехать в далёкую страну и повсеместным требованием слишком высоких гонораров («великого аванжа»). В итоге, он с трудом заключил контракт на три года с архитектором Франсуа Мери, который в архитектуре всё «крепко знал» и за жалование в 2 000 гульденов и дорожные расходы обязался «домовое, огородное, фонтанное и прочее к архитектуре строение в совершенности управить». Однако, получив аванс в половину годового жалования, Мери в Петербург не поехал, отказался полностью вернуть задаток и затеял с Волковым судебную тяжбу, требуя назад свои рисунки (они показывали его умения и уже были отправлены в Голландию к Б. И. Куракину). В ответ Волков был вынужден подать встречный иск по возмещению убытка «от непостоянства того архитектора»³¹.

²⁹ Там же. 1715. Д. 2. Л. 30–32 об.

³⁰ Там же. 1710. Д. 1. Л. 1; 1711. Д. 2. Л. 2, 3–3 об.

³¹ Там же. 1711. Д. 3. Л. 60; 1712. Д. 4. Л. 8–10 об., 14, 21–22, 26, 28 об., 32–32 об.

Что касается других явившихся к Волкову архитекторов, то при проверке они оказались негодными для службы: Вильнев был «искусным скульптором, а не архитектором», де ля Монс в «строении полат ничего не знал», Жано был «весьма негодной» и т.д. Таким образом, первый опыт найма французских архитекторов для Петербурга оказался печальным³².

Только когда на престол взошёл юный Людовик XV и французский двор стал проявлять доброжелательность к России, наём специалистов увенчался успехом. Прибывший в Париж в 1715 г. И. Лефорт в считанные месяцы заключил контракты с известными архитекторами, художниками и мастерами, среди которых были Леблон и Растрелли, Лавалей, Лежандр и Каравак. Вместе с ними в Петербург отправлялась огромная команда из более чем 70 мастеров — часовщиков, шпалерников, серебряников, резчиков и лиц других специальностей, не считая членов их семей, которые также владели ценными для русского двора профессиями. Ещё более 40 мастеров, с которыми заключили 44 контракта, составили список, поданный Леблоном³³. В 1716 г. К. Н. Зотов вывез мастеров в Россию. Многие из них, около 25 человек, нанятых в спешке, в дальнейшем оказались не пригодны к службе, и контракты с ними были расторгнуты. Другие успешно работали в России.

Таким образом, деятельность в области культуры парижской миссии в первые годы её существования была разнообразна и носила ярко выраженный просветительский характер, расширяя представления русского общества о мире. Появившись вследствие поездки царя по Европе в 1697—1698 гг., она обеспечила разнообразными знаниями о Франции и королевском дворе Петра I и его окружение, «подготовив» в известной степени визит монарха-преобразователя в Париж.

³² Там же. Л. 6, 39—41 об.

³³ Там же. 1715. Д. 2. Л. 13, 18—29 об.; РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 16. Л. 7—13 об.

МАЛЫЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

Сергей Александрович Иванюк
(Волгоград)

*Заместитель директора по научно-музейной
и образовательной деятельности
Государственного историко-мемориального музея-заповедника
«Сталинградская битва»*

«Ложное бездействие» — пребывание Петра I в Жолкве (декабрь 1706 — апрель 1707 года)

Пётр I стал первым русским царём, посетившим страны Западной и Восточной Европы в составе дипломатических миссий. Наряду с мирными посещениями зарубежных городов Петру Алексеичу во время Северной войны — основного военного конфликта периода его царствования — пришлось длительное время находиться на территории театра военных действий, охватившего ряд европейских стран. Одним из таких посещений было пребывание Петра I в польском городе Жолква (сейчас Львовская обл., Украина) с 28 декабря 1706 г. по 30 апреля 1707 г., о котором в «Истории Свейской войны» было отмечено, что в этот период «действия никакова не было»¹. Но данное утверждение является в корне неверным. Ведь даже один из первых биографов Петра I И. И. Голиков, который считал пребывание царя за пределами своей страны в течение 4-х

¹ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 133.

месяцев достаточно редким явлением, характеризовал этот период как весьма продуктивный: «неусыпаемым о благе подданных Монархом все части обширныя России были лучем попечения его озарены, и все начальствующие, большие и малые, в делах звания их наставлены»². Пребывание Петра I в Жолкве стало одним из важных периодов принятия стратегических решений, которые во многом повлияли на развитие всех дальнейших событий.

Стоит заметить, что это путешествие царя в Польшу было незапланированным и имело вынужденный характер. В конце 1706 г. противоборствующие армии России и Швеции находились в лёгком «анабиозе» зимнего отдыха на квартирах — шведская армия в Саксонии, а русские войска в районе Дубны, Жолквы и Яворова. На будущие планы Петра I, находившегося в это время в районе Нарвы, повлиял ряд важных обстоятельств. После радостных известий о победной Калишской баталии (18/19 октября 1706 г.), позволившей полностью выбить «наблюдательный» шведский корпус с территории Польши, им были получены тревожные известия. В частности, 10 декабря царь узнал, что саксонский курфюрст и польский король Август II тайно заключил «партикулярный» мир с Карлом XII и признал польским королём С. Лещинского. Понимая серьёзность складывавшегося положения, царь срочно выдвинулся в Польшу, «дабы оставшую без главы Речь Посполитую удержать при себе, понеже оной мир учинен без ведома оной (России. — С. И.)»³. Выехав 15 декабря по маршруту Нарва—Великие Луки—Смоленск—Киев—Острог—Дубна—Жолква, 28 декабря 1706 г. Пётр I прибыл в конечный пункт своего путешествия, где в городском замке его уже ожидали представители русского командования и ряд польских сенаторов⁴. С декабря 1706 г. по апрель 1707 г. небольшой городок Жолква стал центром, в котором решались стратегически важные вопросы не только военной кампании, но и частично восточно-европейской политики. Можно сказать, что жолковский замок фактически стал резиденцией Петра I⁵.

Путешествуя по театру военных действий, Пётр I уделял особое внимание системе безопасности тех мест, в которых ему приходилось останавливаться. Эти пункты должны были иметь не только

² Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. II. М., 1837. С. 285.

³ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. I. С. 133.

⁴ Там же.

⁵ Barącz S. Pamiątki miasta Żółkwi. Lwów, 1852. S. 67; Osiński M. Zamek w Żółkwi. Lwów, 1933. S. 20–21.

Панорама города Жолква. Конец XVII в.
Реконструкция арх. О. Окопченко.

условия для комфортного проживания царствующей особы, но и систему защитных сооружений. Всем этим требованиям соответствовала и Жолква. Этот небольшой город был заложен в 1594 г. С. Жолкевским и стал одним из первых населённых пунктов в Польше, оборудованных по новой итальянской системе фортификационного искусства⁶. Позднее для усиления каменных стен были насыпаны бастионные земляные укрепления. Они окружали замок квадратной формы и примыкавший к нему периметр городских стен⁷. Пётр I и его министры расположились на территории замка, который в общей системе жолкиевских оборонительных сооружений исполнял роль цитадели. Пребывавший в царской свите богослов Феофан Прокопович так описывал замковые постройки: «Палаты превеликие каменные, несколько сот изб в себе имущие, и как делом архитектурским, так украшением различным, живописешескими картинами и шпалерами, и иными дивными уборы зело велелепные»⁸.

Стоит заметить, что, пребывая в жолкиевском замке, царь и его приближённые чувствовали себя не как гости, а как полноправные

⁶ Крипякевич І. З історії міста Жовкви // Записки чина Св. Василя Великого. Т. VI. Вип. 1–2. Львів, 1935. С. 44.

⁷ Мацюк О. Замки і фортеці Західної України. Історичні мандрівки. Львів, 2005. С. 51–54; Глушок О. В. Еволюція фортифікації на Правобережжі під впливом змін у тактиці облоги (XV–XVII ст.). Київ, 2009. С. 57.

⁸ Прокопович Ф. История императора Петра Великого, от рождения его до Полтавской баталии, и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне, включительно. СПб., 1773. С. 147.

хозяева. В резиденции царя проводились торжественные приёмы и банкеты. Некоторые из офицеров приглашали в Жолкву из столицы погостить своих жён⁹. Достаточно вспомнить пышный приём, который был организован в жолкиевском замке в честь польских послов в феврале 1707 г. с великолепными кортежами и эскортами, с сопровождавшим их гвардейским караулом¹⁰. При этом царь и его министры свободно распоряжались находившимся в жолкиевском замке имуществом, а ощущение полноправных хозяев распространялось на коллекцию ценных вещей и произведений искусства, которые были представлены в помещениях замка. Это были картины¹¹, скульптуры, мебель, часы, декоративная посуда, золотые украшения и богатая библиотека¹². В фондах Главного архива древних актов в Варшаве сохранился ряд описей залов замка, характеризующий масштабы вывезенных ценностей, которые были изъяты представителями русского командования во время их пребывания в 1707 г. в Жолкве¹³.

Если же вернуться к хронологии событий, то с первых же дней, когда русскому командованию в Польше стало известно о сложении Августом II с себя полномочий короля, были предприняты меры по удержанию Речи Посполитой в союзе с Россией. Ещё до прибытия Петра I в Жолкву Б. П. Шереметевым, А. Д. Меншиковым и Г. И. Головкиным был составлен специальный универсал с обращением к населению Польши. В частности, в нём говорилось, что шведский король принудил Августа II отказаться от короны, и в условиях полного молчания со стороны саксонского курфюрста царь принимает решение при любых обстоятельствах придерживаться условий заключённого ранее договора и поддерживать вольную элекцию согласно с польскими законами. Также в универсале содержался призыв «ко всем ясновельможным панам Короны и Великого княжества Литовского», чтобы они «не вмешивались в смуту» и оставались верными союзу с Россией, продолжая общими

⁹ *Ефимов С. В., Маковская Л. К.* В ожидании шведского нашествия. Начальник русской артиллерии Я. В. Брюс в 1707-м году // Сборник исследований и материалов ВИМАИВиВС. СПб., 2006. Вып. VIII. С. 150.

¹⁰ ПиБ. Т. 5. СПб., 1907. С. 472; *Герби́льский Г. Ю.* Петро Перший в Західній Україні. Львів, 1948. С. 59.

¹¹ В Жолкве XVII–начала XVIII в. работали около 30 художников, которые создали свою художественную школу и были известны за пределами Галиции (Історія міст і сіл Української РСР. Львівська область. Київ, 1968. С. 501).

¹² *Крисякевич І.* *Op. cit.* С. 58–59.

¹³ *Archiwum Główne Akt Dawnych.* Z. 388. Zbiór Aleksandra Czołowskiego. Nr. 3209. S. 35–37, 41–43, 147–149, 171; *Gębarowicz M.* Materiały źródłowe do dziejów kultury i sztuki XVI–XVIII w. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973. S. 155–164.

усилиями борьбу против Карла XII¹⁴. Сам Пётр I в специальном обращении к жителям Польши от 12 января 1707 г. подтверждал пункты универсала своих подданных и заверял, что русские войска приложат все усилия к изгнанию шведского короля от польских границ. Главным же пунктом в обращении царя было его желание видеть на польском троне короля, единодушно избранного всеми гражданами Речи Посполитой и независимого от Швеции¹⁵.

Предстояла очень сложная работа. Дело в том, что в начале февраля 1707 г. во Львове должна была состояться так называемая «Вальная рада» — верховный орган конфедерации, собираемый в период т.н. «междущарствия» («interregnum»), или «бескоролевья», целью которой в данном случае было избрание нового польского короля¹⁶. Пётр I планировал руководить процессом выборов в Польше нового короля, трон которого не вызывал особого интереса у претендентов.

Сложности в решении этого вопроса складывались из внутривосточных проблем, составлявших жизнь польского общества начала XVIII в., где в условиях гражданской войны не было чёткости и постоянства общества в выстраивании вертикали власти. Как сам Пётр I описывал польские дела: «здесь еще все дела как брага, и не знаем еще, что будет постоянно»¹⁷. Именно поэтому царь внимательно следил за развитием событий и старался всеми способами повлиять на настроения польской шляхты. Как говорил английский посол Ч. Витворт, это была «очень трудная игра»¹⁸. Неоднократно (в январе, феврале и марте) государь приезжал из Жолквы во Львов, где находился до 2–3-х дней, контролируя происходящее¹⁹. Благодаря комплексу мер, принятых царём и его министрами, 7 февраля 1707 г. рада во Львове практически единогласно решила «не призна-

¹⁴ Пекарский П. Описание славяно-русских книг и типографий 1698–1725 годов. СПб., 1862. С. 165; Описание изданий, напечатанных при Петре I. Сводный каталог. М.; Л., 1958. Приложение III. № 4. С. 315.

¹⁵ Центральный государственный архив Украины, г. Львов. Ф. 13. Оп. 2. Д. 67. Л. 2815; Описание изданий, напечатанных при Петре I. С. 316.

¹⁶ Ястребов Н. В. Очерк истории общественно-государственного строя Польши. СПб., 1907. С. 160–161; Молчанов Н. Н. Пётр I. М., 2003. С. 221.

¹⁷ ПиБ. Т. 5. № 1499. С. 14.

¹⁸ Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе, Чарльза Витворта, с 1704 г. по 1708 г. // Сб. РИО. Т. 39. СПб., 1884. № 97. С. 354.

¹⁹ Голиков И. И. Указ. соч. Т. III. С. 196; Львов. Справочник / Под ред. Б. Дудыкевича. Львов, 1949. С. 31; Історія Львова. Короткий нарис / Відповід. ред. В. К. Осечинський. Львів, 1956. С. 46; Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. С. 134.

вать за своего Короля того, который бы чужестранною силою и неединодушным согласием всея республики избран был», подразумеваемая под этим отказ от признания польским королём ставленника шведов — Станислава Лещинского²⁰.

В середине февраля резиденцию царя в Жолкве посетили представители пророссийски настроенной Сандомирской конфедерации, которые были направлены из Львова для предъявления царю от имени Рады ряда требований²¹. В частности, во время переговоров ими были озвучены следующие проблемные вопросы: 1. Немедленно вернуть все украинские крепости, захваченные бунтовщиком С. Палием; 2. Выплачивать денежное содержание и выдавать снаряжение на войска Речи Посполитой; 3. Царскую армию содержать за счёт российских запасов; 4. Вернуть изъятые из польских крепостей пушки; 5. Освободить шляхтичей, взятых под стражу; 6. Вывести за границы Польши иррегулярные войска²². По всем затребованным пунктам Пётр I постарался дать положительные ответы, стараясь угодить союзникам. Но в приоритете были интересы Российского государства²³. Именно поэтому царю приходилось лукавить и отвечать достаточно уклончиво на острые вопросы польских сенаторов. В частности, одним из главных их требований было возвращение контроля над Правобережной Украиной. В этом вопросе царь подтверждал свои обещания отобрать у «buntownika» С. Палия все захваченные крепости и вернуть шляхте²⁴. При этом на деле Пётр I не спешил с решением этого вопроса и старался максимально отсрочить передачу земель под контроль Польши. Позднее, в ноябре 1707 г. он даже давал рекомендации гетману И. С. Мазепе, как грамотно мешать этому процессу²⁵.

Для скорейшего, окончательного и нужного Петру I решения сейма использовались все возможные средства — где-то уговоры, где-то взятки и подкуп, где-то уступки, а в некоторых случаях даже угрозы и силовое воздействие. Размеры денежных субсидий из цар-

²⁰ Голиков И. И. Указ. соч. Т. II. С. 288.

²¹ Мончаловский О. А. Пётр Великий в Галицкой Руси. Исторические записки и заметки. Львов, 1903. С. 23; Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. 3. Т. XI–XV. СПб., 1911. С. 1423.

²² ПиБ. Т. 5. № 1583. С. 82–83.

²³ Там же. С. 367–372.

²⁴ Мицик Ю. 3 документів доби гетьмана Івана Мазепи (за матеріалами польських архівів) // Україна в Центральній-Східній Європі / Національна академія наук України. Інститут історії України. Вип. 11. Київ, 2011. № 20. С. 298.

²⁵ ПиБ. Т. 6. СПб., 1912. № 1900. № 2067. С. 158.

ской казны для поддержания «правильного выбора» среди участников «Вальной рады» были весьма внушительными. Так, В. Л. Долгоруков информировал царя, что за свою поддержку бискуп и подканцлер просили вознаграждение в 10 000 рублей²⁶. Кроме этого, на руках у князя в это время находилось 10 царских универсалов, которые освобождали магнатов от сборов провианта в пользу русской армии. Такие выдаваемые нужным сенаторам документы также становились предметом влияния²⁷. Аппетиты шляхты росли, но денежные выплаты, подарки и поощрения не приносили существенных результатов. Как сообщал Г. И. Головкину русский дипломат Е. И. Украинцев, который распределял денежные «поощрения» между польскими сенаторами и магнатами: «повадили мы их такими дачами, и даем деньги, то все равно, что в огонь бросаем или в воду сыплем напрасно»²⁸.

Видя несогласованность в действиях представителей сейма и их нерешительность в отстаивании позиций какой-либо кандидатуры на польский трон, Пётр I начинает самостоятельную кампанию по поиску претендентов на роль короля Польши. В решении этого вопроса царь решил сделать ставку на какое-нибудь известное в Европе имя. Именно поэтому корона предлагалась последовательно то королевичу Я. Л. Собескому, то принцу Е. Савойскому и даже трансильванскому князю Ф. Ракоци. Но также последовательно в силу тех или иных причин каждый из претендентов ответил на предложения русских дипломатов отказом²⁹.

Параллельно с затянувшимися заседаниями польского сейма, понимая, что в итоге Россия будет вынуждена столкнуться один на один со шведской военной мощью, царское правительство начинает искать пути решения военного конфликта, предлагая Карлу XII заключить мир. Царь рассылал из Жолквы по европейским дворам посольства в поисках поддержки и посредничества для заключения мирных договорённостей³⁰. Но везде были получены отрицательные ответы. Англичанин Ч. Витворт так характеризовал ситуацию, в

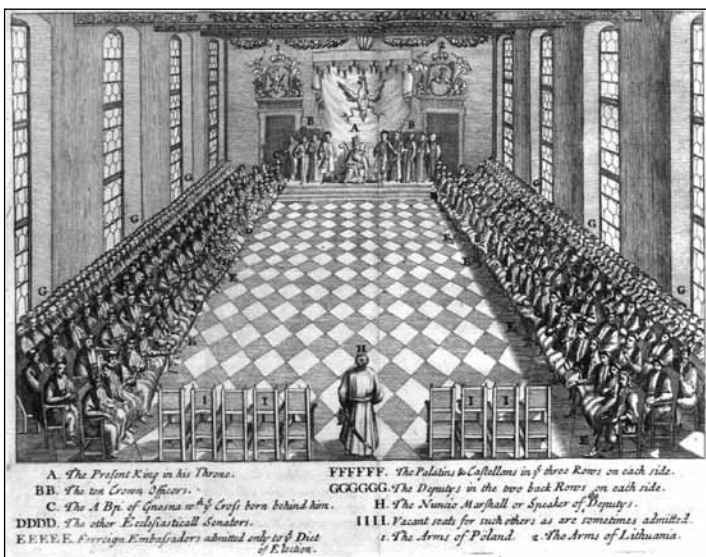
²⁶ Голиков И. И. Указ. соч. Т. III. С. 195.

²⁷ ПиБ. Т. 5. С. 526.

²⁸ Соловьёв С. М. Указ. соч. С. 1425–1426.

²⁹ Устрялов Н. Г. Пётр Великий в Жолкве. 1707 г. (Глава из неизданного 5-го тома «Истории царствования Петра Великого») // Древняя и Новая Россия. Исторический иллюстрированный ежемесячный сборник. Т. I. СПб., 1876. С. 8–9; Гербицкий Г. Ю. Русско-польский союз // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. Сборник статей / Л. Г. Бескровный и др. М., 1959. С. 73–75.

³⁰ Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию // Сочинения в двенадцати томах. Т. 10. М., 1959. С. 469.

Заседание польского сейма периода правления Августа II Сильного.
 Из кн.: *Connor B. History of Poland in several letters to persons of quality.* Vol. 2. London, 1698.

которой оказался Пётр I: «ни одна держава не является ему на помощь с предложением о посредничестве, хотя он несомненно ухватился бы за первое сносное предложение, сделанное ему в этом смысле с какой бы то ни было стороны»³¹.

Пётр I был уже готов на крайние меры, в том числе к отказу от завоёванных в Прибалтике территорий за исключением Петербурга³². В это же время дипломатия Швеции добилась больших успехов на поприще признания в Европе польским королём Станислава Лещинского. Один за другим в качестве короля его признали Франция, Англия, Голландские штаты, Ганновер, Пруссия и Священная Римская империя³³. Каждая из этих стран, вовлечённых в бушевавшую в это время войну за Испанское наследство, преследовала свои цели. При этом интересы Российского государства никого не интересовали, и, как писал академик Е. В. Тарле, «дипломатическая изоляция России с каждым месяцем становилась всё

³¹ Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе, Чарльза Витворта, с 1704 г. по 1708 г. № 97. С. 352.

³² ПиБ. Т. 5. № 1553. С. 61.

³³ *Устрялов Н. Г.* Указ. соч. С. 7; *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 471; *Павленко Н. И.* Пётр Великий. М., 1990. С. 221.

явственнее»³⁴. В таких условиях, ощущая свою значимость и политический успех, шведский король оставался непоколебимым и соглашался на мир с Россией лишь на унижительных и неприемлемых условиях для Петра I, а это возвращение всех захваченных русской армией территорий в Прибалтике, выплата огромных контрибуций и признание польским королём С. Лещинского³⁵. Несмотря на критичность ситуации, Пётр I считал неприемлемыми такие жёсткие условия своего оппонента. Тот же Ч. Витворт отмечал, что царь «охотно склонится на разумный мир, но ещё не доведён до необходимости опутывать себя постыдными условиями, вроде тех, которые приняты курфюрстом саксонским»³⁶.

Хотелось бы отметить, что все переговоры о мире велись в глубокой тайне от польских сенаторов. Но скрывать эту информацию от них было достаточно трудно, ведь сведения о переговорах всё равно просачивались в виде слухов. Российским дипломатам и самому царю приходилось искать слова оправдания и убеждать в ошибочности таких суждений. В частности, 27 января 1707 г. царь писал из Жолквы примасу С. Шембеку, что шведский король желает если не «действительно обмануть, то хотя косну привесть» и разобщить союз России и Речи Посполитой. С этой целью королевские дипломаты «везде при посторонних дворах чрез публичные почты разгласили ведомости» о том, что Карл XII заключает с царём мир в обход интересов Польши. При этом Пётр I не отрицал, что такие переговоры велись, т.к. он всегда был сторонником мирного решения затянувшегося военного конфликта, но если они перейдут в активную фазу, то лишь с «соизвещием и общим соизволением чинов Речи Посполитой Коронной и Великого княжества Литовского»³⁷.

Тем временем, в конце марта 1707 г. во время третьего посещения царём львовского сейма на нём, наконец, были приняты окончательные решения³⁸. Пётр I сообщил А. Д. Меншикову, что «с сеймом дело едва окончал, трактаты утверждены и заготовлены уже

³⁴ Тарле Е. В. Указ. соч. С. 476.

³⁵ Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 181.

³⁶ Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе, Чарльза Витворта, с 1704 г. по 1708 г. № 102. С. 370.

³⁷ Pismo Piotra I cara Rosji do prymasa [Stanisław Szembek] o wkroczeniu interwencyjnym wojsk rosyjskich z 27.01.1707. [Электронный ресурс] // Polska Akademia Nauk. Biblioteka Kórnicka. Rękopisy staropolskie XVI–XVIII w. URL: http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/docmetadata?id=343187&from=&dirids=1&ver_id=&lp=1&QI= (дата обращения: 22.03.2017).

³⁸ Гербильский Г. Ю. Петро Перший в Західній Україні. С. 61.

универсалы»³⁹. Согласно «ассекурации», подписанной коронными и литовскими гетманами, Речь Посполитая не отступала от русско-польского договора, заключённого в 1704 г. в Нарве, и обещала не вступать в переговоры о мире со шведами, продолжая боевые действия совместно с российскими войсками⁴⁰. Но, несмотря на положительные результаты с кандидатурой польского короля, по-прежнему не было достигнуто единого мнения и определённости. Надеяться на существенную поддержку со стороны польских магнатов в такой обстановке не приходилось. Как сообщал А. Д. Меншикову Пётр I: «Здесь с сими шалеными едва могли дело совершить, что все подписали и подтвердили»⁴¹. «Шатости» и «анархия», царившие в управлении Польши, не давали оптимистичных прогнозов на продолжение совместных боевых действий, и поэтому царю приходилось думать, как дать отпор шведской армии собственными средствами. Именно при этих обстоятельствах и родился знаменитый так называемый «Жолкиевский» план, ставший впоследствии стратегически правильным решением русского командования.

Согласно этому плану боевые действия русской армии должны были быть организованы следующим образом: не вступая в генеральное сражение в пределах Речи Посполитой, отходить к своим границам, т.к. «шатость» местного населения в случае неудачного исхода сражения могла подвергнуть войска опасности при отступлении; перейти к малой войне — непрерывным и методичным атакам врага небольшими отрядами, не давая ему отдыха и задерживая его наступление; отступая, уничтожать в покидаемых районах продовольственные запасы, чтобы создать затруднения в поиске провианта для вражеских войск; в случае неминуемости генерального сражения давать его только в пределах своей территории и на выгодных для себя условиях⁴². То есть, исходя из обстановки, было принято решение оттянуть силы противника как можно ближе к своим границам, двигаясь к которым ему необходимо было бы преодолеть обширную пересечённую территорию, форсируя водные преграды, пересекая леса и заболоченные участки. При этом очень важно

³⁹ Голиков И. И. Указ. соч. Т. III. С. 232.

⁴⁰ Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе, Чарльза Витворта, с 1704 г. по 1708 г. № 108. С. 384; *Гербильский Г. Ю.* Русско-польский союз. С. 71; *Молчанов Н. Н.* Указ. соч. С. 222; *Skworoda P.* Wojny Rzeczypospolitej Obojga Narodów ze Szwecją. Warszawa, 2007. S. 225.

⁴¹ ПиБ. Т. 5. № 1643. С. 152.

⁴² Журнал или Поденная записка, блаженные и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго... Ч. 1. СПб., 1783. С. 144.

понимать, что у русской армии не было иного выбора при организации сопротивления такому грозному противнику, которым на тот момент являлись войска Карла XII. Не зная крупных поражений, хорошо слаженная и дисциплинированная шведская армия имела лишь один, но существенный недостаток. Это отсутствие многочисленных тыловых обозов и жизнь лишь за счёт оккупированных территорий. Всё, что делало её мобильной и давало возможность совершать стремительные броски, сметающие стоящего на пути противника, являлось также и её уязвимым местом. Именно эту «ахиллесову пяту» шведского короля и было решено ударить силами русской армии. Необходимо было как можно дальше увести противника от комфортной для него зоны тылового обеспечения и лишить средств к существованию. В результате ослабить нравственно и материально, чтобы коренным образом переломить ситуацию в свою пользу.

Следуя намеченному «Жолкиевскому» плану, русская армия стала стремительно наращивать свои силы. Не случайно большое количество царских распоряжений, сделанных в Жолкве, связаны именно с боеготовностью русской армии. Ещё в конце февраля 1707 г. государь планировал провести бригадный смотр пехотных, а Меншиков — драгунских полков, находившихся в это время на зимних квартирах в Польше⁴³. Царь хотел знать общее состояние своей армии в преддверии начала новой военной кампании, которая должна была стать особым испытанием для русских солдат. Именно для осмотра войск царь окончательно покинул 30 апреля Жолкву и направился в Друю⁴⁴. К тому же, нахождение в этом регионе на данном этапе уже было нецелесообразным, т.к. в начале мая в Люблине планировалось очередное заседание польского сейма, куда Пётр I планировал прибыть к 9 мая⁴⁵. Интересы российского государства в очередной раз требовали контроля за ситуацией. Если от Жолквы до Львова было всего 25 км, то до Люблина путь составлял около 170 вёрст, и быстрые перемещения, какие делал царь из жолкиевской резиденции, становились в данном случае невозможными.

⁴³ Б. П. Шереметев Петру I 28.02.1707 г. // Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала, тайного советника, мальтийского, с. Апостола Андрея, великого орла и прусского ордена кавалера, графа Бориса Петровича Шереметева. Ч. 1. М., 1778. № 108. С. 296; Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе, Чарльза Витворта, с 1704 г. по 1708 г. № 108. С. 383.

⁴⁴ ПиБ. Т. 5. СПб., 1907. С. 638.

⁴⁵ Там же. С. 649.

В заключение можно с уверенностью утверждать, что решения как политического, так и военного характера, принятые в Жолкве русским командованием, стали тем фундаментом, на котором были выкованы будущие победы при Лесной и Полтаве. Не случайно польский историк Д. Фельдман утверждал, что когда Карл XII перешёл Березину, его экспедиция уже была обречена на крах, т.к. «кости были брошены» и всё было решено ещё в Жолкве⁴⁶. Развёрнутая русским командованием малая война, тактика «выжженной земли» на пути врага и постоянное «бегство» от генерального сражения привели к тому, что планы Карла XII по блицкригу на Москву были сорваны, а шведской армии в поиске ресурсов обеспечения пришлось всё дальше удаляться от своих баз снабжения и бродить в поисках припасов по обескровленной враждебной территории. Стратегическое решение «Жолкиевского» плана стало основным лейтмотивом для организации боевых действий русской армии и ввело в военное искусство новое понятие «русское», или «скифское» отступление, с которым впоследствии пришлось столкнуться армии Наполеона Бонапарта и гитлеровской Германии. Немаловажным является и тот факт, что пребывание Петра I в течение такого длительного времени на одном месте было не напрасным. Царю всё-таки удалось удержать Польшу в роли союзника, которая стала не просто пассивным участником продолжавшегося военного конфликта, но и внесла важный вклад в подготовительные мероприятия, предшествовавшие Полтавской битве.

⁴⁶ *Feldman J.* Polska w dobie wielkiej wojny północnej 1704–1709. Kraków, 1925. S. 281.

Виктория Андреевна Писарева

(Дрезден)

*Научный сотрудник Оружейной палаты (Rüstkammer)
Государственные художественные собрания Дрездена*

Неделя в Торгау: Пребывание Петра I на свадьбе царевича Алексея и Шарлотты Кристины Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской в октябре 1711 года

Сватовство

Для укрепления позиций России в европейской политике Пётр I решил воспользоваться наряду с военными союзами также династической связью с одним из европейских правящих домов. Женильбой своего старшего сына Алексея (1690–1718) было поручено заниматься его воспитателю барону Генриху фон Гюйссену (1666–1739) и русскому послу в Вене барону Иоганну Кристофу фон Урбиху (1653–1715) (*илл. 1*). После первоначального замысла породниться с императором Иосифом I (1678–1711), чья старшая дочь могла быть потенциальной невестой, внимание обратили на двух принцесс одной из старейших европейских династий Вельфов.

Ещё в 1707 г. начались первые переговоры с правящим герцогом Антоном Ульрихом Брауншвейг-Вольфенбюттельским (1633–1714) относительно двух дочерей его сына герцога Людвиг Рудольфа (1671–1735)¹. Это заманчивое предложение, открывающее често-

¹ ПиБ. Т. 6. СПб., 1912, № 1931; *Guerrier W.* Die Kronprinzessin Charlotte von Russland, Schwiegertochter Peters des Grossen, nach ihren noch ungedruckten Briefen

Илл. 1. Русский царевич Алексей Петрович. Христиан Альбрехт Вортман (1680–1760/61), гравюра по оригиналу И. П. Люддена (ум. 1739). Kupferstichkabinett, Staatliche Kunstsammlungen Dresden, инв. № А 148921. Фото Дирк Гедлих.

любивому герцогу новые перспективы в европейской политике, вызвало в свою очередь ряд опасений в его семье. Ни один европейский дом не имел династических связей с Россией, страной с православным вероисповеданием, другой культурой и неизвестными традициями. В отличие от наследных принцев в Европе, царевич Алексей не имел современного образования. И в конце концов, было

бы благоразумно дождаться исхода Северной войны. Под предлогом необходимости встречи молодых людей дальнейшие переговоры были на время отложены.

После победы под Полтавой в 1709 г. было уже честью вступить в родственные отношения с русским царём, и семья невесты даёт согласие на брак². Саксонский курфюрст и польский король Август II (1670–1733), именуемый также Августом Сильным, чьи шансы на возвращение потерянной польской короны были как никогда реальны, активно включается в сватовство и поддерживает кандидатуру средней дочери герцога Шарлотты Кристины Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской (1694–1715) (*илл. 2*). С семилетнего возраста она воспитывалась в протестантской вере при саксонском дворе супругой Августа Сильного, курфюрстиной и титулярной короле-

1707–1715, Bonn, 1875; *Dolgova S.* Das Heiratsprojekt zwischen dem Zarewitsch Aleksej und Prinzessin Charlotte // Braunschweigische Fürsten in Russland in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts, Veröffentlichungen der Niedersächsischen Archivverwaltung 54, Göttingen, 1998, S. 24–91.

² Из письма Г. Ф. Долгорукова: «Сватаюца за царевича ныне не одна в[о]льфильбитенская, и других дворов, что отец дал на волю: кого полюбит» (ПиБ. Т. 10. М., 1956. № 3610, примечания).

Илл. 2 Шарлотта Кристина София Брауншвейг-Вольфенбюттельская. Христиан Альбрехт Вортман, гравюра по оригиналу И. П. Люддена. Kupferstichkabinett, Staatliche Kunstsammlungen Dresden, инв. № А 148933. Фото Дирк Гедлих.

ШАРЛОТТЕ КРИСТИНА СОФИЯ
 Кристина София Брауншвейг-Вольфенбюттельская. Гравюра по оригиналу И. П. Люддена.
 CHARLOTTE CHRISTIANE SOPHIE
 Principia hereditariae Brunsvicensis Reginae, Nati Die: Aeronie et Lunob.

вой Польши Кристианой Эбергариной Бранденбург-Байрейтской (1671–1727)³.

В конце 1709 г. в Вольфенбюттеле был подготовлен брачный контракт, который был послан царю. Тем временем Пётр I отправляет своего сына на обучение в Дрезден. Помимо языков, геометрии, фортификации и политологии царевич упражнялся в фехтовании и танцах. Поскольку Петру также было важно, чтобы невеста понравилась сыну, летом 1710 г. была организована встреча молодых людей в Шлакенверте,⁴ которая прошла позитивно. После официального предложения царевича Шарлотте Кристине Софии Пётр I подписывает брачный контракт в апреле, а семья невесты в июне 1711 года⁵.

Место и время свадьбы

После окончания прутского похода в июле 1711 г. были возобновлены переговоры о месте и дате бракосочетания. Решающим фактором при этом были планы Петра I, который после лечения в Карловых Варах хотел как можно быстрее вернуться в Россию. Кроме того, он рассчитывал на встречу со своими союзниками-королями: польским Августом II и датским Фредериком IV (1671–1730)⁶.

Города Вольфенбюттель, Дрезден, Франкфурт на Одере и Карловы Вары рассматривались как возможные места проведения свадь-

³ Поскольку курфюрстина не приняла католичество, с 1697 имела статус титулярной королевы.

⁴ Ныне город Остров неподалеку от Карловых Вар.

⁵ О свадебном контракте см.: ПиБ. Т. 11. Вып. 1. М., 1962. № 4421.

⁶ Эта встреча не состоялась.

Илл. 3. Дворец Хартенфельс в Торгау. Архив «Torgauer Zeitung».

бы. Саксонский город Торгау устроил в итоге все стороны⁷. Свадьба царевича Алексея и Шарлотты Кристины Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской 25 октября 1711 г.⁸ стала десятой и последней династической свадьбой во дворце Хартенфельс начиная с 1500 года⁹ (илл. 3).

Подготовка свадьбы

«Желая скорейшего возвращения, его Величество наконец-то решили праздновать свадьбу в Торгау, однако тихо, без всех положенных церемоний и роскоши. Несмотря на мои все многочисленные аргументы, это почти невозможно организовать в столь кратчайшие сроки», — писал 8 октября 1711 граф Фридрих Витцтум фон Экстедт (1675–1726), который вёл переговоры с царём как доверенное лицо Августа II¹⁰.

По указанию Августа Сильного, находящегося в «кампании при Штральзунде», свадьба, намеченная на 25 октября, была, действительно, тщательно организована в кратчайшие сроки с учётом всех церемониальных аспектов под руководством обер-гофмаршала графа Августа Фердинанда фон Пфлюга (1662–1712). Акты Государ-

⁷ Дрезден и Франкфурт на Одере подходили Петру, но для 78-летнего Антона Ульриха находились слишком далеко. Вольфенбюттель, в свою очередь, не устраивал царя. ПиБ. Т. 11. Вып. 2. М., 1964. № 4738.

⁸ Датировка событий в немецких документах соответствует действовавшему в Европе григорианскому календарю,

⁹ Величественный дворец Хартенфельс в Торгау был резиденцией саксонских курфюрстов Эрнестинской линии Веттинов. С 1547 г., находясь уже во владении Альбертинской линии, имевшей свою резиденцию в Дрездене, он по-прежнему оставался местом проведения пышных торжеств.

¹⁰ *Пер. автора.* Sächsisches Staatsarchiv. Hauptstaatsarchiv Dresden (*далее:* StA-D), 10026, Geheimes Kabinett, Loc. 2670/07. Die Vermählung des Czaarischen Cron-Prinzens mit der Fürstl. Braunschweig-Wolfenbüttel. Prinzeßin betr. De Ao 1709.10.11, fol. 71r–v.

Илл. 4. Вид Торгау. Неизвестный художник. 1675-1700. Kupferstichkabinett, Staatliche Kunstsammlungen Dresden, инв. № А 131136. Фото Дирк Гедлих.

ственного архива Дрездена содержат подробную информацию о планировании и проведении торжества, а также о пребывании гостей в Торгау с 17 по 31 октября 1711 года¹¹.

Уже 14 октября в Торгау по Эльбе отправляется необходимая мебель — кровати, стулья, зеркала. Также из Дрездена отправляется столовая посуда, приборы Королевской Придворной Серебряной камеры и провиант. Прибывают также многочисленные представители саксонского двора и персонал, задействованные в организации свадьбы — всего около 100 человек¹². Для размещения высоких гостей во дворце Хартенфельс было подготовлено 13 помещений¹³ (илл. 4).

¹¹ StA-D, 10006 OHMA. Vol. B. № 19; Beylager Sr. Groß Czaarisch. Majt. Cron: Prinzens Alexius Petrowitz mit Ihro Durchl. Prinzeßin zu Braunschweig-Wolfenbüttel Charlotta Christiana Sophia in Torgau, 1711, fol. 1–111. Далее цитируется как Beylager. За оказанную помощь выражаю свою признательность Кристине Нальге (Rüstkammer, Staatliche Kunstsammlungen Dresden).

¹² В документах упоминаются 4 камергера, 4 камер-юнкера, придворный обойщик с помощником для оформления свадебного ложа, 3 повара, многочисленные пажы, кописты, писари, лакеи, истопники, придворный трубач, барабанщик и 42 драбанта.

¹³ Попытка реконструкции, см: *Niese K.* Die Hochzeit des Zarewitsch Alexej Petrowitsch mit Charlotte Christine von Braunschweig-Wolfenbüttel 1711 in Torgau. Torgau, 2011. Manuskriptdruck. Выражаю свою признательность Катрин Низе (Stadt- und Kulturgeschichtliches Museum Torgau) за плодотворный обмен мнениями.

Музыкальное оформление торжества возлагалось на 38 музыкантов саксонской придворной капеллы, в которой задавали тон итальянские и французские виртуозы. Капелла играла на церемонии бракосочетания, на банкетах и балах, а также театральных постановках. 20 французских артистов театральной труппы, в которую входили актёры, солисты балета и певцы, показали 5 спектаклей. Пётр I присутствовал на трёх, а принц на четырёх представлениях¹⁴.

Кроме того, в Торгау приехали девять городских музыкантов, играющих на духовых и ударных инструментах, хотя наместник Саксонии Фюрстенберг заметил ещё во время первого визита царя в Дрезден в 1698 г., что подобная музыка к такому обществу никак не подходит. Тогда саксонский двор впервые столкнулся с музыкальным вкусом царя, показавшим себя отличным барабанщиком и любителем духовых инструментов.

Приезд гостей в Торгау с 17 по 24 октября 1711 года

Поскольку свадьба должна была пройти в узком кругу, кроме представителей саксонского двора присутствовали лишь гости со стороны жениха и невесты. Принимала гостей во дворце Хартенфельс саксонская курфюрстина и королева Польши Кристиана Эбергардина Бранденбург-Байрейтская.

Вечером **17 октября** приехала невеста с родителями – графом Людвигом Рудольфом Брауншвейг-Бланкенбургским и Кристиной Луизой Эттингенской (1671–1747), ставшими к тому времени родителями императрицы¹⁵.

Два дня спустя, **19 октября**, прибыл правящий герцог Антон Ульрих Брауншвейг-Вольфенбюттельский, 78-летний дед невесты. С этого дня обер-гофмаршал фон Пфлюг руководит лично подготовкой свадьбы. Вечером приехал выдающийся учёный Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716), который посылал царю ещё во

¹⁴ О любви царевича к театру см.: *Guerrier W.* Op. cit. S. 29 («только из-за него здесь [в Дрездене] два раза в неделю дают французские представления, хотя он и не понимает языка, он смотрит их с большим удовольствием». – *Пер. автора*).

¹⁵ 12 октября претендент на испанский престол Карл III (1685–1740), женатый на их старшей дочери Елизавете Кристине (1691–1750), стал императором Священной Римской империи германской нации под именем Карла VI.

время его Первого путешествия по Европе свои размышления по поводу развития науки и образования в России¹⁶.

21 октября гости из Брауншвейга отправляются с визитом в замок Лихтенбург к матери Августа Сильного, вдовствующей курфюрстине Анне Софии (1647–1717). В этот же день царевич Алексей приезжает в Торгау из города Штрела, где он провёл инкогнито несколько дней, в сопровождении князя Юрия Трубецкого (1668–1739), Александра Головкина (1689–1760), сына канцлера Головкина, и барона Гюйссена.

В субботу утром, **24 октября**, в 7:45 из Дрездена на корабле прибывает русский царь в сопровождении канцлера графа Г. И. Головкина (1660–1734), генерал-фельдцейхмейстера Я. Брюса (1670–1735), посла в Дании князя В. Л. Долгорукова (1670–1739), князя Б. И. Куракина (1676–1727) и графа Витцтума фон Экстедта¹⁷. Алексей с отцом и дедом невесты уже ожидали царя в его комнате. Герцог Антон Ульрих вспоминал позже об особо тёплой встрече отца и сына. После бритья и завтрака, который царь велел подать точно в 9 утра, он нанёс визиты королеве и будущим родственникам¹⁸. По воспоминаниям Лейбница, в этот же день состоялась его первая личная встреча с Петром¹⁹.

На обеде у королевы гости пили из приветственного стеклянного кубка. Чтобы порадовать высокого гостя, пригласили музыкантов, играющих на духовых и ударных инструментах. В 16 часов французские артисты представили гостям первую театральную постановку. Герцог Антон Ульрих вспоминает, что Пётр I распорядился изме-

¹⁶ С 1676 г. он был придворным библиотекарем в Ганновере и с 1690 в Вольфенбюттеле у герцога, с 1700 являлся основателем и первым президентом Прусской академии наук в Берлине.

¹⁷ Накануне царь отправился из Дрездена в Торгау: «Помянутый Торгоу от Дрездена разстоянием 12 миль водою, а сухим путем 9-ть» [Электронный ресурс] // Походный журнал. С. 32. http://publ.lib.ru/ARCHIVES/_Raritetnye_knigi/Pohodnyj_zhurnal_1711_goda_1854.pdf (дата посещения: 22.10.2017). По пути в Карловы Вары Пётр останавливался в Дрездене с 20 по 22 сентября 1711 г., направляясь в Торгау, останавливался в саксонской столице с 18 по 23 октября.

¹⁸ Письмо герцога Антона Ульриха к курфюрстине Софии Ганноверской (1630–1714) от 30 октября 1711 г. // *Zeitschrift des Historischen Vereins für Niedersachsen* 53, 1888. S. 207. Далее: Письмо герцога.

¹⁹ Антон Ульрих представил учёного царю, который несколько раз приветливо к нему обратился. О первой личной встрече царя свидетельствуют заметки Лейбница и черновик его письма к курфюрстине Софии Ганноверской от 31 октября 1711. См.: *Richter L. Leibnitz und sein Russlandbild*. Berlin, 1946. S. 47–48.

нить освещение, чтобы лучше видно было декорации, и безошибочно определил лучшего альтиста в капелле. Перед сном Пётр посетил здание канцелярии и спонтанно решил там переночевать, ссылаясь на шум во дворце²⁰.

Свадьба 25 октября 1711 года

25 октября саксонский город Торгау попадает в анналы европейской истории. Освещение свадьбы русского наследника в прессе, отчёты представителей двора, а также некоторые письма присутствовавших персон позволяют составить более полное представление о торжестве²¹.

Утренняя служба гостей протестантов прошла в дворцовой капелле²², русские гости совершили православное богослужение во дворце. Об Антоне Ульрихе, перешедшего в католическое вероисповедание, ничего не сообщается. Затем Пётр собирает своих людей на конференцию. В этот день все гости обедали отдельно.

Перед церемонией бракосочетания, которое должно было состояться в 15 часов в большом зале дворца, был выставлен караул: кадеты от двора вдоль всей лестницы до дверей зала, в самом зале — Швейцарская гвардия. В Большом зале окна были закрыты gobelенами или зеркалами, мерцающий свет многочисленных свечей создавал возвышенную атмосферу храма. В конце зала был поставлен

²⁰ «Ночью он отправился спать в город, мотивируя это тем, что во дворце шумно и он не сможет спать» (Письмо герцога. С. 208). В Дрезденских актах многократно упоминается здание канцелярии как место ночлега царя. С 1705 г. в нём размещалась суконная мануфактура, в настоящее время это здание музея — Stadt- und Kulturgeschichtliche Museum Torgau. См. также: *Hahn M.* Das Torgauer Kanzleihaus und Zar Peter I // Das kurfürstliche Kanzleihaus zu Torgau. Torgauer Kolloquium 2000. Belgern, 2001. S. 147–156.

²¹ Die Leipziger Post-Zeitungen, Das III Stück der XLIV. Woche. Leipzig, 1711. S. 692, опубликовано в: *Hahn M.* Op. cit. S. 150; см. также: Die Europäische Fama, welche den gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Höfe entdeckt 123. Leipzig, 1711. S. 196–198; «Registratur oder täglich Journal von 17. bis 31. Oktober» // Beylager, fol. 11–20; отчёт брауншвейгского советника Топфингера: *Toepffinger B.* Variorum Varia, begonnen den 1. Januar 1711, опубликовано в: *Hahne O.* Die Hochzeit zu Torgau am 14 (25) Oktober 1711 // Thäringisch-sächsische Zeitschrift für Geschichte und Kunst 1. Halle, 1911. S. 265–271; Письмо герцога. С. 207–210; заметки Лейбница // *Richter L.* Op. cit. S. 47–48; описание церемонии свадьбы в приложении к письму Ф. Ю. Ромодановскому // ПиБ. Т. 11. Вып. 2. № 4804; Походный журнал. С. 33–34, 92–94.

²² Речь идёт о первой протестантской капелле, освящённой самим Мартином Лютером в 1544 году. В 1707 г. здесь состоялся также обряд конфирмации будущей невесты.

подиум с тремя ступенями, на котором возвышался стол. На нём поместили крест, два серебряных подсвечника и два брачных венца (короны), увенчанные державами. По бокам выставлены кресла в соответствии с рангом высоких гостей: слева — для царевича, царя, Антона Ульриха и отца невесты, справа — для невесты, королевы и матери невесты. Позади стояли камергеры и камер-юнкеры.

С выходом православного священника на балконе разместились музыканты королевской капеллы. Под музыку в зале появилась свадебная процессия. Впереди шёл фурьер Линденберг, за ним дворяне в два ряда. Шесть пажей несли факелы, за ними следовали два маршала с ценными жезлами и царь с царевичем. На некотором расстоянии двигалась вторая процессия с фурьером королевы, за ним дворяне в два ряда, пажи с факелами и маршалы с ценными жезлами. Потом шествовали три пары: герцог Антон Ульрих вёл невесту, герцог Людвиг Рудольф вёл королеву, канцлер граф Головкин вёл герцогиню Кристиану Луизу. Придворные дамы в два ряда замыкали процессию.

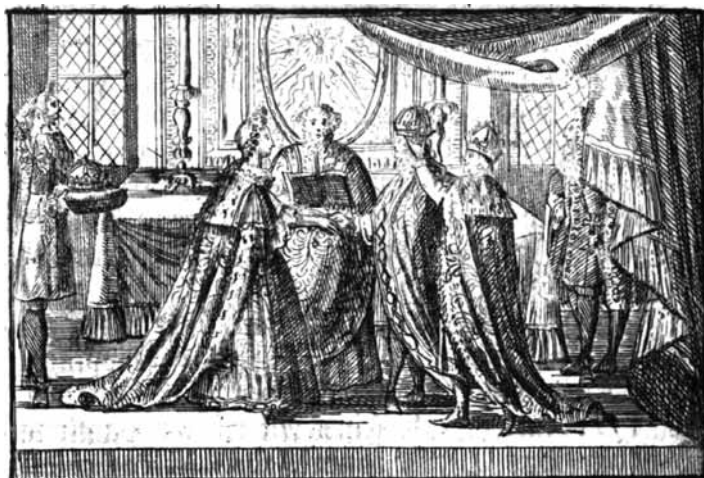
Жених и невеста были подведены к подиуму. Их свадебный наряд описывает лишь представитель брауншвейгского двора: «Корона на голове невесты была необычайно богато украшена алмазами и жемчугом, платье из серебряной ткани, обшитое серебряным *point d'Espagne* [широким металлическим кружевом], его величество царевич был в белом бархате, шитым золотом»²³ (илл. 5).

Церемонию венчания совершил православный священник²⁴. Царевич отвечал по-русски, невеста на латыни. По православному обряду на голову невесты должен был возложен брачный венец. Но поскольку она имела корону, венец над головой невесты держал канцлер Головкин. По окончании церемонии, которая длилась полчаса, заиграла музыка, и процессия в прежнем порядке начала двигаться к выходу.

Пока зал готовили к свадебному банкету, гости проводили время за играми в апартаментах королевы. Кульминационным моментом был свадебный банкет. 60 персон были размещены за четырьмя столами, которые сервировали три раза. Золотой сервиз предназна-

²³ *Пер. автора.* Незадолго до свадьбы в Дрездене было приобретено кольцо для царевича у гоф-фактора Меера: «Дрезденскому жиду Мееру за перстень, взятой государю царевичю, деньги в Эльбинге заплачены» (ПиБ. Т. 11. Вып. 2. № 4765). Известно, что Пётр I взял в Дрездене кредит для своих расходов, датированный 16 октября 1711 г. в размере 51 000 «ефимков» (талеров, от «Joachimsthaler») у гоф-факторов Меера и Лемана (Там же. № 4814, 4815, 4828).

²⁴ Имя священника не упоминается. Из фурьерского листа следует, что Алексей прибыл на свадьбу со своим духовником и его помощником.

Илл. 5. Венчание во дворце Харгенфельс в Торгай.
Andreas Lazarus von Imhof, Neu-eröffneter Historischer
Bilder-Saal [...] Nürnberg [1719]. Bd. 7, 2. S. 768.
Фото Bayerische Staatsbibliothek, digitale Sammlung.

чался для стола семи высочайших особ. Нарушая этикет, Пётр распоряжается поставить дополнительно на этот стол пять приборов для лиц более низкого ранга — графа Головкина, Долгорукова, генерала Брюса и князей Трубецкого и Куракина. На этот стол были поданы 18 блюд в два приёма и один раз десерт. Серебряной посудой были сервированы два стола, где было подано 9 блюд и десерт. Четвёртый стол на 20 персон был сервирован цинковой посудой. После банкета гости находились снова в апартаментах королевы, пока зал готовили к балу.

Бал вновь открывала свадебная процессия. Первый танец принадлежал молодожёнам. Пётр, нарушив церемониальный порядок, потребовал пропустить перед высочайшими персонами сперва двух кавалеров с дамами. После этого бал был открыт для всех присутствовавших. «Московские министры» и саксонские кавалеры танцевали с дамами попеременно польские и французские танцы до полуночи. Царь, пребывавший в отличном настроении, отдавал предпочтение английским танцам и заставил всех остальных следовать его примеру.

Свадьба завершилась публичным благословением молодожёнов, лежащих в свадебной кровати. Присутствовали королева, Пётр I с «русскими министрами» и родители невесты. Головы жениха и невесты соединили к поцелую, пожелали здоровья и счастья, благо-

Илл. 6. Свадьба царевича Алексея и Шарлотты Кристины Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской в Торгау в 1711 году. Адольф ван дер Лан (1684/90–1742/55). Stadt- und Kulturgeschichtliches Museum Torquay, инв. № VI-1f-23.

словив крестом. Антон Ульрих вспоминал об особо тёплом благословении Петра I, сказавшим на прощание: «Теперь спите хорошо, Бог с вами».

Проводив королеву в её комнату, Пётр I отправился в здании канцелярии. Этим днём датированы его письма Августу Сильному, королю Дании Фредерику IV, Екатерине, Меншикову²⁵ и сенату, сообщающие о состоявшейся свадьбе наследника.

В документах упоминается большое количество приезжих из Лейпцига, Эйленбурга, Виттенберга и других близлежащих городов в день свадьбы. Дошедшее до нас современное изображение торжества в Торгау не соответствует, однако, ситуации во дворце и самой церемонии бракосочетания²⁶ (илл. 6).

²⁵ Пётр пишет Меншикову: «Свадьба была в дому королевы польской, где и от вас присланный арбуз поставлен был, который овощ здесь зело за диво» (ПиБ. Т. 11. Вып. 2. № 4802).

²⁶ Это изображение взято из обзора девяти значимых событий 1711 г., включающего в том числе смерть императора Иосифа I, избрание Карла III императором и его коронация (см. сноску 15). Офорт: Адольф ван дер Лан (1684/90-1742/55), издательство: Питер Шенк Старший (1660/61–1718/19), 495 x 595/600 мм, Kupferstich-Kabinett, Staatliche Kunstsammlungen Dresden, Inv.-Nr. B 1980 b, 4/ S. 4.

В завершении любопытная заметка Лейбница: «Свадьба состоялась в воскресенье между 5 и 6 часами, в 7 часов землетрясение». Действительно, газета «Leipziger Post-Zeitungen» сообщила своим читателям, что в 19:15 было зарегистрировано сильное землетрясение, длившееся около одной минуты и замеченное во многих населённых пунктах. Кроме учёного, это природное явление не было отмечено никем из гостей²⁷.

Пребывание гостей с 26 по 31 октября 1711 года и их отъезд

Если свидетельства очевидцев посвящены самой свадьбе, архивные материалы сообщают интересные подробности о пребывании гостей, в первую очередь Петра I, вплоть до 31 октября 1711 года²⁸.

Запись от **26 октября** сообщает, что до обеда царь последний раз позировал художнику, специально приехавшему в Торгау из Вены. Речь идёт об известном портретисте Яне Купецком (1667–1740), который получил от русского посла в Вене Урбиха 200 гульденов для поездки в Карловы Вары и, вероятно, последовал за царём в Торгау²⁹. Сохранилось несколько портретов Петра, написанные самим Купецким или являющиеся копиями, но какие именно из них созданы в Торгау, однозначно ответить невозможно³⁰ (илл. 7).

²⁷ Leipziger Post-Zeitungen, XLIV Woche, Leipzig, den 31. Oktober 1711. S. 175; см.: Die Europäische Fama 123. S. 202–203.

²⁸ Beylager, fol. 20–27.

²⁹ Подьяпольская Е. К вопросу о русско-чешских культурных связях в первой четверти XVIII в. [Электронный ресурс] // Автограф чешского художника Яна Купецкого в советском архиве: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Tscheschien/XVIII/1700-1720/Johann_Kupesku/raspiska_200_gulden_02_10_1711.phtml?id=4914 (дата обращения: 19.10.2017); См. также: Шварц И. Неизвестный портрет молодого Петра I // Петровские реликвии в собраниях России и Европы: Материалы III Международного конгресса петровских городов. СПб., 2012. С. 187–194.

³⁰ В феврале 1712 г. Пётр обращается к сыну: «P.S. Персоны мои, писанные в Торгоу, пришли немедленно» (ПиБ. Т. 12. М., 1975. № 5041). Пётр ещё дважды напоминает сыну о картинах (Там же. № 5083, 5143). Александр Головкин также сообщает своему отцу, канцлеру Гавриилу Головкину, что картины невозможно забрать из-за болезни Купецкого. См.: ПиБ. Т. 12. № 5041, примечание. Пожалуй, один из самых известных портретов царя в леопардовой шкуре находится в Брауншвейге, Herzog Anton Ulrich-Museum (Inv.-Nr. GG 579); в золотом плаще – в частном собрании в Москве [Электронный ресурс]: <http://www.gosniir.ru/activity/expert/royal-portraits/kupecsky.aspx> (дата обращения: 19.10.2017); портреты в профиль: замок Мариенбург, собрание принца ганноверского, герцога Брауншвейгского и Люнебургского (Inv.-Nr. 480 (71)) и замок

Илл. 7. Русский царь Пётр I. 1737.
Бернгард Фогель (1683–1737),
по оригиналу Купецкого.
Kupferstichkabinett, Staatliche
Kunstsammlungen Dresden,
инв. № А 10416.
Фото Дирк Геллих.

В 11 часов состоялась совместная трапеза русских гостей с молодожёнами. С немецкой стороны был приглашён только граф Витцтум. Атмосфера была весьма во вкусе царя — непринуждённой: под музыку духовых и ударных инструментов присутствовавшие выпили по очереди из заздравно-приветственного кубка и расписались в гостевой книге³¹. По свидетельству Антона Ульриха, новоиспечённая невестка по русской традиции обслуживала гостей, чем заслужила похвалу и поцелуй царя³².

Позже царь посетил дом бургомистра Кристиана Януса, где ему особенно понравилась подзорная труба. В 15 часов Пётр открыл бал во дворце. Танцевали «без всяких церемоний», как пожелал высокий гость, до 18 часов.

Упоминание в актах нашла беседа Петра с матерью невесты Кристиной Луизой во время вечернего банкета, в разговоре с которой он многократно смеялся³³. Известно, что русский царь изъяснялся на несовершенном голландском, но подкупал своих современников эмоциональностью и непосредственностью³⁴.

Детмонд, собрание барона фон Фюрстенберга; портрет Петра в меховой шапке: Kórník, Bibliotheka Kórnicka Polskij Akademii Nauk, Inv.-Nr. MK 4313 // Unter einer Krone, Kunst und Kultur der sächsisch-polnischen Union, Ausstellungskatalog. Leipzig, 1997. Kat. Nr. 252, IX 4. Выражаю признательность Силке Гатенбрёкер (Gemäldegalerie, Herzog Anton-Ulrich Museum, Braunschweig) за сведения о происхождении картин. О портретах Купецкого: *Safarik E. A. Johann Kupecky (1666–1740). Ein Meister des Barockporträts.* Rom, 2011.

³¹ Beyerlager, fol. 20v.

³² Письмо герцога. С. 209.

³³ Beyerlager, fol. 21–21v.

³⁴ Герцогиня Елизавета Шарлотта Орлеанская (1652–1722), невестка Людовика XIV, часто именуемая Лизелоттой, высказывается о речи царя в письме от 22 ноября 1771 г.: «Признаюсь, что я с большим удовольствием слушаю его

27 октября Пётр планировал осмотреть королевские виноградники в Торгау и присутствовать на утиной охоте, но после ночного приступа колики он смог лишь немного прогуляться вдоль Эльбы и провёл день уединённо. Этим днём датирован ответ Петра на просьбу Атона Ульриха разрешить молодожёнам провести зиму в Брауншвейге, где его сын мог бы продолжить своё образование. Но царевич был необходим Петру этой зимой в Польше, куда должна была отправиться и его жена³⁵. Молодой паре была разрешена поездка в Брауншвейг, где продолжилось празднование. На послеобеденном театральном представлении царь и молодожёны отсутствовали.

Запланированный на **28 октября** отъезд царя из Торгау был отложен из-за известия о прибытии саксонского советника и генерала графа фон Флемминга (1667–1728) из Штральзунда, в ожидании которого русские гости тестировали оптический прибор во дворце (вероятно, подзорную трубу). В 13 часов герцог Антон Ульрих покидает Торгау, а в 15 часов прибывает граф фон Флемминг и проводит с царём целый час. Вечером Пётр I посещает комедию.

29 октября сообщается о передвижениях Петра I с раннего утра. Царь приходит из канцелярии без сопровождения в свою комнату во дворце. Вскоре он отправляется на Эльбу и внимательно осматривает корабль королевы, всё измерив лично. Он было пошёл по мосту, но передумал и обошёл дворец Хартенфельс по кругу, внимательно всё осматривая. Возвращение царя во дворец также не осталось незамеченным: он громко стучал в двери молодожёнов, пока его не впустили. Днём состоялась совещание союзников по поводу совместных действий в Померании³⁶. Вечером Пётр присутствовал на спектакле.

30 октября, едва часы пробили 6:00, царь появился «совершенно готовый к поездке». Вскоре прибыл курьер с донесением, что дат-

несовершенную голландскую речь, которая мне представляется разумной и, кроме того, всё, что он делает и говорит, мне вполне понятно» — *Пер. автора (Bodemann E. (Hg.). Aus den Briefen der Herzogin Elisabeth Charlotte von Orléans an die Kurfürstin Sophie von Hannover. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte des 17. Jahrhunderts, B. 2, Hannover, 1891. S. 294–295).*

³⁵ ПиБ. Т. 11. №. 4812, 4813 с примечаниями. Выражаю признательность Керстин Грейн (Herzog Anton Ulrich-Museum, Braunschweig) за информацию о брауншвейгском дворе.

³⁶ В совещании приняли участие граф Флемминг, Витцтум фон Экстедт, канцлер Головкин, его сын Александр и князь Василий Долгоруков. ПиБ. Т. 11. Примечания к № 4833, 4848.

ские министры ожидают русского царя в Кроссене. Царь срочно собрался и быстро пообедал. По воспоминаниям Лейбница, он также присутствовал на обеде и уехал в этот же день³⁷. В 14 часов царь вместе с графом фон Флеммингом и графом Витцтумом фон Экстедтом отбывают в Кроссен³⁸. Алексей незамедлительно отправляется в Лихтенбург, к матери Августа Сильного, попрощаться от имени отца. До комедии он возвращается обратно в Торгау.

31 октября после завтрака молодожёны вместе с родителями невесты отправляются в Брауншвейг³⁹. На этом «свадьба окончательно завершилась». Представители саксонского двора покинули город, отправив всё привезённое имущество кораблями или повозками в Дрезден.

Свадебные расходы

Согласно сохранившимся счетам, расходы саксонского двора на свадьбу составили 15 332 талеров, 13 грошей и 11 пфеннингов⁴⁰. Отдельные расходы прописаны в развёрнутом счёте, включающего кроме свадебных трат поездку Петра I в Карловы Вары и обратно в сентябре 1711 года⁴¹. При этом затраты на продукты и напитки составили большую часть расходов. Согласно архивным данным, с 19 по 28 октября было организовано 22 банкета. О подаваемых блюдах информация не сохранилась, но известны расходы на напитки и хлебные изделия за две недели⁴².

³⁷ О темах, обсуждаемых с царём, см.: *Richter L.* Op. cit. S. 46–50. Лейбниц, получивший русский титул тайного советника юстиции, ещё два раза встречался с царём лично в 1712 и 1716 гг.

³⁸ В Кроссене (сейчас Krosno Odrzańskie, Польша) Пётр встретился с наследным принцем Пруссии Фридрихом Вильгельмом (1688–1740), который представлял своего заболевшего отца.

³⁹ 7 ноября по повелению отца Алексей покидает Брауншвейг, где ему были организованы пышные проводы. Его супруга следует вскоре за ним. Ср.: *Guerrier W.* Op. cit. S. 63.

⁴⁰ StA-D, 10037, Rentkammer, Nr. 213, Rechnung über Ausgabe-Geld Bey Königl: Poln: und Churfürstl: Renth-Cammer. Die bey den Qvartale Reminiscere und Trinitatis 1712, fol. 151v.

⁴¹ Счёт на сумму 17 747 талеров, 17 грошей, 9 7/8 пфеннингов: StA-D, 10024, Geheimer Rat (Geheimes Archiv), Loc. 9772 / 12. Ihro Czaar. Majt. Reise von hier in das Carlsbadt und von dannen wieder anhero Ao. 1711. 1712, fol. 16r-v. О поездке в Карловы Вары и обратно, см. сноску 17.

⁴² Было выпито 100 вёдер вина четырёх сортов; 34,5 бочки пива трёх сортов; съедено 990 буханок хлеба и 5917 булочек разных сортов: Beulager, fol. 91 r-v.

Заключение

С интересом, любопытством и недоверием наблюдали европейские дворы за женитьбой русского наследника на немецкой принцессе.

«Похоже, что герцог [Anton Ulrich] очень желает этой женитьбы, я очень опасаясь, однако, что этот молодой человек не обладает умом своего отца, не совсем искоренил невежество москвитов и принцесса Шарлотта не будет счастлива с ним», — пророчила Елизавета Шарлотта Орлеанская из Версаля⁴³. За серьёзными испытаниями, выпавшими на долю этого недолгого брака, последовал преждевременный уход из жизни всех членов семьи и прекращение рода Романовых по мужской линии⁴⁴, но память о многообещающем начале этого союза сохранилась в саксонском Торгау до сегодняшних дней⁴⁵.

⁴³ Письмо от 22 мая 1710 г. *Пер. автора* // Vodemann E. (Hg.). Op. cit. S. 248. Nr. 727.

⁴⁴ 21-летняя Шарлотта Кристина София умирает в 1715 г., спустя 10 дней после рождения сына. Обвинённый в государственной измене Алексей скончался от пыток в 1718 году. Старшая дочь Наталья и её младший брат Пётр, коронованный в 1727 как император Пётр II, уходят из жизни в 1728 и 1730 гг., достигнув всего лишь своего 14-летия.

⁴⁵ В рамках второй земельной выставки Саксонии «Glaube & Macht» («Вера и власть») 7 августа 2004 г. во дворце Хартенфельс состоялась премьера оперы «Свадьба на Эльбе» композитора Рейнхарда Зеехафера в концертном исполнении. В реализации постановки, посвящённой свадьбе царевича Алексея в Торгау, приняли участие Егора Philharmonie под управлением композитора, известные солисты и камерный хор из Санкт-Петербурга «Lege Artis». К 300-летию этой свадьбы, в 2011 г. городским музеем Торгау (Stadt- und Kulturgeschichtliches Museum) был подготовлен доклад и концерт из произведений композиторов дрезденского и брауншвейгского дворов.

Наталья Сергеевна Андреева
(Санкт-Петербург)

*Старший научный сотрудник
Библиотеки Российской Академии наук*

Завершение европейского путешествия Петра I в 1711 году: Визит в Эстляндию

Капитуляция столицы Эстляндской провинции города Ревеля 29 сентября 1710 г. перед русскими войсками явилась одним из важнейших событий в истории Северной войны. Со взятием Ревеля присоединение балтийских владений Швеции к России завершилось, и боевые действия в Прибалтике закончились.

Однако свои новые приобретения на берегу Балтийского моря Пётр I посетил лишь год спустя — возвращаясь в декабре 1711 г. из «малого» путешествия в Европу, которое он предпринял после неудачного Прутского похода.

Более значимые с дипломатической и военной точки зрения события европейской части путешествия Петра I 1711 г. вытеснили посещение государем Эстляндии на периферию исследовательского интереса историков. Между тем, с точки зрения внутренней политики первый визит Петра I в Ревель имел весьма важное значение. Этот визит служил легитимации российской власти в новоприобретённой провинции. Царь ознакомился с новыми подданными, в то время как они получили возможность лицезреть своего государя и радушным приёмом выразить ему своё благожелательное отношение.

Визит Петра был особой милостью для его новых подданных, а для немецкого ревельского бюргерства и эстляндского дворянства — поводом продемонстрировать лояльность и верноподданнические

чувства, поскольку сохранением руководящего положения в городских делах и в жизни Эстляндской губернии они были обязаны Петру I. Так, с его согласия при сдаче Ревеля русское командование заключило с дворянством и бюргерством так называемые аккордные пункты и капитуляции, в которых оговаривалось сохранение их «древних» прав и привилегий¹. К числу основных пунктов относились: особое устройство местного самоуправления, осуществлявшегося сословными организациями прибалтийско-немецкого дворянства и бюргерства, главенство лютеранской церкви и немецкого языка в Эстляндии, а также местное законодательство и судебная система.

Между тем, в 1711 г. царь ещё не подтвердил эти аккордные пункты и капитуляции, и к чувству радости ревельских сословий по случаю визита «обожаемого» государя, как называли Петра I прибалтийские немцы, примешивались опасения за своё будущее, вынуждавшие их ревностно выразить преданность престолу.

Особенную значимость первого визита Петра в Ревель должна была подчеркнуть исключительная торжественность, с которой 13 декабря 1711 г. его жители встречали царя. Так, представители рыцарства и магистрата выехали навстречу следовавшему из Риги через Пернов (ныне Пярну) царскому кортежу и сопровождали его от эстляндской границы до самого Ревеля.

Въезд в Ревель царской четы, а Пётр путешествовал со своей супругой Екатериной, сопровождался колокольным звоном и непрерывным орудийным салютом, придававшими особую торжественность этому событию. В самом городе их встречали рыцарство и магистрат в полном составе, выражая тем самым преданность государю². Ревель был в праздничном убранстве: по всему пути следования кортежа в домах горели праздничные огни и улицы украшали рождественские ели. На Вышгороде и на площади перед Ратушей в честь Петра были установлены две триумфальные арки.

В Ревеле царская чета остановилась на Вышгороде — в аристократической части города, где находились административные учреждения провинции и жило дворянство, — в доме пленённого в 1709 г. под Полтавой шведского генерала Вольмара Антона Шлиппенбаха.

¹ Подробно об этом см.: *Зутис Я. Я.* Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946. С. 59; *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX в. СПб., 2008. С. 54–68; *Она же.* Прибалтийские губернии в административной системе Российской империи начала XX в. // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности.* М., 2001. С. 217–234.

² Landrath Wrangell's Chronik von Ehstland. Dorpat, 1845. S. 95.

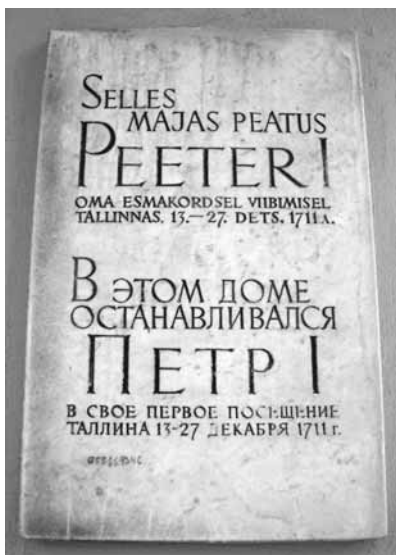
Дом Вольмара Антона Шлиппенбаха. Фото Н. С. Андреевой.

В перестроенном виде дом сохранился до наших дней и находится по адресу пл. Лосси, 4, по соседству с парламентом Эстонии.

Собственная резиденция у царя в Ревеле появилась только через два года — в 1713 г., когда для него был выстроен или, по другим данным, приобретён так называемый Городовой дворец. Он находился на углу современных улиц Лай и Толли (Лай, 54 / Толли, 8) — не в аристократической, а в «деловой» части города, где жили купцы³. Место для дворца выбиралось по желанию Петра I с видом на море, чтобы он мог лично наблюдать за строительством порта.

В последующие дни, вплоть до 23 декабря, царь осматривал город и встречался с представителями местной гражданской и военной администрации — с обер-комендантом Ревеля В. Н. Зотовым, генерал-адмиралом Ф. М. Апраксиным, а также с офицерами гарнизона. Северная война со Швецией ещё не закончилась, поэтому Петра в первую очередь интересовали возможности Ревеля как военного порта и оборонительного пункта на Балтийском море. В связи с этим он лично проверил состояние револьских крепостных сооружений и бастионов, осмотрел гавань и стоявшие на рейде корабли. Его особое внимание привлёк револьский арсенал, располагавшийся в бывшем хлебном амбаре доминиканского монастыря

³ *Lumiste M. Peeter I linnapaleest Tallinnas ja majast Kadriorus // Tõid kunstiteaduse ja –kriitika alalt. 1980. № 3. Lk. 110. Ср.: Куускемаа Ю. Пётр I и Екатерина I в Таллинне. Таллин, 2009. С. 15.*

Мемориальная доска в память о пребывании Петра I в доме В. А. Шлиппенбаха.
Фото Н. С. Андреевой.

А. Д. Меншиковым он присутствовал на торжественном рождественском богослужении в средневековой лютеранской церкви Нигулисте (церковь св. Николая) и, по словам хронистов, отозвался о нём с похвалой⁴. Осталось, однако, неизвестным, посетил ли он место упокоения в ней генерал-фельдмаршала Карла Евгения де Кроа (Charles Eugène de Croÿ) — своего сподвижника, попавшего 19 ноября 1700 г. в плен к шведам под Нарвой. Пленённый де Кроа содержался в Ревеле, многим задолжал, и после смерти в 1702 г. было запрещено его хоронить до тех пор, пока родственники не уплатят за него долги. Этого никто так и не сделал, и Кроа лежал непохороненный в церкви, постепенно превратившись в мумию и в этом качестве в ревельскую достопримечательность. Вполне возможно, что интересовавшийся диковинками и «курьёзами» Пётр осмотрел и эту местную «достопримечательность».

В тот же день, 25 декабря, царя с супругой и со всей их многочисленной свитой принимали дворяне и бюргерство, выражая тем самым свою лояльность и преданность престолу. Монаршая чета на

св. Екатерины. Собственно, он был не только складом боевого оружия, но и своеобразным музеем, где хранились образчики старинного вооружения, которое интересовало любившего разного рода древности Петра I. Осмотр фортификационных сооружений, знакомивший с новинками военно-инженерной мысли, и посещение арсеналов составляли один из постоянных пунктов в его путешествиях по Европе. Так, Пётр осматривал крепости в Дании, Франции, Голландии, Австрии, Германских княжествах и арсеналы в Дрездене, Париже, Вене, Вульвиче. Ревель в этом отношении также не стал исключением.

На Рождество Пётр I посетил церковную службу. Вместе с

⁴ *Исаков С. Г., Шор Т. К.* Властители Российской империи на эстонской земле. Таллин, 2009. С. 24.

этих приёмах имела возможность познакомиться со своими подданными и их обычаями.

Эстляндское дворянство принимало Петра I и Екатерину в своей резиденции — в Дворянском доме на Вышгороде, где в честь высочайших особ был дан торжественный обед. Пётр, однако, вскоре его покинул вместе со свитой и направился в Ратушу, а Екатерина с фрейлинами осталась и танцевала на устроенном дворянством балу, который закончился фейерверком на Домском рынке напротив дома Шлиппенбаха⁵. В память о визите и о том, что Пётр сохранил дворянские привилегии, рыцарство заказало его портрет. Он находился в Гербовом зале резиденции эстляндского дворянства, а теперь экспонируется в Кадриоргском дворце.

Вечером царя чествовал магистрат, устроив в городской Ратуше торжественный ужин. Столик в голландском стиле, за которым Петру I сервировали блюда, стал реликвией и под названием «петровский» хранится в Таллинском городском музее⁶.

Накануне — 24 декабря — Пётр I с небольшой свитой посетил Дом Братства Черноголовых⁷. По свидетельству хрониста, он внимательно слушал старшину Черноголовых Й. Кааля, рассказывавшего об истории Братства. В качестве угощения гостям при этом подавали «лучшие Рейнские вина» и мускатель, который пришёлся Петру по вкусу.

⁵ Landrath Wrangell's Chronik von Ehstland. S. 95–96.

⁶ Куускемаа Ю. Указ. соч. С. 18.

⁷ Объединявшее холостых немецких купцов Братство Черноголовых было основано в Ревеле в 1399 г. Будучи полувоенной организацией до 1887 г., оно, среди прочего, выполняло функции городской самообороны. В 1522 г. Братство арендовало, а в 1531 приобрело у ратмана Й. Вианта жилой дом на нынешней улице Пикк (д. 26), который был реконструирован по проекту архитектора и скульптора А. Пассера (работы были завершены в 1597 г., по другим данным, в 1600 г.). Покровителем Братства считался африканец св. Маврикий, давший ему название.

Информационная доска
о доме В. А. Шлиппенбаха.
Фото Н. С. Андреевой.

Церковь Нигулисте.
Фото Н. С. Андреевой.

Царь со спутниками осмотрел коллекции портретов, старинного серебра и прочих древностей, собранных Черноголовыми. В особенности внимание его привлекли старинные кубки в виде большой и маленькой ноги косули. Изготовленные из дерева кубки и в самом деле заслуживали внимания — по своей форме они в точности воспроизводили ногу косули с копытцем и, как дань барочному натурализму, были обтянуты косульей шкурой. Высота самого большого из этих бокалов без крышки достигала 114 см⁸. Такая форма для кубков была выбрана не случайно и связывалась с легендой о происхождении названия города Ревеля.

По одной из легенд, охотясь в его окрестностях, датский король Вальдемар II подстрелил косулю, которая упала со скалы, что по-немецки звучало как «Rehe fall» [реэ фаль] и напоминало по созвучию название Ревель. Кроме того, эти кубки использовались, можно сказать, в ритуальных целях — при приёме в члены Братства Черноголовых, о чём речь пойдёт далее.

По свидетельству хрониста, подержав немного в руках старинную книгу Братства с автографами королей, принятых в число его членов, Пётр I сам пожелал вступить в него. При этом он потребовал, чтобы церемония проходила так, как принято у Черноголовых, в полном соответствии со старинным обрядом. Волю царя исполнили в точности. 26 декабря Пётр обедал у бургомистра Й. Лантинга и под вечер в сопровождении большой свиты придворных и «иностранных министров», как тогда называли дипломатов в ранге послов, прибыл в Дом Братства Черноголовых, чтобы вступить в его члены⁹.

В соответствии с обрядом старшина Черноголовых Кааль сперва велел слуге наполнить «лучшим пивом» большой бокал в виде ноги

⁸ Tallinna Mustpead / Koostajad J.Kreem, U.Oolup. Tallinn, 1999. Lk. 155–156.

⁹ Willigerod J. E. Ph. Das Schwarzenhäupter-Korps zu Reval. Reval, 1830. S. 26.

косули. Под марш, который играл на литаврах Лантинг, он проследовал наверх в зал, где находился царь. Взяв бокал у слуги, старшина просил царя снять с него крышку и под звук литавр и выстрелы шести пушек, поставленных на улице перед дверью дома, выпил его за здоровье царя. Затем бокал вновь наполнили пивом, и старшина поднёс его Петру I, который также под бой литавр и канонаду выпил за здоровье Братства, произнеся здравицу по-русски¹⁰.

После этого по тому же церемониалу под пушечную пальбу и бой литавр в члены Братства приняли всю царскую свиту. Затем всех угощали различными винами и «вареньями». В конце церемонии Пётр I вписал своё имя в заранее приготовленную новую книгу Братства и пожаловал ему 30 дублонов. Сопровождавшие царя также записались в неё и сделали свои пожертвования. Выразив удовлетворение визитом, царь напоследок выпил вместе со свитой по бокалу мускателя ещё раз за здоровье Братства и покинул дом¹¹.

В память о вступлении Петра I в члены Братства Черноголовых на подаренные им деньги в 1712 г. ревельский мастер П. В. Поллак изготовил серебряную копию бокала в виде ноги косули с российским гербом на крышке, высотой 55 см. Она сохранилась до наших дней и сейчас этот бокал можно видеть в экспозиции, в Серебряной кладовой церкви — музея Нигулисте¹².

Кроме того, начиная с 1714 г. у Черноголовых складывается ритуал торжественной встречи Петра I во время его приездов в Ревель, причём за пропуск этой церемонии по неуважительной причине устанавливался денежный штраф. Во время визитов других

Дом Братства Черноголовых.
Фото Н. С. Андреевой.

¹⁰ Ibid. S. 27.

¹¹ Ibid. S. 27–28.

¹² Куусемаа Ю. Указ. соч. С. 13.

Портал дома Братства Черноголовых.
Фото Н. С. Андреевой.

российских государей в Ревель, помимо торжественной встречи, Черноголовые несли охрану во внутренних помещениях царской резиденции — Кадриоргского дворца, где останавливались государи.

27 декабря Пётр побывал на свадьбе у горожанина Йоханна фон Миндена и похвалил ревельские свадебные обычаи. Но царь не стал далее задерживаться в Ревеле и прямо со свадьбы поспешил уехать в Петербург, где его ждали неотложные государственные дела.

Охотно общавшийся и с дворянством, и с горожанами, Пётр оставил по себе среди жителей Ревеля добрую память и множество легенд. В особенности дружеские отношения у него сложились с Лантингом и ратсгером Й. Хуком. Царь часто бывал у них, приезжая в Ревель. Этот город он посетил 11 раз, больше чем кто-либо другой из российских государей. Может быть, потому, что присоединённая Эстляндия стала для Петра I собственной Европой, которую он так любил посещать.

Гостеприимство жителей Ревеля, вероятно, сыграло не последнюю роль в том, что привилегии дворянства и бюргеров в 1712 г., наконец, были утверждены. Эти привилегии легли в основу местной остзейской автономии, которая с некоторыми ограничениями просуществовала вплоть до Февральской революции 1917 года¹³.

В целом, в ходе посещения Эстляндии царь познакомился с особенностями организации местного сословного самоуправления дворянства и бюргерства, которая должна была стать одним из образцов для вестернизации соответствующих российских институтов.

С военной точки зрения практическое значение имел осмотр Петром I крепостных сооружений Ревеля и его гавани, а знакомство

¹³ Подробно об этом см.: *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX в.

с местными древностями — с коллекцией городского арсенала и с «историческими редкостями» Братства Черноголовых имело существенное значение в плане знакомства с историей и культурой присоединённого региона.

Одним из важных результатов посещения Петром I Прибалтийских провинций в 1711 г. стало начавшееся с этого момента сотрудничество с местной элитой — с прибалтийско-немецким дворянством, которое определяло взаимоотношения имперского центра и Прибалтики на протяжении более чем 200-летнего периода их совместной истории. Таковы были военные, политические и культурные аспекты первого визита Петра в Эстляндию.

АРХИТЕКТУРА, ИСКУССТВО, ГАСТРОНОМИЯ

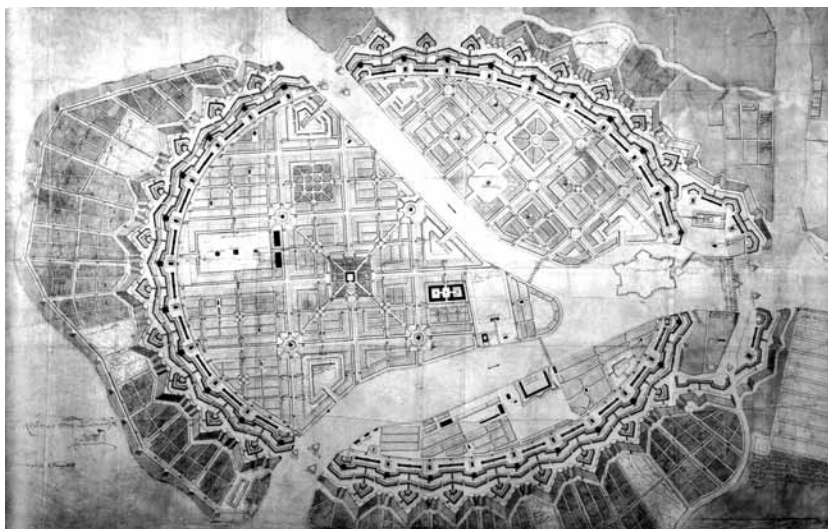
Сергей Васильевич Клименко
(Москва)

*Профессор кафедры истории архитектуры и градостроительства
Московского архитектурного института (государственной академии)*

Французская модель города в проектном плане Петербурга Жана-Батиста Александра Леблona 1717 года¹

В 1915 г. историк искусства и архитектуры В. Я. Курбатов следующим образом охарактеризовал значение деятельности французского архитектора Жана-Батиста Александра Леблona (1679–1719; Jean-Baptiste Le Blond) для русской архитектуры эпохи Петра I: его влияние «сказывалось, конечно, не только в указаниях и поправках при составлении проектов, но в значительной степени состояло из передачи тех теорий и стремлений, с которыми Леблон приехал

¹ Публикация подготовлена в рамках исследования, проводимого по гранту РФФИ (Научно-исследовательский проект № 15-04-00349а «От макета до виртуальной модели. Научные реконструкции в Истории архитектуры с учётом новейших технологий (на примере “классических” памятников архитектуры)».

Илл. 1. Генеральный чертёж Санкт-Петербурга.
Проектный план Ж.-Б. А. Леблona. 1717.
СПб филиал Архива РАН. Р. IX. Оп. 1. № 627.

из Парижа»². Своего рода квинтэссенцией переноса этих идей в русскую практику, выражением его теоретических представлений о городе, стал первый проектный план — «генеральный чертёж» Санкт-Петербурга, разработанный им в течение нескольких дней в начале 1717 г. по указу царя Петра I. Это один из самых известных в истории не только российского, но и мирового градостроительства замыслов. План стал частью, предложенной Леблонem обширной программы реорганизации системы управления архитектурно-строительной деятельности в городе, которая перед этим формировалась уже почти 15 лет (*илл. 1*). Анализу этого градостроительного документа в большей или меньшей степени уделено внимание во всех работах, посвящённых как истории застройки Петербурга, так и творчеству Леблona³. В этом ряду сравнительно немного публика-

² Курбатов В. Я. Теоретические работы Леблona // Архитектурно-художественный еженедельник. Пг., 1915. № 20. С. 229–233.

³ Обобщение и анализ историографии о творчестве Ж.-Б. А. Леблona проведено в фундаментальной статье Д. Ю. и И. Д. Гузевичей, А. Мезен и В. С. Ржеуцкого, подготовленной для издания «Французы в России в эпоху Петра Великого. Биографический словарь франкоязычных специалистов в русском обществе с 1682 по 1727 год». Благодарю авторов за возможность познакомиться с рукописью статьи о Леблоне. Это исследование аккумулировало значительный корпус

ций, специально рассматривающих петербургский план⁴. Практически всеми авторами отмечена художественная сторона самой градостроительной идеи, выразившейся в замечательной геометрической схеме проектируемого города и запечатлённой в выдающемся по своему графическому исполнению чертеже. В том числе поэтому проектный план Петербурга 1717 г. вошёл во все курсы истории русской архитектуры и градостроительства⁵.

публикаций о разных аспектах деятельности архитектора. Укажем только на несколько специальных работ о деятельности Леблona в целом: *Петров П. Н.* Материалы для истории строительной части в России: Обзор хода строительного дела, по источникам, до 1716 года [Ход строительного дела по архивным источникам до 1716 г.; А. Д. Меншиков как распорядитель построек (1710–1727); Генерал-архитектор Леблон (1716–1719)] // Журнал Министерства путей сообщения. 1869. Т. 12. Кн. 3. С. 98–128; *Соколов В.* Жан-Батист Александр Леблон (Leblond), Генерал-Архитектор // Русский архив. 1916. Т. 1, n°1–3. С. 326–341; *Тверской Л. М.* Наследие Александра Леблona и проблемы современного градостроительства // Труды института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Вып. 2. Л., 1970. С. 52–59; *Medvedkova O.* Jean-Baptiste Alexandre Le Blond, architecte 1679–1719. De Paris à Saint-Petersbourg. Paris : Alain Baudry et Cie, 2007.

⁴ Акцентируем внимание на ряде трудов, целиком посвящённых плану Петербурга 1717 г. или в которых его анализу отведено значительное место: *Базарова Т. А.* Генеральный план С.-Петербурга Ж.-Б. А. Леблona 1717 г. // Реликвия. 2004, № 2. С. 47; *Базарова Т. А.* Генеральный план петровского Петербурга: миф или реальность // Петровское время в лицах–2006. Труды ГЭ. XXXII: Материалы научной конференции, посвящённой 25-летию открытия экспозиции Эрмитажа «Дворец Меншикова. Культура России первой трети XVIII века». СПб.: Изд-во ГЭ, 2006. С. 39–47; *Грабарь И. Э.* Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках. СПб.: Лениздат, 1994. С. 83–85; *Калязина Н. В.* Архитектор Леблон в России (1716–1719) // От Средневековья к Новому времени: Материалы и исследования по русскому искусству XVIII–первой половины XIX века. М., 1984. С. 94–123; *Семенцов С. В.* Градостроительство Санкт-Петербурга в XVIII–начале XIX века: «Проектный» градостроительный пафос, «законодательное» обеспечение и «реальные» реализационные возможности. Т. I. Развитие территорий Приневья до основания Санкт-Петербурга. Развитие Санкт-Петербурга в XVIII веке. СПб.: СПбГАСУ. С. 166–168; *Семенцов С. В.* О «Генеральном чертеже Санкт-Петербурху» Ж.-Б. А. Леблona 1717 г. // Петровское время в лицах: Краткое содержание докладов научной конференции. СПб., 2000. С. 53–61; *Семенцов С. В., Красникова О. А., Мазур Т. П., Шрадер Т. А.* Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII века. СПб., 2004. С. 56–97; *Шилков В. Ф.* Архитекторы-иностранцы при Петре I // Русская архитектура первой половины XVIII века. Исследования и материалы / Под ред. академика И. Э. Грабаря. М.: Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1954. С. 144–152.

⁵ *Бунин А. В.* История градостроительного искусства. Т. 1: Рабовладельческий строй, феодализм, капитализм. Учебник. М.: Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1953. С. 351, 368; Градостроительство / члены-корреспонденты

Вместе с тем, «нежизненность» или даже «нереальность» предложенной Леблном планировочной схемы «идеального» города являлась ключевым выводом очень многих работ, а общая характеристика документа часто сводилась к оценке композиции плана «как воплощения идеальной модели города нового типа, какой разрабатывался в теории европейского градостроительства в эпоху Возрождения и в XVII столетии»⁶. На этом фоне единичны исследования, в которых предприняты попытки преодолеть категоричность тезиса о том, что план, как минимум, не учитывал созданного ранее в планировке города⁷. В этой связи необходимым направлением исследований должно быть изучение контекста, тех условий, в которых появился этот градостроительный документ. И если состояние Петербурга к моменту приезда Леблona в Россию и влияние местных условий на замысел архитектора стало предметом изучения во многих трудах, то взаимосвязь плана 1717 г. с градостроительством Франции, с теми теоретическими представлениями о развитии города, принципами организации архитектурно-строительной деятельности, которые были здесь, на родине архитектора, выработаны к началу XVIII столетия, ещё совершенно не выявлена. Реконструкция сквозь призму генерального плана Петербурга 1717 г. характера градостроительного мышления архитектора, пожалуй, может рассматриваться как важнейшая задача изучения его творчества на фоне гораздо более изученных других сторон профессиональной биографии Леблona, его проектов и построек, инженерных работ, вклада в развитие садово-паркового искусства, теоретических работ, причём не только в сфере архитектуры.

Сегодня нам очевидно, что существенное влияние на характер и принципы застройки Петербурга первых лет существования города оказало знакомство с Нидерландами, осуществлённое Петром I во время Великого посольства 1697–1698 гг. То, что именно привлекало внимание царя в архитектуре и градостроительстве Нидерландов,

Академии архитектуры СССР А. В. Бунин, Л. А. Ильин, Н. Х. Поляков, В. А. Шквариков, под редакцией В. Шкварикова. Учебное пособие. М.: Издательство Академии архитектуры СССР, 1945. С. 207, 220; *Саваренская Т. Ф., Швидковский Д. О., Петров Ф. А.* История градостроительного искусства. Поздний Феодализм. Учебник. М.: Стройиздат, 1989. С. 107–108.

⁶ *Гуляницкий Н. Ф.* Основание и градостроительное развитие новой столицы // Русское градостроительное искусство: Петербург и другие новые российские города XVIII — первой половины XIX в. / НИИ теории арх-ры и градостр-ва; Под общ. Ред. Н. Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1995. С. 175.

⁷ *Семенов С. В., Красникова О. А., Мазур Т. П., Шрадер Т. А.* Указ. соч.

Илл. 2. Голландская Аркадия. Вид усадьбы Эльзенбург на реке Вехт. Гравюра из издания: *De zegepraalende Vecht*. Amsterdam, 1719.

отмечено уже было не раз⁸. Достаточно указать на частое сравнение разработанных архитектором Доменико Трезини проектных планов Васильевского острова в Петербурге, прорезанного сетью каналов, с планировкой Амстердама. Оказало впечатление на царя посещение не только Амстердама, но и его окрестностей — «Голландской Аркадии» — с расположенными по берегам рек многочисленными загородными усадьбами⁹. Они стали прообразом цепи «увеселительных домов» по Петергофской дороге вдоль побережья Финского залива¹⁰ (илл. 2).

Достаточно очевидно, что доминирующим было внимание царя не к стилистическим особенностям архитектуры Нидерландов, а скорее к общим градостроительным схемам, техническим вопросам

⁸ Из изданий последних лет, посвящённых анализу архитектурных впечатлений Петра I в его европейских путешествиях, необходимо отметить монографию: Горбатенко С. Б. Архитектурные маршруты Петра Великого. СПб.: Историческая иллюстрация, 2015.

⁹ *De zegepraalende Vecht : vertoonende verscheidene gesichten van lustplaatsen, heeren huysen en dorpen, beginnende van Utrecht en met Muyden besluytende = La triomphante riviere de Vecht : remonstrant diverses veués de lieux de plaisances & maisons seigneurales & villages, commencant de Utrecht & finissant avec Muyden.* Amsterdam : By de Wed : Nicolaus Visscher, op den Dam, in de Visser, 1719.

¹⁰ Горбатенко С. Б. Петергофская дорога. Историко-архитектурный путеводитель. СПб.: Историческая иллюстрация, 2013.

строительства. Широко распространённое в этой связи указание на Амстердам как один из прообразов Петербурга в то же время заслонило, например, опыт создания в Голландии особого типа поселений на осушаемых территориях — польдеров (*polder*), активно возникавших с начала XVII в. Эти поселения, имевшие типовые планировочные схемы на основе протяжённых прямых улиц и каналов, пожалуй, специально никогда не рассматривались как один из возможных источников тех градостроительных идей, которые апробировались в ходе первых лет создания Петербурга и не только. Примерами таких поселений являются находящиеся к юго-западу от Амстердама Димермеер (*Diemermeer*), Харлеммермеер (*Haarlemmermeer*), а также расположенные к северу Вормер (*Wormer*), Пурмер (*Purmer*) и, пожалуй, самый известный голландский польдер — Бемстер (*Bemster*), созданный ещё в 1607–1612 гг.¹¹

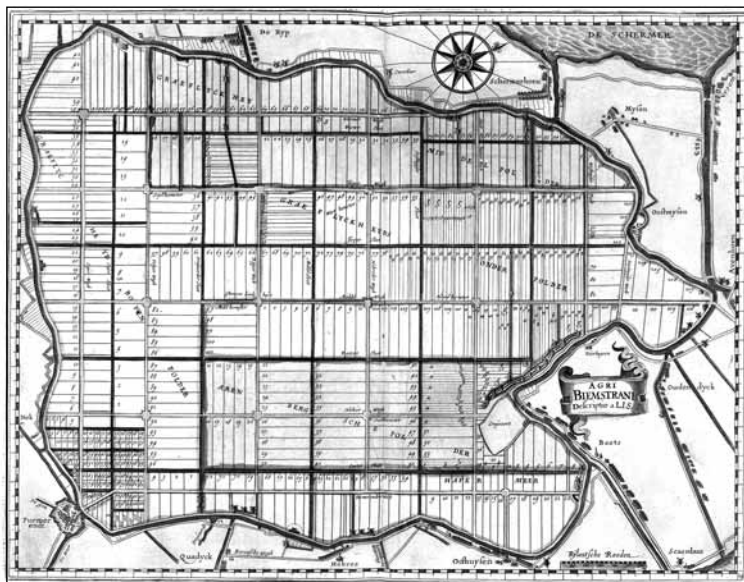
Можно предположить, что принципы планировки голландских польдеров были положены в основу проекта нового города на острове Котлин. Проектный план Васильевского острова 1723 г. напоминает скорее не фрагмент плана Амстердама в районе канала Херенграхт, на который требовал ориентироваться Пётр I, а, например, планировку Бемстера, представляющего, как и другие польдеры, прямоугольную сетку дорог и каналов. Таким образом, нидерландская модель может рассматриваться как основной источник градостроительных преобразований, проводившихся в Петербурге до второго путешествия Петра I в Европу, в начале которого и состоялось приглашение Леблona на русскую службу (*илл. 3, 4*).

Жан-Батист Александр Леблон приехал в Россию уже состоявшимся архитектором. Агент Петра I в Париже Жан Лефорт писал царю о Леблоне как о человеке, «пользующемся большим значением во Франции»¹². Архитектор — замечательный рисовальщик — был широко известен как практик и теоретик, благодаря своим реализованным проектам, а также публикации при его участии таких увражей как «Теория и практика садоводства» (1709)¹³ и «Исто-

¹¹ Клименко С. В. Архитектурная «модель» Нидерландов и её роль в русском градостроительстве Петровского времени // Наука, образование и экспериментальное проектирование: Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых учёных и студентов 6–10 апреля 2015 г. М.: МАРХИ, 2015. С. 60–61.

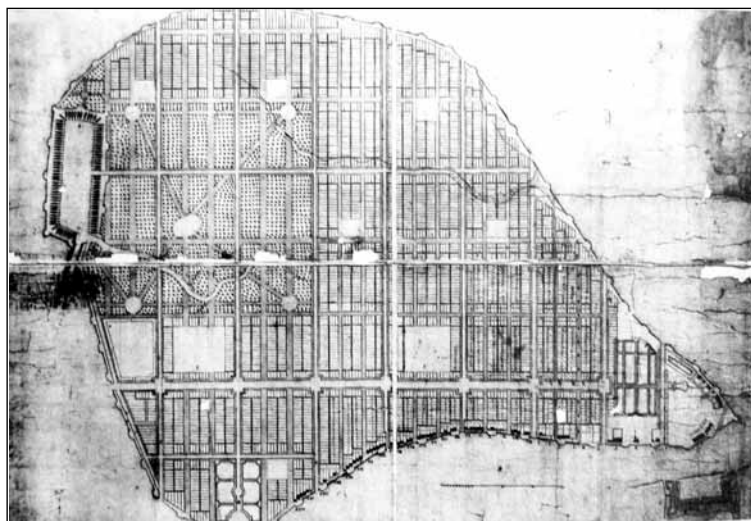
¹² Цит. по: *Калязина Н. В.* Указ. соч. С. 96.

¹³ *La Théorie Et La Pratique Du Jardinage : Où L'On Traite A Fond Des Beaux Jardins apellés communément Les Jardins De Propreté ... Contenant Plusieurs Plans Et Dispositions générales de Jardins ... ; Avec La Manière De Dresser Un Terrain ... / [Verf. Antoine Joseph Dezallier d'Argenville]. Paris : Mariette, 1709.*

Илл. 3. План полдера Бемстер (Bemster).

Из издания: *Blaeu J. Atlas Maior Sive Cosmographia Blaviana, Qua Solvm, Salvm, Coelvм, Accvratissime Describvntvr. Vol. 4. Amsterdam: Blaeu, 1665.*

*Илл. 4. План Васильевского острова. Чертёж Д. Трезини. 1723.
РГАВМФ. Ф. 3 — «Л». Оп. 34. Д. 2813.*

рия королевского аббатства Сен-Дени во Франции» (1706)¹⁴. Важнейшим его трудом было переиздание с дополнениями в 1710 г. известного «Курса архитектуры» Огюстена Шарля д'Авиле (Augustin-Charles d'Aviler) (1691)¹⁵.

В Петербурге Леблон получил исключительные полномочия, заняв должность генерал-архитектора (главного архитектора). Он сумел быстро оценить состояние дел в организации строительства в Петербурге и сформулировал «замечания» о текущих работах и способах их усовершенствования¹⁶. Его предложения по изменению управления строительством фактически можно рассматривать как механизм по реализации грандиозного замысла создания проектного плана, охватившего всю территорию города. Проектный план Петербурга был разработан Леблоном в начале января 1717 г., а в феврале направлен Петру I, находившемуся тогда в Голландии. Во Франции копия плана даже была подарена Петром регенту Филиппу II Орлеанскому. Проект нового «укрепления» российской столицы вызвал интерес в самых широких кругах. Французский посланник в Петербурге А. де Лави (Henry de La Vie) в одной из своих депеш дал такую характеристику проекту Леблона: «Г. Леблон приготовил новый план Петербурга со всеми предварительными работами, которые должны быть исполнены; план этот будет послан царю, и если он его одобрит, то город этот будет одним из самых правильных и укрепленных в Европе»¹⁷.

Выполнению непосредственно чертежа предшествовали разработанные Леблоном положения, раскрывающие его представления о проектируемом им городе. Его замысел был изложен в «Записке на

¹⁴ Histoire de l'abbaye royale de Saint-Denis en France ... par dom Michel Félibien. Paris : Leonard, 1706.

¹⁵ Daviler A.-C. Cours d'architecture : qui comprend les ordres de Vignole, avec des commentaires, les figures et descriptions de ses plus beaux bâtiments, et de ceux de Michel-Ange, plusieurs nouveaux desseins ... et tout ce qui regarde l'art de bâtir avec une ample explication par ordre alphabétique de tous les termes. Paris : Mariette, 1710. Этот «дополненный курс» был отправлен в Россию Ж. Лефортом под названием «Описание об архитектуре, которое сделал Давильер, а прибавил Ле Blond».

¹⁶ «Доношение о нерегулярном и худом сочинении, которое практикуется в строениях, повседневно производимых в С.-Петербурге», 20 окт. (9 ноября) 1716 г. (РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 696. Л. 64–65).

¹⁷ Сб. РИО. Т. 34: Донесения французских посланников и поверенных в делах при Русском дворе. Повеления правительства и отчёты о пребывании русских послов, посланников и дипломатических агентов, находившихся во Франции, с 1681 по 1718 год. Сообщено из архива Министерства Иностранных Дел в Париже. Ч. 1 / Напечатано под наблюдением А. А. Половцова, А. Ф. Бычкова и Г. Ф. Штендмана. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1881. С. 115.

предмет генеральной диспозиции проектов, созданных для строительства города Санкт-Петербурга» («Mémoire au sujet de la disposition générale des projets qu'on a fait pour la construction de la ville de Saint-Pétersbourg»¹⁸), которую можно рассматривать, по существу, как теоретическое сочинение о градостроительстве (или *embellissement de ville* — используя термин XVIII в.). Здесь архитектор сформулировал пять ключевых положений, которые и получили графическое выражение в разработанном им проектном плане. Эти положения, изложенные в виде глав, озаглавлены так: «Крепость», «Красота», «Удобство или общественное благо», «Твёрдость» и «Полисе или добрые регулы». В этих постулатах архитектор обращался к тем принципам, которые воплотились не только во французской теории, но и практике, в частности, в планировочных мероприятиях, осуществлённых в Париже и некоторых других крупных французских городах во второй половине XVII в., в проектах множества крепостей, разработанных по всей стране военным инженером Вобаном, а также в деятельности Службы Королевских строений (*Bâtiments du Roi*) и в связанной с ней системе мастерских, выполнявших проектные и строительные работы.

Во Франции в 1654 г. была учреждена для функций контроля новая самостоятельная должность *сюринтенданта по строительству* (*Surintendant des Bâtiments*)¹⁹, введённая наряду с существовавшей ещё с

¹⁸ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 696. Л. 69 и далее.

¹⁹ Перевод на русский язык «*Bâtiments du Roi*» также представляет определённую трудность, в связи с чем у разных авторов встречается разное написание этой королевской службы. Так, в русскоязычном издании труда Ж. Леврона название учреждения звучит как «Главный надзор за королевскими зданиями» (*Леврон Ж.* Лучшие произведения французских архитекторов прошлого / пер. с фр. К. П. Окунская, ред. А. В. Ефимов = *Grands travaux, grands architectes du passé. Collection architecture «Les Hommes» / Levron J.* Editions du Moniteur. М.: Стройиздат, 1986. С. 81). Но даже, учитывая разницу в написании, очевидно стремление исследователей точнее интерпретировать характер деятельности этой строительной организации — надзор или управление. В данной связи представляется необходимым предложить название, с которым могли бы согласиться исследователи. «Управление Королевских зданий» — представляется более точным. Для обоснования такого названия редакторы-составители сборника «Версаль и Марли: Сады Людовика XIV: Альбомы, подаренные Петру I герцогом д'Антенем в 1717 году» Д. Ю. Гузевич и И. Д. Гузевич в примечании к статье французского исследователя Б. Ренго приводят в качестве аналога существовавшее в России в 1832–1864 гг. «Управление путей сообщения и публичных зданий» (*Ренго Б.* Пьер Лепотр и рисовальщики Управления королевских зданий // *Версаль и Марли: Сады Людовика XIV: Альбомы, подаренные Петру I герцогом д'Антенем в 1717 году* / Ред.-сост. Д. Гузевич, И. Гузевич, Б. Бенц. СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2017. С. 182–199. С. 183).

XVI в. должностью «Первый архитектор короля» (Premier architecte du Roi). На должность сюринтенданта (управляющего) королевским строительством всегда избирались знатные и выдающиеся лица, покровители искусства. В 1699 г., благодаря особому королевскому расположению, её занял Жюль Ардуэн-Мансар (Jules Hardouin-Mansart), являвшийся одновременно Первым архитектором короля (до 1708)²⁰. В 1708—1736 гг. эту должность занимал герцог Л. А. д'Антен (Louis Antoine de Pardaillan de Gondrin, marquis puis duc d'Antin). По его разрешению в апреле 1716 г. Леблон с семьёй, сопровождающими лицами и группой из 35 мастеров отправился в Петербург.

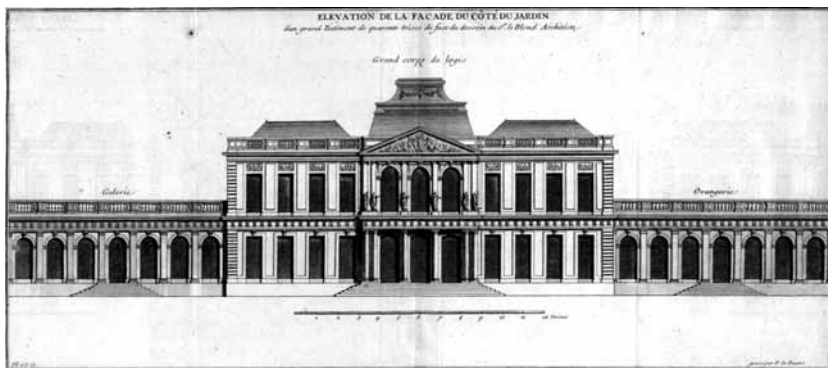
Первый королевский архитектор являлся прямым помощником сюринтенданта. В его обязанности входило генеральное проектирование для всех работ. На него также падала вся административная ответственность за их осуществление. Он заключал сделки с подрядчиками и ремесленниками, следил за поставщиками материалов, инспектировал стройки, принимал законченную работу и т.д. В подчинении Первого королевского архитектора находились интенданты и контролёры, чертёжники, генеральный инспектор, — это были лучшие из лучших архитекторов, чаще всего члены Королевской академии архитектуры.

Возложенный на Леблона круг обязанностей после приезда в Петербург естественным образом потребовал реорганизации всей строительной деятельности в создававшейся новой столице России. Это нашло отражение ещё в одной его записке от 19 ноября 1716 г. — «Доношении Леблона об организации управления строениями как практикуется во Франции»²¹. Здесь Леблон писал: в Петербурге «... не надо иметь столь много архитекторов. Король Французский много знатных строений строит, однако ж имеет одного архитектора». Не исключено, что свою роль на российской службе как главного архитектора Леблон соотносил с тем положением, которое занимал во Франции Жюль Ардуэн-Мансар — сюринтендант и Первый королевский архитектор.

В «Доношении...» Леблона о системе управления королевскими строениями во Франции были изложены его предложения по реорганизации всего строительного дела в Петербурге. В их числе — необходимость учредить в действовавшей с 1706 г. Канцелярии строений должность комиссара, создать единую архитектурно-проектную мастерскую, собрав под началом Леблона всех архитекто-

²⁰ Jules Hardouin-Mansart : 1646–1708 / sous la direction d'Alexandre Gady ; préface d'Andreas Beyer ; photographies de Georges Fessy. Paris : Éd. de la Maison des sciences de l'homme, 2010. P. 59–68.

²¹ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 10 «Л». Л. 100–109.

Илл. 5. Ж.-Б. А. Леблон. Проект большого особняка. Фасад со стороны сада.
Лист из издания: *Daviler A.-C. Cours D'Architecture ...* Paris, 1720.

ров, а также организовать систему мастерских для обеспечения строительного процесса по аналогии с королевскими мастерскими. Несмотря на многочисленные трудности в реализации своих замыслов, довольно подробно описанные в документах, Леблон организовал 19 мастерских (резьбы по дереву, столярную, камнерезную, литейную, слесарную и др.), пытался проводить регулярные совещания с находившимися в его подчинении архитекторами и мастерами, стремился наладить систему контроля (илл. 5).

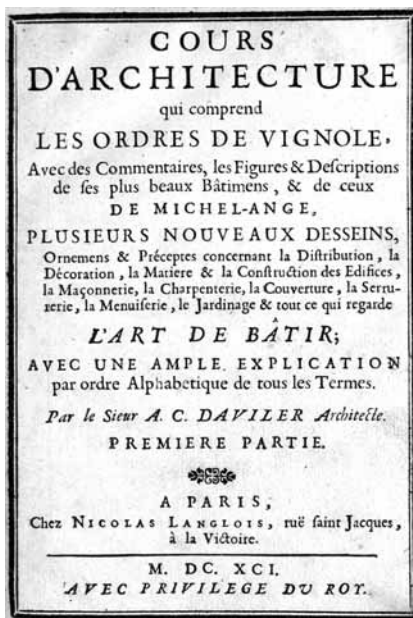
Описание Леблоном французской системы управления строительством вполне естественно заставляет задать вопрос — на что мог опираться архитектор, формулируя свои предложения? Прежде всего, это его собственная архитектурная практика в Париже. Он построил несколько отелей и создал ряд проектов, в которых особое внимание было уделено планировке и внутренней отделке помещений жилых домов. Ряд предложенных архитектором нововведений, направленных на максимальное удобство жилого пространства, касался внутренней организации не крупных дворцов, а рядовых городских домов. Леблон включил четыре собственных проекта рядовых (типовых) домов разной величины и чертежи с вариантами отделки парадных комнат в переизданный им в 1710 г. «Курс архитектуры» Огюстена-Шарля д'Авиле²². Д'Авиле — крупный теоретик

²² *D'Aviler A.-C. Cours d'architecture qui comprend les ordres de Vignole, avec des commentaires, les figures et descriptions de ses plus beaux bâtimens, et de ceux de Michel-Ange... et tout ce qui regarde l'art de bâtir, avec une ample Explication par ordre alphabétique de tous les termes / par le sieur A.-C. Daviler, architecte. Titre propre au deuxième tome : Explication des termes d'architecture. Paris : chez Nicolas Langlois, 1691.*

второй половины XVII в., первый пенсионер-архитектор Французской академии в Риме, создатель первого во Франции «Словаря архитектурных терминов», изданного в виде приложения к его «Курсу архитектуры». «Словарь» также был дополнен Леблоном при переиздании²³. Труды д'Авиле, многократно переиздававшиеся в XVIII в., и известные в том числе и в России («Курс архитектуры» имелся в библиотеке Петра I), не могли не оказать влияние на формирование Леблona как архитектора (илл. б).

Вполне естественным было знание Леблоном организации Службы Королевских строений, учитывая то обстоятельство, что д'Авиле, труд которого он переиздавал, с 1684 г. работал под началом Ж. Ардуэн-Мансара,

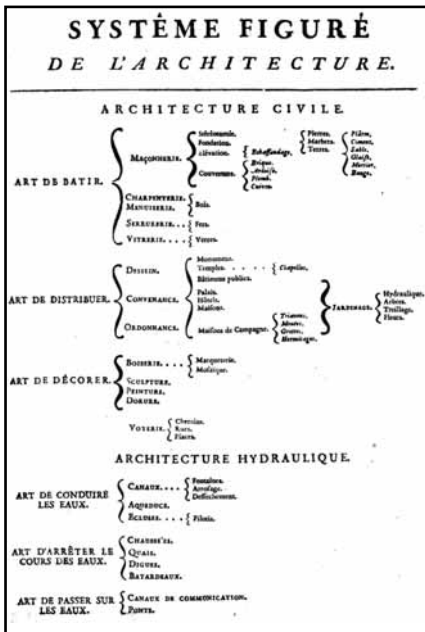
Первого архитектора короля, а в начале 1690-х гг. занимал должность королевского архитектора в Лангедоке — южной провинции Франции. Примечательно также, что д'Авиле свой теоретический труд по архитектуре издал с посвящением маркизу Франсуа-Мишелю де Лувуа (François-Michel le Tellier Marquis de Louvois) — с 1683 г. сюринтенданту Службы Королевских строений, искусств и мануфактур Франции. Леблон в переиздании «Курса архитектуры» д'Авиле сохранил текст посвящения маркизу Лувуа²⁴. В этой связи небезынтересно обратить внимание на то, что после вступления на русскую службу Леблон в документах назван, в том числе, «архитектором и директором строений, искусств и мануфактур».

Илл. б. Титульный лист издания:
Daviler, A.-C. Cours D'Architecture ...
Paris, 1691.

²³ *D'Aviler A.-C. Cours d'architecture : qui comprend les ordres de Vignole, avec des commentaires, les figures et descriptions de ses plus beaux bâtiments, et de ceux de Michel-Ange, plusieurs nouveaux desseins ... et tout ce qui regarde l'art de bâtir avec une ample explication par ordre alphabétique de tous les termes.* Paris : chez Mariette, 1710.

²⁴ *Verdier T. Augustin-Charles d'Aviler, architecte du roi en Languedoc, 1653–1701.* Montpellier : Presses du Languedoc, 2003.

Илл. 7. «Système figure de l'architecture».

Лист из издания: Dictionnaire d'architecture civile et hydraulique et des arts qui en dépendent ... — Paris: chez Charles-Antoine Jombert, 1755. P.XV.

(илл. 7). В предисловии к изданию Ш.-А. Жомбер подробно охарактеризовал значение и популярность труда д'Авиле, в том числе и значение созданного им терминологического словаря. В то же время издатель отмечал отсутствие в словаре д'Авиле, например, такой сферы строительства как гидравлическая архитектура, отмечая достижения в этой области, например, в трудах инженера Бернара Фореста де Белидора (Bernard Forest de Bélidor)²⁵. Он дополнил в связи этим словарь рядом гидротехнических терминов и представил всю систему архитектуры в схеме в виде двух составляющих: архитектуры гражданской и архитектуры гидравлической. Показанная Жомбером структура совпадает с подходами Леблона в реорганиза-

Французская система управления строительством, которую транслировал Леблон в подготовленных им в России записках и пытался создать в условиях другой страны, при всей её регламентации, в начале XVIII в. не была представлена в какой-либо графической форме. В 1755 г. в одно из очередных переизданий «Словаря терминов архитектуры» д'Авиле по инициативе издателя этого труда Шарля-Антуана Жомбера (Charles-Antoine Jombert) была включена графическая схема, получившая название «Système figure de l'architecture» (Изображение структуры архитектуры)²⁵. Эта схема позволяет точно реконструировать систему организации профессиональной архитектурной деятельности, сложившуюся при Людовике XIV

²⁵ Dictionnaire d'architecture civile et hydraulique et des arts qui en dépendent ... / par Augustin Charles d'Aviler... Paris : chez Charles-Antoine Jombert, 1755. P. XV.

²⁶ Bélidor B. F., de. Architecture hydraulique, ou l'Art de conduire, d'élever et de ménager les eaux pour les différens besoins de la vie. Paris : chez Charles-Antoine Jombert, 1737–1739. 2 vol.

Илл. 8. План Парижа. 1708.

ции строительства в Петербурге и выстраивании системы, аналогичной французской.

Итак, «Записка на предмет генеральной диспозиции проектов, созданных для строительства города Санкт-Петербурга», приложенная Леблонем к его плану Петербурга, включала пять глав, в которых были изложены основные положения его проекта. В этих постулатах фактически воплотились теоретические представления архитектора о градостроительстве (*embellissement de ville*).

Крепость. Леблон полагал необходимым создание укрепленной границы города и отделение территории собственно города от его предместий. В Париже уже во второй половине XVII в. на месте части средневековых укреплений по разработанному в 1676 г. архитекторами Франсуа Блонделем (François Blondel) и Пьером Бюлле (Pierre Bullet) плану были проложены «променады» (прообраз будущих больших бульваров), замкнувшие территорию города, если не в новых административных границах, то, во всяком случае, придали плану четкую форму. Въезды в город были парадно оформлены триумфальными арками. Тем самым была обозначена городская территория (Ville) и отделенные от неё предместья (Fauxbourg) (илл. 8).

Многочисленные крепости военного инженера и фельдмаршала Себастьяна Ле Претра де Вобана (Sébastien Le Prestre de Vauban) стали основой для показанной в проекте Леблона линии укрепле-

ний, окружившей Петербург, но, видимо, был учтён и голландский опыт строительства крепостей на низменных территориях. Такое деление зафиксировано на планах многих французских городов. Леблоном учтено было только расположение российской столицы близ моря, в связи с чем архитектор разработал систему шлюзов и каналов, призванных защищать город от регулярных наводнений. Заметим, что Леблон предложил другую конструкцию шлюзов, в отличие от разработанных ранее Доменико Трезини и Георгом Маттарнови, не учитывавших уклон Васильевского острова к морю.

Красота. Представления о красоте города, нашедшие отражение во французской архитектурной теории XVII в., были транслированы Леблоном в планировочной структуре Петербурга. Им был предложен регулярный характер планировки, но имевший не такой упрощённый характер, как в предшествующих проектах застройки Васильевского острова Д. Трезини. Леблон вводил регламентацию ширины улиц и их иерархию; разработал систему площадей с тщательно продуманной архитектурой формировавших их построек; принципы размещения дворца русского царя и общественных зданий; считал необходимым включением в общую структуру города публичных садов. Ключевым положением предложений французского архитектора являлся обязательный вынос за городскую черту огородов, кладбищ, госпиталей, богаделен. В совокупности это создало сложно, но гармонично организованный новый генеральный план новой российской столицы, которая должна была стать удобным для жизни городом.

Покой и удобство публичное. В этой главе рассматривались необходимость не только защиты от наводнений и противопожарных мероприятий, но и расселение жителей согласно их социальному статусу, подразумевая, что город предназначен для жизни дворян, купцов, военных, мастеровых, ремесленников; простые люди, как это было в Париже, должны были жить в предместьях.

Твёрдость — понятие, подразумевавшее долговечность сооружений, для чего необходимо обеспечить качество строительства и дальнейшее содержание в порядке всех построек в городе.

Полице или добрые регулы — это не только надзирающий орган — полиция, призванный наблюдать за реализацией сформулированных Леблоном положений, но ещё и правила, по которым всё это должно быть реализовано. В 1705 г. во Франции было начато издание четырёхтомного труда комиссара парижской администрации Шатле Николя Деламара (Nicolas de La Mare) «Трактата о полиции» (Traité de la Police), ставшего наиболее заметным европейским тру-

дом по истории и теории управления городом²⁷. В уваже автором широко были определены функции полиции — не только как органа поддержания порядка, но и как системы благоустройства города, как в административном, так и градостроительном отношении. Нельзя исключать знакомство Леблона с этим трудом, содержащим, например, очерк истории городского управления с древнейших времён, а также разделы об истории благоустройства городской жизни во Франции и истории градостроительного развития Парижа. В книге Деламара многие из предложенных Леблонем идей находят подтверждение. Это, например, сформулированные французским администратором требования к улицам, площадям, городским ансамблям, укладываемые в предлагаемую им регулярную модель города, соединённую с рекомендуемым властями образом жизни в нём, что должно контролироваться именно полицией (*илл. 9, 10*).

Несмотря на то, что первый проектный генеральный плана Петербурга 1717 г. так и не был реализован, заложенные в нём градостроительные идеи способствовали формированию новых представлений о городе в русской практике не только в Петровское время, но и в последующие десятилетия, когда отчасти замыслы Леблона были реализованы, например, в результатах деятельности Комиссии о Санкт-Петербургском строении (1737–1741) при императрице Анне Иоанновне. И. Э. Грабарь в этой связи отмечал, что Комиссией был принят ряд мер, «воскрешавших ряд забытых леблоновских пожеланий»²⁸.

Одним из самых убедительных свидетельств востребованности идей Леблона в 1730-х гг., пожалуй, стал разработанный в Комиссии под руководством архитектора П. М. Еропкина теоретический трактат-кодекс «Должность архитектурной экспедиции», к которому уже многие годы обращаются исследователи²⁹. Однако за рамками внимания остаётся тот существенный факт, что этот документ создавался, прежде всего, как «порядочная инструкция полиции», которая должна была контролировать реализацию предложений Комиссии по реорганизации архитектурно-градостроительной деятельности. Отмеченная выше роль полиции, вытекающая из предложений Леб-

²⁷ *La Mare N. de Trait  de la police , o  l'on trouvera l'histoire de son etablissement, les fonctions et les prerogatives de ses magistrats; toutes les loix et tous les reglemens qui la concernent... Tome premier. Paris : J. et P. Cot, 1705.*

²⁸ *Грабарь И. Э. Указ. соч. С. 111.*

²⁹ *Аркин Д. Русский архитектурный трактат-кодекс XVIII века // Архитектурный архив. Академия архитектуры СССР, Институт истории и теории архитектуры. М.: Издательство Академии архитектуры СССР, 1946. С. 7–100.*

Илл. 9–10. Проектный план Петербурга. 1717. Трёхмерная компьютерная реконструкция. Чертежи студентов МАРХИ Золотько О. С., Каминского В. А., Полевой А. Д. (научн. рук. С. В. Клименко). 2017.

лона в его плане Петербурга, даёт основание говорить о связи его рассуждений с работами Комиссии.

Разделение в 1737 г. при императрице Анне Иоанновне территории Петербурга на пять полицейских частей и, соответственно, установление чёткой границы города также можно рассматривать как развитие планировочных предложений, заложенных Леблонем в проектном плане Петербурга 1717 г. и привнесённых им в Россию из французской практики. Выстраиваемая таким образом логическая связь между проектами Ж.-Б. А. Леблона и теоретическими разработками П. М. Еропкина позволяет сделать предположение о влиянии и развитии идей французского архитектора при ближайших преемниках Петра I и в каком-то смысле о реализации французской модели города в ходе строительства столицы России.

Павел Владимирович Петров
(Санкт-Петербург)

*Заведующий отделом музейных исследований
Государственного музея-заповедника «Петергоф»*

Пётр I и королевская резиденция в Марли-Ле-Руа: К истории создания дворца и каскада Марли в Петергофе

Память о французской королевской резиденции в Марли хранит в себе западная часть Нижнего парка ГМЗ «Петергоф». Раскинувшийся на южном берегу Финского залива Петергоф с его дворцами, парками и фонтанами должен был, по замыслу императора, стать не просто его личной резиденцией наподобие Версаля или Марли, но и одним из великолепных символов торжества России на море в ходе Северной войны. Поэтому при возведении дворцово-парковых построек в Петергофе, помимо заимствования богатого французского опыта, соблюдались и русские традиции архитектуры. Не случайно известный отечественный искусствовед Б. Р. Виппер считал дворцово-парковый ансамбль в Петергофе «по существу мировосприятия и по своеобразному эстетическому воздействию <...> одновременно и европейским, и в высокой мере национально-русским»¹. Прежде чем перейти в истории создания ансамбля Марли в Петергофе, постараемся понять, каким образом у Петра I возник интерес к французской королевской резиденции Марли и вообще к французской архитектуре и парковому искусству.

¹ *Bunper B. P.* Архитектура русского барокко. М., 1978. С. 52.

Бенуа Ле Коффер. Портрет Петра I.
1716. ГМЗ Петергоф.

Говоря в целом об отношении императора Петра I к Франции и её культурным достижениям в XVII—начале XVIII в., нельзя не вспомнить его знаменитого изречения: «Добро перенимать у французов художества и науки; сие желал бы я видеть у себя...»². Известно, что ещё в ходе своего первого большого путешествия в Европу, предпринятого вместе с Великим посольством в 1697—1698 гг., юный царь желал посетить Францию³, но тогда этому воспрепятствовали политические обстоятельства. Вскоре началась грандиозная Северная война 1700—1721 гг., которая на долгие годы отвлекла внимание Петра I к французским делам. Однако, ког-

да в войне наметился решительный перелом после Полтавской победы 1709 г., и боевые действия против Швеции были перенесены на территорию противника, у царя появилась возможность посвящать больше внимания различным сторонам развития науки и культуры. И здесь Пётр не мог пройти мимо большого культурного опыта Франции, столь знаменитого по всей Европе.

Интерес Петра I к тем или иным сторонам человеческой деятельности формировался, прежде всего, из личных наблюдений, из рассказов других лиц, а также из разнообразной литературы. Всю жизнь царь собирал книги как на русском, так и на иностранных языках,

² Пётр Великий в его изречениях. Репринтное воспроизведение издания 1910 года. М., 1991. С. 100.

³ *Богословский М. М.* Пётр I. Материалы для биографии / Под ред. В. И. Лебедева. В 5 тт. Т. 2: Первое заграничное путешествие. Часть 1 и 2: 9 марта 1697—25 августа 1698 г. М., 1941. С. 552.

по самым разнообразным отраслям знаний. Собранная Петром Великим личная библиотека представляет собой важное явление в культурной жизни России первой четверти XVIII в. и позволяет судить о читательских интересах царя. Согласно исследованиям, книги на французском языке — а всего их 207 наименований в количестве 288 томов — в библиотеке Петра I составляют примерно восьмую часть собрания⁴. При этом важно проследить, какие именно книги из Франции стремился приобрести Пётр. И здесь можно видеть интересную картину. Первую и наиболее значительную группу книг образуют изда-

Жозеф Вивьен.
Портрет Жюля Ардуэна-Мансара.
Государственный Эрмитаж.

ния по военному и морскому делу, столь важные для царя в условиях создания регулярной армии и флота в России в начале XVIII в., — 46 и 16 наименований, это почти 30% всего французского собрания. На втором месте книги по архитектуре и садово-парковому искусству — 36 и 14 наименований, 24% от всего собрания⁵.

Это свидетельствует о значительном интересе Петра Великого к вопросам архитектуры и градостроительства, что подтверждается многочисленными документальными свидетельствами о его личном участии в проектировании и строительстве целого ряда архитектурных сооружений в России. И в первую очередь нужно сказать про личный вклад Петра I в создание дворцово-паркового ансамбля в Петергофе, где пригодились его наблюдения и знания, почерпнутые из французской литературы.

Какие же книги по архитектуре и садово-парковому искусству интересовали Петра I в его практической деятельности? В опубликованных описях книги личной библиотеки царя мы видим прежде всего фундаментальные труды выдающихся представителей французской архитектуры второй половины XVII—начала XVIII в., составленные архитектором Огюстеном-Шарлем д'Авиле «Курс архи-

⁴ Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории. Л., 1986. С. 30.

⁵ Там же. С. 30.

тектуры» в двух томах (Париж, 1693–1694) и 2-х томный словарь «Объяснение терминов архитектуры» (Париж, 1710), труд Андре Фелибьена «Архитектурные принципы, скульптура, живопись и другие виды искусства» (Париж, 1697), а также 2-х томный труд Себастьяна Леклерка «Трактат по архитектуре, с замечаниями и комментариями полезными для молодых людей, которые хотят применить к этому прекрасное искусство» (Париж, 1714)⁶. Особое внимание царя привлекали книги, посвящённые королевским резиденциям в Версале и Марли. Прежде всего нужно назвать замечательный альбом Жилия де Мортена «Планы, профили, возвышенности города и замка Версаля» (Париж, 1714–1715)⁷. Он фигурировал в описи книг царской библиотеки как «Книга французская, в ней рисунки, планы и профили строениям версальским»⁸. Помимо дворцово-паркового ансамбля Версаля в альбоме помещены планы и виды парка и дворца в королевской резиденции Марли.

Уже в ходе визита в Париж в июне 1717 г. Петру I были подарены герцогом Л. А. д'Антенем два роскошных альбома с акварельными планами, выполненными известным французским рисовальщиком и гравёром Пьером Лепотром⁹, посвящённые королевским дворцово-парковым ансамблям Марли и Версаля. Особо следует отметить альбом Лепотра о резиденции Марли — «Plans des Chateau et Jardin de Marly»¹⁰. Этот альбом значится в описи книг библиотеки Петра I как книга «О Марлинской каскаде»¹¹. В дальнейшем, при строительстве одноимённого ансамбля в Петергофе царь неоднократно обращался к данному альбому.

⁶ Французская книга в России в XVIII в. С. 31. Библиотека Петра Великого: Каталог в 2 т., 3 кн. Западноевропейские печатные книги. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2016. С. 372, 494. Кн. 2. С. 901–902, 966.

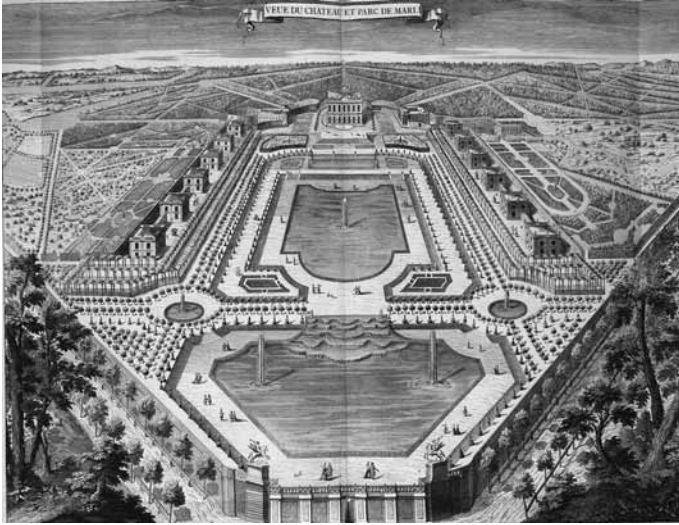
⁷ Французская книга в России в XVIII в. С. 31. Библиотека Петра Великого. Кн. 1. С. 301.

⁸ Библиотека Петра Великого. Кн. 2. С. 976.

⁹ Пьер Лепотр (1648–1716) — рисовальщик и гравёр Управления королевских зданий. В 1675 поступил на королевскую службу. В 1685–1699 сотрудничал с Рисовальным (чертёжным) бюро Королевских резиденций, в 1699–1708 работал в Управления королевских зданий, в 1708–1716 состоял под началом герцога д'Антена. См.: *Ренго Б.* Пьер Лепотр и рисовальщики Управления королевских зданий // Версаль и Марли: Сады Людовика XIV. Альбомы, подаренные Петру I герцогом д'Антенем в 1717 году. СПб.: Европейский Дом, 2017. С. 182–193.

¹⁰ Библиотека Петра I. Описание рукописных книг / Авт.-сост. И. Н. Лебедева. СПб., 2003. С. 223–224; Версаль и Марли: Сады Людовика XIV. Альбомы, подаренные Петру I герцогом д'Антенем в 1717 году. Париж; СПб.: Европейский Дом, 2017. С. 8–9, 66, 122, 169, 176–178.

¹¹ Библиотека Петра Великого. Т. 1. Кн. 2. С. 974.

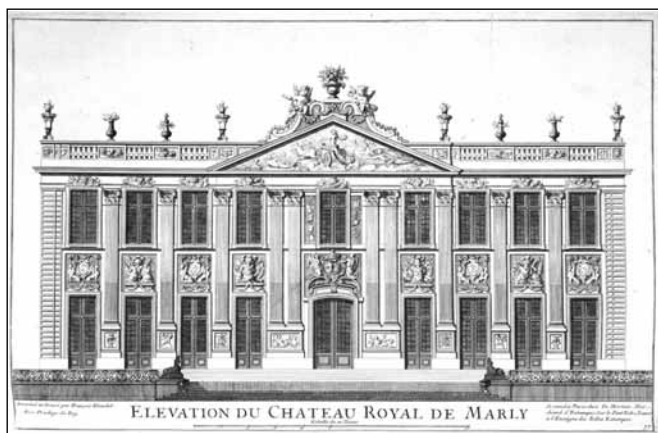
Вид на парк и дворец Марли.
Альбом Жюль де Мортена, 1714-1715.

Важную группу книг составляли труды по садоводству и парковому искусству. Здесь мы видим в составленных в XVIII в. описях книг такие издания, как «Новый план города, замка и огорода Версальского, на французском», «Разные партеры, огороды, комли, от Леблона, на французском», «Архитектура о огородном строении», «Всякие разные партеры и огороды французские», «Теория и практика огородов, которые называются “веселые огороды”, печатана в 1715 году, на французском», «Книга французская, в ней рисунки Шатилинским огородам, каскадам, фонтанам и прочим вещам», «Книга архитектура Маротова, в ней рисунки цветникам, и першпективам, штатуям, фонтаннам кашкадам и многих протчим строениям», «Грота Версальская», «Лабиринт Версальский» и другие¹².

Наконец, судя по библиотеке Петра I, его интересовали французские книги по гидротехническим и фонтанным сооружениям. Здесь следует упомянуть книги «О Марлинской каскаде», «О шлюзах и мостах», «О фонтанах», «Описание движимой причины и некоторые фонтаны и гроты от Саломе¹³ Декауса, на французском», «Водяная хитрость», «Исака Декаусовы водяные машины», «Октова Дестрада Росберг Мельничная и водоподнятия книга, на

¹² Там же. С. 967–968, 974, 976.

¹³ Вероятно, здесь имеется в виду Поль Суалем, фонтанный мастер.

Фасад дворца Марли.
Альбом Жюль де Мортена, 1714-1715.

французском»¹⁴. Столь пристальное внимание Петра I к трудам по гидравлике нашло объяснение в ходе его визита во Францию в 1717 г.

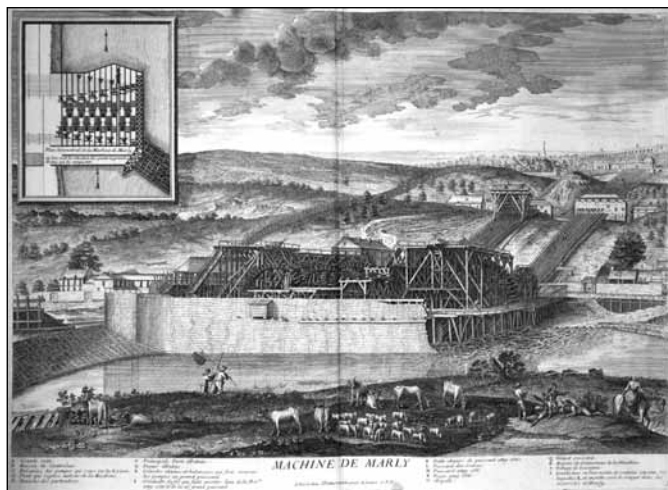
Знаменитый визит Петра¹⁵ протекал уже совершенно в иных условиях, нежели 20 лет назад, в ходе Великого посольства. Теперь царь ехал в Европу в статусе главы могущественного государства, победившего армию шведского короля Карла XII и решительно действовавшего в Польше и Померании против неприятельских войск. Отныне Россия стала важным игроком в европейских политических делах, и многие страны уже искали союза с ней. Пётр тщательно спланировал свой визит во Францию, подойдя к этому с практической точки зрения. Он чётко наметил для себя объекты для посещения и определил темы, которые его больше всего интересовали. Помимо большого количества официальных визитов первым лицам Франции, русский царь посетил те места, где рассчитывал получить необходимые ему сведения.

Одним из наиболее важных объектов во Франции для Петра I стала королевская резиденция Марли-ле-Руа. Важно подчеркнуть, что царь побывал здесь два раза и провёл в общей сложности пять дней — 15 (26) мая и с 27 по 30 мая (7–10 июня), отметив здесь свой день рождения¹⁶. Это весьма примечательно, учитывая беспокой-

¹⁴ Библиотека Петра Великого. Т. 1. Кн. 2. С. 968, 974.

¹⁵ Chronique generale du sejour de Pierre I en France // Marly, art et patrimoine. 2013. № 7. P. 13–16.

¹⁶ Камер-фурьерские журналы 1695–1817. В 100 т. Т. 4. 1716–1726. Факсим. изд. 1855 г. СПб., 2009. 1717 год. С. 17; *Гузевич Д., Гузевич И.* Хроника визита Петра I во Францию: апрель–июнь 1717 г. // Версаль и Марли... С. 148–149.

Водоподъемная машина Марли.
Альбом Жилия де Мортена, 1714–1715.

ный характер Петра и его страсть к постоянным переездам. При посещении Марли царя интересовали не только дворцовые постройки и обширный сад с его декоративным убранством (поскольку с этим он уже был отчасти знаком по книгам и гравюрам, присланным ему К. Н. Зотовым), но главным образом величественный водяной каскад «Река» и водоподъёмная машина, снабжавшая водой фонтаны Марли и Версаля¹⁷.

В первый раз Пётр посетил королевскую резиденцию Марли, расположенную в 7 км от Версаля, 15 (26) мая, уделив особое внимание осмотру водоподъёмной машины¹⁸. По свидетельству герцога Сен-Симона, царь провёл возле машины Марли целый день¹⁹. Проявленное царём любопытство объяснялось незаурядной конструкцией водяной машины, которой он уже интересовался двумя годами ранее. По тому времени это действительно было выдающееся гидротехническое сооружение, которому посвящали свои полотна многие художники. Построенная в 1680–1685 гг. на берегу Сены, в 8 км от Версаля, инженером из Льежа Реннекеном Суалемом водоподъ-

¹⁷ Мезин С. А. Пётр I во Франции // Версаль и Марли... С. 83.

¹⁸ Камер-фурьерские журналы 1695–1817. Т. 4. 1717 год. С. 16; Гузевич Д., Гузевич И. Указ. соч. С. 143.

¹⁹ Сен-Симон. Мемуары: Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве / Пер. с фр. Ю. Б. Корнеева. М., 1991. С. 366.

ёмная машина представляла собой плотину с 14 большими зубчатыми колёсами, приводящими в действие 259 помп, качавших воду из реки и нагнетавших её вверх по трубопроводу, проложенному по откосу берега. Вода затем поступала в водонапорную башню в Лувьсьене, находившуюся на высоте 126 м выше среднего уровня реки, а уже оттуда по акведуку длиной 643 м поступала в королевские резиденции Марли и Версаль. В целом машина Марли доставляла 5000 м³ воды в сутки²⁰. Согласно походному журналу Петра I, во время посещения резиденции и машины Марли «Его Величество многое срисовывал сам и делал свои замечания на всё, что видел»²¹. Герцог Ришелье также отметил особый интерес царя к устройству машины Марли²².

Второе пребывание царя в резиденции Марли было куда более длительным — с 27 мая (7 июня) по 30 мая (10 июня)²³. «Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии)» Петра I об этом сообщал так: «В 27 день его величество прибыл ис Треано в Марли, и тут был до 31»²⁴. По дороге из Версаля царь посетил дворец Кланьи, осмотрел большой акведук, а затем прибыл в Марли, где его интересовали фонтаны и каскады.

Дворцово-парковый комплекс Марли (Marly) в окрестностях Парижа и всего в 7 км от Версаля был построен в 1679–1684 гг. по заказу короля Людовика XIV архитектором Жюлем Ардуэн-Мансаром. Эта резиденция рассматривалась как своего рода камерная, неофициальная альтернатива парадной резиденции короля в Версале. Сюда приглашались наиболее близкие и доверенные лица короля. В дворцовый комплекс входили 12 симметрично расположенных небольших павильонов, связанных между собой липовыми берсо. Они предназначались для принцев, министров и придворной знати. Перед узкой стороной протяжённого бассейна находился квадратный в плане королевский дворец на поднятой террасе. Эта композиция была олицетворением 12 знаков зодиака и солнца, с которым сравнивал себя Людовик XIV. На склоне холма, к югу от дворца, в 1696–1697 гг. был сооружён величественный каскад из 52 ступеней

²⁰ *Nickler P.* Histoire de Marly des origines a 1914. Marly-le-Roi, 1996. P. 93–97; Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. 2. Оп. 3. Д. 95. Л. 6–7.

²¹ Журнал путешествия во Францию и пребывания в Париже Петра Великого в 1716 году // Отечественные записки. 1822. Т. 12. № 32. С. 324.

²² *Ришелье де.* Пребывание Петра Великого в Париже. Из записок герцога де Ришелье [Пер. П. Ар-в] // Телескоп. 1831. Ч. 2. № 5. С. 16.

²³ *Гузевич Д., Гузевич И.* Указ. соч. С. 148–149.

²⁴ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т. С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 617.

розового мрамора, по которым спускался поток воды. Водный каскад (или «Реку», как его называли современники) обрамляли портики и ряды статуй. Помимо большого количества бассейнов с фонтанами и скульптурами в парке Марли имелся специальный бассейн с карпами²⁵.

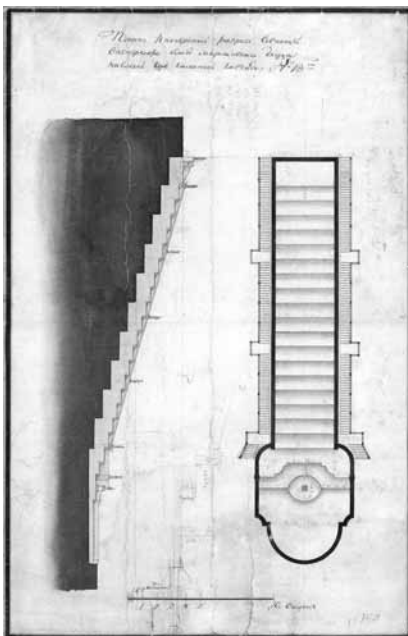
Особенно Петру I понравился бассейн и каскад Агриппины. Царь и его приближённые расположились в гостевых павильонах, находящихся ближе всего к «дворцу Солнца». Кульминацией этой увеселительной поездки был праздник, устроенный в саду Марли 30 мая (10 июня) по случаю 45-летия царя. Вечером были устроены фейерверк и иллюминация, после чего состоялся бал и ужин, которые продолжались до глубокой ночи. Пётр, которому праздник в его честь очень понравился, лёг спать в этот день очень поздно, вопреки своей привычке. Пётр остался доволен приёмом французской стороны и с большой похвалой отзывался в письме своей жене Екатерине о пребывании в королевской резиденции Марли²⁶.

Несомненно, что при строительстве ансамбля западной части Нижнего парка Петергофа Пётр I и его архитекторы внимательно изучали описания и изображения Марли, привезённые из Франции в 1717 г. В принципе, в петергофском ансамбле Марли позаимствованы лишь общие композиционные решения и отдельные элементы французской резиденции. При этом элементы декоративного оформления (каскад, фонтаны, искусственные пруды и пр.) были органично объединены с особенностями окружающей местности и традициями русского садово-паркового искусства (плодовый сад, голубятня и пр.). Таким образом, при планировании Марлинского участка Нижнего парка в Петергофе было принято за основу сочетание его декоративного и хозяйственного назначения.

Как мы помним, в композиции французского Марли вереницы гостевых павильонов вытянулись с двух сторон параллельно линии водоёмов, завершённой королевским дворцом. Основой же композиции петергофского Марли стал дворец, построенный между двумя специально вырытыми прудами в окружении регулярного сада, и каскад, расположенный перпендикулярно оси дворца и водоёмов. Важно отметить, что в случае с дворцом Марли определённый петровский стереотип планировки приморских объектов оказался на-

²⁵ Vues des jardins de Marly le roi jardinière. Paris, 1998. Pl. 7, 28–33. *Nickler P.* Op. cit. P. 86–90; *Le chateau de Marly sous le regne de Louis XVI.* Paris, 1996. P. 12.

²⁶ Камер-фурьерские журналы 1695–1817. Т. 4. 1717 год. С. 17; *Полуденский М. П.* Пётр Великий в Париже // Русский архив. 1865. № 5, 6. Стб. 13; *Мезин С. А.* Пётр I во Франции. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Европейский Дом, 2017. С. 73.

План и разрез каскада
Золотая гора. XVIII в.
Архив ГМЗ Петергоф.

северной — искусственный земляной вал с кирпичной подпорной стеной. Насыпной вал стал отличной точкой для обзора, ибо отсюда открывался прекрасный вид на Финский залив и одновременно — на каскад «Золотая гора». Таким образом, в соответствии с замыслом Петра I был создан отдельный Марлинский ансамбль Нижнего парка, в то же время связанный общей композицией со всем Петергофским ансамблем. А именно, от Марлинского дворца и пруда расходятся лучами три главные аллеи Нижнего парка — Малибанская, Марлинская и Берёзовая, что делало этот ансамбль одним из важнейших композиционных центров всей царской резиденции.

Сильно заинтересовавшая Петра водяная машина Марли, столь остро необходимая в условиях Версаля, в условиях Петергофа оказывалась невостребованной, поскольку русскому инженеру-гидравлику Василию Туволкову удалось иначе решить проблему доставки воды к фонтанным сооружениям Нижнего парка. Умело используя перепады местности в районе Ропши — Петергофа, инженер создал систему каналов и накопительных прудов. Благодаря этому вода естественным путём, самотёком поступала с Ропшинских высот в

рушенным — дворец не был связан с морем, как Большой петергофский дворец, дворец Монплеизир или павильон Эрмитаж. Наоборот, он был закрыт со стороны Финского залива специально сооружённым земляным валом, который защищает дворец и сад Марли от северных ветров.

В итоге получилась замкнутая с двух сторон композиция: в её центре на одной линии располагался Большой прямоугольный пруд и дворец Марли, а за ним — полукруглая чаша Секторальных прудов. Причём пруды имели как декоративное, так и утилитарное значение — в качестве садков для рыбы (как во французском Марли). Вдоль оси этих сооружений с южной стороны проходит высокий естественный уступ местности, а с

Петергофский фонтанный водовод. Уже к началу августа 1721 г. сооружение основного элемента системы — Ропшинского канала — было завершено, и он был подведён к Верхнему саду²⁷.

Что касается начала создания Марлинского ансамбля, то уже в 1719—1720 гг. по распоряжению Петра I архитектор Николо Микетти разработал проекты фонтанов и больших прудов, между которыми планировалось построить парадный павильон. Затем к строительству подключился немецкий архитектор Иоганн Фридрих Браунштейн, приехавший в Россию в качестве помощника известного архитектора Андреаса Шлютера в 1714 г. Начало сооружения ансамбля Марли относится к ноябрю 1719 г., когда по указу Петра началось

Фасад каскада Золотая гора и прилегающей части Нижнего парка. 1796 г. Архив ГМЗ Петергоф.

устройство Большого Марлинского (Прямоугольного) пруда. В документах Канцелярии городских дел сохранились рапорты комиссаров и мастеров, которым было поручено «под горою на морском берегу зделать пруд»²⁸. В августе 1720 г. царь распорядился сделать фундамент под «палатки маленькие» (т.е. дворец), а позади них, возле «приморского большого пруда» вырыть ещё и «малой пруд». Также царь приказал «подля горы насыпной сделать стенку каменную»²⁹. Итак, земляной вал, образованный отвалами земли из котлована Большого пруда, затем укреплялся кирпичной подпорной стеной длиной 120 сажень (255 м)³⁰. В дальнейшем в малые (секторальные) пруды по распоряжению Петра I были запущены карпы, как в одноимённой французской резиденции.

16 мая 1721 г. Пётр в указе потребовал: «в Питергофе между прудов палаты и подо всеми погребы со сводами, да стену каменную

²⁷ *Архипов Н. И., Раскин А. Г.* Петродворец. Л.; М., 1961. С. 161—162.

²⁸ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 7г. Л. 1, 1251, 1319.

²⁹ Там же. Оп. 4. Д. 810. Л. 2—3.

³⁰ Там же. Оп. 1. Д. 20. Л. 266.

у вала ... на готовом фундаменте в линию сделать вольными каменщиками и работными людьми из готовых государевых всяких материалов по чертежам архитектора Бронштейна и те палаты покрыть черепицею»³¹. 27 мая был заключён договор о постройке «палат между прудов и стенку вдоль вала на готовом фундаменте». Дворец предполагалось построить «в одно жильё», т.е. одноэтажным, крытым черепицей³². Строительство дворца велось быстро, уже 28 июля 1721 г. в рапорте в Канцелярию городских дел сообщалось о прибытии в Петергоф стекла в 5 ящиках, которое следовало использовать «на дела оконные», а также листового свинца «малым палатам которые меж прудами» и черепицы для покрытия крыши дворца³³.

Однако Пётр I, осмотревший ход строительства дворца Марли летом 1721 г., решил изменить первоначальный проект и приказал архитектору И. Браунштейну надстроить ещё этаж. Это сдвинуло сроки сдачи дворца, и только 14 октября 1721 г. подрядчик Я. Неупокоев сообщил в Канцелярию городских дел, что возведение стен дворца и подпорной стены у вала завершено³⁴. Однако существовала проблема устойчивости здания, ибо фундамент изначально рассчитывался на нагрузку одного этажа, о чём каменных дел мастер А. Кардасье в августе 1722 г. уведомил Канцелярию городских дел, что «в том потребном своде есть немалая опасность палатной тягости, о чем многократно ему господину Бронштейну словесно говорил»³⁵. В связи с этим мастер предложил сделать в погребе дворца «перемычные стенки» для лучшей остойчивости здания. Данное пожелание мастера Кардасье было учтено, и после освидетельствования в сентябре 1722 г. сводов погреба архитекторами Д. Трезини и Н. Микетти³⁶ подпорные стены весной 1723 в подвале дворца Марли были сделаны. Весь 1722 г. ушёл на отделку помещений.

В целом дворец Марли (первоначально в документах он именовался «малые палаты» или «приморские палаты») оказался небольшим по размерам и значительно уступал по масштабам одноимённому французскому дворцу. Впрочем, красота дворца заключалась не в пышности и роскоши, а в гармоничных архитектурных пропорциях и в простой, но изысканной отделке. В результате дворец

³¹ Там же. Л. 257.

³² Архив ГМЗ «Петергоф». Р-95а. Л. 12.

³³ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 20. Л. 342.

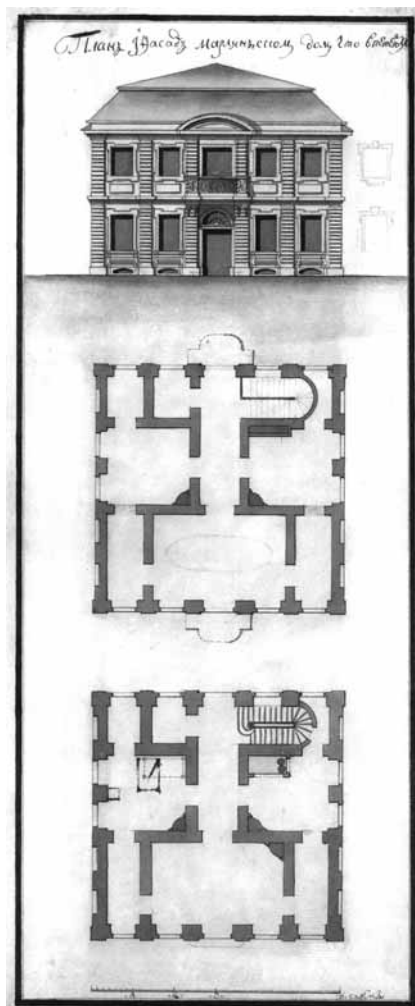
³⁴ Архив ГМЗ «Петергоф». Р-95а. Л. 13. *Архинов Н. И., Раскин А. Г.* Указ. соч. С. 133.

³⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 25г. Л. 1245.

³⁶ Там же. Л. 1245, 1249.

Марли получился достаточно скромным, схожим по типу с «образцовыми» проектами городских жилых домов, разработанными Доменико Трезини.

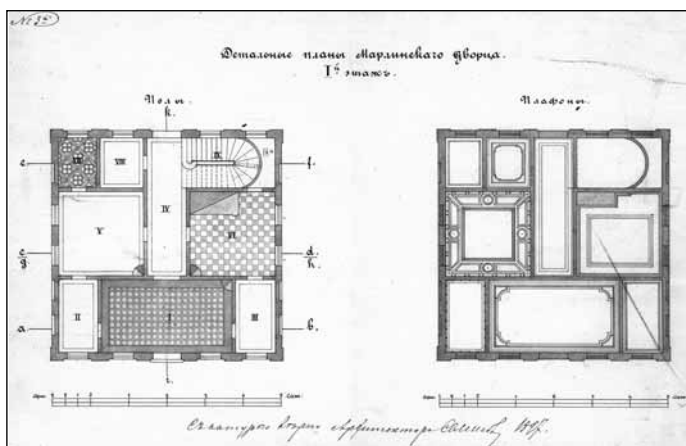
Каскад Марли (в ходе строительства он именовался «Большая Марлинская кашкада») по первоначальному замыслу Петра I должен был повторить французский аналог в резиденции Марли. Это царь прямо указывал в указе от 13 марта 1722 г.: «...кашкаду большую, что против пруда надлежит сделать во всем препорциею против кашкады Марлинской, которая против королевских палат, также и бассейн в нижнем ее конце, фонтаны в оном прямые и с боков такие же, как в Марли»³⁷. Общим между проектом Марлинского каскада, составленным Николо Микетти, и французским прототипом (каскад «Река» в Марли) являлась трактовка каскада как длинной водяной лестницы длиной в 24 ступени, завершённой верхней каменной стеной с маскаронами и статуями в верхней части и глубоким полуовальным бассейном внизу. Боковые стены, обрамлённые с двух сторон лестницами, скульптурой не декорировались. В бассейне, украшенном 6 вододействующими маскаронами, предполагалось разместить 5 водомётов менажерного типа различной высоты и толщины³⁸.

Дворец Марли
в Нижнем парке Петергофа.
Фасад, планы. Копия с чертежа
XVIII в. Архив ГМЗ Петергоф.

³⁷ Там же. Д. 376. Л. 747.

³⁸ Архив ГМЗ «Петергоф». Р-121а. Л. 4. *Архипов Н. И., Раскин А. Г.* Указ. соч. С. 137–138.

Дворец Марли в Нижнем парке Петергофа.
Планы 1-го этажа. 1897 г. ГМЗ Петергоф

Однако уже в первом проекте каскада, подготовленном Микетти, отсутствовали водомёты на ступенях. Также в Петергофе по сравнению с Марли-ле-Руа отличалось расположение статуй на каскаде — три статуи по длине аттика вместо двух на его флангах, а также статуи по сторонам каскада вместо группы статуй в бассейне у подножия ступеней. Кроме того, Пётр I в июне 1723 г. повелел установить вверху каскада скульптурную группу «Геркулес, поражающий гидру». По мысли царя, из 7 голов этой гидры должна была литься вода, стекавшая вниз по каскаду³⁹. Таким образом, царь хотел придать оформлению Марлинского каскада особый символизм, что напоминало бы о военном торжестве России в Северной войне (как и в случае со скульптурным оформлением Большого каскада⁴⁰). С весны и до конца лета 1723 г. все каменные работы на каскаде были завершены⁴¹, однако к моменту смерти Петра I строительство Марлинского каскада осталось незавершённым и скульптуру Геркулеса так и не установили.

В начале 1730-х гг. архитектор М. Г. Земцов возобновил сооружение каскада, при этом значительно изменив первоначальный проект Н. Микетти. В отличие от французского каскада Марли, в Петергофе акцент сместился с бассейна на водопадную лестницу. Ступени каскада были отделаны белым мрамором, а вертикальные

³⁹ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 376. Л. 753, 760.

⁴⁰ Архипов Н. И., Раскин А. Г. Указ. соч. С. 54, 137.

⁴¹ Архив ГМЗ «Петергоф». Р-121а. Л. 6.

Дворец Марли в Петергофе.
Современный вид.

стенки ступеней были покрыты золочёной медью, что сразу придало каскаду более парадный вид и дало ему второе название — «Золотая гора». Вместо спроектированного Микетти глубокого бассейна с водомётами и большим количеством скульптуры Земцов устроил неглубокий бассейн с невысоким кордоном. Также на аттике, венчающем каскад, и внизу у бассейна Земцов разместил 6 мраморных, а на парапетах лестницы — 2 свинцовые золочёные статуи. Лишь три маскарона медуз, изготовленные скульптором Б. К. Растрелли, делали аттик каскада «Золотая гора» немного похожим на аттик не сохранившегося каскада «Река» французского Марли⁴². В целом, Марлинский каскад в Петергофе стал вполне оригинальным творением отечественных архитекторов и мастеров.

Любопытно будет отметить, как сами французы оценивали построенный Петром I дворцово-парковый ансамбль Марли в Петергофе. Французский полномочный министр при русском дворе Жак де Кампредон в письме королю Людовику XV оставил описание петергофского Марли в ходе посещения 15 августа 1723 г.: «У самого Марли, нисколько не похожего на принадлежащий Вашему Величеству, имеется большой четырёхугольный пруд с двумя неоконченными палисадниками по сторонам. Не окончен также и маленький ручей или каскад, который царь устраивает здесь приблизительно в том же вкусе, как и в Марли, только гораздо меньшего размера...

⁴² Там же. Л. 8; *Архипов Н. И., Раскин А. Г.* Указ. соч. С. 138–140.

В доме восемь комнат маленьких внизу и столько же наверху, с прекрасными картинами, но без мебели... Царь показал, как устроены под водою погреба и бассейн, в виде веера⁴³, в отделениях коего размещены различные породы рыб...»⁴⁴. Как видим, французский дипломат отметил примерное внешнее сходство Марлинского каскада с французским прототипом и существенные отличия дворца Марли в Петергофе от такового в Марли-ле-Руа.

Созданный под руководством Петра I ансамбль западной части Нижнего парка лишь отдалённо напоминает несохранившийся французский дворцово-парковый комплекс. Стремясь создать у себя на родине аналог французского Марли, Пётр творчески переосмыслил понравившиеся ему идеи, отказавшись при этом от прямого копирования увиденной резиденции. Петровский ансамбль Марли существенно отличается от своего французского прототипа по своей композиции, масштабам и формам элементов. Гармония его пропорций выражена в соответствии между размерами маленького дворца и обширной плоскостью окружающих его водоёмов. Оригинальная двухосная композиция западной части Нижнего парка в Петергофе, критический отбор для неё иностранных декоративных форм и искусное сочетание их с элементами русских садов — всё это делает Марлинский дворцово-парковый ансамбль вполне оригинальным произведением искусства, отличающим его от французской резиденции.

Общим в концепции французской резиденции Марли-ле-Руа и петергофского Марли можно признать гармоничное сочетание водной глади бассейнов, окружающего ландшафта и архитектуры дворцовых построек. Другой общей чертой между французским и российским дворцово-парковыми ансамблями Марли стало противопоставление официальной, пышной резиденции и более скромного, уединённого места для личного отдыха монарха. Если во Франции это нашло своё решение в создании двух отдельных королевских резиденций — грандиозного парадного Версаля и более камерного Марли, то в Петергофе это было сделано в пределах одного дворцово-паркового ансамбля — на примере ансамблей Большого петергофского дворца и дворца Марли. Таким образом, Петру I удалось идеально вписать французскую идею в проект созданной им загородной царской резиденции, но в более скромных масштабах.

⁴³ Имеются в виду Секторальные пруды Марли.

⁴⁴ Сб. РИО. Т. 49. СПб., 1885. С. 372.

Борис Михайлович Соколов
(Москва)

*Профессор кафедры теории и истории искусства
факультета истории искусства
Российского государственного гуманитарного университета*

Наследие Андре Ленотра и французское путешествие Петра I¹

В 1638 г. вышел в свет «Трактат о садоводстве, сообразном с правилами природы и искусства» (*Traite du Jardinage, selon les raisons de la nature et de l'art*) смотрителя королевских садов Жака Буасо де ла Бародри, книга, которая пользовалась большим вниманием профессионалов и до 1707 г. выдержала шесть изданий². Автор подчёркивал, что выдающиеся сады может спроектировать лишь одарённый садовод, обладающий большой культурной и художественной подготовкой. «Подобно тому, как мы выбираем для своего сада деревце доброго происхождения, от хорошего черенка, с хорошо подрезанными корнями и здоровой породы, так берём мы и юного мальчика, с хорошим характером и разумением, сына хороших работников, не хилого, от которого со временем можно ожидать должной крепости телесной. Во время подготовки к ремеслу мы пожелаем обучить его читать и писать, рисовать и проектировать. Тогда через рисунок он приобретёт понимание и рассуждение относительно красоты предметов, кое есть основа механики. Я не требую, чтобы его отдавали учиться к живописцу либо скульптору, однако

¹ Работа выполнена в рамках проекта «История ландшафтного искусства в контексте национальных культур России, Запада и Востока: теория, практика, перспективы развития», грант РФФИ 18-012-00826.

² *Wimmer C. A. Geschichte der Gartentheorie. Darmstadt, 1989. S. 106.*

необходимо, чтобы он упражнялся в близких ему областях, готовясь к своему искусству, которое включает фигуры, листовенные узоры, морески и арабески, и т.д., из коих состоит обычный партер»³. Личность и творчество Ленотра полностью соответствуют этим высоким требованиям.

Андре Ленотр был садоводом в третьем поколении: его дед Пьер служил при Екатерине Медичи, а отец, Жан Ленотр, являлся главным садовником короля и вместе со своим семейством жил в саду Тюильри⁴. В этом доме 12 марта 1613 г. появился на свет будущий создатель «большого стиля» французского сада. Дата написания трактата Буасо де Бародри приходится на время, когда юный садовник Андре Ленотр начинал курс своего художественного образования. Знаменитый садовод хорошо знал мальчика и его семью, и возможно, что такую основательную подготовку, не типичную для карьеры садовника, Ленотр получил по его совету. Во время обучения в мастерской художника Симона Вуэ юноша познакомился с живописцем Шарлем Лебреном и гравёром Адамом Перелем, с которыми впоследствии тесно сотрудничал. Он получил и архитектурное образование (видимо, у Франсуа Мансара), что позволило Ленотру вводить в садовые проекты крупные и эффектные архитектурные формы, такие как террасы в Тюильри и Шантийи.

В 1635 г. Андре Ленотр упоминается как «садовник брата короля», а в 1637 его отец, уходя в отставку, передал сыну должность «первого садовника короля в саду Тюильри». Молодой садовый архитектор быстро заслужил хорошую репутацию, после смерти Людовика XIII сохранил свои должности, а к 1657 г. числился «главным надзирателем построек, садов, ковровых мастерских и мануфактур Франции». В 1657–1661 гг. Ленотр создаёт для министра Никола Фуке садовый ансамбль Во-ле-Виконт, а после опалы Фуке приступает, вместе с Шарлем Лебреном и Луи Лево, к созданию Версаля. В это же время Ленотр реконструирует сады Фонтенбло и Шантийи, заочно проектирует сад в Гринвиче для английского короля Карла II. Во всех этих проектах приходилось учитывать рельеф местности, создавать большие плоскости, лестницы и откосы. Ленотр использовал архитектурные и геометрические средства гораздо интенсивнее, чем какой-либо другой садовый мастер. Поэтому Людовик XIV часто советовался с ним по вопросам строительства, а в 1666 г. сделал его «советником короля в совете по

³ Цит. по: *Wimmer C. A.* Op. cit. S. 107.

⁴ *Hamilton Hazlehurst F.* Gardens of illusion. The genius of Andre Lenotre. Nashville, 1980. P. 1–2.

постройкам»⁵. Подобно Андреа Палладио, он стал «архитектором местности» и пересоздавал целые ландшафты. Именно архитектурные качества садов Ленотра сделали их образцами французского классицизма — системы, в которой архитектурные и ландшафтные качества прочно соединены друг с другом.

Садовые работы Андре Ленотра неравноценны. Причины менее удачных решений заключались прежде всего в условиях местности и ожиданиях заказчика. В Фонтенбло Ленотру пришлось создавать партеры и пруды на плоском рельефе, без возможности разбивки по высоте и организации перспективных видов. Единственный перепад рельефа — монументальная терраса и лестница над протяжённым каналом. Однако канал и терраса находятся далеко от замка и почти не связаны с его видами. Ещё труднее были условия в Шантийи. Принц Конде хотел окружить старинный замок не только широкими партерами, как в Во-ле-Виконте и Версале, но и придать величественный вид каналу, окаймляющему сады. Ленотр выделил в русле канала поперечную ось, продолжающую ось партера и террас, однако крупного и величественного масштаба здесь достичь не удалось. Очень сложным рельефом отличалось Со, имение премьер-министра Жана-Батиста Кольбера возле Парижа. Слева от протяжённого партера начинался крутой склон, с которого, перпендикулярно главной оси, спускался длинный каскад. Внизу Ленотр устроил два канала, которые до сих пор сохраняют свои крупные пропорции, но отдельные части парка не соединяются в единый ансамбль.

В королевской резиденции Сен-Клу Ленотру удалось связать разные уровни парка и разные оси гораздо удачнее, чем в Со. Главная часть парка расположена на плоскогорье, главная ось проходит у дворца и пересекается с поперечной короткой осью, создавая множество перспективных видов. По условиям местности каскад, ниспадающий к реке Сена, нельзя было расположить на главной оси парка. Его ось проложена правее и наискосок от дворца. Это расположение отделяло каскад от дворца, но позволяло видеть их в единой перспективе. Наиболее художественно значимыми ансамблями Ленотра стали Во-ле-Виконт, Версаль и Марли. Резиденция Никола Фуке представляет собой цельную, хорошо обозримую систему открытых партеров, обладает динамичной перспективой. С купола дворца и с дальней террасы видны геометрические построения, которые Ленотр включил в зрелище сада. Особенностью Во-ле-Виконт является большой поперечный канал, скрытый от взгляда в глубоком русле. При подходе к нему виден монументальный

⁵ *Hamilton Hazelhurst F. Op. cit. P. 3.*

каскад и широкие лестницы — сюрприз, который обнаруживается только во время прогулки. Эти особенности сада сильно отличают его композицию от ансамбля Версаля.

Центральная, наиболее эффектная часть парка Версаля представляет собой непрерывную видовую ось, которая начинается на возвышенности у дворца, ниспадает к фонтану Латоны, газону Зелёного ковра, приобретает горизонтальное направление у фонтана Аполлона и вместе с Большим каналом уходит в небо, к горизонту. Этот перспективный вид целиком обозрим с одной точки — у края Водного партера. Именно с этой точки показывает его и акварель А. Н. Бенуа «Версаль. Прогулка короля» (1987, ГРМ). Здесь эффект единого цельного вида, архитектурные и перспективные построения слились воедино.

Устройство Марли, частной резиденции Людовика XIV, чрезвычайно отличается от версальского. В Версале основой для перспективных композиций служит строгая поверхность песка, это сухая равнина в каменной раме. В Марли Ленотр предпринял огромные усилия для создания водного парка, хотя ресурсы воды здесь те же, что и в Версале (один резервуар на две резиденции, который наполняла водоподъёмная Машина Марли, качавшая воду из Сены). Впечатление обилия воды создаётся при помощи двух огромных бассейнов, которые занимают большую часть открытого компактного партера (похожего на партер Во-ле-Виконт). Центральную ось начинал каскад Река, расположенный на склоне холма, а затем внимание зрителя рассеивалось по обширным зеркалам бассейнов. Завершал композицию широкий каскад, украшенный конными группами.

Версальский парк и связанная с ним творческая манера Ленотра стали предметом многочисленных подражаний и вариаций. Можно выделить ряд «версальских» черт, часто применявшихся в европейских резиденциях:

1. Трёхлучие аллея (с обеих сторон дворца), длинная подъездная дорога или канал. Хотя три дороги в Версале предназначены для практического и символического соединения дворца с разными областями страны, были случаи, когда их обращали в сторону парка, как в баварском Нимфенбурге. Иногда трёхлучие (или пятилучие) было единственным признаком «версальской» темы в ансамбле (Хэмптон Корт в Англии, Эстерхаза в Венгрии, Рундале в Латгалии).
2. Город для придворных, устроенный при резиденции и обладающий перспективой роста. Площадь Армий в Версале повторена в

Нимфенбурге, а город Потсдам, новая столица Пруссии, был создан Фридрихом II вокруг дворца и парка Сан-Суси. Примерно по такой же схеме развивался город Гатчина.

3. Выраженная перспективная аллея по центру парка. Осевая аллея, продолжающая партер и организующая вокруг себя парк, играет важную роль в большинстве «Версалий» — среди них Сан-Суси, Архангельское, Кусково. В Нимфенбурге ось симметрии начинается длинным каналом, подходящим к дворцу со стороны города.
4. Богатство зелёной архитектуры, топиариев, статуй, ваз и фонтанов. Как правило, партеры и аллеи парков этого типа украшались чередующимися статуями и вазами — так было в Хет Лоо, Нимфенбурге, Людвигсбурге. Высокие шпалерные стены воспроизводились реже, поскольку такое решение требует точных и сложных перспективных построений. Шпалеры, стриженные пирамидки и пагоды устроил французский миссионер Жан-Дени Аттире в Саду утренней свежести в Пекине, евроазиатском парке, известном по гравюрам Аттире.
5. Лабиринт с аллегорическими статуями. Лабиринты с центральной статуей или башенкой были распространены в итальянских садах задолго до возникновения Лабиринта Версаля. Однако его аллегорический мир с тридцатью восемью фонтанами по басням Эзопа стал объектом особого подражания. Вероятно, под его влиянием созданы скульптурные группы в садах Файтсхёххайма в Германии, лабиринтом был украшен Сад утренней свежести в Пекине. Пётр I был настолько заинтересован этой формой, что велел создать лабиринт с «нишельными фонтанами» в Летнем саду и устроить фонтан на сюжет «Маленький спаниель и большие утки» в Петергофе.
6. Тема политического господства, выраженная в сюжетах статуй, особенно центральных фонтанов. В партерных садах версальского типа центральная статуя, как правило, отражала главное посвящение ансамбля. В Сан-Суси круг статуй четырёх стихий связан с натурфилософскими интересами его владельца Фридриха II, в шведском Дроттнингхольме Геракл, убивающий Гидру, символизирует военную мощь государства, в Шветцингене статуя Ариона на дельфине — силу искусства.

Гораздо реже воспроизводилась следующие особенности Версальского ансамбля:

1. Архитектурные ротонды (Театр, Колоннада) ввиду сложности их устройства и проблем совместимости с прямоугольным планом парка.

2. Единый перспективный вид на склон и дали от дворца — здесь партер и дальняя перспектива Архангельского представляют редкое исключение.
3. «Большой стиль» — крупные простые формы, масштаб частей и целого были самыми главными и трудными для воспроизведения качествами парка Версаля. Почти во всех «Версалиях» черты версальского ансамбля дополнены и раздроблены элементами итальянского барокко.

Историки русского искусства петровской эпохи давно указали на важнейшее значение, которое наследие Ленотра (садовод умер в 1700 г., а Пётр I приехал во Францию в 1717) оказало на ансамбли Петербурга и его окрестностей. Следует подчеркнуть, что в эту эпоху практически все работы современников и предшественников Ленотра были забыты либо не считались важными в художественном отношении, а парков Ленотра тогда можно было видеть гораздо больше, чем в наши дни (Марли, Сен-Клу, Сен-Жермен-ан-Ле, Медон). Пётр познакомился с книгой Антуана Жозефа Дезалье д'Аржанвиля, представляющей собой учебник по садоводству во французском стиле, в 1715 г., до своего визита во Францию. В это же время царь встретился с соавтором трактата, архитектором и рисовальщиком Александром Леблоном, и пригласил его к своему двору⁶. Из «Теории и практики садоводства» Пётр и его архитектурные сподвижники могли почерпнуть сведения о приёмах и формах французского сада, но никак не о мощи и величии ансамблей Ленотра. Однако царь к этому времени уже много знал о красотах и устройстве Версаля и Марли. В 1705 г. ему писал о резиденциях Короля-Солнца А. А. Матвеев, тогда же были получены книги и гравюры с видами Версаля и Марли⁷, в 1712 велись переговоры о приглашении для создания дворцов, фонтанов и садов архитектора Франсуа Мери, живущего «обычно в Марли», и в том же году была приобретена «модель палатному строению и с огородом дому версальскому», которая с тех пор стояла в токарной мастерской Летнего дворца. В партии архитектурных изданий, купленных в 1715 г., фигурирует «Практика господина Леблонда об огородах» — вероят-

⁶ *Theorie et pratique de jardinage*. Paris, 1709. Запись об отдаче в переплёт «Леблоновой огородной книги» и сведения о встрече с Леблоном относятся к пребыванию Петра в немецком городе Бад-Пирмонте в 1716 г. (*Горбатенко С. Б. Архитектурные маршруты Петра Великого*. СПб., 2015. С. 70).

⁷ А. А. Матвеев прислал царю книгу Ж. А. Пиганьоль де Ла Форса «Новое описание замков и садов Версаля и Марли» (*Piganiol de La Force J. A. Nouvelle description des chateaux et parcs de Versailles et de Marly*. Paris, 1701) и отдельные гравюры в 1705 г. См.: *Горбатенко С. Б. Указ. соч.* С. 155.

но, та, которую отдавали в переплёт в Пирмонте⁸. Таким образом, Пётр был подготовлен к личному знакомству с садами Людовика XIV, и оно должно было вызвать у него сильнейшие впечатления и переживания.

Знакомство Петра I с садами Парижа и его окрестностей проходило поэтапно. Первым ансамблем Ленотра, который он видел, стал сад Тюильри, в нём Пётр был несколько раз. Он отметил для себя и уходящий вдаль, за горизонт осевой проспект Елисейских полей, также проложенный Ленотром⁹. Посещение старинного сада Люксембургского дворца не оставило у Петра особых замечаний, а Королевский сад растений заинтересовал его своим наполнением, но не планировкой. 17 мая (здесь и далее даты по новому стилю) состоялся первый визит в загородную резиденцию — это был Медон. Согласно журнальному сообщению, «местоположение этого королевского дома и открывающиеся виды ему доставили ещё большее удовольствие, чем всё остальное»¹⁰. Речь идёт о ныне утраченном ансамбле Андре Ленотра с характерными для его «большого стиля» широкими перспективами. 23 мая Пётр посетил Сен-Клу, «и гулял в огороде до вечера, который огород весьма изрядный под Версалиею первый»¹¹. Его очень заинтересовали «игровые» воды, к которым, помимо высоких фонтанов, относится и знаменитый, сохранившийся до наших дней каскад. Формы его пологих массивных ступеней и нижнего бассейна, похожего на канал, были учтены при устройстве Большого каскада в Петергофе.

24 мая Пётр отправился в трёхдневное путешествие по Версалию и Марли. Первый, неполный день он посвятил осмотру дворца, а весь следующий провёл в садах, «для чего пущены были все фонтаны и прочие игровые воды; и был в доме королевском, называемом Триано, который стоит в правой стороне огорода Версальского; и гулял в баржах по Версальскому пруду»¹². Скорее всего, Пётр в начале своего пути побывал на главной видовой точке Водного партера и наблюдал панораму парка в утреннем, самом красивом, освещении. Затем он совершил прогулку по боскетам Малого парка и далее проследовал в гондоле по Большому каналу, как это много раз делал Людовик XIV. В парижском журнале сообщалось, что

⁸ Горбатенко С. Б. Указ. соч. С. 156.

⁹ С. Б. Горбатенко считает, что это решение повлияло на устройство перспективных проспектов Петербурга. Горбатенко С. Б. Указ. соч. С. 166.

¹⁰ См.: Там же. С. 171.

¹¹ Там же. С. 172.

¹² Там же. С. 173.

«фонтаны, боскеты, статуи и большой канал были для этого монарха самым удивительным зрелищем, какое только можно представить»¹³. Пётр делал в садах зарисовки и велел мерить «огород Версальский от полат до пруда». Помимо Трианона и его садов царь осмотрел Зверинец. На третий день, по словам мемуариста Л. Сен-Симона, Пётр «был очень занят Марли и машиной»¹⁴.

Вторая поездка Петра в Версаль и Марли была длительной (3–12 июня) и предпринята не только для изучения королевских резиденций, но и для наслаждения жизнью среди садов и фонтанов. На этот раз царь остановился во дворце Трианон, а затем несколько дней прожил в одном из гостевых павильонов Марли. В парке Марли он отметил свой день рождения с фейерверком и иллюминацией¹⁵. Отсюда он выезжал в Сен-Жермен-ан-Ле, чтобы осмотреть ещё одну утраченную ныне работу Ленотра — террасный парк, спускающийся к Сене.

Сразу после возвращения в Россию Пётр начинает применять новые знания, впечатления и материалы в строительстве имперских резиденций. Ещё задолго до этого он мечтал превратить крутой склон Лефортовского парка в террасы и каскады, проложить канал, по которому можно было бы доехать до Петербурга. Новым крупным замыслом стал ансамбль в Стрельне. В его проекте появились творческие вкусы А. Леблон. Он предложил устроить здесь широкий открытый партер, в котором перспективе и стремлению вдаль не было отведено существенной роли. Показательно, что и Леблон, и впоследствии С. Чиприани и Н. Микетти предлагали построить на острове, находящемся на главной оси, павильон-замок, однако Пётр распорядился иным образом, устроив там сосновую рощу с просекой, которая открывала вид на море. В 1716 г. Леблон планировал поставить в Стрельне на каскаде женскую статую, олицетворяющую Россию — прямую аналогию программным статуям на партере Версаля.

После разочарования в ансамбле Стрельны Пётр обращает все силы на воплощение лучших черт садового наследия Ленотра и Людовика XIV в Петергофе. Именно здесь воплощены многие из главных качеств французской резиденции — архитектурный масштаб, узкие длинные перспективные аллеи, деление на несколько парков со своими настройками и программами, единый вид от

¹³ См.: Мезин С. Пётр I во Франции // Версаль и Марли. Сады Людовика XIV. Альбомы, подаренные Петру I герцогом д'Антенем в 1717 году. СПб.: Европейский Дом, 2017. С. 81.

¹⁴ Горбатенко С. Б. Указ. соч. С. 175.

¹⁵ См.: Мезин С. Указ. соч. С. 54.

дворца на каскад, партер, канал и морские дали. Можно сопоставить особенности российского ансамбля с идеями, пришедшими из Франции:

1. В отличие от многих «Версалий», где копировали прежде всего план французской резиденции, в Петергофе создана эффектная пространственная композиция и использованы элементы всех трёх существующих садовых стилей — итальянского, французского и голландского.
2. Петергоф — ансамбль из трёх парков, в каждом из которых используются элементы разных садовых культур: центральный парк (Франция и Италия), Монплеизир (Голландия), Марли (Франция и Голландия).
3. В начале работ Петергофский парк представлял собой сочетание разнородных элементов; Леблон увеличивает масштаб (Морской канал расширен в четыре раза), выправляет соотношения (создан обширный «итальянский» каскад над Большим гротом), закладывает продолжение оси по Самсоньевскому водоводу.
4. Пётр I проявляет особый интерес к Марли (водные зеркала, каскады), к каскаду в Сен-Клу; в Петергофе французская водная система дополняется итальянскими чертами (водные игры, бурные потоки).
5. На перекрещении осей, наподобие Фонтана Латоны в Версале, стоит программная статуя — Самсон «со львом свейским».
6. В Петергофе пересекаются две длинные оси, продольная продолжается Нижней Петергофской дорогой; Версальское трёхлучие идёт от бассейна Марли.
7. От проектов Лефортовского парка до воплощенного ансамбля Петергофа идёт усложнение каскадной системы, усиление продольной оси парка, то есть приближение к идеям Ленотра.

Хорошо спланированная и согласованная с рельефом местности ось архитектурного ансамбля создаёт основу для дальнейшего его развития. Перспективная дорога от сада Тюильри, поднимающаяся на холм и далее идущая под уклон, проложена Андре Ленотром в конце XVII в. Впоследствии на этой дороге появились Елисейские поля, Арка Звезды и Арка Дефанс, а созданную Ленотром ось стали называть Большой Перспективой Парижа. Сходным образом, ось Самсоньевского канала в эпоху Николая I стала основой для новой цепи парков, озёр и деревень — первого образцового культурного ландшафта в России.

Александр Сергеевич Белоусов
(Санкт-Петербург)

*Специалист по музейным исследованиям
Государственного музея-заповедника «Петергоф»*

К вопросу датировки собственноручных рисунков Петра I по планировке Петергофа

Коммеморативные практики последних лет (юбилеи Полтавской баталии, Гангутского сражения, путешествий Петра I в европейские страны и т.д.) актуализируют петровское наследие и дают возможность по-новому взглянуть на весь накопившийся источниковедческий и историографический материал этого исторического периода.

Данное исследование не претендует на решение фундаментальных вопросов петергофской историографии и является лишь попыткой по-новому взглянуть на вопрос датировки собственноручных рисунков Петра I, хранящихся в фонде № 9 («Кабинет Петра I») Российского государственного архива древних актов¹. Их уникальность как источника состоит в том, что они не только демонстрируют планировку Петергофа 1710–1720 гг. в общих чертах, но и отражают основные тенденции формирования петровской резиденции и непосредственное участие Петра I в процессе строительства.

Впервые опубликованные в 1953 г. В. Ф. Шилковым, старшим научным сотрудником Отделения теории и истории Ленинградского филиала Академии архитектуры СССР, рисунки не раз привлекали исследователей ранней истории Петергофа и русской архитекту-

¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Д. 57. Л. 587, 595а, 611.

ры XVIII в.: Н. И. Архипова, А. Г. Раскина, И. Э. Грабаря и других. Так, В. Ф. Шилков в своё время предпринял попытку установить дату создания рисунков на основе анализа их композиционных элементов и сопоставления различных нарративных источников. Н. И. Архипов, А. Г. Раскин и И. Э. Грабарь в своих трудах ограничились только расположением рисунков в хронологической последовательности. Отдельно хотелось бы подчеркнуть вклад С. Б. Горбатенко, выявившего и опубликовавшего множество новых документов по истории Петергофа, которые позволили ему предложить собственную трактовку истории создания дворцово-паркового ансамбля и соответственно датировку петровских рисунков.

Рисунки следует рассматривать в устоявшемся в историографии хронологическом порядке. Первым собственноручным рисунком Петра I считается схематичный план Нижнего парка с экспликацией, на котором отмечены: два канала по сторонам центральной перспективы, т.е. нынешнего морского канала с Г-образной гаванью на конце; площадка для строительства или сами Верхние палаты; валы по границам парка; вероятная площадка для строительства Монплезира², впервые определённая С. Б. Горбатенко³.

Исследователи датируют данный рисунок по-разному: В. Ф. Шилков — 1709–1710 гг.⁴; С. Б. Горбатенко относит этот рисунок к середине 1710 г., утверждая, что он предшествовал инструкции Петра I А. Д. Меншикову от 13 января 1711 г.⁵ Н. И. Архипов, А. Г. Раскин, И. Э. Грабарь отмечали лишь самый ранний характер этого рисунка на основе анализа композиционных деталей и считали его первым среди петровских эскизов Петергофа.

Водяной знак данного рисунка представляет собой Герб Амстердама с пьедесталом без каких-либо литер, что усложняет датировку филиграни. Эту филигрань можно только отнести к девятому классу, по классификации Т. В. Диановой, которая объединяет водяные знаки, характерные для конца 1680-х гг. и первой половины XVIII в.

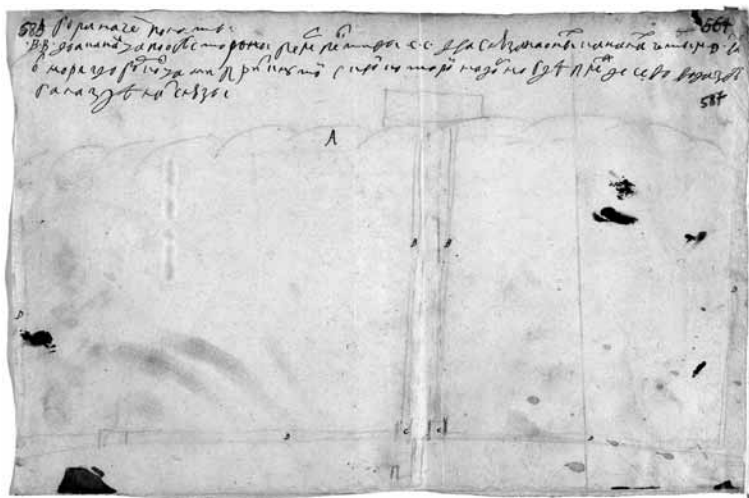
Исходя из текстологического анализа экспликации, можно утверждать, что на момент создания рисунка уже существовали «валы от моря и до горы», потому что в словосочетании «вода забегала» используется прошедшее время, а «зделать слюзы» носит приказной

² Там же. Л. 587.

³ *Горбатенко С. Б.* Новые страницы ранней истории Петергофа // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. М.; СПб., 1993. С. 151.

⁴ *Шилков В. Ф.* Четыре рисунка Петра I по планировке Петергофа // Архитектурное наследство. Л.; М., 1953. Вып. 4. С. 37.

⁵ *Горбатенко С. Б.* Новые страницы ранней истории Петергофа. С. 151.

Собственноручный рисунок Петра I по планировке Петергофа.
1711–1714. РГАДА.

характер. По поводу остальных изображённых элементов нельзя с высокой долей уверенности утверждать, существовали ли они уже на момент создания рисунка или только предполагались. Также при внимательном изучении изображения можно разглядеть плохо просматривающуюся и практически стёршуюся будущую монплезирскую аллею, которая подтверждает гипотезу С. Б. Горбатенко об отмеченной на рисунке строительной площадке Монплезира.

Вышеперечисленное позволяет определить границы датировки. Конечной датой следует принять 2 мая 1714 г., когда Пётр I издаёт указ о строительстве Монплезира, или 29 мая 1714 г., основываясь на письме Петра I А. Д. Меншикову, в котором упоминается морской канал⁶. Начальной датой создания можно считать инструкцию Петра I Меншикову от 13 января 1711 г., в которой он пишет следующее: «также нижнюю рощу осушить»⁷, т.е. упоминается о необходимости проведения работ в Нижнем парке или вблизи него. Следовательно, данный рисунок был создан в промежутке между 1711 и 1714 гг.

Следующий рисунок представляет собой чертёж Петергофа с пометками Петра I о необходимых работах. Он более детален, чем предыдущий. На нём прорисованы границы Верхнего сада, накопи-

⁶ Материалы для истории Гангутской операции. Пг., 1914. Вып. 1. Ч. 2. С. 88.

⁷ ПиБ. М., 1962. Т. 11. Вып. 1. С. 34.

тельный пруд, отмечены Монплезир и Нагорные палаты, рвы, каналы Нижнего парка⁸.

В. Ф. Шилков датирует это изображение 1713–1714 гг.⁹ Иной вариант предложил С. Б. Горбатенко. На основе соотношения экспликации на рисунке и «Описания в 10-ти пунктах, что и как ныне исправлять в Питергофе», он приходит к мнению, что изображение было создано в ноябре 1715 г.¹⁰ Также оба автора отмечают схожесть этого петровского рисунка и его предшествующий характер с планом Петергофа, составленным И. Ф. Браунштейном в 1716 г.¹¹

Водяным знаком бумаги является вновь Герб Амстердама иного типа, нежели на первом изображении, но относящийся к тому же классу, с литерой в виде «АРС». Датировать представленную филигрань представляется затруднительным из-за отсутствия информации в справочной литературе.

Следовательно, для уточнения времени создания рисунка следует обратиться к текстологическому и сравнительному методам. При анализе текста экспликации нужно обратить внимание на упоминание «старых рвов вокруг огорода», т.е. к моменту создания данного рисунка они уже существовали. Впервые идея окружения Верхнего сада рвами была предложена французским архитектором Ж.-Б. А. Леблонем, который в донесении Петру I от 4 января 1717 г. после осмотра Петергофа 1 ноября 1716 г. предлагает окружить Верхний сад рвом: «Ввиду нежелательности, чтобы такой небольшой сад, как сад Петергофского дворца, на верхней террасе был бы заключён в стены, я счёл нужным окружить его рвами, чтобы не заслонять общий вид»¹². Также там упоминается о том, что Ж.-Б. А. Леблон осматривал две речки рядом с Петергофом, которые предложил использовать для снабжения будущих фонтанов водой. Смело можно утверждать, что французский архитектор осматривал данные речки совместно с немецким инженером-гидравликом Шицом, прибывшим в Петергоф в 1715 г.¹³ и упоминаемым Петром I в экспликации рисунка следующим образом: «надлежит сделать поперек леса пруд большой где сбираться воде и провести в оное обе речки кои Шиц осматри-

⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Д. 57. Л. 595а.

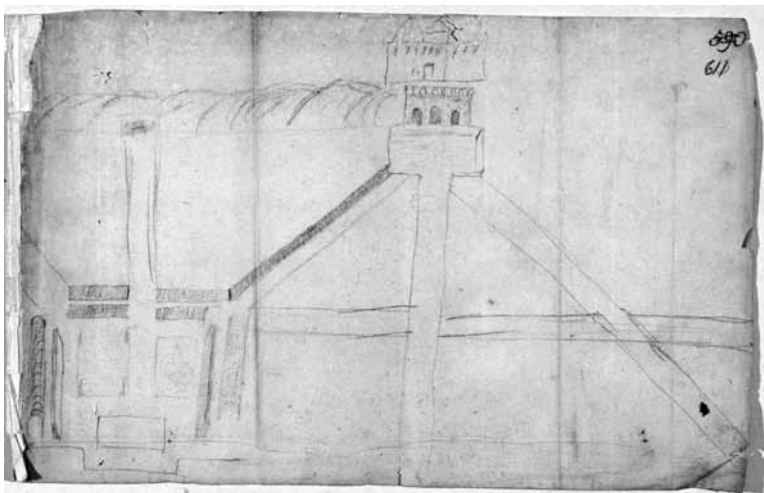
⁹ Шилков В. Ф. Указ. соч. С. 37.

¹⁰ Горбатенко С. Б. Новые страницы ранней истории Петергофа. С. 154.

¹¹ Браунштейн И. Ф. Верхний и Нижний сады в Петергофе. Россия. 1716. ГЭ. ОР-516.

¹² Архитектор Ж.-Б. А. Леблон в Петергофе // *Архипов Н. И.* Исследования по истории Петергофа. СПб., 2016. С. 145–146.

¹³ *Грaбарь И. Э.* Глава третья. Основание и застройка Петербурга // Русская архитектура первой половины XVIII века. М., 1954. С. 114.

Собственноручный рисунок Петра I по планировке Петергофа.
1715–1716. РГАДА.

вал»¹⁴. Также нужно учитывать, что созданный И. Ф. Браунштейном в 1716 г. план Петергофа являлся только проектом дворцово-паркового ансамбля, к которому позже предлагались изменения того же Леблона. Дополнительно следует привести письмо Петра I от 29 марта 1717 г.: «Воду проводить и плотину делать на речках против Леблонова проекта, а прудов, где копать воду, до мен не делать же»¹⁵.

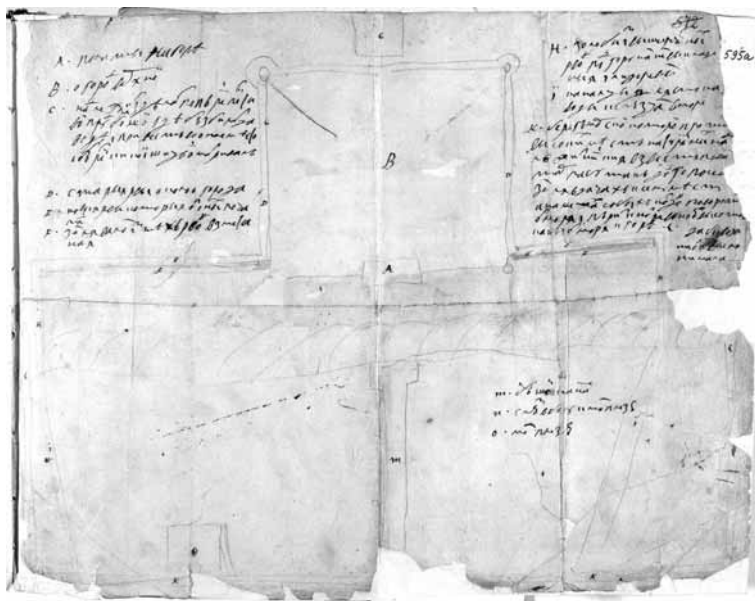
Если бы рисунок Петра I был предтечей плана И. Ф. Браунштейна, то архитектор с высокой долей вероятности отметил бы на плане вышеупомянутый пруд для сбора воды. Хотя данный пруд и упоминался в «Описании в 10-ти пунктах, что и как ныне исправлять в Питергофе», но он был отмечен Петром специальным знаком, который указывал, что данный пункт не требует выполнения летом 1716 г.¹⁶ Следовательно, Пётр I в это время находился ещё в размышлениях по вопросу источника снабжения фонтанов водой.

Исходя из этих фактов, можно утверждать, что данный рисунок был создан Петром I после возвращения из европейского путешествия 1716–1717 гг. и до обнаружения источников воды в Ропше в 1720 гг., т.е. до 1717–1720 гг.

¹⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Д. 57. Л. 595а.

¹⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 1. Л. 3, 3 об.

¹⁶ Там же. Ф. 466. Оп. 1. Д. 476. Л. 15–16.

Собственноручный рисунок Петра I по планировке Петергофа.
1717–1720. РГАДА.

В историографии сложилось мнение, что последним в хронологическом порядке следует признать рисунок, на котором схематично изображены Верхние палаты, Большой каскад, Монплеизр с садиком и берсо¹⁷. В. Ф. Шилков предположительно датирует этот рисунок, как и предыдущий, 1713–1714 гг.¹⁸

Водяной знак бумаги представлен литерой «BEAUVAIS». Герб Амстердама отсутствует, но эта литера использовалась вместе с ним и также относится к девятому классу. Рисунок нарисован на одной из частей крупного листа. Литера предположительно датируется 1711, 1715, 1716, 1719 и 1721 гг. в зависимости от типа герба города и дополнительных литер на противоположной стороне листа¹⁹. Уточнить датировку рисунка позволяют нарративные источники.

На петровском эскизе отсутствует экспликация, но, в отличие от других, более детально прорисованы элементы монплеизрского сада и деревянные насаждения вдоль аллей Нижнего парка. При деталь-

¹⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Д. 57. Л. 611.

¹⁸ Шилков В. Ф. Указ. соч. С. 37.

¹⁹ Дианова Т. В. Филигрань XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998. С. 120–121, 159.

ном рассмотрении рисунка обнаруживаются интересные находки, упущенные предыдущими исследователями: два прямоугольных партера дворца Монплезир, в одном из которых нарисована геральдическая лилия и, вероятнее всего, грот на месте будущего каскада «Шахматная гора».

В вышеприведённом донесении Ж.-Б. А. Леблон Петру I от 4 января 1717 г. упоминается о желании французского архитектора: «Мне мнитца, что весма надобно сломать некоторые беседки, окружающие четыре цветника, что в Монтплезиере...»²⁰. В своей мемории он уточняет, что под беседками имеет в виду берсо²¹. Исходя из этого можно утверждать, что к 1 ноября 1716 г. монплезирский сад состоял из 4-х цветников с двумя берсо по обеим сторонам. Следовательно, петровский рисунок был создан ранее приведённой даты. Данный факт и обнаружение на рисунке малого грота дают основание полагать, что рисунок можно соотнести с «Описанием в 10-ти пунктах, что и как ныне исправлять в Питергофе», где упоминается об устройстве малого грота напротив Монплезира, посадке деревьев, доделке Нагорных палат и грота, т.е. Большого каскада²².

Учитывая все перечисленные факты и филигрань бумаги, данный собственноручный рисунок следует датировать 1715–1716 гг.

Также хотелось бы рассмотреть ещё один петровский эскиз, к которому историография не сформулировала единого мнения. Этот рисунок не был опубликован В. Ф. Шилковым в 1953 г., о нём не упоминает и И. Э. Грабарь. Н. И. Архипов и А. Г. Раскин воспроизводили его в числе петергофских рисунков. В свою очередь, С. Б. Горбатенко придерживается мнения, что рисунок относится к Екатерингофу²³. Свою гипотезу он обосновывает в статье «Петровский Екатерингоф», в которой публикует современную копию рисунка Петра I и его сопроводительный текст, датированный 9 мая 1712 г.²⁴, опубликованный ранее Н. И. Архиповым и А. Г. Раскиным²⁵.

При детальном рассмотрении оригинала удалось обнаружить остатки карандаша в правой части бумаги. Недостающий отрезок дополняет изображение реки и точно повторяет изгиб р. Метал-

²⁰ Архитектор Ж.-Б. А. Леблон в Петергофе. С. 149.

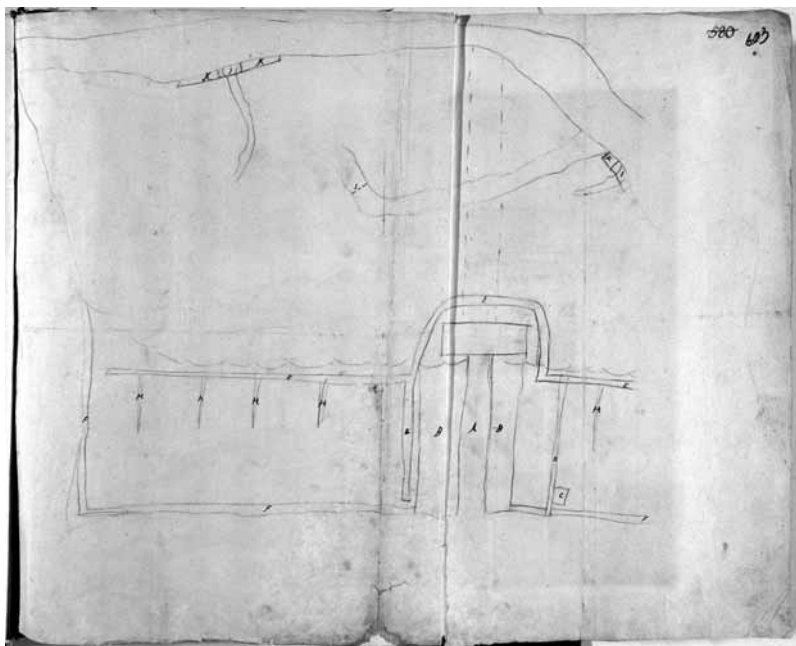
²¹ Там же. С. 160.

²² РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 476. Л. 15–16.

²³ Горбатенко С. Б. Новые страницы ранней истории Петергофа. С. 157; *Он же*. Петровский Екатерингоф // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга. СПб., 1997. Вып. 4. С. 25, 27.

²⁴ Горбатенко С. Б. Петровский Екатерингоф // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга. СПб., 1997. Вып. 4. С. 25, 27.

²⁵ Архипов Н. И. Раскин А. Г. Петродворец. Л., 1961. С. 167.

Собственноручный рисунок Петра I по планировке Екатерингофа.
1712. РГАДА.

ловки (современная р. Таракановка). Таким образом, композиция второго рисунка полностью совпадает с планом Екатерингофа.

Водяной знак бумаги данного рисунка представляет собой герб Амстердама со сложной литерой «РН». Согласно справочнику, подобный водяной знак относится к девятому классу и датируется 1711 и 1712 гг.²⁶ Таким образом, учитывая филигрань и сопроводительный текст, рисунок можно датировать 9-м мая 1712 г. Значит подтверждается гипотеза С. Б. Горбатенко о времени создания и принадлежности рисунка к Екатерингофу, который ошибочно некоторые исследователи относили к Петергофу.

В итоге после анализа упомянутых петровских рисунков по планировке Петергофа, хранящихся в РГАДА, нами были даны новые датировки и соответственно выстроена новая хронология их создания: первый рисунок создан в 1711–1714 гг.; второй — в 1717–1720; третий — в 1715–1716 гг.

²⁶ Дианова Т. В. Указ. соч. С. 120, 163, 166.

Людмила Алексеевна Маркина
(Москва)

*Заведующая отделом живописи XVIII — первой половины XIX века
Государственной Третьяковской галереи*

Французский взгляд на русского царя: Изображения Петра I в собраниях России и Франции

Новый образ России как европейской державы во многом воспринимался через новый облик её верховной власти. Поэтому изображения Петра I играли важную роль в укреплении «имиджа» императора в сознании как российских подданных, так и народов Западной Европы.

В нашем сообщении мы впервые анализируем изображения Петра Великого, созданные представителями французской «россики», в сравнении с французскими художниками, которые оставались во Франции. Мастера, привлечённые в далёкую Россию выгодными условиями, могли на протяжении долгого времени наблюдать русского царя в родной среде. Местные художники видели и писали Петра во время его зарубежного визита и лишь коротко познакомились с «северным властелином».

Каждый из представителей французской «россики» (так традиционно называют творчество иностранцев в России) получил художественное образование у себя на родине или в соседних странах, сформировался под влиянием определённых эстетических взглядов. Оказавшись в художественной среде России, «чужеземец» выражал в искусстве привычные ему философские и эстетические взгляды.

Отметим, что приглашение иностранных мастеров широко применялось в европейской практике. Особенностью русской ситуации был лишь ускоренный темп освоения художественного языка искусства Нового времени и как следствие повышение потребности в привлечении творческого потенциала. Основная функция «россики» в жанре портрета, по мнению О. С. Евангуловой, «состояла в передаче облика русского человека на общепринятый лад».

Пример диалога художественной культуры Франции и русского царя-заказчика даёт деятельность Луи Каравака (Caravaque Louis; 1684—1754). Живописец родился в портовом городе Марселе и был представителем третьего поколения «династии Караваков», связанных с декорированием кораблей в Тулоне (позднее — галер в Марселе). Отец и братья Каравака были профессиональными декораторами и скульпторами. По семейной традиции юный Луи начал свою деятельность в Арсенале галер в Марселе. По прошествии ряда лет Каравак перебрался в Париж.

Здесь 13 ноября 1715 г. И. Лефорт заключил с ним контракт «о принятии в русскую службу». Судя по договору, Луи Каравак предстаёт универсальным мастером. Он готов для исполнения «работ в живописи на масле, исторических картин, портретов, лесов, деревьев и цветов, зверей как в больших, так и в малых размерах»¹. Важным пунктом договора было обязательство взять себе в помощники русских учеников. Сохранилась «Роспись мастерам, которые приехали из Парижа в Санкт Питербурх» от декабря 1715 г., где под номером пятнадцать значится «господин Люи Каравак. Миниатюрный мастер, то есть партреты писать в табакерках, так же и большия партреты на холстах».

Однако из «Повседневных записок делам князя А. Д. Меншикова» за 1716 г. следует, что Каравак приехал в Петербург позднее, вместе со скульптором Бартоломео Карло Растрелли 23 марта 1716 года. В течение года художник написал несколько портретов Меншикова и по его заказу царевича Петра Петровича². Царь же уехал из Петербурга в конце января 1716 г., и художник его не видел.

В отсутствие государя Л. Каравак не получил официальной должности «гофмалера» (придворного живописца), которую исполнял в то время немецкий мастер И. Г. Таннауер. Поэтому

¹ Михайлова А. Ю. Французские художники при русском императорском дворе в первой трети XVIII века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 2003.

² Моисеева С. В. Пётр I: Историк своего царствования // Пётр время и окружение. СПб., 2015. С. 22.

первоначально жалование француза было гораздо меньше, чем у Таннауера (500 рублей в год).

Первым царским заказом французскому художнику было написание нескольких баталий. Во время пребывания во Франции (10 апреля – 9 июня 1717) Пётр I решил заказать ряд батальных сцен из Северной войны. В мае 1717 г. он приказывал из Парижа А. Д. Меншикову: «Живописца Француза Каравака також заставте писать для той шпалерной работы исторические картины, ибо он договором своим обязан писать всякие истории и для того велите ему ныне писать баталию Полтавскую, Левенгопскую (при Лесной. — Л. М.) и прочей»³. В середине июня (17 числа) А. Д. Меншиков «рапортовал» Петру I: «Живописца Каравака по высокому указу Вашего Величества заставил писать Полтавскую баталию и учеников ему что возможно найти придам»⁴.

Как следует из собственноручного списка Л. Каравака, в 1718 г. он закончил «картину Полтавской баталии, которая обретаецца в Питергофе»⁵. В дневнике камер-юнкера Берхгольца, посетившего 1 августа 1721 г. Петергофский дворец, сохранилась запись: «Из числа многих картин в доме помещена над крыльцом одна, очень большая, представляющая сражение, в котором русские разбивают и обращают в бегство шведов. Лошадь, на которой сидит царь, слишком красна; впрочем, сделана недурно, сам же царь написан превосходно и чрезвычайно похож. Можно узнать также князя Меншикова и многих других генералов»⁶. Как считал сотрудник Эрмитажа А. В. Помарнацкий, особенности произведения: «очень большой размер (281 x 487) и слишком красная лошадь под императором не оставляют сомнения в том, что речь идёт о картине “Полтавское сражение 27 июня 1709 года”» (1718, ГЭ)⁷.

Льстивое утверждение Берхгольца о чрезвычайно похожести образа царя не выдерживает никакой критики. Пётр со шпагой в руке скачет впереди войска «на лихом коне», за ним мы видим группу

³ РГИА. Ф. 270. Д. 224. Л. 443; *Коришнуова Т. Т.* Новые материалы о создании шпалер «Полтавская баталия» // *Культура и искусство Петровского времени. Публикации и исследования* / Под ред. Г. Н. Комеловой. Л., 1977. С. 172.

⁴ *Калязина Н. В., Комелова Г. Н.* Русское искусство петровской эпохи. Л., 1990. илл. № 118.

⁵ *Полтавская победа в исторических и художественных памятниках из собрания Эрмитажа.* СПб., 2009. С. 55.

⁶ *Дневник камер-юнкера Берхгольца, ведённый им в России в царствование Петра Великого.* С 1721 по 1725 год. Ч. 1. М., 1859. С. 135.

⁷ *Помарнацкий А. В.* Картина Л. Каравака «Полтавское сражение» // *Сообщения ГЭ.* Вып. XIX. Л.: «Искусство», 1960.

сподвижников царя. По нашему мнению, здесь не приходится говорить о большом внешнем сходстве. Изображение русского царя достаточно условно, ведь работа писалась в его отсутствие. Как не вспомнить характеристику Якоба Штелина: «Каравак — француз, а именно гасконец, как по рождению, так по привычкам и манерам... он занялся станковой живописью, но никогда не достиг надлежащей силы в рисунке».

Пётр I возвратился в Петербург в среду 9 октября 1717 г. в 5-м часу пополудни. Следовательно, первая встреча русского царя и французского мастера могла состояться только осенью этого года, а первые его изображения могут датироваться концом 1717 года. К ним относятся 2 портрета из собрания ГРМ. Первый — овальный этюд, который приписывали то Никитину, то Караваку, сейчас авторство французского портретиста не оспаривается. На подрамнике — наклейка, на которой по-французски написано: «Поступил от мадам Фальконе». А на обороте авторского холста также по-французски: «Пётр, российский император. Единственный, писанный с натуры, поступил из кабинета статуй в Петербурге». Сохранилось описание внешности Петра и его привычек, вот как он выглядел в 45 лет: «Царь очень велик ростом, несколько сутуловат и имеет привычку держать голову немного вниз. Он смугл, и в выражении лица его есть что-то суровое»⁸.

Каравак был первым живописцем, который принёс в русское искусство понятие и форму портретного этюда. Технологический анализ установил, что первоначально холст был прямоугольный, а овальная форма была придана позднее, возможно, в XIX в.

Интересна история бытования произведения. Портрет хранился в Екатерининском дворце Царского села до 1773 г., когда Екатерина подарила его скульптору Фальконе, работавшему над «Медным всадником». Ваятель уехал из Петербурга в 1778 г. и взял холст с собой. После смерти Фальконе портрет русского царя перешёл Мари-Анн Калло, невестке и соавтору скульптора (она лепила голову Петра). Затем произведение унаследовала её дочь, баронесса Янкович. По завещанию последней, портрет вернулся в Россию в 1866 г., сначала в Гатчинский дворец, а после революции в 1925 г. был передан в ГРМ.

Историки искусства справедливо утверждают, что караваковский этюд, «сохранявший непосредственность впечатления от натуры», явился основой для тиражирования большого количества портретов «типа Каравака»⁹. Действительно, таков был творческий ме-

⁸ Павленко Н. И. Пётр Великий. М., 1994. С. 377.

⁹ Шарандак Н. Русская портретная живопись петровского времени. Л., 1987. С. 60.

тод художника. Так, после его смерти в 1754 г. в мастерской Каравака был обнаружен погрудный портрет императрицы Елизаветы Петровны, служивший образцом для последующих изображений.

В круг портретов иконографического типа Каравака включается «Портрет императора Петра I» (1717, ГРМ), где царь представлен с орденой лентой св. Андрея Первозванного. Художник обращается к камерной форме изображения. Фигура представлена на нейтральном фоне, всё внимание сосредоточено на лице, в частности, на характерной форме усов, которые в то время носил Пётр. В складке губ и особенно в выражении глаз, как будто болезненном, почти грустном, чувствуется усталость: думаешь, вот-вот человек попросит позволения отдохнуть немного. Собственное величие придавило его; нет и следа ни юношеской самоуверенности, ни зрелого довольства своим делом. При этом надобно вспомнить, что этот портрет изображает Петра, приехавшего после тяжёлого путешествия. В отличие от барочных изображений Петра I кисти И. Таннауера, прославлявших монарха-полководца, произведения Л. Каравака носят «деловой характер» и дают представление о государе-созидателе.

Пётр I, сам активно осваивавший различные виды искусств (гравирование, токарное дело), понимал, что художник — человек весьма необходимый для престижа государя и государства. Русский царь-реформатор приказывал, чтобы гофмалер (также как лейб-медик или повар) находился при нём в особо важных обстоятельствах, во время путешествий, на приёмах. Придворный живописец, как фиксатор событий, слуга и сподвижник «при деле», иногда выступал и в качестве важного объекта, «украшавшего» новый царский быт. Известно, что Пётр сразу взял с собой в Прутский поход И. Г. Таннауера, с которым впервые встретился в Смоленске в 1711 г. В 1722 г. Л. Каравак сопровождал императора во время поездки в Астрахань. Как писал живописец, «во время Астраханского походу Его Императорское величество указал нижеписанные мне делать Портрет Его Императорского величества буст (бюст), два портрета Ее Величества Императрицы бусты ж»¹⁰.

Ровинский утверждал, что за эти изображения Каравак получил в подарок дом на Васильевском острове. Этот портрет, где Пётр изображён в полном облачении кавалера ордена св. Андрея Первозванного, известен только по гравированным работам. Это — гравюра Степана Коровина 1723 г. и более поздняя Пьера Субейрана 1743 г. (в зеркальном отражении). В 2002 г. на аукционе русской живописи в аукционном доме Christie's появился интересный пор-

¹⁰ Мусеева С. В. Указ. соч. С. 22.

трет Петра «последователей Каравакка» без какой-либо датировки. Третьяковская галерея приобрела это произведение как портрет неизвестного художника конца 1760 — начала 1770 гг. Однако тщательно выписанная орденская цепь указывает на то, что автор прекрасно осведомлён, как выглядели регалии в петровское время. В интернете мне встретилось предположение, что произведение выполнено самим Караваком уже после восшествия на престол Елизаветы Петровны¹¹.

Итак, Луи Каравак — единственный иностранный живописец петровского времени, который прожил долгую жизнь в России, вплоть до середины XVIII столетия. Его искусство эволюционировало вместе с русской живописью. По мере нарастания барочных тенденций в культуре елизаветинского времени в портретах кисти Л. Каравака черты стиля рококо почти не просматриваются, их заменяют пышность и торжественность большого стиля.

Продолжая тему, сопоставим портреты кисти Каравака и изображения других французских мастеров. Пробыв в Париже более шести недель (с 7 мая по 20 июня 1717), Пётр «видел за это время более, чем другой человек в целый год. Он не остаётся ни минуты без дела, ложится спать в девять часов вечера и встает в четыре часа утра»¹².

Парижские наблюдатели изображают Петра то повелителем с пронизательным, иногда диким взглядом, то дипломатом, умевшим приятно обойтись при встрече с нужным человеком. Пётр пренебрегал приличиями: в опере мог попросить пива, при выходе из парижской квартиры спокойно садился в чужую карету, недовольный новомодным париком парижского цирюльника, сам укоротил его, при посещении старых солдат в Доме Инвалидов хлопал их по плечу, называл «камарадами», пил и ел вместе с ними. Русский царь чувствовал себя хозяином всюду, на Сене, как на Неве¹³.

¹¹ В 1742 г. Англия признала императорский титул русских монархов. Луи Караваку было в 1743 г. поручено выполнить 14 портретов Елизаветы Петровны для русских посольств в Европе. Допускаю, что к ним в пару были заказаны портреты Петра, так что, вероятно, перед нами работы не «неизвестного художника» и не «последователей», а вполне себе Луи Каравакка. При этом, возвращаясь к гравюрам с портрета 1722 г., я допускаю, что данные портреты — лишь авторские повторения «парадного», «коронационного» оригинала 1724 г., до нас не дошедшего [Электронный ресурс] // <http://militaire.vieux-grognard.net/revue-ordenskies-cep-i-portrety-raboty-karavakka/>; <http://www.vieux-grognard.net/> (дата посещения: 02.02.2018).

¹² Пётр Великий в Париже в 1717 году // Русская старина, № 2. 1909.

¹³ *Ключевский В. О.* Русская история. М.: Эксмо, 2005.

В литературе указывается, что с Петра I в Париже было сделано несколько портретов. При этом назывались имена разных французских художников (Г. Риго, Н. Ларжильер, Ж.-Б. Удри), которые могли портретировать русского царя¹⁴.

В «Походном журнале» один факт позирования зафиксирован: «В 18-й день мая изволил быть поутру в бане, а после обеда списывали персону»¹⁵. Однако герцог де Сен-Симон (1675–1755), крупный государственный деятель, «французский Тацит»¹⁶ в своих знаменитых «Подлинных и полных мемуарах» пишет: «во вторник 18 мая, в 8 часов утра, явился к царю маршал д'Эстре и привёз его в своей карете в свой дом в Исси, где после обеда весь остаток дня он очень занимал его, показывал множество предметов, относящихся к мореходству»¹⁷. Сен-Симон отметил посещение русским царём 15 июня дворца герцога д'Антина, который, будучи «всегдашним угодником, нашёл средство достать портрет царицы, весьма похожий; он поставил его на камин, с надписью в стихах в похвалу царицы — этот сюрприз очень понравился царю. Как он, так и свита, нашли портрет очень похожим»¹⁸.

А вот как описывает это событие Андрей Константинович Нартов в своих «Достопамятных повествованиях о Петре Великом», не указывая точной даты происшедшего: «Его величество, увидя нечаянно в столовой зале под великолепным балдахинном поставленный портрет супруги своей Екатерины, был весьма доволен дюком д'Антином, который сие приготовить велел... Между тем как обед часа два с половиною продолжался, славный живописей Риго, будучи в другой комнате, портрет с самого Петра Великого написал, и когда дюк д'Антин (due d'Antin) поднес оный его величеству, то государь, смотря на него и удивляясь сходству, показал бывшим при нем князю Куракину, Шафирову и Ягужинскому и говорил: “Пра-

¹⁴ Современный французский автор сомневается, что ими были Г. Риго и Н. Ларжильер, но вот Ж.-Б. Удри действительно писал портрет царя, ныне утраченный. Сохранились лишь пять подготовительных рисунков к нему. По свидетельству очевидцев, 19 мая, будучи у герцога д'Антина, царь получил в подарок от хозяина два портрета — Екатерины, написанный в Голландии Ж.-М. Натье, и свой, возможно, исполненный накануне Удри.

¹⁵ *Полуденский М.* Пётр Великий в Париже // Русский архив. 1865. № 2.

¹⁶ О пребывании Петра Великого в Париже в 1717 году. Из записок герцога де Сен-Симона // Пётр Великий / Сост., вступ. статья и примеч. Е. В. Анисимова. Париж; М.; Нью-Йорк, 1993. С. 146.

¹⁷ Там же. С. 146.

¹⁸ Там же. С. 150.

во, похож”. Потом приказал живописцу Риго оный докончить, за что и пожаловал ему сто луидоров»¹⁹.

Гиацинт Риго (Hyacinthe Rigaud) (1659–1743), самый известный французский живописец того времени. Учился живописи в Монпелье, затем работал в Лионе. В 1681 г. приехал в Париж, где создал обширную галерею выдающихся деятелей эпохи. Поначалу востребованный третьим сословием, с 1688 г. работал по заказам версальского двора, в 1700–1735 гг. был членом Королевской Академии живописи и ваения. В 34 года художник получил титул дворянина, а спустя 18 лет стал кавалером Ордена Святого Михаила. Портрет короля-солнца, Людовика XIV (1701, Лувр), принёс живописцу заслуженный успех. Риго прозвали «французским Ван Дейком». Служба нескольким поколениям Бурбонов принесла Гиацинту славу и почтение. Почитателями его таланта были представители младшего поколения французских мастеров: Жан-Марк Натье, Луи Токке.

Популярность художника была столь велика, что среди европейских монархов считалось престижным иметь портрет кисти Риго. Вряд ли Пётр поддался на рекомендации позировать модному портретисту. Темпераментный и нетерпеливый по натуре, Пётр Алексеевич не имел для этого ни времени, ни желания. Портрет был получен буквально хитростью.

Полагаю, что дело обстояло таким образом. Сюрприз был тщательно подготовлен. В наследии Риго помимо живописных работ сохранились также рисунки, выполненные чёрным или белым мелом на светло-голубой бумаге. Часто эти листы представляют собой подготовительные штудии для будущих картин. Художник наблюдал за русским царём, видел его в поездках по Парижу, присутствовал на аудиенциях. Заранее был подготовлен и загрунтован холст, даже намечена композиция и начато лицо. Завершить произведение за два часа не составляло для художника особой трудности. Известен талант мастера, отличавшегося быстротой, виртуозностью и огромной работоспособностью. Риго был чрезвычайно плодовит. В год он писал от 30 до 40 произведений²⁰.

В мастерской художника существовала практика, когда при исполнении новых заказов брался за образец ранее использованный в других картинах приём. Такие портреты стоили значительно дешевле, чем «оригинальные». Получается, что хитрый француз обманул русского царя, получив за работу щедрое вознаграждение. Напом-

¹⁹ *Нартов А. К.* Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Пётр Великий / Сост., вступ. статья и примеч. Е. В. Анисимова. Париж; М.; Нью-Йорк, 1993. С. 312.

²⁰ *Benezit E.* Dictionnaire des peintres... Т. 8. Paris, 1976. P. 762.

ним, что ежедневное пребывание Петра и его свиты обходилось королевской казне в 1800 ливров.

Заказным портретам Гиацинта Риго присущи виртуозное мастерство в передаче внешнего сходства с моделью, помпезность и светская элегантность, которые безупречно отвечали вкусам королевского двора и иностранных заказчиков. В подобных портретах Риго интересовали не столько внутренний мир человека, сколько подробная характеристика обстановки, атрибуты власти, аллегорические детали, а также оптический иллюзионизм в трактовке нарядных костюмов и драгоценных украшений. Художественный стиль Риго отличают уверенная и энергичная манера письма, тщательная детализация и декоративная красочность. Вместе с тем в целом ряде заказных портретов художник проявил себя не только как тонкий физиономист, но и как наблюдательный психолог.

Итак, портрет, исполненный в Париже, был привезён в Санкт-Петербург и находился в царской коллекции. В «Описании достопамятностей столичного города Санкт-Петербурга...» в 1773 г. И. Г. Георги указал среди работ французской школы Императорского Эрмитажа: «Гиацинт Риго. Портрет Петра Великого»²¹.

Долгое время считалось, что портрет пропал бесследно. Советские исследователи сожалели, что не могли изучить его ни со стороны художественной, ни со стороны иконографической; последний раз изображение было представлено в каталоге 1774 г.²² Неожиданно портрет Петра обнаружился в фондах Симферопольского художественного музея²³. Правда, здесь произведение числится как работа неизвестного художника (тип Риго). Однако происхождение портрета свидетельствует, что он был передан в Симферополь в 1952 г. из ГРМ, а туда в свою очередь он попал прямо из коллекции

²¹ *Георги И. Г.* Описание Российско-Императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей въ окрестностях онаго. С планомъ. Санктпетербургъ, 1794.

²² Портрет петровского времени. Каталог выставки. Л., 1973. С. 31.

²³ Симферопольский художественный музей был создан в 1922 г. как художественный отдел Центрального музея Тавриды. В 1936 г. преобразован в самостоятельную картинную галерею, открытие которой состоялось 8 ноября 1937 г. в здании — памятнике архитектуры (1913) в бывшем доме офицерского собрания 51-го пехотного Литовского полка. Основу собрания составили произведения живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства, изъятые из дворцов и имений в 1920-е гг. Всего в 1939 г. в музее насчитывалось 2048 экспонатов. Во время Великой Отечественной войны практически вся коллекция галереи, за редким исключением, погибла. Сегодня музейное собрание насчитывает более 9000 произведений русского, украинского и западноевропейского искусства с конца XVI в. до наших дней.

ГЭ в 1925 г. Безусловно, окончательный вывод можно сделать, лишь проведя комплексную стилистическую и технико-технологическую экспертизу. Всё же позволим себе предварительно высказать некоторые замечания.

Политический контекст и иконографическая программа произведения продиктована конкретным историческим событием. Краткость времени для написания, практическое отсутствие сеанса для позирования заставили маэстро отказаться от парадной формы большого портрета, «сервированного» атрибутами царской власти. Риго понял и создал убедительный образ Петра, для которого магия власти не так важна. Он не родовитый представитель династии Романовых, а уникальная личность, которая сама по себе внушает уважение и почтение. Французский мастер подчёркивает его экспансивность, активную обращённость вовне. Кажется, что правой рукой Пётр направляет само пространство в картине. Портрет понравился Петру, так как в нём умело передан облагороженный облик модели, всё же лишённый откровенной лести.

Рассматриваемые выше произведения относятся ко Второму заграничному путешествию Петра I, когда слава великого царя-преобразователя достигла своего апогея, результатом чего явилось создание в основном торжественных, парадных портретов. Однако есть несколько исключительных примеров, в которых художники проявляли личностный подход к модели. Среди таких произведений можно выделить портрет Петра кисти Купецкого и ван Гелдера. Но даже в данных камерных произведениях ощущается монументальность образа.

В портретной галерее XVIII в., запечатлевшей Петра Великого, французские художники с большой правдивостью передавали неповторимые черты высокой модели и вместе с тем создали типический образ человека того времени. В характере русского правителя они подчёркивали, прежде всего, могучую энергию, несокрушимую силу воли. Решающую роль в формировании иконографии Петра сыграло новое понимание роли монарха и светского человека эпохи Просвещения. В России утверждалось значение активной гражданской личности. Пётр Великий, как первый человек в государстве, ярко воплотил идеал преданного служения своей стране.

Екатерина Александровна Андреева
(Санкт-Петербург)

*Старший научный сотрудник отдела «Дворец Меншикова»
Государственного Эрмитажа*

Второе европейское путешествие Петра I, организация производства фаянсовых изделий в России и секрет европейского фарфора

Во второй половине XVII в. Нидерланды занимали ведущее место по производству фаянсовых изделий: посуды, ваз, садовых цветников и урн и т.д. Лидировали они и в производстве фаянсового облицовочного материала – плитки, которая к этому времени украшала не только дома голландских бюргеров и фермеров, но и дворцы немецких, польских, английских и шведских правителей и даже самого Короля-Солнце Людовика XIV.

По всей видимости, во время Великого посольства у русского царя была возможность ознакомиться с этими изделиями и увидеть интерьеры, отделанные голландской плиткой. За несколько лет до Второго европейского путешествия Пётр I вводит моду на новое отделочное решение: плитки для Летнего дворца в Петербурге он заказывает в 1713 г. в Нидерландах. В следующем году его примеру следует генерал-адмирал Ф. М. Апраксин¹.

¹ *Андреева Е. А.* Появление голландской расписной фаянсовой плитки в России во второй половине XVII – начале XVIII в.: историография вопроса // Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории. СПб., 2016. № 4 (12). С. 226–228; *Саверкина И. В.* Быт петербургского общества 1-й четверти XVIII века (по материалам фонда Ф. М. Апраксина в ЦГА ВМФ) // Петербургские чтения (к юбилею города): Тезисы докладов конференции. СПб., 1992. С. 85.

Пётр I не остановился только на импорте и решил наладить производство фаянсовых изделий в России. Реализация этого проекта осуществлялась во время или сразу после Второго европейского путешествия и была тесно связана с ним.

Организация фаянсового производства происходила по нескольким основным направлениям: а) обучение русских мастеров в Европе; б) наём европейских гончаров; в) создание русской «голландской» плитки; г) попытка Петра I узнать секрет европейского фарфора.

Обучение русских гончаров в Европе

11 декабря 1716 г. Пётр I из Амстердама распорядился А. Д. Меншикову в Петербург прислать на шняве «Св. Александр» «человек сорок ребят, кои б грамоте умели, для отдания в ученье разным мастерствам, и чтоб были они из простых, дабы работу лучше снесть могли». Из ответного письма светлейшего князя от 4 января 1717 г. следует, что «ребята» были собраны и отправлены с «порутчиком» А. И. Щепотевым. Однако шнява «за морозами» не могла дойти до Ревеля (Таллина), поэтому 1 февраля 1717 г. монарх повелел отправить учеников на фрегате «Самсон». А. И. Щепотев должен был доставить их до Ревеля сушей, а оттуда на фрегате до Ростока (северная Померания). Пётр I отдельно подчёркивал: что в пути «ребята», дабы «не гуляли», должны были обучаться крейсерованию². Каждому из них было шито: «по кафтану, камзолу и штанам, також по шапке, шляпе, сапогам, башмакам, чулки и галстуки» и выдано по 1 рублю. Кроме того, на их проезд и «иждивение» было дано А. И. Щепотеву по 10 червонных на каждого³.

За их отправку морем отвечал генерал-адмирал Ф. М. Апраксин. В промемории к нему монарх подчёркивал: «ежели же море около Ревеля ещё не вскрылось, то хотя как возможно приказать прорубить и тому кораблю идти повелеть немедленно». Генерал-адмирал прибыл в Ревель 31 марта и 5 апреля слал государю донесение о том,

² Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России. Т. 6. Изд-е 2-е. М., 1838 Дополнения. С. 559–560, 578–579; См. об этом также: Сергеев И. И. Голландские мастера-керамисты и их русские ученики // Россия и Нидерланды в XVII–XX вв.: Новые исследования и актуальные проблемы: Материалы международной научной конференции (Институт всеобщей истории РАН, 15–16 мая 2013 г.) / Отв. ред. Г. А. Шатохина-Мордвинцева. М., 2014. С. 117.

³ Выписка из письма князя Меншикова к Макарову из С. Петербурга, 1717 года апреля 1 // МИРФ. СПб., 1866. Ч. III. Отдел II. № 197. С. 148.

что отправит «Самсон» со школьниками «как скоро лед рушится». Количество школьников постоянно увеличивалось, так, А. Д. Меншиков в письме к А. В. Макарову от 1 апреля 1717 г. называет 50, а в именной росписи за апрель 1717 г. значится уже 61 человек «дворянских детей»⁴.

Вместе с тем, в этой росписи наши герои отсутствуют, поскольку они досылались позднее. 5 февраля 1717 г. царь просил А. Д. Меншикова отправить «с заводов от Князь Юрья Щербатова» «подмастерья Юрью, которой делает печные изразцы, дабы его для лучшего обучения отдать здесь в Делфт, и для того придайте ему в помощь той же науки одного молодого детину, ученаго грамоте». Ю. Ф. Щербатов был в то время управляющим на Стрельнинских заводах. Светлейший князь исполнил поручение и успел их доставить на фрегат «Самсон»⁵. Возможно, они проходили обучение на знаменитой делфтской мануфактуре «Греческое А». Главными мастерами в интересующие нас годы там были Адриан Кокс (Adriaen Kocks) и Питер Адрианус (Pieter Adrianusz)⁶.

В списке за апрель 1717 г. не значатся также и три ученика Славяно-греко-латинской академии Иван Прокофьевич Алабин, Ермолай Крайцев и Данила Овсянников, которые были отправлены обучиться «делам садовых цветников» в Амстердам⁷. То, что они ехали в Европу с той же партией мастеровых, подтверждается протоколом о перемене ранга и увеличении размера жалованья И. П. Алабина 1744 г. В документе идёт отсылка на размер жалованья и ранг «протчей ево брата» обучавшихся с ним «за морем» с перечислением нескольких имён, указанных в списке от апреля

⁴ Промемория графу Апраксину, 1717 года марта 26 // МИРФ. СПб., 1865. Ч. II. Отдел I. № 1568. С. 195; Выписка из письма графа Апраксина к Государю из Ревеля, 1717 года апреля 5 // Там же. № 1570. С. 196; Выписка из письма князя Меншикова к Макарову... С. 147; Список дворянских детей, которых повелено послать в Голландию для наук с поручником Шепотевым, 1717 года апрель // МИРФ. СПб., 1866. Ч. III. Отдел II. № 198. С. 148.

⁵ Голиков И. И. Указ. соч. С. 579; Сергеенко И. И. Голландские мастера-керамисты... 14. С. 117.

⁶ Erkelens A. M. «Delfts Porcelijn» van koningin Mary II: Ceramiek op Het Loo uit de tijd van Willem III en Mary II = Queen Mary's «Delft porcelain»: Ceramics at Het Loo from the time of William and Mary. Apeldoorn, 1996. P. 104–112.

⁷ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 5д. № 134. Л. 1068; Оп. 4. Д. 215. Л. 1, 14; Д. 19. № 44. Л. 349–354; Там же. Ф. 470. Оп. 4. Внутр. оп. 87/521. Д. 16. Л. 2–3; См. об этом подробнее: Кореневит В. А., Сергеенко И. И. О майоликовых вазах – цветниках из раскопок Летнего сада // Памятники культуры. Новые открытия-1982: Письменность. Искусство. Археология. Л., 1984. С. 523–524.

1717 г., например, мастеров столярного дела князя Михаила Нерыцкого, Фёдора Мартынова и Андрея Шарыкина⁸.

15 августа 1717 г. в Амстердаме от имени Петра I графом П. И. Мусиным-Пушкиным был заключён контракт с гончарным мастером итальянского происхождения Карло Антонио Бонавери на обучение четырёх русских учеников «как делать посуду глиняную, сиречь как месить глину, точить модель посуру, наводить резьбы, делать формы, печатать, полировать, жечь и как надлежит ставить в печь, чтоб один до другого сосуда не дотыкался...», т.е. изучать весь цикл работы с глиной до её покрытия глазурью и росписью. Срок обучения определялся: «год и меньше года». Итальянцу обещали за работу «пятьсот червонных венецких». В контракте также прописано, что вернуться в Россию они должны с 14 формами: «начиная от первого номера до 14, которые учинены будут собственными их руками»⁹.

Вполне вероятно, учитывая одно время и место, что этими учениками были трое из Славяно-греко-латинской академии И. П. Алабин, Е. Крайцев, Д. Овсянников и подмастерье Юрий со Стрельнинских кирпичных заводов. Обращает также на себя внимание упоминание в контракте форм, поскольку ученики Славяно-греко-латинской академии привезут в Россию свои формы: «за провозом шхипору надлежит заплатить за 8 ящиков в которых лежат фурмы 35 рублей»¹⁰.

После обучения в Нидерландах, где-то в начале 1718 г. И. П. Алабин, Е. Крайцев и Д. Овсянников были отправлены русским послом Б. И. Куракиным обучаться гончарному делу в Дюссельдорф, где они «оной науки в совершенстве обучились»¹¹. Не ясно, почему ученики были отправлены именно в Дюссельдорф, в котором в то время не было крупных мануфактур по производству керамики. В немецких землях производили различную керамику: печные изразцы; фаянсовые изделия. Кроме того со второй половины XVII в.

⁸ РГИА. Ф. 470. Оп. 4. Внутр. оп. 87/521. Д. 16. Л. 12 об.; ср.: Список дворянских детей... С. 148.

⁹ Контракт, заключённый именем царя Петра I гр. Мусиным-Пушкиным с гончарным мастером Карло Антонио Бонавери, на предмет обучения гончарному ремеслу четырёх русских учеников, в Амстердаме, 15 августа 1717 г. // Императорский фарфоровый завод. 1744–1904 / Под ред. Н. Б. фон Вольфа. [СПб., 1906]. Приложения. № 1. С. 2.

¹⁰ РГИА. Ф. 470. оп. 4. Внутр. оп. 87/521. Д. 16. Л. 3 об.

¹¹ Там же. Л. 4; см. об этом: *Коренцевит В. А., Сергеев И. И.* Указ. соч. С. 523–525; *Сергеев И. И.* Голландские мастера-керамисты и их русские ученики. С. 116–117.

в немецких землях голландскими выходцами было налажено производство расписной фаянсовой плитки¹².

Следы же подмастерья Юрия и его сопровождающего теряются. Ведомости Стрельнинских заводов сохранили имена работников, и Юрий среди них не встречается. Так, в 1720–1721 гг. «за подмастерье» здесь работает Архип Малютин¹³.

Три ученика Славяно-греко-латинской академии в ноябре 1718 г. были отправлены в Россию, но уже не в Москву, а в Петербург, куда прибыли 4 июля 1719 г. Они привезли с собой 12 форм садовых ваз и 3 формы для садовых урн. 13 июля 1719 г. последовал царский указ о том, чтобы эти мастера сделали «пробы» изделий. Кроме того, им со дня приезда было начислено жалование по 6 руб. в месяц каждому (72 руб. в год)¹⁴.

Согласно ведомости, за май 1720 г. И. П. Алабин с товарищами изготовили 279 «цветников» 12-ти форм (в документе не указано, за какое время):

Табл. 1.

№ формы	количество цветников	№ формы	количество цветников
1	51	2	89
3	49	4	20
5	20	6	19
7	9	8	6
9	4	10	4
11	5	12	3

Цветники были сделаны: «цветные», то есть расписанные красками разных цветов, а также монохромные: красные, «лазоревые»,

¹² *Brinckmann J.* Hamburgisches Museum für Kunst und Gewerbe: Beschreibung der europäischen Fayencen mit geschichtlichen Einleitungen. Hamburg, 1894; *Riesebieter O.* Die deutschen Fayencen des 17. und 18. Jahrhunderts. Leipzig, 1921. P. 11–12, 29–30, 49, 61–62, 71, 72; *Hüseler K.* Holländische und deutsche Fayencen // *Oud Holland.* 1954. Vol. 69. № 3. P. 167–178; *Henkel M.* Der Kachelofen. Ein Gegenstand der Wohnkultur im Wandel: eine volkskundlich-archäologische Studie auf der Basis der Hildesheimer Quellen: Dissertation zur Erlangung des philosophischen Doktorgrades. Göttingen, 1996. P. 60, 67; *Stahl S.* Deutsche Fliesen: Fayence-Fliesen des 18. Jahrhunderts. Braunschweig, 1977. S. 17, 22–23, 26–30, 34–35.

¹³ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 12а. № 14. Л. 37.

¹⁴ Там же. Оп. 4. Кн. 19. № 44. Л. 349–354; Ф. 470. Оп. 4. Внутр. оп. 87/521. Д. 16. Л. 3–4 об.; См. также: *Коренцов В. А., Сергеев И. В.* Указ. соч. С. 525; *Сергеев И. И.* Голландские мастера-керамисты и их русские ученики. С. 118.

зелёные и белые. Поверх краски они были покрыты позолотой. Кроме того, 5 цветников (формы № 1 [2 шт.], № 2, № 3 и № 12) были целиком позолочены.

Мастера выполнили также 76 садовых урн:

Табл. 2.

Размер	количество урн	Из них раскрашены и вызолочены:	Из них целиком позолочены:
Большие	25	17	
Малые	29	14	1
«Свинцовой мадели»	22	7	
Итого:	76	38	1

Всего вместе цветников и урн — 355.

При мастеровых трудились: 16 мастеровых: «малоумеющих» гончаров и детей кирпичников (6 месяцев) и 8 работных людей (3 месяца). Денежное и хлебное жалование им выплачивала Канцелярия городских дел.

Из этой партии 12 цветников и 5 урн были отправлены для «пробы» главе Канцелярии кн. А. М. Черкасскому. По всей видимости, их качество было одобрено, поскольку 24 мая того же года в Канцелярию поставили 137 цветников и 21 урну разных форм, раскрашенных, но не позолоченных и 1 цветник «выкрашен разным красками з золотом», то есть 159 изделий¹⁵.

Справка Петергофской конторы 1743 г. даёт представление о профессиональном уровне И. П. Алабина: «Искусство имеет как к обжегу галанских и аранжерейных садовых горшков и урнов, також и по них украшениях разными красками к тому ж как деланья кирпича и черепицы искусство имеет же разными фасонами и в обжеге разными видами и печных кафлей и протчих что принадлежит к гончарной работе»¹⁶. Следовательно, мастер, во-первых, мог создавать разные керамические изделия: от кирпичей и черепицы до фаянсовых вазонов. Во-вторых, владел всем процессом изготовления гончарного изделия: от создания формы, обжига изделия в печи, до покрытия глазурью и росписи.

Жалование Канцелярии городских дел И. П. Алабин, Е. Крайцев и Д. Овсянников получали с 1719 по 1722 год. Согласно царскому указу, с этого времени, они, как и другие мастера, обучавшиеся за

¹⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 216. Л. 7–8.

¹⁶ Там же. Ф. 470. Оп. 4. Внутр. оп. 87/521. Д. 16. Л. 11, 12 об.

границей, должны были организовать своё дело, но что им определялось 300 рублей. Однако в апреле 1725 г. Екатерина I распорядилась взять мастеров вновь в штат Канцелярии от строений «понеже им своим мастерством прокормитца невозможно»¹⁷.

Иностранные гончарные мастера в России

В 1717 г. на русскую службу был нанят иностранец Вилим Элбрехт. Он стал подмастерьем, то есть вторым человеком после мастера на Гончарном дворе Стрельнинских кирпичных заводов. Мастером там был тоже иностранец Яган Пал (Johan Pahl). В. Элбрехт изготавливал «разных манеров кафли [т.е. изразцы] и посуду». Штат Гончарного двора составлял 30 человек. Мастер получал 180 рублей в год, подмастерье – 84 рубля. Самый высокооплачиваемый живописец по керамике получал 18 рублей в год, остальные – по 10 рублей¹⁸.

В 1721 г. В. Элбрехт подал прошение о том, чтобы его перевели мастером на Гончарный двор Новых кирпичных заводов, поскольку там не было ни мастера, ни подмастерья. Из Городовой канцелярии в Канцелярию стрельнинского строения был отправлен запрос, может ли мастер Ян Пал обходиться без подмастерья, только русскими учениками. На что последовал ответ Я. Пала: «на Гончарном дворе дело разных манеров кафли и посуду управлял он мастер кроме ево подмастерья с рускими своими ученики, которые и науку приняли и делают так же как он мастер, а оной подмастерье Вилим Брехт против тех учеников делать не умеет. И был он Вилим на оном дворе у живописной работы и переводчиком»¹⁹, то есть мастер написал, что В. Элбрехт не умеет работать с глиняной массой, а может только расписывать изделия. И всё же В. Элбрехту удалось перевестись на Новые кирпичные заводы, но не мастером, а только подмастерьем (документ датируется январём 1723 г.)²⁰.

В 1740 г. интересы наших героев – русского мастера-керамиста, обучавшегося в Нидерландах – И. П. Алабина и иностранца, работавшего в России – В. Элбрехта пересеклись: И. П. Алабину не дали основать завод для изготовления черепицы, поскольку к этому времени было налажено производство на двух других заводах. Одним

¹⁷ Там же. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 486. № 64. Л. 408–409 об.

¹⁸ Там же. Оп. 1. Кн. 5д. № 138. Л. 1084 об.; Кн. 12а. № 14. Л. 37; Кн. 18а. № 164. Л. 447.

¹⁹ Там же. Кн. 12а. № 14. Л. 37–40.

²⁰ Там же. Оп. 2. Кн. 44в. № 153. Л. 1050.

из них заведовал гончарный мастер В. Элбрехт. Его завод должен был делать в год два миллиона семьсот тысяч штук черепицы²¹.

В. Элбрехт продолжал работать в России и, вероятно, не вернулся на родину. В 1747 г. его завод продолжал выпускать керамические изделия. Так, он поставлял печные изразцы в Петергоф. В 1749 г. В. Элбрехт выиграл тендер на поставку в Петергоф в строящиеся каменные флигеля на 40 печей изразцов «гамбургских» и «ландшафтных»²².

По всей видимости, В. Элбрехт приехал в Россию с семьёй или женился здесь. Его сын – Вилим Вилимович, обучился делу отца и стал вольным гончаром и живописцем по керамике. Он умел изготавливать печные изразцы, садовые вазы и горшки. В 1756 г. по его прошению В. В. Элбрехт был принят на службу в Канцелярию от строений подмастерьем сроком на один год. На Новых кирпичных и черепичных заводах он должен был «делать к Зимнему дому Ея Императорского Величества и к другим казенным строениям изразцы и в сады Ея Императорского Величества цветные горшки». Через год его уволили, поскольку, как сказано в резолюции: «понеже нет в нем нужды»²³.

Русская «голландская» плитка

При раскопках Зимнего дворца Петра I в Петербурге в 1976 и 1978 гг. было обнаружено несколько фрагментированных предметов керамики. При сравнении этих предметов с русскими изразцами и голландскими плитками видно, что они не являются ни тем, ни другим. По своим характеристикам они как бы находятся между ними: черепок толще, чем плитка, но тоньше, чем изразец. Керамическая масса серая с красными и жёлтыми вкраплениями, то есть отличающаяся от более однородной и желтоватой фаянсовой массы голландских плиток. Отличается она и от керамической массы кирпичного цвета большинства изразцов. Качество глухой глазури, которым покрыты эти изделия, и качество росписи ближе к русским изразцам. В эрмитажной лаборатории была проведена сравнительная химико-технологическая экспертиза русских и голландских плиток, которая показала более высокое содержание свинца и пониженное содержание олова в составе глазури русских плиток²⁴. По

²¹ Там же. Ф. 470. Оп. 4. Внутр. оп. 87/521. Дело 16. Л. 7 об. – 8.

²² Там же. Ф. 490. Оп. 1. Д. 506. Л. 5–10, 16.

²³ Там же. Ф. 470. Оп. 4. Внутр. оп. 83/517. Дело 120. Л. 1–10.

²⁴ *Реброва Р. В.* Интерьеры с голландской плиткой в Зимнем дворце Петра I: (по материалам археологических исследований) // Меншиковские чтения-2015: научный альманах. СПб., 2015. С. 208. Выражаю огромную благодарность Р. В. Ребровой, любезно предоставившей материалы.

распоряжению Петра I в Петербург из Европы везли не только готовые изделия, например кирпичи²⁵, но и сырьё, к примеру — глину для изготовления курительных трубок. Однако произведённый в эрмитажной лаборатории анализ показал, что глина могла быть как привозная, так и местная. Р. В. Реброва на основании изучения выявленных фрагментов русских плиток приходит к следующему выводу: «судя по малочисленности найденных фрагментов, попытка заменить голландскую плитку русской не осуществилась»²⁶.

До настоящего времени не было известно ни одного документа, в котором речь бы шла об изготовлении плитки в России²⁷. Автору настоящих строк удалось найти такие документы. В «Переписке с комиссарами, архитекторами и подрядчиками» Канцелярии городских дел за 1717—1718 гг., среди мастеров Гончарного двора при Новых кирпичных заводах значатся: «плитники малоумеющие пять и кирпичники у дела плиток умеющие два». «Вышеписанные мастеровые люди зделали в октябре месяце старых обрасцов две тысячи восемьсот, обожгли сырых три тысячи, зеленых тысячу четыреста обрасцов облили и обожгли белых обожгли семьсот, плиток зделали четыре тысячи шесть сот»²⁸. Итак, за октябрь 1717 г. два «умеющих» кирпичника сделали 4600 керамических квадратов, которые пять «малоумеющих плитников» полили глухой глазурью и расписали. Итого на каждого «плитника» приходится 920 плиток. Если разделить на 30 дней, то по 31 плитке в день.

Ведомости за другие месяцы построены по той же схеме, в них повторяется перечисление плиточников. Так, например, в ведомости декабря 1717 г.: «Плиточного дела учеником у вышеписанной работы малоумеющим пяти»; в январе 1718 г. значится: «у гончарной работы плитного дела учеником малоумеющим пяти»²⁹. В ведомости поручика Александра Матова за ноябрь 1718 г. о выдаче жалованья упомянуты уже шесть «малоумеющих» учеников у пли-

²⁵ См., напр.: Письмо Б. И. Куракина У. А. Синявину от 10 мая 1722 г. об отправке из Нидерландов в Петербург на корабле «Принц Евгений» 80 тысяч жёлтого кирпича «и ящиков с резбами и красок» (РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 236. № 64. Л. 1717а).

²⁶ Реброва Р. В. Указ. соч. С. 208.

²⁷ См. об этом подробнее: Андреева Е. А. Производство «голландской» плитки в России в петровское время: легенды и факты // Меншиковские чтения-2016: Научный альманах. Вып. 7 (17). СПб., 2016. С. 239—242.

²⁸ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 18. Л. 355.

²⁹ Там же. Л. 354 об.—355, 362, 380, 391.

точного дела³⁰. Однако в списках готовых изделий плитки больше не упоминаются.

Таким образом, мы знаем точное время, место производства и количество русской плитки: 4600 плиток; октябрь 1717 г.; Гончарный двор Новых кирпичных заводов (которые в 1711 г. были переведены по берегу Невы от р. Тосны ближе к Петербургу за р. Ижору «в десяти верстах» от города³¹). С большой долей вероятности можно предположить, что часть из них, если не все, были отправлены царю. И, возможно, обнаруженные при раскопках в Зимнем дворце и есть те самые русские плитки. Скорее всего, царя не устроило их качество.

Пётр I продолжил облицовывать свои дворцы привозной голландской плиткой. Так, в росписи за июнь 1718 г. о работах в новом царском Зимнем дворце в пункте 4 значится: «Низенькие шесть маленькия каморы подле каналу зделать как царское величество приказал **галанскими плитками** [здесь и далее выделено нами. — *Е. А.*] хорошею работою как покажет галанской мастер потолка и стороны»³². Работа была выполнена за год, поскольку в июльской ведомости 1719 г. отмечено: «Зимней дом царского величества... пять полат убраны **плитками заморскими**»³³.

Секрет европейского фарфора и порцелинный мастер в России

Создатель фарфора Йохан Фридрих Бёттгер (Johann Friedrich Böttger) с 1708 г. проводил опыты на мануфактуре в Дрездене и в 1709 г. открыл состав фарфоровой массы. После получения твёрдого фарфора его производство в начале 1710 г. было переведено в замок Альбрехтсбург в Мейсен. На дрезденскую мануфактуру был приглашён голландский мастер Питер Эггбрехт (Piter (Peter) Eggebrecht), который в то время работал менеджером на фаянсовой мануфактуре Корнелиуса Функе (Cornelius Funcke) в Берлине. Что делал голландский мастер на немецких мануфактурах? В конце XVII и начале XVIII в. в немецких землях голландцы налаживали производство фаянсовых изделий, в частности, плиток.

³⁰ Там же. Оп. 1. Кн. 46. № 86. Л. 144 об.

³¹ *Богданов А. И.* Описание Санктпетербурга. СПб., 1997. С. 184; *Базарова Т. А.* Создание «Парадиза»: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого. Очерки. СПб., 2014. С. 252–253. Рис. 105.

³² РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 7в. Л. 301 (старая пагинация: Л. 961).

³³ Там же. Оп. 4. Д. 19. Л. 856.

На мануфактуре в Дрездене тоже производилась плитка. Ещё до приезда П. Эггбрехта, в 1710 г. на фабрику для налаживания производства голландской плитки был нанят некий Рюллениер (Rüllener). Он выдавал себя за мастера из Голландии, но оказался самозванцем. Он был выходцем из Бранденбурга и «ничего не знал о производстве плиток». Однако это обстоятельство не помешало ему наладить производство и сделать 20 тысяч плиток. Но все они оказались бракованными – с них сходила глазурь. Судя по всему, была нарушена технология производства, в результате которой глазурь не спекалась с черепком при обжиге. Именно для организации производства плиток и был нанят на Дрезденскую мануфактуру П. Эггбрехт. Через два года, в 1712 г. П. Эггбрехт взял дрезденскую фабрику в аренду³⁴.

В 1718 г. русское правительство заключило с П. Эггбрехтом договор на два года. В это время дрезденской фабрикой руководила его жена Анна Элизабет. В декабре 1720 г. мастер возвратился в Германию. Размер годового жалованья был определён 300 червонных. С собой он по контракту должен был взять ещё двух человек, которые содержались за его счёт. П. Эггбрехту выделялся в Петербурге двор и дрова. За каждого ученика он должен был получать: 20 червонных при принятии в ученики, ещё 20 – по завершении обучения. Необходимо было сделать специальную печь для обжига изделий. Кроме того, нужны были подсобные работники для приготовления глины и прочего. Эти работники получали жалованье от государя. В контракте речь идёт о налаживании именно «порцелинного дела». Согласно 9 пункту договора, «Все порцелины, которые сделаны будут, останутся в высочайшем расположении Его Царского Величества, за что не будет плачено, кроме того, что прежде договоренность, разве помянутый Эггбрехт инако в Санкт-Петербурге договорится», то есть, за это жалованье он изготавливал изделия только по царскому заказу. Вместе с тем, он мог получать заказы на стороне³⁵. Сохранились расписки П. Эггбрехта о получении жа-

³⁴ *Stahl S. Op. cit. S. 29.*

³⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 4г. № 178. Л. 341–341 об. Оп. 4. Д. 106. Л. 46 об.; Контракт, заключённый министром при Прусском дворе А. Г. Головкиным с порцелинным мастером Эггбрехтом о принятии последнего на русскую службу, в Берлине, 11 июня 1718 г. // Императорский фарфоровый завод. 1744–1904 / Под ред. Н. Б. фон Вольфа. [СПб., 1906]. Приложение № 2. С. 3–4; № 3. С. 4; *Сергеевко И. И.* 1). Керамика первой четверти XVIII столетия в Петербурге (из истории зарубежных связей) // Забелинские чтения-1997. М., 1998. С. 250–251; 2). Голландские мастера-керамисты... С. 120–122; *The Grove Encyclopedia of Decorative Arts*, Edited by Gordon Campbell. Oxford, 2006. Vol 1. P. 329.

лованья в 1719 г. в рублях: 300 золотых — это 585 рублей. В этих расписках свою работу он называет «порцелинную», а себя «порцелинным мастером»³⁶.

Что же подразумевалось под «порцелинами», и что изготавливал П. Эггбрехт в России? В Нидерландах с начала XVII в., когда Ост-Индская компания массово ввозила изделия китайского и японского фарфора и нидерландские керамические мастерские в подражание ему стали изготавливать бело-синие изделия, их именно по внешнему виду стали называть порцелинами. Так, например, основанная в 1653 г. и существующая до сих пор Королевская делфтская мануфактура называлась именно фарфоровой («De Porceleuyne Fles»), хотя на ней изготавливались фаянсовые изделия, а не фарфор. И. И. Сергеенко высказала предположение, что, нанимая П. Эггбрехта, работавшего на мануфактуре, где был изобретён европейский фарфор, Пётр I хотел получить секрет европейского фарфора³⁷. Вероятно, миссия П. Эггбрехта была секретной, поскольку документов о его изделиях не обнаружено, только о выдаче жалованья. Нет также сведений о том, кого и чему он обучал.

Наше внимание привлекли изделия, которые изготавливались в 1720—1721 гг. на «Кафельном»³⁸ дворе Стрельнинских кирпичных заводов, где мастером был уже знакомый нам мастер Ян Пал. За июль 1720 г. было сделано: «Из секретной глины: чайных чашек с фялкоми 24; кушинов 10»³⁹.

В 1721 г. их производство увеличилось. В январе было сделано: «Посуды из секретной глины: чайных чашек с фялками пар 62 ценою по 2 а пара. Чайных кумок⁴⁰ 18 ценою по 2 а по 4 де кумка. Чайников 8 ценою по 4 алтына чайник». В феврале: «Посуды секретной глины: чайников 18 ценою по 4 алтына чейник. Чашек с руковятками 12 ценою по 2 а по 4 де чашка. Кумок 12 ценою по 2 а по 4 де кумка. Чашек с покрывками 6 цена по 6 а чашка»⁴¹.

Изделия из фаянса в то время уже изготавливали И. П. Алабин с товарищами. На Новых кирпичных заводах была сделана пробная партия плитки из керамической массы, близкой к фаянсу. И эти

³⁶ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 4г. № 178 Л. 341; Кн. 5г. № 92. Л. 880, 885; Оп. 4. Д. 106. 1719 г. Л. 46 об.

³⁷ *Сергеенко И. И.* 1) Керамика первой четверти XVIII столетия... С. 251; 2) Голландские мастера-керамисты... С. 122.

³⁸ Так назывался Гончарный двор.

³⁹ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 12а. № 20. Л. 57 об.

⁴⁰ Кумка — чайная чашка (без блюдца), полоскательница.

⁴¹ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 15а. Л. 456 об., 457 об.

производства, и глина, из которой они создавались, не были секретными. Секретной могла быть только глина для изготовления изделий близких по своим свойствам и внешнему виду к фарфору. Можно осторожно предположить, что налаживание этого производства в России связано с двухлетним пребыванием в Петербурге голландского мастера-керамиста П. Эггбрехта.

Роксана Викторовна Реброва
(Санкт-Петербург)

*Научный сотрудник сектора архитектурной археологии
Государственного Эрмитажа*

Кто привёз вино Эрмитаж в Эрмитаж?

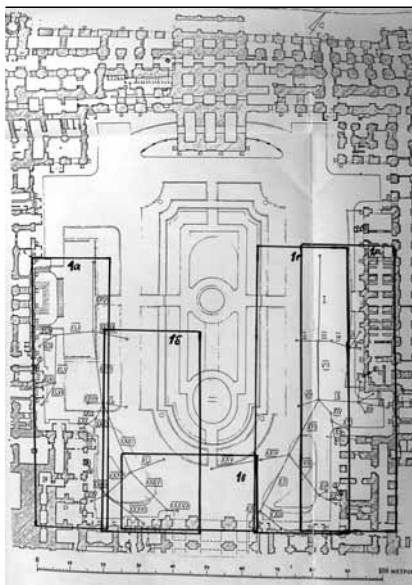

Илл. 1. Большой двор
Государственного Эрмитажа.
Современный вид.

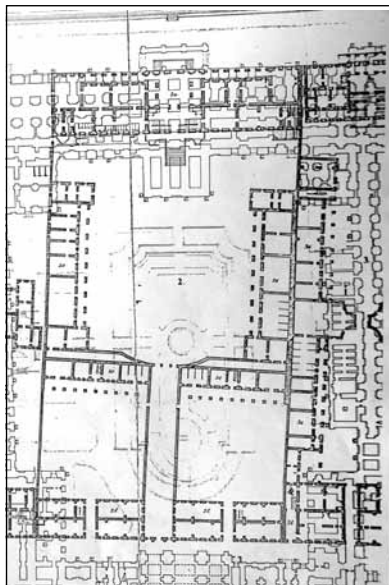
Эпоха Петра I для России связана со многими преобразованиями, в том числе в культуре организации еды, сервировки, и более узко — к потреблению вина и отношению к нему. Археологические раскопки раннего Петербурга удивляют огромным количеством стеклянных бутылок всех видов в найденном материале. Земля ими буквально усеяна. Один из ключевых вопросов атрибуции бутылочных осколков — их происхождение, ответ на который дополняет историю торговых от-

ношений в первой половине XVIII столетия и дополнительно свидетельствует о принадлежности зданий и времени их строительства.

Полномасштабные археологические исследования на территории Эрмитажа (*илл. 1*) впервые производились в 1999 г. и сразу дали обширный комплекс находок (*илл. 2*). Эта территория после 1762 г. практически не подвергалась застройке, благодаря чему «Большой двор Зимнего дворца оказался своего рода археологическим заповедником. Прекрасно сохранившим мощные — около 1,5 м — куль-

Илл. 2. Схема траншей в Большом дворе Эрмитажа.

Илл. 3. Реконструкция плана построек усадьбы Ф. М. Апраксина в Большом дворе Эрмитажа.

турные отложения первой половины — середины XVIII в.»¹. Ранее территорию Большого двора занимала усадьба Ф. М. Апраксина² (илл. 2, 3, 4), которой он владел и вёл непрерывное строительство, начиная с 22 июня 1705 г.³, когда архитектор Доменико Трезини построил ему первый деревянный дом.

В 1712 г. на месте деревянного дома по его же проекту и был построен каменный двухэтажный дом⁴. Именно в этой части двора было найдено большое количество битой стеклянной бутылочной тары и костей (илл. 3). В археологическом отчёте подчёркивается: «с точки зрения реконструкции повседневной бытовой культуры, лю-

¹ Иоаннисян О. М., Лесман Ю. М., Торшин Е. Н. Археологические исследования архитектурно-археологической экспедиции на Адмиралтейском острове Санкт-Петербурга в 1999–2006 гг. // Труды ГЭ. Т. LX. СПб., 2012. С. 21.

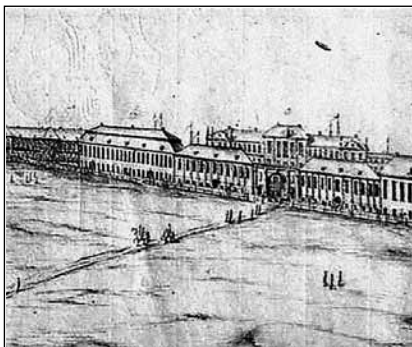
² НИОР БАН. № 30.2.53 / 9. Рисунок X. Марселиуса «Большой рынок у Адмиралтейства» (Le Grand Marché devan l'Admiralté). 1725. Фрагмент. Дворец Ф. М. Апраксина.

³ Иоаннисян О. М., Лесман Ю. М., Торшин Е. Н. Указ. соч. С. 20.

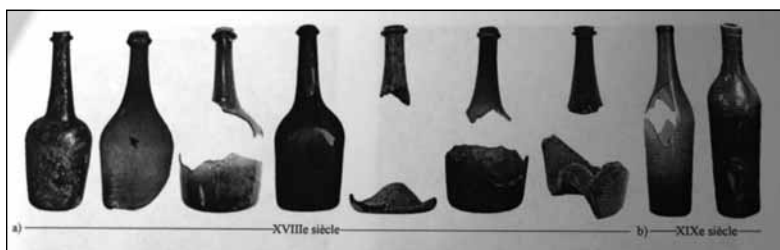
⁴ Денисов Ю. М. Исчезнувшие дворцы // Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий. Л., 1989. С. 30.

бопытно, что кости и бутылочные осколки скапливались толстым слоем непосредственно на полу полуподвального помещения». Верхней границей датировки всех найденных бутылочных осколков следует считать 1736 г. — завершение строительства на этом месте дворца Анны Иоанновны, нижней — 1705 г. — строительство первого деревянного дома Ф. М. Апраксина.

В процентном соотношении больше всего встречается англ-

Илл. 4. Дворец Ф. М. Апраксина. Фрагмент рисунка Х. Марселиуса «Большой рынок у Адмиралтейства». 1725.

Илл. 5. Типы бутылки «pot de fleurs» в период XVIII–XIX веков.

лийских и немецких бутылок, но среди них попадаются редкой формы образцы, так называемые «pot de fleurs» (илл. 5), считающейся единственной бутылкой точно французского происхождения⁵. Фрагменты такой бутылки (АСП-3612, 3585, 3584 (илл. 6)) были найдены во время раскопок 1999 г. в северной части траншеи XXVII⁶.

Французские бутылки, производившиеся в конце XVII — начале XVIII в., не имели устоявшихся форм, но с 1720-х гг. форма «pot de fleurs» прочно завоевывает французский рынок и становится практически единственной на протяжении XVIII в. Начало XVIII в.

⁵ Losier C. Bouteilles et flacons: les contenants utilitaires français du début du XVIIIe siècle au début du XIXe siècle. Aspects techniques et sociaux // Journal of glass studies. Vol. 54. New York, 2012. P. 159.

⁶ Отчёт об археологических надзорных работах на территории Большого двора Зимнего дворца Государственного Эрмитажа в 1999 году. Т. 1. СПб., 2001. С. 24.

Илл. 6. Фрагменты найденной бутылки.
АСП-3612, 3585, 3584.

пользование дерева в печах был принят веком ранее, в 1615 г., а в 1696 г. стекольных фабрик, использующих уголь, было уже 46. Использование угля при производстве бутылок и оконных стёкол повысило прочность и толщину, а изменение формы с луковичной и овальной на цилиндрическую дало возможность транспортировать вино не в бочках, а в бутылках⁸. Другой причиной широкого развития бутылочных производств стало увеличение, сначала у людей высшего света, а затем и у остальных потребителей, требований к качеству вина. В бутылках с годами оно только улучшалось, при транспортировке не теряло свой вкус, его нельзя было подделать, во всяком случае, сложнее. Как характеристику возросшего потребления вина в начале XVIII в. именно в бутылках, можно привести статистику Клайпедского порта. Например, в 1711 г. через таможенно было пройдено 300 бутылок. В 1719 г. — 1402⁹.

Аргументом того, что найденная бутылка в земле Большого двора Эрмитажа относится к французскому производству, может быть то, что форма найденной бутылки полностью совпадает с бутылками, найденными во время раскопок в местах бывших французских колоний, в которые также поставлялось вино в первой половине XVIII в.

⁷ Losier C. Bouteilles et flacons... P. 157.

⁸ Losier C. Les bouteilles de verre du château de Vaudreuil :Une archéologie de l'alcool à Montréal, au XVIIIe siècle. Memoire présenté à la Faculté des études supérieures en vue de l'obtention du grade de Maître ès Science (M.Sc.) en anthropologie. Montréal, 2005. P. 42.

⁹ Šimkutė I. Glass Bottles from the 16th century to the 19th century in the old town of Klaipėda: Data from Archaeological Excavations // Archaeologia Baltica, 16. Settlements and Towns. Dedicated to the 50th Birthday of Associate Prof Dr Gintautas Zabiela. Klaipėda, 2011. P. 155 [Электронный ресурс] // http://briai.ku.lt/downloads/AB/16/16_152-167_Simkute.pdf (дата обращения: 05.04.2017).

Например, при раскопках дома Филиппа де Риго де Водрёй (Philippe Rigaud de Vaudreuil) в 1991, 1996 и 1998 гг. археологом Pierre Cardinal в Квебеке в Канаде было найдено более 7 тыс. фрагментов бутылочного стекла¹⁰. Нижняя граница происхождения бутылок — 1721 г. — год покупки дома его владельцем. Среди найденных осколков бутылок, привезённых из Европы, также есть бутылки формы «pot de fleurs» (илл. 7).

Следующий аргумент в пользу французского происхождения наших осколков —

проведённая их электронная микроскопия¹¹ и проведённый К. С. Чугуновой¹² рентгеноспектральный микроанализ¹³ (илл. 8, 9). Сравнивались два фрагмента: стекло от бутылки «pot de fleurs» и от предполагаемой английской бутылки (АСП-3603). Оба фрагмента были найдены одновременно во время раскопок 1999 г. на месте усадьбы Ф. М. Апраксина. При небольшой разнице величин процентный состав минералов не совпадает ни по одной из позиций¹⁴. Существуют данные химического состава стекла, полученные при анализах осколков 63-х фрагментов бутылок «pot de fleurs», найденных в Квебеке при археологических раскопках дворца интенданта¹⁵. По своим средним показателям они совпадают с химическим составом нашего «французского» осколка.

Кто и когда мог привезти найденную в Большом дворе Эрмитажа бутылку из Франции, и что за вино было в ней? Подобной формы

Илл. 7. Бутылки формы «pot de fleurs», найденные при раскопках дома Филиппа де Риго де Водрёй в 1991, 1996 и 1998 гг.

¹⁰ Losier C. Les bouteilles de verre du ch?teau de Vaudreuil... P. 26.

¹¹ SEM, растровый сканирующий электронный микроскоп Zeiss, EVO-MA-25.

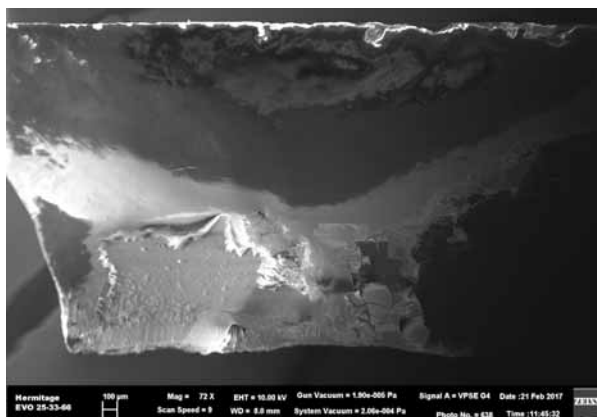
¹² Чугунова К. С., научный сотрудник Отдела научно-технической экспертизы.

¹³ SEM-EDX анализатор Oxford Instruments X-MaxN 80.

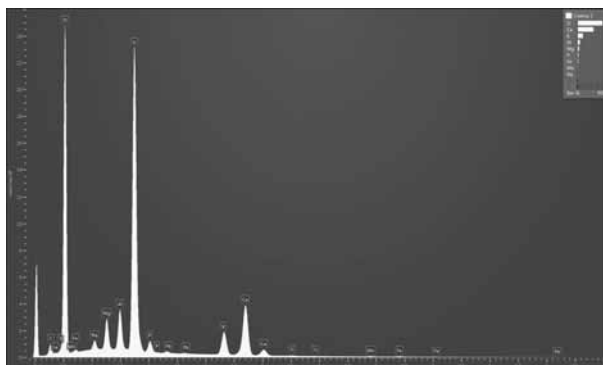
¹⁴ Результаты сравнения двух осколков из Большого двора Эрмитажа

	Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	P ₂ O ₅	K ₂ O	CaO	TiO ₂	MnO	FeO	PbO
Фр.	0,85	3,40	4,96	54,65	3,01	6,96	22,71	0,36	1,01	1,55	0,07
Анг.	1,93	2,11	5,36	67,61	1,53	2,52	16,49	0,33	0,48	1,58	0,06

¹⁵ Losier C. Bouteilles et flacons... P. 174.

Илл. 8. Вид структуры стекла в электронном микроскопе.

Илл. 9. Данные рентгеноспектрального анализа «французского» осколка.

бутылка могла происходить из нескольких регионов. В ней могло быть вино и бургундское, и с берегов Роны, так как для этих вин характерно небольшое количество осадка во время старения, в отличие от вин бордосских, для которых использовались бутылки с квадратными плечиками (илл. 10), чтобы во время наливания вина задерживался осадок¹⁶.

Будучи во Франции в 1717 г. Пётр почти за двухмесячное пребывание, несмотря на устоявшиеся пристрастия к алкогольным напиткам — анисовой водке и венгерскому вину, не остался равнодушным к красным винам. Как установил Сергей Мезин, особенно

¹⁶ Евсеевский Ф. Винный гид. М., 2002. С. 314.

полюбилося ему вино эрмитаж (Hermitage), производящееся в долине Роны, местечко Тен-л-Эрмитаж (Tain-l'Hermitage), округ Валанс. Впоследствии он требовал наладить его поставки в Петербург¹⁷. В письме к послу в Париже В. Л. Долгорукову от 27 августа 1721 г. Пётр I требовал наладить регулярную поставку больших партий любимого вина: «Сделай верного корреспондента, где родится вино эрмитаж»¹⁸. Речь шла о 400 бутылках в год. Вино эрмитаж,

Илл. 10. Бордоская бутылка и бутылка формы «pot de fleurs».

как пишет в своей монографии И. Г. Дуров, упоминает князь Щербатов в книге «О повреждении нравов» среди вин, употребляемых государем и царским двором: «Уже в домах завелися не только анисовая, приказная водка, но и гданския вина не токмо старинныя, ...но также ермитаж, венгерское и другия»¹⁹.

Голландские купцы доставляли в Россию больше западных товаров, чем купцы других стран. Их корабли привозили не только голландские, но и французские товары — кофе, сахар, вино²⁰. В начале XVIII в. через архангельский и петербургские порты импортировалось рейнское, «церковное», французское вино и «сек» (сухое вино) (на 1710 г. 70,4 тыс. руб.), в 1725 г. ассортимент вин превысил более 40 наименований, среди которых 86 % от всей стоимости (240 тыс. руб.) приходилось на обычные вина, шампанское, бургундское, португальское и «пикардон». Отдельно надо отметить, что Россия импортировала порожние бутылки, увеличивая каждый год их закупки²¹.

Прямые поставки вина самими французами, по всей видимости, налаживались только с начала второго десятилетия XVIII в. Так,

¹⁷ Мезин С. А. Пётр I во Франции. СПб., 2015. С. 226.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. СПб., 1906. С. 20, 21; Дуров И. Г. Провиантское обеспечение флота в эпоху Петра Великого. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2002. С. 343.

²⁰ Семёнова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга. СПб., 1998. С. 98.

²¹ Репин Н. Н. Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. (Архангелогородский и Петербургский порты). Омск, 1989. С. 40.

Меншиков в письме к Петру I от 14 августа 1713 г. пишет о Лефорте и его переговорах с французскими купцами, которые мечтают корабли свои отпускать в Петербург и требуют сведения какие у нас есть принципиальные товары²². Уже в 1715 г. в письмах к Петру I Лефорт пишет о четырёх «богатых домах в Париже, Баене, Бордо и Руане намеренных завести в России коммерцию <...>»²³ и послать несколько кораблей в будущем 1716 году. А так как он (Лефорт) имеет от Е.Ц.В. привилегию, «<...> чтобы можно было привезти и вывезти на миллион»²⁴.

Попытка русских самим вести торг на казённых кораблях, как и ожидал Пётр I, принесла лишь убытки. Закупленное французское вино во время торговой экспедиции во Францию (1723–1726), то ли вытекло из бочек, то ли коммерсанты сами его выпили²⁵.

Лидером по закупке спиртных напитков и изысканных съестных припасов, субтропических фруктов являлся сам царь²⁶. Современники отмечали, что из вельмож Петровской эпохи наиболее славился гостеприимством и содержал хлебосольный стол генерал-адмирал Ф. М. Апраксин²⁷. Французская бутылка была найдена в земле его бывшей усадьбы, в одном из юго-западных флигелей. Появиться там уже в виде битой посуды после покупки и опустошения у бутылки был шанс между 1715 и 1740-ми годами. Конечно, нельзя утверждать, что в этой бутылке было именно вино эрмитаж и оно было предназначено для царя. Очевидно то, что в процентном соотношении эта бутылка единична по отношению к другим, в подобные бутылки наливались бургундские вина или вина с берегов Роны, предназначалось подобное вино в петровском Петербурге только узкому кругу лиц и в нашем случае, скорей всего, Ф. М. Апраксину.

Наливали такое вино только рюмками и как описывал в уже упоминаемой книге «О падении нравов» князь Щербатов — это вино «довольно бережно подавали и в посредственных домах... во время праздников и пиршеств не стыдились принести четвертную запечатанную, налить из неё по рюмке и запечатав на погреб отослать»²⁸. Само же вино эрмитаж появилось в зданиях будущего Эрмитажа впервые на столе Петра I.

²² РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 523. Л. 36.

²³ Там же. Л. 43.

²⁴ Там же.

²⁵ Семёнова Л. Н. Указ. соч. С. 102.

²⁶ Дуров И. Г. Указ. соч. С. 183.

²⁷ Там же.

²⁸ Щербатов М. М. Указ. соч. С. 20, 21.

Исследование и сравнение форм бутылок, производимых во Франции в первой половине XVIII в., в частности в долине Роны, и отправляемых на экспорт не только в Россию, позволит уточнить атрибуцию археологических экспонатов из Санкт-Петербурга, дополнить информацию о торгово-промышленных связях с Францией в первой половине XVIII в.

Алексей Викторович Крайковский
(Санкт-Петербург)

*Старший научный сотрудник
лаборатории экологической и технологической истории
НИУ Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге*

«Устерсы» для нашего моря.
Впечатления заграничных путешествий
и проекты европеизации потребления рыбы
и морепродуктов в Российской империи
в XVIII веке

Процесс внедрения западноевропейских продуктов, включая устриц, в потребительскую культуру России рассматривался по преимуществу как часть бытовой истории. Уже и эта перспектива позволяет смотреть на изучаемые события как на часть довольно большого процесса, который мы можем описать как зарождение потребления в его современном виде, начальный этап того, что мы сегодня именуем «общество потребления»¹. Между тем, источники позволяют увидеть гораздо более важные контексты, главным из которых является стремление императорской власти к превращению России в морскую державу. Последнее, в свою очередь, означает не только строительство флота и морских портов, но глубинные изменения как общества, так и самой природы. В рамках этих проектов те части моря, которые были подконтрольны русской короне, должны были

¹ См. напр.: *Goldstein D. Gastronomic Reforms under Peter the Great. Toward a Cultural History of Russian Food // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge, Bd. 48, H. 4 (2000). P. 481–510.*

обрести черты «настоящего» моря, включая сюда и композицию определённых промысловых видов. Устрицы, таким образом, стали своего рода символом европейского пути развития страны, и русское искусство немедленно отреагировало на эту новую реальность. Этот сюжет не нов для литературоведов, и не будет никаким открытием сказать, что Фонвизин, Радищев, Пушкин, Гоголь и Салтыков-Щедрин — перечислим лишь немногих и наиболее знаменитых представителей русской словесности — сделали устриц в той или иной мере героями своих произведений. Этот поворот темы показывает нам устриц в неожиданном ракурсе. Для героя Фонвизина устрицы — это неотъемлемая часть петербургской жизни, и он вынужден объяснять своим знакомым провинциалам, что невозможно жить в столице и не есть этих моллюсков. Радищев описывает поедание устриц как дурную привычку, привезённую из-за границы, которая становится причиной служебных упущений и финансовой нечистоплотности высокопоставленного губернского чиновника. Для Пушкина устрицы — радость светской молодёжи, обязательная часть весёлого и дружеского кутежа в дышащей Европой Одессе. В тексте Гоголя поедание устриц, омаров и крабов — одно из коренных отличий изнеженных и хилых петербургских вельмож от господина средней руки, истинного богатыря русского застолья, способного в один присест расправиться с целым поросёнком с кашей. Наконец, под пером Салтыкова-Щедрина устрицы становятся предметом массового потребления петербуржцев, имеющих хотя бы средний достаток, частью их жизни не столько как обитателей имперской столицы, сколько как жителей крупного порта, приморского города². Такое разнообразие образов и контекстов приводит к естественному вопросу — с чего же всё началось?

История внедрения европейских блюд, включая устриц, в структуру питания жителей России в петровское и послепетровское время традиционно рассматривается как прямое последствие заграничных путешествий Петра, своего рода распространение личных пристрастий первого лица на всё общество. Такого рода диета была совершенно неизвестна в допетровской Руси, где из водных беспозвоночных животных потреблялись только речные раки, относившиеся к разряду «разносолов», т. е. лакомств, закусок, а не собственно еды.

Каким же образом происходит перенос бытовых привычек? Когда мы говорим, что путешественники заимствовали поедание уст-

² См. более подробный анализ темы в: *Беспровзванный В.* «Литературные устрицы» или Ещё раз о теме устриц. *Toronto Slavistic Quarterly*, 36, Spring 2011. P. 21–51.

риц, о чём мы говорим на самом деле? Чем было поедание устриц в Европе и стало ли это занятие тем же в культурном смысле слова, переместившись в Россию?

Ответ на эти вопросы может быть получен через совершенствование методов анализа источников. Говоря о механизме переноса культурных практик, мы должны сосредоточить внимание на визуальной стороне дела. Для нас важны визуальные впечатления, полученные путешественником по ходу его кратковременного визита и ставшие основой для управленческих решений, направленных на воспроизводство культурных практик так, как они были усвоены, то есть увидены. Иными словами, мы сталкиваемся с проблемой видимого и невидимого. Устрицы в этом смысле занимают в культуре Европы особое место. Они, несомненно, относятся к тому феномену, который Джейми Лоример описал как *nonhuman charisma* — харизма, свойственная животным, или, шире говоря, не представителям вида *homo sapiens*³. Благодаря этой харизме устрицы заняли определённое место в визуальной культуре Европы Раннего Нового времени, и особое внимание следует, на мой взгляд, уделить Нидерландам.

Великое посольство застало Голландию и Амстердам Золотого века на излёте их пышного расцвета, и мощная визуальная броскость голландской культуры, конечно, не могла не произвести на визитёров соответствующего впечатления. Отметим, что как в визуальной культуре Нидерландов (а произведения изобразительного искусства окружали там приезжего повсюду, и голландская живопись и графика в такой же мере формировали представления путешественника о стране, как и непосредственно наблюдаемая действительность), так и в жизни голландцев устрицы занимали нишу весьма специфическую. Если судить по произведениям голландских художников, поедание устриц предполагало особое место, время и антураж — оно не имело отношения к еде в смысле удовлетворения потребности в пище. Перед нами ритуал, входивший в процедуру посещения борделя, причём устрицы поедались непременно в сыром, живом виде с целью получения эффекта афродизиака⁴. Отметим, что посещение борделей и усвоение европейских практик межполовых контактов было неотъемлемой частью европейского опыта участников Великого посольства, многие из которых были молоды

³ См. *Lorimer J. Nonhuman Charisma. Environment and Planning D: Society and Space* 25, 2007. P. 911–932.

⁴ См. подробнее: *Beckmann I. Geflügel, Austern und Zitronen. Lebensmittel in Kunst und Kultur der Niederlande des 17. Jahrhunderts, Darmstadt: WBG, 2014.*

и полны сил⁵. Усвоив представление об устрицах как об экзотической еде для особых случаев, связанной с такими понятиями, как разгул, разврат и роскошь, и предназначенной для поедания в крайне непривычном для русского человека живом виде, они привезли их с собой в Россию. Как же выглядела картина петербургского потребления устриц?

Наиболее яркая часть истории, разумеется, связана с потреблением высшего общества и более широко — имперской столицы. Будучи своего рода флагманом бытовой европеизации, Петербург превращал те или иные повседневные практики в проявление богатства и роскоши в глазах остальной страны, и устрицы заняли свою нишу в этом процессе. Представляется, что в истории петербургского потребления устриц надо разобраться детальнее.

Устрицы поставлялись в имперскую столицу в составе более обширной группы товаров, которую мы можем довольно расплывчато обозначить как рыба и морепродукты европейского происхождения. В данном случае имеется в виду как биологическое происхождение, т.е. виды животных, обитающие в европейских морях, так и технология заготовки, т.е. продукты, приготовленные европейскими методами. Эта группа может включать как североморские устрицы и сельдь (голландского, норвежского или шотландского посола), так и, к примеру, живых карпов из Кёнигсберга. Однако при обращении к данным Регистра Зундской пошлины, содержащего сведения о кораблях и товарах, провозившихся через Датские проливы в период с XV по XIX в., мы видим довольно любопытную картину. Во-первых, устрицы составляют только небольшую часть груза судов, везущих различные экзотические для русских XVIII в. продукты. Во-вторых, самих записей об устрицах, следующих в Петербург, в первой половине XVIII в. чрезвычайно мало. Так, самая ранняя запись о провозе устриц в Петербург датируется июлем 1716 г. Голландский шкипер Вибе Сиверс, согласно этой записи, вёз из Амстердама в Петербург восемь шиффунтов устриц, которые составляли очень малую часть большого груза, включавшего сахар, табак, оливки и др.⁶ В целом за первую половину века Зундские регистры зафиксировали только 3 корабля, идущих в Петербург с

⁵ *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Великое Посольство: Рубеж эпох или Начало пути: 1697–1698. СПб., 2008. С. 241–242.

⁶ Sound Toll Registers Online (далее: STRO). Recordid 591125. [Электронный ресурс] // URL: <http://dietrich.soundtoll.nl/public/advanced.php?id=591125> (дата обращения: 30.01.2018).

устрицами на борту⁷. Из этого мы можем сделать вывод, что устрицы поставлялись в Петербург иными путями и скорее всего — не из Голландии и не из Франции. В источниках чаще всего фигурируют фленсбургские устрицы, и это даёт нам представление о том, как выглядит маршрут моллюсков на петербургский рынок. Фленсбург, порт на балтийском побережье Шлезвига, был тогда частью Дании. Как и во всём Балтийском море, во Фленсбургском фьорде устрицы не водятся, и связь этого города с поставками моллюсков в сознании жителей России (достаточно вспомнить Тургенева с его ироничным упоминанием среди героев русской литературы «юношей, решившихся во что бы то ни стало быть свежими... свежими, как фленсбургские устрицы, привозимые в С. Петербург») может быть объяснена только особенностями логистики. Шлезвигские и голштейнские устрицы Ваттового моря попадали во Фленсбург по суше, и уже оттуда направлялись в Россию морем. Именно датские устрицы составляли, вероятно, основу петербургского импорта моллюсков.

Для изучения реалий петербургского потребления устриц я обратился к газете «Санкт-Петербургские ведомости». Этот источник даёт возможность проследить (пусть и чрезвычайно отрывочно) историю доставки моллюсков в столицу. Газета получала и публиковала сведения о судах, движущихся в сторону Петербурга, и иногда прямо указывала, что они шли с грузом устриц на борту. Например, в номере от 17 мая 1731 г. сообщалось об известиях, пришедших «из Ревеля 12 числа сего месяца... прибыл туда ... идущий в Санктпетербург фленсбургский корабль, котораго шкипор объявляет, что он пред тремя днями близ Кронштадта был, но понеже он ради еще имеющегося тамо льда проехать не мог, то принужден он был ради безопасности туда прибыть, который ныне привезенны тамо продать намерен на оном корабле аустерсы»⁸. На следующий год уже 30 марта газета сообщала о получении известия от 20 марта из Ревеля о том, что хотя «лед с воды еще не сошел, однако ж вчерашняго дня отсюда уже два корабля видны были, из которых один, как слышно, с устерсами в Санктпетербург»⁹. Отметим, что речь идёт о ранней весне, самом начале навигации, и, очевидно, перед нами

⁷ STRO. [Электронный ресурс] // URL: http://dietrich.soundtoll.nl/public/advanced.php?order=&volg=0&advanc=1&v1=*&v2=*&v3=*&v4=*&v6=*&v7=*ster*&v8=1&v9=&v10=&r0=&r1=&r2=&r0a=&r1a=&r2a=Russia%20around%20St.%20Petersburg Запрос *ster*, Destination Area around Petersburg (дата посещения: 30.01.2018).

⁸ Санкт-Петербургские Ведомости (Далее СПбВ). 17.05.1731. С. 4.

⁹ Там же. 30.03.1732. С. 4.

первая доставка, которая должна открыть в имперской столице устричный сезон.

Что касается непосредственно розничной торговли, то мы можем судить о ней по частным объявлениям, публиковавшимся по заказам торговцев. Анализ источника позволяет отметить несколько особенностей. Торговля устрицами была сосредоточена по преимуществу в руках иностранцев. Так, в 1730-х гг. среди продавцов фигурируют г-жа Габеданк, Яган Далман и Яган Брунланд. Последние двое, по-видимому, занимали в устричной торговле видное место, их объявления встречаются неоднократно¹⁰. Торговля моллюсками была сконцентрирована в центральной части города — от Марсова поля до района нынешней Исаакиевской площади, и осуществлялась в отрыве от продажи рыбы. Скорее перед нами предстаёт лавка деликатесов, где устрицы продаются в одном ряду с лимонами, оливками и прочими импортными экзотами¹¹.

Что касается потребления, то источники не дают оснований думать, что в Петербурге устрицы в полной мере сохранили ту же смысловую нагрузку, какую они имели в Амстердаме XVII в. Для Петербурга речь скорее идёт о местной специфике рынка, манифестации имперского богатства. Любые экзотические лакомства доступны тому, кто готов платить за них деньги. «Письмовник» Курганова выражает эту мысль известными географическими стихами: «В Санкт-Петербурге есть и устерсы, и раки, в Москве с полдюжины дают за гривну дынь...»¹².

Именно в такой обстановке начался проект по разведению устриц в Финском заливе. Это была попытка императрицы Елизаветы Петровны получить от короля Дании Фредерика V достаточное количество живых молодых устриц с тем, чтобы расселить их на пространстве от Кронштадта до Сааремаа. Проект начался 23 ноября (ст. стиль) 1747 г. с рескрипта Елизаветы Петровны, требующего построить специальные суда и силами Балтийского флота перевезти необходимое количество устриц из европейских стран (с которыми предварительно следовало провести переговоры) в районы флотских баз вдоль Южного берега Финского залива¹³. Следует отметить

¹⁰ См. напр.: СПбВ. 01.05.1736. С. 8; 09.02.1736. С. 8; 01.03.1736. С. 8.

¹¹ См. напр.: «У купца Ягана Далмана на Большой улице против Зимнего дворца продаются самая свежая устерсы, цитроны и каштаны повольную цену, о чем чрез сие объявляется». СПбВ. 20.12.1736. С. 8.

¹² См.: *Западов А. В.* Журнал М. Д. Чулкова «И то и сьо» и его литературное окружение, XVIII век. Статьи и материалы. Вып. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 186.

¹³ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 99. Л. 2–6 об.

особо следующие моменты: во-первых, проект осуществлялся силами Военно-морского флота и Коллегии иностранных дел. Перед нами дело, потребовавшее объединённых усилий двух институций, относившихся к наиболее значимым и наиболее модернизированным и европеизированным в России того времени. Во-вторых, в обсуждении проекта и в последующей переписке не раз всплывала риторика европейскости, Европы как образца. Европеизированная страна не могла удовлетвориться импортом. Речь непременно должна была идти об усовершенствовании «нашего моря» и превращении его из «окна в Европу» в часть Европы как таковой. Любопытно в этой связи стремление сконцентрировать все усилия по осуществлению проекта по преимуществу в акватории современной Эстонии, которая тогда занимала в составе Российской Империи специфическое место Русской Германии. Ставшая очевидной к 1754 г. неудача проекта, вызванная природными причинами, а именно недостаточной солёностью балтийской воды, вызвала недовольство в высших кругах¹⁴. Повторим, что речь не идёт о том, что императрица не получала устриц. Импорт вполне способен был удовлетворить запросы имперской элиты, и купить устриц в Петербурге, в общем-то, не было проблемой. Речь о необходимости получения своих, русских устриц, как части манифестации европейского характера молодой державы.

Подводя итоги, отметим несколько важных моментов. Екатерина II была более успешна в получении доступа к устрицам и морепродуктам отечественного происхождения. Во второй половине XVIII в. Россия пробила дорогу к Чёрному морю, и уже в 1788 г. «Словарь ручной натуральной истории» отмечает, что устриц «изобильно в царстве Таврическом»¹⁵. Разумеется, крымские устрицы немедленно стали предметом правительственной заботы. По приказу Г. А. Потёмкина их поставками должны были заниматься греки, считавшиеся крупными специалистами в разведении и добыче этих моллюсков¹⁶. Более того, императрица потребовала доставлять ей мидии с Белого моря, и эти поставки окончательно должны были свидетельствовать о том, что Россия получила от Бога настолько богатую природу, что может довольствоваться своим, не покупая

¹⁴ См. подробнее: *Гамель И. Х.* О разведении устриц в Финском заливе. Учёные записки Императорской Академии наук. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1852. С. 262–267.

¹⁵ *Левшин В.* Словарь ручной натуральной истории. Ч. 2. М., 1788. С. 149.

¹⁶ См. напр.: *Харабуга В. В.* Греки в истории Крыма: Краткий биографический справочник. Симферополь, 2000. С. 32–43.

привозного¹⁷. Вопросы цены подобной доставки императрицу не волновали.

Ко времени Наполеоновских войн Россия уже имела достаточно долгую традицию потребления устриц. Поваренные книги конца XVIII в. на русском языке упоминают различные рецепты, включая варку, тушение и запекание. Вспомним, например, Никиту Панина, варившего устриц в английском пиве прямо в покоях наследника Павла Петровича¹⁸. Тем не менее, заграничные походы русской армии стали, вероятно, ещё одним важным эпизодом знакомства, на этот раз массового, с европейскими обычаями потребления. История внедрения морепродуктов в структуру питания русских людей XVIII в. содержит как проявления совершенно новых идей, так и явные признаки встраивания привносимых практик в привычные нормы, как, например, включение морепродуктов в нишу деликатесов, что вполне соотносится с «разносолами» в понимании XVII в. Конструируя новое общество, с его европеизированной элитой, государственная власть ставила в то же время задачу конструирования новой природы, которая бы соответствовала пожеланиям этих новых европейцев.

¹⁷ Любопытно, что эти поставки, в свою очередь, связывались с ответным переносом из столицы на север гастрономической новинки — картофеля. См.: *Подвысоцкий А. О.* Водворение и распространение картофеля в Архангельской губернии в 1765—1865 гг. // *Русская старина*. Т. 26. 1879. С. 86.

¹⁸ *Порошин С.* Семёна Порошина записки: служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича, наследника престола российского. СПб., Тип. К. Крайя, 1844. С. 56.

НАУКА И ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕРРИТОРИЙ

Мария Роса Масса-Эсте
(Барселона)

*Сотрудник Центра по истории техники кафедры математики
Каталонского политехнического университета*

Встречи Петра I и Лейбница в 1711, 1712 и 1716 годах¹

Введение

XVIII в. был этапом в развитии передачи научных знаний в Европе. Основная часть такой передачи происходила через академии, их публикации, переписку и европейские вояжи королей, императоров и людей науки.

Пётр I неоднократно совершал путешествия в Западную Европу для приобретения знаний и знакомства с изобретениями. Он восхищался предметами искусства и наблюдал за развитием ремёсел. Царь посещал академии, в частности, Парижскую Академию наук, и общался с людьми науки². В этой статье мы сосредоточим внимание на встречах царя — политика и путешественника, влюблённого в науку, с философом, математиком и дипломатом Готфридом

¹ Пер. с франц. М. Г. Щербины.

² Сокращённый вариант этой статьи был представлен 19–23 апреля 2017 г. на состоявшемся в Париже Международном петровском конгрессе «Европейские маршруты Петра Великого (1701–1717)».

Вильгельмом Лейбницем (1646–1716). Эти встречи происходили, в частности, в Торгау (1711), Карлсбаде (1712) и Бад-Пирмонте (1716). Анализ этих контактов и проектов (записок), которые Лейбниц представил царю в целях модернизации России, позволит нам поразмышлять над вкладом Лейбница в создание Академии Наук в Санкт-Петербурге³. Академия, основанная Петром Великим в 1725 г., стала крупнейшим научным центром и основным элементом передачи и движения знаний между европейской наукой и российской.

В качестве основного источника мы использовали переписку Лейбница и записи о ней Владимира Герье (1837–1919), специалиста истории математики и профессора Московского университета. Было выполнено уже несколько исследований об отношениях между Лейбницем и Петром I. Мы постараемся объединить и обобщить их результаты, проанализировав три встречи двух великих людей в 1711, 1712 и 1716 годах⁴.

³ По истории Петербургской Академии наук см.: *Mincer W.* Les origines de l'Académie des Sciences à St. Pétersbourg // *Organon*. Vol. 11. 1975. P. 129–135; *Schulze L.* The Russification of the St. Petersburg Academy of Sciences and Arts in the eighteenth century // *British Journal of History of Sciences*. Vol. 18. 1985. P. 305–335; *Gordin M. D.* The Importation of Being Earnest: The Early St. Petersburg Academy of Sciences // *Isis*. Vol. 91, no 1. 2000. P. 1–31; *Gouzevitch I., Gouzevitch D.* Introducing mathematics, building an empire: Russia under Peter I // *The Oxford Handbook of the History of Mathematics*. 2008 / Ed. by Robson E., Stedall J. Oxford: Oxford university press, 2008. P. 353–373; *Масца-Эстеве М. П.* Санкт-Петербургская Академия наук от Петра I до Екатерины II: Леонард Эйлер. СПб.: Европейский Дом, 2017. С. 190–202.

⁴ О Лейбнице и Петре Великом можно прочесть в следующих работах: *Voisé W.* Le premier projet de l'Académie Russe des Sciences à la lumière de la correspondance de Leibniz avec Pierre I-er // *Organon*, 11. 1975. P. 115–127; *Petschauer P.* The philosopher and the reformer: Tsar Peter I, G. W. Leibniz and the college system // *Canadian American slavic studies*. 1979. T. 13. P. 473–487; *Knobloch E.* Leibniz und die St. Petersburger Kunstammer // Ed. by *Buberl B., Dückerhoff M.* Palast des Wissens, Die Kunst- und Wunderkammer Zar Peters des Großen. Band 2. Beiträge. München: Firmer Verlag, 2003. S. 124–132; *Gale G.* Leibniz, Peter the Great, and the modernization of Russia or Adventures of a Philosopher-King in the East // *Divinatio, studia culturologica series*. Vol. 22. 2005. P. 1–36; *Stevens G. R. Jr.* German Perceptions of Poland and Russia in the Early Modern Period // *All Theses*. Paper 2370. P. 95–100; *German Perceptions of Poland and Russia in the Early Modern Period* [Электронный ресурс] //

https://tigerprints.clemson.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3375&context=all_theses (дата посещения: 15.2.2018).

Stuber R. Leibniz's Bermühungen um Russland: eine Annäherung // Ed. by *Kempe M.* 1716-Leibniz'Letztes Lebensjahr, Gottfried Wilhelm Leibniz Bibliothek. Hannover, 2016. S. 203–242.

Некоторые биографические данные о Лейбнице

Перед тем как начать описание встреч, мы хотели бы представить некоторые биографические данные, характеризующие фигуру Лейбница⁵.

Он родился 1 июля 1646 г. в Лейпциге (Саксония)⁶. В возрасте 15 лет поступил в Лейпцигский университет, где изучал философию и юриспруденцию. В 17 лет (1663) стал обучаться в университете г. Иена у Эрхарда Вейгеля (1625–1699), где сформировались идеи Лейбница о бинарной математике и философии математики. Затем он продолжил обучение в университете г. Альтдорф, где в 1667 г. получил степень доктора права, защитив диссертацию на тему: «*Disputatio casibus inauguralibus perplexis*». Ему было предложено продолжить работу в университете в качестве преподавателя, но у него были другие планы.

Лейбниц работал при дворе Иоганна Филиппа фон Шёнборна, курфюрста-архиепископа Майнцского, начав обширную переписку, которая в 1671 г. привела его к продолжительным контактам с секретариатом Лондонской Королевской академией и Академией наук в Париже, а также с Афанасием Кирхером в Риме и с Отто фон Герике в Магдебурге. С 1672 по 1676 г. Лейбниц ездил в Париж с дипломатической миссией. Речь шла о том, чтобы помешать вторжению Людовика XIV в рейнские земли. Его дружба, завязавшаяся в Париже с Христианом Гюйгенсом (1629–1695), сыграла определяющую роль в математическом образовании Лейбница⁷. В 1676 г.,

⁵ Биографические ссылки на работы о Лейбнице: *Kreiling F. Leibniz // Dictionary of scientific biography / Ed. by C. C. Gillispie. Vol. 8. New York: Scribner's, 1973. P. 149–150; Aiton E. J. Leibniz: A Biography. Bristol; Boston: Adam Hilger, 1985; Popp K., Stein E. Gottfried Wilhelm Leibniz. Philosopher, Mathematician, Physicist, Engineer. Hannover: Univ. Hannover, 2000; Antognazza M. R. Leibniz: An Intellectual Biography. New York: Cambridge Univ. Press, 2009.*

⁶ Его отец, Фридрих Лейбниц, был преподавателем моральной философии, а мать Катарина Шмукк также происходила из семьи университетского профессора. Когда Лейбницу было 6 лет, отец умер, и мальчик получил доступ к его библиотеке. Он прочитал Платона, Аристотеля и латинских классиков, позже — трактаты Фомы Аквинского, Фонсеки и Бэкона, а также, среди прочих, Кеплера, Галилея и Декарта. С 7 до 15 лет Лейбниц обучался в лучшей школе Николаи, где его раннее развитие привлекло внимание учителей.

⁷ По совету Гюйгенса он прочёл некоторые работы Джеймса Грегори (1638–1675), Николауса Меркатора (1620–1687), Джона Валлиса (1616–1703), Пьетро Менголи (1626 / 27–1686) и других авторов. В январе 1673 г. Лейбниц приехал в Лондон, где встречался с Генри Ольденбургом (1619–1677), Джоном Коллинсом (1625–1683), Джоном Пеллом (1611–1685), Робертом Хуком (1635–1703) и Робертом Бойлом (1627–1691).

отказавшись от мысли оставаться далее в Париже, он переехал в Ганновер⁸.

С декабря 1676 по конец 1679 г. Лейбниц служил при дворе герцога Иоганна Фридриха Брауншвейг-Люнебургского, затем с 1679 по 1698 г. у герцога Эрнста Августа и, наконец, до конца жизни — у Георга Людвига, ставшего впоследствии королём Англии Георгом I. В 1685 г. Лейбницу было поручено подготовить историческое исследование дома Гвельфов и герцогов Брауншвейгских⁹. В октябре 1687 г. Лейбниц начал работу по поиску источников в архивах Германии, Австрии и Италии¹⁰. В 1692 г. он был назначен заведующим библиотекой при дворе герцога Антона Ульриха Брауншвейг-Вольфенбюттельского.

Лейбниц был основателем и президентом Берлинской Академии наук (1700) с девизом «Theoria cum praxis» (Теория и практика)¹¹. Его связывала дружба с Софией Шарлоттой Ганноверской и Петром I, о чём будет говориться далее. Лейбниц умер 14 ноября 1716 г., оставленный почти всеми высокими особами, которым он служил.

Первые письма Лейбница царю и их встречи

Отношения между Лейбницем и Петром I завязались во время первого европейского путешествия царя, которое известно под названием Великого посольства. Оно продолжалось 535 дней с марта 1697 по сентябрь 1698 г. и вначале проходило инкогнито. 4 августа 1697 г. по дороге в Голландию Пётр посетил Берлин. Он остановился в Коппенбрюгге, где отужинал в компании герцогини Софии Ганноверской (1630–1714), вдовы курфюрста Ганновера, и её дочери Софии Шарлотты (1668–1705), которая была хорошо знакома с Лейбницем. Сам Лейбниц, который очень хотел встретиться с русским царём, чтобы представить ему свои идеи, не был допущен к

⁸ О пребывании Лейбница в Париже см.: *Hoffman J. Leibniz in Paris. 1672–1676. His growth to mathematical maturity.* Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1974.

⁹ До последнего дня жизни Лейбниц пытался закончить работу над историей Брауншвейгского дома, которая была ему доверена.

¹⁰ В Италии он посещает Рим, встречается с иезуитами и другими миссионерами и, благодаря им, проявляет интерес к Китаю. После поездки в Болонью в декабре 1689 г., где он беседовал с Гильельмини, Мальпиги и Сабатини, с 30 декабря 1689 по февраль 1690 г. Лейбниц посещает Модену и, наконец, в марте 1690 г. Венецию. По этому периоду его жизни можно рекомендовать к чтению: *Robinet A. G. W. Leibniz Iter Italicum (Mars 1689 — Mars 1690). La dynamique de la République des Lettres. Nombreux textes inédits.* Firenze: Olschki, 1988.

¹¹ По *Theoria cum praxis* см.: *Popp K., Stein E.* Op. cit.

Великому посольству. Тем не менее, он смог встретиться с племянником Франца Лефорта (1656–1699)¹², Петром Лефортом, в Миндене, таком же маленьком городке на севере Германии, как и Коппенбрюгге. Для него (и для царя) Лейбниц составил записку «*Desiderata circa linguas quae sub Imperio Moschico et in vicinis regionibus usurpantur*», в которой он объяснял, что хотел бы получить образцы различных языков, на которых говорили в России.

Во время поездки Петра I по Европе Лейбниц написал ему несколько писем на тему преобразований, которые царь собирался осуществить, чтобы превратить Россию в европейское государство. Так, в письме Лефорту (июль–август 1697 г.) Лейбниц писал, что русский царь хочет «привлечь в свою страну науки, искусства и хорошие манеры, в особенности, из нашей Европы»¹³. В том же письме Лейбниц сначала перечислил, а затем описал в семи пунктах то, что царю предстояло сделать в связи с этими высказываниями:¹⁴ «1. Образовать центральное ведомство по делам наук и искусств; 2. Привлечь способных иностранцев; 3. Завезти в страну заслуживающие того иностранные вещи; 4. Отправить с соответствующими предосторожностями своих подданных в путешествия; 5. Обучить у себя народы; 6. Создать правильную систему отношений в стране, чтобы точно изучить её потребности; 7. Восполнить то, чего не хватает»¹⁵.

По первому пункту Лейбниц отмечает значимость выбираемых лиц и необходимость иметь «соответствующие» средства для их оплаты. Эти лица должны быть «хорошо знакомы с науками и искусствами и быть высокого инженерного уровня». Он также говорит о сроках выполнения, указывая, что реформы надо производить быстро, потому что «не мы, а только наше потомство вкусит их плоды». По второму пункту Лейбниц предлагает «отменить или изменить законы» с тем, чтобы иностранцы могли легко въезжать и выезжать из России. Он добавляет, что к ним (иностранцам) «надо хорошо относиться», давая им, в соответствующей пропорции, привилегии и преимущества. В том, что касается иностранных вещей, которые следует завезти (третий пункт), то «это должны быть книги и инструкции к самым разным предметам и редкостям». Но это

¹² Франц Лефорт носил звание российского генерала и адмирала при Петре I, другом и советником которого он был долгое время.

¹³ *Герье В.* Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / Издал В. Герье. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1873. № 13. С. 15.

¹⁴ Там же. С. 14–19.

¹⁵ Там же. С. 16.

также должны быть целые обсерватории, мельничные машины, лавки, аптеки и работные дома́ с разнообразными действующими машинами и изобретениями». В следующих пунктах он говорит о необходимости того, чтобы русские люди путешествовали и получали образование у себя в стране, для чего следует открывать школы и «Академии, как для наук и искусств, так и для практических ремёсел». Идея Лейбница заключалась в том, чтобы добавить к теории практику (*Theoria cum praxi*). Он также распространяется о необходимости знания своей страны, её географических границ и обычаев населяющих её людей. В последнем седьмом пункте он объясняет, что необходимо восполнить недостающее в стране, копируя и улучшая то, что делается за её пределами.

Вернувшись в Ганновер, Лейбниц продолжал переписку с Петром Лефортом вплоть до октября 1697 года. Нельзя сказать с уверенностью, известны ли были в то время царю идеи Лейбница. Но определённно то, что Лейбниц тщетно пытался договориться о встрече с ним через посредство Лефорта.

Позже, в начале декабря 1708 г., приехав по делам в Вену, Лейбниц вступил в контакт с Иоганном Кристофом фон Урбихом (1653–1715), полномочным министром австрийского двора, который попросил его подготовить план продвижения наук в России¹⁶. Лейбниц принял предложение и в декабре 1708 г. представил проект, составленный на немецком языке¹⁷. 27 августа 1709 г. он отправил из Браунштейна письмо Урбиху, по которому мы можем судить о том, каково было мнение Лейбница о компетенции Петра I для осуществления этого проекта в России: «Мне, обращённому всегда к пользе и благу человеческому, приятно видеть, что эта большая Империя встаёт на путь разума и порядка, и я считаю, что Господь предопределил персону царя для таких великих дел»¹⁸.

Дальше он перечислил все выигранные Петром сражения, хорошие отношения царя с иностранными державами и в конце заверил в том, что счёл бы за счастье ему помочь.

2 сентября 1709 г. в другом письме Урбиху, излагая свой проект для России, он пишет также о той роли, которую мог бы сам в нём сыграть: «Честь, которую я имею быть одним из первых членов всех Королевских Обществ и президентом этого последнего, не говоря о самых значительных открытиях, которые признают за мной, даёт

¹⁶ *Antognazza M. R.* Op. cit. P. 465.

¹⁷ Проект на немецком языке мы находим у В. Герье (*Герье В.* Указ. соч. № 73. С. 95–100), а детальный план изложен в: *Voisé W.* Op. cit. P. 121–122.

¹⁸ *Герье В.* Указ. соч. № 88 С. 117–120.

мне надежду на то, что мне доверят руководство таким большим предприятием, которое я предпочёл бы любому другому занятию»¹⁹.

Россия представлялась Лейбницу в виде «*Tabula Rasa*» (Пустого пространства), и даже если это было далеко не так, он считал, что лучше начинать всё с нуля, чем переделывать затем старые структуры.

Первая встреча Лейбница с Петром I в Торгау (1711)²⁰

Неизвестно, читал ли Пётр I письмо от 1697 г., или только проект 1708 г., но мы знаем, что в 1711 г. у Петра состоялась первая встреча с Лейбницем в Торгау, немецком городе на берегах Эльбы в северо-западной части Саксонии. В конце октября 1711 г., несмотря на то, что к этому времени Лейбниц по-прежнему не добился личной встречи с царём, как он того хотел, ему удалось встретиться с Петром I по случаю одного торжественного ужина, который был устроен в Торгау²¹. Лейбниц рассказал царю о своём проекте модернизации России посредством развития образования, науки и искусств. Позже он описал эту встречу в письме герцогине Софии от 31 октября 1711 г.: «Монсеньор Герцог соблаговолил познакомить меня с Царём, который неоднократно обращался ко мне и всякий раз весьма любезно. Через два дня после отъезда его высочества я был приглашён ко двору и отужинал за одним столом с Царём. Я уехал через 2 часа после него»²².

Лейбниц изложил свои планы относительно России лично царю, а затем написал ему в 1711 г. ещё одно письмо по поводу их встречи в Торгау²³. В этом письме, озаглавленном «План Лейбница после встречи с царём Петром в Торгау»,²⁴ он отмечает ещё 4 пункта: 1) Показать полезность организации обучения молодых людей во всех регионах России с тем, чтобы они могли усвоить обычаи,

¹⁹ Там же. № 89. С. 121.

²⁰ Там же. № 115–137. С. 159–197.

²¹ В Чешской Энциклопедии 1859 г. есть упоминание об этой встрече в Торгау, во время которой Лейбниц говорил Петру, что у них обоих славянские корни (*Huylebrouck D., Ognjanovic Z., Radović L. Leibniz, a Sorb // The Mathematical Intelligencer. Vol. 39, issue 3. 2017. P. 53–55*).

²² Письмо Лейбница герцогине Софии: *Leibniz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe. Reihe I: Allgemeiner, politischer und historischer Briefwechsels. Transcriptionen 1711. Hannover : [Gottfried Wilhelm Leibniz Bibliothek], 2015. S. 296–297 (№ 242)*.

²³ *Герье В. Указ. соч. № 127. С. 180–183.*

²⁴ «Von Leibniz während seiner Zusammenkunft mit dem Czar Peter in Torgau aufgesetzte Concepte» *Герье В. (Там же. С. 180).*

языки, искусства и науки; 2) Произвести наблюдения в царстве физики и техники, то есть в Природе и Искусствах (Naturae et Artis), чтобы также развивать астрономию; 3) Позаимствовать в Европе и Китае их практики и внедрить их в империю Царя, что поможет обеспечить приток денег в страну; 4) Об экономических выгодах, которые Россия может извлечь, следуя этому плану. Помимо этого он добавляет параграф под названием «Особые дела», содержащий 8 других пунктов, где говорится о магнитных наблюдениях, о счётной машине и других приборах²⁵.

Вторая встреча Лейбница с Петром I в Карлсбаде (1712)²⁶

В письме 1712 г., адресованном барону Гансу Христофору Шлейницу, Лейбниц снова объясняет свой план, представленный Петру I, и его осуществление, предлагая барону создать Академию в Петербурге: «Представляется, что город Москва, столица Империи, город Астрахань на границе с Персией, город Киев ближе к границе с Турцией и Петербург на Балтийском море, который создаёт новую связь с Германией и соседними с ней странами, наиболее подходят для основания в них Академий и создания других подходящих учреждений. Но особо предстоит подумать об устройстве Библиотеки и кабинета <вероятно, кабинета древностей. — прим. пер.> и выбрать для этого несколько человек. Возможно, было бы уместно начать с Петербургской Академии...»²⁷.

В том же письме 1712 г. Лейбниц высказывает мысль о том, что проект должен быть связан с особым советом, в ведении которого будут все академии, научные общества, школы, типографии, библиотеки и лаборатории²⁸.

В письме от 22 сентября 1712 г. Шлейниц отвечает, вспоминая математический инструмент, который Лейбниц подарил царю, говоря о переводе записок Лейбница на язык «Московии»,²⁹ о жаловании, которое будет ему выделено, о приказе назначения и о предстоящей встрече с царём³⁰. В конце концов, 1 ноября 1712 г. Пётр

²⁵ Там же. С. 183.

²⁶ Там же. № 138–192. С. 198–288.

²⁷ Там же. № 149. С. 220.

²⁸ Там же. С. 219.

²⁹ В. Герье видел в московских архивах две памятные записки от 1712 и три — от 1716 г.

³⁰ Герье В. Указ. соч. №. 153. С. 226.

№ 176.

Deutscher Text des zarischen Erlasses
über die Aufnahme Leibniz's in den russischen Dienst.**)

Wir Petrus der Erste Czar und aller Reussen
selbst halter etc. etc.

Haben uns in gnaden entschlossen den Chur, und Fürstlichen Braunschweig-Lüneburgischen Geheimten Justiz-Rath Gottfried Wilhelm von Leibniz wegen seiner uns angerühmten und von Uns befundenen guten qualitäten und Wissenschaften auch zu unserm Geheimten Justiz-Rath anzunehmen, und zu bestellen umb uns weilen wir nachricht haben, dass er zu Vermehrung der Mathematischen und ander Wissenschaften, untersuchung der Histori, und aufnahm der Studien in gesamt ein grosses beytragen kann, Seiner zu dem habenden Zweck, die Studien Künste und Wissenschaften in Unserm Reich mehr und mehr floriren zu machen, zu bedienen und haben Wir ihm

wegen oberwähnten charge Unsers Geheimten justiz Rathes eine jährliche Besoldung von tausend Thaler Alb. vermachen wollen, welche Ihme Jährlich richtig von Unsrentwegen bezahlt werden sollen, und Worzu Wir die behörige ordres stellen wollen, beginnend dessen dienste vom dato dieses.

Zu Uhrkund dessen ist dieses unter Unsrer eygeyhändigen unterschriefft und beygedrückten Reichs Insiegel ausgefertiget worden.
Carlsbad den 1. November 1712.

Gr. Gollofkin.

Peter.

Илл. 1. Приказ о назначении Лейбница тайным советником. Из кн.: *Герье В.* Сборник писем и мемориалов Лейбница... № 176. С. 270–271.

подписывает приказ о назначении Лейбница своим личным советником, после чего происходит их вторая встреча в Карлсбаде (*илл. 1*).

В другом письме от ноября 1712 г. Лейбниц с энтузиазмом рассказывает герцогине Софии Ганноверской о своей встрече с царём в Карлсбаде и о том, что сам он после своего назначения чувствует себя как некий русский Солон. Через канцлера Г. И. Головкина царь передал Лейбницу то, что тот должен был сделать для России: «исправить законы и составить проекты актов о праве и отправлении правосудия»³¹.

Последняя встреча Лейбница с Петром I в Бад-Пирмонте (1716)

С 1712 по 1714 г. Лейбниц пребывал при венском дворе, где он был назначен советником императора Карла VI. В сентябре 1714 г. больной, страдающий различными недугами, из-за которых он периодически был вынужден оставаться в постели, Лейбниц вернулся в Ганновер. Однако и в последние годы жизни он поддерживал активную переписку с Петром I. Их встреча состоялась в Бад-Пирмонте, когда, направляясь в Копенгаген, 5 июня 1716 г. Пётр прибыл в Херренхаузен, а на следующий день отправился в Бад-Пирмонт принимать лечебные ванны. Там они оба оставались до 26 июня, после чего царь продолжил свой путь в Копенгаген с остановкой в Херренхаузене 28 июня. Лейбниц комментирует эту встречу в письме от 2 июля 2016 г., где он выражает свой восторг от общения с Петром I: «Невозможно выразить всю меру восхищения живостью

³¹ Там же. № 178. С. 272.

ума и суждениями этого великого Монарха. Отовсюду он приглашает умелых людей и когда разговаривает с ними, они удивлены тем, с каким знанием дела он говорит. Он интересуется всеми механическими ремёслами, но особую любознательность проявляет ко всему, что касается навигации. Вследствие чего, он увлекается также Астрономией и Географией. Я надеюсь, что с его помощью мы узнаем, соединяется ли Азия с Америкой»³².

Илл. 2. Так называемый калькулятор Лейбница. 1690.

После пребывания в Бад-Пирмонте 3 августа 1716 г. Лейбниц пишет ещё одно письмо, на этот раз Роберту Арескину (1674—1718), лейб-медику Петра. Лейбниц рассказывает ему, как работает над созданием счётной машины для царя (*илл. 2*): «Прошу Вас, любезный сударь, выразить моё преклонение перед Его Царским Величеством, соблаговолить сообщить Ему, что создание моей Арифметической машины продвигается семимильными шагами, и что я уже могу продемонстрировать некоторые её действия. Она сможет служить в скором времени Китайскому императору или какому-либо другому великому Монарху...»³³.

В том же письме Лейбниц упоминает Блюментроста, с которым они встречались в Бад-Пирмонте и который затем стал президентом Санкт-Петербургской Академии наук.

Вольф, Пётр I и Академия наук и искусств

Лейбниц умер в ноябре 1716 года. Впоследствии Христиан Вольф (1679—1754), с которым Лейбниц состоял в переписке, стал тем, кто помог царю пригласить на службу иностранных учёных, вошедших в состав Императорской Академии наук. Переписка Петра с Вольфом продолжалась в 1720 г. и в течение ещё двух лет. Царь посылал Иоганна Шумахера с предложением Вольфу поста вице-президента Академии с солидным вознаграждением, и, хотя Вольф не принял предложения, он помог царю в подборе членов будущей Академии.

³² Там же. № 241. С. 360.

³³ Там же. № 243. С. 363.

Наконец, 7 декабря 1725 г. в Санкт-Петербурге открылась Академия наук и искусств

Некоторые выводы

Следует, прежде всего, отметить взаимное восхищение, которое Лейбниц и Пётр I испытывали от общения, доказательством чему служат многочисленные похвалы, адресованные друг другу.

Кроме того, Лейбниц считал, что знание должно быть общедоступно и что следовало создать сеть академий и научных центров в Европе, включая Россию, для координирования всех знаний. С этой целью Лейбниц советовал Петру I создать в Санкт-Петербурге научную академию, которая должна была содействовать осуществлению мечты царя: сделать Россию европейской державой того же уровня, что и другие ведущие страны. За всё время Лейбниц послал непосредственно царю или его советникам несколько подробных записок (в общей сложности, девять, три из которых были написаны им в 1716 г.). В данном исследовании мы привели примеры некоторых из них.

Для лучшей оценки и понимания того влияния, которое Лейбниц оказывал на царя, надо читать его в оригинале и понять его видение развития наук. Лейбниц был убеждён, что нашёл в персоне царя человека, преследующего те же цели, что и он сам. Так, в письме от 16 января 1712 г. он отмечал: «И поскольку с самой молодости моей великой целью было трудиться во славу Господа нашего путём возрастания наук <...> (в чём я частично преуспел с помощью ниспосланной мне божественной Благодати, сделав значительные открытия, достаточно известные в мире знаний), я предпочёл эту цель почестям и богатству»³⁴.

В том же письме он снова возвращается к этой идее: «я всегда готов обратить мысли к этой великой цели и лишь искал великого монарха, преследовавшего ту же цель. Думаю, что нашёл его в персоне Великого Царя». Далее Лейбниц продолжал: «Ибо истинные сокровища рода человеческого суть искусства и науки». Это то, что объединяет Лейбница и Петра. Именно совпадение идей этих двух людей обеспечило удачу реализации проекта в России.

Другой очевидный пример влияния Лейбница на царя можно почувствовать в тех оценках их отношений, которые тогда делались в Европе. Так, после смерти Лейбница в 1716 г., Фонтенель, воздавая должное его заслугам, писал:³⁵ «Царь сделал Лейбницу велико-

³⁴ Там же. № 141. С. 203.

³⁵ Fontenelle B. Le B. Éloge de Godefroy Guillaume Leibnitz // Histoire de l'Académie Royale des Sciences, Avec les Memoires de Mathematique & de Phisique pour la même Année, 1716. P. 94–128.

лепный подарок, присвоив ему звание Тайного юридического советника со значительным вознаграждением. Но ещё более славно для него то, что история Научных учреждений Московии никогда не сможет его забыть, и имя его будет всегда отмечено рядом с именем царя»³⁶.

Это говорит о двух фактах: о тесных связях между Лейбницем и царём и о том, что в 1716 г. все были убеждены в предстоящем создании в России Императорской Академии наук и искусств и, более того, её создании в соответствии с идеями Лейбница.

Фактически образование Императорской Академии произошло лишь в 1725 г., т.е. девять лет спустя после смерти Лейбница. Однако образование Академии следовало его рекомендациям: типу отбираемых кандидатур, изменениям законов и, в отличие от других академий Европы, одновременному созданию школы и университета для подготовки специалистов непосредственно в России.

Следовательно, можно утверждать, что контакты и письма Лейбница Петру I привели к превосходному результату: с одной стороны, к общему развитию наук, а, с другой, — к модернизации России.

³⁶ Ibidem. P. 124.

Дмитрий Александрович Баяк

(Москва)

*Старший научный сотрудник
Института истории естествознания
и техники РАН им. С. И. Вавилова,
доцент Финансового университета при правительстве РФ*

Ольга Борисовна Фёдорова

(Москва)

*Старший научный сотрудник
Института истории естествознания
и техники РАН им. С. И. Вавилова*

Встреча Петра I с Гийомом Делилем в Париже и участие иезуитов в картографировании Дальнего Востока

Появлению в России братьев Жозефа-Николя Делиля и Луи (Людовика) Делиля де ла Кройера в качестве членов Санкт-Петербургской Академии наук предшествовала встреча Петра I с их старшим братом Гийомом Делилем¹. Инициатором встречи был Людовик XV, с которым Пётр I обсуждал вопросы военного альянса. В апартаментах короля царь видел карту своих земель, и её копию король царю подарил. Пётр I сам задумывался о создании российской картографической службы, и его интересовали не только карты

¹ См.: *Brown Lloyd A.* The Story of Maps. Boston: Little, Brown, 1949 (2-е издание 1979). P. 243 (по изданию 1979 г.); *Petto C. M.* When France was King of Cartography: The Patronage and Production of Maps in Early Modern France. Lanham: Lexington Books, 2007. P. 76f; *Dawson N.-M.* L'Atelier Delisle: L'Amérique du Nord sur la table à dessin. Septentrion: Sillery (Québec), 2000. P. 6–8.

собственно царства, но и карты самых отдалённых территорий будущей империи. О таких планах упоминает Джон Перри, оставивший службу при Петре I в 1715 г. и описавший состояние его государства и его планы по строительству империи. Английское издание вышло в 1716 г., русский перевод был опубликован в 1841 г.: «Я сам не раз слышал, как Царь выражал своё намерение послать людей с целью снять верную карту страны, как только наступит мир, и он будет иметь досуг заняться этим исследованием, чтоб определить, есть ли возможность кораблям проходить мимо Новой Земли в Татарское море на восток от реки Оби, где можно было бы строить корабли для отправления к берегам Китая, Японии и проч. <...> Для Царя, во всяком случае, этот путь был бы несравненно удобнее того, посредством которого производится ныне торговля между Москвой и Пекином»².

Связь поиска оптимальных маршрутов в Японию и Китай с развитием картографии азиатских регионов была Петру I очевидна, однако из всех описаний этой встречи следует, что до приезда в Париж он не знал о составленной Делилем карте Московии. Теперь у него было достаточно времени, чтобы подробно расспросить о технологии изготовления карт по словесным описаниям, в которых у Гийома Делиля и его отца Клода Делиля не было недостатка. Примечательно, что одним из их источников было сочинение «*Relation du voyage*» Избранда Идеса, опубликованное в Амстердаме в 1699 г. после его путешествия из Москвы в Пекин по поручению Петра I³. Ещё больше Делилям повезло с посещениями Парижа Петром Васильевичем Постниковым, которого можно было расспрашивать, устраняя неточности. Однако на карте Делиля Пётр заметил несколько существенных ошибок, а после возвращения передал ему информацию, позволяющую уточнить географическое положение Санкт-Петербурга и Каспийского моря. Информация, очевидно, была недостаточна, поскольку тема уточнений положения Каспия и городов у его побережья время от времени поднимается картографами на протяжении десятилетий после смерти Петра.

Беседа Петра I и Гийома Делиля пришла к теме расширения карты дальше на восток, и Делилю предлагалось перебраться в Петербург. Пётр I хотел от Г. Делиля нечто схожее с тем, что описывал Д. Перри, или с тем, что вскоре осуществил Беринг. Однако

² *Перри Дж.* Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. С. 41.

³ [*Ides E. I.*] *Relation du voyage de Mr. Evert Isbrand, envoyé de Sa Majesté czarienne à l'empereure de la Chine, en 1692, 93 et 94, par le Sieur Adam Brand. Amsterdam, 1699.*

Делиль предпочёл остаться в Париже, приняв в 1718 г. должность придворного географа при своём воспитаннике Людовике XV. Видимо, тогда же впервые прозвучали имена его младших братьев (единокровных) Жозефа-Николя и Луи Делиля да ла Кройера, с которыми связался 4 года спустя будущий академический казначей и библиотекарь Иван Данилович Шумахер во время посещения Парижа.

Можно утверждать, что уже в момент беседы Г. Делиля с Петром I первому было известно о крупномасштабном проекте, сходном с подразумевавшимся вторым и осуществлявшемся при дворе пекинского императора Канси. Причём речь шла о более или менее близких районах. Уговорить первого китайского императора Канси в необходимости такой работы удалось в самом конце XVII в. французскому иезуиту Доминику Перренену, а съёмки местности начались в 1701 г., за 16 лет до визита Петра I в Париж. Известны имена других членов католических миссий в Китае, принимавших участие в этом беспрецедентном мегапроекте: Жан-Баттист Режис, Пьер Жарту, Жозеф-Ан-Мари де Мойрьяк де Майя, Пьер Венсан де Тартр, Романус Хиндерер, Иоахим де Буве, Жуан Фрасис Кардозо, Ксавьер Эренберт Фриделли, Жан-Франсуа Жербийон, Гийом Бонжур. Девять первых были членами иезуитских миссий, последний — августинец.

При этом Перренен занимался съёмками в северных районах Китая — по побережью Бохайского залива, в Шаньдуне, Ляодуне и разных регионах Тартарии. За гравировку и печать карт отвечал Маттео Рипа, не входивший ни в один из монашеских орденов и приехавший в Китай с миссией Конгрегации евангелизации народов⁴. Карта была готова к 1725 г. В 1729 её привезли в Париж, и духовник короля, также иезуит, о. Линьер представил её Людовику XV. Инициатива и значительная активность в её реализации принадлежала французским духовным лицам, служение которых было привязано к пекинскому двору Цинов. Они появились в Китае непосредственно перед началом картографических работ, а этому, в свою очередь, предшествовала поездка в Европу уроженца Брюсселя, иезуита-миссионера Филиппа Купле, начавшего свою миссию в 1656 г., когда он на борту португальского корабля в составе португальской миссии отплыл из Лиссабона вместе со знамени-

⁴ По возвращении в Европу Маттео Рипа написал довольно подробные воспоминания, которые впервые издавались в XIX в., но полное критическое их издание увидело свет только в конце XX в.: *Ripa M. Giornale (1705–1724) / ed. by M. Fatica. Napoli: Istituto universitario orientale, 1991.*

тым фламандским астрономом Фердинандом Вербистом. В 1681 г. Купле вернулся в Европу для поиска добровольцев, готовых отправиться с миссией в Китай. Методика, которую выбрали для Купле руководители ордена, заключалась в том, чтобы в личном общении с европейскими монархами доказывать им пользу миссионерской деятельности в столь удалённой части мира, демонстрируя двух новообращённых христиан, приехавших с ним.

Так, Ф. Купле посетил папу римского Александра VII, короля Великобритании Якова II и короля Франции Людовика XIV. Аудиенция в Версале проходила в 1684 г., и источники утверждают, что эта встреча сильно повлияла на короля, хотя последствия были совсем не те, на которые рассчитывал Купле: Людовик XIV решил создать собственную, французскую миссию в Китае. Пятеро священников, избранных для миссии, вошли в историю как «*mathématiciens du roi*». Старшим был Жан де Фонтане, ещё двое, Ж.-Ф. Жербийон и И. Буве, уже упоминались, имена остальных — Луи Леконт и Клод де Висделу. Из них по крайней мере двое добились особой известности: Иоахим Буве перепиской с Г. В. Лейбницем, в которой Буве, в частности, сообщал о предстоящих картографических работах в восточной Тартарии ещё в 1698 г., а Жербийон — участием в китайско-русских переговорах в Нерчинске в 1689 г. вместе с португальским иезуитом Томашем Перейрой⁵.

Вероятность того, что именно встреча с Купле подвигла французский двор собрать эту миссию и сообщить ей подобный статус, на наш взгляд, невысока. Каковы бы ни были официально принятые решения и подписанные непосредственно перед отплытием «королевских математиков» бумаги, миссия готовилась около десяти лет. И в числе мотивов, которыми руководствовался французский двор, была и амбициозная задача построения полного атласа мира на основании недавно изобретённых методов геопозициони-

⁵ Переписка Г. В. Лейбница с И. Буве в русском переводе опубликована в кн.: Г. В. Лейбниц. Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе счисления / Предисловие, переводы и примечания В. М. Яковлева, под общей редакцией А. П. Огурцова. М.: Институт философии РАН, 2005. Обстоятельства, в которых готовились и проходили переговоры между цинским посольством и российскими дипломатами в Нерчинске в 1689 г., изложены в кн.: Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск: Книжное издательство, 1987. Дневники Жербийона и Перейры, ведшиеся во время поездки в Нерчинск, опубликованы в русских переводах в: Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы: В 2 т. Т. 2: 1686–1691 / Сост. и обраб. текста Н. Ф. Демидовой, В. С. Мясникова. М.: Наука, 1972.

рования, мощность которых уже была продемонстрирована при участии открытой в 1667 г. Парижской обсерватории. У этой задачи, научной по сути, была важная политическая составляющая⁶.

На переговорах в Нерчинске, в которых Ж.-Ф. Жербийон участвовал как посредник и как переводчик с маньчжурского на латынь, стороны стремились разделить сферы влияния двух великих империй, в тот момент, по сути, находившихся в стадии становления. Стремление сторон как-то обозначить территориальную границу не могло осуществиться, поскольку территория, где эту границу следовало проводить, и тогда, и долгое время после, оставалась им не известной. Встречающееся в литературе утверждение, что к Нерчинскому договору прилагалась карта, ничем не подтверждается. Относительно земель к востоку от Албазина участники переговоров могли только строить предположения.

По некоторым данным, Пётр I, находившийся во время Нерчинских переговоров в первом Великом посольстве, остался очень недоволен условиями заключённого там мирного договора⁷, и мысль о необходимости проведения независимых съёмок в далёких восточных землях империи, возможно, не давала ему покоя с тех самых пор.

Можно предположить, что мысль о чём-то вроде «*mathématiciens du roi*» для России пришла на ум Петру I уже во время его встречи с Г. Делилем. Тогда же Пётр услышал об астрономических методах геопозиционирования. Наиболее важным и надёжным среди них считался так называемый «метод Кассини», которым в основном и пользовались французские картографы в Китае. Метод Кассини представлял собой метод измерения географической долготы места, изобретённый Галилео Галилеем сразу после открытия четырёх самых крупных спутников Юпитера в 1609 г., и метод определения долготы места по спутникам Юпитера доминировал почти два столетия⁸.

Подавляющее большинство миссионеров, особенно это справедливо в отношении иезуитов, приезжали в Китай, основательно овладев математикой и астрономией. Для них это было стратегиче-

⁶ Подробно подготовительный и начальный этап деятельности французских миссий иезуитов в Пекине описан в: *Landry-Deron I. Les Mathématiciens envoyés en Chine par Louis XIV en 1685 // Archive for History of Exact Sciences. 2001. Vol. 55. P. 423–463.*

⁷ Это утверждение встречается в литературе довольно часто. В том числе в: *Мясников В. С. Указ. соч.*

⁸ Подробнее см.: *Dunn R., Higgitt R. Ships, Clocks, and Stars: The Quest for Longitude. N. Y.: Harper Design, 2014.*

ское преимущество, о котором писал ещё Нидэм: располагая значительно более точными европейскими астрономическими таблицами и пользуясь значительно более точными вычислительными методами, иезуиты могли со значительно большей точностью предсказывать будущие астрономические события. Например, лунные и солнечные затмения. Из-за того, что многие решения повседневной и политической жизни в империи напрямую зависели от положения светил на небе, это преимущество позволило иезуитам сохранить свои позиции при пекинском дворе даже при смене династии, а также возглавлять со времён Адама Шалля математическое и астрономическое бюро, входившее в состав трибунала (министерства) ритуалов⁹.

Оказавшись в России в начале 1726 г., Жозеф-Николя Делиль организовал в Петербурге систематические астрономические измерения, которые не прекращались до самого его возвращения в Париж в 1747 г. Спутникам Юпитера было посвящено одно из первых выступлений на академической конференции, а результаты систематических наблюдений за ними публиковались в каждом томе «*Commentarii Academiae Petropolitanae*»¹⁰. Когда в 1730 г. подготовка Второй камчатской экспедиции, начавшаяся, видимо, ещё при жизни Петра, вошла в финальную стадию, Ж.-Н. Делиль добился через Академию, чтобы Сенат дал указание всем участникам экспедиции везде, где возможно, наблюдать за спутниками Юпитера, фиксируя появления и исчезновения спутников по часам, привязанным к небесному меридиану¹¹.

Об отправке в Россию даже одного иезуита не приходилось и мечтать как при жизни Петра I, так и долго после его смерти. Однако взаимодействие с иезуитами в Пекине начало налаживаться ещё до того, как Ж.-Н. Делиль достиг России: присоединившийся в 1723 г. к французской миссии иезуитов в Пекине уроженец Гайяка Антуан Гобиль впервые сообщил в своей корреспонденции о намерении установить с ним контакт 10 октября 1725 г.

⁹ Краткие биографические справки, хотя и не всегда точные, приведены в: *Udias A. Jesuit astronomers in Beijing, 1601–1805 // Quarterly journal of the Royal Astronomical Society. 1994. Vol. 35. P. 463–478.*

¹⁰ [*Delisle J.-N., Delisle de la Croyère L.*] *Eclipses satellitum Iovis, obesrvatae Petropoli, a Fratirbus Iosepho Nicolao de L'Isle et Ludovico de L'Isle de la Croyere // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. 1728. T. 1. P. 467–488.*

¹¹ Без упоминания имени Делиля об этом, в частности, говорится в представлении публикации А. Гобиля в т. IX «Новых комментариев Петербургской академии», см.: *Novi Commentarii Accademiae Scientiarum Petropolitanae. 1764. T. IX. P. 49.*

Письмо было адресовано Этьену Сусье, коллеге о. Гобилиа и по ордену, и по профессии, и о. Гобиль надеялся, что о. Сусье ещё застанет Ж.-Н. Делиля в Париже. Установлению прямой переписки астрономов предшествовало официальное обращение ко всем иезуитам пекинских миссий со стороны Андрея Ивановича Остермана, вице-канцлера и первого кабинет-министра России. Местонахождение оригинала письма нам не известно, но о. Гобиль подробно его излагает в донесении генералу ордена в Рим. Целей у обращения он видит две:

«1. Чтобы мы посылали китайские и маньчжурские книги Санкт-Петербургской академии наук;

2. Чтобы мы отвечали на некоторые вопросы относительно различных древних и современных китайских наук и искусств, в частности, их географии, астрономии и классических книг»¹².

Среди иных задач, упоминавшихся в письме, — судьба оставшихся в Пекине со времён албазинского конфликта пленных и помощь русской православной миссии, главным образом в обучении их китайскому и маньчжурскому языкам, чем и о. Перренен, и о. Гобиль занимались с тех пор до самой смерти.

Письмо А. И. Остермана, очевидно, было привезено в Пекин с русским караваном специальным правительственным посланцем Лоренцом Лангом, также близким Петру I человеком, поступившим к нему на службу в 1712 г., получившем после этого образование в Берлине и уже бывавшем в Пекине с 1719 по 1722 г. в качестве торгового агента.

Л. Ланг привёз письма в мае 1732 г., и в течение двух недель о. Гобиль написал пять писем Ж.-Н. Делилю, а в июле того же года ещё три письма другому петербургскому академику, Теофилу Байеру. С этого момента и до назначения Л. Ланга вице-губернатором Иркутска переписка о. Гобилиа с Петербургом шла весьма активно. Более того, о. Гобиль не раз давал понять своим корреспондентам, что через Петербург переписываться предпочтительнее, чем через Кантон — письма доходят быстрее, а вероятность, что их перехватят, меньше. Это продолжалось только до тех пор, пока Л. Ланг сохранял возможность регулярно бывать в Пекине или, по крайней мере, участвовать в формировании караванов на китайской границе. С переездом его в Иркутск переписка практически прекратилась.

¹² Le P. Antoine Gabil, S. J. Correspondance de Pékin. 1722–1759 / publiée par R. Simon. Genève: Librairie Droz, 1970. P. 348.

В марте 1739 г. на академической конференции «*omnino consensu*» А. Гобилиа избрали членом академии¹³, была напечатана почётная грамота и изготовлена серебряная капсула, которые о. Гобиль смог получить только в 1746 г. И избрание, и столь длительная задержка с извещением об этом избрании самого избранного вызвали у него недоумение. В письме Ж.-Н. Делилю, написанном практически немедленно, он жаловался, что в капсуле не было никаких инструкций, что он, став академиком, должен делать, какие на него налагаются обязательства. Однако Ж.-Н. Делиль получил это письмо уже только в Париже, покинув Санкт-Петербург в 1747 г. и лишившись академического звания в 1748 г.

При этом связи о. Гобилиа с академией не были утрачены, и он получал результаты наблюдений за спутниками Юпитера в ходе Второй камчатской экспедиции. Каким путём результаты наблюдений попали в Пекин, нам выяснить не удалось, но вероятнее всего, их доставил туда Франц Лука Елачич, служивший в Санкт-Петербургской академии лекарем (*sic!*). После пожара в Кунсткамере 1747 г., когда пострадали академические коллекции, он был направлен в Китай с удивительным для лекаря поручением привезти новые экспонаты взамен сгоревших. Судя по отзывам, Елачич блестяще справился с задачей, новые экспонаты числом и качеством превосходили утраченные. Экспедиция началась в 1753 г., а в июле 1756 он уже вернулся в Санкт-Петербург¹⁴.

Используя результаты наблюдений за первым (Ио) и вторым (Европа) спутниками Юпитера, произведёнными между 1738 и 1741 гг., а также результаты собственных наблюдений в пекинских обсерваториях (главным образом, обсерватории французской миссии), о. Гобиль рассчитал географические координаты некоторых сибирских населённых пунктов – Якутска, Илимского острога (близ ленского волока), Олёмкинского острога на Лене, на 530 км выше Якутска по течению и двух населённых пунктов на Камчатке – Петропавловска и Большерецка (на реке Ких). По мнению о. Гобилиа, он проделал свои наблюдения и расчёты более тщательно, и его результаты позволяют улучшить карты, опубликованные в 1747 г. в «Атласе России». По всей вероятности, «Атлас» в Пекин также привёз Елачич.

¹³ Причинам и обстоятельствам этого избрания посвящена отдельная статья, находящаяся в печати.

¹⁴ Материалы, касающиеся этой поездки, хранятся в СПбФ АРАН. Разряд II. Оп. 1. Д. 187. Ед. хр. 23 и 24.

Статья о. Гобили с уточнениями географических координат сибирских и дальневосточных населённых пунктов — это его единственная публикация в российской научной периодике. Она вышла в 9 томе «*Novi commentarii Academiae Petropolitanae*» в 1764 г., спустя 5 лет после смерти автора. Кроме сибирских острогов, о. Гобиль даёт и координаты города Айгунь на Амуре, по поводу которого у публикатора возникли определённые сомнения, изложенные в комментарии:

«О. Гобиль завершает своё “Дополнение” наблюдением положения города Айгун, исправляя ошибку в определении его места, содержащуюся в “Атласе России”. Хотя не следует скрывать, что эта ошибка была уже нам известна из географических таблиц, составленных во время последней Камчатской экспедиции, и исправлена в опубликованном Атласе Китая знаменитого Данвиля. Но есть ещё Айгун, или Айичун, старое название давно заброшенного лагеря, укрепленного частоколом и земляным валом, для нужд почти исключительно военных у реки Зея, или Дзея, вблизи её слияния с Амуром. Его поставили китайцы в 83 году прошлого века, готовясь к войне с Россией, а двумя годами позже они основали на южном берегу Амура город Сагалин—Ула—Чотон, как можно видеть на Географической таблице Данвиля. В нашей Таблице [этому городу] даётся название Айгун, поскольку так и сам китайский город принято называть. Также и сам о. Гобиль, очевидно, подразумевал под именем Айгун не старый заброшенный лагерь, а город, населённый китайцами»¹⁵.

Картографические работы по созданию новых атласов привели к успеху. Это было бы невозможно, если бы не возникло исключительно плодотворное взаимодействие, выражаясь языком современной социологии, различных коммуникативных сетей — кроме собственно академической, в дело была включена и миссионерская. Благодаря этому импульс, возникший во время Второго европейского путешествия Петра I и во время его бесед с Г. Делилем, смог докатиться до Тихого океана и иметь столь длительное последствие. Нам остаётся добавить, что значение о. Гобили для русской истории и русской культуры не исчерпывается его астрономическими наблюдениями и расчётами. Не менее важны его труды в качестве педагога, историографа, филолога и переводчика, отчасти изученные и описанные, отчасти ожидающие своего исследователя.

¹⁵ *Novi Commentarii Accademiae Scientiarum Petropolitanae*. 1764. Т. IX. P. 52–53.

Кристиан Демёленэр-Дуйер
(Париж)

Член-корреспондент Центра Александра Койре

Анкета Регента во Франции (1716–1718). Была ли она источником вдохновения для правления Петра I?¹

Спустя несколько месяцев после Второго европейского путешествия Петра I на своём последнем заседании 22 декабря 1717 г. Королевская Академия наук в Париже «единодушно и без голосования» избрала Петра I своим членом «вне какого-либо ранга». Однако, вопреки тому, что можно было себе представить, речь не идёт о почётном учтивом избрании чисто протокольного характера, не имеющем иной цели, кроме как способствовать установлению дипломатических отношений между Францией и Россией. В этом избрании можно видеть начало истинного научного сотрудничества между двумя государствами, которому было суждено развиваться в течение многих лет и самый итог которого поддается подведению.

Даже если процедура этого избрания и была до такой степени исключительной, что Пётр I стал единственным, кто смог ею воспользоваться, то тем не менее, он постарался, несмотря на бремя своих политических и военных обязательств, зарекомендовать себя как «полезный член славной академии»². Пётр окунулся [в академическую деятельность] вскоре после своего избрания, и архивы Па-

¹ Перевод с французского М. Г. Щербины.

² Формулировка, заимствованная из письма Роберта Арескина аббату Биньону от 7 ноября 1717 г., хранящегося в Парижском архиве Академии наук в (далее ПААН), см. библиографическое досье Петра I.

рижской Академии наук свидетельствуют о всей серьёзности его усилий³.

Он составил для себя научную программу, направленную на развитие картографии России — области, в которой всё или почти всё ещё предстояло сделать⁴. В сентябре 1721 г. Пётр частично выполнил эту задачу⁵, передав в Академию через своего библиотекаря И. Д. Шумахера⁶ карту Каспийского моря⁷, новаторский характер которой в томе «История и учёные записки Королевской Академии наук» за 1721 год подчеркнул Фонтенель — пожизненный секретарь Академии: «Из изучения этой карты мы видим, что Каспийское море, название которого все знают, почти полностью нам неизвестно⁸». Он с удовольствием приветствовал работу Петра I «как если бы этот великий монарх снизошёл до выполнения функций академика».

Несколькими месяцами ранее, в начале 1721 г., при содействии своего лейб-медика И. Л. Блюментроста, которому он поручил поддерживать отношения с Парижской Академией наук, Пётр поделился с последней своими наблюдениями из естественной истории Сибири. Затем, в 1723 г., используя материалы своего Персидского похода⁹, он передал в Париж другие наблюдения, касающиеся Кас-

³ Документы, относящиеся к этому избранию и научному сотрудничеству, в настоящее время хранящиеся в ПАН, прокомментированы и опубликованы на французском языке в кн.: *Demeulenaere-Douyère Ch. L'Académie des sciences de Paris : un lieu privilégié des échanges scientifiques entre la France et la Russie : XVIIIe–XIXe siècles // Français (Les) dans la vie intellectuelle et scientifique en Russie: XVIIIe–XXe siècles. Moscou: OLMA Media Group, 2010. P.87–105.*

⁴ *Loren R. Graham. Science in Russia and the Soviet Union. A short history. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 24–27.*

⁵ ПАН, Биографическое досье Петра I, письмо Блюментроста Академии наук от 14 февраля 1721 г., занесённое в протокол заседания Академии от 3 сентября 1721 г. и опубликованное в: *Histoire et mémoires de l'Académie royale des sciences, année 1720. Paris, 1722. Partie Histoire, Addition. P. 129–131.*

⁶ Иоганн Даниель Шумахер (1690–1731), секретарь Арескина, затем библиотекарь Петра I; позже он стал секретарём канцелярии Санкт-Петербургской Академии наук с момента её создания.

⁷ Эта карта, составленная Карлом фон Верденом в 1719–1721 гг., сохранилась в Национальной библиотеке Франции. Гийом Делиль сделал к ней «замечания», опубликованные в: *Histoire et mémoires de l'Académie royale des sciences, année 1721. Paris, 1723. Partie Mémoires. P. 245–254.*

⁸ *Histoire et mémoires de l'Académie royale des sciences, année 1721. Paris, 1723. Partie Histoire. P. 80.*

⁹ ПАН. Биографическое досье Петра I, письмо Блюментроста Академии наук от 2 марта 1723 г.

пийского моря, в частности, имеющие отношение к фортификационным сооружениям Дербента. Однако смерть Петра в 1725 году положила конец этому заочному сотрудничеству.

Анкета Регента Франции

В то самое время, когда Пётр I находился во Франции в 1717 г., вся королевская администрация была занята организацией большого анкетирования, которое в конце 1715 г. заказал регент Филипп II Орлеанский¹⁰. Действительно, после смерти Людовика XIV в королевстве сложилась отчаянная ситуация, в частности, по причине войн конца правления монарха, опустошивших государственную казну, когда надо было срочно изыскать новые ресурсы для исправления экономической ситуации в стране. Анкета, представлявшаяся важнейшим событием того времени, касалась «познания природы и достижения совершенства в ремёслах».

Заказанная регентом анкета, и проводившийся по ней опрос с 1716 по 1718 г., вписывается в давнюю традицию, которая позволяла монархической власти обрести административное понимание состояния дел в королевстве. Однако данное анкетирование имело иную направленность, отличавшую его от предыдущего, проводившегося в 1698 г. как «обследование для герцога Бургундского»¹¹.

В 1715 г., ситуация изменилась, по меньшей мере, в двух важных моментах, придавших особую тональность этому анкетированию. Во-первых, под влиянием своего врача и профессора химии Вильгельма Хомберга регент глубоко уверовал в «полезность наук». В его понимании научные знания должны были быть использованы на службе экономики и ремёсел и, следовательно, государства и общественного блага. Во-вторых, в распоряжении регента имелось официальное научное учреждение, Королевская Академия наук, реорганизованная в соответствии с новым Положением 1699 года¹², которое подтвердило её роль учёного собрания на службе королевской власти. Регент полностью полагался на Академию как экспертный

¹⁰ Документы, собранные в результате анкетирования, в настоящее время хранятся в ПААН. Они были опубликованы в кн.: *Demeulenaere-Douyère Ch., Sturdy D. J. L'enquête du Régent, 1715–1718. Sciences, techniques et politique dans la France préindustrielle.* Turnhout: Brépols, 2008.

¹¹ Людовик Французский (1682–1712), герцог Бургундский, сын Великого Дофина и внук Людовика XIV, умерший ещё при жизни последнего; в 1715 г. его младший сын стал королём под именем Людовика XV.

¹² *Demeulenaere-Douyère Ch., Brian É. (dir.). Règlement, usages et science dans la France de l'absolutisme : à l'occasion du troisième centenaire du règlement instituant l'Académie royale des sciences (26 janvier 1699).* Paris: Tec&Doc, 2002.

орган для поддержания научного характера операций, касающихся анкетирования.

Для успешного проведения анкетирования регент располагал также другими важными ресурсами, унаследованными от предыдущего периода правления. Прежде всего, это сильная и централизованная государственная власть, которой ни парламенты, ни дворянство не в состоянии были нанести урон. И, в особенности, структурно оформленная администрация, которая продемонстрировала надлежащую эффективность. Она опиралась на интендантов, являвшихся настоящими руководителями на региональном уровне¹³, образуя связующее звено, доводившее решения центральной власти до самых отдалённых сельских местностей, в частности, через уполномоченных ими лиц и местных нотаблей. Интенданты также пересылали центральному правительству информацию, полученную ими на местах. Вся эта структура прекрасно работала как хорошо отлаженный механизм.

Таким образом, в первые же дни 1716 г. регент направил всем интендантам королевства циркулярное письмо, объявляя о начале большого национального анкетирования для сбора информации о количестве и качестве природных богатств Франции, которые могли быть освоены и наилучшим образом использованы. Информация касалась минерального сырья, мрамора, кровельного сланца, драгоценных камней, горного хрусталя, тальков, магнитного железняка, каменной соли, гагата, селитры, алюминиевых квасцов, жемчуга, кораллов, янтаря, ценных глинистых участков почвы, обладавших лечебными свойствами или использовавшихся для производства высококачественной керамики и штукатурных покрытий. Речь шла и о лесных угодьях и ресурсах древесины, которые могли использоваться в медицинских целях, для производства красителей и в технике маркетри, а также для получения таких её производных, как камедь, смолы, бальзамы... Была также получена информация о «практиках производства, не используемых в королевстве» и о «всех процессах работы с начала и до конца», «различных материалах, которые в них используются, их природе и качествах». Вся информация сопровождалась приложенными образцами и иллюстрировалась рисунками, выполненными насколько это возможно точно.

Опрос по анкете энергично проводился в течение трёх лет с 1716 по 1718 г. благодаря интендантам, которые были его неутомимыми исполнителями на местах: не был исключён из охвата ни один, даже самый отдалённый административный регион королевства.

¹³ *Timbal P.-C., Castaldo A. Histoire des institutions publiques et des faits sociaux. Paris: Dalloz, 9e éd. 1993.*

Кроме регента, который лично контролировал проведение операции, в Париже материалы анкетирования обрабатывали два человека, тесно связанные с Королевской Академией наук. Одним из них был аббат Биньон¹³, личный советник регента и влиятельный член Академии, участвовавший в её реформировании в 1699 г. Другим — был член Академии геометр Реомюр¹⁴, уже известный к тому времени своим интересом к «техническим» вопросам. Он выполнял функции государственного подрядчика при проведении анкетирования и сопровождавшей его научной экспертизе.

Помимо участия этих двух личностей, роль Академии наук в Анкете Регента вполне эффективна, даже если анкетирование редко упоминалось в ходе академических заседаний. Чтение многочисленных сохранившихся документов не оставляет сомнений в реальном характере её участия. Кроме экспертных заключений Академия наук оказывала солидную организационную поддержку, предоставляя в распоряжение анкетирования свою лабораторию для количественного и объёмного анализа образцов минералов, доставлявшихся в Париж.

Анкетирование началось с рассылки длинного циркулярного письма, составлением которого занимались, в основном, Биньон и Реомюр. В письме содержались подробные и очень точные указания интендантам о целях анкеты и способе проведения информационного опроса. Делался разбор основных предметов, информацию о которых интенданты должны были получить, а также излагалось требование собрать необходимые образцы.

Интенданты отсылали первые данные, собранные на местах, иногда сопровождая их образцами минерального сырья и, даже, в некоторых случаях, уменьшенными макетами таких установок, как, например, печи для обжига. Регент лично знакомился с некоторыми отчётами, которые затем передавались Реомюру. Так образовалось движение информации, шедшей от самых малозначимых «информаторов» на местах к регенту и в Академию наук через посредство интендантов, координировавших её сбор на местном уровне и обеспечивавших последующую передачу информации центральной власти.

¹⁴ Жан-Поль Биньон (1662–1743), племянник графа де Поншартрен, церковный деятель, личный проповедник короля, член Французской Академии и различных академий наук, надписей и медалей, директор Газеты Учёных (*Journal des Savants*) и библиотекарь короля.

¹⁵ Рене-Антуан Фершо де Реомюр (1683–1757), естествоиспытатель, математик, физик и химик.

Участие Реомюра в анкете, а через него и Академии наук с её экспертизой, имело первостепенное значение. Реомюр выполнял кропотливую работу по компиляции и критической оценке полученных данных. С несравненной тщательностью и бесконечным терпением он изучал все полученные документы, анализировал их и сравнивал с уже имевшимися у него сведениями из прочитанной литературы или других докладных записок. Своими вопросами, часто порождёнными его собственным интересом, например, к рудным ископаемым и металлургии, он мог с большой точностью ориентировать анкетирование, которое, мало-помалу, выстраивалось в постоянном возвратно-поступательном движении между Парижем и провинциями. Реомюр редко бывал полностью удовлетворён первой же информационной запиской, и у него всегда возникали новые вопросы. Он всегда требовал разъяснений, других записок, планов или профильных рисунков от имени регента. По получении таких требований интенданты принимались за работу, углубляли свои исследования и составляли новые докладные записки, пункт за пунктом отвечавшие на вопросы Академии. И Реомюр неустанно возобновлял своё исследование и критические замечания...

Вместе с записками в Париж приходило значительное количество образцов разного рода: растения, драгоценные и не драгоценные камни, кораллы и другая продукция морских глубин, пески, морские ракушки, жемчуг, минеральная вода и даже натуральный битум и нефть, но особенно продукция минерального происхождения (золото, серебро, железо, олово, свинец и т.д.). Их анализ требовал серьёзной и зачастую сложной работы. Результатом было отставание от намеченного графика: в январе 1719 г. (по окончании анкетирования) была проанализирована только половина образцов, присланных округами и провинциями. Их обработка продолжалась, по меньшей мере, до 1721 года...

Каков был результат всего процесса? Это огромное предприятие позволило собрать значительную и очень богатую документацию по экономике королевства, его ресурсам и возможностям развития. Наиболее продвинутыми оказались исследования в области добычи полезных ископаемых и металлургии. Но в силу особых обстоятельств (совершеннолетие молодого короля Людовика XV в феврале 1723 г. и, вслед за ним, смерть регента в декабре того же года) анкета, похоже, была похоронена администрацией и не привела ни к какому немедленному конкретному результату. Тем не менее, в отдалённом будущем она повлияла на законодательство о шахтном деле, появившееся во Франции в середине XVIII в., и усилила экспертную роль Академии в качестве научной инстанции при королевской власти.

В настоящее время документы этого большого анкетирования хранятся в Архиве Академии наук. Основной интерес их исследования представляет необыкновенное внимание к деталям, позволяющее следить за всеми этапами работы в противоположность предыдущим анкетам, в особенности, 1698 г., по которым имеются только окончательные результаты, переработанные и отформатированные администрацией без какого-либо представления о промежуточных этапах. В отношении предыдущих анкет ничего не известно о методике, использованной для сбора информации или о возникших проблемах. Отсутствуют также промежуточные докладные записки, составленные перед окончательными отчётами, и неизвестно, как затем на высоком административном уровне они соединялись, издавались и подготавливались для получателя. В отличие от них, по регентской анкете имеются как конкретные элементы её организации в Париже, так и детали выполнения в провинциях, благодаря которым можно поэтапно и в мелочах проследить за проделанной работой до самого её конца. Анализ этих деталей даёт понимание об образе действия (*modus operandi*) анкеты, выявляя один особо новаторский аспект: использование чертежей и рисунков, сыгравших основную роль в понимании администрацией сути вопроса¹⁶.

Какое влияние регентская анкета оказала на способ управления Петра I?

К несчастью, французские источники хранят молчание по этому вопросу, но можно думать, что во время своего пребывания во Франции Пётр I слышал об анкете. К тому же, анкетирование было предметом особой озабоченности регента и его советника, аббата Биньона, с которым русский монарх имел неоднократные беседы. Можно считать, что Пётр поддерживал тесные отношения с основными действующими лицами анкетирования: с регентом и с Биньоном, а также, возможно, с Реомюром, с которым он встречался, по меньшей мере, один раз, когда 17 июня 1717 г. присутствовал на заседании Академии наук, в котором принял участие также и Реомюр. Кроме того, интерес Петра к науке и технике как к потенциальным механизмам модернизации государства, несомненно, подталкивал царя к обмену мнениями по этому вопросу с французски-

¹⁶ Demeulenaere-Douyère Ch. Enquête administrative et dessin technique dans la France pré-industrielle : l'exemple de l'enquête du Régent, 1716–1718 // Demeulenaere-Douyère Ch., Plouvier M., Souchon C. (dir.). Des images et des mots. Les documents figurés dans les archives (actes du 132e Congrès national des sociétés historiques et scientifiques, Arles 2007). Paris: CTHS, 2010. P. 71–94.

ми собеседниками. Трудно представить себе, что регент не рассказал ему об этой операции, которая представляла собой новый элемент в способе управления королевством.

Как затем обстояло дело в России? Письмо Блюментроста от 14 февраля 1721 г.¹⁷ проливает свет на этот вопрос. В нём автор заявляет от имени своего монарха «Два года тому назад Его Величество послало в Сибирь одного из своих медиков, совершенно сведущаго в естественных науках, для произведения необходимых изысканий, которых образчик и имею честь здесь представить. В таком же размере и порядке обделал он и другия части естественной истории, как то: царство животное, растительное, ископаемое, окаменелости и т.д.». Затем он добавляет: «Двое других учёных обрабатывают тот же предмет: в Астрахани и Казани, так что мы надеемся вскоре быть в состоянии дать вам подробнейший и полнейший отчёт во всём том, что природа производит в обширных владениях Его Царского Величества»¹⁸.

К сожалению, в архиве Парижской Академии наук не сохранилось никаких других следов этого естественно-исторического исследования Сибири, о котором Блюментрост упоминает в своём письме. Было ли оно продолжено или, даже, доведено до конца? Возможно, в отсутствие публикаций, результаты этих исследований ещё существуют в российских архивах. Похоже, что некоторые из них были включены в работу «Цветущее состояние Всероссийского государства», которую русский географ и статистик Иван Кирилов (1695–1737) опубликовал в 1727 г., т.е. через два года после смерти Петра Великого¹⁹, дабы обессмертить его правление и социальные

¹⁷ ПААН, Библиографическое досье Петра I, письмо Блюментроста Академии наук от 14 февраля 1721 г. в кн.: *Demeulenaere-Douyère Ch. L'Académie des sciences...* P. 100–101.

¹⁸ *Голицын, кн. Августин*. Пётр I, член Парижской академии наук // Русский заграничный сборник. 1859. Тетр. 3. С. 12–13.

¹⁹ *Tyulenev S. Translation and the Westernization of Eighteenth-Century Russia. A Social-Systemic Perspective*. Berlin: Franck & Timme, 2012. P. 176 et suiv. Автор ссылается на доступную ей англоязычную работу. Труд Кирилова на русском языке публиковался дважды: 1) *Кирилов И. К.* Цветущее состояние всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец всероссийский...: Собр<ано> трудами с<татского> с<ответника> и б<ывшего> в Сенате обер-секретаря г. Ивана Кирилова, из подлиннейших сенат. арх. в февр. месяце 1727 г. Кн. 1–2. М.: Унив. тип., 1831; 2) *Кирилов И. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства / Предисловия Л. А. Гольденберга и др., коммент. Л. А. Гольденберга, С. М. Троицкого. М.: Наука, 1977. 443 с.

реформы. И хотя в целом эта работа представляет собой в большей мере административный, религиозный и военно-статистический обзор России, сближающий его, скорее, с французским «обследовани-ем для герцога Бургундского» 1698 г., тем не менее, один его пункт (№ 5) касается «заводов и фабрик».

Вопрос остаётся открытым... Однако в самой своей формулиров-ке заявление Блюментроста звучит как отклик с востока на Анкету Регента 1716–1718 гг. о природных богатствах королевства. И не-волью думается, что Пётр I, приехав в Европу, чтобы найти реше-ния для модернизации своего управления, мог заинтересоваться современным характером этого анкетирования.

Галина Ивановна Смагина
(Санкт-Петербург)

*Главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники РАН*

От европейских путешествий Петра к российским путешествиям европейцев: Научное познание России до создания Петербургской Академии наук¹

Огромна роль Петра I в познании природы России. Осознавая необходимость естественноисторических исследований, Пётр, будучи в Европе, целенаправленно нанимал на службу учёных, готовых принять участие в экспедициях в регионы, совершенно неизвестные тогдашней науке. И хотя в исторической литературе более известны позднейшие экспедиции, организованные после создания в 1724 г. Петербургской Академии наук, но начало научному познанию России было заложено именно Петром в процессе его европейских путешествий.

Во время пребывания Петра в 1712 г. в Карлсбаде в Россию был приглашён немецкий врач Готлиб Шобер (ок. 1670 или 1672–1739). В 1713 г. Шобер переселился в Россию и был сначала назначен врачом к царевне Наталье Алексеевне, потом был инспектором Московской придворной аптеки, а затем стал лейб-медиком Петра I. В 1717 г. Шобер был отправлен для изучения минеральных источников в принадлежащих России предкавказских территориях. Шобер собрал ценные сведения по естественным богатствам Северного

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ — № 17-03-00113.

Кавказа и низовьям Волги, а также по ботанике, этнографии, географии, отчасти истории. Именно Шобер открыл минеральные источники, которые в настоящее время мы знаем как источники в Пятигорске, Железноводске и Кисловодске, указал на целебные свойства их вод для излечения многих болезней, особенно венерических.

На обратном пути в пригородах посёлка Сергиевск на реке Сок (Самарская область) он открыл богатые залежи серы, для разработки которых Пётр I распорядился построить серный завод².

В апреле 1718 г. по приглашению Петра в Петербург прибыл представленный царю в Данциге немецкий врач и ботаник Даниил Готтлиб Мессершмидт (1685–1735). Через год, весной 1719 г., Мессершмидт был отправлен в восьмилетнее путешествие по Сибири, ему поручалось исследовать флору и фауну Сибири, выявлять месторождения полезных ископаемых. По собственной инициативе Мессершмидт включил в план своих работ, кроме изучения флоры и фауны, исследования в области географии, истории, археологии и этнографии. Это была первая научная экспедиция в Сибирь и самая значительная до академического периода³.

Учёный преодолел тысячи километров, достиг на севере далекой Мангазеи (совр. Туруханск), а на востоке обследовал территории вокруг Тобольска, Томска, Красноярска, Иркутска, дошёл до Нерчинска и реки Аргунь, правой составляющей Амура. По ошибке он забрёл даже на территорию Монголии, находившейся тогда под юрисдикцией Китая.

Материалы, собранные учёным в Тобольске и его окрестностях, для того времени имели большое значение и в качестве достижений русской науки некоторые из них, в частности, описания и рисунки птиц, были направлены Петром I в 1721 г. вместе с новой картой Каспийского моря в Парижскую академию. Французские академики с восхищением рассмотрели орнитологические описания Мессершмидта и «выразили желание иметь такие же мастерские описания и изображения красками из всех областей России»⁴.

Из долгого путешествия Мессершмидт вернулся только в марте 1727 г., когда в Петербурге уже была создана Академия наук, кото-

² Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. М.; Л., 1940. С. 23.

³ Новлянская М. Г. Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970.

⁴ Отчёт, поднесённый Петру Великому от библиотекаря И. Д. Шумахера о заграничном его путешествии в 1721–1722 гг. // Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862. С. 535.

рой и достались бо́льшая часть собранных им коллекций и его рукописи. По словам будущего академика и участника Камчатской экспедиции Г. Ф. Миллера, входившего в состав комиссии по приёмке экспедиционных материалов, обилие предметов «превзошло всякие ожидания». Особенно впечатляющими были коллекции птиц и млекопитающих Сибири.

Его основной научный труд — рукопись «Описание Сибири, или картина трёх основных царств природы» (10 томов на латинском языке), которая содержит каталог 149 минералов, 1290 видов растений (из них 359 произрастали в Сибири, а остальные — в европейской части России), краткое описание 257 видов животных. Рукопись хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН⁵.

В Тобольске Мессершмидту удалось сделать рисунки головы, бивней, зубов и других костей мамонта. Это было очень важно, т.к. в начале XVIII в. никто достоверно не знал, что же именно представляет собой сибирский мамонт — многие учёные считали его амфибией, морским чудовищем или даже обитателем подземелья. Мессершмидт утвердился во мнении, что мамонт — это огромный слон.

Он первым открыл каменный уголь в Кузбассе, собрал большой и интересный материал по этнографии сибирских народов, определил впервые географическую широту более 300 пунктов, первым исследовал Среднесибирское плоскогорье. Проводил съёмку местности, где только было возможно, и установил, что изображения рек Оби, Ангары, Нижней Тунгуски на прежних картах были далеко не точными, составил карту Сибири (от Урала до Енисейска) с указанием месторождений полезных ископаемых, горных предприятий и металлургических заводов; собрал коллекции минералов и руд Урала и Забайкалья, первым обнаружил и описал вечную мерзлоту и т.д. Это перечисление можно продолжать и далее.

Значительная часть уникальных коллекций Мессершмидта погибла во время кораблекрушения в 1729 г., другая сгорела во время пожара Кунсткамеры в 1747 году. Он умер в нужде в Петербурге, поддерживаемый немногими друзьями, в том числе Феофаном Прокоповичем.

В 1721 г. Петром I по рекомендации прославленного медика Фридриха Гофмана в Россию был приглашён немецкий учёный Иоганн Христиан Буксбаум (1693—1730) в качестве ботаника при Медицинской коллегии⁶. С его именем связано создание Аптекар-

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22.

⁶ *Сытин А. К.* Иоганн Христиан Буксбаум — первый действительный член Петербургской Академии наук по ботанике // *Естественная история в России. Очерки развития естествознания в России в XVIII веке.* СПб., 2004. С. 75—105.

ского огорода и начало отечественных научных исследований флоры в окрестностях Санкт-Петербурга. В 1724–1727 гг. во время пребывания в Константинополе, а также в путешествиях по Малой Азии, Балканам, Кавказу и Нижнему Поволжью он собрал уникальные коллекции растений, животных, минералов и окаменелостей. Буксбаум — автор первой ботанической работы, опубликованной в России, а его гербарий положил начало гербарии Академии наук. С сентября 1725 г. учёный стал первым академиком по ботанике и естественной истории и занимал эту должность до отъезда на родину в 1729 году.

Собранные во время экспедиции материалы стали осно-

вой большого труда, в котором описано около 500 видов растений, в том числе 11 новых родов и 225 новых видов. Издание под названием «Центурии» было опубликовано на латинском языке в 5 больших томах Петербургской Академией наук (СПб., 1728–1740).

Во время своих европейских вояжей Пётр не только занимался государственными делами, но и лечился на популярных бальнеологических курортах. Его лейб-медику Роберту Арескину (1674–1718), шотландцу по происхождению, приехавшему в Россию в 1704 г., было поручено разыскать целебные источники в России «на манер Европ и Франции». Изучая минеральные источники в окрестностях Санкт-Петербурга, Арескин и Лаврентий Блюментрост (1692–1755), в будущем первый президент Академии наук, открыли и исследовали Полюстровские воды (на Охте) и горячо рекомендовали их тем из своих больных, которые страдали расстройством нервов (в настоящее время там расположен Санаторно-курортный комплекс). А на базе железистых минеральных источников в Карелии указом Петра I в 1719 г. был открыт первый в России курорт «Марциальные воды». Пётр I приезжал на лечение сюда четырежды. Курорт работает и в настоящее время.

Издание дневников экспедиции
Д. Г. Мессершмидта. 1962–1977.

Б. Р. Акбулатов (р. 1949).
Царь Пётр в Марциальных водах.

В 1724 г. была создана Петербургская Академия наук; с этого времени начался новый, академический период в истории изучения России. И первой академической экспедицией стала астрономо-геодезическая экспедиция 1727–1730 гг., снаряжённая для определения географического положения различных пунктов Севера Европейской России⁷. Однако назначение её руководителем французского учёного Людовика Делиля де ла Кройера (1685–1741)

в определённом смысле напрямую восходит к контактам Петра I времён пребывания в Париже, когда он общался с крупнейшим французским картографом Гийомом Делилем (1675–1726). Гийом не смог приехать в Россию, а в Петербург, в Академию наук прибыли два его младших брата: астроном и путешественник Людовик Делиль де ла Кройер и астроном и картограф Жозеф-Николя Делиль (1688–1768). Впоследствии Делиль де ла Кройер участвовал в работе Второй Камчатской экспедиции.

Все экспедиции проходили в экстремальных условиях. Путешественники преодолевали тысячи вёрст по ужасным дорогам, переправлялись через многоводные и бурные реки, проваливались с санями под лёд, терпели кораблекрушения и даже зимовали на необитаемых островах. Недостаток продовольствия, длительные задержки с выплатой денег, отсутствие необходимых инструментов, средств передвижения усугублялись необязательностью местных властей и т.д. Мессершмидт записал в своём дневнике, что за время экспедиции он поседел, польсел и заболел. Глаза воспалились, и зрение так ослабло, что он почти не мог читать и писать. В свои 40 лет он выглядел стариком. Буксбаум, вернувшись из экспедиции, где заболел туберкулезом, жаловался на безденежье и несправедливость: «Меня очень огорчает, что за все мои труды, перенесённые голод и жажду, холод и жар, также за ежедневные опасности для жизни, я не получил

⁷ Дневники экспедиции Делиля де ла Кройера на французском: СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 50. Д. 2–3.

обещанное вознаграждение»⁸. Ещё трагичней оказалась судьба Делия де ла Кройера, который скончался от цинги.

Но труды учёных не пропали бесследно. Материалами Мессершмидта, Буксбаума и других исследователей пользовались экспедиции в XVIII и XIX вв. В 1960-х гг. в Берлине на немецком языке был издан дневник экспедиции Мессершмидта в 5 томах⁹. В Бельгии уже в XXI в. опубликовано факсимильное издание книги Буксбаума о мхах¹⁰.

Таким образом, путешествия учёных-энтузиастов, задуманные Петром, способствовали естественнонаучному изучению и промышленному освоению территории России и в дальнейшем стали прототипом и образцом для грандиозных академических экспедиций XVIII и XIX вв.

В 2010 г. в Ханты-Мансийске был открыт памятник учёным XVIII в. — первооткрывателям Сибири. У подножия колонны, которую венчает фигура ангела с лавровым венком, расположены четыре фигуры: мореплаватель и исследователь Витус Беринг (1681—1741), его сподвижник русский гидрограф, военный моряк Дмитрий Овцын (1704—1757), историк, картограф, путешественник Герард Фридрих Миллер (1705—1783) и немецкий естествоиспытатель Даниил Готлиб Мессершмидт. (Из этих четверых двое — Мессершмидт и Беринг — получили задания непосредственно от Петра I).

Память потомков — не лучший ли показатель значения деятельности учёного...

Д. Г. Мессершмидт. Фрагмент памятника первооткрывателям Сибири в Ханты-Мансийске.

⁸ Цит. по: Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870. С. 240.

⁹ Messerschmidt D. Forschungsreise durch Sibirien. Bd. 1—5. Berlin, 1962—1977.

¹⁰ Buxbaum J. C. Les Muscinees des quatre premieres centuries (1728—1733). Namur, 2001.

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ О ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВИЯХ ПЕТРА I

Михаил Пантелеевич Лепёхин
(Санкт-Петербург)

*Старший научный сотрудник
Библиотеки Российской Академии наук*

О пребывании Петра I в Париже в 1717 году и о создании Библиотеки Академии наук

Заглавие статьи содержит в себе подчёркнутое провокативное начало, основанное на хронологическом и топографическом диссонансе. В самом деле, известны точные даты пребывания царя Петра в Париже: 26 апреля (7 мая) — 9 (20) июня 1717 г., они никогда не ставились под сомнение. Обстоятельствам визита российского самодержца посвящена значительная литература; итоговой следует считать монографию С. А. Мезина¹.

С определением точного времени создания Академической библиотеки всё обстоит несравнимо сложнее. В настоящее время принято считать, что «Библиотека Российской Академии наук основана в 1714 г. по указу Петра I. В 1718 г. началось обслуживание читателей. БАН является первой государственной библиотекой

¹ См.: Мезин С. А. Пётр I во Франции. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Европейский Дом, 2017. 319 с.

России»². Запечатлённый на страницах основополагающего российского справочного издания постулат едва ли кто осмелится опаривать, однако следует учесть, что аксиоматический характер данное утверждение приобрело лишь после 1964 г. Именно тогда на государственном уровне было проведено празднование юбилеев 400-летия отечественного книгопечатания и 250-летия Библиотеки Академии наук СССР. 19 ноября 1964 г. Президиум Верховного Совета СССР наградил БАН орденом Трудового Красного знамени; указ о награждении содержал формулировку: «за значительные трудовые успехи и в связи с 250-летием со дня основания».

Достаточно любопытная предыстория данного юбилея относится более к истории БАН середины XX в., чем к указанной в заглавии теме статьи. Важно отметить, что по уровню изученности собственной истории БАН превосходит все главные библиотеки России: к настоящему времени неисследованных вопросов в историографии раннего периода её жизни почти нет. Тем не менее, трактовка и отдельных событий, и терминов — всё же нуждается в уточнении.

Начнём с историографического обзора

Почти все исследования по начальной истории Академии наук основаны на трудах П. П. Пекарского и осуществлённой М. И. Сухомлиновым публикации «Материалов для истории Императорской Академии наук» 1716–1750 гг. — рассказывать о них в настоящей статье излишне. С должной степенью полноты введены в научный оборот относящиеся к ранней истории академических Библиотеки и Кунсткамеры материалы, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Напротив, материалы РГАДА, относящиеся к истории Академии наук, всё же выявлены и изучены недостаточно: в конце XX–начале XXI в. в этом направлении сделаны первые шаги (труды С. Р. Долговой, Н. Ю. Болотиной) в сравнении с тем массивом материалов, который содержат архивы Правительствующего Сената и Кабинета Е.И.В.

Некогда вышепоименованные архивы были просмотрены на предмет выявления материалов для «Писем и бумаг императора Петра Великого», публикация которых была начата ещё в 1887 г. Последний по времени выхода в свет том ПиБ (13/2; 2003) содержит документы до 31 декабря 1713 г. В начале 1970-х гг. С. П. Луппов был ознакомлен с рабочей картотекой учтённых текстов, которая после

² *Леонов В. П.* Библиотека Российской академии наук // Большая Российская энциклопедия. М.: БРЭ, 2005. Т. 3. С. 461.

возобновления в 1946 г. работы над изданием постоянно пополнялась новыми записями (хранилась в Институте истории АН СССР). К своему удивлению Луппов обнаружил, что относящихся к Библиотеке текстов 1710-х гг. вообще нет, для последующего периода они единичны. Всё это позволило ему высказать категорическое заключение: «Никакого правительственного акта об учреждении Библиотеки Академии наук до нас не дошло. Сохранившиеся сведения об основании этой Библиотеки и её первоначальном книжном фонде противоречивы»³.

Следует отметить, что ранее предпринятые Н. К. Никольским в 1920-е гг. целенаправленные поиски документов об основании академических Библиотеки и Кунсткамеры успехом не увенчались. В «Полном собрании законов Российской империи» легендарный указ 1714 г. о создании Библиотеки и Кунсткамеры отсутствует — несмотря на тщательное выявление в государственных архивах документов, имевших законодательный характер.

Существовал ли данный «указ» вообще?

В последнем нормативном академическом словаре, доведённом до слова: «Указ», данный термин трактуется двояко. Основным его значением является «постановление, распоряжение верховного органа власти или главы государства, имеющее силу закона; декрет»⁴. Там же дано и расширенное толкование «приказание, распоряжение» с пометой разговорное⁵.

В Библиотеке АН СССР в качестве устного предания была жива память о скандале 1954 г., вызванным проведением по инициативе К. И. Шафрановского научной сессии в связи с 240-летием БАН. Столь странный юбилей заставил обратить внимание на историю Библиотеки, причём предпринятые историографические опыты в определённой степени являлись отражением межличностных отношений исследователей. Подробный разбор внутрибиблиотечных распрей того времени исключительно занимателен сюжетно, однако уведёт читателя в сторону от указанной в заглавии темы. Достаточно сказать, что празднование юбилея БАН в 1964 г. было постановлено на высшем уровне не позднее 1957 г., и все последующие семь лет Библиотека готовилась достойно встретить праздник.

³ Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л.: Наука, 1973. С. 322.

⁴ Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 16. С. 430.

⁵ Там же. С. 431.

На юбилейной научной конференции, посвящённой 250-летию БАН, сменивший К. И. Шафрановского в должности заведующего Научно-библиографическим отделом БАН С. П. Луппов впервые соотнёс основание БАН с общим направлением петровских реформ. В максимально тактичной форме было упомянуто и про отсутствие «указа», и о роли И. Д. Шумахера, но упор в докладе был сделан на роль библиотек в истории России и на состав первоначальных фондов БАН. Впервые С. П. Луппов, по образованию инженер и крупнейший специалист по истории первоначального строительства Санкт-Петербурга, объяснил, как в весьма небольшом объёме Летнего дворца могло поместиться большое количество «книг и натуралиев» (впрочем, ранее этот вопрос никто не ставил). Именно С. П. Луппов впервые провёл разграничение между двумя зданиями: до настоящего дня существующими жилыми покоем и снесёнными в 1780 г. людскими покоем⁶.

Ввиду того, что историко-архитектурные реалии занимали в его докладе не самое главное место, С. П. Луппов пригласил выступить на конференции научного сотрудника Летнего сада О. Н. Кузнецову — в 1956 г. она обнаружила в ЦГАДА (с 1992 — РГАДА. — М. Л.) «Сведения палатам Летнего дворца с чем оные заняты». Позднее она же обнаружила в ЦГИАЛ (с 1992 — РГИА. — М. Л.) порядные записи столяра Ивана Семёнова 1718 г. на изготовление 24 застеклённых шкафов, полок и стола. Согласно её выводам, три комнаты верхнего этажа общей площадью примерно 120 кв. м были заняты той частью библиотеки, которая была открыта для публики⁷.

Подготовленная силами семи сотрудников монументальная «История Библиотеки Академии наук СССР, 1714—1964» до настоящего времени является непревзойдённым отечественным образцом в жанре историко-библиотечеведческих исследований, неким эталоном того, как надлежит составлять объективную историю книжных собраний. Так, на вопрос об «указе» С. П. Луппов дал чёткий ответ: «Ввиду того, что до нас не дошло никакого правительственного акта об учреждении Библиотеки и, по-видимому, такого акта и не существовало, традиционной датой основания Библиотеки Академии наук считается 1714 год — год начала работы над книжными фондами, собранными в Летнем дворце. Эта дата признаётся почти всеми

⁶ Луппов С. П. Основание Библиотеки Академии наук и ее первоначальный книжный фонд // 250 лет Библиотеке Академии наук СССР: Сборник докладов юбилейной научной конференции. М.; Л.: АН СССР, 1965. С. 268—284.

⁷ Кузнецова О. Н. О местонахождении Библиотеки в первые годы // Там же. С. 342—345.

исследователями...»⁸. Почти до конца 1980-х гг. словосочетания «указ Петра I» в историографии БАН старались избегать, упоминая об «основании», «учреждении» и т.п.

Положение изменилось с избранием в 1989 г. В. П. Леонова на должность директора БАН: легендарный «указ Петра I об основании БАН» стал эпицентром предложенной им шумахероцентрической модели становления отечественной науки Нового времени.

«Летопись Библиотеки Российской академии наук» открывается сообщением: «До наших дней не дошёл правительственный акт об учреждении Библиотеки и традиционной датой основания БАН считается 1714 г. — начало выдачи книг читателям из Библиотеки. В этом же году к работе над книжными фондами, собранными в помещении Летнего дворца, приступил И. Д. Шумахер»⁹. Как мифический «царский указ» превратился в ещё более загадочный «правительственный акт» — неясно. Каким читателям в 1714 г. выдавали книги из ещё не существовавшей в ту пору Библиотеки — загадка ещё бóльшая. Почему Шумахер приступил к работе над книжными фондами Летнего дворца только после основания Библиотеки (и кто же тогда её основал?) — загадка неразрешимая. Далее сообщается, что в 1714 г. Шумахера *пригласил* на работу в Россию не кто иной, как Франц Лефорт (умерший в 1699 г.) — тогда как, согласно С. А. Мезину, завербовал Шумахера на российскую службу Жан Лефорт, обязанностью которого и являлся данный род деятельности... При чтении подобного остаётся развести руками и пояснять прочитанное пошлой сентенцией о том, что *не ошибается лишь тот, кто ничего не делает*.

В юбилейном труде В. П. Леонова «Библиотека Академии наук: Опыт биографии» автором сделана попытка возвышенным слогом пересказать эпизоды из истории БАН в соотношении с собственной судьбой. «Мысли о библиотеке и Академии наук не покидали Петра. Пейзаж увиденного и задуманного обретал реальные черты. <...> Соратник Петра Роберт Арескин стал для Шумахера одним из тех умов-посредников, так необходимых в начале профессиональной карьеры. Арескин учил его правилам работы с книжным собранием. А находясь в окружении царя, Шумахер познакомился с нравами (так! — *М. Л.*) и характером царя, что было крайне важно для будущего библиотекаря Его Императорского Величества. Воспи-

⁸ Луптов С. П. Основание и первые годы существования Библиотеки, 1714–1725 // История Библиотеки Академии наук СССР, 1714–1964. М.; Л.: Наука, 1964. С. 13.

⁹ Летопись Библиотеки Российской академии наук / Науч. рук. В. П. Леонов. СПб.: БАН, 2004. Т. 1: 1714–1900. С. 17.

танный на немецком, он писал и говорил на своем языке. Таким Шумахер был в преддверии 1715 г.»¹⁰. Воистину, нельзя не согласиться с Р. Ю. Герра, в рецензии на данную книгу отметившим: «Своими словами написанное Леоновым пересказать крайне сложно (если не невозможно вообще) — приходится приводить обширную цитату»¹¹.

В спорном вопросе имеется более взвешенный подход. Так, на юбилейной научной сессии, посвящённой 300-летию академических Библиотеки и Кунсткамеры, директор последней Ю. К. Чистов особо подчеркнул, что до сих пор не найден тот «царский указ», на основании которого они были основаны. В томе «Летопись Кунсткамеры», созданном под его руководством, вместо мифического «указа» указано «устное распоряжение»¹².

Когда же была основана Библиотека Академии наук?

Как то ни покажется странным — до начала 1920-х гг. об этом не задумывались. Год 1714 в качестве отправной точки под сомнение не ставился, но интереса ранняя история Библиотеки не вызывала. Более того, во многом вызванный Ломоносовским юбилеем 1865 г. интерес к прошлому Академии наук, имевший следствием труды П. С. Билярского, А. А. Куника, П. П. Пекарского, М. И. Сухомлинова — к началу XX в. во многом угас. В центре Ломоносовского юбилея 1911 г. оказалась прежде всего личность архангельского мужика во всех его научных ипостасях, а затем уже сформировавшее его Елизаветинское время. Юбилей БАН в 1914 г. был заведомо невозможен ввиду явной некорректности в отношении августейшего президента: отмечалось XXV-летие пребывания вел. кн. Константина Константиновича в этой должности. Кроме того, начало войны одним из следствий имело передачу нового здания Библиотеки под госпиталь. Что касается БАН, то она продолжала пребывать в древнем здании Кунсткамеры в столь стеснённом состоянии, что празднование юбилея показалось бы злой насмешкой.

Начатая в 1920-е гг. под руководством Н. К. Никольского работа по воссозданию предыстории и истории начального периода жизни

¹⁰ Леонов В. П. Библиотека Академии наук: Опыт биографии. М.: Наука, 2013. С. 42–43.

¹¹ Герра Р. Ю. Весьма странная книга // Литературная газета. 2015. 29 июля. № 31 (6519). С. 11.

¹² Летопись Кунсткамеры, 1714–1836 / Авт.-сост. М. Ф. Хартанович, М. В. Хартанович. СПб.: МАЭ, 2014. С. 5.

академической библиотеки не была им завершена в связи с вынужденной отставкой в преддверии 200-летнего юбилея АН СССР в 1925 г., которому власть придала важное политическое значение. Все входившие в состав Академии наук СССР учреждения издали памятки с указанием на обложке года их основания. На брошюре «Библиотека» стояло: «1714»¹³. Главный труд Никольского не был завершён и опубликован посмертно в 1962 г. в связи со спорами о годе создания БАН¹⁴.

Сменивший его в должности директора БАН С. Ф. Платонов полагал, что временем создания Библиотеки и Кунсткамеры следует считать 25 ноября 1728 г., когда они были официально утверждены в качестве структурных подразделений, из которых состояла Академия наук. В связи с изменением политической ситуации 200-летний юбилей Библиотеки в конце 1928 г., на который Правление АН СССР даже ассигновало средства, отмечен не был. Памятником несостоявшемуся юбилею является изданная в 1929 г. анонимная книга (Н. М. Каратаев?) «Библиотека Академии наук: 1728–1928»¹⁵.

Труд Никольского, посмертно опубликованный К. И. Шафрановским в 1962 г., стал одним из аргументов последнего в споре со скептиками — носивший оттенок скандала юбилей БАН 1954 г. достаточно долгое время оставался притчей во языцех сотрудников ленинградских академических учреждений. В самой БАН с конца 1940-х гг. несколькими поколениями исследователей на документальной основе воссоздаётся история Библиотеки в первое столетие существования. (Последующие периоды исследованы менее тщательно, поскольку привлекают несравнимо меньший интерес).

Последним по времени создания явился каталог «Библиотека Петра Великого: Западноевропейские печатные книги», опубликованный с небольшим хронологическим разрывом в Санкт-Петербурге¹⁶ и Париже¹⁷. Данный каталог открывается указанием на то,

¹³ См.: Библиотека: Основана в 1714 году. Л.: АН СССР, 1925. 27 с.

¹⁴ См.: *Никольский Н. К.* К вопросу об историческом значении и первоначальном книжном фонде Библиотеки Академии наук СССР / Подг. текста и примеч. К. И. Шафрановского // Труды БАН и ФБОН. М.: АН СССР, 1963. Т. VII. С. 78–120.

¹⁵ См.: Библиотека Академии наук СССР, 1728–1929: Краткий исторический очерк и путеводитель. Л.: АН СССР, 1929. 116 с.

¹⁶ См.: Библиотека Петра Великого: Западноевропейские печатные книги / Сост. И. В. Хмелевских, А. Е. Карначёв. Отв. ред. И. М. Беляева. СПб.: БАН, 2016. Т. I (в 2 кн.). 980 с.; Т. II. 137 с.

¹⁷ См.: Pierre le Grand et ses livres: Les arts et les sciences de l'Europe dans la bibliothèque du Tsar / Sous la direction de O. Medvedkova. Paris: Alain Baudry, 2016. 750 p. (Republique des lettres. VIII).

что «Библиотека Академии наук была создана по указу Петра I на десять лет раньше самой Академии и стала одним из первых её учреждений»¹⁸. Характерно, что в отличие от ответственного редактора каталога его автор не упоминает «указ», употребляя ранее вошедшую в научный обиход формулировку: «Датой основания БАН сейчас принято считать 1714 год...»¹⁹. Не подвергая сомнению данную аксиому, постараюсь рассказать об её происхождении и о роли, сыгравшей в создании академической библиотеки, поездки русского царя в Париж.

О Петре I как о великом читателе, как о человеке редкой любознательности, как о знатоке всего — сообщается почти во всех посвящённых ему популярных жизнеописаниях и научных исследованиях. Особо подчёркивается роль книг, вошедших в бытовую обиход Царя-Преобразователя едва ли не с годовалого возраста. Об его отношении к книгам столь много написано, что упоминать о том излишне. Чтение для самодержца никогда не было самоцелью, но едва ли не всегда имело практический характер — по большей части являясь отправным пунктом в конкретных проявлениях процесса ускоренного «переноса знаний», который предстаёт отличительной чертой Петровской эпохи. (Предложенный И. Д. Гузевич и Д. Ю. Гузевичем термин даёт отсылку к их трудам и не требует пояснения).

Следует подчеркнуть, что целенаправленность так же, как и случайность в формировании книжного собрания царя, в равной степени отражают многообразие его интересов. Наследование, трофеи, покупка, конфискации, дары — разнообразие принципов комплектования царской библиотеки определяли окказиональность её состава на раннем этапе существования (1710-е гг.). «Говоря о библиотеке Петра, следует отметить, что собирание им книг не носило организованного, систематического характера — ему некогда было этим заниматься. Однако, если в поле его зрения попадала нужная ему книга, он тотчас приобретал её. Многие книги он заказывал специально. <...> Библиотека <...> была для него рабочим инструментом в его преобразовательской деятельности. <...> Это не коллекция библиофила, а книги для повседневного пользования»²⁰.

Потребность в приведении книг в порядок возникла у Петра I в первой половине 1710-х дважды. В первый раз — в мае 1712 г., когда в жилые покои Летнего дворца из Москвы были привезены книги царя, хранившиеся в Мастерской палате. В 1705 г. эти книги были

¹⁸ *Беляева И. М.* От ответственного редактора // Библиотека Петра Великого. Т. 1. Кн. 1. С. 3.

¹⁹ *Хмелевских И. В.* Введение // Там же. С. 11.

²⁰ *Беляева И. М.* От ответственного редактора. С. 3.

привезены в Мастерскую палату из Преображенского — согласно мнению П. И. Хотеева, именно с увеличения личного собрания царя поступившими из Москвы книгами и следует начинать *предысторию* академической библиотеки. Предположение о том, что это событие явилось началом *создания* академической библиотеки было высказано в 1956 г. М. Н. Мурзановой²¹ — после того, как в БАН развернулись о том споры в обсуждении итогов юбилейной конференции 1954 г.

Второй раз потребность в приведении в порядок книжного собрания у самодержца возникла, когда книг стало очень много. (В 1712–1714 гг. в людские покои Летнего дворца были привезены собрание Аптекарского приказа и Готторпская библиотека; в 1716 г. туда же поступила и библиотека герцогов Курляндских). Деятельность Петра I в то время была направлена на создание «регулярного государства»: регламентации (прежде всего учёту) подлежали все и всё, включая личную собственность монарха. Не были исключением и книги, ранее учитываемые лишь при перемещениях.

Неупорядоченные залежи книг в людских покоях Летнего дворца не составляли главной заботы самодержца, но не могли не привлечь его взор. Ранее 1714 г. не выявлено никаких упоминаний о необходимости приведения в подобие порядка всего уже к тому времени ставшего достаточно большим собственного книжного фонда — и то объяснимо: в этом не было сиюминутной насущной потребности. К концу 1714 г. такая потребность не могла не возникнуть: людские покои (т.е. склад, куда были свезены все книги и редкости, из которых потом создалась Кунсткамера) оказались перегруженными.

Осенью 1714 г. произошла судьбоносная для российской науки встреча в Париже вербовщика квалифицированных иностранцев Ж. Лефорта с окончившим Страсбургский университет И. Д. Шумахером. После беседы с Лефортом Шумахер отбыл в Петербург. (Утверждение о том, что Шумахер специально был приглашён в Россию для основания Библиотеки и Кунсткамеры лишено не только документального подтверждения, но и здравого смысла. Лефорт же лишь исполнял царский указ «О привлечении иностранцев на службу в Россию» от 27 апреля 1702 г.) Во Франции Шумахер являлся личностью без определённых занятий, признанным специалистом в определённой научной дисциплине не был, ремёслами не владел, а

²¹ См.: Мурзанова М. Н. Первые фонды рукописных книг академической библиотеки // Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л.: АН СССР, 1956. Вып. 1: XVIII век. С. 7–9.

посему даже контракт заключён с ним не был, однако каждый образованный человек, пожелавший попытаться счастья в России, был на счету, и в сентябре 1714 г. 24-летний эльзасец был доставлен в Петербург.

О личности Шумахера автор статьи уже достаточно обстоятельно рассказал в 2013 г. на предшествующем Петровском конгрессе, а посему считает излишним повторение тех сведений о «создателе академической библиотеки», которые уже сообщены²². Напомню, что начиная с 1990 г. после статьи Ю. Н. Столярова,²³ посвящённой 300-летию Шумахера, незаурядная личность привлекла внимание исследователей. К сожалению, некритическое использование одних и тех же материалов имело следствием то, что фактографические погрешности переходят из одного исследования в другое. Не вступая в полемику, укажу лишь, что Шумахер не был приглашён в Россию с какими-либо определёнными целями, тем более в качестве «царского библиотекаря». До января 1719 г. не состоял Шумахер и на государственной службе, хотя исполнял царское поручение государственной важности — создавал первую в России общедоступную государственную библиотеку.

Упомяну, что Шумахер стал личным секретарём президента Аптекарского приказа лейб-медика Р. К. Арескина (1674–1718) — одного из наиболее образованных российских деятелей Петровской эпохи, имевшего значительное влияние на формирование научных интересов самодержца²⁴.

В обязанности Шумахера входило ведение иностранной корреспонденции своего работодателя. С момента прибытия в Петербург в штате государственного учреждения Шумахер не состоял, получая вознаграждение за свой труд непосредственно от Арескина, человека весьма состоятельного. Последний же, будучи с 1713 г. лейб-медиком Петра I и одним из ближайших к нему деятелей, не только пользовался полным доверием монарха, но обладал репутацией знатока книг. Царь в полной мере использовал познания Арескина, как медицинские, так и библиофильские. Именно Арескину было поручено

²² См.: *Лепёхин М. П.* И. Д. Шумахер и создание модели взаимоотношений Академии наук и государства // Пётр Великий и Европа наук и искусств: Контекст, сети и циркуляция знаний, 1689–1727: Коллективная монография по материалам двух коллоквиумов в Париже 28–29 и 30 марта 2013 г. (В печати).

²³ См.: *Столяров Ю. Н.* Первый российский государственный библиотекарь Иоганн Даниил Шумахер (к 300-летию со дня рождения) // Книга: Исследования и материалы. М.: ВКП, 1990. Вып. 61. С. 116–130.

²⁴ См.: *Лебедева И. Н.* Лейб-медик Петра I Роберт Арескин и его библиотека // Русские библиотеки и их читатель: сб. науч. тр. Л.: БАН, 1983. С. 98–105.

чено весной 1714 г. перемещение из Прибалтики в Петербург книжных собраний, которые заняли людские покои Летнего дворца.

Осенью 1714 г. именно Арескину царь поручил приведение в порядок хранимых там книг и «натуралиев». Как было показано в начале статьи — сведения о том, что царь «в 1714 г. издал указ о создании Библиотеки и Кунсткамеры» действительности никак не соответствуют. Хоть об «указе» Петра I Арескину известно со слов заинтересованного в подтверждении своих заслуг Шумахера — едва ли следует сомневаться в том, что именно так и обстояло дело. Суть недоразумения состоит в том — что именно следует понимать под «указом»?

«Указ» в современном понимании означает прежде всего письменный документ. И в настоящее время, и в XVIII в. это слово употреблялось также в переносном значении «указание, повеление», выраженном преимущественно в устной форме.

Когда осенью 1714 г. Пётр I поручил Арескину разбор «натуралиев и книг», то сделал это в устной форме — речь шла о деле, в круг служебных обязанностей Арескина не входившем. Ответственность за данное имущество по своей должности Арескин не нёс — Летний дворец со всем содержимым относился к ведению гоф-интенданта П. И. Мошкова, у которого было достаточно много иных служебных обязанностей помимо разбора книг. (Сейчас едва ли возможно выяснить, имел ли Мошков к этому занятию склонность — что же касается необходимых навыков, то именно он разобрал археологическое собрание, присланное из Сибири князем М. П. Гагариным). По своему иерархическому статусу Мошков стоял на одном уровне с Арескиным, однако последнего с Петром I связывали личные доверительные отношения, к тому же он по должности лейб-медика входил в круг постоянно сопровождавших царя лиц и был частым собеседником. Письменный «указ» для выполнения данного поручения самодержца Арескину не был нужен... как не нужна была ему и сама работа: важен был лишь её результат — исполнение царского указания. «Работа» же в значении лично им исполняемого трудового процесса привлечь Арескина не могла. Что такое людские покои Летнего дворца? Это был дом, предназначенный для обслуживания жилых покоев Летнего дворца, т.е. соседнего здания. Жилые покои в 1714 г. строились, людские покои были уже выстроены, но здание ещё не было завершено отделкой. В доме отапливались отдельные комнаты верхнего этажа, но не склад; в ноябре дует пронизывающий ветер и рано темнеет. Людские покои находились на берегу Фонтанки (соединение причала со складом). «Книги и натуралии» хранились в складском помещении на первом этаже людских поко-

ев. При отсутствии полноценного освещения и отопления (пронизывающий ветер с реки) разбор книг в подобных условиях работой был трудоёмкой и не особенно приятной, а потому 37-летний тайный советник Арескин перепоручил её Шумахеру — состоявшему в его личном подчинении 24-летнему иностранцу, не занимавшему никакой государственной должности. Повторю, разбору подлежали исключительно привезённые в людские покои книги: личная библиотека царя была помещена в жилые покои и разбора не требовала. Итак, осенью 1714 г. Шумахер приступил к работе — и это стало отправной точкой создания Академической библиотеки.

Перенесёмся в Париж. Спустя 2,5 года после упомянутого «указа» Пётр I в Париже увидел многое, поразившее его воображение. В свиту входил Арескин, организовавший все встречи царя с французскими учёными. В состав спутников самодержца входил также и Л. Л. Блюментрост, отнесённый ко второму разряду посольства. Состав посольства и его деятельность тщательно исследованы С. А. Мезиным, особо указавшим фактографические расхождения с действительно бывшими событиями в апокрифических «Записках герцога Ришелье» и компилятивном «Путешествии Его Величества в Париж» А. А. Нартова²⁵. (Именно на этих двух памятниках основываются многие французские и российские исследователи).

17/28 мая в 11 часов Пётр I посетил Королевскую библиотеку в Тюильри, где его принимал королевский библиотекарь аббат Лувуа. Сопровождали самодержца князь Б. И. Куракин и барон П. П. Шафиров²⁶. 3/14 июня Пётр I посетил Коллеж Мазарини и осмотрел библиотеку. В тот же день он побывал в Сорбонне, где теолог Л.-Ф. Бурсье показал ему университетскую библиотеку и во время осмотра славянских рукописей завёл разговор о соединении церквей²⁷. 8/19 июня царь посетил четыре академии: Королевскую Академию наук, Академию надписей, Французскую академию, Академию живописи и скульптуры²⁸. Сопоставление времени, потраченного царём на осмотр библиотек и научных учреждений, с общей продолжительностью поездки, показывает, что перенос знаний

²⁵ См.: Мезин С. А. 1) Брошюра XVIII в. о путешествии Петра I в Париж и её автор // Библиотековедение. 2016. № 4. С. 418–423; 2) Об источниковедческом значении рассказов Нартова о Петре Великом // Историографический сборник. Саратов: СГУ, 2016. Вып. 26. С. 13–22.

²⁶ См.: Порше Ж. Пётр Великий и Парижская королевская библиотека // Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1938. Кн. 4. С. 41–60; Мезин С. А. Пётр I во Франции. С. 70–71, 202–204.

²⁷ См.: Мезин С. А. Пётр I во Франции. С. 74–75, 199, 201–202.

²⁸ См.: Там же. С. 76–77, 208–210.

в форме книжной премудрости не являлся главной целью поездки.

Тем не менее, и такая форма *переноса знаний* активно практиковалась.

В Париже по указанию Петра I активно покупались книги для личной библиотеки, причём упор был сделан на сочинениях по архитектуре, фортификации и дипломатии. Многие книги царь получил в дар. Для перевозки приобретений А. П. Ганнибал заказывал сундуки; сохранилась опись перевозимого²⁹. По кончине Петра I эти книги из его личного собрания были переданы в Академическую библиотеку.

Зависимость создания Петербургской академии наук и художеств от французских научных сообществ настолько очевидна, что не требует доказательств или углубления в историографию данного вопроса. Не только заведение в России дотоле неведомых наук, но и поднятие престижа монарха, им покровительствующего, явилось причиной заведения в Санкт-Петербурге в 1718 г. первой общедоступной библиотеки, *de facto* получившей статус *государственной* (принадлежала самодержцу, бывшему главой государства), а затем, после его кончины, отошедшей к Академии наук.

Следствием поездки в Париж явилось повышение статуса Шумахера: в его трудах по разбору принадлежавших самодержцу книжных залежей появилась не только личная заинтересованность государя, но и государственная потребность. Посещение Королевской библиотеки наглядно показало Петру I значимость книжного собрания в окружающем самодержца дворцовом пространстве, доступном публике. Проводившийся с осени 1714 г. в людских покоях Летнего дворца трудолюбивым Шумахером разбор книг создал к тому необходимые материальные предпосылки, результат которого стал очевиден четыре года спустя после начала работы.

В ноябре 1718 г. в верхнем этаже людских покоев Летнего дворца появилась первая в России общедоступная библиотека, устроенная по европейскому образцу. Отличие от прежнего российского хранения книг состояло в том, что книги в ней стояли в шкафах на полках, а не лежали в сундуках, как было ранее. Библиотека эта занимала три последних помещения в анфиладе верхнего этажа. Для сохранности книг комнаты были оборудованы дверьми. (Это

²⁹ См.: Долгова С. Р. Кабинет Петра I — уникальная коллекция Российского государственного архива древних актов // Петровские реликвии в собраниях России и Европы: Материалы III Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–10 июня 2011 года. СПб.: Европейский Дом, 2012. С. 21–24; Мезин С. А. Пётр I во Франции. С. 204–208.

было немаловажно: в здании проходили ассамблеи). Ещё раз следует особо подчеркнуть, что в новосозданную библиотеку были помещены не личные книги царя, которые хранились в его апартаментах в жилых покоях Летнего дворца и иных местах, а лишь небольшая часть разобранных Шумахером книг, складированных на первом этаже людских покоев.

Царь заслуженно гордился расположенной в образцовом порядке библиотекой, но в Летнем дворце она была явно излишней. (Книги занимали место, которого не хватало; вид анфилады портили три двери в конце). Шумахер доказал свою полезность: с 1717 г. он был употребляем не только Арескиным, но и напрямую самодержцем по книжной части, а с 1718 г. именовал себя «царским библиотекариусом». Право на то давали нерегулярно получаемые суммы из Кабинета Е.И.В., выдаваемые в награду и на содержание в исправности вверенного ему собрания. Причинно-следственная связь с путешествием Петра I в Париж очевидна: только там самодержец наглядно осознал роль библиотекаря для монарха.

В 1719 г. изменился социальный статус Шумахера. Если в 1718 г. он гордо называл себя «царским библиотекариусом», то был таковым лишь *de facto*, ибо *de jure* оставался всего лишь иностранцем, работавшим по вольному найму. Что Арескин, что Пётр I платили ему за труд из собственных средств — в штатном расписании государственных структур до конца 1718 г. Шумахер не значился. Повышению его социального статуса способствовала внезапная смерть Арескина, в буквальном смысле слова *раскрепостившая* подчинённого.

Скончался Арескин в Олонце в конце декабря 1718 г., куда был послан исследовать минеральные воды, в целительную силу которых самодержец искренне верил. (Что потом и послужило причиной собственной его смерти). Преждевременная кончина Арескина явилась личным горем для Петра I. О степени почтения, которое он испытывал к одному из самых близких лиц, свидетельствует то, что царь распорядился похоронить Арескина в Александро-Невском монастыре и сам 1 января 1719 г. присутствовал на погребении. Печальному церемониалу был придан официальный характер: на похоронное торжество были приглашены многие высшие сановники и иностранные послы. Согласно завещанию Арескина, деньги и драгоценности должны быть переданы его семейству, вся библиотека, обстановка и дом должны быть проданы с тем, чтобы вырученные деньги были отосланы в Эдинбург в пользу госпиталя, поместья он завещал царским дочерям, все коллекции и собрание кружев — супруге царя, а дачу и ботанический сад при ней — самому царю.

Ввиду наличия на даче огорода лекарственных растений она была подарена царём лейб-медику царицы Л. Л. Блюментросту. Книжное собрание Арескина было приобретено самодержцем для Библиотеки, которую Арескин по его указанию создал. Ввиду своей незначительности Шумахер в завещании персонально упомянут не был — неизвестно, был ли он включён в указание «мебель должна быть разделена между прислугой».

Кончина Арескина поневоле заставила самодержца обратить внимание и на судьбу Библиотеки и её хранителя.

1719 г. благоприятно сказался в судьбе не только Шумахера, но и вверенного ему книжного собрания. После гибели А. В. Кикина — близкого царю сановника, казнённого по делу царевича Алексея Петровича, Шумахер получил «Кикины палаты» для размещения в них книг и «натуралий» из Летнего дворца (кроме лично принадлежавших царю книг), и в том же году после переезда Библиотека и Кунсткамера стали в полной мере доступны посетителям, став одной из главных достопримечательностей Санкт-Петербурга.

В судьбе Библиотеки поездка в Париж благоприятно сказалась не только на людях и книгах — но и на строительстве здания для них. В 1718 г. по проекту Г. И. Маттарнови (немецкий архитектор, ученик А. Шлютера — прибыл в Санкт-Петербург в 1714 г.) было начато строительство здания для Библиотеки и Кунсткамеры. Расположено оно было согласно плану г-на Леблona на Стрелке Васильевского острова напротив Адмиралтейства. Истории здания посвящена значительная литература³⁰ — упомянем лишь, что по кончине Маттарнови 2 ноября 1719 г. надзор за работами был поручен Шумахеру и что под его руководством в 1727 г. был совершён переезд из Кикиных палат.

В 1721 г. Шумахер был послан Петром I за границу для установления связей с учёными сообществами и комплектования фондов Библиотеки. Париж был главной целью миссии Шумахера: семь лет спустя он возвратился в город, откуда ранее выехал в Россию никому не известной личностью без определённых занятий. Возвращался же он в качестве царского библиотекаря, в данном случае — полномочного представителя самодержца: главной целью поездки было принесение благодарности царя Королевской Академии наук за избрание Петра I в её почётные члены.

³⁰ См.: Липман А. Петровская Кунсткамера. М.; Л.: АН СССР, 1945; Станюкович Т. В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л.: АН СССР, 1953; Бунин М. С. Стрелка Васильевского острова: История формирования архитектурного ансамбля. М.; Л.: АН СССР, 1957. С. 141–160.

Подводя итог, подчеркну, что одним из результатов визита Петра I в Париж в 1717 г. явилось не только учреждение Академии наук в 1724 г., но и открытие в ноябре 1718 г. первой в России общедоступной государственной библиотеки, устроенной по ранее в ней невиданному европейскому образцу.

Татьяна Александровна Лаптева
(Москва)

*Заместитель начальника отдела научной информации и публикации
Российского государственного архива древних актов*

Накануне визита Петра I во Францию: Переписка К. Н. Зотова и Ж. Лефорта

Перенос знаний и достижений в различных областях науки и искусства в Россию, а также подготовка ко Второму заграничному путешествию Петра I не могли бы осуществиться без отправки в Европу лиц с особыми миссиями — агентов Петра I в различных странах. Во Франции таких лиц было несколько. Накануне визита Петра I главную роль в этом процессе играли два человека — Конон Зотов и Жан (Иван) Лефорт, получившие инструкции о деятельности в этой стране в 1715 г.

24 января 1715 г. Пётр собственноручно писал указ (инструкцию) капитану-поручику Конону Никитичу Зотову относительно предстоящей тому поездки во Францию для изучения морского дела. Зотов должен был ехать во французские «порты морские», прежде всего в то место, где находится главный флот, и, если получится, стать волонтёром, если же нет, вступить в службу и описать состояние французского Адмиралтейства и флота. Используя для этого книги и «обычай», перевести всё это на «словенской язык». Вместе с ним отправлялись два ученика — И. И. Суворов и В. Г. Туволокв. Им предстояло осмотреть и изучить каналы и другие морские инженерные сооружения в Голландии и Франции. В ходе поездки Зотову предписывалось нанять мастеров — «доброго слюзного» и огородника, то есть мастера паркового искусства¹.

¹ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. I. Кн. 38. Л. 187–188. *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Т. 1. М.; Л., 1945. № 22. С. 43.

Конон Зотов уже не в первый раз ехал во Францию, ещё 14-летним подростком он отправился из Голландии во Францию вместе с братом Иваном «для учения». Подробности первого пребывания там К. Зотова неизвестны, однако он изучил французский язык, а в 1707 г. стал первым русским, изъявившим желание «обучитца службе, на море принадлежащей». Несколько лет Зотов посвятил обучению морскому делу за границей и в Россию возвратился только в 1712 г. Во второй раз К. Зотов вместе с Суворовым и Туволковым уехали из России во Францию в середине марта 1715 г., в Голландию они прибыли в мае 1715 г.

О сближении с Францией Пётр начал думать ещё в 1714 г., после окончания войны за испанское наследство. В его планы входило и посещение этой страны в ближайшем будущем. Франция могла бы стать посредником между Россией и Швецией в деле заключения мирного договора. Для строительства новой столицы в Петербурге Пётр задумал пригласить большое количество французских специалистов — архитекторов, художников, скульпторов и других мастеров. С этой целью, а также для установления торговых отношений во Францию ещё ранее был отправлен русский агент И. И. Лефорт, племянник бывшего фаворита Франца Лефорта. 15 марта 1715 г. И. Лефорт получил патент на имя коммерции советника и тогда же через Берлин выехал в Париж. Однако события повернулись так, что большую часть времени, проведённого во Франции, отправкой специалистов, помимо Лефорта, занимался и Конон Зотов.

Архив поездки Конона Зотова во Францию сохранился и ныне находится в Российском государственном архиве древних актов в фонде «Дела морского ведомства» бывшего Государственного архива. Здесь отложились черновики писем К. Зотова, его счета и подлинники писем к нему лиц, с которыми он общался во Франции, прежде всего письма И. И. Лефорта. Письма Лефорта (25) представляют собой подлинники на французском языке, как правило, с датами и местами отправления, в основном из Парижа, сложенные конвертами, с адресами, некоторые сохранили печати красного сургуча или следы печатей. Письма Конона Зотова к Лефорту (менее десятка) и другим — черновики на русском и французском языках, содержащие немного исправлений, тоже с обозначениями в большинстве своём дат и мест отправления. Документы архива Зотова необходимо изучать комплексно, при сопоставлении с другими документами того же периода, а именно письмами и доношениями Зотова и Лефорта в Кабинет Е.И.В и лично Петру I.

Первоначально Зотов отправился в Марсель и Тулон, где, однако, не получил полного представления о порученном ему деле.

После смерти короля Людовика XIV Пётр распорядился также, чтобы Зотов занялся приглашением на русскую службу различных специалистов, установил контакт с Лефортом и надзирал за ним, особенно обращая внимание на расходование последним денег. 7 октября 1715 г. Зотов писал Петру I, что он был в Марселе и Тулоне, однако «в них никаких книг не нашел, которые бы довольно описывали правление Адмиралтейства и флота. Бывший король за несколько лет весьма оставил в небрежении правление флота, однако мочно видеть, что было в предивном порядке: строение великое арсеналов и артиллерия еще и поныне оное свидетельствуют. Жалуются на министров, что они для зависти между собою его величество к тому привели. В Марселе обретается больше тридцати галер, и ни единая не годится на море за ветхостию и ниже их починивают. Я, уздав о приезде господина Лафорта в Париж, поехал из Марселя к нему, чтоб вашего величества повеление управить. И здесь некоторые книги купил, из которых, зделав таблички, ныне посылаю к вашему величеству. В Париже есть Адмиралтейской приказ, и я потшусь правление его описать сполна. Потом поеду в Брест и Рошфорт, и присмотрясь довольно к порядкам на берегу, не пропущу случая, чтоб взять вояж на воинских кораблях, чтоб видеть порядок и в командах офицерских. Ныне Лафорт отправляет некоторых мастеров, и мог бы их скорей отправить, если б беспорядок нынешней во Франции в переводе денег не препятствовал. Мастера огородного, которой знает архитектуру и механику, также и особливо механического мастера нашел. Я их видел и спрашивал, могут ли чинить реки, у которых дно каменисто? И они сказали, что могут, а без чего не поедут, о том донесем впредь. Я ничего не вижу беспорядочного от Лафорта, но отправляет свою должность с великим рачением. Книги о архитектуре и пляны огородам купили. Махину, о которой вашему величеству доносил огородник, я ее видел и вскоре пришлю чертеж, она ничто иное, толко пожарная труба...»². К письму были приложены таблицы размеров кораблей, пушечных станков и корабельных снастей³. «Огородным мастером», о котором упоминал Зотов, был Ж.-Б. А. Леблон, механическим мастером — П. Ламбот (Ламбо). Этим специалистов уже давно подобрал Лефорт и вёл с ними переговоры. Во время приезда Зотова во Францию велись также переговоры об отправлении в Россию Б. К. Растрелли, Л. Каравакка и других мастеров. Для этого нужны были деньги, и Лефорт с нетерпением ожидал, когда же Зотов привезёт в Париж

² РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Кн. 23. Л. 410—411 об.

³ Там же. Л. 416—425.

векселя, выданные в Амстердаме. Однако выдача наличных была затруднена падением курса французских денег после смерти короля. В своих письмах Лефорт постоянно обращал внимание на необходимость их получения, иначе отправить нанятых будет невозможно. Постоянным сюжетом писем Лефорта к Зотову, а Зотова в Кабинет Е.И.В. был недостаток денег для более или менее приличной жизни во Франции, особенно в Париже, необходимы были деньги на мебель, экипаж и прочее. Лефорт обращал внимание на важность получения протекции регента для того, чтобы можно было нанять всех необходимых мастеров и спокойно вывезти их за границы Франции, настаивал он также на том, чтобы установить торговые отношения с Францией, что также облегчило бы наём специалистов. Грамоту о «протекции» Лефарту и Зотову Пётр I направил регенту, герцогу Орлеанскому, 9 декабря.

Сначала посвящать всё своё время контролю за Лефортом молодой моряк не собирался. Он стремился в морские порты, желая плавать на кораблях и наблюдать за французским флотом. В этом Лефорт оказал ему протекцию, познакомив со своим родственником, «генерал провиантмейстером галерным» Бюиссоном, который приходился двоюродным братом бывшему фавориту Петра I Ф. Я. Лефарту. Вообще Пётр хотел использовать связи Лефорта также в Швейцарии, дав ему рекомендательное письмо к властям этой Республики. Бюиссон познакомил К. Зотова с другими влиятельными людьми, в первую очередь с маршалом и главой Морской канцелярии д'Эстре, французскими и итальянскими купцами, стремившимися установить торговые связи с Россией. Знакомство с Лефортом оказалось первоначально плодотворно для миссии Зотова. Лефорт же показал ему жемчужину французской промышленности и искусства того времени — мануфактуру гобеленов. 19 декабря Зотов писал царю, что он был вместе с Лефортом «в доме, именуемом Габле, где завод кавровый», и выражал восхищение никогда прежде не виданными работами, полагая, что можно завести подобное производство и в России, однако необходимы не только мастера, но и живописцы⁴. Всё тот же Лефорт уже нашёл и живописцев, двух братьев, а Зотов познакомился и с ними.

Вместе с тем, желая освободиться от миссии при Лефорте, Зотов просил А. В. Макарова хлопотать, «чтоб дитя мое Лафорт был снят с моих рук»⁵. Однако отношения оставались ещё самыми добрыми, в одном из писем Зотов «отдаёт справедливость» Лефарту по

⁴ Там же. Л. 445—446 об.

⁵ Там же. Л. 447.

его просьбе: «он велми старается о нахождении всяких мастеров, которых я вижу и слышу их предложения», подчеркивая, что Лефорт может сам «управить» наём специалистов, Лефорт «не пьяница, не мот», не играет в карты и ведёт умеренную жизнь, а в издержках «всегда мочно его счесть», «ничего в нем худо не нахожу»⁶. Моряк подчёркивал, что он приехал в Париж для того только, чтобы рассчитаться с Лефортом: «моя должность не в Париже жить, а в морских пристанях»⁷. Вместе с тем отправка в Россию специалистов без разрешения властей была опасна, вывоз мастеров был запрещён под страхом смертной казни, поэтому Зотов просил о наделении Лефорта «карактором», что значительно облегчило бы дело. По совету Бюиссона был выбран «карактор» агента, о чём Пётр отправил грамоту герцогу Орлеанскому от 16 января, и вопрос был улажен⁸. 2 марта Зотов сообщал о милостивом приёме регентом Лефорта и о переговорах о вывозе в Россию 10 мастеров во главе с Ж.-Б. А. Леблонем (Ламбо отказал, но вместо него должны были выписать механика из Женеви)⁹.

Предполагалось также нанять «финифтного» мастера, книжного переплётчика, печатного мастера, кожевника, седельника и других. Зотов просил также назначить место, «где бы мог Леблон ваше величество видеть»¹⁰. Все мастера, за исключением Леблona, должны были отправиться в Россию морем («дешевле станут и з дороги не збегут»), а Леблон «сухим путём» в сопровождении самого Зотова «для скорости» и из опасения, как бы его не переманили конкуренты. После отправления мастеров Зотов мечтал отправиться «в Царьгород» на французском корабле, о предстоящем отправлении корабля также сообщил Бюиссон. Свою же миссию по отправлению нанятых и присмотре за Лефортом он предполагал поручить А. Д. Татищеву, который, по его мнению, «принять не может учиться наукам»¹¹. Но этим мечтам не суждено было сбыться. 16 апреля все нанятые мастера отправились в Голландию. Леблona же Зотов предполагал повезти в начале мая в Амстердам, оттуда к Петру, а с ним отправить в Россию Суворова, который «здесь одолжал и кроется от тюрьмы». В Петербурге Суворов, по его мнению, должен был жить при Леблоне. В это время Зотов хлопотал через Макарова о пожало-

⁶ Там же. Л. 446, 457 об., 459.

⁷ Там же. Л. 456. Письмо от 7 ноября.

⁸ «Двор здешний великой респект к вашему величеству показал, что позволил нам нанимать мастеровых таких художеств». Там же. Л. 12.

⁹ Там же. Кн. 27. Л. 3–4 об.

¹⁰ Там же. Л. 5 об.

¹¹ Там же. Л. 6.

вании Лефорта окладом, протезировал указанному им художнику Удри и поддерживал с ним переписку¹². В Амстердам с Леблном Зотов прибыл 24 мая, о чём сообщал Петру I, надеясь вскоре выехать к нему. Встреча состоялась в Пирмонте, где царь лечился на водах, 8 июня, Леблон произвёл на Петра благоприятное впечатление. Тогда же Зотов подал царю несколько мемориалов, в том числе и по просьбе Лефорта. Один из мемориалов французских торговцев Ноли и Маркелли был посвящён предполагаемым торговым отношениям Франции и России. Впоследствии Зотов вспоминал об этом разговоре с царём, который обещал отправить во Францию не только 6, но 18 кораблей, если будет мир со Швецией¹³. Через Ганновер, Шверин и Росток Зотов и Леблон добрались до Гамбурга, откуда архитектор выехал в Санкт-Петербург. Здесь же произошла встреча с корабельным мастером, которого впоследствии пригласили в Россию — Б. Пангало¹⁴.

Во время встречи с царём Зотов, вероятно, узнал об интригах против него приближённых к Петру вельмож и русских послов, в первую очередь Б. И. Куракина, «хотят меня чернить» и для этого оклеветали господина «Боммазария», к советам которого Зотов прислушивался. Он полагал, что всё это происходит оттого, что его труды более заметны и приносят бóльшую пользу, нежели усилия послов. Интересно, что, будучи в Гамбурге, Зотов думал, что его отец — Н. М. Зотов мог в это время находиться в свите Петра: «Если государь мой отец с вами, пожалуй, изволь ему о мне сказать, что я по се число жив»¹⁵. Исполняя все эти поручения, Зотов, конечно, пропустил время отправки корабля в Константинополь, о чём ему сообщал Лефорт. В Париж Зотов вернулся уже 26 сентября. Здесь его ждало большое разочарование в Лефорте. Во время его отсутствия Лефорт попал в тюрьму, был освобождён благодаря ходатайству маршала д'Эстре, но нагрубил ему и, по его мнению, маршалу «опостылил»¹⁶. 22 октября Зотов писал Макарову: «Лафорт был здесь арестован в покупке некаких вещей царице государыне. Для Бога в денгах ему не изволте верить впредь, я чаю, что он денги ея, госуда-

¹² Там же. Л. 14–15, 20. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1. Ч. 4. Л. 366–367 об. Письмо от 13/24 июня из Парижа о том, что Лефорт получил известие о благополучном приезде Зотова и Леблona к Петру и о слухах о смерти Леблona.

¹³ Там же. Ф. 9. Отд. II Кн. 27. Л. 85–89. Письмо от 15 октября 1716 г.

¹⁴ Предложения Пангало о вступлении в русскую службу (перевод) см. там же. Л. 73 и об. Суворова вместе с корабельным мастером и «моделью махины» Зотов отправил к царю.

¹⁵ Там же. Л. 66. Письмо А. В. Макарову из Гамбурга от 27 июля.

¹⁶ Там же. Л. 87 об.

рыни, издержал на себя и потом нечем стало выкупить оныя вещи». Кроме того, агент «держит в своем доме игральные карты, велми в том безчестие царскому величеству» и советовал, что если ему мало денег, то надо прибавить, а играть запретить¹⁷.

В результате Лефорг отправился к Петру, чтобы представить царю свой проект учреждения французской торговой компании, а Зотов предупреждал, что он домогается больших привилегий для себя и надеется получить место посланника при французском дворе. В конце октября Зотов имел аудиенцию у маршала и вице-адмирала д'Эстре, который принял его очень милостиво, «как бы сына своего», о чём Зотов докладывал Петру, упоминая, что «господин маршал назвал ваше величество творцом российского народа», и замечая при этом, что «Бог сподобил птенцов служить вашему величеству в таком деле, в котором посол господин Матвеев и протчие не могли ни малого поступку учинить»¹⁸. Посланца Петра поразила библиотека маршала, в которой насчитывалось 2800 томов, она «всегда мне незаперта будет», и в эту библиотеку Зотов обещал доставить несколько книг «против росписи», данной ему д'Эстре и содержавшей названия российских книг, которые были необходимы для его библиотеки.

Несмотря на то, что Лефорта рядом уже не было, Зотов никак не мог заняться «перводанными» ему Петром пунктами, относящимися к французскому флоту, и просил Макарова на этот раз прислать «писаря доброго». В противном случае ему придётся жить во Франции не год, а три года¹⁹. В конце ноября 1716 г. Зотов отправил в Кабинет Е.И.В. роспись мастерам, отправившимся в Петербург во главе с «управителем шпалерной работы» Филиппом Беаглем. Это были шпалерные мастера с подмастерьями, печатники, переплётчик, кожевник и другие²⁰. Кабинет-секретарю А. В. Макарову Зотов сообщал своё самое негативное мнение о деятельности Лефорта: «великой цыган», «учил писать в расход вместо 10 пятинатцати», «побежден страстью скоро быть богат», нанял медального мастера за 1500 рублей, что казалось Зотову дорого. Сообщая о том, что Лефорг поехал в Петру I, он добавлял, что с ним поедет живописец господин Натие, которого хорошо знает Леблон и будет рад такому помощнику²¹. Петру же Зотов писал, что необходимо нанимать ма-

¹⁷ Там же. Л. 93 и об.

¹⁸ Там же. Л. 96–97 об.

¹⁹ Там же. Л. 99–100.

²⁰ Там же. Л. 107 и об.

²¹ Там же. Л. 109 и об.

стеровых людей, а именно тех, которые могут работать на широкую публику, более дешёвою ценой, но «есть такие искусства, что невозможно работать на иных, опричь вашего величества, яко корабельный мастер, машинист и весельной мастер»²².

В это время Зотов часто видится с вице-адмиралом д'Эстре и при посредничестве Бонмазари составляет проект женитьбы царевича Алексея Петровича на французской принцессе, что вызвало недовольство царя, так как уже стало известно о бегстве царевича. Составляются также проекты основания в Санкт-Петербурге французской торговой компании, приглашения на русскую службу корабельных мастеров и морских офицеров. Зотов получил известия о том, что многие французские мастера находятся в нищете, и предлагал кого-нибудь из них «подцепить» в Лионе. Но не следует это поручать Лефорту: «... Лафорту для Бога не извольте верить в таких комиссиях, я ему молчал в первых делах, дабы вовсе не испортить, и хотел Леблону и протчим лучше лишнее передать. А ныне не могу ему молчать, не мог ни копейки уторговать, чтоб дешевле кто взял, кто сколько ни запросит, то так и контракт делает. Еще без моего ведома велел государеву персону писать, свою и своей жены, писарь взял 500 ливров в зачет жалованья и сказал потом, что я де взял то за 3 портрета, которые писал по приказу Лефортову. Мне или иному кому с таким дьяволом прока не будет, что ни говорит, все обманывает... он здесь в худой репутации и совершенной обманщик»²³. В письме от 8 июня 1716 г. Лефорт уведомлял Зотова о том, что живописец Ж.-Б. Удри написал портрет Петра и просил рекомендовать его, что тот и сделал²⁴. Однако позже на записке Лефорта с просьбой о вознаграждении Удри К. Зотов написал по-русски: «Я портрета не приказывал делать»²⁵. В письме от 1 февраля 1717 г. Зотов предлагал Макарову потребовать от Лефорта «государеву персону», за которую «по его милости я был обманут в 500 ливрах»²⁶.

Несмотря на то, что Зотов несколько раз пытался внушить Лефорту мысль, что казённые деньги нужно тратить разумно, избегая лишних трат и покупки ненужных вещей, а именно табакерок, заказа портретов и др.,²⁷ Лефорт, видимо, не обращал на это внимания, отмечая в письме от 13/24 сентября 1716 г.: «жаль, что это вас

²² Там же. Л. 112–113.

²³ Письмо А. В. Макарову от 17 декабря. Там же. Л. 121–122 об.

²⁴ Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1. Ч. 4. Л. 361–362.

²⁵ Там же. Л. 389.

²⁶ Там же. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Кн. 32. Л. 489 об.

²⁷ Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1. Ч. 4. Л. 61, 66.

огорчает»²⁸. В дальнейшем Зотов всячески старался уклониться от «комиссий» по найму мастеров и писал, например, в январе 1717 г. Макарову, прося освобождения от задания по найму двух литейных пушечных мастеров, которое ему дал Я. В. Брюс²⁹. Однако он не мог уклониться от исполнения указа об устройстве 20 «дворянских детей» гардемарин, посланных Петром I для обучения во Франции³⁰, а именно в Тулоне и Марселе.

В письме от 11 февраля 1717 г. Зотову из Амстердама Лефорт сообщал о благосклонном отношении регента и французских министров к просьбе Петра I принять для обучения во Франции 20 русских гардемарин, а также о том, что «скоро здесь будет император»³¹. Для встречи гардемарин Зотов выехал в Сен-Мало, куда приехал 20 февраля одновременно с гардемаринами и затем для их устройства отправился в Брест. Он вынужден оправдываться перед вице-адмиралом д'Эстре за нищету присланных русских дворян, их поединки и неприличное поведение, огорчаясь на «срамоту отечества». На содержание гардемарин Зотов издержал около 3000 ливров и почти «кредит потерял». Хотя к нему был прислан в качестве писаря С. Коровин, А. В. Макаров не спешил уведомить Зотова о поездке Петра I в Париж, на что тот был обижен: «не дали нимало знать о походе царского величества в Париж, чают, будто бы гнев государев на мне есть, и мне велми стыдно в люди показатца»³². Если 1 января Макаров уведомлял Зотова о том, что Пётр I «в Париж не будет», не приедет и Лефорт, которого заменят другим человеком, то 13 апреля он же писал Зотову, что «царское величество изволил взять такую резолюцию, чтоб ему побывать там, где ныне вы обретааетесь»³³.

И Зотов, и Лефорт продолжали получать царские поручения как во время пребывания Петра в Париже, так и после его отъезда. Несмотря на то, что Лефорт был заключён в тюрьму 15 июня,³⁴ вскоре он был освобождён и наряду с Зотовым получил указание нанимать мастеров в Лионе, в том числе бумажного мастера. Зотов

²⁸ Там же. Л. 371–372.

²⁹ Там же. Ф. 9. Отд. II. Кн. 32. Л. 460.

³⁰ Указ Петра Зотову от 3 января 1717 г. об организации обучения 20 гардемарин во Франции. См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Кн. 62. Л. 388. Копия.

³¹ Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1, ч. 4. Л. 373–377. В одном из писем Лефорт упоминает о свидании Зотова с маршалом д'Эстре в феврале 1717 г.

³² Там же. Ф. 9. Отд. II. Кн. 32. Л. 501 и об.

³³ Там же. Отд. I. Кн. 62. Л. 382, 399.

³⁴ Там же. Л. 509 и об. Зотов писал: «Спаси господи денешки царевы, однако мочно на тех доправить, которые ево рекомендовали».

же должен был нанять корабельного (Пангало) и галерного мастеров, кроме того, речь шла о заключении контракта с шаяутбейнахтом Кассаром. В июле 1717 г. Зотов «заперся в пустыни сенжерменской» (Сен-Жермен ан Лэ) для перевода книги о «морских эксерцициях» с французского языка. Французские мастера продолжали отправляться в Санкт-Петербург, на этот раз морем из Франции до Копенгагена и затем в Петербург. С этой партией нанятых Зотов послал гувернантку для семьи А. В. Макарова. Однако ещё не все купленные для Петра вещи и инструменты были в пути, задержка состояла в «уборе в ящики». На место Лефорта в Париж был назначен агент А. И. Юров, которого Зотов считал именно агентом, «а не цыганом». До самого отъезда в Россию Зотов продолжал хлопотать о найме специалистов, заключении договоров, отправке царских вещей. Они должны были отправиться на трёх французских кораблях: двух от маршала д'Эстре, один под названием «Санкт-Петербург», второй «Д'Эстре» и третий от господина Жака Ноли, на котором должен был ехать его брат. Жак Ноли согласился даже исполнять должность российского консула. В самый последний момент Зотов нашёл в Гавре требуемого «финивтяного» мастера³⁵.

Труды Зотова и Лефорта во Франции не пропали даром, несмотря на молодость и излишнюю ревность первого, которая компенсировалась опытом и хитростью второго, удалось нанять несколько десятков специалистов, мастеров различных ремёсел, среди которых были уникальные. Многие из них остались работать в России на долгие годы, а некоторые до конца жизни. Они внесли большой вклад в культуру новой родины.

³⁵ Там же. Л. 552–555.

Мария Валентиновна Николаева
(Москва)

*Ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института
теории и истории изобразительных искусств
Российской академии художеств*

Приходно-расходные книги как источник по истории Второго европейского путешествия Петра I

Приходо-расходные книги, другие материалы финансового характера, посвящённые путешествию Петра I в Западную Европу в 1716–1717 гг. и хранящиеся в фонде «Архив Оружейной палаты» РГАДА, хотя и признаны исследователями существенной частью корпуса письменных источников по теме, однако пока не заняли того места, которое они заслуживают.

Ещё в XIX в., а точнее в 1872 г., значительная часть этого документального собрания была введена в научный оборот в «Сборнике выписок из архивных бумаг о Петре Великом», однако научный и информационный потенциал архивного источника, на котором этот Сборник основан, скорее всего нельзя на сегодняшний день считать исчерпанным.

В основу издания его составитель — археограф и историк Григорий Васильевич Есипов — положил документы из фондов Дворцовых приказов, и для этого у него были особые основания: как известно, с 1869 г. он заведовал Московским дворцовым архивом, который ведёт свою историю от архива Оружейной палаты¹.

¹ В 1888 г. архив Оружейной палаты вошёл в Общий архив Министерства императорского двора с Петербургским и Московским отделениями (*Бухерт В. Г. Г. В. Есипов и создание общего архива Министерства императорского двора // Отечественные архивы. 1995. № 4. С. 32–37.*

Сборник Есипова был приурочен к двухсотлетию со дня рождения Петра Великого. Во введении, характеризуя археографические особенности издания, он указывал на то, что из всей «огромной массы документов» петровского времени, которые заслуживают публикации «в полном составе», основное внимание он вынужден был в силу обстоятельств уделить тем, что непосредственно связаны с именем «Великого преобразователя». В Сборнике, по словам Есипова, лишь «некоторые документы напечатаны вполне, другие — в выписках».

Во втором томе издания в разделе под названием «Выписки о приходе и расходе кабинетных денег» Г. В. Есипов поместил финансовые документы, которые сопровождали Вторую большую заграничную поездку Петра в Европу, в 10 рубриках; они занимают лишь четвертую часть в общем листаже книги, соседствуя с архивными документами разнообразного содержания.

Не вдаваясь здесь в подробный разбор структуры и содержания книги Есипова, обратимся к самому архивному собранию. Надо сказать, что оно было довольно подробно описано ещё в XIX в., точнее, спустя 10 лет после выхода книг Есипова, заведующим с 1868 по 1880 г. архивом Оружейной палаты Алексеем Егоровичем Викторovým².

В описи Викторова рассматриваемый материал сведён в 8 дел, некоторые в свою очередь физически разбиты на самостоятельные единицы хранения (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1081–1088). В составе комплекса присутствует финансовая документация так называемых «приходорасходчиков», которые ведали «движением» денежных сумм походного кабинета в путешествии Петра I и вели им учёт, в том числе: капитан-поручика Преображенского полка Афанасия Тихомирова, подьячего или секретаря походного кабинета Ивана Антоновича Черкасова³ (его бумаги разбиты на так называемые тетради по месяцам) и широко известного Юрия Ивановича Кологривова. Траты казённых денег осуществлялись на основании «имянных и подлинных» указов и фиксировались в виде росписей расходов на транспорт или бытовые нужды Петра и его окружения, счетов на разного рода покупки и так называемых «свидетельств» за услуги, расписок разных лиц в получении тех или иных сумм и др.

Помимо сборников подлинных документов в комплекс вошли приходо-расходные книги, составленные в значительной своей части на основании собраний упомянутых «приходорасходчиков».

² Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1613–1725 г. / Сост. заведующий архивом Оружейной палаты А. Викторov. М., 1883. Выпуск второй. Ф. 396. Оп. 2.

³ Впоследствии барон, кабинет-секретарь Елизаветы Петровны.

Илл. 1. Портрет барона И. А. Черкасова. Неизвестный художник. Вторая пол. XVIII в. Саратовский гос. худ. музей.

Рассматривая преимущественно «французский» этап путешествия Петра I и сравнивая, в частности, содержание «тетрадей» И. Черкасова (*илл. 1*) за апрель и май 1717 г.⁴, т.е. во время пребывания царя и его сопровождения во Франции — Дюнкерке, Кале, по пути к Парижу и в самой столице — с приходо-расходной книгой за тот же период, удалось установить, что между ними есть существенные различия.

Подлинный документ мог представлять собой порой своего рода документальный комплекс, который включал текст на французском языке и современный ему перевод на русский, ссылку на имен-

ной указ, послуживший основанием для выплаты денег за покупку или услугу через участника путешествия из свиты царя или непосредственно заинтересованному лицу; расписку с автографом получателя денег, являвшуюся в каких-то случаях единственным источником сведений об имени того или иного мастера в том или ином ремесле; в документе также могли присутствовать делопроизводственные пометы, которые подтверждали соответствие перевода оригиналу, указывали на число и место, где была совершена «делка».

Отличает подробность в изложении событий, которые произошли в какой-то определённый хронологический период времени, росписи расходов в связи с тратами на транспорт или на бытовые нужды.

Копийные записи приходо-расходных книг фиксировали первоисточники в двух вариантах — в полном объёме (правда, исключая в большинстве случаев тексты на иностранном языке и всегда — делопроизводственное оформление) или сокращённо. Но очень важно отметить, что круг этих записей, по крайней мере, за март—июнь 1717 г. охватывает более широкий перечень документов, чем те, что

⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1082д (старый номер 1582а на 17 л.), 1082е (старый номер 1582б на 55 л.).

попали в тетради Черкасова или других составителей финансовых материалов в те же месяцы (!), что предполагает наличие других документальных несохранившихся ресурсов.

По этим причинам при существенном различии в содержании упомянутых источников разных видов наиболее полную картину событий по материалам РГАДА представляется возможным воссоздать при их комплексном анализе. К этому также надо добавить, что выплаты денег нередко производились позднее самой траты и фиксировались в делах за последующие месяцы.

Если обратиться к сюжетам приходо-расходных материалов в фонде Оружейной палаты, посвящённым тем событиям европейского путешествия 1716—1717 гг., главным героем которых был Пётр I, то надо ещё раз отметить, что они были основным объектом внимания Есипова и наиболее подробно, хотя и не исчерпывающе, освещены им в Сборнике.

Целая серия финансовых документов сопряжена с личным интересом Петра к европейским знаниям, которые он стремился по общепризнанной точке зрения перенести в Россию.

Одно из направлений в этой сфере было связано с разного рода приобретениями, которые представлены в собрании Оружейной палаты, например, январской росписью 1717 г. хирурга (лекаря) Яна (Иоганна) Фейля (Фейлера), в соответствии с которой в Амстердаме закупили медицинские инструменты и лекарства, которые проследовали затем в Лейден, Гаагу и Роттердам и, вероятнее всего, далее в Россию; в числе инструментов были разнообразные шприцы — оловянные клистирные, деревянные, костяные с футляром, некие клистирные большие и малые «трубочки с кожицами»⁵ (нельзя исключить, что часть из покупок была использована для сиюминутных нужд царя или его приближенных). В мае 1717 г. через Ю. Кологривова закупили зрительные трубы разных размеров, в том числе, серебряная золочёная, стальная, и ещё одна — в медной золочёной оправе⁶, а 7 июля через него же — солнечные часы⁷, неоднократно инструменты закупили через Аф. Татищева, в частности, у «инструментного» мастера Франца⁸ и т.д.

Здесь надо ещё раз оговорить, что в рамках статьи факты из расходных документов приведены лишь для иллюстрации основных

⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1082е. Л. 25; Д. 1081. Л. 94.

⁶ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом / Сост. Г. В. Есипов. М., 1872. Том 2. С. 82; РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1082е. Л. 44.

⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1081. Л. 105 об.

⁸ Там же. Л. 101—101 об. и др.

тематических направлений рассматриваемого корпуса с акцентом на неопубликованные сведения архивного источника.

Царь в поездке интересовался разного рода феноменальными вещами и явлениями. Например, 6 апреля 1717 г. в Брюсселе денщик Петра арап Аврам⁹ закупил верёвку, которой мерили «Антверпенскую башню»¹⁰; 4 мая Пётр смотрел в Аптекарском саду в Париже «анатомические вещи» в сопровождении врача из свиты — Роберта Арескина (о чём свидетельствует оплата 20 мая служителя, демонстрировавшего образцы¹¹).

Этот интерес определил некоторые пункты программы локальных поездок царя, например, в Трианон, где французский королевский пиротехник показывал ему маленький фейерверк, или «огненные фигуры». Это стало известно из записки об истраченном порохе, сере и др. пиротехнических расходных материалов, которые доставил купец по имени Бонневаль, получивший привилегию от герцога Дюмана и причитавшиеся ему за это 60 ливров¹².

К той же области интересов царя относится найм на русскую службу иностранцев. Целый блок документов, включающий именные указы, письма Петру разных лиц и др., посвящён французским мастеровым людям, которые в 1717 г. были отправлены в Ростов, где планировали погрузить их на судно и везти далее в Петербург; переписка касалась, преимущественно, выплат им жалованья, денег на пропитание (по полуталеру человеку на день), а также на проезд¹³.

Здесь можно упомянуть ещё поручение Петра I графу Платону Ивановичу Мусину-Пушкину, состоявшему в Голландии при после кн. Б. И. Куракине, который был отправлен 19 марта 1717 г. из Гааги в Кёльн и «по деревням для сыску мастеровых людей»¹⁴.

Документы, посвящённые контактам Петра со специалистами в художественных профессиях с перспективой приглашения их в Россию на службу, не раз привлекали внимание исследователей. В частности, в службу в Париже был принят лаковый мастер или художник в лакировальном деле Марсие¹⁵, о чём становится известно

⁹ В будущем — генерал-аншеф Абрам Петрович Ганнибал.

¹⁰ Речь идёт, очевидно, о северной башне высотой в 123 метра Собора Антверпенской Богоматери; РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1081. Л. 82.

¹¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1081. Л. 95.

¹² Там же. Д. 1082е. Л. 43; Д. 1081. Л. 97; *Есинов Г. В.* Указ. соч. С. 82.

¹³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1085. Л. 79–80 об.; Д. 1086. Л. 4–4 об. и др.

¹⁴ Там же. Д. 1082е. Л. 30.

¹⁵ В Сборнике Г. В. Есипова ошибочно дан как Марке. Это был не первый мастер в России: известен, например, лакового дела мастер Бронкгорет (РГАДА. Ф. 150. Д. 17).

в связи с выдачей ему через полковника барона Вигуру 3 мая 1717 г. «на проезд» из Парижа в Голландию «и на пищу» 300 французских ливров¹⁶.

Ещё одно направление — это приобретение в путешествии Петром I и для него книг, картин (например, трёх в Дюнкерке: с изображением пристани, города и бомбардировки англичанами Дюнкерка¹⁷), других произведений искусства. Известно, что 8 июня шпалеры, картины, инструменты, кортики и другие вещи царский денщик Иван Орлов отправлял в сундуках с кондуктором Питером Янсенем из Парижа в Спа («Шпа»)¹⁸.

Несколько документов посвящено выплатам денег художникам, которые писали портреты царя и его супруги Екатерины Алексеевны. По ведомости, поданной из Посольской канцелярии 19 июня 1717 г. за подписью («за рукою») подканцлера барона П. П. Шафировова, 100 червонных причиталось «живописцу» Арло, который писал «меншой» портрет Петра, и за футляр к нему, столько же денег выдали «живописцу» Жан-Марку Натье («Натию»), который написал в Голландии «персоны его величества» и др., а также мастеру Шарлю Буат (Шарлю Боу), который делал портреты царя и царицы на финифти и которому дали «взаимы в счет будущего» 300 червонных¹⁹.

22 августа 1717 г. именным указом было велено выдать через посла князя Б. И. Куракина живописцу Мору «которой писал персону его царского величества», 150 червонных²⁰. Речь идёт о голландском художнике Кареле де Мооре, который писал портрет Петра во время пребывания царя в Гааге (*илл.* 2). В письме Екатерине 2 мая 1717 г. Пётр просил прислать в Париж его «портрету, что писал Мор», но в ответ получил сообщение, что «портретов, которые писал Мор, не могла ныне послать для того, что он взял их себе дописывать²¹.

Нельзя не отметить, что сведения о тех или иных событиях в расходных документах приобретают особое значение в контексте других источников; порой они могут служить незаменимым дополнением, в частности, к материалам нарративного характера.

¹⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1082е. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 1081. Л. 84 об.

¹⁸ Там же. Л. 107 об.

¹⁹ Там же 1. Л. 112.

²⁰ Там же. Л. 113.

²¹ Письма русских государей. Выпуск I. № 95, 1717, 2/V. Цит. по Павленко Н. И. Екатерина I. М., 2004. № 116.

Илл. 2. Карл Моор. Портрет Петра I. 1717.
Гравюра Якоба Хубракена.

Отрывочные сведения содержатся в документах с упоминаниями чертежей, посвящённых градостроительству и архитектуре Москвы и Петербурга: в апреле 1717 г. светлейший князь, как он поименован в документе, А. Д. Меншиков прислал Петру I в Кале с секретарём Алексеем Яковлевичем Волковым некие чертежи в «трубе» (тубосе), которую то ли отремонтировали, то ли заменили, наняв кузнеца, на новую из белого железа²²; 5 мая переплётчик получил 30 ливров за подклейку холстом, вероятнее, этих двух листов с изображением «прешпекта» в Петербурге и «прешпекта» в Москве²³, а 10 мая под эти

чертежи был куплен за 26 ливров баул с двумя замками²⁴. К этим данным можно добавить, что, помимо упомянутых изображений, в Кале прибыл чертёж палат Жан-Батиста Леблона, с которого к 18 апреля некий рисовальщик сделал за 15 ливров копии с целью обратной посылки их в Петербург к Меншикову²⁵.

Несмотря на стремление Г. В. Есипова максимально полно отобрать в Сборник архивные материалы, непосредственно связанные с Петром в путешествии по Европе, туда не попала заметная часть расписок, счетов и др. документы, посвящённые покупке личных вещей или «про царский обиход». Например, будучи в Гааге и Амстердаме, Афанасий Татищев приобрёл «англинскую» серебряную шапку, которую «царское величество изволил взять себе» и которую Татищев включил в роспись расходов от 5 апреля 1717 г.²⁶

²² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1081. Л. 82 об., 87 об.

²³ Там же. Л. 98 об.

²⁴ Там же. Л. 82 об., 87 об.

²⁵ Там же. Л. 87 об. Можно предположить, что речь идёт о чертеже палат для именитых, авторство которого до недавнего времени было предметом дискуссий.

²⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1082д. Л. 2.

Из закупок в Париже у купца Карла Дефрени в мае 1717 г., помимо известной трости с золотой головкой (или «навалдашником»), были взяты: черепаховые «мотушки»²⁷ и «вьюшка»²⁸ для шёлка с золотыми насечками, черепаховая же «ключка с трубкою зрительною», табачный ларец с серебряным убором и два горшка табака по полуфунту, золотая коробка, зубочистка²⁹; 2 табакерки купил для Петра I Лефорт — Иван Исаевич (судя по автографу)³⁰, племянник генерала и адмирала Ф. Я. Лефорта; шахматы — Егор Сергеев³¹ и т.д. В Париже были куплены вещи из одежды: дюжина белых шлафмиц («шлафанцов») и два нитяных³², 12 пар гарусных чулок, два костровых вязаных бострога³³ и т.д.

Сильно повреждённый временем и реставрацией документ на двух языках даёт представление о «платье», который шили в Париже царю. Для этих целей закупили 8 мая 1717 г. у вдовы Перешьен на улице Сент-Оноре: штофу — по тёмно-синей земле серебром на камзол, шагренёв на отделку кафтана, шагренёв белого цвета под камзол, тафту «агленскую» на рукава и спину, тафту белую на отделку карманов³⁴.

Роспись, которую составил придворный служитель неближнего круга царской свиты Иван Кобыляков³⁵ 9 мая 1717 г., говорит о том, что в статьи расхода входила починка Петру I двух картузов (к одному из них сделана шагренёвая тулья и серебряный позумент) и изготовление для него же епанчи и т.д.³⁶ Расписки парикмахера свидетельствует о покупке для царя в Брюсселе двух париков и перделке старого³⁷.

²⁷ На них наматывают нити или пряжу.

²⁸ Катушка для наматывания пряжи, троса, шнура и т.п.

²⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1082д. Л. 12–13, 15.

³⁰ Там же. Д. 1082е. Л. 28.

³¹ Там же. Д. 1081. Л. 99 об.

³² От нем. *schlafmutze* — спальный колпак (Смирнов Н. А. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого // Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. Материалы для изучения Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1910. Т. 88. С. 330); РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1082е. Л. 7.

³³ От голланд. *borstrok* — верхняя мужская одежда, преимущественно тёплая, куртка, фуфайка (Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 63); РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1082е. Л. 35.

³⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1082е. Л. 16–16 об.

³⁵ Мезин С. А. Пётр I во Франции. СПб., 2015. С 101.

³⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1082е. Л. 8–8 об., 24; Д. 1081. Л. 91 (запись о выдаче денег с распиской).

³⁷ Там же. Д. 1082д. Л. 6; Д. 1081. Л. 83 об.

Отдельную статью представляют собой расходы на подарки супруге Петра I Екатерине Алексеевне: 6 апреля через Аф. Татишева царь приобрёл для неё 22,5 аршина нитяного кружева и два входивших в моду в России «фонтанжи»³⁸ брюссельской работы³⁹; 2 мая — костровую и нитяную юбки⁴⁰, 13 мая в Париже — 19 1/3 аршина пунцового штофа⁴¹ и т.д.

В особый раздел можно выделить расходы на транспорт, выбор которого демонстрирует предпочтение Петра I сухопутному способу передвижения путешествия на морских и речных судах. Роспись поручика П. Мурзина от 18 апреля 1717 г. «издержанным» деньгам на разных этапах поездки Петра I от голландского Дельфта до Дюнкерка содержит следующие траты: за лошадей, которые везли судно от Дельфта до шлюза, за проезд через шлюз, далее через Роттердам в город Дорт, где за боут⁴² (не бот!) заплатили 2 гульдена, там или дальше уплачено за «сташенье» судна с мели, далее Брюссель, затем деньги даны 18 человекам, тянувшим лямками судно от Монта до Гента, за проезд моста за Брюгге (Брюжем), далее после Остенда — за наём судна от шлюза Фордюнкерк до Дюнкерка⁴³.

С проездом по воде связан и хорошо известный визит Петра I в «королевский дом, имянуемый Фонтенблом», где он ночевал у графа д'Антена («дука Донтея»), а 21 мая 1717 г. до Парижа добирался водой на боте, затем водою же «скрозь» Париж, за что, сопровождавший царя М. Д. Олсуфьев выдал из своих денег кормщику и гребцам 50 французских гульденов; в документе помета рукой кабинет-секретаря А. В. Макарова (по Есипову): «по сему свидетельству пятьдесят гульденов выдать с роспискою и записать», что и было сделано, подтверждением чему служит подпись — «Матвей Алсуфьев принел»⁴⁴.

Сюжеты, посвящённые событиям, в которых Пётр I не принимал непосредственное участие, но в связи с которыми давал разного рода поручения участникам своего путешествия из ближнего круга

³⁸ Чепец, состоявший из ряда накрахмаленных кружев, между которыми распределены пряди волос; укреплялся при помощи шпилек и проволочных конструкций.

³⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1082д Л. 3, 10.

⁴⁰ Там же. Д. 1082е. Л. 35.

⁴¹ Тяжёлая шёлковая или шерстяная ткань с тканым рисунком; РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1082е. Л. 19.

⁴² От голланд. *bout* — артиллерийские припасы (Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 64).

⁴³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1082д. Л.14–14 об.

⁴⁴ Там же. Д. 1082е. Л. 42; Д. 1081. Л. 96 об.; Есипов Г. В. Указ. соч. С. 81–82.

или с периферии своей свиты, занимают немалое место в финансовой документации. Этот сегмент в рассматриваемом корпусе источников в наименьшей степени отражён в силу объективных, как писал Есипов, причин в его Сборнике.

Хорошо известен и подробно опубликован маршрут поездки Петра из Кале в Париж, причём на всех его этапах, однако был ещё «авангарда» в составе служителей — арапа Аврама, Яна д'Акосты (Лакосты⁴⁵) и подьячего И. А. Черкасова, который в сопровождении троих сержантов и солдата Овсянникова Пётр I отправил 18 апреля 1717 г. «наперед»; всех семерых участников «десанта» велено было в дороге кормить и давать квартиры из денег «его царского величества».

Кортеж тронулся в путь из Кале 19 мая (царь с «караваном» выехал 23 апреля), проехав 8 миль и прибыв в Булонь, участники путешествия пообедали и ночевали (царь обедал в Маркизе, а ночевал также в Булони); 20 апреля добрались во Френа (или Франка), где обедали, и в тот же день, преодолев в целом 7 миль, ужинали и ночевали в Монтреле (Монтрее); далее 21 апреля через деревню Берн прибыли в Абвиль (Пётр доехал сюда из Булони за один день — 24 апреля), 22 апреля добрались до города Ампе, где ужинали и ночевали, на следующий день, 23 апреля — обед в деревне Кроанси, от которой через 3 мили ночёвка в селе Бертуль (царь миновал часть вышеназванных пунктов и остановился 25 апреля в Бретеи в бенедиктинском аббатстве святой Марии⁴⁶), 24 числа доехали до города Бове, 25 апреля обедали в деревне Тилгрот (царь обедал в соседней деревеньке Аллон), а ужин и ночёвка — в городе Бомон (царь 26 апреля здесь лишь пообедал); 26 апреля Черкасов с попутчиками, наконец, оказались в Сен-Дени, где обедали и стояли до вечера, «понеже его величество от того места был в близости», а затем, преодолев 2 мили, оказались уже в Париже и наконец — в отеле под названием Ледигьер, в котором «ево величество стоял»⁴⁷. Пётр прибыл в Париж, как известно, 26 апреля или 7 мая по новому стилю.

Если продолжать «дорожную» тему, то можно сказать о голландском капитане Фергасе или Форгасе, отрывочные сведения расходных документов о денежных выплатах которому позволяют в комплексе составить небольшую реконструкцию его участия в путешествии Петра I в период с апреля по сентябрь 1717 года.

⁴⁵ Придворный шут, в России стал именоваться Петром Дорофеевичем.

⁴⁶ Мезин С. А. Указ соч. С. 94.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1081. Л. 87 об.—87а об.

Илл. 3. Медаль в честь взятия Эльбинга, крепости в устье Вислы, в ходе Северной войны в 1710 г.

Итак, первое упоминание о Фергасе относится к 9 апреля 1717 г., когда он получил 15 ефимков и был отправлен Петром «наперед» из нидерландского Остенда во французский Дюнкерк для «заимки» квартир; сам Пётр прибыл, как известно, в Дюнкерк 21 числа⁴⁸. Далее, проследовав в Кале и получив 29 апреля от кабинет-секретаря А. В. Макарова «в презент» 250 ливров, Фергас отправился в Париж, однако в расписке, поданной в Париже 9 мая, он указывал, что при проезде от Роттердама до Парижа истратил 60 ливров своих денег, а также купил кафтан и шляпу на 300 ливров; 18 мая 1717 г. недостающие 110 ливров он получил от князя Бориса Ивановича Куракина, в чём собственноручно и расписался⁴⁹. Кстати, в этой связи понятно, что именно ему — «капитану галанскому», которой был на «стацкой» яхте в пути от Роттердама до Брюсселя — Пётр дал в подарок 6 апреля 1717 г. «большую золотую эльбингскую медаль»⁵⁰ (илл. 3) (т.е. медаль, изготовленная в честь взятия русскими войсками в ходе Северной войны старейшей крепости Балтийского побережья Эльбинг) в 20 червонных. Упоминания, сделанные вскользь, добавляют сведения о том, что Фергас был с Петром I в Льеже, Спа (платил за лошадей, на которых Пётр ездил к фонтану пить воду)⁵¹ и провожал царя из Амстердама до города Везель, где 1 сентября получил 108 червонных и 4 гульдена за наём лошадей в Голландии, которые тянули яхты, и на прочие дорожные издержки, а в деле есть подробная роспись расходов от 22 августа 1717 г. на 549 голландских (?) денег за подписью Фергаса на голландском же языке, кото-

⁴⁸ Там же. Л. 84 об.

⁴⁹ Там же. Л. 86, 90 об.; Д. 1082е. Л. 5–5 об.

⁵⁰ Там же. Д. 1082д. Л. 8; Д. 1081. Л. 83.

⁵¹ Есинов Г. В. Указ. соч. С. 72–73.

рая ждёт своего перевода. В литературе наиболее широко известен лишь факт отправки 21 мая 1717 г. Фергаса в Бургундию для покупки вин про царский обиход⁵².

О закупках вина и пива становится известно также из документов, посвящённых отправке «в английскую посылку» курьера походного кабинета Егора Сергеева с «нужными письмами». Из Кале морем он добрался до Дувра (Дуверна), затем на почтовых — до Лондона, там пробыл 3 дня и, выполнив главное поручение, закупил английское пиво и вино, с которым вернулся в Париж. Роспись расходов включала, помимо денег, потраченных на наём квартиры, еду, кучманов (кучеров) и переезды по суше и по морю, трату на так называемый тринкгельд, что в словаре терминов петровской эпохи переводится как «за труды» или как идиома — «на пропой»⁵³. Компенсация за расходы из своего кошта вдобавок к выданным казённым средствам Сергееву была додана в Париже 9 мая 1717 г.⁵⁴

Отдельную от основной «миссию» выполнял и граф П. И. Мушин-Пушкин, отправленный для поиска и найма мастеров, когда захватил по дороге из Амстердама в Версаль ящик венгерского вина, для транспортировки которого пришлось нанять две почтовые кареты⁵⁵.

Если продолжить серию сюжетов, связанных с едой и питьём, которые предназначались для Петра I, то историю о пивоваре Илье Семёнове открывает в рассматриваемом корпусе документов выдача по указу царя от 13 апреля 1717 г. денег — 31 червонного — царскому квартирмейстеру Ивану Толстому. Он должен был нанять почтовых лошадей, чтобы проехать 60 миль⁵⁶ из Дюнкерка в Париж и доставить туда пивовара, очевидно, того самого Семёнова.

Изготовление напитка к приезду царя в Париж потребовало особых приготовлений, в частности, пришлось нанять толмача, «который был с пивоваром у варенья пива», закупить ржаную муку и подрядить портера, который эту муку доставил, заготовить такие ингредиенты, как кислые щи⁵⁷, мята⁵⁸, пришлось также потратиться на полотно для закупоривание бочек, на всё пошло 158 ливров; в сумму ещё входила оплата «корма» пивовару во время работы.

⁵² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1082е. Л. 34; Д. 1081. Л. 95 об.

⁵³ От нем. *trinck-geld* (Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 296).

⁵⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1082е. Л. 6–6 об.; Д. 1081. Л. 85 об.

⁵⁵ Там же. Д. 1082е. Л. 30.

⁵⁶ Французская сухопутная миля — 4444,4 м; РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1082д. Л. 12.

⁵⁷ По Далю — род шипучего кваса.

⁵⁸ Добавляли в этот самый так называемый белый квас.

Казённые расходы на Семёнова этим не ограничились: к 28 апреля ему был готов кафтан и камзол из зелёного сукна с золотным позументом, подкладкой и пуговицами, к нему — куплено 6 рубашек и столько же галстуков, башмаки с чулками и шляпа⁵⁹.

Значительный круг документов порой с подробными росписями посвящён покупкам вещей для участников свиты Петра, например, шпаги, парика и платья карлику Луке Честихину, одежды лекарю Яну Фейлеру, платья генерал-лейтенанту Ивану Ивановичу Бутурлину и иерею Ивану Хрисанфовичу Битке, царским денщикам Аф. Татишеву, П. В. Мурзину, и др.⁶⁰

В заключение надо отметить, что сегодня задача расширения источниковой базы исследований по самым разным темам стоит весьма актуально — публикации дореволюционных учёных досконально изучены, к тому же археографическая практика ушла во многом далеко вперёд. Немаловажно, что научно-справочный аппарат к собраниям документов XVII и XVIII в. в РГАДА всё ещё не достиг современного уровня обработки информации, что затрудняет поиск документов по теме.

По этим причинам представляется вполне обоснованным ныне, т. е. спустя почти 150 лет после выхода в свет «Сборника выписок из архивных бумаг о Петре Великом», вновь обратиться к подлинникам приходо-расходных материалов 1716–1717 гг., посвящённых Второму европейскому путешествию, и попытаться оценить их возможности для дальнейшего исследования эпохи Петра Великого. Тем более, что сопоставление архивных документов и текстов в публикации Есипова позволило установить, что действительно, как он указывал во введении к своему изданию, только часть единиц хранения автор привёл в полном объёме, большинство же — в извлечениях, нередко с купюрами, исключительно с целью констатации факта, при этом за рамками нередко оказывались немаловажные детали и подробности содержательного характера.

Наиболее полно и подробно Есипов издал хорошо сохранившиеся, в переплёте приходо-расходные книги, однако, и те, как уже говорилось, не в полном составе и не в полном объёме. При этом многое из собраний документов «приходорасходчиков» осталось за кадром, физическое же состояние, в частности, тетрадей И. Черкасова можно назвать бедственным: утраты внешних краёв листа с частью текста, варварская реставрация XIX в., которая хотя и закон-

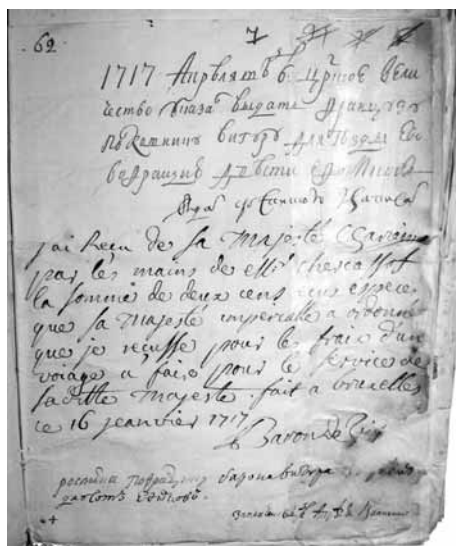
⁵⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1082д. Л. 19–19 об.

⁶⁰ Там же. Л. 4; Д. 1082е. Л. 2, 3, 9–11, 14, 18–18 об., 20–22, 27, 31–33, 36; Д. 1081. Л. 89 и др.

сервировала листы, но в немалой степени их и повредила, и т. п. Ещё архивист Викторов в XIX в. писал про некоторые единицы хранения: «рукопись ветхая, повреждена гниlostью» (илл. 4, 5).

Отдавая должное значимости и ценности трудов Г. В. Есипова, нельзя не видеть недостатков археографического характера: ссылки на устаревшую нумерацию единиц хранения, практически полное отсутствие указаний на листы в делах, повторы одних и тех же сведений из источников разного вида в разных разделах Сборника и т. д. Сводные указатели перегружены сведениями из документов, которые не имеют отношение к заграничному путешествию Петра I. Затрудняет работу с выписками в Сборнике отсутствие комментариев и терминологического словаря, нет археографического оформления документов.

Нельзя не обратить внимания на то, что после Есипова подлинниками документов, судя по листу использования, никто не занимался и, хотя формат расходных записей был нацелен на фиксацию,

Илл. 4–5.
 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1082д. Л. 7, 14.

главным образом, трат казённых денег, но их содержательная часть, при включении в контексте других материалов, может быть совершенно уникальна.

Таким образом, на нынешнем этапе изучения истории путешествия Петра I в Западную Европу, когда большинство источников по теме введено в научный оборот и тщательно исследовано, в частности, архивы, посвящённые пребыванию Петра I в Париже досконально рассмотрены и искусно вплетены в ткань исследования С. А. Мезиным, обращение к приходо-расходным материалам Оружейной палаты при отсутствии их современной исчерпывающей публикации представляются вполне обоснованным.

Сильви Аршембо
(Париж)

*Старший научный сотрудник Французского государственного центра
научных исследований (CNRS / Paris-Sorbonne)*

Свидетельство герцога д'Антена о визите Петра I

Роль герцога д'Антена в приёме Петра I в Париже хорошо изучена. Об этом не раз писали Сергей Мезин¹, Дмитрий и Ирина Гузевичи с Брижит де Монкло и Брюно Бенцом².

Как отмечает Сергей Мезин, Пётр сам определял расписание своего пребывания в Париже. Черновик этого расписания с пометками царя написан Кононом Зотовым. Свидетельствуя о близости д'Антена с царём, Зотов добавляет к расписанию следующую заметку: «Дюк д'Антен просит Ваше Величество, чтоб повелел ему дать знать за день, если какую из оних вещей пожелает увидеть, чтоб он мог взять свои меры, дабы не был народ и не знал об этом»³.

Герцог д'Антен лично сопровождал Петра во многих парижских визитах, что делает его мемуары ценным свидетельством. Однако среди известных источников мемуары д'Антена долго не привлекали внимание историков, хотя являются непосредствен-

¹ Мезин С. А. Пётр I во Франции. 2-е изд. СПб.: Европейский Дом, 2017. 319 с.; Мезин С. = Mezin S. The Paris of Peter the Great = Париж Петра Великого // Quaestio Rossica. Vol. 5, n°2. 2017. С. 329–353.

² Версаль и Марли: Сады Людовика XIV: Альбомы, подаренные Петру I герцогом д'Антенном в 1717 году / Ред.-сост. Гузевич Д., Гузевич И., Бенц Б. Париж; СПб.: Европейский Дом, 2017. 389 с., 93 с. ил.

³ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Кн. 88. Л. 17–18. (Цит. по: Мезин С. Париж Петра Великого. С. 334).

ным свидетельством и даже включают словесный портрет русского монарха.

Луи Антуан де Пардайан де Гондрен, герцог д'Антен (Louis-Antoine de Pardaillan de Gondrin, Duc d'Antin) родился в 1665 и умер в 1736 г. в Париже. Он был единственным сыном Луи Анри де Пардайана де Гондрена, маркиза де Мотеспана и д'Антена (Louis-Henri de Pardaillan de Gondrin, marquis de Montespan et d'Antin) и госпожи Франсуазы де Рошешуар де Мортемар (Françoise de Rochecouart de Mortemart), маркизы де Монтеспан⁴. После смерти в 1708 г. придворного архитектора Жюля Ардуэна-Мансара (Jules Hardouin-Mansart) он заменил этого известного зодчего в должности директора королевских зданий, унаследовав его агентство. На портрете 1713 г. знаменитого художника того времени Гиацинта Риго герцог д'Антен изображён красивым и уверенным в себе человеком.

«Мемуары Регенства», написанные герцогом между 1715 и 1723 гг., хранятся в департаменте рукописей Национальной библиотеки Франции⁵. Рукопись написана на французском языке, чернилами, регулярным и разборчивым почерком. Можно предположить, что её писал секретарь. Мемуары занимают 1422 листа и состоят из девяти томов, следующих в хронологическом порядке. Тома с третьего по девятый — в красных кожаных переплётках с гербом д'Антена.

1717 год представляет для нас особый интерес. Эти записи содержатся во 2-м и 3-м томах. Описание пребывания Петра в Париже полностью сосредоточено в 3-м томе: «Я начну с приезда Царя, который представился мне совершенно необычным событием, когда можно было увидеть в Париже этого великого монарха как простого путешественника, приехавшего восхититься красотами Франции и извлечь пользу из всего, чему можно было подражать для возрастания Его государства и развития искусств и наук»⁶. Первые 18 листов посвящены исключительно этому визиту, описание которого заканчивается следующими словами: «Хватит говорить о царе, вернёмся к делам нашего государства...»⁷.

⁴ Биографию герцога д'Антена см.: Монкло Б. де. Герцог д'Антен и альбомы // Версаль и Марли: Сады Людовика XIV... С. 169–171.

⁵ *Antin Louis Antoine de Pardaillan de Gondrin, duc d'.* Mémoires de la Régence: 1715–1723. 9 t. Paris, 1715–1723. BNF, Dép. Des Manuscrits, Nouv. acq. franç. 23929–23937.

⁶ Ibid. T. 3. Fol. 1r–1v.

⁷ Ibid. Fol. 9r.

Описанные факты известны. Заметим, что текст передаёт личные впечатления герцога д'Антины, его наблюдения — как он всматривается в лицо важного гостя, чему учится в общении с монархом, которого уважает, и с которым, очевидно, смог установить хорошие отношения. Это, как нам кажется, является главным достоинством мемуаров герцога.

Воспоминания, в которых выделяется историческая значимость посещения Петром Парижа, написаны задним числом и основаны на ежедневных заметках. Мы имеем дело не с дневником, подводящим итоги визита изо дня в день, а именно с мемуарами.

В посвящённом царю отрывке отметим четыре важных момента:

- 1) Контекст визита и предварительные переговоры;
- 2) Порядок повествования;
- 3) Хронология пребывания;
- 4) Перекрёстные впечатления герцога д'Антины и Петра I.

1) Контекст визита и предварительные переговоры

Какое представление хотят оставить придворные о визите Петра I в Париж? Как объясняют неудавшийся визит царя за двадцать лет до этого? По свидетельству д'Антины, на это есть две причины. Во-первых, незаинтересованность Людовика XIV, описанная дипломатическими терминами «нелюбовь покойного короля к малейшим проявлениям церемониала»⁸. Он намекает на аскетизм и строгость г-жи де Ментенон, морганатической жены Людовика XIV, которая оказала большое влияние в последний период его царствования. Из

«Мемуары Регенства».

⁸ Ibid. Fol. lv.

слов д'Антена можно сделать вывод, что такая незаинтересованность покойного короля имеет общие причины и не касается лично Петра или России. Во-вторых, во время Великого посольства Петра 20 лет назад, в России произошло восстание стрельцов⁹, что заставило Петра в середине июля 1698 г. покинуть Вену и 25 августа прибыть в Москву.

Когда стало известно о предстоящем визите Петра во Францию, отношение к России было крайне осторожным. Регент Франции Филипп Орлеанский дал знать окружению царя, что «расположен войти с ним в контакт и принять всякие меры, которые могли бы установить доброе согласие и взаимные торговые сношения...»¹⁰. Но в то же время в переговорах с Россией предписывалась величайшая сдержанность.

Д'Антен сам относится к этому визиту двойственно, прежде всего из-за сложности дипломатической ситуации в Европе: «В этом году, через Г-на Лефорта, своего посланника, он прислал Регенту письмо с планом своего путешествия, на которое я учтиво ответил по распоряжению Его Королевского Высочества. Ничего не было определено, поскольку северные дела представляли определённые затруднения для Его путешествия»¹¹.

Франция не желает определить чёткую позицию в этом кризисе, что подтверждает д'Антен. Однако настойчивое желание Петра не могло остаться без ответа, поэтому: «уже ничего не оставалось, как ответить, что Его Королевское Высочество будет счастлив и сочтёт за честь видеть Его во Франции»¹². В этом проявляется дипломатическая вежливость французских правящих кругов, которые сначала без энтузиазма приняли весть о приезде Петра.

2) Порядок повествования

Повествование состоит из отдельных сцен, организованных по тематическим блокам, которые не основываются на хронологии и даже ей противоречат.

Описав предварительные переговоры и контекст исторических событий в Париже, д'Антен объясняет детали устройства государя и его свиты. Затем идёт часть, посвящённая визитам. Во-первых,

⁹ «А также бунт возникший в его государстве не позволили ему выполнить свой план» (Ibid. 1v).

¹⁰ См.: Мезин С. А. Пётр I во Франции. С. 54.

¹¹ *Antin Louis Antoine de Pardailan de Gondrin, duc d'*. Mémoires de la Régence. Fol. 1v.

¹² Ibid. Fol. 2r.

изображены визиты к царю видных гостей — на другой день приехал к нему регент, а через день молодой король Людовик XV¹³. Затем описаны обратные визиты — к герцогине Орлеанской, герцогине Беррийской, графу Тулузскому. Рассказ выдаёт придворное лицо: он внимательно следит за правилами первенства, протокола и церемониала. Д'Антен внимателен к деталям, например, кому предложено кресло — знак особого внимания и почтения. Часть, посвящённая визитам, заканчивается отъездом Петра и подробностям прощания. Затем открывается новая часть рассказа о том, что Пётр имел удовольствие видеть.

Эпизод о посещении Монетного двора, во время которого герцог д'Антен выбил медаль с изображением Петра, известен нам по описанию Вольтера в «Анекдотах о царе Петре Первом». Д'Антен его описывает следующим образом: «Когда Он был на Монетном дворе, я приказал отчеканить для Него медаль, которую гравировали ранее и которой Он остался очень доволен. На следующий день Он прислал мне медали в числе шестнадцати штук, отчеканенные в честь своих завоеваний¹⁴. А в день отъезда Он отправил мне с посылным свой портрет, украшенный алмазами, что было проявлением искренности и дружбы с Его стороны». Хотим обратить внимание русского читателя на слово «honnêteté», которое не раз употребляется д'Антенем. Оно переводится как «честность», но в XVII и XVIII вв., оно означало «подарок, сделанный с особой благодарностью», что лучше подходит к общему смыслу данного текста. Это позволяет понять, насколько высоко д'Антен оценивает все эти знаки признательности.

На следующих страницах д'Антен приводит словесный портрет царя¹⁵: человек высокий, довольно гордый, величественный, очень хорошо сложенный, хотя и с непривычными странными чертами лица, с приятным выражением, прекрасными и одухотворёнными глазами. Несколько абзацев посвящены интересам царя, его страсти

¹³ «На следующий день регент навестил его, он предоставил ему кресло в своём кабинете, и визит прошёл со всей возможной честностью (Ibid. Fol. 3v) без стеснения. Через два дня король навестил его; он до этого сказал, что отнесётся к Королю, как положено, при условии, что король так же отнесётся к нему, когда он придёт в Тюильри, соглашаясь на взаимность» (Ibid. Fol. 3r–3v).

¹⁴ Вероятно, здесь идёт речь о медалях, сделанных Мюллером, работы до 1714 г. на тему Северной войны. Из 28 сделанных тогда медалей, Пётр в 1717 г. мог подарить 16 д'Антену.

¹⁵ В упомянутой книге «Версаль и Марли» Ирина Гузевич опубликовала этот словесный портрет в русском переводе (с. 178–180).

к механике и навигации, его проектам, а также страху, который эти проекты могут внушить. Д'Антен опасается воинственных увлечений Петра, человека «занятого только войной в течение двадцати двух лет».

3) Хронология пребывания

«Царское Величество прибыл в Дюнкерк 28 марта 1717 года» — это первое хронологическое указание д'Анте́на (fol. 2r), и оно явно ошибочно. Различные доступные источники тщательно изучены Сергеем Мезиным и Дмитрием и Ириной Гузевичами. С. Мезин установил¹⁶, что Пётр прибыл в Дюнкерк 10/21 апреля, согласно старому/новому стилю. Однако, как указали Дмитрий и Ирина Гузевичи, 16/27 марта французы получили информацию о том, что царь готовится покинуть Голландию и отправиться через Бельгию во Францию. Дата 28 марта, отмеченная д'Анте́ном, может быть следствием этой информации, но это всего лишь гипотеза.

Ещё одна дата и также ошибочная: «Он прибыл в Париж тринадцатого апреля в девять часов вечера и отправился в Лувр, где Его ждал ужин» (Fol. 3r).

В подтверждённой хронологии указывается приезд Петра 26 апреля/7 мая. Зато время прибытия царя совпадает с информацией из книги Мезина «Пётр I во Франции» (с. 65): «Пётр прибыл в Париж между 9 и 10 часами вечера».

Интересно, что дата отъезда Петра, наоборот, совпадает с датами из других источников. Эта дата была, вероятно, установлена в источниках того времени более точно потому, что отъезд царя состоялся на следующий день после визита в парламент. В связи с визитом Петра в парламенте нарушили первоначальную повестку дня, и существует целый ряд письменных свидетельств, которые можно легко проверить. Пётр в этот день посетил также королевскую Академию наук и в третий раз Монетный двор. «Это были его единственные визиты, после которых Он уехал. В воскресенье, двадцатого июня Он отправился на воды в Спа, обеспеченный Королём во всех расходах до самой границы. Он распрощался с Королём и с Регентом, обменявшись с ними визитами точно так же, как и по прибытии».

Эти хронологические неточности царского пребывания напоминают о том, что мы имеем дело не с дневником, а с мемуарами,

¹⁶ См. главу: «Во Франции я сам был»: хроника пребывания // Мезин С. А. Пётр I во Франции. С. 60–77.

продиктованными секретарю задним числом. Сила свидетельства состоит в живости словесного портрета и в непосредственности личных впечатлений д'Антена.

4) Перекрёстные впечатления герцога д'Антена и Петра I

Эта часть мемуаров наиболее интересна не только непосредственными впечатлениями д'Антена, но и реакцией Петра на удивившие его вещи и обычаи. Во-первых, здесь отсутствуют анекдоты, часто сопровождающие рассказ о парижском путешествии Петра. Герцог д'Антен старался наблюдать за Петром как можно внимательнее и относиться к нему с явным уважением: «Сей принц наделал много шума в Европе своим могуществом и всем, что Он предпринял для того, чтобы приобщить к культуре подчинённые ему народы. Однако мне кажется, что Ему не отдают по справедливости должное и не видят в Нём хороших и важных качеств, которыми, как мне показалось, Он обладает»¹⁷.

Д'Антен, также как Сен-Симон, настаивает на двойственности личности Петра: «Правда и то, что когда близко с Ним общаешься, различаешь в Нём как бы две натуры, из коих одна от скифа и вандала, но другая — от человека, который смог своими стараниями и трудом обрести всё, чего Ему недоставало в образовании»¹⁸. По мнению д'Антена, царь «прост с людьми», ведёт себя без особой принуждённости: «Хотя Он в высшей степени деспотичен, но добр и бесцеремонен с людьми, ненавидит роскошь, которая его стесняет, жадная, однако, оказания Ему почестей, и чувствительный к лестии». Что касается невоздержанного поведения Петра, оно представлено эвфемистическим образом. Упрёк в разврате обращается ко двору, а не к самому царю: «Он испытывал бы сильную склонность к питью, если бы ей не препятствовали Его здоровье, а также Его рассудок, что не мешает Ему иногда, всё же, предаваться ей. Его окружение пьянствует до неприличия».

Согласно желанию Петра, его путешествие держали в тайне и «никогда не били в барабан», хотя это являлось нарушением протокола.

У герцога Д'Антена — наблюдательный ум, а у Петра — ещё острее. Описывая Петра, автор указывает, что он приехал с намере-

¹⁷ *Antin Louis Antoine de Pardailan de Gondrin, duc d'.* Mémoires de la Régence. Fol. 6r.

¹⁸ *Ibid.*

нием учиться всему, что нужно его государству, и извлечь как можно бóльшую выгоду для развития наук и искусств. Эта черта, несомненно, поражала д'Анте́на: «Он на всё смотрит с вниманием, образовывается и обучается всему, что полезно, дабы обратить это в Свою пользу. <...> У Него живой ум, постоянно занятый вещами, которые могут быть полезны Его стране...», далее автор отмечает «...желание <Петра. — С. А.> почерпнуть у иноземных народов то, чего Ему не хватает».

Д'Анте́н внимателен к суждениям Петра о французском королевстве и о грозящих ему опасностях: «Он чужд роскоши, которую находит чрезмерной во Франции и часто говорит мне, что, если <нашему. — *пер.*> великому королевству суждено погибнуть, то это будет от Неё <роскоши. — *пер.*>¹⁹». Нужно ли опасаться явно развивающейся силы России? Д'Анте́н, видимо, думает о возможной угрозе с этой стороны. При строительстве Петербурга Пётр: «... укрепил <город> 13-ю бастионами. Предполагая, что Германия помещает его развитию так сильно, как только сможет, потому что для неё было бы опасно дать возвеличиться такому соседу, который смог создать прекрасную армию, и чьё воображение продолжает всё время работать. Если бы на смену Ему пришёл царь, обладающий теми же принципами, его мощь не имела бы равной во всей Европе, но Его старший сын, а также его народы думают совсем не так, как Он»²⁰.

Как человек глубоко преданный французскому королевству, д'Анте́н заботится о мире со страной, влияние которой заметно усиливается. Как придворный, он знает, что свобода его действия крайне ограничена, если не ничтожна. Он, очевидно, сожалеет, что французы, ответственные за иностранные дела, пренебрегли желанием Петра установить торговые сношения с Россией. В то же время д'Анте́н сознаёт, что для него самого отношения с Петром были полезны.

¹⁹ Ibid. Fol. 7r.

²⁰ Ibid. Fol. 7v.

Фрагмент мемуаров д'Анте́на,
посвящённый Петру I²¹

/Fol. 1r/ je commencerai par Le voyage du Czar m'ayant paru une chose fort extraordinaire de voir un aussy grand prince a paris comme un simple voyageur venant admirer les beautez de La france et faire son profit de tout ce qu'il pourroit /1v/ imiter pour Lagrandissement de Son etat et L'accroissement des ars et des Sciences.

Dans Le premier voyage qu'il avoit fait en angleterre il y a plus de vint ans il avoit fort souhaité de venir en france mais le peu de gout que Le feu roy avoit pour Les moindres ceremonies et une revolte arrivee dans Ses etats Lempecherent dexecuter son dessin.

Cette annee il me fit ecrire par mr Lefort son envoie pour presentir mLe regent Sur Son voyage, auquel je repondis tres poliment par ordre de S.A.R. Sans rien determiner, Les affaires du nort donnant quelque embaras Sur Son voyage.

Mais comme il avoit envie de venir Le prince de couraquin Son ministre en /2r/ hollande s'adressa en droiture au marechal duxelles charge des affaires estrangéres et Lon ne put se dispenser de Luy mander que Son A.R. seroit charmé d'avoir L'honneur de Le voir en france.

Des qu'on scut a peu prez Le temps de Son depart des pais bas m Le regent envoya mr du libois gentilhomme ordinaire du roy pour Le recevoir Sur La premiere frontiere avec des voitures et un detachement de la maison du roy pour faire Servir Les tables et Le defraier de tout Luy et toute la Suite dez quil auroit mis Le pied dans Les etats du roy.

La majeste czariene arriva a dunkerque Le 28m de mars 1717 il fut quelquetemps a visiter La frontiere /2v/ mr Le regent envoya au devant de Luy a L'entrée de la picardie mr Le marquis de nesle pour L'accompagner dans Sa route et mr Le m^{al} de tesse Lalla attendre a beaumont pour Le conduire a paris, un detachement de vint gardes du corps Lattandoit a Stdenis avec un officier.

Il eut une garde dans toute Sa route recut les complimens et Les presens de ville par tout ou il passa.

²¹ *Antin Louis Antoine de Pardailan de Gondrin, duc d'.* Mémoires de la Régence: 1715–1723. T. 3: Année 1717. Paris, 1717. Fol. 1–9. BNF, Dép. Des Manuscrits, Nouv. Acq. Fr. 23931.

J'avois eu ordre de Luy faire preparer au vieux Louvre L'appartement de la reine mere avec sept huit autres appartemens pour les principaux de Sa Suite, mais comme on Scavoit quil naimoit pas le faste ny Les grands Lieux SAR Luy avoit fait preparer en même temps /3r/.

Lhotel de Lesdiguieres ou il Seroit plus en repos, et pour pouvoir choisir.

Il arriva a paris Le trezieme avril a neuf heures du soir et il descendit au Louvre ou son souper Lattendoit, il parcourut tout L'appartement en arrivant et Layant trouve trop magnifique et trop plein de monde il prit le premier carosse quil trouva et fut coucher a Lhotel de Lesdiguieres ou Lon ne Lattendoit point ce soir la et ou il ny avoit rien de pret mais il est absolument Sans fasson.

mr le regent Luy envoya une garde suisse et françoise avec un officier*.

Le lendemain Le regent le fut voir il Luy donna un fauteuil dans Son Cabinet et La visite se passa avec toute Lhonnnetete /3v/ possible sans etre embarasse.

Le surlendemain Le roy le fut voir il avoit dit auparavant quil traiteroit Le roy comme on voudroit a condition que Le roy Le traiteroit de meme quand il Lirait voir au [sic] tuilleries et on convint de la parite.

Il recut Le roy au pied de Son degré et Luy fit des merveilles il parut meme que cetoit du fonds du cœur.

Il alla rendre Le Lendemain La visite au roy aux tuilleries ou il fut conduit dans Les carosses du roy avec une affluence de monde que lon connoit dans paris.

Il a avoue quil ne Setoit jamais trouve a une aussy grande ceremonie. il marqua tant damitie au roy que tout le monde en fut touche il fut reconduit chez /4r/ Luy avec Le meme apparât il fut Le lendemain randre La visite a mr Le regent il vit aussy madame, dorleans qui furent tous fort content de Luy.

Il vit une autre jour madame La duchesse de berry au Luxembour et madame La duchesse dorleans en revenant de diner a ST Clou ou Le regent Lavoit traite.

Cest les Seules visites quil a fait il est reparti Le dimanche vintieme de juin pour Sen aller aux eaux de Spa defraie de tout par Le roy jusques a La frontiere. Il prit congé du roy du regent qui Luy rendirent La visite de meme maniere quen arrivant.

* Note en marge : Il n'a jamais voulu que les tambours battissent.

Le temps quil passa a paris il lemploia a visiter tout ce quil a de plus curieux il alla a versailles ou il coucha deux nuit et ou il fut visite [sic] Marly et la /4v/ Machine, il revint le jeudy de La fete dieu a paris voir La procession de notre dame, il vint Le dimanche ensuite diner a petitbourg et coucher a fontainebleau il y courut le cerf Le Lundy matin avec mr Le Comte et revint diner a fontainebleau et ensuite coucher a petitbourg dou il revint a paris par eau.

je l'accompagne par tout pour Luy faire les honneurs des maisons royales dont il admira fort les differantes beautez et en jugea meme avec beaucoup de discernement.

Peu de jours apres Son retour a paris il sen retourna sétablir a trianon et puis a Marly et ne les quitta quavec un grand regret.

Il revint passer quelques jours a paris achever de voir ce quil y a de plus curieux /Fol. 5r/.

Quand il fut à La monnoie des medailles je fis fraper devant Luy la medaille que j'avois fait graver au paravant dont il fut tres satisfait il menvoia le Lendemain Les medailles de Ses conquestes au nombre de Seze. Et Le jour quil partit il menvoia par Son envoie Son portrait enrichi de diamens, avec beaucoup d'honneteté et d'amitie de Sa part.

Il est vrai que je n'avois rien oublie pour Luy plaire pendant Son sejour a paris et pour Luy faire les honneurs de toutes les choses dont je suis charg?, je Luy avois donne tous mes beaux Livres de plans et de La part du roy deux belles tantures de tapisseries des Gobelins dont il estime la manufacture au dessus de tout tant a cause des dessins que/ 5v/ pour les couleurs qui trouve admirables. Il voulut que je Luy dona a souper avec mr Le comte de toulouze qui navoit point pu le voir chez [Luy²²] a cause du ceremonial.

Le ceremonial etoit que mr le duc avoit voulu avoir chez Luy un fauteuil comme Mr dorleans ou il proposait que mr le duc de Chartres y allat et que Les princes du Sang firent ensuite comme Luy. mais comme il ny fut point Les autres ny voulurent point aller. Il aimoit fort mr Le comte parce quil etoit amiral Sa passion dominante etant La marine. Apres mon soupe

il alla le surlendemain voir mr Le comte qui Luy rendit la visite Le lendemain.

/6r/ Ce prince fait beaucoup de bruit dans L'europe par sa grande puissance et par tout ce quil a fait pour civiliser les nations qui Luy sont soumises mais il me semble que Lon ne luy [rend] pas assez de justice,

²² Mot manquant.

et que Lon ne Luy passe pas autant de bonnes et grandes qualitez qu'il m'a paru avoir.

Il est vrai qu'à Lexaminer de prez il paroît avoir deux natures en Luy, l'une de cite [scythe] et de vandale, L'autre d'un homme qui sut donné par le soin et le travail tout ce qui Luy manquoit du costé de l'education.

Il est haut, l'air assez fier, grand fort bien fait quoyque déparé par plusieurs tics très désagréables, le visage avenant les yeux beaux et spirituels /6v/ vetu plus que simplement et tres mal propre sur sa personne.

Quoy [quoique ?] absolu au dernier despotiques, bon avec les gens et sans aucune fasson, haïssant le faste et l'embarant [l'embarassant ?] voulant pourtant que lon Luy rende du honneur et etant touché de la louange.

Son esprit est vif et toujours occupe des choses qui peuvent être utiles à Ses états, de manière qu'il communique ce mouvent [mouvement] perpétuel à son corps qui ne demeure jamais en repos qu'à table ou il aime fort à parler.

Il aimeroit fort à boire si sa sante ne len empechoit pas aussy bien que sa raison, il ne laisse pas de si abandonner quelquefois.

Sa cour est ivrogne sordidement.

/7r/ Il regarde tout avec attention instruit et fonde de tout ce qui est utile pour en faire son profit, il a de l'éloignement pour le luxe qu'il a trouvé excessif en France et m'a souvent dit que ce grand royaume ne périroit que par La.

Il a peu ou point de religion et la regarde comme un instrument du gouvernement dont il faut être le maître, c'est pour quoy il s'est fait son patriarche par le conseil dit [d] de roy Guillaume.

Il ne paroît rien moins que liberal, quoyque grand terrien je Luy crois peu d'argent, qu'il croit devoir employer aux choses utiles et scavoit la valeur de tout pour n'être pas trompé.

Il a assez d'argent pour un homme /7v/ uniquement occupe de la guerre depuis vingt-et-deux [ans], il a assez lu et son gout est fort bon sur les arts qu'il aime fort et toutes les Sciences qu'il tache d'établir chez Luy le plus qu'il peut, malgré le gout de la nation qui ny est nullement porte.

La mécanique est sa science favorite et la navigation sa marote, il a compris avec raison qu'il ne pouvoit la grandir ny l'enrichir que par la marine il y donne tous les soins et fait beaucoup de dépendance pour en avoir.

Il battit Petersbourg sur la mer Baltique ville d'une grandeur immense quoyque a l'extremite de ses etats qu'il fait fortifier de 13 [b] bastions royaux il y a bien de l'apparence que L'Allemagne troublera cet établissement le plus fort /8r/ quelle pourra il seroit dangereux de laisser agrandir un tel voisin qui a scu rendre ses troupes excellentes, et dont l'immagination travaille toujours.

Sil venoit apres Luy un czar qui eut les memes principes, sa puissance deviendroit bien formidable a toute Leurope, mais son fils aine est bien loin de penser comme Luy et ses peuples aussy.

Ces voyages continuels sont fort extraordinaires pour un aussy grand prince que Luy, son inquietude nature y a bien autant de part que lenvie quil a de puiser dans les nations étrangères ce quil manque chez Luy.

Il est dur a la peine et fort sobre pour se menager, enfin beaucoup de grande chose meslées de beaucoup de /8v/ bourre, d'ailleurs incertain et changeant, voulant plusieurs choses a la fois peu regulier et ne contraignant pour rien.

Son article est un peu [long ?] mais j'ai cru qu'il en valait la peine ayant eu le temps de lexaminer et aimant assez a connoitre le caractere des hommes, d'ailleurs j'ai ete frate [frape?] de voir le czar de Moscovie habitant de Paris, je n'ai pas ete indifferent a luy faire valoir les merveilles de ce grand royaume auquel je suis fort attache.

Il auroit bien voulu établir quelque commerce avec luy nous, mais les personnes qui se meslent des affaires etrangeres n'ont point cru qu'il fut utile je n'en dirai pas davantage.

Pour son alliance il m'a fort assure /9r/ qu'il seroit toujours au service de la France comme il lavoit ete, quouyque nous n'eussions rien a craindre les uns des autres par Leloignement de nos frontières.

/Fol. 1r/ Я начну с приезда Царя, который представился мне совершенно необычным событием, когда можно было увидеть в Париже этого великого монарха как простого путешественника, приехавшего восхититься красотами Франции и извлечь пользу из всего, чему можно было подражать для возрастания Его государства и развития искусств и наук.

Во время своей первой поездки в Англию более двадцати лет назад Он выражал сильное желание посетить Францию, но нелюбовь покойного короля к малейшим проявлениям церемониала и известие о волнениях, случившихся в Его государстве, помешали Ему выполнить своей замысел.

В этом году, через Г-на Лефорта, своего посланника, он прислал Регенту письмо с планом своего путешествия, на которое я учтиво ответил по распоряжению Его Королевского Высочества. Ничего не было определено, поскольку северные дела представляли определённые затруднения для Его путешествия.

Но, поскольку Он непременно желал приехать, князь Куракин, Его посланник /2г/ в Голландии, обратился непосредственно к маршалу д'Юксель, ведающему иностранными делами, и уже ничего не оставалось, как ответить, что Его Королевское Высочество будет счастлив и сочтёт за честь видеть Его во Франции.

Когда стало известно приблизительное время Его отъезда из Голландии, Регент послал Г-на дю Либуа, дворянина-ординарца, чтобы встретить Его на первой границе с каретами и службами королевского дома, чтобы обслуживать Его стол и освободить от любых расходов Его самого и всю Его свиту, как только Он ступит ногой на земли королевства.

Его Царское Величество прибыл в Дюнкерк 28 марта 1717 года. Некоторое время он осматривал границу /2v/. Для того, чтобы встретить Его при въезде в Пикардию, Регент прислал Маркиза де Неля, который должен был сопровождать Царя в пути, и Г-на де Тессе, чтобы ждать Его в Бомоне и проводить до Парижа. Отряд из двадцати гвардейцев под командованием офицера ждал Его в Сен-Дени.

Гвардейцы сопровождали Его по всему пути, на котором он получал приветствия и подарки от городов повсюду, где проезжал.

Я имел приказ приготовить Ему в старом здании Лувра апартаменты королевы-матери и семь других апартаментов для основных членов Его свиты, но, поскольку было известно, что Его не привлекала роскошь и дворцовая пышность, Его Королевское Величество, в то же время, распорядился подготовить для Него особняк Ледигьер, где Ему было бы спокойнее, предоставив Ему, таким образом, возможность выбора.

Он прибыл в Париж тринадцатого апреля²³ в девять часов вечера и отправился в Лувр, где Его ждал ужин. Приехав, Он прошёл через все апартаменты и нашёл их чересчур роскошными и людными. После чего Он сел в первую же карету и отправился на ночь в особняк Ледигьер, где Его в тот вечер совсем не ждали, и где ничто не было готово. Но Он был абсолютно бесцеремонен. Регент послал Ему швейцарскую и французскую гвардию под командованием офицера²⁴.

²³ Ошибка или описка автора. Пётр прибыл в Париж 26 апреля / 7 мая — *Прим. ред.*

²⁴ Он никогда не хотел, чтобы били в барабаны.

На следующий день Регент встретился с Ним, предложив Ему кресло в своём кабинете. Визит прошёл с соблюдением всей возможной учтивости /3v/ без каких-либо затруднений. Ещё через день Ему нанёс визит Король. Ранее Он говорил, что готов оказать Королю любые знаки почтения при условии, что Король будет обращаться так же и с Ним, когда он нанесёт ему визит в Тюильри, и, таким образом, договорились о паритете. Он принял Короля на нижней ступени лестницы и оказал ему особые знаки внимания, и, казалось, что Он это делает от всей души.

На следующий день Он нанёс Королю визит в Тюильри, куда дал себя отвезти в карете Короля при большом скоплении публики, что хорошо знакомо в Париже. Он признал, что ещё никогда не участвовал в такой большой церемонии. При этом Он выказал столько симпатии Королю, что все были этим тронуты. С теми же почестями Он был отвезён затем к себе /4r/. На следующий день Он нанёс визит Регенту, где была также Госпожа герцогиня Орлеанская, и все были очень довольны Им.

В другой день, возвращаясь с ужина в Сен-Клу, куда его пригласил Регент, в Люксембургском дворце Он видел герцогиню де Берри и Госпожу герцогиню Орлеанскую.

Это были его единственные визиты, после которых Он уехал. В воскресенье, двадцатого июня Он отправился на воды в Спа, обеспеченный Королём во всех расходах до самой границы. Он распрощался с Королём и с Регентом, обменявшись с ними визитами точно так же, как и по прибытии.

Он употребил время, которое провёл в Париже, для того, чтобы увидеть всё самое любопытное. Он ездил в Версаль, где провёл две ночи и где посетил Марли и /4v/ знаменитую машину²⁵. В четверг, когда отмечался праздник Тела и Крови Христовых, Он вернулся в Париж, чтобы увидеть процессию у Нотр-Дам. Затем в воскресенье ужинал в Пети-Бур и провёл ночь в Фонтенбло. В понедельник утром Он охотился там на оленя вместе с Г-ном Ле Конт и вернулся на ужин в Фонтенбло, а затем провёл ночь в Пети-Бур, откуда вернулся в Париж водным путём.

Я сопровождал Его повсюду, чтобы оказывать Ему почести в королевских домах, различные красоты которых вызвали Его заметное восхищение и которые Он оценивал с большой рассудительностью.

Через несколько дней после Своего возвращения в Париж Он снова отправился в Трианон, а затем в Марли, откуда уехал с большим сожалением.

²⁵ Машину для подъёма воды, питающей фонтаны. — *Прим. пер.*

Он вернулся провести несколько дней в Париже, чтобы закончить осмотр всего самого любопытного /Fol. 5r/.

Когда Он был на Монетном дворе, я приказал отчеканить для Него медаль, которую гравировали ранее и которой Он остался очень доволен. На следующий день Он прислал мне медали в числе шестнадцати штук, отчеканенные в честь своих завоеваний. А в день отъезда Он отправил мне с посыльным свой портрет, украшенный алмазами, что было проявлением искренности и дружбы с Его стороны.

Правда и то, что я ничего не упустил, чтобы доставить Ему удовольствие во время Его пребывания в Париже, и чтобы оказать Ему почести во всём, что мне было поручено. Я подарил Ему прекрасные книги с планами и чертежами, а от имени Короля — два прекрасных гобелена королевской мануфактуры, которые Он оценил выше всяких похвал, как из-за их рисунков, так и /5v/ из-за красок, которые находил восхитительными. Он хотел, чтобы я устроил для Него ужин с графом Тулузским, которого Он не смог видеть у Себя из-за церемониала.

Согласно церемониалу, герцог²⁶ хотел занимать у Него <на приёме — *пер.*> кресло такое же, как и Месье Орлеанский²⁷. Или же он предлагал, чтобы на приём поехал герцог Шартрский и чтобы так же поступили принцы крови, но поскольку этого не произошло, остальные также не захотели поехать. Ему <Царю — *пер.*> граф очень нравился, потому что тот был адмиралом. Морской флот был Его основным увлечением.

После ужина у меня, через день Он отправился к графу, который нанёс Ему ответный визит на следующий день.

/6r/ Сей принц наделал много шума в Европе своим могуществом и всем, что Он предпринял для того, чтобы приобщить к культуре подчиненные ему народы. Однако мне кажется, что Ему не отдают по справедливости должное и не видят в Нём хороших и важных качеств, которыми, как мне показалось, Он обладает.

Правда и то, что, когда близко с Ним общаешься, различаешь в Нём как бы две природы, из коих одна от скифа и вандала, но другая — от человека, который смог своими стараниями и трудом обрести всё, чего Ему недоставало в образовании.

Он высок ростом, у Него довольно гордый вид, Он велик, силён и хорошо сложен, хотя его и портят несколько очень неприятных

²⁶ Возможно, здесь ошибка и речь идёт о графе Тулузском. — *Прим. пер.*

²⁷ Вероятно, речь идёт о Регенте, т.к. мужских представителей Орлеанской ветви часто называли просто «месье». — *Прим. пер.*

привычек²⁸. У Него приятное лицо, большие и умные глаза /6v/, одевается Он более чем просто, и весьма нечистоплотен.

Хотя Он в высшей степени деспотичен, но добр и бесцеремонен с людьми, ненавидит роскошь, которая его стесняет, жаждающая, однако, оказания Ему почестей, и чувствительный к лести.

У Него живой ум, постоянно занятый вещами, которые могут быть полезны Его стране, и Он передаёт это постоянное движение своему телу, которое никогда не остаётся в покое, кроме как за столом, где Он очень любит блистать²⁹.

Он испытывал бы сильную склонность к питью, если бы ей не препятствовали Его здоровье, а также Его рассудок, что не мешает Ему иногда, всё же, предаваться ей. Его окружение пьянствует до неприличия.

/7r/ Он на всё смотрит с вниманием, образовывается и обучается всему, что полезно, дабы обратить это в Свою пользу. Он чужд роскоши, которую находит чрезмерной во Франции и часто говорит мне, что, если <нашему — *пер.*> великому королевству суждено погибнуть, то это будет от Неё <роскоши — *пер.*>.

В Нём мало или, вообще нет религии, и Он смотрит на неё как на инструмент управления, которым нужно владеть. Поэтому Он стал патриархом, как говорят, по совету короля Вильгельма³⁰.

Он меньше всего похож на либерала. Хотя сам Он крупный землевладелец, я думаю, что у него не так много средств, которые он готов использовать на полезные дела, желая узнать истинную ценность всего, чтобы не ошибиться.

У него достаточно денег для человека /7v/, занятого только войной в течение двадцати двух <лет — *пер.*>, Он много читал и его вкус сильно развит в искусствах, которые Он очень любит, а также во всех науках, которые Он стремится ввести у Себя как можно больше. И это несмотря на то, что Его народы к ним нисколько не расположены.

²⁸ Tics можно здесь перевести как «привычки», а не как «нервный тик», хотя у Петра засвидетельствовано поражение лицевого нерва, которое в то время отождествляли с судорогами, тиком. — *Прим. пер.*

²⁹ Не совсем понятно, в каком значении использован глагол *rager*: «блистать», «украшать» (беседу за столом), или «отражать» (аргументы в споре). — *Прим. пер.*

³⁰ Имеется в виду Вильгельм III, король Англии. Патриархом Пётр не стал, но патриаршество отменил. — *Прим. ред.*

Его любимой наукой является механика, но с особым пристрастием Он относится к навигации. Он справедливо осознал, что сможет увеличить и обогатить <своё государство — *пер.*> только с помощью флота и поэтому направляет на него все Свои старания и делает большие расходы для того, чтобы его содержать.

Он построил Петербург на Балтийском море, город огромного величия, хотя и находящийся на краю Его государства, который Он укрепил 13-ю бастионами. Предполагая, что Германия³¹ помешает его развитию так сильно /8r/, как только сможет, потому что для неё было бы опасно дать возвеличиться такому соседу, который смог создать прекрасную армию, и чьё воображение продолжает всё время работать.

Если бы на смену Ему пришёл царь, обладающий теми же принципами, его мощь не имела бы равной во всей Европе, но Его старший сын, а также его народы думают совсем не так, как Он.

Его постоянные путешествия очень необычны для такого великого монарха как Он. Причиной их в равной мере являются его природная обеспокоенность и желание почерпнуть у иноземных народов то, чего Ему не хватает.

Он выносив в работе и не щадит себя, в целом в нём соединились вместе /8v/ достойные качества и множество пороков. К тому же Он непостоянен и изменчив, и в своём непостоянстве хочет одновременно многого и ничем себя не ограничивает.

Это описание оказалось немного <пропущено слово — вероятно, длинным, long — *пер.*>, но я думал, что, обладая временем исследовать Его, а также имея склонность познавать человеческие характеры, оно стоило того. К тому я был поражён, видя, как Московский царь жил в Париже, и для меня было важно, чтобы Он оценил диковины нашего великого королевства, которому я так сильно предан.

Он хотел бы наладить какую-нибудь торговлю с нами, но люди, занимающиеся иностранными делами, не посчитали это полезным, и я ничего к этому не добавлю.

Он уверил меня по дружбе /9r/, что всегда, как и прежде, будет готов оказать услугу Франции и что нам должны быть чужды взаимные опасения в силу удалённости наших границ.

Перевод с франц. М. Г. Щербини

³¹ Обратим внимание на это пророчество: речь явно идёт не о Швеции, с которой война длилась на тот момент уже 17-й год. — *Прим. ред.*

Наталья Юрьевна Болотина
(Москва)

Главный специалист
Российского государственного архива древних актов

Царица и супруга: Екатерина Алексеевна во втором европейском путешествии Петра I

Во Втором большом путешествии Петра I 1716–1717 гг. в Европу его сопровождала супруга Екатерина Алексеевна. В исторической литературе и их жизнеописаниях неизменно упоминается это событие, но специального исследования о роли царицы и в этой поездке, и её обстоятельствах до настоящего времени нет. Даже в биографии Екатерины I, изданной известным историком Н. И. Павленко в 2004 г. в серии «Жизнь замечательных людей», этот вопрос обойдён вниманием, как и в обширном биографическом труде о Петре Великом¹. В статье исследовательницы Ю. А. Козловой, посвящённой пребыванию царя в Голландии в 1716–1717 гг., также совершенно не упоминается о поездке вместе с ним Екатерины². В контексте изучения Второго путешествия Петра I интересные сведения из иностранных источников о жизни царицы в Голландии и Дании приводятся в работах Э. Вагеманса и Х. Баггера³.

¹ См.: Павленко Н. И. Пётр Великий. М., 1998. С. 463–466.

² См.: Козлова Ю. А. Пребывание Петра I в Голландии в 1716–1717 гг. Экономический, политический и культурный аспекты // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015, № 3. С. 107–116.

³ См.: Вагеманс Э. Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды. (1716–1717). СПб.: Европейский Дом, 2013; Баггер Х. Пётр Великий в Дании в 1716 году: Переломный момент датско-российских отношений. СПб.: Европейский Дом, 2017.

Сохранившиеся источники довольно скупо характеризуют роль Екатерины в ходе путешествия, что, возможно, повлияло на степень освещения её участия в поездке. Информация о пребывании царицы отразилась в походном журнале Петра I (имеются разночтения в академическом и архивном вариантах), сохранились её переписка с царём, письма Екатерины А. Д. Меншикову, а также Савве Рагузинскому о покупке французских новинок моды. В донесениях дипломатов из Мекленбурга, Копенгагена и Гааги в Посольский приказ практически ничего не говорится об обеспечении передвижения Екатерины в 1716–1717 гг.

Походный журнал Петра I показывает, что царь и царица путешествовали не вместе, а каждый своей дорогой, встречаясь в городах, где задерживались на несколько дней и вместе участвовали в различных торжествах. Наличие двух маршрутов было связано с обеспечением безопасности, а также с разным ритмом движения, Екатерину сопровождала царевна Екатерина Ивановна и их свиты. 27 января 1715 г.⁴ Пётр I первым выехал из Петербурга, вслед за ним спустя три дня отправилась и царица, а 4 февраля прибыла в Ригу, где её встречал Пётр I. Накануне его отъезда, 7 февраля, «их величества были на вечеринке у бурмистров»⁵.

Следующая встреча супругов состоялась 10 февраля, они ночевали в Гульдене, затем поехали вместе через Либаву (Лиепая) и Мемель (Клайпеда), Кёнигсберг (Калининград) и 18 февраля прибыли в Данциг (Гданьск). Здесь 8 апреля 1716 г. года состоялось бракосочетание царевны Екатерины Ивановны с герцогом Карлом Леопольдом Мекленбургским. По указу Екатерины Алексеевны в подарок герцогу из Сибирского приказа были присланы ценные меха, а на свои покупки и платья она распорядилась выдать 1322 талера курант⁷.

В начале мая Пётр I и Екатерина направились в Шверин, и вновь они ехали разными дорогами, иногда съезжаясь для совместного ночлега. Царица прибыла в город 5 мая, и при встрече в её честь трижды стреляли с городских стен⁸. В Шверине состоялась первая официальная встреча Екатерины с коронованной европейской особой: 7 мая царская чета присутствовала на обеде и бале у прусского короля Фридриха Вильгельма I, а на следующий день участвовала в

⁴ Даты приводятся по старому стилю.

⁵ Походный журнал 1716 года. СПб., 1855. Ч. II. С. 15; Ч. I. С. 63.

⁶ См.: там же. Ч. I. С. 64.

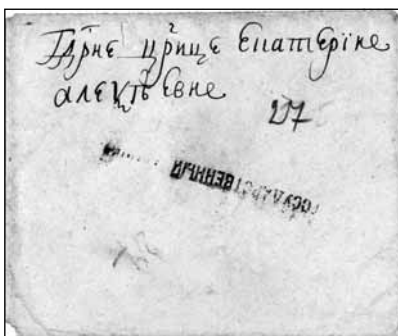
⁷ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Д. 62. Л. 336, 337.

⁸ См.: Походный журнал 1716 года... Ч. II. С. 21.

⁹ См.: там же. С. 22.

Письмо Петра I из Алтенау
Екатерине в Штеттин
с благодарностью за присланный
«презент». 23 мая 1716 г.
Автограф. РГАДА.

Конверт письма Петра I из Алтенау
Екатерине в Штеттин
с благодарностью за присланный
«презент». 23 мая 1716 г.
Автограф. РГАДА.

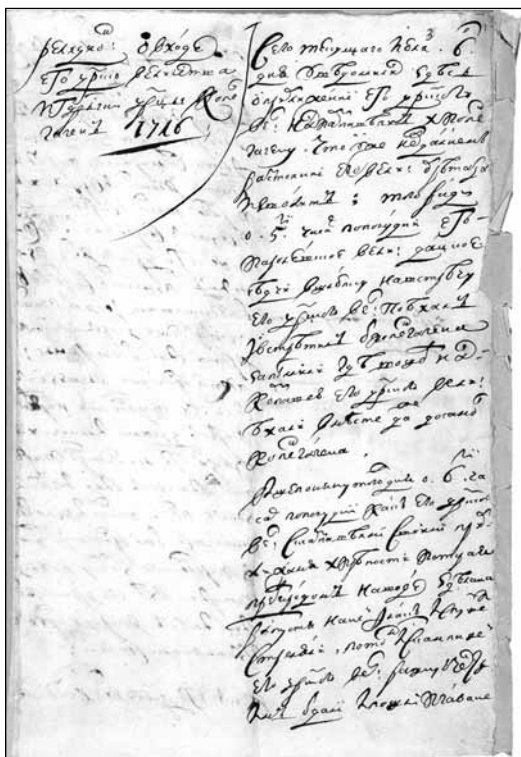
смотре прусских солдат у стен города⁹. Предположительно к этому времени относится нелюбезное описание внешности Екатерины, принадлежавшее маркграфине Байрейтской: «У неё наружность вульгарна и цвет лица смуглый, талия толстая; разряженная безвкусно, она была увешена ожерельями, драгоценностями и об-разками, звенящими, когда она идёт»¹⁰. Почти два месяца царица вместе с Екатериной Ивановной провела в Шверине, откуда 25 июня 1716 г. прибыла в Росток, где участвовала в праздновании дня Полтавской победы и присутствовала на обеде у герцога Карла Мекленбургского¹¹.

Дальнейший путь царской семьи лежал в Копенгаген. Пётр I отправился морем, а Екатерина 6 июля выехала из Ростка сухим путём через Любек в сопровождении Г. И. Головкина, П. П. Шафи-рова и П. А. Толстого, основной части придворных и канцелярских служителей¹². В указе от 1 июля послу в Дании князю В. Л. Долгору-кову сообщалось, что маршрут царицы был определён изначально,

¹⁰ Цит. по: Павленко Н. И. Екатерина I. М., 2004. С. 19. Возможно, автор описания Доротея Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Бекская (1685–1761), в замужестве маркграфиня Бранденбург-Байрейтская.

¹¹ См.: Походный журнал 1716 года... Ч. II. С. 26–27.

¹² См.: РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1716 г. Д. 4. Л. 34. Сохранилась роспись лошадей для подвод, сопровождающих Екатерину на пути в Копенгаген (Там же. Д. 19. Л. 10).

Реляция о входе Екатерины Алексеевны в Копенгаген. РГАДА.

придворными встречал Екатерину на подъезде к Копенгагену, посадил в специально изготовленную карету и поспешил в город раньше неё. Царскую процессию составляли королевские тайные советники, конная гвардия, российские дипломаты Толстой, Шафиров и Головкин с советниками, рядом с каретой Екатерины шли пешие королевские лакеи. Благодаря фуражирному списку, составленному для назначения лошадей к каретам, мы знаем имена дам, сопровождавших царицу: супруга посла М. Ю. Долгорукова, графини М. Т. Мусина-Пушкина и А. Г. Головкина, княгиня А. П. Голицына, Е. И. Вильбоа и другие; также в свите состояли секретарь госу-

но предписывалось приготовить подводы для возможной поездки царя также посуху «за противным ветром»¹³. Уже 12 июля состоялась торжественная встреча Екатерины. Благодаря специально составленной «Реляции о входе Его царского величества и государыни царицы» в Копенгаген (сохранилось три варианта¹⁴) нам известны важные обстоятельства её пребывания в Дании и встречах на самом высоком уровне, которые свидетельствуют о признании статуса российской царицы и высоком уровне двусторонних связей.

Датский король Фредерик IV, узнав об её приближении, лично вместе с советниками и

¹³ См.: РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1716 г. Д. 3. Л. 121. В указе от 21 июня называлось необходимое количество подвод для царя и царицы — по триста с прибавкой каждому (Там же. 1716 г. Д. 4. Л. 31об.).

¹⁴ См.: там же. Д. 8. Л. 50–51об.; Д. 19. Л. 3–8об.; Ф. 156. Д. 170. Л. 7–9.

дарыни А. А. Яковлев, паж С. А. Маврин, лейб-медик И. Г. Лесток, хирург, певчие и другие лица¹⁵.

При въезде Екатерины в городские ворота из крепости трижды салютовали пушки, а около дома, предназначенного для её пребывания, царицу вновь приветствовал Фредерик IV, который «изволил встретить на дворе, отшед с крыльца гораздо неблизко, взяв за руку, вел до покоев Ея величества». Здесь же Екатерина увиделась с супругом, а потом состоялся большой ужин для монарших особ, их министров и придворных. Царской чете была отведена большая усадьба, которую охраняли королевские гвардейцы.

Екатерина участвовала и в самостоятельных дипломатических церемониях, 17 июля ей нанесла визит датская королева Луиза Мекленбургская с сыном, и долго беседовала с ней в присутствии российских министров, а на следующий день Екатерина посетила королевский замок, где встретилась с королём и королевой и присутствовала на устроенном для неё обеде¹⁶. Провозгласив тост в её честь, Фредерик IV преподнёс царице золотой кубок, украшенный драгоценными камнями. По мнению, Х. Баггера особое внимание, которое уделяли царице в Копенгагене, было связано с её громадным влиянием на Петра I¹⁷. 17 августа Екатерина в сопровождении российских министров по приглашению датской королевы Луизы посетила оперу «Дон Кихот».

Несколько следующих месяцев в отсутствие Петра I царица провела в Копенгагене, но, возможно, выезжала из него или для встречи с царём или жила в загородном доме. Об этом говорит, например, запись в Походном журнале за 2 сентября 1716 г.: «А государыня царица изволила переехать в город на старую квартиру»¹⁸. Историк М. И. Семевский, рассказывая об её участии в путешествии, неоднократно указывал, что Екатерина «отдавалась сначала удовольствиям заграничной жизни» и была занята обедами и увеселениями с придворными дамами¹⁹. Документальных свидетельств об её времяпрепровождении нами не обнаружено, но, несомненно то, что царица с удовольствием вела светскую жизнь и скупала европейские новинки. Сохранились её письма к Савве Рагузинскому о покупке

¹⁵ См.: там же. Ф. 156. Д. 170. Л. 3–4.

¹⁶ См.: там же. Л. 7–9.

¹⁷ См.: *Баггер Х.* Указ. соч. С. 44.

¹⁸ Походный журнал 1716 года... Ч. II. С. 45.

¹⁹ См.: *Семевский М. М.* Тайная канцелярия при Петре Великом [Электронный ресурс] // http://www.e-reading.club/chapter.php/111904/56/Semenovskiii_-_Tainnaya_kancelariya_pri_Petre_Velikom.html (дата обращения: 05.04.2017).

Екатерина Алексеевна.
Гравюра Отенса. Начало XVIII в.

чаю его именин, а потом несколько часов веселилась на маскараде²². В то же время, Екатерина писала Меншикову накануне отъезда: «И зело нам уже наскучило жить в здешнем городе»²³. Вместе с письмом она посылала одежду детям и сообщала, что, как ни старалась, не смогла сыскать для них игрушек.

Спустя две недели, 16 октября, царская чета совместно выехала из датской столицы, и 31-го пребыла в Любек, где их приветствовали пушечной пальбой. Дальнейший путь привёл супругов 5 ноября в Шверин, где их встретили молодожёны герцог и герцогиня Мекленбургские. Екатерина задержалась здесь, и только 9 декабря выехала в направлении Голландии²⁴. В Шверине в конце ноября она

нарядов. Сам Пётр I прислал Екатерине знаменитые брабантские кружева из Брюсселя «на фонтажу и на агажанти»²⁰, и просил написать, какие имена или гербы сделать на них. Царица попросила вышить их имена «вместе связанные»²¹.

В сентябре 1716 г. Пётр I вернулся на несколько дней в Копенгаген, и царица вместе с ним участвовала в приёмах, которые давал датский король в их честь. 20 сентября они были приглашены во дворец Росенбург на обед, после которого участвовали в «Caroussel til Vands», водной прогулке по каналу вокруг дворца. Пётр I и Екатерина в сопровождении дипломатов и свиты 30 сентября побывали на приёме у Фредерика IV по слу-

²⁰ Павленко Н. И. Екатерина I. С. 209. № 107.

²¹ Там же. С. 211. № 112.

²² Походный журнал 1716 года... Ч. II. С. 47; См.: Баггер Х. Указ. соч. С. 86.

²³ РГАДА. Ф. 5. Д. 27. Л. 8об.

²⁴ См.: Походный журнал 1716 года... С. 53. С этого места в подлиннике текст написан не на печатных листах Месяцеслова, а на простой бумаге и подробно фиксирует маршрут Екатерины в декабре 1716 г. (См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Д. 27. Ч. 1. Л. 548–549).

Копенгаген в XVI веке.
Фрагмент гравюры Виекса.

получила письмо от Меншикова о том, что у царевича Петра Петровича — «дорогова хозяина малинкова», начали прорезываться зубы, и в ответном послании поздравляла князя с кавалерственным праздником ордена Св. Андрея Первозванного²⁵. Отсюда же 4 декабря царица сообщила Меншикову последние известия о сбежавшем из России сыне Петра I: «О государе царевиче Алексее Петровиче никакой ведомости по се время не имеем после того, как он изволил писать ис Кенисберха, о чем зело сожалеем»²⁶.

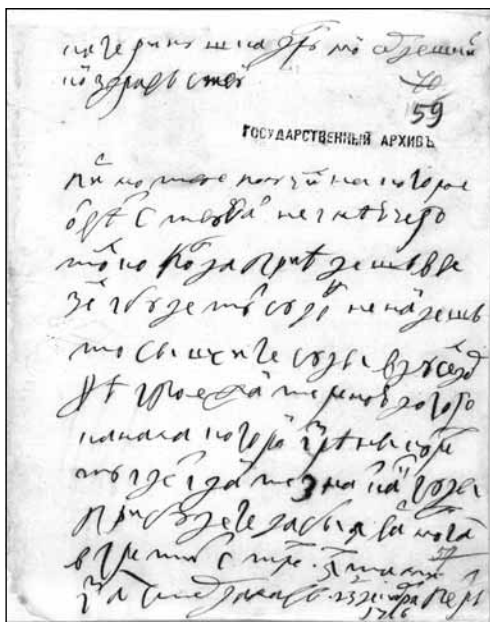
Как свидетельствует письмо Екатерины к генерал-лейтенанту И. И. Бутурлину от 1 декабря, она ждала его прибытия в Шверин к 6-му числу²⁷, чтобы отправиться в путь. Царь, обеспокоенный состоянием супруги, настаивал, чтобы Бутурлин сопровождал Екатерину. В это время она уже была на последнем сроке беременности, ехала медленно с особой осторожностью и частыми остановками в направлении Везеля. Так, например, 5 дней она ждала возможности переправиться через Эльбу, поскольку «за великим льдом переехать было нельзя»²⁸. На таком маршруте неоднократно настаивал в своих

²⁵ См.: там же. Д. 27. Л. 13–13об.

²⁶ Там же. Л. 15–15об.

²⁷ См.: там же. Ф. 5. Д. 29. Л. 1.

²⁸ Походный журнал 1716 года... С. 53.

Письмо Петра I Екатерине из Амстердама с рекомендацией ехать из Везеля водным путём. 23 декабря 1716 г. Автограф. РГАДА.

писала о том, как она стремится добраться до Амстердама³². Вечером 30 декабря царица прибыла на квартиру в немецком городе Везеле, неподалёку от голландской границы. Здесь 2 января 1717 г. она родила сына — Павла Петровича, который уже вечером скончался. Обстоятельства этих трагических событий нам известны из заметки амстердамской газеты «Эйрописе Меркюриус». Голландские штаты для облегчения её путешествия прислали в Везель несколько судов, «она взошла на борт яхты господ депутатов, но, пробыв на ней чуть меньше трёх часов, почувствовала схватки и вернулась в Везель»³³.

Сама Екатерина смогла описать трагические события в письме к Меншикову только 5 января: «Я в 30 день прошедшего декабря сюда

письмах Пётр I, и даже лично его составил²⁹. Об ожидании, пока встанет лёд, она писала 14 декабря из Беценбурха и Меншикову, уверяя, что поедет в Амстердам не мешкая³⁰. О том, что Екатерину с нетерпением ждали в Амстердаме вскоре после царя, свидетельствует письмо Б. И. Куракина П. В. Курбатову: «Ея величество государыня царица ожидается сюды в скорых числах, и по всему видится, что Их величества сию зиму пробыть здесь изволят»³¹.

Из Миндена 23 декабря Екатерина благодарила Меншикова о присланной к ней «персоне сына нашего», и вновь

²⁹ См.: Павленко Н. И. Екатерина I. С. 202–204. № 92–94; РГАДА. Ф. 5. Д. 27. Л. 15, 18.

³⁰ РГАДА. Ф. 5. Д. 27. Л. 21.

³¹ Там же. Ф. 50. Оп. 1. 1716 г. Д. 4. Л. 287.

³² См.: там же. Ф. 5. Д. 27. Л. 23.

³³ Цит. по: Вагеманс Э. Указ. соч. С. 111.

приехала, и на другой день намерена была отсель водою ехать на яхте в Амстердам. Однако ж для своей несправности принуждена здесь остановитца. И в 2 день сего генваря всемилосердый Бог меня от имевшаго бремени милостиво освободил и даровал нам сына царевича Павла, которой просветился святым крещением, и жив был три часа, потом скончался»³⁴.

Хорошо известна реакция Петра I на рождение и кончину царевича. Получив с пажом Мавриным известие о новорождённом мальчике, он успел написать дочерям Анне и Елизавете и нескольким вельможам о радостном событии. Причём старшей Анне шутливо писал: «Объявляю Вам, что Мать окатилась, и принесла друга рекрута Павла»³⁵. Самой Екатерине Пётр I послал из Амстердама письмо, в котором видна вся забота супруга и отца, стремление как можно скорее увидеть семью³⁶. Походный журнал за 3 января сохранил запись о том, что рождение царевича государь отмечал вместе с министрами и всеми служителями, и «веселились изрядно»³⁷.

Спустя несколько дней, когда известие о кончине младенца достигло Амстердама, и радость сменилась печалью, Пётр I отправил супруге письмо со словами утешения, а также послал А. И. Румянцева, который должен был на словах передать то, что царь не смог изложить на бумаге³⁸. Благодаря письму Б. И. Куракина Г. И. Головкину и П. П. Шафирову от 10 января мы узнаём, что слух о кончине царевича Павла достиг до Амстердама раньше, чем официальное известие от Екатерины: «Быв у президента стацкого сего утра подал я грамоту Его царского величества, объявляя о рождении государя царевича, несмотря на ту печальную ведомость, как о том разласилось, которую я примаю безосновательною, и, дай Боже, чтоб солгалось»³⁹. Сложилась ситуация, когда российские дипломаты извещали европейские правительства о рождении царевича, но ещё не знали наверняка, что младенец скончался, и вся свита Петра I надеялась, что это ложный слух.

Екатерина быстро оправилась от потери младенца, уже 16 января из Везеля она писала Меншикову: «я, благодаря Бога, починую приходить в прежнее состояние здравия своего»⁴⁰. Как видно

³⁴ РГАДА. Ф. 5. Д. 27. Л. 2 4.

³⁵ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Записные книги именных указов. 1717 г. Д. 11. Л. 4.

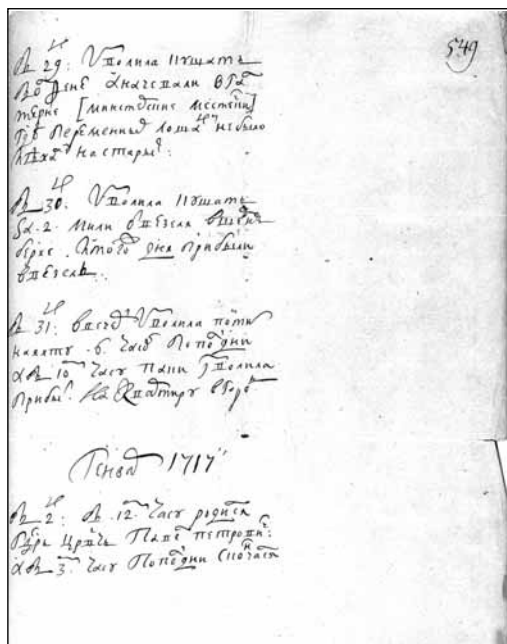
³⁶ См.: Павленко Н. И. Екатерина I. С. 205.

³⁷ См.: Походный журнал 1717 года. СПб., 1855. Ч. I. С. 1.

³⁸ См.: Павленко Н. И. Екатерина I. С. 206. № 99.

³⁹ РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1717 г. Д. 6. Л. 14.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 5. Д. 27. Л. 29.

Запись в Походном журнале о прибытии Екатерины в Везель, рождении и кончине Павла Петровича. 31 декабря 1716 г. РГАДА.

утешения друг у друга или смиренно приняли удар судьбы. Царицу торжественно встречали депутат Голландских штатов и Западной Фрисландии, а также бургомистры Амстердама⁴². Только 26 февраля в Походном журнале появляется запись о выезде царицы вместе с Петром I в Заандам, где, возможно, он показал ей те самые корабельные верфи, на которых трудился в молодости, и представил давних знакомых⁴³.

Из Амстердама царская чета выехала 7 марта и на следующий день прибыла в Гаагу. Здесь Екатерина 11 марта принимала испанского и португальского министров⁴⁴. Можно предположить, что аудиенция происходила в присутствии наших дипломатов, которые участвовали в беседе. 19 марта Пётр I с супругой выехали из Гааги и спустя 3 часа были в Роттердаме, где провели несколько дней. Затем

из письма, она знала о предполагаемой встрече Петра I с английским королём и спешила отправиться к супругу в Амстердам. Перед отъездом, 25 января, царица отправила тело сына Павла в Россию и дала Меншикову распоряжение: «когда оное привезено будет в Санкт-Петербург, тогда извольте по достоинству оное погреть, отправляя обыкновенное надгробное пение, понеже здесь не отпевали»⁴¹.

В Амстердам Екатерина прибыла уже 2 февраля. Можно только представить её встречу с Петром I: искали ли они

⁴¹ Там же. Л. 32.

⁴² См.: Вагеманс Э. Указ. соч. С. 115.

⁴³ См.: Походный журнал 1717 года... С. 1.

⁴⁴ См.: там же. С. 2.

царь вновь надолго покинул Екатерину, отправившись через Брюссель и Кале в Париж.

Считается, что Пётр I не взял её с собой, решив, что при французском дворе его жене с её простым происхождением рады не будут. Существует также версия о том, что он поехал один из-за бурной ссоры с Екатериной, на которую царь возложил вину за свою дурную репутацию и за то, что вынужден был прогнать царевича Алексея⁴⁵. Историк Н. И. Павленко называет причиной послеродовую депрессию⁴⁶. По словам самой государыни, она хотела побывать в Париже и 25 мая писала Петру I: «При сем же немало сожалею, что я такого плезиру видеть лишилась»⁴⁷. Можно предположить, что Екатерина изначально не знала о планах царя посетить французскую столицу. Сообщая в письмах к Меншикову о передвижениях Петра I, она только 23 апреля написала, что он «и в Париже побывать изволит»⁴⁸. Надо заметить, что 1 января 1717 г. А. В. Макаров из Амстердама сообщал Конону Зотову, что «его царское величество в Париже не будет»⁴⁹.

Как свидетельствуют даты писем Екатерины Меншикову, она вернулась 23 мая в Гаагу и пробыла там до 9 апреля, а 14 апреля уже была в Амстердаме, и поселилась в загородном доме Осипа Соловьёва в лесу Харлеммерхаут под Харлемом. Здесь она с приближёнными весело отметила именины Петра I, о чём сообщала ему: «Мы здесь в помянутые праздники довольно веселились и про здоровье ваше пили и танцовали»⁵⁰. Меншикову она писала, что в этот день «многие у нас в наряде были», и о том, что «мы хотя и охотно желали видеть Голландию, однако ж ныне здесь жить уже прискучило»⁵¹. Газета «Эйрописе Меркюриус» на своих страницах рассказала о потешном морском бое, устроенном 14 мая городом Амстердамом для Екатерины⁵². Из её писем Меншикову известно, что в это время она постоянно получала его послания с отчётами о домашних делах и здоровье детей, а также давала распоряжения по хозяйственным вопросам.

Вновь царская чета встретилась в Амстердаме вечером 22 июля. Спустя два дня Екатерина сопровождала царя в поездке на двух

⁴⁵ См.: *Вагеманс Э.* Указ. соч. С. 127.

⁴⁶ См.: *Павленко Н. И.* Екатерина I. С. 24.

⁴⁷ Там же. С. 215. № 120.

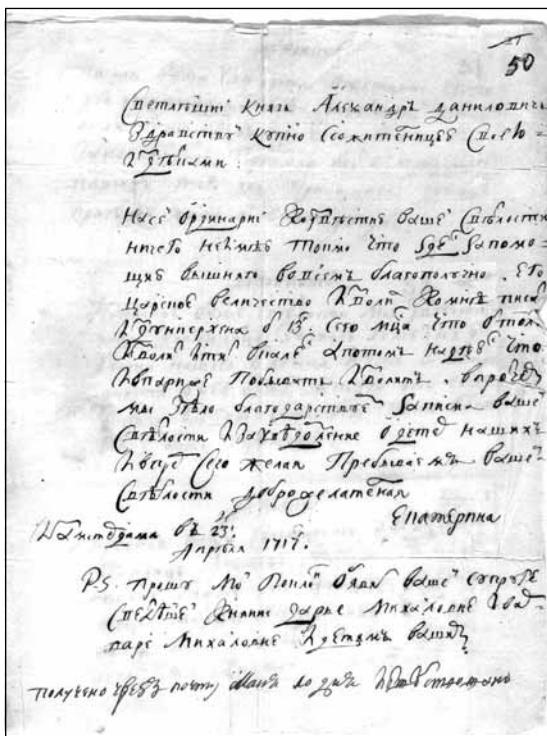
⁴⁸ РГАДА. Ф. 5. Д. 27. Л. 50.

⁴⁹ Там же. Ф. 9. Отд. I. Д. 62. Л. 382.

⁵⁰ *Павленко Н. И.* Екатерина I. С. 219. № 127.

⁵¹ РГАДА. Ф. 5. Д. 27. Л. 68.

⁵² См.: *Вагеманс Э.* Указ. соч. С. 178–179.

Письмо Екатерины князю А. Д. Меншикову из Амстердама о намерении Петра I посетить Париж. 23 апреля 1717 г. РГАДА.

но вновь разными маршрутами — царица, вероятно, напрямую, а царь посетил Берлин⁵⁶. В российскую столицу он вернулся первым 8 октября, царица вслед за ним.

Как свидетельствует Походный журнал, Екатерина не сопровождала царя во время его посещения достопримечательных мест в городах, где они останавливались. Трудно предположить, с чем это связано, возможно, они её совершенно не интересовали, и она была обычной, или как пишут историки «заурядной», женщиной. Со-

адмиралтейских яхтах к Ост-Индскому флоту⁵³, также за время пребывания в Амстердаме вместе с Петром I она четыре раза посетила Ботанический сад⁵⁴. Супруга комиссара Мария Схап наблюдала за царицей во время её визита в сад 21 августа, и писала подруге: «Царица же ведёт себя подобающим образом, она чистоплотна, знает очень много деревьев и трав»⁵⁵.

Пётр I и Екатерина покинули Амстердам 22 августа, вместе они пересекли голландскую границу 31-го, а затем через немецкие земли и Прибалтику направились в Петербург,

⁵³ См.: Походный журнал 1717 года... С. 31.

⁵⁴ См.: Вагеманс Э. Указ. соч. С. 180.

⁵⁵ Цит. по: там же. С. 182.

⁵⁶ Обратный маршрут царицы реконструировать затруднительно, в связи с отсутствием записей в Походном журнале и других источниках. Можно предположить, что она заезжала в Штеттин повидаться с царевной Екатериной Ивановной.

хранившаяся переписка Петра I (44) с Екатериной (12) хорошо известна и опубликована, за исключением двух посланий царя. Письма царя сохранились в подлинниках, многие из них были в маленьких конвертах с оттисками печати на красном и чёрном сургуче, некоторые послания просто свёрнуты и запечатаны. Письма Екатерины известны по копиям, сделанным её секретарём Яковлевым. В посланиях Петра I мы видим заботу царя о выборе безопасной дороги для супруги во время раздельного движения, новости о прибытии его в те или иные города, встречах и делах, о состоянии своего здоровья, известиях от Меншикова о детях, сообщения о посылке и получении подарков; в некоторых посланиях содержатся выражения, понятные только им двоим. Письма Екатерины к Петру I, конечно, не имеют такого индивидуального стиля, как автографы царя. В них забота о супруге, поздравления с праздниками, которые они отмечали врозь, сожаление о разлуке, известия о здоровье и благополучии детей, отчёты о выполнении данных ей поручений, а также намёки на любовные увлечения Петра I другими дамами.

Предпринятая нами реконструкция пребывания Екатерины в Европе в 1716–1717 гг. показывает маршрут её поездки, участие в дипломатических встречах, раскрывает трагические обстоятельства потери новорождённого сына. В путешествии она предстаёт и как царица, и как супруга. Екатерина с достоинством представляла своё государство на встречах с монаршими особами, которые принимали её с должным уважением. Как супруга она всегда была в курсе передвижений царя, его военных занятий, встречах с монархами, здоровье; Петру I было важно, что она путешествует вместе с ним, и он охотно делился с царицей всеми новостями и при любой возможности покупал и присылал ей подарки.

Наталья Борисовна Карданова
(Генуя)

*Доцент Департамента современных языков и культур
Генуэзского университета*

Итальянские маршруты дипломатического послания Петра I: Царские грамоты в Венецию и Флоренцию

В итальянских государствах — Венеции и Флоренции — Пётр I, как считается, никогда не был. Точнее, находившийся в составе Великого посольства царь намеревался проехать в Венецию из Вены, о чём он сообщил 14 июля 1698 г. венецианскому послу Карло Рудзини, который подробно описал эту встречу в своих донесениях дожу¹. Он сообщал, в частности: «Что до его (Петра. — *Н. К.*) путешествия в Венецию, то сам он подтверждает сказанное мне его послами о его желании быть инкогнито, и с выражением прибавил, что наибольшей почестью, которую он мог бы получить, была бы свобода заниматься предметами, относящимися к морю и мореплаванию, которые наиболее близки его сердцу и которыми он больше всего занимался в Амстердаме и в других местах, пользуясь вполне данным ему разрешением, которое ему было в высшей степени приятно»² (пер. с итал. наш. — *Н. К.*).

¹ [Шмурло Е. Ф.] Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого... / Т. 1: 1693–1700. Юрьев, 1903 (Recueil de Documents relatifs au règne de l'Empereur Pierre le Grand / Publ. par E. Schmourlo, Prof. à l'Université Impériale de Youriev (Dorpat). Т. I: 1693–1700. Youriev (Dorpat), 1903. Тексты № 621, 622, 623).

² Там же. № 622.

Считается, что весть о начале Стрелецкого бунта заставила Петра отказаться от поездки и срочно вернуться в Москву. В то же время, известно, что венецианские власти самым внимательным образом подготовились к приезду русского царя³ и даже считали, что Пётр I всё-таки побывал в Венеции, о чём свидетельствует целый ряд документов, сохранившихся в Государственном архиве Венеции. Сведения об одном из них привёл Е. Ф. Шмурло, работавший в этом архиве в 1897 г.: «...документ: Czar di Moscovia. Relazioni di confidenti sulla sua venuta a Venezia. 1698 (busta N 922) — любопытный образец заблуждений венецианского правительства, в течение нескольких дней пребывавшего в уверенности, что царь, которого ждали, будто бы действительно приехал и живёт в Венеции, сохраняя строгое инкогнито»⁴.

Опираясь на те же документы в Государственном архиве Венеции, что и Е. Ф. Шмурло, С. О. Андросов высказал достаточно аргументированное предположение, что всё-таки «...Пётр действительно приехал в Венецию в ночь на 19(29) июля и отбыл из неё утром (?) 20(30) июля, то есть находился здесь один полный день. Визит его совершился в обстановке полной секретности и даже сопровождался отвлекающими манёврами. Вместе с тем царю не удалось обмануть венецианскую службу безопасности, и сообщения о его пребывании в г. Сан-Марко регулярно поступали к государственным инквизиторам»⁵.

Как бы то ни было, не вызывает сомнений то, что через Венецию и Флоренцию пролегли маршруты Петровской дипломатической переписки. Если с Тосканой Россия пыталась установить отношения торгового характера, то со Светлейшей республикой Россию объединяли военно-политические интересы: Пётр I поддерживал переписку с венецианскими дожами на протяжении всего своего правления как в период союзных отношений (Россия и Венеция состояли в антиосманской лиге (1686, 1697), так и после заключения Карловицкого мира в 1699 году.

В настоящем докладе мы сопоставим грамоты-ходатайства о русских учащихся, направленных в Венецию (две — венецианскому дожу Сильвестро Вальеру от 25 февраля 1697 г.⁶ — об обучении

³ Там же. № 570–620, особенно № 570–574, 600, 604, 616–621, 628.

⁴ Шмурло Е. Ф. Отчёт о заграничной командировке осенью 1897 г. Юрьев, 1898. С. 23.

⁵ Андросов С. В. Пётр I в Венеции // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 133–134.

⁶ Archivio di Stato di Venezia. Collegio. Lettere principi. Filza 13, № 40 и № 42. Опубликовано в: ПиБ. Т. 1. СПб., 1887. С. 133–134 и С. 134–135.

морскому делу) и во Флоренцию (великому Тосканскому герцогу Козимо III Медичи от 18 января 1716 г.⁷ — о занятиях во Флорентийской художественной академии), верительные грамоты Петра I о царском посланнике в Венецию и Флоренцию Петре Беклемишеве (от 18 января 1716 г. — венецианскому дожу Джованни Корнеру⁸ и великому Тосканскому герцогу Козимо III Медичи⁹), а также рассмотрим две грамоты к великому Тосканскому герцогу Козимо III Медичи (от 1 февраля 1711 г.¹⁰ и от 3 июня 1712 г.¹¹), касающиеся личной просьбы царя. Мы охарактеризуем оригиналы указанных грамот (все они хранятся в государственных Венецианском и Флорентийском архивах, по ним даются цитаты в тексте доклада) в совокупности их речевого и графического оформления.

Специфика рассматриваемых дипломатических документов, которые готовились в российском внешнеполитическом ведомстве (Посольский приказ; при Петре с 1720 г. — Коллегия иностранных дел), но подписывались царём — их официальным автором, диктует необходимость принципиально нового подхода к этим текстам. С одной стороны, это документы деловой письменности, с другой — личное послание царя, то есть авторский текст, оформленный в канцелярии по заданному содержанию и получивший окончательное одобрение автора (практика составления и декоративного оформления зафиксирована подьячим Посольского приказа Котошихиным¹² при царе Алексее Михайловиче, подтверждена и регламентирована указом Петра под номером 3518 от 13 февраля 1720 г. с поправкой на новую терминологию¹³). Именно как документ деловой письменности царская грамота в Венецию подлежала определённому декоративному и структурному оформлению: царское хо-

⁷ Archivio di Stato di Firenze. Archivio Mediceo. Filza 1032. № 60. Опубликовано в: Россия и Запад: Горизонты взаимопознания. Литературные источники первой четверти XVIII века. М.: Наследие, 2000. Вып. 1. С. 48.

⁸ Archivio di Stato di Venezia. Collegio. Lettere principi. Filza 13. № 70. В печати.

⁹ Archivio di Stato di Firenze. Archivio Mediceo. Filza 1032. № 55. Публикуется в приложении к настоящему докладу.

¹⁰ Archivio di Stato di Firenze. Archivio Mediceo. Filza 1031. № 111. Опубликовано в: ПиБ. Т. 11. Вып. 1: (январь — 12 июля 1711). М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 50.

¹¹ Archivio di Stato di Firenze, Archivio Mediceo. Filza 1031. № 152. Опубликовано в: ПиБ. Т. 12. Вып. 1: (январь — июнь 1712). М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1975. С. 233.

¹² Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича / Подг. публ., ввводн. ст., коммент. и словник Г. А. Леонтьевой. М.: РОССПЭН, 2000. С. 45–46.

¹³ ПСЗ. Собрание 1-е. СПб. 1830. Т. VI (1720–1722). С. 130.

датайство имеет свой формуляр, включающий формулы начального протокола (инвокация, интитуляция, начальное приветствие), и финального (финальное приветствие, указание на место и время написания грамоты, начиная с 1709 г. — финальное обозначение автора и подпись — имя с вынесенной вверх буквой —*m*: «Петръ»).

Как авторский текст, царское ходатайство отражает — в этом убеждает анализ текстов — мировоззренческие и внешнеполитические установки лица, которому принадлежит последнее слово, — автора послания. Этими установками определяется дипломатический этикет царского послания, правилам которого составители следовали, исходя из полученных указаний и опыта — собственного и предшественников. При Петре I этот этикет претерпевает кардинальное изменение, подобно тому, как меняется русский дипломатический церемониал: Россия усваивает нормы европейского церемониала, который ранее игнорировала, если видела в нём «умаление чести своего государя»¹⁴ — независимое положение России в европейской феодальной системе давало возможность «игнорировать установившиеся на западе путем традиций иерархические отношения между монархами и державами»¹⁵. До Петра работа над текстом царской грамоты определялась в первую очередь стремлением не уронить царский дипломатический статус¹⁶, при Петре «в качестве регулятора, доминирующего принципа, организующего текст дипломатического послания, выступает не дипломатический статус автора царского послания и его адресата, а статус вежливого собеседника: правила нового речевого этикета регулируются ролью автора в коммуникативной ситуации»¹⁷. Так, в ходатайствах Петра I мы находим прямое обращение к адресату с вежливой просьбой («просим» в грамотах о

¹⁴ *Александренко В. Н.* Посольский церемониал в XVIII веке и отношение к нему русских дипломатов // «Варшавские университетские известия». № 8. 1894. С. 7.

¹⁵ Там же. С. 6–7.

¹⁶ Об изменениях в эпистолярном этикете — см.: *Полонский Д. Г.* Эпистолярный этикет во взаимоотношениях А. Д. Меншикова с представителями властной элиты Петровской эпохи // Меншиковские чтения-2011: Научный альманах. СПб.: XVIII век, 2011. Вып. 2 (9). С. 75–93; *Benacchio R.* Modalità allocutive pronominali nella società moscovita del sec. XVII. Padova. 1984; *Benacchio Berto R.* L'allocutivo reverenziale di cortesia «vy» nella Russia di Pietro il Grande: uno studio sociolinguistico // (atti del colloquio) Lingue slave e lingue romanze: un confronto, Firenze, 25–26 gennaio 1985, Pisa, 1985. P. 61–78. О дипломатической терминологии XI–XVII вв. см.: *Сергеев Ф. П.* Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1971.

¹⁷ *Карданова Н. Б.* Дипломатические послания Петра Великого домам Венецианской республики: тематика, жанр, стиль, эпистолярный этикет. М., «Индрик», 2013. С. 386.

Беклемишеве 1716 г.), ранее не допускавшееся (ср. желание царя — «благоволительно желаем» — в грамотах 1697 г.).

Эволюция этикета царского дипломатического послания зафиксирована во всех рассматриваемых грамотах и объединяет их. Что различает грамоты Петра в Венецию и в Тоскану?

Во-первых, различный дипломатический статус адресата, определяемый типом государственного устройства, которое при царе Алексее Михайловиче, отражало полноту царских титулов и пышность оформления грамоты (размер листа и количество используемой золотой краски): в Венецианской республике — Сенат и дож, возглавляющий государство скорее формально, к тому же фигура избираемая; в Тосканском герцогстве — единоличный правитель, «великий герцог» («*granduca*»). Разницу в статусе этих двух правителей отмечал в своём дневнике Петровский путешественник по Европе, военачальник и дипломат Борис Петрович Шереметев, находясь во Флоренции: «Флоренский Гранд-Дюк есть дедичный Князь и самовластный, не так как Князь Венецианской»¹⁸.

Во-вторых, различные коммуникативные задачи и, следовательно, роль, в которой выступает автор грамоты. Верительная грамота представляет собой ходатайство скорее по форме, поскольку приём дипломатического лица предполагается дипломатическими отношениями; ходатайство об учащих перед дожем и герцогом — просьба об оказании услуги личного характера, однако от выполнения просьбы зависела столь важная для Петра подготовка русских учащих, причём в случае венецианских грамот речь идёт о морском деле. Задача автора грамоты — убедить адресата пойти ему навстречу, найдя убедительные аргументы и скрывая подлинную цель поездки учащих в той мере, в какой он считает целесообразным, т.е. не наносящим вреда государственным интересам (в грамотах в Венецию 1697 г. скрывалась принадлежность учащих к аристократическим семействам России, что позволяла антропонимическая система того времени). Наконец, в грамотах к герцогу 1711–1712 гг. отразился обмен услугами личного характера: в ответ на просьбу герцога Пётр — через своего посланника в Венеции барона Урбиха — посылает во Флоренцию «калмыков», в ответ на повторную просьбу, обещает выслать ещё «еще калмыкь самоедов и оленей». Через камергера Семёна Нарышкина Пётр сообщает герцогу своё «партикулярное желание»: в ответ герцог высылает токарный

¹⁸ Записка путешествия графа Бориса Петровича Шереметева в Европейские государства (1697–1699): Текст / Комментарий. Н. Д. Блудилой, В. И. Щербакова // Россия и Запад: Горизонты взаимопознания. Литературные источники первой четверти XVIII века. М.: Наследие, 2000. Вып. 1. С. 146.

станок, и царь его благодарит за «зело приятныя вашего высочества подарки, а имянно: желаемой от нас такарной станок и при оном станке выточенныя куриозныя сосуды»¹⁹.

Отсюда — модификации в структурно-речевом и графико-декоративном оформлении протокола дипломатического послания Петра I в Венецию и во Флоренцию. Если в грамотах в Венецию текст предстаёт, как единое высказывание (не разбит на абзацы и предложения), к которому на грамоте Беклемишева 1716 г. присоединяется (с необходимым отступом) личная царская подпись, то в посланиях во Флоренцию между основными частями текста (интитуляцией и начальным приветствием, начальным приветствием и основным текстом, а в грамотах 1711—1712 гг. — и между подписью и финальным протоколом) появляются отступы, значительно облегчающие восприятие текста адресатом.

В традициях, сложившихся при царе Алексее Михайловиче, подчёркивающих высочайший дипломатический статус русского царя при помощи специального графико-декоративного оформления, в грамотах в Венецию над царской интитуляцией расположен растительный орнамент, в центре — царская корона. Стилизованными цветами украшены правое и левое поля — в верхней части листа, где содержатся титулы автора и адресата, и ниже, примерно до середины текста. Первое слово — «Божиею» — выписано в форме цветочного орнамента, выделен инициал «Б». Золотой краской оформлен как орнамент, так и титул царя (до буквы «М» в слове «Московский» включительно) и дожа — (до буквы «в» включительно в слове «владетельства»). В грамотах во Флоренцию золото в оформлении не использовано, равно как и декоративные узоры. Однако оформитель грамот 1711—1712 гг. счёл нужным ввести, хоть и чёрными чернилами, узор над первой строкой, содержащей инвокацию и имя царя, и в заглавную букву «Б» в первом слове «Божиею». В грамотах во Флоренцию 1716 г. подобного узора нет, однако выносные буквы «о» в слове «Божиею», «с» в слове «милостию» и «а» в слове «царь» оформлены таким образом, что образуют некое подобие узора над первой строкой. В свою очередь, выносная буква «я» в слове «князь» обращает внимание на титул адресата — царский титул и титул адресата оказываются выделены, пусть и более скромным образом.

Начальный протокол царской грамоты, где ссылка на всесильную волю Божественного Провидения (инвокация) утверждает сак-

¹⁹ Грамота Петра I Тосканскому герцогу Козимо III Медичи от 3 июня 1712 г. // Archivio di Stato di Firenze, Archivio Mediceo. Filza 1031. № 152.

ральный характер царской власти²⁰, отличает дипломатическое послание Петра I в Венецию и во Флоренцию от внутрироссийских (как личного, так и служебного характера), обычно начинающихся с обращения к адресату. В грамотах в Венецию мы находим речевые средства, сложившиеся при царе Алексее Михайловиче, тогда как во Флоренцию — выработанные в правление Петра (исключение — инвокация: в грамотах Петра 1697 г. в Венецию и в грамотах во Флоренцию 1711–1712 и 1716 гг. дан краткий вариант инвокации «Божиею милостию», в верительной грамоте Беклемишеву 1716 г. — «Божиею поспешествующею милостию», с 1700 г. и вплоть до Павла I регулярно используемое в грамотах в Венецию. Вероятно, мы имеем дело не столько с эволюцией (упрощением) формулы, сколько с экономией лексических средств).

До Петра полное и точное перечисление титулов, сопровождающих имя царя, предполагало и полную интитуляцию в ответном послании адресата и, следовательно, признание статуса, заявленного в царской грамоте. Интитуляция в грамотах в Венецию включает: «мы», титул «пресветлейший и державнейший великий государь царь и великий князь», имя и отчество («Петр Алексеевич»: имя в сочетании с отчеством на — *ич* в антропонимической системе Московской Руси использовалось исключительно для обозначения лиц высокого социального статуса), титулы «всеа Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержец Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, царь Астараханский, царь Сибирский, государь Псковский, и великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарский и иных, государь и великий князь Нова города Низовские земли, Черниговский, Резанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский, и всеа Северная страны повелитель, и государь Иверские земли карталинских и грузинских царей, и Кабардинские земли черкасских и горских князей, и иных многих государств и земель, восточных и западных, и северных, отчич, и дедич²¹, и наследник, и государь, и обладатель».

²⁰ «Великий князь Московский вводит в свою интитуляцию формулу «Божиею милостию» начиная с середины XV века, следуя литовскому примеру, чтобы заявить, что своей властью он обязан воле Божией и более не воле народной» (*Szefjel M. La monarchie absolue dans l'état Moscovite et l'Empire Russe (fin XVe siècle — 1905) // Szefjel M. Russian Institutions and Culture up to Peter the Great. London: Variorum Reprints, 1975. P. 729*).

²¹ Лексемы «отчич» и «дедич» в грамотах в Венецию после Петра не будут использоваться: уже в грамоте Екатерина I («наследная государыня и обладательница») сообщала 12 февраля 1725 г. дожу Альвизе III Мочениго о смерти

В грамотах во Флоренцию интитуляция утверждает дипломатический статус Петра иным образом: местоимение «мы», имя царя («Петр») в сочетании с порядковым прилагательным «Первый», за которым следует титул «царь и самодержец всероссийский» (в грамоте 1711 г. — «император» вместо «самодержец»), титулы, указывающие на территориальные владения, заменены трёхкратным «и прочая»: опущено и перечисление находящихся под властью царя земель, и специально указывающие на законность наследования титулы («отчич, и дедичь, и наследник, и государь, и облаадатель»). Титул «император», не входивший в официальную интитуляцию (как известно, Сенат преподнёс императорский титул Петру позднее, 22 октября 1721 г.), вероятно, был использован составителем грамоты как иностранный синоним (к тому же, появившийся в посланиях итальянских правителей в Россию) для русского «самодержец».

Начальное приветствие в грамотах в Венецию, где сохраняется допетровская традиция, предполагает использование клише «наше поздравление» (охарактеризовано как «благоприветствованное» (1697 г.) и «любительное» в грамоте (1716 г.), официальный титул венецианского адресата даётся строго в той же форме, что и на «подписи» грамоты, т.е. на обратной стороне грамоты (ср. современный конверт). В дальнейшем в царских грамотах в Венецию «наше любительное приветствие» будет использоваться вплоть до Петра III²² включительно, в грамотах Екатерины II²³ и Павла I²⁴ исчезнет лексема «любительное», но структура останется той же: «наше поздравление», при этом обозначение адресата на конверте и в тексте грамоты будут идентичны.

Во всех четырёх Петровских грамотах во Флоренцию вместо формулы начального приветствия находим обращение к адресату: «Светлейший Князь» (ср. официальный титул Тосканского герцога, представленный на «подписи» — «Светлейшему Козме, великому князю Геттурскому, и прочия, нашему любезнейшему приятелю»). Таким образом, существовавшее при отце Петра в Посольском приказе правило, требовавшее обращаться к адресату так, как он представлен в его же собственных текстах, в данных Петровских грамотах сохраняется для «конверта», но не работает внутри основного

царя («наследного государя и обладателя»): Archivio di Stato di Venezia. Collegio. Lettere principi. Filza 13. № 77.

²² Ibid. № 32.

²³ Ibid. № 39.

²⁴ Ibid. № 194.

текста грамоты, где предпочтение отдано правилам нового речевого этикета.

Финальное приветствие — пожелание здоровья и благополучия адресату — в грамотах в Венецию 1697 г. выдержано в допетровских традициях: «При сем мы, великий государь, наше царское величество, вашей светлости желаем от Господа Бога многолетнего здравия, счастливаго во владетельствах ваших поведения и правления», тогда как в грамоте 1716 г. представлен упрощённый вариант («При сем вашей светлости и яснейшей Речи Посполитой желаем от Господа Бога здравия и всякого благополучия»), которым будут в дальнейшем завершаться грамоты российских императоров и императриц в Венецию²⁵.

Ту же структуру мы находим в «официальных» грамотах Петра I во Флоренцию 1716 г.: финальное приветствие в грамоте о Беклемишеве идентично венецианскому («При сем вашей светлости и яснейшей Речи Посполитой желаем от Господа Бога здравия и всякого благополучия»), тогда как в грамоте об учащихя появляется сложное прилагательное высокого регистра «благопостоянного» (в Петровских грамотах в Венецию оно не встречается): «За сим желаем вашему высочеству благопостоянного здравия и всякого благоповедения». Учитывая, что финальное приветствие — наиболее гибкая формула протокола, использовавшаяся составителями грамоты и как дополнительное риторическое средство (из трёх грамот, написанных в Петербурге в итальянские государства 18 января 1716 г., только в контексте ходатайства об учащихя желаемое адресату здоровье описывается особым образом), можно предположить, что ходатайство о приёме учащихя во Флоренции было особенно важно для его автора.

Финальное обозначение (в грамоте о Беклемишеве в Венецию 1716 г. — на трёх строках, расположенных друг под другом: «Вашей светлости и яснейшей Речи Посполитой», «добрый приятель», «Петр») позволяет автору заявить о готовности к развитию дипломатических отношений с адресатом на дипломатическом языке того времени: Пётр остаётся «добрым приятелем» дожа и республики вне зависимости от того, к какому именно дожу обращается и в связи с чем, поскольку он всегда выступает как дипломатическое лицо. В этом принципиальное различие рассматриваемых текстов от писем Петра родным, сотрудникам и подчинённым, где автор подписывается в зависимости от того, какие отношения связывают его с

²⁵ См. напр.: грамоту Екатерины II от 31 декабря 1794 г. (Archivio di Stato di Venezia. Collegio. Lettere principi. Filza 13. № 172).

адресатом и где за подписью стоит самоощущение Петра²⁶. После Петра грамоты в Венецию, вплоть до Павла I²⁷ включительно, будут подписывать «добрые» «приятели» и «приятельницы» Светлейшей республики, за исключением Бирона — «служебно охотно-го друга»²⁸.

Аналогичное графическое и речевое оформление с отступом от финального протокола, на трёх строках («Вашего высочества», «склонный приятель», «Петр»), различие — в обращении к адресату («Ваше высочество» — к Тосканскому герцогу) и в прилагательном, описывающем «приятеля» Тосканского герцога, — «склонный» (ср. «добрый» в Венецию).

В «личных» грамотах Петра во Флоренцию 1711–1712 г. финальное приветствие (деепричастный оборот — «В прочем желая вам от господа здравия и всяких благоповедений») и финальное обозначение автора («пребуваем вашего высочества склонный приятель») образуют одно предложение, где пожелание здоровья и благополучия предстаёт как элемент нового эпистолярного этикета.

В грамоте 1711 г. «пребуваем вашего высочества» завершает основной текст послания, тогда как «склонный приятель» и царская подпись «Петр» вынесены за его пределы:

«В прочем желая вам от господа здравия и всяких благоповедений, пребуваем вашего высочества склонный приятель
Петр».

В грамоте 1712 г. — за пределами текста финальное обозначение автора (полностью) и подпись:

«В прочем желая вам от господа здравия и всяких благоповедений, пребуваем
вашего высочества
склонный приятель
Петр».

Аналогичную структуру, речевую и графическую, находим в «кабинетном» (личном) послании Павла I, написанном по-французски, в Турин, королю Карлу Эммануилу IV, от 24 февраля 1800 г.:

²⁶ Богословский М. М. Пётр Великий по его письмам // Пётр Великий: Pro et contra: Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 2003. С. 429–462.

²⁷ Archivio di Stato di Venezia. Collegio. Lettere principi. Filza 13. № 194.

²⁸ Ibid. № 91.

C'est avec ce sentiment que je suis
Monsieur mon Frère et Cousin
De Votre Majesté
Le Bon Frère et Cousin
Signé Paul

St Petersburg
Ce 24 Fevrier 1800

С сим чувством пребываю (букв. — «я есть»),
Господин мой Брат и Кузен,
Вашего Высочества
Добрый Брат и Кузен
Подписано Павел
(пер. с франц. наш. — *Н. К.*)²⁹
Lettere principi forestieri mazzo 92

СтПетербург
Сего 24 Февраля 1800 г.

Финальный протокол в грамотах 1716 г. в Венецию и во Флоренцию завершает текст (ниже — подпись): используемые речевые средства («Дан в Санкт Петербурке генваря 18го дня 1716 Государствования нашего 34го году.») отличаются от допетровских, сохраняющихся ещё в грамотах 1697 г. (обязательным остаётся указание на количество лет царствования): «Писан государства нашего во дворе в царствующем велицем граде Москве лета от создания мира 7205-го [1697], февраля 25-го, дня государствования нашего 15-го году».

В «личных» грамотах Петра в Тоскану 1711–1712 гг. финальный протокол вынесен за пределы текста, ниже царской подписи. Он расположен с левой стороны листа, на двух строках: на верхней — место написания грамоты, на нижней — дата, что упрощает восприятие (не указано, какой год Пётр находится на престоле). Грамматическая форма — родительный падеж для даты и места: «С Москвы» и «февраля 1 1711 г.» — аналогична встречающейся во внутрirosсийских письмах-распоряжениях Петра следующего, 1712 г.: «Из Питербурха, в 6 день марта 1712-го»³⁰. В грамоте 1712 г. место написания — в предложном падеже («в Санкт Петербурге»), дата — в родительном («июня 3 1712»).

В заключение следует сказать, что грамоты Петра I в Венецию и во Флоренцию различает структурно-речевое и графико-декоративное оформление прежде всего протокола, которое возникает на

²⁹ Archivio di Stato di Torino. Lettere principi forestieri. Mazzo 92. № 681.

³⁰ Сб. РИО: Т. 11. СПб., 1873. с. 224.

пересечении таких векторов, как коммуникативная задача грамоты, роль автора в эпистолярном диалоге, дипломатический статус автора и адресата, эволюция дипломатического этикета и этикета царского дипломатического послания.

Коммуникативная задача царской грамоты определяет её жанрово-стилевую разновидность (официальное царское ходатайство и царская грамота-ходатайство о личной услуге) и статус автора и адресата в эпистолярном диалоге (статус двух официальных лиц и статус двух лиц, пусть и официальных, обменивающихся услугами).

Что касается официального дипломатического статуса адресата, то для Петра, в отличие от его отца, важна не столько форма государственного правления (монархия или республика), сколько роль, которую государство играет в европейской политике (а роль Венеции, пусть и значительно ослабленная к началу XVIII в., всё-таки была больше, чем роль Тосканы). Отсюда — бóльшая пышность в оформлении грамот в Венецию. С другой стороны, форма государственного правления Тосканы позволяет Петру приветствовать тосканского герцога в начале и конце послания более свободно, а в случае частной просьбы — завершить письмо так, как завершал их царь во внутрirosсийской переписке, в частности, в письмах к сотрудникам (весьма допустимо, что грамоты во Флоренцию 1711–1712 гг. составлялись при непосредственном участии автора).

Следует также учитывать, что переписка со Светлейшей республикой фактически не прерывалась, начиная со времени царя Алексея Михайловича (1655), и нельзя исключать, что ещё и поэтому в Петровских грамотах в Венецию традиционное, допетровское оформление текста как единого целого соседствует с собственноручной подписью, новой для царской грамоты к иностранному адресату. В свою очередь, у служащих внешнеполитического ведомства, оформлявших грамоту во Флоренцию в 1711 г., не было недавнего, непосредственного образца: последняя грамота от лица двух царей во Флоренцию была отправлена в 1685 г., при В. В. Голицыне, в регентство Софьи. Обращаясь от лица царя к герцогу Тосканы с личной просьбой, составители грамоты предпочли логико-визуальный принцип расположения в с е г о текста. И хотя смысл русского оригинала оставался недоступен и для венецианского дожа, и для Тосканского герцога, такое расположение текста — когда с одного взгляда на текст легко вычленишь основные его части — было, вероятно, более привычным. При этом была сохранена структура формуляра, характерная для жанра царской грамоты, непременно открывающейся царской интитуляцией, за которой следует адресат. В грамотах во Флоренцию царская интитуляция, сокращённая до основного титула, по-прежнему идеологически ангажирована, однако теперь, что-

бы донести мощь и величие Российского государства, достаточно титула царя и самодержца (появившийся в грамоте 1711 г. титул «император и самодержец всероссийский» в дальнейшем, после 1721 г., утвердился в царской интитуляции). Аналогичную структуру начального протокола и схожее оформление мы находим и в грамотах 1716 г. более официального характера.

Проведённый анализ свидетельствует о существовании двух жанрово-стилевых разновидностей дипломатического послания Петра I за границу: более консервативный, представленный в грамотах в Венецию, сохраняется в дальнейшем в официальных посланиях российских императоров в итальянские государства. В свою очередь, протокол грамот Петра I во Флоренцию, приближающийся к протоколу внутрироссийских Петровских посланий, предвещает «кабинетные письма» русских императоров и императриц, написанных, как правило, по-французски, возможно и собственноручно.

Приложение

Грамота Петра I великому герцогу Тосканскому Козимо III Медичи от 18 января 1716 г.

Божию Милостию мы, Петр Первый, царь и самодержец всероссийский, и прочия, и прочия, и прочия.

Светлейший князь

Понеже мы для лутчаго содержания дружбы и установления и способствования купечества в областях вашего высочества и светлейшей Речи Посполитой Венецкой определили быть агентом нашим Петра Беклемишева; того ради просим ваше высочество не токмо одного за агента нашего признать, и при дворе вашем и в другихъ местах владения вашего, где потребность позовет, ему со всеми характеру его принадлежащими волностями свободно пребывать соизволить, но и в протчем всему тому, что он иногда по указу нашему вашему высочеству предлагать будет, веру подавать и такую склонною резолюциею всегда на то одного снабдить, како мы по дружбе, которую мы всегда к вашему высочеству содержать хотим, от вас уповаем. И желаем в протчем вам всегда здравия и всякихъ благоповедений. Дан в Санкт Петербурке генваря 18го дня 1716 государствования нашего 34 году.

Вашего высочества

Склонный приятель

Петр

Граф Головкин

Оригинал грамоты хранится в Государственном архиве Флоренции (Archivio di Stato di Firenze. Archivio Mediceo. Filza 1032. № 55). Текст размещён на одном листе размером 23 см x 25 см. Грамота написана круглящимся полууставом, чёрными чернилами. Ниже и правее текста — подпись Петра I. В правом нижнем углу, чернилами более светлого цвета — подпись канцлера: «Граф Головкин». На конверте надпись: «Светлейшему Козме, великому князю Геттурскому и прочим, нашему любезнейшему приятелю».

о. Алексей Олегович Ястребов
(Венеция)

*Протоиерей, настоятель прихода
святых жён-мироносиц в Венеции Московского Патриархата*

«Дабы на то смотря и другие их братья
Армяня и других народов купецкие люди
заохочены были то купечество чрез
наши земли в Персиду отправлять».
Грамота Петра I Питеру Абро

Путешествие царя Петра в Европу в 1716–1717 гг. выделяется протяжённостью во времени и пространстве на фоне нескольких более кратких поездок, предпринятых им после 1711 г. отчасти для лечения, отчасти в политических видах, в первую очередь с целью выстраивания отношений с союзниками для продолжения войны со Швецией¹. В этот раз Пётр посетил Польшу, германские земли, Данию, Голландию и Францию.

Если первая часть вояжа была посвящена военным вопросам, то с конца 1716 г. наравне с политикой на передний план вышла культурная составляющая. В тот период эмиссары Санкт-Петербурга работали в Италии над покупкой и вывозом произведений искусства в северную столицу, а также вербовкой специалистов в различных областях градостроительства. То же делал и сам царь. Так, во время этого путешествия Пётр пригласил в Россию Ж.-Б. Леблона и

¹ Брикнер А. Г. История Петра Великого: В 5-ти частях. Ч. 4, СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1882–1883. С. 493–541.

Б. К. Растрелли. Пребывание царя во Франции было в значительной мере посвящено знакомству со страной.

Тема внешней торговли также занимала государя. Эти вопросы особенно интересовали его в Голландии, где он побывал дважды — зимой 1716—1717 гг. и летом 1717 по возвращении из Франции.

Именно к тому периоду относится жалованная грамота Петра I смирнскому купцу Питеру Абро и его братьям, датированная 28 января 1717 г. и выданная в Амстердаме во время Второго заграничного путешествия царя. Она хранится в музее армяно-католического монастыря святого Лазаря в Венеции, и собственно её и хотим Вам представить.

Абро обратился с просьбой о разрешении ему и его братьям коммерческих операций на территории Российского государства. Государь уравнивал их в правах с «жулфинцами», армянами, персидскими подданными из Джульфы (ныне Азербайджан), приказав в видах привлечения торговли из Малой Азии и Персии максимально способствовать их деятельности в России, «дабы на то смотря и другие их братья Армяны и других народов купецкие люди захочены были, то купечество чрез наши земли в Персиду отправлять»².

Семья Абро около 1600 г. переселилась из пределов Армении в Османскую империю. Один из представителей семьи Матвей Авраамов (Абро) Челеби (1621—1676) имел трёх сыновей — Авраама, Петра и Стефана. Все трое преуспели в коммерции, которая простиралась на области Индии, Персии, Турции и многих других стран. Авраам и Стефан расположили свою штаб-квартиру в Смирне, а Питер (Пётр) в Амстердаме, где и вручил своё прошение царю.

Несмотря на масштабность и большую публичность по сравнению с Первым большим (1697—1698) и малыми путешествиями эта поездка в некоторых своих частях по-прежнему остаётся малоизученной³.

К пробелам в источниках следует отнести и тот факт, что корреспонденция царя, относящаяся к тому периоду, до сих пор не опубликована полностью⁴. Это связано с тем, что классический сборник

² *Иоаннисян А. (ред.)* Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века // Сборник документов. Т. II. Ч. I. Ереван: Издательство Академии наук Армянской ССР, 1964, С. 105—107; Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, часть 1 / Сост. Глинка С. Н. М.: Типография Лазаревых института восточных языков, 1833. С. 158—160.

³ *Вагеманс Э.* Царь в Республике: Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды, (1716—1717) / пер. с нидерландского; Ин-т Петра великого. СПб.: Европейский Дом, 2013. 250 с.

⁴ *Мезин С. А.* Взгляд из Европы: Французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003.

«Письма и бумаги императора Петра Великого» пока не доведён до интересующего нас года. Естественно, документы этого периода появлялись в различных сборниках, однако зачастую при отсутствии у публикаторов всех наличных списков грамот, особенно подлинников, последние ограничивались их некритическим изданием. Поэтому важно то, что в нашем случае мы имеем дело с оригиналом.

Несколько слов о судьбе документа и о самом монастыре.

Грамота прекрасно сохранилась и экспонируется с этикеткой: «Пётр I Великий, Царь всероссийский. Указ в пользу князя Петра Абро. 1717 – подлинная подпись Царя (Pietro I il grande, Tzar di tutte le Russie. Editto dato in favore del principe Pietro Abro. Anno: 1717 – [firma autentica dello Tzar]). В 1923 г. часть архива семьи была подарена монастырю Святого Лазаря (Сан-Ладзаро) потомком Петра Асланом Абро (1848–1928)⁵. Среди бумаг находилась также грамота царя Петра.

Армянский монастырь ведёт своё начало как раз с 1717 г., когда одноимённый остров венецианской лагуны был передан для устройства обители группе монахов во главе с Мехитаром (Mchithar) Севастийским, который является основателем армяно-католической конгрегации «мехитаристов», развернувших позже деятельность в Риме, Милане, Вене и в других городах⁶.

Монашеская жизнь на острове зародилась в IX столетии. Тогда там поселились бенедиктинцы, впоследствии покинувшие это место. Затем на Сан-Ладзаро были последовательно лепрозорий (XII в.), жилище бедняков (XVI в.) и пристанище изгнанных с Крита доминиканцев (XVII в.).

Около 1740 г. после долгой реставрации уже существовавшей церкви и восстановления комплекса зданий бывшей обители отцы-мехитаристы приступили, наконец, к учёным занятиям, впоследствии прославившим этот орден. Следуя заветам своего основателя, монахи проводили работу по открытию, изучению, переводу и публикации древних армянских манускриптов, а также классических христианских памятников. Мехитаристы устроили собственную типографию, в которой печатались книги на 36 языках. Монастырская

⁵ *Cerakian C.* La famiglia Abroian (на арм. языке) // *Pazmaveb* 1953. Gennaio-marzo. P. 5–19.

⁶ *Zekyan B. L.* Il monachesimo mechtarista a San Lazzaro e la rinascita armena del Settecento // *La chiesa di Venezia nel Settecento: contributi alla storia della Chiesa di Venezia* / Под ред. Bertoli B. Venezia, 1993. P. 221–248.

библиотека насчитывает 170 000 томов, из которых 4 500 манускрипты⁷.

Территория острова дважды искусственно расширялась. Сейчас его площадь равняется 30 000 кв. метров.

Обитель стала местом паломничества многих известных людей. Например, в 1816 г. здесь изучал армянский язык лорд Байрон. Из наших соотечественников сюда приезжал И. К. Айвазовский, брат которого был в числе монахов монастыря Святого Лазаря. В местном церковно-археологическом кабинете находятся несколько полотен мариниста, в том числе знаменитый «Хаос»⁸.

Вернёмся к нашей грамоте. Её содержание было известно по черновику, с которого была сделана публикация С. Н. Глинки в своде под названием: «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа» (Москва, 1833, второе издание: Москва, 2011), перепечатанная в сборнике «Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века» (Ереван, 1964).

Ранее публиковавшийся текст имеет отличия от подлинника. В нём русифицированы окончания существительных («губернаторам», «комендантам», а не «губернатором», «комендантом», как в оригинале), тогда как в прилагательных, наоборот, употребляются славянские окончания («воинского», «гражданского», а не «воинского», «гражданского», как в подлиннике). Прописные буквы, наличествующие у Глинки, вносятся почти всегда произвольно, согласно правилам русской орфографии, как и знаки препинания, в первую очередь запятые.

В сравнении с текстом 1833 г., существенных смысловых отличий от подлинника нет. Имеется, однако, ряд разночтений, причём все они по смыслу «в пользу» подлинника. Так, например, вместо «Объявляем сим *в силе* кому о тому ведати надлежит» у Глинки в оригинале имеем: «Объявляем сим *всем* кому о тому ведати надлежит», что, конечно, совершенно логично. Далее вместо: «на сие ево прошение склонность *всему составить* восхотели» в оригинале читаем: «на сие ево прошение склонность *свою всемилостиво явить* восхотели»; вместо: «и в *чужественное* Государства и товары свои возить» в подлиннике значится: «и в *чужестранные* Государства и товары свои возить»; вместо: «товары свои возить и не отпускать

⁷ Zekiyan B. L. Mechitar e mechitaristi // Roma-Armenia, Catalogo della mostra, Salone Sistino, Biblioteca Apostolica Vaticana, 25 marzo–16 luglio 1999 / Claude Mutafian. P. 122–125.

⁸ Hermet A., *Cogni Ratti di Desio P.* La Venezia degli Armeni, sedici secoli tra storia e leggenda, Milano: Gruppo Ugo Mursia Editore s.p.a., 1993; *Vigo G.* I tesori di San Lazzaro degli Armeni, Milano: Silvana Editoriale, 2011.

водою и сухим путем с платежем» стоит как раз: «товары свои возить и отпускать водою и сухим путем с платежем»; вместо «*дефеликому* из них или из прикащиков их случитца и без сей нашей грамоты для того купечества в Государства Наши приехать, *тож вольно*, и того во свидетельство будет» в подлиннике: «*А ежели кому* из них или из прикащиков их случитца и без сей нашей грамоты для того купечества в Государства Наши, приехать, *то довольно* и того во свидетельство будет»; наконец, вместо «*Царствования* Нашего 35 года» у Глинки в оригинале имеем: «*Государствования* Нашего 35 года».

Как видно, почти во всех без исключения случаях в черновике имеются отличия от подлинника. В настоящей публикации орфография оригинала в целом сохранена, но употребляются прописные буквы в географических названиях, наименованиях учреждений и имён собственных там, где этого нет в подлиннике. «Ъ» в конце слов опущены, «Ѣ» и «І» заменены на «е» и «и».

Грамота Петра I Питеру Абро

Божию милостию мы ПЕТР ПЕРВЫЙ, царь и самодержец всероссийский и протчая, и протчая, и протчая.

Объявляем сим всем кому о том ведати надлежит, особливо же Правительствующему нашему Сенату, губернатором, вице-губернатором, комендантом, лантратом и всякого чина, воинского и гражданского управителем и в городах инспектором, бурмистром и таможенным служителем, понеже в бытность Нашу в Галандии армянин Питер Абро, всепокорнейше Нам чрез мемориал свой доносил, что он и два брата ево Абрам и Стефан Абро, пребывающия в Смирне великие торги имеют в Ындии, Персиде, в Турецкой земле и в здешних Европейских Государствах, которой торг их состоит, большая часть в шелку и других Персицких и Остиндских товарах и притом во всепокорности представлял Нам, что он и его помянутыя братья намерены для того своего торгового промыслу чрез Наши Государства и земли в Персиду ездить и оттуда тамошния тавары в сие край вывозить и оными торговать чрез города Наши Астрахань, Ярославль, город Архангельской, Москву и резиденцию Нашу Санкт-Петербург. Також и в Государствах наших всякими теми товарами торговать же с платежем достойной пошлины; но чтоб токмо повелели мы с оных товаров их, которые они сами и их прикащики как в Персиду так и ис Персиды в Наши Государства, чрез которые нибудь Наши города и пристани, которым путем они заблагоразсудят, вывозить и либо оные в нашем Государстве продавать, или токмо чрез оное в здешние края провозить похотят, со оных пошлину имать во всем против того, как природныя Персицкия подданныя жулфинцы платят, на что он от нас привилегии и

соизволения всепокорнейше просил; того ради, мы для умножения в Государствах и землях наших комерции, не токмо на сие ево прошение склонность свою всемилостиво явить восхотели, но и сию ему жалованную Грамоту Нашу и привилегию дать соизволили, повелевая вышепомянутым Правительствующему Нашему Сенату, губернатором, вице-губернатором, комендантом, лантратом, и всякаго чина воинского и гражданского управителем, а в городах инспектором, бургомистром и таможенным служителем, помянутых Петера, Абрама и Стефана Абро, когда они с сею Нашею Грамотою для торгового промыслу в Государства Наши путь имеют будут или от себя прикащиков с товары своими пошлют, оных везде свободно и без задержания сухим путем и водою, каким путем и на которые города оныя ехать похотят, со всеми их людьми и вещми, пропускать, не чиня им никакого озлобления и препятя, но паче по требованию их чинить оным всякое вспоможение; о товарах же их, которые при них обретаются или с прикащиками их посланы будут таможенным инспекторам и бургомистром и прочим служителем, таким образом во всех чинить и пошлину, також и провозные денги в указных местех в нашу казну с них брать, во всем против того как с Персидских подданных армян жулфинцев по учиненному с ними договору берется, а сверх того ничего от них самих и от прикащиков их вымогать и им никаких налог и озлобления чинить никто из подданных наших под опасением нашего гнева и жестокого штрафа отнюдь да не дерзает. Також Мы Великий Государь, наше Царское Величество всемилостиво соизволяем как оным самим, так и их прикащиком в нашей резиденции в Санктпетербурке и в прочих вышеозначенных городех свободное пребывание иметь и торговать всякими незаказанными товары и отъезжать для торгу в другие наши городы и в чужестранные Государства и товары свои возить и отпускать водою и сухим путем с платежем как выше упомянуто надлежащей пошлины, во всем против тех же Персидских подданных Армян; и сверх того повелеваем Мы, дабы ему Питеру Абро и братьям его и прикащиком чинено было во всем и вящее перед другими охранение и вспоможение, дабы на то смотря и другие их братья Армяны и других народов купецкие люди заохочены были то купечество чрез наши земли в Персиду отправлять. Чего ради и во утвержение сие Нашею собственною рукою подписали и Государственною Нашею печатью утвердить повелели и сию Нашу грамоту в городех и где пошлинной обыкновенной збор чинится, списывая в книгу отдавать им или прикащиком их по прежнему, а ежели кому из них или из прикащиков их случитца и без сей нашей грамоты для того купечества в Государства Наши приехать, то довольно и того во свидетельство будет, когда список с сей нашей грамоты за подписью его Питера Абро и печатью объявят, по которому чинить во всем тож якобы и сия Наша подлинная Грамота объявлена была. Дан в Амстердаме, Генваря 28 дня 1717-го, государственования Нашего 35 года.

Список сокращений

АВПРИ	— Архив внешней политики Российской империи
БАН	— Библиотека Академии наук
ВИМАИВиВС	— Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
ГМЗ «Петергоф»	— Государственный музей-заповедник «Петергоф»
ГРМ	— Государственный Русский музей
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
МАРХИ	— Московский архитектурный институт (государственная академия)
МАЭ РАН	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИРФ	— Материалы для истории русского флота
НИОР БАН	— Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук
ПиБ	— Письма и бумаги императора Петра Великого
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание 1-е
РГА ВМФ	— Российский государственный архив Военно-морского флота, Санкт-Петербург
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГИА	— Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд
РФФИ	— Российский фонд фундаментальных исследований
Сб. РИО	— Сборник Русского исторического общества
СПбГАСУ	— Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

- СПБИН РАН — Санкт-Петербургский институт истории РАН
- СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива
Российской академии наук
- ФБОН — Фундаментальная библиотека
общественных наук
- ЦГА ВМФ — Центральный государственный архив
Военно-морского флота,
ныне РГА ВМФ, Санкт-Петербург

Указатель имён¹

- Abel Boyer* (1667?–1729), француско-английский журналист и писатель — 102
- Aiton Eric J.* (1920–1991), английский историк — 282
- Alfter Dieter* (р. 1949), немецкий историк искусства — 60–65
- Alvensleben Udo, von* (1897–1962), немецкий историк искусства — 61
- Androsow S. — см. Андросов Сергей Олегович
- Antognazza Maria Rosa* (р. 1964), историк — 282, 285
- Appel Reinhard* (1927–2011), немецкий историк и журналист — 65
- August II — см. Август II
- Augusts des Starken — см. Август II
- Bacmeister Hartwig Ludwig* — см. *Бакмейстер Гартвиг Людвиг Христиан*
- Bahlcke Joachim* (*Bahlckeg*; р. 1963), немецкий историк — 65
- Ballschmieter Hans-Joachim* (1928–2010), немецкий историк — 61
- Banks John* (1709–1751), английский писатель — 103
- Barécz Sadok (1814–1892), польский историк — 154
- Baron Samuel H.* (р. 1921), американский историк — 85–87
- Bassewitz Henning Friedrich, von* — см. Бассевич Хеннинг Фридрих, фон
- Beckmann Inke, немецкий искусствовед*, исследовательница голландской живописи — 274
- Bélidor Bernard Forest, de — см. Белидор Бернар Форест, де
- Benacchio R.* — см. *Бенаккьо Р.*
- Benezit Emmanuel* (1854–1920), французский галерист, коллекционер, искусствовед — 247
- Benz Ernst* (1907–1978), немецкий историк и теолог — 61
- Berckenhagen Ekhart* (1923–2001), немецкий искусствовед — 61
- Berger Günter* (р. 1946), немецкий историк — 60
- Bernd Adam Bern*, современный немецкий историк — 61
- Bernstorff Andreas Gottlieb, von — см. Бернсторф Андреас Готтлиб, фон
- Bernstorff Hartwig, von*, граф, современный немецкий историк — 61
- Bertoli Bruno*, каноник базилики св. Марка в Венеции — 404
- Bessler Johann Ernst Elias* (1681(80?)–1745), псевд. Орффуго, немецкий изобретатель, механик — 58
- Bittner Konrad* (1890–1967), немецкий историк — 61
- Black Jeremy — см. Блэк Джереми
- Blaeu Joan* (1596–1673), голландский картограф — 196
- Bloch Marc* (1886–1944), французский историк — 45
- Blome Astrid* (р. 1965), немецкий историк — 61, 135
- Bodemann Eduard* (1827–1906), немецкий педагог, историк, издатель — 178, 180

¹ Курсивом выделены авторы публикаций, чьи имена встречаются только в ссылках. Жирным шрифтом выделены номера страниц авторов данного сборника

- Börsch-Supan Helmut* (р. 1933), немецкий искусствовед — 61
- Brather Hans-Stephan* (1928–2017), немецкий историк и философ — 61
- Braubach Max* (1899–1975), немецкий историк — 135
- Braun Frank* (р. 1959), немецкий историк и архитектор — 62
- Brian Éric* (р. 1958), французский историк — 303
- Brinckmann Justus* (1843–1915), первый директор музея искусств и ремесел в Гамбурге — 254
- Brown Lloyd A.* (1907–1966), американский картограф, историк — 292
- Brückner Alexander* — см. Брикнер Александр Густавович
- Brusniak Friedhelm* (р. 1952), немецкий музыкант — 64
- Buberl Brigitte* (р. 1954), немецкий искусствовед — 281
- Bushkovitch Paul* — см. Бушкович Пол
- Buvat Jean* — см. Бюва Жан
- Buxbaum Johann Christian* — см. Буксбаум Иоганн Христиан
- Cardinal Pierre*, археолог — 267
- Carmon Jakob* (1677–1743), немецкий юрист, писатель, профессор — 59
- Castaldo André* (р. 1941), французский историк — 304
- Cerakian C.* — 404
- Champion Philippe*, французский независимый исследователь — 32
- Chance James Frederick* — см. Ченс Джеймс Фредерик
- Cogni Ratti di Desio Paola*, специалист по армянам в Венеции — 405
- Connor Bernard* — см. О'Коннор Бернард
- Czolowski Aleksandr* — см. Чокловский Александр Сас
- Daviler Augustin-Charles* — см. Авиле Огюстен-Шарль д'
- Dawson Nelson-Martin*, историк — 292
- Delisle de la Croyère Luis* — см. Делиль де ла Кройер Луи
- Delisle Guillaume* — см. Делиль Гийом
- Delisle Joseph-Nicolas* — см. Делиль Жозеф-Николя
- Demeulenaere-Douyère Christiane* — см. Демеленэр-Дуйер Кристиан
- Demouy Patrick* — см. Демуи Патрик
- Dhondt Frederic* (р. 1984), бельгийский историк — 96
- Dolgova Svetlana* — см. Долгова Светлана Романовна
- Donnert Erich* (1928(29?)–2016), немецкий историк — 62–63
- Dörries Heinrich* (1912–????), немецкий историк — 61–62
- Drauschke Hansjörg*, современный немецкий историк музыки — 62
- Droysen Johann Gustav* (1808–1884), немецкий историк — 62
- Dückershoff Michael*, немецкий искусствовед — 281
- Dunn Richard*, английский историк науки — 296
- Dybaś Bogusław* (р. 1958), польский историк — 65
- Engel Hermann* (1936(35?)–2012) немецкий историк — 62
- Erkelens Anna Maria* (1915–1984), нидерландский историк — 252
- Fassmann David* (1685(83?)–1744), немецкий писатель и историк — 59
- Fatica Michele*, итальянский историк — 294
- Feldman Józef* — см. Фельдман Джозеф
- Florovskij A. V.* — см. Флоровский Антоний Васильевич
- Follner Michaela*, современный австрийский архивист — 61
- Fontenelle B. Le B.* — см. Фонтенель Бернар Ле Бовья, де
- Frederic IV* — см. Фредерик IV
- Friedländer Erwin* (кон. XIX — пер. пол. XX в.), немецкий историк — 58
- Friedländer Julius* (1813–1884), немецкий нумизмат — 62
- Friedrich Wilhelm I* — см. Фридрих Вильгельм I
- From Peter* (р. 1964), шведский историк — 62

- Fuhrmann Rolf* (р. 1954), немецкий историк — 62
- Fundaminskij Michail I.* — см. *Фундаминский Михаил Исаакович*
- Gale George* (р. 1943), историк — 281
- Gebarowicz Mieczysław Jan* (1893–1984), польский искусствовед — 156
- Gfrormer Sabine*, современный австрийский архивист — 61
- Gillispie Charles Coulston* (1918–2015), французский историк — 282
- Gilpin Robert* — см. Гилпин Роберт
- Givelet Charles* (втор. пол. XIX в.), французский историк — 46
- Goldstein Darra* (р. 1951), американский историк — 272
- Gordin Michael D.* (р. 1974), историк — 281
- Gouzévitch D.* — см. Гузевич Дмитрий Юрьевич
- Gouzévitch I.* — см. Гузевич Ирина Давидовна
- Graff W. P.* (втор. пол. XIX — пер. пол. XX в.), немецкий историк — 62
- Graham John Murray* (1809–1881), шотландский историк — 107
- Guerrier Wilhelm* — 165, 170, 179
- Gyllenborg Carl* — см. Гюлленборг Карл
- Haberland Detlef* (р. 1953), немецкий историк — 65
- Hacker Claudia*, современный немецкий историк — 62
- Hahn Matthias* — 172
- Hahne Otto* — 172
- Haintz Otto* (XX в.), немецкий историк — 62
- Hamilton Hazlehurst Franklin* (р. 1925), американский исследователь — 224–225
- Hartman K. J.* (1861–1936), шведский историк — 62
- Haussonville Gabriel Paul, de* (1843–1924), французский политик, литератор и историк — 35
- Heinecke Berthold* (р. 1956), немецкий историк — 65
- Henkel Matthias* (р. 1962), немецкий историк культуры и фольклорист — 254
- Hennings Jan* (р. 1979), английский историк — 105
- Hermet Aleramo*, специалист по армянам в Венеции — 405
- Herwig Georg*, современный немецкий историк — 61
- Higgitt Rebekah*, английский историк науки — 296
- Hinrichs Carl* (1900–1962), немецкий историк — 62
- Hoffman Joseph Ehrenfried* (1900–1972), английский историк математики — 283
- Hoffmann Peter* (р. 1924), немецкий историк — 63
- Holm Edvard* (1833–1915), датский историк — 63
- Hüseler K.*, немецкий историк — 254
- Huylebrouck Dirk*, бельгийский историк математики — 286
- Hüysen Heinrich Freiherr, von* — см. Гюйссен Генрих, фон
- Imhof Andreas Lazarus, von* (1656–1704), немецкий историк — 59, 173
- Jablonski Daniel Ernst* (1660–1741), протестантский теолог из Данцига — 65
- Jadart Henri* (1847–1921), французский историк — 43
- Jägerskiöld Stig Axel Fridolf* (1911–1997), шведский историк и дипломат — 63
- Karl Leopold* — см. Карл Леопольд Мекленбург-Шверинский
- Karl XII* — см. Карл XII
- Kästner Ingrid*, современный немецкий историк — 65
- Katharina Iwanowna* — см. Екатерина Иоанновна
- Kempe Michael* (р. 1966), немецкий историк и философ — 66, 281
- Kemper Thomas*, современный немецкий историк — 63

- Kirch Christfried* (1694–1740), немецкий астроном — 59
- Klonowski Martin*, современный немецкий историк — 63
- Kloosterhuis Jürgen* (р. 1950), немецкий архивист — 64
- Knobloch Eberhard* (р. 1943), немецкий историк науки — 281
- Kobuch Agatha* (1933–2018), немецкий историк — 63
- Koehne Bernhard, von* (1817–1886), немецкий нумизмат — 63
- Kolb Annette* (1870–1967), немецкий историк и писательница — 60
- Kopelow Lew* — см. *Копелев Лев Зиновьевич*
- Korn Karl-Heinz* (1923–1993), немецкий историк — 66
- Korzun Svetlana*, современный российский и немецкий историк — 63
- Krause Friedhilde* (1928–2014), немецкий историк — 63
- Krause Konrad* (р. 1931), немецкий историк — 63
- Kreiling Frederick C.* (1923–2004), американский историк — 282
- Kroll Stefan*, современный немецкий историк — 62
- Kuhnert Reinhold P.*, современный немецкий историк — 63
- La Mare Nicolas De* — см. *Деламар Николая*
- Lacatte-Joltrou Jean-François* (1776–1859), французский историк, мемуарист — 48
- Landry-Deron Isabelle*, французская исследовательница, синолог — 296
- Lauterbach Oliver* (р. 1971), немецкий историк и философ — 61
- Lawrentjew Alexander W.* (*Лаврентьев Александр Владимирович*), современный российский историк — 63
- Leibniz Gottfried Wilhelm* — *Лейбниц Готфрид Вильгельм*
- Lemps Michel, de* (втор. пол. XX в.), французский историк — 48
- Lentz Samuel* (1686–1776), немецкий историк — 59
- Leopold I. von Anhalt-Dessau* — см. *Леопольд I Анхальт-Дессаусский, принц*
- Levron Jacques* — см. *Леверон Жак*
- Loren R. Graham* (р. 1933), американский историк науки — 302
- Lorimer Jamie* — см. *Лоример Джейми*
- Losier Caterine*, канадский археолог — 265–267
- Louis XV* — см. *Людовик XV*
- Luber Susanne* (р. 1951), немецкий историк — 64–65
- Lücke Heinrich*, современный немецкий историк — 64
- Lumiste M.* — см. *Лумисте Май*
- Malgouyres Philippe* — см. *Мальгуиер Филипп*
- Manteuffel Ernst Christoph, von* — см. *Мантейфель Эрнест Христоф, фон Марштупа Геннадий (Марштупа Геннадий Стефанович)*, современный российский историк — 63
- Martens Friedrich Fromhold* — см. *Мартенс Фёдор Фёдорович*
- Marx Hans Joachim* (р. 1935), немецкий музыковед — 59, 64
- Massie Robert Kinloch* (р. 1929), американский историк — 136
- Mattheson Johann* (1681–1764), немецкий композитор и теоретик музыки — 59, 64
- Mediger Walther* (1915–2007), немецкий историк — 64, 82
- Meding Conrad, von* (р. 1968), немецкий журналист — 64
- Medinger Walther* (1915–2007), немецкий историк — 82
- Medvedkova Olga* — см. *Медведкова Ольга Анатольевна*
- Messerschmidt Daniel Gottlieb* — см. *Мессершмидт Даниэль Готлиб*
- Mézin Anne* — см. *Мезен Анн*
- Mezin Sergej* — см. *Мезин Сергей Алексеевич*
- Mincer Wieslaw*, польский историк и библиограф — 281
- Mühlpfordt Günter* (1921–2017), немецкий историк — 62

- Müller Steven*, австрийский историк — 135
- Mulsow Martin* (р. 1959), немецкий историк — 64
- Münch Ernst* (р. 1952), немецкий историк — 62
- Münchhausen auf Schwäbber Otto, Freiherr, von* (1716–1774), ботаник и учёный агроном — 66
- Murray John J.* (1898–1975), шотландский историк и богослов — 64, 102
- Nedeczky Gáspár* (*Недецки Гашпар*; 1822–1893), венгерский католический священник, писатель — 123
- Nickler Pierre* (кон. XX в.), французский историк — 214–215
- Niese Kathrin* — см. *Huze Камрин*
- Nilzén Göran* (р. 1941), шведский историк — 64
- Ognjanović Zoran D.* (р. 1964), сербский историк математики — 286
- Osiński Marian* (1881–1974), польский архитектор — 154
- Paton Rev. Henry* (1881–1942), британский историк — 102
- Pausch Johannes*, современный немецкий музыкант, дирижёр и музыковед — 64
- Pesne Antoine* — см. Пэн Антуан
- Peter der Große* — см. Пётр I
- Peter I* — см. Пётр I
- Peterson Claes* (р. 1948), шведский историк — 64
- Petschauer Peter* (р. 1939), американский историк — 281
- Petto Christine Marie*, американский историк — 292
- Piel Gisela*, современный немецкий историк — 65
- Piganiol de La Force Jean-Aumar* — см. *Пиганьоль де Ла Форс Жан Аумар*
- Pirling P.* — см. Пирлинг Павел
- Plouvier-Vivien Martine* (р. 1956), французский историк — 307
- Pluche Antoine* — см. Плюш Антуан
- Polwarth Alexander* — см. Полуорт Александр
- Popp Karl* (р. 1942), немецкий историк — 282–283
- Price Jacob Myron* (1925–2015), американский историк — 81
- Raab Harald* (1921–1969), немецкий историк — 65
- Radović Ljiljana M.*, сербский историк математики — 286
- Rékécszi Ferenc* — см. Ференц II Ракоци
- Rambaud Alfred Nicolas* — см. Рамбо Альфред Никола
- Reinhold Beate*, современный немецкий историк — 61
- Reuther Hans* (1920–1989), немецкий историк искусства — 61
- Richter Liselotte* (1906–1968), немецкий философ — 171–172, 179
- Riesebietler Otto* (нач. XX в.), немецкий искусствовед — 254
- Ripa Matteo* — см. Рипа Маттео
- Rjéoutski Vladislav* — см. *Ржеуцкий Владислав Станиславович*
- Robinet André* (1922–2016), французский историк и философ — 283
- Robson Eleanor* (р. 1969), британский историк науки — 281
- Roll Christine* (р. 1960), немецкий историк — 65
- Rudolph Hartmut* (р. 1941), немецкий историк — 65
- Safarik Eduard A.* (1928–2015), итальянский историк — 177
- Schippan Michael* — см. Шиппан Михаэль
- Schmiedecke Adolf* (сер. XX в.), немецкий историк — 66
- Schmoller Gustav, von* (1838–1917), немецкий историк, экономист — 84
- Schnakenbourg Éric* — см. Шнакенбург Эрик
- Scholz Birgit*, современный немецкий историк — 66
- Schröder Dorothea* (р. 1957), музыковед — 64, 66
- Schtscherbatow Michel* — см. *Щербатов Михаил Михайлович*
- Schulze Ludmilla* — 281

- Schulze Walter* (пер. треть XX в.), немецкий историк — 66
- Schulze Wessel Martin* (р. 1962), немецкий историк — 66
- Seedorf Wilhelm* (1881–1984), немецкий историк, экономист — 66
- Seidel Paul* (1858–1929), немецкий историк и искусствовед — 66
- Seydewitz Thea, von* (XX в.), немецкий историк — 66
- Šimkutė Indrė*, литовский историк — 266
- Simon Renée*, французский историк, иезуит — 298
- Skworoda Paweł*, польский историк, автор научно-популярных книг по теме войн Речи Посполитой и Швеции — 162
- Souchon Cécile* (р. 1948), французский историк архитектуры — 307
- Sprung Rainer* (1936–2008), немецкий историк — 66
- Stahl Siegfried*, немецкий историк — 254, 260
- Stedall Jacqueline* (1950–2014), британский историк науки — 281
- Stein Erwin* (р. 1931), немецкий историк и инженер — 282–283
- Stevens George R. Jr.*, немецкий историк — 281
- Stieber Georg Friedrich* — см. Штибер Фридрих
- Stuber Regina*, немецкий филолог — 66, 281
- Stuhr Friedrich* (втор. пол. XIX — перв. пол. XX в.), немецкий юрист и историк — 66
- Stupperich Robert* (1904–2003), немецкий историк церкви и теолог — 66
- Sturdy David John* (1940–2009), французский историк — 303
- Sturm Leonhard Christoph* (1669–1719), немецкий математик, архитектор, инженер, профессор — 60
- Szefjel Mark* — см. *Шефтер Марк Юрьевич*
- Techen Friedrich* (1859–1936), немецкий историк — 67
- Thiergen Peter* (р. 1939), немецкий историк — 66
- Thomas Johann Friedrich* (не позже 1680-х — после 1717), теолог, проректор гимназии в Гюстрове (Güstrow) — 60
- Timbal Pierre-Clément* (втор. пол. XX в.), французский историк — 304
- Tobarius Georgius* (1685–1770), немецкий теолог, писатель — 60
- Toepffinger B.* (нач. XVIII в.), брауншвейгский советник — 172
- Tretrop Gudrun*, современный немецкий историк — 63
- Tute Hans-Joachim*, современный немецкий историк — 67
- Tuxen August Peder* (1853–1929), датский военный историк — 67
- Tyulenev Sergey* (р. 1968), историк — 308
- Udías Agustín* (р. 1955), географ — 297
- Ullgren Peter* (р. 1967), шведский историк — 67
- Ustrialov N. G. — см. Устрялов Николай Герасимович
- Váradi-Sternberg János* — см. *Штернберг Яков Исаакович*
- Verdier Thierry* (р. 1960), французский историк искусства — 201
- Veyssière La Croze Mathurin (1661–1739), прусский востоковед — 64
- Vierus Dieter* (р. 1934), немецкий историк, инженер — 67
- Vigo Graziella*, итальянская журналистка, фотограф — 405
- Voisé Waldemar* (*Войзе Вальдемар*; 1920–1995), польский историк — 281, 285
- Voltaire — см. *Вольтер*
- Weber Friedrich Christian — см. Вебер Фридрих Христиан
- Weber-Kellermann Ingeborg* (1918–1993), немецкий историк — 60
- Wich Sir John (1671–1713), пэр — 64

- Wick Peter* (р. 1922), немецкий историк — 67
- Wilhelmine von Bayreuth* — см. Вильгельмина Фридерика София Бранденбург-Байрейтская
- Willigerod Johann Konrad Philipp* (1779–1848), эстляндский историк — 186
- Wills Rebecca* (*Уиллс Ребекка*), шотландский историк, специалист по истории русско-британских отношений — 102
- Wimmer Clemens Alexander* (р. 1959), немецкий садовод, литератор, художник — 223–224
- With-Seidelin Carl Ludvig* (1850–1924), датский историк — 67
- Wittram Reinhard* — см. Виттрам Райнхард
- Zekiyani Boghos Levon* (р. 1943), армяно-католический архиепископ с титулом архиепарха Константинополя — 404–405
- Август II Сильный (August II Mosny; 1670–1733), курфюрст Саксонии с 1694, король польский и великий князь литовский с 1697 г. — 20, 50, 54, 63, 66, 112–113, 121–122, 124, 127, 154, 156, 160, 166–167, 171, 175, 179
- Августин* (Никитин; р. 1946), архимандрит — 114–116
- Авиле Огюстен-Шарль, д' (Aviler Augustin-Charles d'; 1653–1701), французский архитектор и писатель — 197, 200–202, 209
- Авраамов (Абро) Челеби Авраам (Абрам) Матвеевич (нач. XVIII в.), купец — 403, 406–407
- Авраамов (Абро) Челеби Аслан (1848–1928) — 404
- Авраамов (Абро) Челеби Матвей (1621–1676) — 403
- Авраамов (Абро) Челеби Пётр (Питер) Матвеевич (нач. XVIII в.), купец — 403–404, 406–407
- Авраамов (Абро) Челеби Стефан Матвеевич (нач. XVIII в.), купец — 403, 406–407
- Аврам — см. Ганнибал Абрам Петрович
- Агеева Ольга Гениевна (р. 1956), историк — 26, **144**
- Аддисон (Addison Joseph; 1672–1719), британский политический деятель, публицист — 107
- Адрианус Питер (Adrianusz Pieter; пер. треть XVIII в.), изразцовый мастер — 252
- Айвазовский Иван Константинович (1817–1900), худ.-маринист, коллекционер, меценат — 405
- Акбулатов Борис Равильевич (р. 1949), график, художник — 314
- Акимов Юрий Германович (р. 1970), историк — 26, **90**
- Алабин Иван Прокофьевич (пер. пол. XVIII в.), гончарный мастер — 252–256, 261
- Александр I Павлович (1777–1825), российский император — 18, 77

- Александр VII (Fabio Chigi, в миру Фабио Киджи; 1599–1667), папа Римский с 1655 г. — 295
- Александр VIII (Alexander VIII; в миру Пьетро Вито Оттобони, Pietro Vito Ottoboni; 1610–1691), папа Римский с 1689 г. — 110
- Александра Фёдоровна (урожд. принцесса Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская, Friederike Luise Charlotte Wilhelmine von Preußen; 1698–1760), российская императрица, жена имп. Николая I — 78
- Александренко Василий Никифорович* (1861–1909), юрист, историк — 391
- Алексей Михайлович (1629–1676), царь — 390, 392–394, 399
- Алексей Петрович (1690–1718), царевич, сын Петра I — 16, 21, 41–42, 51, 75, 117, 132–134, 136–140, 142, 165–166, 168, 171, 173, 175, 179–180, 330, 339, 381, 385
- Альбинус Бернхард (Albinus Bernhard Friedrich; 1653–1721), немецкий врач — 72
- Альгаротти Франческо (Algarotti Francesco; 1712–1764), гр. с 1747, итальянский знаток в области искусства, автор книги о путешествии в Россию — 39
- Андреева Екатерина Александровна (р. 1975), историк 26, 31, **250**, 258
- Андреева Наталия Сергеевна (р. 1972), историк — 21, **181**–188
- Андросов Сергей Олегович (р. 1948), искусствовед — 112, 117, 389
- Анисимов Евгений Викторович (р. 1947), историк — **13**, 19, 161, 246–247
- Анна Иоанновна (Анна Ивановна; 1693–1740), герцогиня Курляндская, позже российская императрица, племянница Петра I — 21, 79, 205–206, 265
- Анна Павловна (1795–1865), вел. кн., дочь Павла I, королева Нидерландов и вел. герцогиня Люксембурга в 1840–1849 — 77
- Анна Петровна (1708–1728), герцогиня Голштинская, мать имп. Петра III — 73, 383
- Анна София Саксонская (Anna Sophie, von Dänemark und Norwegen; 1647–1717), курфюрстина Саксонии, мать польского короля Августа Сильного — 171
- Анна Стюарт (Anne Stuart; 1665–1714), королева Англии, Шотландии и Ирландии — 94
- Антен Луи Антуан де Пардаян де Гондрен, д' (Antin Louis Antoine de Pardailan de Gondrin, duc d'; 1665–1736), герцог д'Аnten, пэр Франции, директор резиденций французского короля — 31, 36–38, 198–199, 210, 230, 246, 350, 357–365
- Антон Ульрих Брауншвейг-Вольфенбюттельский (Anton Ulrich von Braunschweig-Wolfenbüttel; 1633–1714), герцог Брауншвейга-Вольфенбюттеля из дома Вельфов — 165, 168, 170–173, 175, 177–178, 180, 283
- Апраксин Фёдор Матвеевич (1661–1728), гр. с 1710, генерал-адмирал с 1708, брат царицы Марфы Матвеевны — 75, 183, 250–252, 264–265, 267, 270
- Арбо Аслан — см. Авраамов (Абро) Челеби Аслан
- Арбо Питер (Пётр) — см. Авраамов (Арбо) Челеби Пётр Матвеевич
- Арбо, армянская семья — 404
- Ардуэн-Мансар Жюль (Hardouin-Mansart Jules; 1646–1708), французский архитектор — 37, 199, 201, 209, 214, 358
- Арескин (Эрскин) Роберт Карлович (Роберт Чарльз, 1674–1718), шотландец, с 1704 в России, доктор медицины и философии, лейб-медик, архиастр — 30, 52, 72–73, 76, 102–103, 107, 289, 301, 313, 320, 325–327, 329–330, 346
- Аржанто, д' (пер. треть XVIII в.), граф, нидерландский кавалерийский офицер — 72

- Аристов Вадим Владимирович (р. 1959), историк, писатель, краевед — 21, **118, 120**
- Аркин Давид Ефимович (1899–1957), искусствовед, историк архитектуры — 205
- Арло, живописец — 347
- Артамонов Владимир Алексеевич (р. 1940), историк — 128, 131
- Архипов Николай Ильич (1887–1967), историк, искусствовед — 217–221, 233, 235, 238
- Аршембо Сильви (Archaimbault Sylvie; р. 1957), французский филолог — 31, **357**
- Аттире Жан-Дени (Attiret Jean Denis; 1702–1768), французский миссионер, иезуитский художник при дворе китайского императора — 227
- Баггер Ханс (Bagger Hans; 1942–2016), датский историк — 24, 34, 375, 379–380
- Базарова Татьяна Анатольевна (р. 1969), историк — 192, 259
- Байер Теофил (Готлиб) (Bayer Theophilus (Gottlieb) Siegfried; 1694–1738), немецкий историк, филолог — 298
- Байрон Джордж Гордон (Gordon Byron George; 1788–1824), английский поэт — 405
- Бакланова Наталья Аполлинарьевна (1891–?), историк — 133, 138
- Бакмейстер Гартвиг Людвиг Христиан (Логин Иванович; Bacmeister Hartwig Ludwig Christian; 1730–1806), инспектор академической гимназии в СПб., библиограф, переводчик — 58
- Бакон Иоганн Пауль (Иван-Павел, Bacon Johann Paul, он же Паульбакон Иван; 1681 – не ранее 1755), баварец, советник в Коммерц-коллегии — 57
- Балюз Жан Казимир, де (Baluze Jean Casimir; 1648–1718), французский дипломат польского происхождения, посланник Франции в России в 1702–1713 гг. — 118, 122, 125–130, 147
- Бантыш-Каменский Николай Николаевич (1737–1814), историк — 145–148
- Бассевич Хеннинг Фридрих, фон (Bassewitz Henning Friedrich, von; 1680–1749), граф, президент тайного совета герцога Шлезвиг-Гольштинского Карла-Фридриха, мемуарист — 58
- Баюк Дмитрий Александрович (р. 1960), историк — 29, **292**
- Беагль Филипп (пер. треть XVIII в.), французский шпалерный мастер — 338
- Беклемишев Пётр Иванович, торговый агент в Венеции с 1716 г. — 390, 392–394, 396, 400
- Белидор Бернар Форест, де (Beéidor Bernard Forest, de; 1698–1761), французский бригадный генерал, инж., и изобретатель — 202
- Белин Вильгельм (Гийом, Гильом, Bellin/Belin Guillaume; ум. не ранее 1725), французский слесарный мастер — 16
- Белюсов Александр Сергеевич (р. 1993), музейный деятель — 26, 31, **232**
- Беляев Степан (пер. треть XVIII в.), певчий дьяк, уставщик капеллы Петра I — 74
- Беляева Ирина Михайловна (р. 1956), библиограф — 322–323
- Бенаккьо Р., итальянский лингвист — 391
- Бенуа Александр Николаевич (1870–1960), художник, историк искусства — 226
- Бенц (Бентц) Брюно (Bentz Bruno; р. 1964), французский историк, археолог — 198, 357
- Беринг Витус Ионассен (Bering Vitus Jonassen, Иван Иванович; 1681–1741), датский мореплаватель, офицер русского флота — 52, 293, 315
- Бернсторф Андреас Готтлиб, фон (Bernstorff Andreas Gottlieb, von; 1649–1726), немецкий государственный деятель, канцлер Люнебурга, первый министр Браунш-

- вейг-Люнебурга, премьер-министр Ганноверского курфюрста Георга I с 1709 по 1714, руководитель немецкой канцелярии в Лондоне с 1714 по 1723 — 24, 61, 139
- Беррийская Мария Луиза Елизавета (de Berry, Marie Louise Elisabeth, duchesse de; 1695—1719), герцогиня, дочь французского регента Филиппа II Орлеанского — 105, 361, 371
- Берхгольц Фридрих Вильгельм (Берхгольц, Bergholtz Friedrich Wilhelm, von; 1699—1765), голштинский дворянин, автор дневника о пребывании в России — 242
- Берчени (Берчень) Миклош (Bercsényi Miklós; 1665—1725), гр., венгерский генерал-майор повстанческих сил под руководством Ференца II Ракоци — 120, 124, 126, 128, 130
- Бескровный Любомир Григорьевич* (1905—1980), военный историк — 133, 159
- Бесме Виктор (Besme Victor; 1834—1904), бельгийский архитектор — 78
- Беспрозванный Вадим Григорьевич* (р. 1958), филолог — 273
- Бестужева-Рюмина Анна Гавриловна (урожд. Головкина, в первом браке гр. Ягужинская; ум. 1751), гр., статс-дама Екатерины I — 378
- Бёттгер Йохан Фридрих (Böttger Johann Friedrich; 1682—1719), немецкий алхимик, изобретатель фарфора в Европе — 259
- Биярский Пётр Спиридонович (1819—1867), филолог, собиратель материалов для биографии Ломоносова — 321
- Биньон Жан-Поль (Bignon Jean-Paul; 1662—1743), аббат, член Французской академии и Академии надписей — 305, 307
- Бирон Эрнст Иоганн (Biron Ernst Johann, von; 1690—1772), фаворит имп. Анны Иоанновны, с 1737 герцог Курляндии и Семигалии — 397
- Битка (Поборский) Иван Хрисанфович (ум. 1720), придворный священник («батка»), партнёр Петра I по шахматам — 354
- Блондель Франсуа (Blondel François; 1618—1686), французский архитектор — 203
- Блудилина Наталья Даниловна* (1957—2017), филолог — 392
- Блэк Джереми (Black Jeremy; р. 1955), британский историк — 95, 97
- Блюментрост Иван Лаврентьевич (Blumentrost Johann; 1676—1756), аптекарь, лейб-медик Петра I — 289, 302, 308
- Блюментрост Лаврентий Лаврентьевич (Blumentrost Laurentius; 1692—1755), лейб-медик имп. Петра I — 30, 52, 313, 327, 330
- Бобылёв Владимир Сергеевич, историк — 91
- Богданов Андрей Иванович* (1692—1766), книговед, автор первого описания Санкт-Петербурга — 259
- Богословский Михаил Михайлович* (1867—1929), историк — 208, 397
- Боди Альбен (Body Albin; 1836—1916), нидерландский историк — 74, 78
- Бойл Роберт (Boyle Robert; 1627—1691), английский учёный-химик — 282
- Болотина Наталья Юрьевна (р. 1969), историк — 30, 317, 375
- Бонмазарий — см. Бонмазари
- Бонавери Карло Антонио (пер. треть XVIII в.), итальянский гончарный мастер — 253
- Бонжур Гийом (Bonjour Guillaume; 1670—1714), французский учёный, член католической миссии в Китае, августинец — 294
- Бонмазари (Бонмассари, Бонмазарий, Бонмассарий) Джованни Батиста (пер. треть XVIII в.), итальянец, агент русского правительства за границей — 138, 337, 339
- Боннак Жан-Луи д'Юссон де (Bonnac Jean-Louis d'Usson, marquis de; 1672—1738), маркиз, французский дипломат — 120

- Бонневаль (пер. треть XVIII в.), французский купец — 346
- Браунштейн Иоганн Фридрих (Braunstein Johann Friedrich; нач. XVIII в.), немецкий архитектор, с 1714 на русской службе — 217–218, 235–236
- Брешиньяк Катрин, постоянный секретарь Французской академии — 10
- Брикнер Александр Густавович (Brückner Alexander; 1834–1896)*, российский историк немецкого происхождения — 74–75, 124, 137
- Бриньи Пётр (Бриний, Дебрини, Дебриний, Дебриньи, Brigny Pierre, de; ум. 1742), воен. инж. французского происхождения, генерал-майор — 88
- Бронкгорет (пер. треть XVIII в.), лакового дела мастер на службе в России — 346
- Брунланд Яган (пер. пол. XVIII в.), торговец устрицами — 277
- Бруннер Иоганн Конрад (Brunner Johann Konrad; 1653–1727), швейцарский анатом и физиолог — 72
- Брюс Яков (Якоб) Вилимович (Брюс Джеймс Дэниэл, Bruce James Daniel; 1670–1735), гр. с 1721, государственный деятель, военный дипломат, инженер, учёный — 22, 56, 58, 75, 156, 171, 174, 340
- Буасо де ла Бародри Жак (сер. XVII в.), французский смотритель королевских садов — 223–224
- Буат (Боу) Шарль (пер. треть XVIII в.), мастер по финифти — 347
- Буве Иоахим, де (Bouvet Joachim; 1656–1730), французский иезуит — 294–295
- Буксбаум Иоганн Христиан (Vухbaum Johann Christian; 1693–1730), немецкий естествоиспытатель, с 1721 работал в России — 312–315
- Бунин Андрей Владимирович (1905–1977)*, архитектор, историк архитектуры — 192–193
- Бунин Михаил Самойлович (1899–1974)*, архитектор — 330
- Бурбоны, европейская королевская династия — 247
- Бургундский, герцог — см. Людовик Французский, герцог Бургундский
- Бурже Луи (Bourget Louis; 1678–1742), швейцарский естествоиспытатель — 52
- Бурсье Лоран-Франсуа (Boursier L.-F.; 1679–1749), французский теолог — 114–116, 327
- Бутковский Игнатий Яковлевич (?) (ок. 1831–1891)*, морской офицер — 32
- Бутурлин Иван Иванович (1661–1738), генерал-лейтенант — 354, 381
- Бухерт Владимир Генрихович*, историк, архивист — 342
- Бушкович Пол (р. 1948), американский историк — 41–42, 134
- Бычков Афанасий Фёдорович (1818–1899), историк, археограф, библиограф — 197
- Бюва Жан (Buvat Jean; 1660–1729), французский журналист — 33
- Бюиссон (пер. треть XVIII в.), генерал-провиантмейстер галерный, двоюродный брат Ф. Я. Лефорта — 335–336
- Бюлле Пьер (Bullet Pierre; 1639–1716), французский архитектор — 203
- Ваганова Агриппина Яковлевна (1879–1951)**, артистка балета, балетмейстер, педагог — 16
- Вагеманс Эммануэль (Waegemans Emmanuel; р. 1951), бельгийский историк — 25–26, 74–76, 135, 142, 375, 382, 384–386, 403
- Валлен-Деламот Жан-Батист-Мишель (Vallin de la Mothe Jean-Baptiste; 1729–1800), французский архитектор — 16–17
- Валлис Джон (Wallis John; 1616–1703), английский математик — 282
- Вальдемар II (Valdemar II; 1170–1241), король Дании, праправнук Владимира Мономаха — 186
- Вальер Сильвестро (Valiero Silvestro; 1630–1700), 109-й дож Венеции — 389
- Вариньон Пьер (Varignon Pierre; 1654–1722), французский математик и механик — 40

- Вебер Фридрих Христиан (Weber Friedrich Christian; не позже 1690-х–1739?), ганноверский резидент при русском дворе — 63, 99, 116
- Вейгель Эрхард (Weigel Erhard; 1625–1699), немецкий математик, физик, астроном, философ
- Вейде Адам Адамович (Weide Adam; 1667–1720), генерал-майор — 56, 137
- Велувенкамп Ян Виллем* (р. 1951), нидерландский исследователь — 89
- Вельфы (Welfen), одна из старейших европейских династий франкского происхождения — 165
- Вербиист Фердинанд (Verbiest Ferdinand; 1623–1688), фламандский астроном — 295
- Верден Карл (Клаус), фон (Верден Карл Петрович; ум. 1731), офицер русского флота, выходец из Голландии — 302
- Веселовский Авраам Павлович (1685–1783), дипломат, переводчик, родственник и протеже П. П. Шафирова — 138–142
- Веселовский Фёдор Павлович (ок. 1690–после 1762), дипломат петровского времени — 103
- Виант Йоханн (пер. пол. XVI в.), член городского самоуправления г. Ревеля — 185
- Вивьен Жозеф (Vivien Joseph; 1657–1734), французский живописец-портретист — 209
- Вигуру (пер. треть XVIII в.), барон, полковник — 347
- Викторов Алексей Егорович (1827–1883), археолог, библиограф — 343, 355
- Викфорт Авраам (1606–1682), голландский дипломат, автор исторических воспоминаний — 149
- Виллем II (Вильгельм II; 1792–1849), король Нидерландов и вел. герцог Люксембурга в 1840–1849 гг. — 77–78
- Вильбоа Елизавета Ивановна (урожд. Глюк; ум. 1757), статс-дама двора, дочь пастора — 378
- Вильгельм (Виллем), принц Оранский — см. Виллем II
- Вильгельм III (William III; 1650–1702), принц Оранский, король Англии с 1689 — 373
- Вильгельмина Фридерика София Бранденбург-Байрейтская (Wilhelmine Friederike Sophie, von Bayreuth; 1709–1758), принцесса, маркграфиня, мемуаристка, старшая дочь прусского короля Фридриха Вильгельма I — 57, 60
- Вильнев (нач. XVIII в.), французский скульптор — 152
- Виппер Борис Робертович (1888–1967), историк искусства, педагог, музейный деятель — 207
- Висделу Клод, де (Vissdelou Claude, de; 1656–1737), французский иезуит — 295
- Витворт Чарльз (Whitworth Charles; 1675–1725), барон, английский дипломат, автор мемуаров — 157, 159–163
- Виттрам Райнхард (Wittram Reinhard; 1902–1973), немецкий историк — 35, 67, 91, 135–137, 143
- Витцтум фон Экстедт Фридрих I (Vitzthum von Eckstädt Friedrich; 1675–1726), гр., доверенное лицо Августа II Сильного — 168, 171, 177–179
- Вишневский Сергей Александрович* (1896–1981), врач, основатель физиотерапевтической службы в Карелии — 79
- Владиславич-Рагузинский Савва Лукич (1669–1738), гр., дипломат, торговый агент — 34, 116, 376, 379
- Вобан Себастьян Ле Претр, де (Vauban Sébastien Le Prestre, de; 1633–1707), маркиз, воен. инж., маршал Франции, писатель — 203
- Водрёй Филипп де Риго, де (Vaudreuil Philippe de Rigaud, de; 1643–1725), французский политический деятель — 267
- Волков Алексей Яковлевич (пер. треть XVIII в.), кабинет-секретарь

- А. Д. Меншикова, впоследствии обер-секретарь Военной коллегии — 348
- Волков Григорий Иванович (ум. после 1713), секретарь посольского Приказа — 129, 145–152
- Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ, Voltaire; 1694–1778), французский философ-просветитель, поэт, историк — 17, 33, 361
- Вольф Николай Борисович, фон* (1866–1940), управляющий императорскими заводами в Санкт-Петербурге — 253, 260
- Вольф Христиан, фон (Wolff Christian, von; 1679–1754), немецкий учёный-энциклопедист, философ, юрист, математик — 52, 289
- Вольфрам Готфрид (Wolfram Gottfried; не позже нач. 1660-х–1716), датский мастер по обработке янтаря, токарь — 55
- Вортман Христиан Альбрехт (Wortmann Christian Albrecht; 1680–1760/61), немецкий гравёр — 166–167
- Воскресенский Николай Алексеевич* (1889–1948), историк — 332
- Воуде Сим, ван дер* (р. 1953), нидерландский архивист — 89
- Вуэ Симон (Vouet Simon; 1590–1649), французский живописец — 224
- Габеданк (пер. пол. XVIII в.), торговка устрицами — 277
- Габсбурги (Habsburger), монаршая династия в Европе — 94, 96, 120–121, 125–126, 129, 132, 136
- Гагарин Матвей Петрович (ок. 1659–1721), кн., государственный деятель — 326
- Галилей Галилео (Galilei Galileo; 1564–1642), итальянский физик, механик, астроном — 282, 296
- Гамель Иосиф Христианович* (1788–1862), химик-технолог, медик — 278
- Ганнибал Абрам Петрович (1696–1781), воен. инж. — 328, 346, 351
- Гвын (Гвин) Степан (Gwyn S.; ок. 1680–1720), преподаватель в Навигацкой школе — 22
- Ге Николай Николаевич (1831–1894), живописец — 16
- Гедлих Дирк (Gedlich Dirk), фотограф — 166–167, 169, 177
- Гелдер Арент ван (Gelder Aert de; 1645–1727), голландский художник — 249
- Генрих III Валуа (Henri III de Valois; 1551–1589), король Франции в 1574–1589 — 78
- Генрих IV Великий (Henri IV, Henri le Grand, Henri de Navarre; 1553–1610), король Франции, основатель династии Бурбонов — 38–39
- Георг I (Georg Ludwig, von Hannover; 1660–1727), курфюрст Ганновера с 1698, король Великобритании с 1714 г. — 24, 34, 51, 82, 94–96, 99, 101–103, 136, 283
- Георг Альбрехт Остфризландский (Georg Albrecht, von Ostfriesland; 1690–1734), принц — 53
- Георг Людвиг — см. Георг I
- Георги Иоганн Готтлиб (Георги Иван Иванович, Georgi Johann Gottlieb; 1729–1802), немецкий медик, химик, натуралист, этнограф, путешественник — 248
- Гербельский Григорий Юльевич (Гербельський Григорій Юлієвич; 1904–1991)*, украинский историк — 156, 159, 161–162
- Герике Отто, фон (Guericke Otto, von; 1602–1686), немецкий физик, инженер и философ — 282
- Герон шевалье, дю (нач. XVIII в.), чрезвычайный посланник французского короля в Польше — 84, 121–122, 148
- Герра Ренэ Юлианович (Guerra René; р. 1946), французский филолог — 321
- Гёрц (Гёртц) Георг Генрих, фон (G?rtz Georg Heinrich, von; 1668–1719), шведский государственный деятель, немецкого происхождения — 34, 102

- Герье Владимир Иванович (1837–1919), историк науки, общественный деятель — 281, 284–288
- Гилпин Роберт (Gilpin Robert; р. 1930), американский учёный в области международной политической экономики — 92
- Глинка Сергей Николаевич (1776–1847), историк — 403, 405–406
- Глушок Олексій Віталійович* (1985–2008), украинский историк — 155
- Гнучева Вера Фёдоровна* (1890–1942), историк — 311
- Гобиль Антуан (Gaubil Antoine; 1689–1759), французский иезуит, католический миссионер в Китае — 297–300
- Гоголь Николай Васильевич (фамилия при рождении Яновский; 1809–1852), прозаик, драматург, поэт, критик, публицист — 273
- Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович (1747–1813), гр. с 1811, светл. кн. с 1812, полководец — 17
- Голиков Иван Иванович (1735–1801), историк — 31, 153, 154, 157–159, 162, 251–252
- Голицын Августин Петрович* (1823–1876), кн., писатель, публицист — 308
- Голицын Василий Васильевич (1643–1714), кн., боярин, государственный деятель, фаворит царевны Софьи Алексеевны — 109–110, 399
- Голицын Пётр Алексеевич (1660–1722), кн., государственный деятель — 29
- Голицына Анастасия Петровна (урожд. Прозоровская; 1665–1729), кн., статс-дама, член всепьянейшего сумасброднейшего собора с титулом «Князь-Игуменя» — 378
- Головкин Александр Гаврилович (1689–1760), гр., дипломат, посол России в Пруссии, Франции, Голландии — 131, 171, 176, 178, 260
- Головкин Гавриил Иванович (1660–1734), гр. с 1707, первый канцлер Российской империи с 1709 г. — 156, 159, 171, 173–174, 176, 178, 288, 377–378, 383, 400–401
- Головкина Анна Гавриловна — см. Бестужева-Рюмина Анна Гавриловна
- Гольденберг Леонид Аркадьевич* (1920–1989), историк, источниковед — 308
- Гольштейн Кристиан Фредерик (пер. треть XVIII в.), камер-юнкер — 31
- Горбатенко Сергей Борисович (р. 1950), историк архитектуры — 38, 194, 228–230, 233–235, 238–239
- Готовцев Павел Никифорович (нач. XVIII в.), майор — 128
- Готтвальд Иоганн Кристоф (Gottwald Johann Christoph; 1670–1713), немецкий натуралист и врач — 51
- Гофман Фридрих (Hoffmann Friedrich; 1660–1742), немецкий врач — 312
- Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960), живописец, реставратор, искусствовед, педагог — 192, 205, 233, 235, 238
- Грегори Джеймс (Gregory James; 1638–1675), шотландский математик и астроном — 282
- Грейн Керстин, немецкий историк — 178
- Грейс (Гриз) Рыцарь (Gries R.; ок. 1680–1709), преподаватель в Навигацкой школе — 22
- Гримальдо, де (de Grimaldo; пер. пол. XVIII в.), маркиз, испанский дипломат — 26
- Гузевич Дмитрий Юрьевич (р. 1955), инж. путей сообщения, историк науки и техники, историк эмиграции — 18, 85, 111, 191, 198, 212–214, 275, 281, 323, 357, 362
- Гузевич Ирина Давидовна (урожд. Долинская, р. 1953), историк науки и техники — 18, 85, 111, 191, 198, 212–214, 275, 281, 323, 357, 361–362
- Гузевич Татьяна Владимировна* (р. 1982), педагог — 29
- Гуляницкий Николай Федосеевич* (1927–1995), историк архитектуры — 193
- Густав III (Gustav III; 1746–1792), шведский король — 78

- Гюго Виктор Мари (Hugo Victor Marie; 1802–1885), французский писатель — 78
- Гюйгенс Христиан (Huygens Christiaan; 1629–1695), нидерландский механик, физик, математик, астроном и изобретатель — 282
- Гюйссен Генрих, фон (Hüysen Heinrich Freiherr, von; 1666–1739), барон, немецкий историк, юрист и дипломат, с 1703 воспитатель царевича Алексея Петровича — 63, 165, 171
- Гюлленборг Карл (Gyllenberg Karl; 1679–1746), гр., шведский государственный деятель — 64, 102–103
- Гюнтер Иоганн Готфрид (Günther Johann Gottfried; пер. треть XVIII в.), немецкий специалист на русской службе — 57
- Д'Акоста Ян — см. Лакоста Ян
- Д'Антен, герцог — см. Антен Луи Антуан, д'
- Д'Эстре — см. Эстре Виктор Мари, де
- Д'Авиле Огюстен-Шарль — см. Авиле Огюстен-Шарль, д'
- Даламбер Жан Лерон (D'Alembert Jean Le Rond; 1717–1783), французский учёный-энциклопедист — 17
- Далман Яган (пер. пол. XVIII в.), торговец устрицами — 277
- Даль Владимир Иванович (1801–1872), этнограф и лексикограф, военный врач — 353
- Дантен (д'Антен), герцог — см. Антен Луи Антуан, д'
- Д'Аржанвиль Антуан Жозеф Дезалье (d'Argenville Antoine-Joseph Dezallier; 1680–1765), французский натуралист, историк искусства — 228
- Девитц Франц Йоахим, фон (Dewitz Franz Joachim, von; 1666–1719), мекленбуржец, генерал датский службы — 24
- Дезаллёр (Дезальер), маркиз, французский генерал, посол в Константинополе с 1710 г. — 121, 124
- Дезалье Д'Аржанвиль Антуан Жозеф — см. Д'Аржанвиль Антуан Жозеф Дезалье
- Декарт Рене (Descartes René; 1596–1650), французский философ, математик, механик, физик, физиолог — 78, 282
- Деламар Николя (de La Mare Nicolas; 1639–1723), французский полицейский деятель, администратор, писатель — 204–205
- Делиль Гийом (Delisle Guillaume; 1675–1726), французский картограф — 29, 40, 59, 292–294, 296, 300, 302, 314
- Делиль де ла Кройер Луи (Людовик) (Delisle de la Croÿère Luis; 1685–1741), французский астроном — 292, 294, 297, 314–315
- Делиль Жозеф-Николя (Осип Николаевич, De L'Isle, Delisle Joseph-Nicolas; 1688–1768), французский астроном, картограф — 16–17, 29, 292, 294, 297–299, 314
- Делиль Клод (Delisle Claude; 1644–1720), французский географ и историк — 293
- Демёленэр-Дуйер Кристиан (Demeulenaere-Douÿère Christiane; р. 1948), историк — 30, 301–303, 307–308
- Демидов Анатолий Николаевич (1812–1870), русский и французский меценат, князь Сан-Дonato — 78
- Демидова Наталья Фёдоровна (1920–2015), историк, архивист — 295
- Демуи Патрик (Demouy Patrick; р. 1951), французский историк — 26, 43, 45
- Денисов Юрий Михайлович (1925–2001), искусствовед — 264
- Дербе (нач. XVIII в.), секретарь князя Ракоци — 128
- Дефрени Карл (пер. треть XVIII в.), французский купец — 349
- Дианова Татьяна Владимировна, историк, палеограф, источниковед — 233, 237, 239

- Долбнин Виктор Георгиевич*, современный исследователь — 113
- Долгова Светлана Романовна (р. 1932), историк-архивист — 166, 317, 328
- Долгоруков Василий Лукич (ок. 1670–1739), кн., дипломат — 159, 171, 174, 178, 269, 377
- Долгоруков Григорий Фёдорович (1657–1723), кн., дипломат — 166
- Долгорукова Мария Юрьевна (урожд. Трубецкая; ум. после 1728), кн., жена дипломата В. Л. Долгорукова — 378
- Доротея Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Бекская (Dorothea von Schleswig-Holstein-Sonderburg-Beck; 1685–1761), принцесса, в замужестве с 1709 маркграфиня Бранденбург-Байрейтская — 377
- Дудыкевич Богдан Корнилович* (1907–1972), украинский журналист — 157
- Дуров Иван Герасимович (р. 1950), историк — 269, 270
- Дьёрдь II Ракоци (II. Rákóczi György; 1621–1660), кн. Трансильвании, дед Ференца II Ракоци — 119, 122
- Дюбуа Гийом (Dubois Guillaume; 1656–1723), премьер-министр Франции в 1718–1723, кардинал — 33
- Дюма Александр (отец) (Dumas Alexandre; 1802–1870), французский писатель, драматург, журналист — 17, 78
- Дюман (пер. треть XVIII в.), герцог — 346
- Дюнуайе Анн Маргерит (Dunoyer Anne Marguerite; 1663–1719), французская журналистка — 33
- Евангулова Ольга Сергеевна (1933–2016), историк искусства, педагог — 241
- Евгений Савойский (François-Eugène de Savoie; 1663–1736), принц, полководец Священной Римской империи — 110, 122, 159
- Евсеевский Фёдор*, автор книг по винам и спиртным напиткам — 268
- Екатерина I Алексеевна (1684–1727), российская императрица — 25, 38, 52, 56, 73, 76, 78, 142, 175, 182–183, 185, 215, 246, 256, 347, 350, 375–387, 394
- Екатерина II Алексеевна (урожд. Софья Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, Sophie Auguste Friederike von Anhalt-Zerbst-Dornburg; 1729–1796), российская императрица — 16–17, 21, 87, 114, 243, 281, 395–396
- Екатерина Ивановна (Екатерина Иоанновна, Catharina Iwanowna; 1691–1733), царевна, старшая сестра императрицы Анны Иоанновны, племянница Петра I, бабушка Иоанна VI, герцогиня Мекленбург-Шверинская — 21, 24, 51, 58, 67, 82, 376–377, 380, 386
- Екатерина Иоанновна — см. Екатерина Ивановна
- Екатерина Медичи (Catherine de Médicis; 1519–1589), с 1547 по 1559 королева Франции — 224
- Елачич Франц Лука (пер. пол. XVIII в.), уроженец Вены, лекарь в составе торгового каравана в Китае — 299
- Елизавета Кристина фон Брауншвейг-Вольфенбюттельская (Elisabeth Christine von Braunschweig-Wolfenbüttel; 1691–1750), австрийская императрица, супруга Карла VI — 21, 137, 170
- Елизавета Петровна (1709–1761), российская императрица — 17, 21, 33, 73, 133, 244–245, 277, 343, 383
- Елизавета Шарлотта Пфальцская (Elisabeth Charlotte, von der Pfalz; 1652–1722), немецкая принцесса, герцогиня Орлеанская, жена Филиппа I Орлеанского — 177, 180, 361, 371
- Ерон, дю (нач. XVIII в.), маркиз, французский посланник в Польшу — 120
- Еропкин Пётр Михайлович (ок. 1698–1740), архитектор — 205–206

- Есипов Григорий Васильевич (1812–1899), историк, археограф — 342–343, 345–346, 348, 350–351, 352, 354–355
- Ефимов Андрей Владимирович* (р. 1939), доктор архитектуры — 198
- Ефимов Сергей Владимирович*, историк — 156
- Жано** (нач. XVIII в.), французский архитектор — 152
- Жарту Пьер (Jartoux Pierre; 1669–1720), французский священник, иезуит — 294
- Жербийон Жан-Франсуа (Gerbillon Jean-François; 1654–1707), французский учёный, миссионер-иезуит — 294–296
- Жирардон Франсуа (Girardon François; 1628–1715), французский скульптор — 37
- Жолкевский Станислав (Żółkiewski Stanisław; 1547 или 1550–1620), польский полководец — 155
- Жомбер Шарль-Антуан (Jombert Charles-Antoine; 1712–1784), французский книготорговец и издатель — 202
- Жюбе Жак (пер. треть XVIII в.), французский аббат — 116
- Западов Александр Васильевич* (1907–1998), литературовед, филолог — 277
- Запольяи Янош (Zápolyai, Иван Запольский, венг. János Szapolyai; 1487–1540), князь Трансильвании, король Венгрии — 119
- Захаров Виктор Николаевич (р. 1951), историк — 29, **80**
- Зеехафер Рейнхард (Seehafer Reinhard; р. 1958), немецкий дирижёр, пианист, композитор — 180
- Земцов Михаил Григорьевич (1688–1743), архитектор — 220–221
- Зинк Мишель, постоянный секретарь Академии надписей и изящной словесности во Франции — 10
- Змаевич Матвей (Матия) Христофорович (1680–1735), адмирал — 117
- Золотько О. С., студент МАРХИ — 206
- Зотеева Галина Александровна (р. 1967), министр культуры и туризма Астраханской обл. — 11
- Зотов Василий Никитич (1668–1729), генерал-майор, государственный деятель — 183
- Зотов Иван Никитич (1687–1723), переводчик — 333
- Зотов Конон Никитич (1690–1742), контр-адмирал — 23, 36–37, 41, 138, 146, 151–152, 213, 332–341, 357, 385
- Зотов Никита Моисеевич (ок. 1644–1718), гр. с 1710, учитель Петра I — 337
- Зутис Ян Яковлевич* (1893–1962), латышский советский историк — 182
- Иван III Васильевич** (1440–1505), вел. кн. Московский — 18
- Иван V Алексеевич** (Ivan Alexiewitz; 1666–1696), русский царь, единокровный брат Петра I — 110
- Иван Алексеевич**, царь — см. **Иван V Алексеевич**, царь
- Иванюк Сергей Александрович** (р. 1974), историк — 20, **153**
- Идес Эверт Избрант** (Ides Evert Isbrand, Елизарий Елизариев сын Избрант; 1657–1708), «московский торговый иноземец», автор книги о путешествии через Сибирь, составитель географической карты Сибири — 293
- Ильин Лев Александрович* (1879–1942), архитектор, градостроитель — 193
- Ильяшенко И. И.* (нач. XX в.), переводчик с французского яз. — 33
- Иннокентий XI** (Innocentius XI; в миру Бенедетто Одескальки, Benedetto Odescalchi; 1611–1689), папа Римский с 1676 г. — 108–110, 117
- Иннокентий XII** (Innocentius XII; в миру Антонио Пиньятелли дель Растрелло; 1615–1700), папа Римский с 1691 г. — 110–111
- Иоаким** (Савёлов; 1621–1690), патриарх — 110

- Иоанн V Алексеевич — см. Иван V Алексеевич
- Иоаннисян Ашот Гарегинович* (1887–1972), советский политический деятель, историк — 403
- Иоаннисян Олег Михайлович* (р. 1951), историк — 264
- Иоганн Фридрих Брауншвейг-Люнебургский (Johann Friedrich von Braunschweig-Lüneburg; 1625–1679), герцог Брауншвейг-Люнебургский из династии Вельфов, правил с 1665 г. — 283
- Иосиф I (Joseph I; 1678–1711), римский король с 1690, император Священной Римской империи с 1705 г. — 121–122, 127, 139, 165, 175
- Иосиф II (Joseph II; 1741–1790), эрцгерцог Австрии, император Священной Римской империи с 1765 г. — 78
- Исаев Илья Иванович (1674–1741), купец по происхождению, государственный деятель — 137
- Исаков Сергей Геннадиевич* (1931–2013), эстонский литературовед — 184
- Искуль Сергей Николаевич (р. 1946), историк — 57
- К.Н.В.* — см. *Карнович Евгений Петрович*
- Кааль Йоханнес (нач. XVIII в.), старшина Братства Черноголовых — 185–186
- Кайзер Райнхард (Keiser Reinhard; 1673–1739), немецкий композитор — 56
- Калло Мари-Анн (Collot Marie-Anne; 1748–1821), французский скульптор-портретист — 243
- Кальницкая Елена Яковлевна (р. 1952), историк, искусствовед, музейный деятель — 11
- Калязина Нинель Васильевна* (1930–2000), искусствовед, историк архитектуры — 192, 195, 242
- Каминский В. А., студент МАРХИ — 206
- Кампредон Жак, де (1672–1749), французский дипломат, представитель Франции в России — 221
- Канси (Kangxi, 康熙; 1654–1722), маньчжурский император из династии Цин — 294
- Каравак (Каравакк) Луи (Caravaque Louis; 1684–1752 или 1754), французский худ., работавший с 1716 в России — 16, 152, 241–245, 334
- Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), историк, литератор — 13
- Каратаев Николай Михайлович (1875–1942), историк науки — 322
- Карданова Наталия Борисовна, филолог — 26, 230, 391
- Кардасьё Антуан (Caug d’Acier Antoine; ум. не ранее 1724 или 1725), французский каменных дел мастер, резчик по камню, работавший в России — 16, 218
- Кардозо Жуан Фрасис (Cardoso João Francis; 1676–1723), португальский иезуит, член португальской миссии в Китай — 294
- Карл II (Charles II; 1630–1685), с 1660 король Англии и Шотландии — 78, 224
- Карл III — см. Карл VI
- Карл VI (Karl VI; 1685–1740), претендент на испанский престол как Карл III, император Священной Римской империи с 1711 г. — 75, 132, 134, 137–142, 288
- Карл XII (Karl XII; 1682–1718), король Швеции — 19–20, 33, 57, 62, 93, 122, 124–125, 127–128, 154, 157, 159, 161, 163–164, 170, 175, 212
- Карл Леопольд Мекленбург-Шверинский (Karl Leopold zu Mecklenburg-Schwerin; 1678–1747), герцог, супруг Екатерины Иоанновны, отец Анны Леопольдовны — 21, 24, 34, 51, 53, 75, 82, 376–377, 380
- Карл Эммануил IV (Carlo Emanuele IV di Savoia; 1751–1819), король Сардинского королевства и герцог Савойский в 1796–1802 гг. — 397
- Карначёв Александр Евгеньевич* (р. 1972), историк, филолог — 322

- Карнович Евгений Петрович* (1823 или 1824–1885), писатель, историк, журналист — 73–74, 76
- Каройи Шандор* (Károlyi Sándor; 1669–1743), гр. с 1712, венгерской военной деятель — 126
- Каролинги* (Carolingi), королевская и императорская династия в государстве франков — 45
- Каррер д'Анкокс Элен* (урожд. Зурабишвили, р. 1929), постоянный секретарь Французской академии, историк, политолог — 10
- Кассар Жак* (Cassard Jacques; 1679–1740), французский корсар, шаут-бейнахт — 341
- Кёнигсегг-Ротенфельс Жозеф Лотар, фон* (Königsegg-Rothenfels Joseph Lothar, von; 1673–1751), гр., австрийский дипломат, фельдмаршал — 134
- Кикин Александр Васильевич* (1670–1718), государственный деятель, доверенное лицо царевича Алексея Петровича — 330
- Кирилов Иван Кириллович* (1695–1737), основоположник русской географической науки — 30, 308
- Кирхер Афанасий* (Kircher Athanasius; 1602–1680), немецкий учёный-энциклопедист, математик, востоковед — 282
- Кларк Самюэл* (Clarke Samuel; 1675–1729), английский философ и теолог, ученик Исаака Ньютона — 52
- Клейнер С* (пер. треть XX в.), переводчица — 57
- Клименко Сергей Васильевич* (р. 1969), историк архитектуры — 26, 31, 190, 195, 206
- Климент XI* (Clemens XI, в миру Джанфранческо Албани; 1649–1721), папа Римский с 1700 г. — 112
- Климент XIV* (Clemens XIV; в миру Лоренцо Джованни Винченцо Антонио Ганганелли, Lorenzo Giovanni Vincenzo Antonio Ganganelli; 1705–1774), папа Римский с 1769 г. — 114
- Ключевский Василий Осипович* (1841–1911), историк — 33, 245
- Книпхаузен Фредерик Эрнест, фон* (Kniphausen Friedrich Ernst, von; 1678–1731), барон, прусский посланник при датском дворе — 53
- Кобак Александр Валерьевич* (р. 1952), историк архитектуры, краевед, общественный деятель — 11–12
- Кобыляков Иван* (пер. треть XVIII в.), придворный служитель царской свиты — 349
- Козимо III Медичи* (Cosimo III de' Medici; 1642–1723), великий герцог Тосканы — 78, 390, 393, 400–401
- Козлова Юлия Алексеевна*, историк — 375
- Кокс Адриан* (Kocks Adriaen; пер. треть XVIII в.), изразцовый мастер — 252
- Коллинс Джон* (Collins John; 1625–1683), английский математик — 282
- Кологривов Юрий Иванович* (1680 или 1685–1754), денщик Петра I, дипломат, агент по найму мастеров и покупке художеств. произведений в Европе, архитектор — 343, 345
- Кольбер Жан-Батист* (Colbert Jean-Baptiste; 1619–1683), французский государственный деятель, фактический глава правительства после 1665 при короле Людовике XIV — 225
- Комелова Галина Николаевна* (1927–2002), искусствовед — 242
- Конде Людовик II де Бурбон* (Condé Louis de Bourbon, prince de; 1621–1686), принц де Конде, герцог де Бурбон, полководец Франции — 225
- Конингсбрюгге Ханс, ван* (р. 1959), голландский историк — 135
- Константин Константинович* (поэтический псевдоним К. Р.; 1858–1915), вел. кн. — 321
- Копанева Наталья Павловна* (р. 1953), филолог — 40

- Копелев Лев Зиновьевич* (*Kopelew Lew*; 1912–1997), советский и германский историк — 66
- Корбе Давид Иванович (1672–?), румын, с 1707 на русской службе — 123
- Коренцвит Виктор Абрамович (р. 1945), археолог — 252–254
- Корнеев Юрий Борисович (1921–1995), переводчик — 213
- Корнер Джованни (*Corner, Cognaro Giovanni* II; 1647–1722), 111-й дож Венеции — 390
- Коровин Степан Михайлович (пер. треть XVIII в.), переводчик, гравер — 244, 340
- Коришнова Тамара Тимофеевна*, искусствовед — 242
- Котошихин Григорий Карпович (или Кошихин; он же Иоганн Александр Селецкий, ум. 1667), подьячий российского Посольского приказа — 390
- Кюффер Бенуа Ле (*Coffre Benoît Le*; 1671–1722), датский живописец французского происхождения, придворный художник датского короля Фредерика IV — 208
- Крайковский Алексей Викторович (р. 1972), историк — 23, 272
- Крайцев Ермолай (пер. пол. XVIII в.), садовый мастер — 252–253, 255
- Красникова Ольга Алексеевна* (р. 1956), историк — 192–193
- Крипякевич Иван Петрович* (*Крип'якевич Иван Петрович*; 1886–1967), украинский историк — 155–156
- Кристиан Август Гольштейн-Готторпский (*Christian August, von Schleswig-Holstein-Gottorf*; 1673–1726), епископ-администратор Готторпского герцогства — 21
- Кристиана Эбергардина Бранденбург-Байрейтская (*Christiane Eberhardine, von Brandenburg-Bayreuth*; 1671–1727), супруга Августа II Сильного, курфюрстина саксонская, с 1697 титулярная королева Польши — 167, 170, 173
- Кристина Луиза Эттингенская (*Christine Luise von Öttingen*; 1671–1747), принцесса Эттинген-Эттингенская, в замужестве герцогиня Брауншвейг-Вольфенбюттельская, княгиня Бланкенбургская, бабушка имп. Петра II — 170, 177
- Кроа (Круа) Карл Евгений, де (*Croa Charles Eugène, de*; 1651–1702), военачальник датской, австрийской, саксонской и русской армий — 184
- Кросс Энтони (*Cross Anthony Glenn*; р. 1936), английский историк — 26, 99
- Кротов Павел Александрович (р. 1961), историк — 91
- Кроуфорд Томас (*Crawford/Craufurd Thomas of Drumsouy*; ум. 1724), секретарь британского посольства в Париже — 107
- Кузнецова Ольга Николаевна, историк — 319
- Кулишер Иосиф Михайлович* (1878–1933 или 1934), экономист — 83
- Куник Арист Аристович (1814–1899), историк — 321
- Купецкий Ян (*Kupeský Jan*; 1667–1740), словацкий портретный и исторический живописец — 176–177, 249
- Купле Филипп (*Couplet Philippe*; 1623–1693), фламандский иезуит — 294–295
- Куракин Борис Иванович (1676–1727), кн., дипломат, посол России в Париже — 34–35, 57, 72, 86, 112–113, 124, 130–131, 141, 146–147, 151, 171, 174, 246, 253, 258, 327, 337, 346–347, 352, 382–383
- Куракин Фёдор Алексеевич* (1842–1914), кн., издатель семейных архивов — 112, 124
- Курбатов Владимир Яковлевич (1878–1957), историк искусства, историк архитектуры, историк Петербурга, химик, коллекционер — 190–191
- Курбатов Пётр Васильевич (1672–1747), сын дьяка, неоднократно выполнял дипломатические поручения — 145, 149, 382

- Кутузов Михаил Илларионович — см. Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович
- Куускемаа Юри* (р. 1942) — историк, искусствовед, краевед, экскурсовод и писатель — 183, 185, 187
- Лавалей (пер. треть XVIII в.), литейный мастер, мастер резьбы по дереву — 152
- Лави Анри, де (Lavie, La Vie Henry de; нач. XVIII в.), французский морской комиссар, посланник в Петербурге — 42, 85–87, 99, 147, 197
- Лайош II (II. Lajos; 1506–1526), король Чехии и Венгрии из династии Ягеллонов — 119
- Лакоста Ян (Пётр Дорофеевич; 1665–1740), шут Петра I, Анны Иоанновны и Бирона — 351
- Ламбер, де Герен Жозеф-Гаспар (Lambert de Guerin Joseph-Gaspard; ум. после 1711), французский инж., с 1701 на русской службе — 150
- Ламбо Пьер (Pierre Lambot) (пер. треть XVIII в.), французский фонтанный мастер — 334, 336
- Лан Адольф, ван дер (Laan Adolf, van der; 1684/90–1742/55), голландский художник, гравёр — 175
- Ланг (Ланге) Лоренц (Лаврентий, Lange Lorenz; 1690–1752), швед, с 1712 на русской службе, торговый агент — 298
- Ланде Жан-Батист (Landé Jean-Baptiste; 1697–1748), французский танцовщик, балетмейстер — 16
- Лантинг Йоханн (Lanting Johann; 1656–1720), эстляндский государственный деятель — 186–188
- Лаптева Татьяна Александровна (р. 1955), историк — 332
- Ларжильер Никола, де (Largillière Nicolas de; 1656–1746), французский живописец — 246
- Лармессен Никола, де (Larmessin Nicolas, de; 1632–1694), французский гравёр — 109
- Лебедев Владимир Иванович* (1894–1966), историк — 208
- Лебедева Ирина Николаевна* (1932–2013), историк-византинист, палеограф, источниковед — 325
- Леблон Жан-Батист Александр (Le Blond Jean-Baptiste Alexandre; 1679–1719), французский архитектор, мастер садово-парковой архитектуры — 15, 16, 36, 57, 152, 190–193, 195, 197, 199–206, 228, 230–231, 235–236, 238, 330, 334, 336–339, 348, 402
- Лебрен Шарль (Le Brun Charles; 1619–1690), французский живописец — 39, 224
- Левенштон (нач. XVIII в.), французский посланник, которого Россия отказалась принять в качестве дипломата — 147
- Левин Иоганн Теодор (Levin Johann Theodor; пер. треть XVIII в.), немецкий специалист на русской службе — 58
- Лево Луи (Le Vau или Levau Louis; 1612–1670), французский архитектор — 224
- Леврон Жак (Levron Jacques; 1906–2004)*, французский архивист-палеограф, историк — 198
- Левшин Василий Алексеевич* (1746–1826), тульский помещик, литератор — 278
- Лежандр (пер. теть XVIII в.), французский архитектор на русской службе — 152
- Лейбниц Готфрид Вильгельм (Leibniz Gottfried Wilhelm; 1646–1716), немецкий математик и философ — 22, 30, 52, 63, 65–66, 170–171, 176, 179, 280–291, 295
- Лейбниц Катарина (урожд. Шмукк, Catherina Schmuck; сер. XVII в.), мать Готфрида Вильгельма Лейбница — 282
- Лейбниц Фридрих (Leibnütz Friedrich; 1597–1652), немецкий юрист, философ, отец Готфрида Вильгельма Лейбница — 282
- Лейгебе Паул Карл (Leygebe Paul Carl; 1664–1756), немецкий художник и анатом — 54

- Леклерк Себастьян (Leclerc Sebastien; 1637–1714), французский гравёр, инженер — 210
- Леконт Луи (Le Comte Louis; 1655–1728), французский иезуит — 295
- Леман Беренд (1661–1730), гоф-фактор — 173
- Ленотр Андре (Le Nôtre André; 1613–1700), французский ландшафтный архитектор — 15, 223–226, 228–231
- Ленотр Жан, придворный садовник французского короля Людовика XIV — 224
- Ленотр Пьер, с 1572 садовник дворца Тюильри — 224
- Леонов Валерий Павлович (р. 1942), библиограф — 317, 320–321
- Леонтьева Галина Александровна* (р. 1936), историк — 390
- Леопольд I (Leopold I; 1640–1705), король Венгрии с 1655, король Чехии с 1656, император Священной Римской империи с 1658 г. — 122, 139
- Леопольд I Анхальт-Дессаусский (Leopold, von Anhalt-Dessau; 1676–1747), князь, прусский полководец — 57, 62
- Лепёхин Михаил Пантелеевич (р. 1958), историк литературы — 22, **316**, 325
- Лепотр Пьер (1648–1716), французский проектировщик украшений, рисовальщик и гравёр — 198, 210
- Лесман Юрий Михайлович* (1954–2013), историк, археолог — 264
- Лесток Иоганн-Германн (Иван Иванович; 1692–1767), гр. с 1743, хирург немецко-французского происхождения, в России придворный лейб-медик — 379
- Лефорт Амадей — см. Лефорт Эйме
- Лефорт Жан — см. Лефорт Иван Исаевич
- Лефорт Иван Исаевич (Жан) (Lefort, Le Fort Jean; 1685–1739), торговый агент и консул России в Париже, затем — саксонский и польский чрезвычайный посланник при русском дворе, племянник генерала и адмирала Франца Яковлевича Лефорта — 23, 36, 85–86, 146, 152, 195, 197, 241, 270, 320, 324, 332–341, 349, 360, 370
- Лефорт Пётр Богданович (Lefort Pierre; 1676–1754), племянник и секретарь Франца Лефорта, позднее генерал-лейтенант, дипломат — 284–285
- Лефорт Франц Яковлевич (Lefort, Le Fort Franz Jakob; 1655–1699), государственный и военный деятель, сподвижник Петра I — 85, 284, 320, 333, 335, 349
- Лефорт Эйме (Эме, Амадей Исаевич, Aimé Le Fort, Lefort; 1671–1743), адвокат и коммерсант, консул России во Франции, племянник Франца Яковлевича Лефорта — 85, 146–147
- Лешинский Станислав — см. Станислав I Лешинский
- Либуа Этьен Френсуа Россиус, де (Libois Étienne François Rossius, de; du Libois; пер. треть XVIII в.), камер-юнкер — 370
- Либург (нач. XVII в.), канцлер Парижского университета — 115
- Линденберг (пер. треть XVIII в.), саксонский фурьер — 173
- Линьер Клод Бертран (Linières Claude Bertrand Taschereau, de; 1658–1746), французский священник, духовник короля Людовика XV — 294
- Липман Абрам Исаакович* (1907–1944), архитектор — 330
- Литс Уильям (Leathes William; пер. треть XVIII в.), представитель Британии в Брюсселе — 106
- Лоример Джейми, английский географ, специалист по гуманитарной географии — 274
- Лувуа (Louvois Camille Le Teller, abbe de; 1675–1718), епископ Клермонский, викарий архиепископа Реймского — 327
- Лувуа Франсуа-Мишель, де (Louvois François-Michel le Tellier Marquis, de;

- 1641–1691), маркиз, французский военный министр — 201
- Луи IV Орлеанский (Louis IV d'Orléans, duc de Chartres; 1703–1752), герцог Шартрский, сын регента Филиппа II Орлеанского — 372
- Луиза Мекленбургская (Louise zu Mecklenburg-Güstrow; 1667–1721), королева Дании и Норвегии — 379
- Лумисте Май* (1932–1985), историк искусства — 183
- Луппов Сергей Павлович (1910–1988), историк, архивист, книговед — 317–319, 320
- Люберас Анания Христиан (пер. треть XVIII в.), шотландский эмигрант — 75
- Людвиг Рудольф Брауншвейг-Бланкенбургский (Ludwig Rudolf von Braunschweig-Wolfenbüttel; 1671–1735), граф, с 1707 князь, дед имп. Петра II — 165, 170, 173
- Люден И. П. (ум. 1739), немецкий живописец, портретист — 166–167
- Людвиг XIII (Louis XIII; 1601–1643), король Франции и Наварры, сын Генриха IV — 37, 224
- Людвиг XIV (Louis XIV; 1638–1715), король Франции — 14, 22–23, 31, 33, 36–39, 41, 84, 94–95, 118, 120–122, 124–130, 132, 151, 177, 198, 202, 210, 213–214, 224, 226, 229–230, 247, 250, 282, 295, 303, 334, 357–359
- Людвиг XV (Louis XV; 1710–1774), король Франции, правнук Людовика XIV — 14, 21, 31, 33–34, 44, 96, 105, 132–133, 146, 152, 221, 292, 294, 303, 306, 361
- Людвиг Французский (Louis duc de Bourgogne; 1682–1712), герцог Бургундский — 303, 309
- Люмер, французский посол в Венгрии с 1710 г. — 124
- Лунгбю Томас* (Lungby Thomas; р. 1971), датский историк — 31
- Маврин Семён Афанасьевич (пер. пол. XVIII в.), камер-паж имп. Екатерины I, позже воспитатель наследника престола Петра Алексеевича — 379
- Маддерстег Михель (Maddersteg Michiel; 1662–1708), голландский художник-маринист, кораблестроитель — 55
- Мазарини Джулио (Mazzarino Giulio Raimondo; 1602–1661), церковный и политический деятель Франции — 327
- Мазепа Иван Степанович (1639–1709), украинский военный и политический деятель — 158
- Мазур Тамара Петровна* (р. 1942), историк — 192–193
- Майи Франсуа, де (Mailly François, de; 1658–1721), реймский архиепископ — 44
- Майкова Татьяна Сергеевна (1918–1991), историк — 118, 214
- Макар Жак-Жозеф (Maquart Jacques-Joseph; 1802–1873), французский художник-любитель — 45
- Макаров Алексей Васильевич (1674 или 1675–1740), кабинет-секретарь Петра I — 41, 251–252, 335–341, 350, 352, 385
- Маковская Лилли Константиновна* (1928–2012), историк, специалист в области огнестрельного оружия XIV–XIX вв. — 156
- Мальгуир Филипп (Malgouyres Philippe), французский искусствовед — 39
- Малютин Архип (пер. треть XVIII в.), подмастерье — 254
- Мансар Франсуа (Mansart или Mansard François; 1598–1666), французский архитектор — 224
- Мантейфель Эрнест Христоф, фон (Manteuffel Ernst Christoph, von; 1676–1749), граф, камергер, кабинет-министр при прусском дворе — 53, 66
- Маргарита Валуа (Valois Marguerite, de; 1553–1615), королева-консорт Франции в 1589–1599 гг. — 78
- Мария Медичи (Marie de Médicis; 1575–1642), королева Франции,

- вторая жена Генриха IV, мать Людовика XIII — 39
- Мария Фёдоровна (урожд. София Мария Доротея Августа Луиза Вюртембергская, *Sophia Marie Dorothea Auguste Luise von Württemberg*; 1759–1828), российская императрица, супруга Павла I — 77
- Маркелли (пер. треть XVIII в.), французский коммерсант — 337
- Маркина Людмила Алексеевна, искусствовед — 26, **240**
- Марселиус Христофор (1656—не ранее 1731), архитектор, и рисовальщик, поляк по происхождению, работал в Италии и Дании, с 1724 в Петербурге — 264–265
- Марсие (пер. треть XVIII в.), французский лакового дела мастер, на службе в России — 346
- Мартен-младший Пьер Дени (*Martin Pierre-Denis Younger*; 1663–1742), французский худ. — 40
- Мартенс Фёдор Фёдорович (Martens Friedrich Fromhold*; 1845–1909), российский юрист и историк — 59
- Мартьянов Фёдор (пер. пол. XVIII в.), мастер столярного дела — 253
- Масса-Эстева Мария Роса (*Massa-Esteve M. Rosa*; р. 1954), испанский историк — 22, **280–281**
- Матвеев Андрей Артамонович (1666–1728), представитель Петра I за границей, мемуарист — 122, 145–146, 148, 228, 338
- Матвеев Андрей Матвеевич (1701–1739), художник-портретист — 75
- Матов Александр (пер. треть XVIII в.), поручик — 258
- Маттарнови Георг Иоганн (*Mattarnovi Georg Johann*; ок. 1677–1719), немецкий архитектор и скульптор, с 1714 работавший в Санкт-Петербурге — 204, 330
- Мацюк Орест-Нестор Ярославович* (1932–1999), украинский историк, архивист — 155
- Медведкова Ольга Анатольевна (р. 1963), искусствовед, прозаик — 36, 192, 322
- Меер Йонас (пер. пол. XVIII в.), гоф-фактор в Дрездене — 173
- Мезен Анн (*Mézin Anne*), историк, сотрудник Национального архива Франции — 85, 191
- Мезин Сергей Алексеевич (р. 1958), историк — 23, 25, **32–33**, 36–37, 91, 132–133, 213, 215, 230, 268, 269, 316, 320, 327, 328, 349, 351, 356–357, 360, 362, 403
- Мекленбургский Карл-Леопольд — см. Карл Леопольд Мекленбург-Шверинский
- Мекленбург-Шверинский, герцог — см. Карл Леопольд Мекленбург-Шверинский, герцог
- Мелен Адам Франс, ван дер (Мейлен, ван дер Мёлен, *Meulen Adam Frans, van der*; 1632–1690), фламандский живописец, гравёр, специализировался в батальном жанре — 39–40
- Менголи Пьетро (*Mengoli Pietro*; 1626/27–1686), итальянский математик и священник — 282
- Ментенон Франсуаза д’Обинье, де (*Maintenon Françoise d’Aubigné Marquise, de*; 1635–1719), маркиза, фаворитка короля Людовика XIV, с 1683 его морганатическая жена, учредительница воспитательного заведения — 359
- Меншиков Александр Данилович (1673–1729), гр. с 1702, кн. с 1705, светл. кн. с 1707 г., государственный деятель — 15, 29, 36, 41, 137, 150, 156, 161–163, 175, 184, 192, 233–234, 241–242, 251–252, 270, 348, 376, 380–387, 391
- Меркатор Николаус (*Mercator Nicolaus*, наст фамилия *Kauffmann*; ок. 1620–1687), немецкий математик — 282
- Меро Франсуа (*Mairault François, Mérault, Méro*; ок. 1676–?), французский архитектор королевских зданий — 151, 228
- Мессершмидт Даниэль (Даниил) Готлиб (*Messerschmidt Daniel Gottlieb*; 1685–1735), немецкий медик и бо-

- таник на русской службе — 30, 311–315
- Мехитар (Мхитар) Севастийский (Mchithar) (в миру Манук Петросян; 1676–1749), армянский языковед, богослов, монах, основатель ордена мехитаристов — 404
- Микетти Николо (Michetti Nicola; 1675–1759), итальянский архитектор, в 1718–1723 работавший в России — 217–218, 220–221, 230
- Микритумов Иван Борисович*, философ — 50
- Миллер (Мюллер) Герард Фридрих (Müller Gerhard Friedrich; 1705–1783), российский историограф немецкого происхождения — 312, 315
- Минден Йоханн, фон (пер. треть XVIII в.), житель Ревеля (совр. Таллина) — 188
- Михаил Павлович (1798–1849), вел. кн., единственный порфирородный сын Павла I — 77
- Михайлова Алла Юрьевна*, искусствовед — 241
- Мицик Юрий Андрійович (р. 1949), украинский церковный историк — 158
- Мишель Жан-Батист (Michel Jean-Baptiste; 1686–1744), французский мастер столярного дела, краснодеревщик, в России с 1718 — 16
- Мойрьяк де Майя Жозеф-Ан-Мари, де (Moüriac de Mailla Joseph-Anne-Marie, de; 1669–1748), французский китаист — 294
- Моисеева Светлана Владимировна*, искусствовед — 241, 244
- Молчанов Николай Николаевич (1925–1990), историк — 91, 122, 123, 157, 162
- Монкло Брижит, де (Montclos Brigitte, de), французский историк архитектуры — 357–358
- Монс, де ля (нач. XVIII в.), французский архитектор — 152
- Монтеспан д’Антен Луи Анри де Пардайдан де Гондрен, де (Louis Henri de Pardaillan de Gondrin, marquis de Montespan et d’Antin; 1640–1691), маркиз, муж официальной фаворитки короля Людовика XIV маркизы де Монтеспан — 358
- Монтеспан Франсуаза Атенаис де Рошешуар де Мортемар, де (Montespan Françoise de Rochechouart de Mortemart, de; 1641–1707), маркиза, фаворитка короля Людовика XIV с 1667–1683, мать его 7-х детей — 358
- Монферран Огюст (Montferrand Henri Louis Auguste Ricard, de; 1786–1858), французский архитектор, работавший в России — 17
- Мончаловский Осип Андреевич* (1858–1906), журналист, публицист, историк — 158
- Моор (Мор) Карел, де (1655–1738), нидерландский художник-портретист — 74, 347–348
- Мортен Жиль, де (Mortain Gilles, de; нач. XVIII в.), французский гравёр и издатель — 210–213
- Мочениго Альвизе III (Mocenigo Alvise III Sebastiano; 1662–1732), 112-й дож Венеции — 394
- Мошков Пётр Иванович (ум. 1739?), с 1705 по 1728 гоф-интендант — 326
- Мурзанова Мария Николаевна (1893–1983), библиограф — 324
- Мурзин Прокофий Васильевич (пер. треть XVIII в.), поручик, денщик Петра I — 350, 354
- Мусина-Пушкина Мавра Тимофеевна (урожд. Савёлова; пер. пол. XVIII в.), гр. с 1710 г. — 378
- Мусин-Пушкин Платон Иванович (1698–1743), гр., государственный деятель — 253, 346, 353
- Мюллер Филипп-Генрих (Müller Philipp Heinrich; 1654–1719), немецкий медальер — 361
- Мясников Владимир Степанович* (р. 1931), историк, востоковед — 295–296

- Нагель Кристина*, историк — 169
- Наполеон I Бонапарт (Napoléon I Bonaparte; 1769–1821), император французов — 14, 164
- Нартов Андрей Андреевич (1737–1813), писатель, переводчик — 327
- Нартов Андрей Константинович (1693–1756), учёный, механик, скульптор — 246–247, 327
- Нарышкин Семён Григорьевич (1683–1747), троюродный брат царицы Натальи Кирилловны, с 1692 комнатный стольник Петра I — 392
- Нарышкины, дворянский и боярский род — 110
- Наталья Алексеевна (1673–1716), царевна, сестра Петра I — 310
- Наталья Алексеевна (1714–1728), вел. кнж., дочь царевича Алексея Петровича — 180
- Наталья Петровна — см. Шарлотта Кристина (Христина) София Брауншвейг-Вольфенбюттельская
- Натъе Жан-Марк (Nattier Jean-Marc; 1685–1766), французский живописец — 246–247, 338, 347
- Нель Луи Де Майи, де (Louis de Mailly, marquis de Nesle; 1689–1767), маркиз — 370
- Неплюев Иван Иванович (1693–1773), адмирал, автор мемуаров — 31
- Нерыцкий Михаил (пер. пол. XVIII в.), кн., мастер столярного дела — 253
- Неупокоев Я. (нач. XVIII в.), каменных дел мастер — 218
- Нидэм Джозеф (Needham Joseph; 1900–1995), английский историк, синолог — 297
- Низе Катрин*, музейный деятель — 169
- Никитин Иван Никитич (ок. 1690–1742), живописец-портретист — 243
- Николаева Мария Валентиновна (р. 1953), историк — 30, 342
- Николай I Павлович (1796–1855), российский император — 18, 78, 231
- Николай II Александрович (1868–1918), российский император — 48
- Николаи Фридрих Кристоф (Nicolai Friedrich Christoph; 1733–1811), немецкий писатель, журналист, издатель, книготорговец — 54
- Никольский Николай Константинович (1863–1936), историк церкви, литературовед, библиограф — 318, 321–322
- Новлянская Мария Григорьевна* (1892–1985), историк науки — 311
- Ноли Жак (пер. треть XVIII в.), генуэзский коммерсант — 337, 341
- Норрис Джон (Norris; 1660–1749), английский адмирал, командующий британским флотом, полномочный представитель Англии в России (в 1717), морской лорд Адмиралтейства — 100, 106–107, 136
- Ньютон Исаак (Newton Isaac; 1642–1727), английский физик, математик, механик, астроном — 52
- О’Коннор Бернард* (Connor or O’Connor Bernard; 1666–1698), медик и историк ирландского происхождения — 160
- Овсянников (пер. треть XVIII в.), солдат — 351
- Овсянников Данила (пер. пол. XVIII в.), садовый мастер — 252–253, 255
- Овцын Дмитрий Леонтьевич (1704–1757), военный моряк, гидрограф — 315
- Огурцов Александр Павлович* (1936–2014), культуролог, философ — 295
- Окопченко Ольга Михайловна, архитектор-фортификатор — 155
- Окунская К. П.*, переводчик — 198
- Олсуфьев Матвей Дмитриевич (ум. до 1750), обер-гофмейстер Петра I — 350
- Ольденбург Генри (Oldenburg Henry; 1619–1677), немецкий, позже английский богослов, дипломат и учёный — 282
- Орлеанская, герцогиня — см. Елизавета Шарлотта Пфальцская, герцогиня Орлеанская

- Орлеанский, герцог — см. Филипп II Орлеанский
- Орлов Александр Константинович (р. 1948), российский дипломат — 11
- Орлов Иван Михайлович (пер. треть XVIII в.), денщик Петра I — 347
- Ортгиз Франц (Ortgies Franz Hermann; втор. пол. XVII — нач. XVIII в.), журналист из Равенсберга — 53
- Осечинский Василий Константинович* (1904–1981), историк — 157
- Остерман Андрей Иванович (1686–1747), гр. с 1730, вице-канцлер, первый кабинет-министр, с 1740 генерал-адмирал — 58, 298
- Оффенбах Жак (Offenbach Jacques; 1819–1880), французский композитор, театральный дирижёр — 78
- Павел I Петрович (1754–1801), российский император — 18, 77, 112, 279, 394–395, 397–398
- Павел Петрович (1717–1717), вел. кн., сын Петра I, умер во младенчестве — 139, 382–384
- Павел Петрович, вел. кн. — см. Павел I Петрович, российской император
- Павленко Николай Иванович (1916–2016), историк — 137, 160, 243, 347, 375, 377, 380, 382–383, 385
- Падяк Валерий* (р. 1959), украинский филолог, издатель — 120
- Пажо Луи-Леон (1679–1754), почётный член французской Академии наук — 40
- Пал Яган (Pahl Johan; нач. XVIII в.), гончарный мастер на русской службе — 256, 261
- Палехова Яна*, переводчик — 31
- Палий Семён (настоящее имя Гурко Семён Филиппович; 1640-е–1710), полковник, руководитель восстания украинского народа против польского правительства — 158
- Палладио Андреа (Palladio Andrea; 1508–1580), итальянский архитектор — 225
- Пангало Блез (Бьяджио, Антуан Блэз Блуаз, 1650–1720), французский кораблестроитель — 28, 337, 341
- Панин Никита Иванович (1718–1783), гр., дипломат, государственный деятель — 279
- Пассер Аренд (Passer Arent; 1560–1637), голландский скульптор и архитектор — 185
- Паткуль Иоганн Рейнгольд, фон (1660–1707), лифляндский дворянин, дипломат, на русской службе с 1702 г. — 121–122
- Паульсен Христофор (1693 — между 1769–1773), лейб-медик Петра I с 1720 — 79
- Пекарский Пётр Петрович (1827–1872), историк литературы — 114, 133, 157, 311, 315, 317, 321
- Пелл Джон (Pell John; 1611–1685), английский математик-алгебраист — 282
- Перейра Томаш (Pereira Tomás; 1645–1708), португальский иезуит — 295
- Перель Адам (Pérelle Adam; 1640–1695), французский гравёр — 224
- Перешьен (пер. треть XVIII в.), французская владелица ткацкой фабрики, вдова — 349
- Перренен Доминик (Parrenin Dominique; 1665–1741), французский иезуит — 294, 298
- Перри Джон (Perry John; 1670–1732), английский капитан, писатель, оставивший заметки о России, в России в 1698–1715 строитель кораблей, доков, каналов — 293–294
- Пётр I Алексеевич (1672–1725), российский император — 10–48, 50–68, 72–82, 84–88, 90–93, 96–119, 121–144, 146, 150, 152–165, 167, 170–179, 181–195, 197–198, 201, 206–223, 227–251, 257–259, 261, 263, 268–270, 273, 280–281, 283–294, 296–298, 300–303, 307–317, 320, 322–365, 373, 375–377, 379–404, 406
- Пётр II Алексеевич (1715–1730), российский император, сын царевича Алексея Петровича — 116, 180
- Пётр III Фёдорович (урожд. Карл Петер Ульрих, Karl Peter Ulrich, von

- Schleswig-Holstein-Gottorf; 1728–1762), российский император — 395
- Пётр Петрович (1715–1719), царевич, сын Петра I — 73, 241, 381
- Петров Павел Владимирович (р. 1973), историк — 26, 31, 207
- Петров Пётр Николаевич* (1827–1891), историк искусств, писатель, генеалог, библиограф — 192
- Петров Фёдор Александрович* (р. 1950), историк — 193
- Пиганьоль де Ла Форс Жан Аумар (Piganiol de La Force Jean-Aumar;* 1673–1753), французский литератор — 228
- Пильман Филипп (1684–1730), французский живописец, работал в России с 1717 по 1724 — 16
- Пино (Пинау) Николая (Pineau Nicolas; 1684–1754), скульптор, резчик — 16
- Пирлинг Павел* (1840–1922), католический священник немецкого происхождения — 114
- Писарева Виктория Андреевна, историк — 21, **165**
- Платонов Сергей Фёдорович (1860–1933), историк, с 1925 директор БАН — 322
- Плейер Отто Антон (Pleyer Otto Anton; кон. XVII — нач. XVIII в.), австрийский дипломатический резидент в России — 134, 139, 142
- Плюханова Мария Борисовна* (р. 1953), филолог — 112
- Плюш Антуан (Pluche Antoine; 1688–1761), французский священник — 46–47
- Подвысоцкий Александр Осипович (Иосифович;* 1825–1883), этнограф, лексикограф, историк-краевед Архангельской губернии — 279
- Подьяпольская Елена Петровна* (1895–1986), историк, источниковед, археограф — 176
- Полевой А. Д., студент МАРХИ — 206
- Поллак Петер Вильгельм (пер. треть XVIII в.), ревельский серебряных дел мастер — 187
- Половцов Александр Александрович* (1832–1909), государственный и общественный деятель, промышленник, меценат — 197
- Полонский Дмитрий Георгиевич,* историк-архивист — 391
- Полуденский Михаил Петрович* (1830–1868), библиограф, библиофил, историк — 215, 246
- Полуорт Александр (Polwarth Alexander; 1676–1740), лорд, британский государственный деятель — 102, 106
- Поляков Николай Харлампиевич (1898–1969), архитектор — 193
- Помарнацкий Андрей Валентинович (1903–1981), искусствовед — 242
- Поншартрен Жером Фелипо, де (Pontchartrain Jerome Phélyreaux, de; 1674–1747), граф, морской министр Франции в 1699–1715 — 305
- Поншартрен Луи Фелипо, де (Pontchartrain Louis Phélyreaux, de; 1643–1727), граф, канцлер при Людовике XIV и морской министр Франции — 84
- Поп Иван* (р. 1938), историк, публицист — 120–121
- Порошин Семён Андреевич* (1741–1769), публицист, мемуарист, один из воспитателей цесаревича Павла Петровича — 279
- Портланд Вильгельм Бентик (1649–1709), гр., английский посол во Франции — 149
- Порше Ж.*, французский историк — 327
- Постников Пётр Васильевич (1666–после 1716), представитель Петра I за границей, доктор философии и медицины — 145–151, 293
- Потёмкин Григорий Александрович (1739–1791), светл. кн. с 1776, государственный деятель — 278
- Потоцкий Юзеф (Potocki Józef; 1673–1751), военный и политический деятель Речи Посполитой — 128
- Похлёбкин Вильям Васильевич* (1923–2000), историк, геральдист, специалист по истории международных

- отношений и истории кулинарии — 144
- Прияткин Дмитрий Александрович* (р. 1953), писатель, переводчик, филолог — 99
- Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), поэт, писатель, драматург — 17–18, 273
- Пфлюг Август Фердинанд, фон (Pflug August Ferdinand, von; 1662–1712), гр., обер-гофмаршал, саксонский министр — 168, 170
- Пэн Антуан (Pesne Antoine; 1683–1757), придворный художник прусского короля с 1711 — 54–55, 61
- Рагузинский Савва Лукич — см. Владиславич-Рагузинский Савва Лукич
- Рагузинский-Владиславич Савва Лукич — см. Владиславич-Рагузинский Савва Лукич
- Радищев Александр Николаевич (1749–1802), прозаик, поэт, философ — 273
- Ракоци Ференц — см. Ференц II Ракоци
- Ракоши Матьяш (Rákosi Mátyás; 1892–1971), венгерский коммунистический деятель — 119
- Рамбо Альфред Никола (Rimbaud Alfred Nicolas; 1842–1905), французский историк — 33
- Ранк Конрад Фрайгер, фон (Freiherr Conrad, von Ranck; 1664–1739), генерал-лейтенант — 57
- Раскин Абрам Григорьевич (р. 1924), историк искусства, краевед — 217–221, 233, 238
- Растрелли Бартоломео Карло (Rastrelli Bartolomeo Carlo; 1675–1744), итальянский скульптор и архитектор — 38, 152, 221, 241, 334, 403
- Раух Кристиан Даниэль (Rauch Christian Daniel; 1777–1857), немецкий скульптор — 78
- Реброва Роксана Викторовна (урожд. Любина: р. 1964), искусствовед, геральдист — 23, 257–258, **263**
- Режис Жан-Баттист (Régis Jean-Baptiste; 1663–1738), французский иезуит — 294
- Ренго Бенжамен (Ringot Benjamin)*, французский историк — 198, 210
- Рённе Карл Эвальд, фон (Рейн Карл Магнусович, Rénne Carl Ewald, von; 1663–1716), барон, генерал, сподвижник Петра I — 128
- Реомюр Рене-Антуан Фершо, де (Réaumur René Antoine, de; 1683–1757), французский естествоиспытатель, математик, физик и химик — 305–307
- Репин Николай Николаевич* (р. 1935), историк — 269
- Репнин Аникита Иванович (1668–1726), кн., военачальник и государственный деятель — 24, 51
- Ржеуцкий Владислав Станиславович* (р. 1970), историк — 85, 191
- Риго Гиацинт (Rigaud Hyacinthe; 1659–1743), французский худ., мастер парадного портрета — 246–249, 358
- Рипа Маттео (Ripa Matteo; 1682–1746), итальянский священник — 294
- Ришелье Луи Франсуа дю Плесси, де (Richelieu Louis François du Plessis, duc de; 1696–1788), герцог, маршал Франции с 1748
- Ришелье, герцог — 214, 327
- Робинэ Арно, мэр Реймса — 11
- Ровинский Дмитрий Александрович (1824–1895), юрист, историк искусства, составитель справочников по русским портретам и гравюре — 244
- Романовы, династия русских царей с 1613, а с 1721 — российских императоров — 21, 180
- Ромодановский Фёдор Юрьевич (ок. 1640–1717), князь-«кесарь», государственный деятель — 172
- Ронин Владимир Карлович (р. 1958), историк, филолог, переводчик — 26
- Ропп Христиан Фромгольд (ум. 1728), командующий русским гренадёрским полком — 128–129
- Рост (нач. XVIII в.), австрийский генерал, комендант крепости Эренберг — 137

- Рубенс Питер Пауль (Rubens Pieter Paul; 1577–1640), нидерландский живописец 39
- Рудзини Карло (Ruzzini Calo; 1653–1735), венецианский дипломат — 388
- Румянцев Александр Иванович (1680–1749), гр., военачальник, дипломат — 72, 75, 140, 142, 383
- Руссо Жан-Жак (Rousseau Jean-Jacques; 1712–1778), французский философ, писатель, мыслитель — 17
- Рюйш Фредерик (Ruysch Frederik; 1638–1731), голландский анатом — 25
- Рюллениер (Rüllener; нач. XVIII в.), выдавал себя за керамического мастера из Голландии — 260
- Саваренская Татьяна Фёдоровна* (1923–2003), архитектор, педагог — 193
- Саверкина Ирина Витальевна*, историк, музейный работник — 250
- Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (наст. фамилия Салтыков, псевдоним Николай Щедрин; 1826–1889), писатель, журналист — 273
- Сатерленд (Charles Spencer, 3rd Earl of Sunderland; 1674–1722), лорд, британский государственный деятель — 107
- Себастьян (Трюше Жан; 1657–1729), французский монах, математик и изобретатель — 40
- Севель Вильям (Sewel Willem; 1653–1720), голландский лингвист — 56
- Семевский Михаил Иванович (1837–1892), историк — 112, 379
- Семёнов Иван (пер. треть XVIII в.), столярных дел мастер — 319
- Семёнов Илья (пер. треть XVIII в.), пивовар — 353–354
- Семёнова Лидия Николаевна* (1937–1993), историк — 269–270
- Семенцов Сергей Владимирович* (р. 1952), архитектор, историк архитектуры — 192–193
- Сен-Симон Луи де Рувруа (1675–1755), герцог, мемуарист, автор хроники событий версальского двора — 33, 213, 230, 246, 363
- Сергеев Егор (пер. треть XVIII в.), торговый агент в Париже, курьер походного кабинета — 349, 353
- Сергеев Фёдор Павлович* (р. 1930), филолог — 391
- Сергеенко Инна Ивановна, историк искусства — 251–254, 260–261
- Сереньи Шарль де, актёр и антрепренёр французской труппы, выступавшей в Петербурге в 1742–1758 гг. — 16
- Сиверс Вибе (пер. треть XVIII в.), голландский шкипер — 275
- Синявин (Сенявин) Ульян Акимович (ок. 1679–1740), организатор судостроения — 258
- Скляев Федосей Моисеевич (1672–1728), кораблестроитель, капитан корабельный — 75
- Смагина Галина Ивановна (р. 1951), историк — 30, **310**
- Смирнов Н. А.* (нач. XX в.), филолог — 349–350, 353
- Соколов Борис Михайлович (р. 1959), историк искусства — 26, 31, **223**
- Соколов Всеволод*, историк архитектуры — 192
- Соловьёв Осип Алексеевич (1671–1747), барон с 1727, купец, торговый комиссар в Голландии — 385
- Соловьёв Сергей Михайлович (1820–1879), историк — 93, 97, 119, 122, 124, 133, 158–159
- Сон Николая, де (Nicolas de Son, Deson; XVII в.), французский график и гравёр — 47
- София Ганноверская (Sophie, von Hannover, Sophie, von der Pfalz; 1630–1714), принцесса Пфальцкая, в замужестве герцогиня Брауншвейг-Люнебурга, курфюрстина Брауншвейг-Люнебурга, мать прусской королевы и короля Великобритании Георга I — 51, 171, 283, 286, 288

- София Шарлотта Ганноверская (Sophie Charlotte, von Hannover; 1668–1705), прусская королева с 1701 — 52, 283
- Софья Алексеевна (1657–1704), царевна, дочь царя Алексея Михайловича — 109–110, 399
- Станислав I Лещинский (1677–1766), король польский и великий князь литовский, затем герцог Лотарингии, тесть короля Франции Людовика XV — 112–113, 122, 124, 127, 154, 158, 160–161
- Станислав II Шембек (1650–1721), архиепископ Гнезненский и примас Польши с 1706 г. — 161
- Станюкович Татьяна Владимировна* (1916–1992), этнограф, историк — 330
- Степанов Валерий Леонидович (р. 1957), историк — 20, 72
- Стефан (Яворский; 1658–1722), митрополит Рязанский и Муромский с 1700 г. — 115–116
- Стефан Баторий (Иштван Батори, Stefan Batory; 1533–1586), король польский и великий князь литовский — 122
- Стеффано Джованни (пер. треть XVIII в.), агент Петра I в Антверпене, купец, банкир — 75
- Столяров Юрий Николаевич (р. 1938), книговед — 325
- Стэнхоуп Джеймс Честерфилд (Stanhope James; 1673–1721), гр., английский полководец и государственный деятель — 95, 136
- Стэр (John Dalrymple, 2nd Earl of Stair; 1673–1747), лорд, британский дипломат — 107
- Стюарты (Stuart), королевская династия Шотландии, Англии, Ирландии — 34, 102
- Суалем Поль (Sualem Paul; кон. XVII в. — 1742), французский фонтанный мастер, создатель фонтанов в Петергофе — 211
- Суалем Реннекен (Sualem Rennequin; 1645–1708), бельгийский (валлонский) инж.-гидравлик — 213
- Субейран Пьер (Soubeugan Pierre; 1709–1775), французский гравёр — 244
- Суворов Иван Иванович (пер. треть XVIII в), отправлен Петром I во Францию и Голландию в 1715 г. учиться — 332–333, 336–337
- Сусье Этьен (Souciet Étienne; 1671–1744), французский священник, иезуит — 298
- Сухомлинов Михаил Иванович (1828–1901), филолог, литературовед — 317, 321
- Схап Мария (1658–1725), супруга комиссара Ботанического сада Амстердама — 386
- Сытин Андрей Кириллович*, биолог, историк науки — 312
- Талалай Михаил Григорьевич (р. 1956), историк, литератор, исследователь русского зарубежья — 26, 39, 108, 114, 117
- Таннауер Иоганн Готфрид (Tannauer Johann Gottfried, возможно Dannhauer, в дореволюционной литературе именовался Дангауэром; 1680–1737), немецкий живописец, портретист, придворный худ. при Петре I — 241–242, 244
- Тарле Евгений Викторович (первоначальное имя: Тарле Григорий Вигдорович; 1874–1955), историк — 159, 160, 161
- Тартр Пьер Венсан, де (Tartre Pierre Vincent, de; 1669–1734), французский иезуит — 294
- Татищев Алексей Данилович (1697–1760), генерал-аншеф, служил денщиком у Петра I — 336
- Татищев Афанасий Данилович (1685–1750), служил денщиком Петра I — 345, 348, 350, 354
- Тауншенд Чарльз (Townshend Charles; 1674–1738), британский политический деятель — 95
- Тверской Лев Михайлович* (1889–1972), архитектор, градостроитель — 192

- Телеман Георг Филипп (Telemann Georg Philipp; 1681–1767), немецкий композитор — 56
- Тессе Рене Ман де Фрулаэ, де (R. M. de Froulay, comte de Tessé; 1648–1725), граф, маршал — 35, 370
- Тихомиров Афанасий (пер. треть XVIII в.), капитан-поручик Преображенского полка — 343
- Токке Луи (Tosqué Louis; 1696–1772), французский художник-портретист — 247
- Толстой Иван Петрович (1685–1728), гр. с 1724, государственный деятель — 353
- Толстой Пётр Андреевич (1645–1729), гр. с 1724, государственный деятель, дипломат — 72, 75, 140, 142, 377–378
- Тома де Томон Жан-Франсуа (Thomas de Thomon Jean-François; 1760–1813), французский архитектор — 17
- Томас Фридрих (Thomas Friedrich; 1665–1718), мекленбургский профессор истории — 51
- Торси Жан-Батист Кольбер, де (marquis de Torcy Jean-Baptiste Colbert; 1665–1746), маркиз, французский дипломат, министр иностранных дел Франции при Людовике XIV — 127
- Торшин Евгений Николаевич*, археолог — 264
- Трезини Доменико (Trezzini Domenico; ок. 1670–1734), архитектор — 194, 196, 204, 218–219, 264
- Троицкий Сергей Мартинович* (1930–1976), историк — 308
- Трубецкой Юрий Юрьевич (1668–1739), кн., государственный деятель — 145, 171, 174
- Туволков Василий Григорьевич (1697–1727), инженер-гидравлик — 216, 332–333
- Тулузский Луи Александр де Бурбон (Bourbon Louis Alexandre de, comte de Toulouse; 1678–1737), граф, маршал Франции, внебрачный сын Людовика XIV и маркизы де Монтеспан — 361, 372
- Турау Готфрид (Turau Gottfried; 1668–1720), данцигский художник — 55
- Турау Никлас (Николас, Turau; посл. треть XVII в.), данцигский янтарный мастер — 55
- Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), писатель, поэт, публицист, переводчик — 17, 276
- Турилова М. А.*, историк — 146
- Турилова Светлана Леонидовна*, историк, архивист — 146
- Удри Жан-Батист (Oudry Jean-Baptiste; 1686–1755), французский живописец — 246, 337, 339
- Уитворт Чарльз (Whitworth Charles; 1675–1725), барон, английский дипломат — 103
- Украинцев Емельян Игнатьевич (1641–1708), думный дьяк, дипломат — 159
- Ульрика Элеонора (Ulrika Eleonora; 1688–1741), королева Швеции с 1720 г. — 57
- Уляницкий Владимир Антонович* (1855–ок. 1917), юрист, историк — 86, 146
- Урбих Иоганн Кристоф, фон (Urbich Johann Christof, von; 1653–1715), барон, министр при венском дворе, с 1703 на российской дипломатической службе — 132, 165, 176, 285, 392
- Успенский Борис Андреевич* (р. 1937), филолог, лингвист, семиотик — 115
- Устрялов Николай Герасимович (1805–1870), историк, археограф, педагог — 134, 136–140, 142, 159–160
- Фальконе Этьен Морис (Falconet Étienne Maurice; 1716–1791), французский скульптор — 17, 243
- Фарварсон Генри (Андрей Данилович, Farquharson Henry; 1674–1739), шотландский специалист в математике, астрономии, морских науках, с 1698 на русской службе — 22

- Фёдорова Ольга Борисовна (р. 1964), филолог — 292
- Фейгина Софья Ароновна (1897–1983), историк — 26, 94, 135–136
- Фейль (Фейлер) Ян (Иоганн; пер. треть XVIII в.), лекарь — 345, 354
- Фелибьен Андре (Félibien André; 1619–1695), французский историк искусства — 210
- Фельдман Джозеф (Feldman Józef; 1899–1946), польский историк — 164
- Феофан (Прокопович; 1681–1736), архиепископ Новгородский с 1725 г. — 115–116, 155, 312
- Фергас (Форгас; пер. треть XVIII в.), голландский капитан — 351–353
- Фердинанд I Габсбург (Ferdinand I; 1503–1564), король Венгрии и Богемии с 1526, король Германии (римский король) с 1531, император Священной Римской империи с 1556 г. — 119
- Ференц II Ракоци (II. Rákóczi Ferenc; 1676–1735), кн. Трансильвании с 1704, руководитель нац.-освободит. войны венгерского народа 1703–1711 гг. — 21, 119–132, 159
- Филипп II Орлеанский (Philippe, duc d'Orléans; 1674–1723), герцог, регент Французского королевства при малолетнем короле Людовике XV, племянник короля Людовика XIV — 14, 35, 96, 133, 197, 303, 335–336, 360, 372
- Филипп V (Felipe V; 1683–1746), король Испании — 94, 97
- Филипп Орлеанский — см. Филипп II Орлеанский
- Филипп, герцог Анжуйский — см. Филипп V
- Флемминг Якоб Генрих, фон (Flemming Jacob Heinrich Reichsgraf, von; 1667–1728), государственный и военный деятель Саксонии и Речи Посполитой — 53, 178–179
- Флоровский Антоний Васильевич (Florovskij A. V.; 1884–1968), российский историк-эмигрант — 62
- Фогель Бернгард (Vogel Bernhard; 1683–1737), немецкий гравёр — 177
- Фоле Пьер (Фоллет Этьен; Фолле Пре; Follette Pierre; ум. не ранее 1720), французский резчик, ювелир, скульптор по дереву — 16
- Фонвизин Денис Иванович (1745–1792), литератор, государственный деятель — 273
- Фонтане Жан, де (Fontaney Jean de; 1643–1710), французский иезуит — 295
- Фонтен Антуан (Fontaine Antoine; пер. треть XVIII в.), нидерландский худ. — 78
- Фонтенель Бернар Ле Бовья, де (Fontenelle B. Le B.; 1657–1757), французский писатель, учёный — 290, 302
- Франц (пер. треть XVIII в.), французский мастер по изготовлению инструментов — 345
- Фредерик IV (Frederik IV; 1671–1730), король Дании и Норвегии — 24, 63, 167, 175, 378–380
- Фредерик V (Frederik V, 1723–1766), король Дании и Норвегии — 277
- Фредрик I (Fredrik I; 1676–1751), король Швеции с 1720 г. — 56
- Фриделли Ксавьер Эренберт (Fridelli Xavier Ehrenbert; 1673–1743), австрийский иезуит — 294
- Фридрих I (Friedrich I; 1657–1713), курфюрст Бранденбурга с 1688, прусский король с 1701 г. — 22, 55
- Фридрих II Великий (Friedrich II; 1712–1786), прусский король — 227
- Фридрих Вильгельм (Friedrich Wilhelm Kettler; 1692–1711), герцог Курляндской, супруг будущей императрицы Анны Иоанновны — 21
- Фридрих Вильгельм I (Friedrich Wilhelm I; 1688–1740), прусский король с 1713, курфюрст Бранденбурга — 25, 53–54, 58, 62, 64, 179, 376
- Фридрих Гессен-Кассельский — см. Фредерик I

- Фуке Никола (Fouquet Nicolas; 1615–1680), суперинтендант финансов Франции в ранние годы правления Людовика XIV — 224–225
- Фундаминский Михаил Исаакович (*Fundaminskij Michail I.*; 1950–2006), советский и германский историк — 62
- Функе Корнелиус (Funcke Cornelius; пер. треть XVIII в.), владелец фаянсовой мануфактуры в Берлине — 259
- Фюрстенберг Антон Эгон (Fürstenberg-Heiligenberg Anton Egon, von; 1656–1716), имперский князь из баварского рода Фюрстенбергов, наместник Саксонии (1697–1716) в период пребывания Августа Сильного на королевском троне Речи Посполитой — 170, 177
- Харабуга Виктор Васильевич* (р. 1949), историк — 278
- Хартанович Маргарита Фёдоровна*, историк — 321
- Хартанович Мария Валерьевна*, филолог — 321
- Хеемс Арнольд, фон (Heems Arnold, von; ум. 1718), барон, глава австрийской миссии в Нидерландах с 1707 г. — 134
- Хиндерер Романус (Hinderer Romanus; 1668–1744), французский иезуит — 294
- Хмелевских Ирина Васильевна* (р. 1969), искусствовед — 36, 39, 322–323
- Хомберг Вильгельм (Гийом), фон (Homberg Wilhelm; 1652–1715), французский химик, медик, естествоиспытатель — 303
- Хотеев Павел Иванович (р. 1950), книговед — 324
- Хубракен Якоб (Houbraken Jacobus; 1698–1780), голландский гравёр на меди — 348
- Хук (Гук) Роберт (Hooke Robert; 1635–1703), английский естествоиспытатель и изобретатель — 282
- Хук Йоханн (1666–1727), купец, ратсгер, бургомистр Ревеля — 188
- Хульденберг Даниэль Эразмус (Huldenberg Daniel Erasmus Freiherr, von; 1660–1733), британский посол при дворе императора Карла VI — 139
- Цин, последняя императорская династия Китая, правившая страной с 1644 по 1912 г. — 294
- Цинцендорф Франц Людвиг, фон (Zinzendorf Franz Ludwig, von; 1661–1742), имперский граф, австрийский генерал и посол — 148
- Ченс (Чанс) Джеймс Фредерик (Chance James Frederick; 1856–1938), британский историк, специалист по истории британской внешней политики пер. пол. XVIII в. — 93, 95, 101
- Черкасов Иван Антонович (1692–1758), барон с 1742, государственный деятель — 72, 343–345, 351, 354
- Черкасов Пётр Петрович (р. 1946), историк — 91
- Черкасский Алексей Михайлович (1680–1742), кн., канцлер Российской империи — 255
- Честихин Лука (пер. треть XVIII в.), барон, придворный карлик — 354
- Чиприани Себастиано (Cipriani Sebastiano; 1660–1740), итальянский архитектор, автор нереализованного проекта Константиновского дворца в Стрельне — 230
- Чистов Юрий Кириллович (р. 1954), антрополог, историк — 321
- Чокловский Александер Сас (1865–1944), польский галицкий историк, архивист
- Чугунова Ксения Сергеевна, старший научный сотрудник отдела Научно-технической экспертизы памятников — 267
- Чулков Михаил Дмитриевич (1743–1792), издатель, писатель, историк — 277

- Шалль фон Белль Адам** (Schall von Bell Johann Adam; 1592–1666), немецкий монах-иезуит, астроном, миссионер — 297
- Шарандак Наталья Павловна*, искусствовед — 243
- Шарбонье Мартин** (Martin Charbonnier; 1655–1720), немецкий придворный садовник — 51
- Шарлотта Амалия Гессен-Ванфридская** (1679–1722), принцесса, кн. Трансильвании, жена Ференца II Ракоци — 120
- Шарлотта Кристина (Христина) София** (Шарлотта-София) Брауншвейг-Вольфенбюттельская (Charlotte Christine Sophie von Braunschweig-Wolfenbüttel; 1694–1715), принцесса, супруга царевича Алексея Петровича — 21, 51, 132, 136–137, 165–168, 175, 180
- Шартрский, герцог** — см. Луи IV Орлеанский, герцог Шартрский
- Шарыкин Андрей** (пер. пол. XVIII в.), мастер столярного дела — 253
- Шатохина-Мордвинцева Галина Алексеевна*, историк — 251
- Шафиров Пётр Павлович** (1669–1739), барон, дипломат — 72, 141, 246, 327, 347, 377–378, 383
- Шафрановский Константин Иларионович** (1900–1973), библиограф — 318–319, 322
- Шахт Регина** (урожд. Турау; пер. треть XVIII в.), сестра данцигского художника Готфрида Турау — 55
- Шахт Эрнст Фридрих** (Schacht Ernst Friedrih; 1656 — не ранее 1709), данцигский янтарный мастер — 55
- Шварц Искра** (Schwarz Iskra; р. 1953), австрийский историк — 26, 133, 176
- Швидковский Дмитрий Олегович* (р. 1959), искусствовед, историк архитектуры — 193
- Шембек Станислав** — см. Станислав II Шембек
- Шёнборн Иоганн Филипп, фон** (Schönborn Johann Philipp, von; 1605–1673), с 1647 курфюрст-архиепископ Майнцский — 282
- Шёнборн Фридрих Карл, фон** (Schönborn; 1674–1746), имперский вице-канцлер с 1705 по 1731 г. — 134, 137, 139
- Шенк Питер Старший** (Schenck Pieter; 1660/61–1718/19), немецкий издатель — 175
- Шереметев Борис Петрович** (1652–1719), гр. с 1706, генерал-фельдмаршал — 128–129, 156, 163, 392
- Шереметер Пётр Петрович** (по франц. паспорту Chéremetieff Pierre; р. 1931), гр., архитектор, меценат, общественный деятель — 11
- Шефтер Марк Юрьевич* (1902–1985), американский специалист по древнерусской литературе, русский эмигрант — 394
- Шилков Владимир Фёдорович** (1903–после 1974), архитектор — 192, 232–233, 235, 237–238
- Шиппан Михаэль** (Schippan Michael; р. 1955), немецкий историк — 20, 25, 50, 65–66
- Шиц** (нач. XVIII в.), немецкий инженер-гидравлик, с 1715 работал в России — 235
- Шишкин Андрей Борисович* (р. 1954), филолог — 115
- Шквариков Вячеслав Алексеевич* (1908–1971), архитектор — 193
- Шлейниц Ганс Христофор** (Schleinitz Johann Christoph, von; нач. XVIII в.), барон, выходец из герцогства Брауншвейг-Вольфенбюттель, с 1711 посланник России в Ганновере — 146, 148, 287
- Шлиппенбах Вольмар Антон, фон** (Schlippenbach Wolmar Anton, von; 1653–1721), шведский военачальник — 182–185
- Шлютер Андреас** (Schlüter Andreas; 1660–1714), немецкий архитектор, с 1713 на русской службе — 22, 55, 217, 330
- Шмидт Иоганн** (кон. XVII в.), австрийский патер, с 1684 обосновавшийся в Москве — 109

- Шмурло Евгений Францевич (1853/1854–1934), историк — 113, 388–389
- Шнакенбург Эрик (Schnakenbourg Éric), французский историк, специалист по истории международных отношений XVII–XVIII вв. — 91
- Шобер Готлиб (Schober Gottlieb; ок. 1670 или 1672–1739), немецкий медик, с 1713 на русской службе — 30, 78–79, 310–311
- Шор Татьяна Кузьминична* (р. 1948), эстонский историк, филолог — 184
- Шрадер Татьяна Алексеевна* (р. 1939), историк — 192–193
- Штелин Якоб (Яков Яковлевич) (1709–1785), гравёр, картограф, меуарист — 243
- Штендман Георгий Фёдорович* (1836–1903), историк — 197
- Штернберг Яков Исаакович* (1924–1993; венгерский псевдоним Váradí-Sternberg János), историк, педагог, краевед — 123
- Штибер Фридрих (Stieber Georg Friedrich; 1684–1755), мекленбургский профессор истории, пастор, библиотекарь — 51, 60
- Штрейс Денис Станиславович*, историк, политолог — 149
- Шумахер Иван Данилович (Иоганн Даниэль, Schumacher Johann Daniel; 1690–1761), деятель русской науки немецкого происхождения — 289, 294, 311, 319–321, 324–330
- Щепотев А. И. (пер. треть XVIII в.), поручик — 251–252, 302
- Щербаков В. И.*, литературовед — 392
- Щербатов Михаил Михайлович (Schtscherbatow Michel; 1733–1790), кн., русский историк, публицист, философ — 60, 269–270
- Щербатов Юрий Фёдорович (ум. 1737), кн., окольничий, позже бригадир, в монашестве с 1732 — Софроний — 252
- Щербина Михаил Георгиевич, филолог — 43, 280, 301, 374
- Эггбрехт Анна Элизабет (пер. треть XVIII в.) — 260
- Эггбрехт Питер (Eggebrecht Piter; пер. треть XVIII в.), голландский керамический мастер, с 1718 на русской службе — 259–262
- Эйлер Леонард (Euler Leonhard; 1707–1783), швейцарский, немецкий и российский математик и механик — 281
- Элбрехт Вилим (пер. пол. XVIII в.), гончарный мастер, с 1717 на русской службе — 256–257
- Элбрехт Вилим Вилимович (сер. XVIII в.), гончар и живописец по керамике — 257
- Эллар Клод (Hellart Claude; втор. пол. XVII в.), французский худ. — 43
- Эрнст Август Брауншвейг-Каленбергский (Ernst August, von Braunschweig-Calenberg; 1629–1698), герцог Брауншвейг-Каленберга с 1679, курфюрст Ганновера — 283
- Эстре Виктор Мари, де (d'Estrées Victor Marie; 1660–1737), герцог, маршал Франции с 1703, председатель морского совета — 138, 246, 335, 337–341
- Юксель Николя дю Бле, д' (д'Юксель Nicolas, de Blé; 1652–1730), маркиз, маршал Франции с 1703 г. — 35, 370
- Юрий (нач. XVIII в.), подмастерье со Стрельнинских кирпичных заводов — 253–254
- Юров Алексей Иванович (1690–1732), денщик Петра I, русский агент во Франции — 341
- Юст Юль (Just Juel; 1664–1715), датский вице-адмирал, посланник Дании в России — 131
- Ягужинский Павел Иванович (1683–1736), гр. с 1731, государственный деятель, дипломат — 246
- Яков II Стюарт (James II; 1633–1701), король Англии, Шотландии и Ирландии — 295

- Яковлев Александр Андреевич* (пер. пол. XVIII в.), секретарь имп. Екатерины I — 379, 387
- Яковлев Виктор Михайлович*, независимый исследователь — 295
- Якуб Людвик Собеский* (Sobieski Jakub Ludwik; 1667–1737), претендент на престолы Речи Посполитой, Прусского и Венгерского королевств — 159
- Ян III Собеский* (Jan III Sobieski; 1629–1696), король польский и великий князь литовский с 1674 г. — 108, 122
- Янкович Мария Люция* (урожд. Фальконет, Falconet Marie Lucie; нач. XIX в.), баронесса, внучка скульптора Э. М. Фальконе — 243
- Янсен Питер* (пер. треть XVIII в.) — 347
- Янус Кристан Фридрих* (ум. 1716), бургомистр Торгау — 177
- Ярослав Мудрый* (ок. 978–1054), князь ростовский, позже новгородский, позже великий князь киевский в 1016–1018, 1019–1054, сын князя Владимира Святославича — 11
- Ястребов Алексей Олегович* (р. 1970), протоиерей — 29, **402**
- Ястребов Николай Владимирович* (1869–1923), историк — 157

IX Международный петровский конгресс
Париж – Реймс, 20–22 апреля 2017 года

Посол России во Франции А. К. Орлов выступает на открытии конгресса.
20 апреля 2017 года.

Постоянный секретарь Академии надписей и изящной словесности Мишель Зинк, представитель Правительства Франции по развитию связей с Россией Жан-Пьер Шевенман, постоянный секретарь Французской академии Элен Каррер д'Анкос. 20 апреля 2017 года.

Постоянный секретарь Французской академии Элен Каррер д'Анкос.
20 апреля 2017 года.

Профессор Е. В. Анисимов выступает с пленарным докладом.
20 апреля 2017 года.

Постоянный секретарь Академии Наук Франции Катрин Брешиньяк.
20 апреля 2017 года.

Посол А. К. Орлов вручает знамя Петровской программы
Министру культуры Астраханской области Г. А. Зотеевой.
20 апреля 2017 года.

Е. В. Анисимов, И. Д. Гузевич, Д. Ю. Гузевич, О. Л. Лейкинд.
20 апреля 2017 года.

Участники Петровского конгресса сажают памятное дерево
на территории Российского духовно-культурного православного центра.
20 апреля 2017 года.

А. В. Кобак, Е. Я. Кальницкая, А. К. Орлов на приеме
во Французском институте. 20 апреля 2017 года.

Постоянный секретарь Академии надписей и изящной словесности
Мишель Зинк, постоянный секретарь Французской академии Элен Каррер
д'Анкос, постоянный секретарь Академии Наук Франции Катрин Брешиньяк
принимают делегацию Петровского конгресса во Французском институте.
20 апреля 2017 года.

Профессор Е. В. Анисимов дает интервью.
20 апреля 2017 года.

Открытие выставки «1717: Царь в Париже. К 300-летию визита
Петра Великого во Францию» в выставочных залах
Российского духовно-культурного православного центра.
20 апреля 2017 года.

Профессор Венского университета Искра Шварц.
20 апреля 2017 года.

Профессор Саратовского государственного университета С. А. Мезин
и владелец Дома шампанского Пьер-Эммануэль Тэтэнже.
20 апреля 2017 года.

Прием для участников конгресса в Мэри Реймса.
22 апреля 2017 года.

Владелец Дома шампанского Пьер-Эммануэль Тэтэнже демонстрирует мемориальную доску в честь посещения Петром I винных подвалов, ныне принадлежащих Дому Тэтэнже. 22 апреля 2017 года.

ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

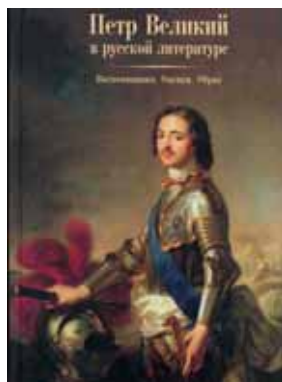
Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. **Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006.** Науч. ред. Э. Вагеманс. СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2008. 912 с.

Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. **Великое посольство: Рубеж эпох, или начало пути: 1697–1698.** СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 696 с., илл.

Пётр Великий в русской литературе: Воспоминания. Оценки. Образ. Сост., вст. статья, прим. И.Н. Сухих. СПб.: Геликон Плюс, 2009. 552 с., илл.

Максимов Е.К., Мезин С.А. Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб.: Европейский Дом, 2011. 178 с., илл.

Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: в 3 ч. Часть 1: 1706–1713 годы. Часть 2: 1714 год. Часть 3: 1715–1723 годы / Изд. подгот. Т.А. Базарова и Ю.Б. Фомина. Сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Базаровой. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2011. 416, 453, 464 с.

Культурные инициативы Петра Великого: Материалы II Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 9–11 июня 2010 года. Научн. ред. Е.В. Анисимов, Н.Л. Корсакова. Сост. Е. В. Анисимов, М.Г. Вадейша, А.В. Кобак. СПб.: Европейский Дом, 2011. 294 с., илл.

Андреева Е.А. Рождение Петербурга.
СПб.: Лики России, 2011. 184 с., илл.

Юркин И.Н. Пётр железный. Пётр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы. СПб.: Европейский Дом, 2012. 352 с., илл.

Петровские реликвии в собраниях России и Европы: Материалы III Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–10 июня 2011 года. Научн. ред. Е.В. Анисимов, Н.Л. Корсакова. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, И.Ф. Свищерская. СПб.: Европейский Дом, 2012. 352 с., илл.

Столицы и провинция: К 300-летию перенесения столицы из Москвы в Санкт-Петербург. Материалы IV Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–9 июня 2012 года. Научн. ред. Е.В. Анисимов. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, И.Ф. Сви-дерская. СПб.: Европейский Дом, 2013. 344 с., илл.

Кросс Э. Английский Пётр: Пётр Великий глазами британцев XVII – XX веков. Пер. с англ. М.А. Вишнякова. СПб.: Европейский Дом, 2013. 232 с., илл.

Вагеманс Э. Царь в Республике: Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717 гг.). Пер. с нидерланд. В.К. Ронина. СПб.: Европейский Дом, 2013. 256 с., илл.

Гузевич Д.Ю. **Захоронения Лефорта и Гордона: Могилы, кладбища, церкви. Мифы и реалии.** СПб.: Европейский Дом, 2013. 336 с., илл.

Макаров Б. **Голландские садовые мастера в Петербурге в первой половине XVIII века.** СПб.: Из-во ВМА, 2013. илл.

Россия—Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 года. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина. СПб.: Европейский Дом, 2014. 558 с., илл.

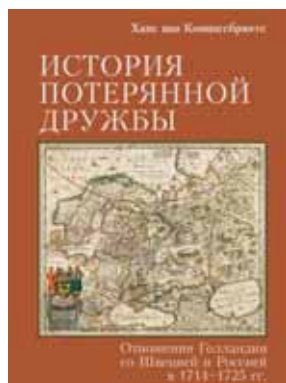

Царь-плотник во Фландрии: История одной легенды. Две повести Абрахама Ханса. Публ., коммент., статьи: Эммануэль Вагеманс, Дмитрий Гузевич; пер. с нидерланд.: Владимир Ронин; рис.: Владимир Ненашев. СПб.: Европейский Дом, 2014. 106 с., илл.

А.Л. Пунин. **Санкт-Петербург в эпоху Петра Великого: Градостроительное развитие новой столицы России и стилевые особенности петровского барокко.** Часть 1. СПб.: Лики России, 2014. 216 с., илл.

Ханс ван Кoningсбрюгге. **История потерянной дружбы: Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714–1725 гг.** Пер. с нидерланд. В.К. Ронина. СПб.: Европейский Дом, 2014. 256 с., илл.

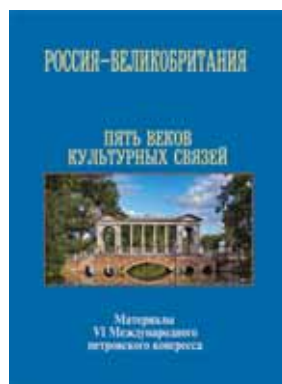
Сергей Мезин. Пётр I во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015. 312 с., илл.

Дворцы Романовых как памятники истории и культуры. Материалы международной конференции. Санки-Петербург—Царское Село—Петергоф, 7–9 октября 2013 года. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, А.Д. Марголис. СПб.: Европейский Дом, 2015. 540 с., илл.

Россия—Великобритания: Пять веков культурных связей. Материалы VI Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 6–8 июня 2014 года. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина. СПб.: Европейский Дом, 2015. 768 с., илл.

Петровские памятники России и Европы: Изучение, сохранение, культурный туризм. *Материалы VII Международного петровского конгресса.* Санкт-Петербург 5–7 июня 2015 года. Сост. А.В. Кобак, О.В. Кувалдина СПб.: Европейский Дом, 2016. 696 с., илл.

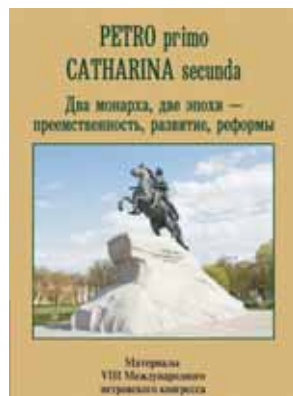

Версаль и Марли: Сады Людовика XIV. Альбомы, подаренные Петру I герцогом д'Антенном в 1717 году. Ред.-сост. Д. Гузевич, И. Гузевич, Б. Бенц. СПб.: Европейский Дом, 2017. 396 с., илл.

Баггер Ханс. Пётр Великий в Дании в 1716 году: Переломный момент датско-российских отношений. Ред.-сост. Д. Гузевич, И. Гузевич. Пер. с датского Борис Жаров. СПб.: Европейский Дом, 2017. 188 с.

PETRO primo CATHARINA secunda. Два монарха, две эпохи — преемственность, развитие, реформы. *Материалы VIII Международного петровского конгресса.* Санкт-Петербург, 10–11 июня 2016 года. Сост. Д.Ю. Гузевич, А.В. Кобак, М.В. Петрова. СПб.: Европейский Дом, 2017. 570 с., илл.

Европейские маршруты Петра Великого: К 300-летию визита Петра I во Францию. *Материалы IX Международного петровского конгресса.* Париж — Реймс, 20–22 апреля 2017 года. Сост. Д.Ю. Гузевич, А.В. Кобак, М. В. Петрова. СПб.: Европейский Дом, 2018. 464 с., илл.

Россия и Франция: Культурный диалог в панораме веков. *Материалы X Международного петровского конгресса.* Санкт-Петербург, 9–10 июня 2017 года. Сост. Д.Ю. Гузевич, А.В. Кобак, М. В. Петрова. СПб.: Европейский Дом, 2018. 584 с., илл.

Европейские маршруты Петра Великого

К 300-летию визита Петра I
во Францию

Материалы
IX Международного петровского конгресса

Париж—Реймс
20—22 апреля 2017 года

Директор издательства
Е.Н. Кальщиков
Оформление, оригинал-макет
Т.Б. Николаева

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Печ.л. 29.
Тираж 350 экз.
Заказ №

Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 27-29
E-mail: evrodom2006@list.ru

Отпечатано в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В.О., 12/28